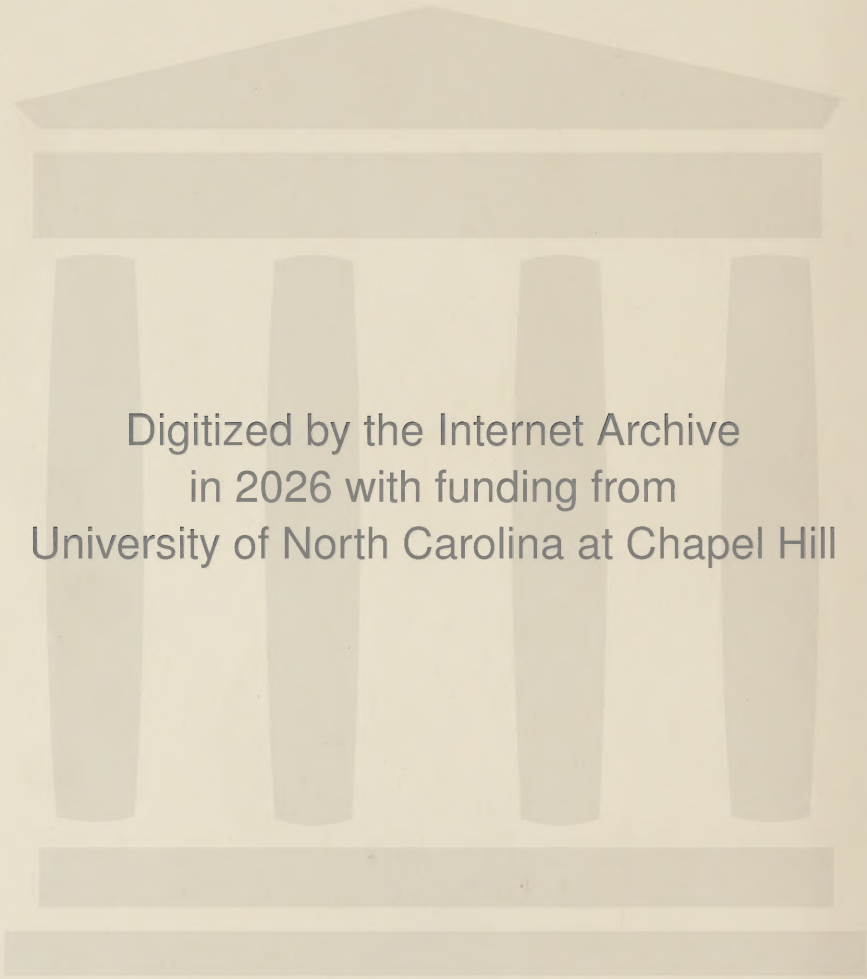
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HM101
.A637
1926

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008753011


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/istoriiarazvitii00andr

КОМ. УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ТОВ. ЗИНОВЬЕВА

Н. АНДРЕ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

„ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД
1926

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ТОВ. ЗИНОВЬЕВА

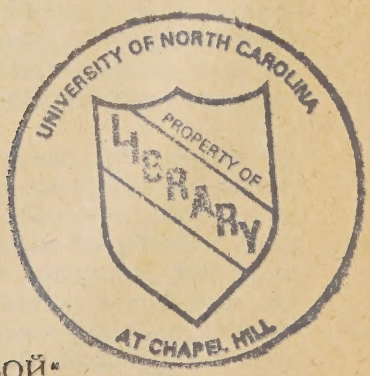
Н. Н. АНДРЕЕВ

HM101
.A637
1926

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

УЧЕБНАЯ КНИГА

ISTORIIA RAZVITIIA
OBSHCHESTVENNYKH FORM



РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД :: 1926

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
ЗА СОВЕТСКУЮ УКРАИНУ
ДЛЯ ВЛАСТА

Ленинградский Гублит № 7496. Тираж 6.125.—26 л. Зак. № 1554.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В основу настоящей «Учебной книги по истории развития общественных форм» положена программа, выработанная на конференции комвузов в апреле 1924 года. Правда, программа взята не во всех ее подробностях, а в основном ее содержании. В размещении же материала допущены некоторые от нее уклонения. Но эти уклонения ни в малейшей мере не противоречат существенному содержанию программы, так как они вызваны чисто педагогическими — я бы сказал даже — технически-педагогическими соображениями.

Книга предназначена служить руководством при проведении курса по истории развития общественных форм лабораторным методом. Содержание программы должно быть разбито на определенное число заданий и каждое задание должно составлять нечто целое, одну тему. Программа же давала только указание на фактический материал, подлежащий проработке студентами, и на характер его группировки, но в ней нет и намека на распределение материала по темам, сообразно требованиям лабораторной работы.

Так как прохождение курса рассчитано на два триместра, что в лучшем случае даст 24 учебных недели, то, принимая во внимание случайные пропуски и необходимость по завершении курса некоторого обзора пройденного, весь курс разбит на 21 задание, при чем каждое задание рассчитано на его выполнение в течение одной недели.

Конечно, недельные задания вовсе не являются обязательными. Их можно заменить заданиями двухнедельными и даже месячными. Но на первом курсе, когда студенты только втягиваются в лабораторную работу, с большим трудом усваивая навыки самостоятельной работы, недельные задания представляются мне более целесообразными: студент прорабатывает меньшее количество материала в более короткий срок и чаще пользуется советами и указаниями руководителя группы. К тому же недельные задания дают возможность и темы делать более однородными по содержанию, что в педагогическом отношении имеет огромное значение.

При составлении «Учебной книги» можно было итти двумя путями: или написать ее сплошь самому, в виде связного изложения последовательного хода развития человеческого общества, либо составить ее из статей, представляющих собой отрывки из разного рода исторических работ. В таком случае мы могли бы получить или очень интересную книгу для чтения или толковый учебник, в котором все разжевано настолько, что студенту остается только читать и запоминать: другой работы в этом случае от него не требуется. Но ни зани-

мательная книга для чтения, ни обычного типа учебник для лабораторных занятий не пригодны. Плохо, когда учащийся не сам делает выводы, а находит их уже готовыми в книге. Но и обычного типа хрестоматия также не годится для этой цели: в ней обыкновенно не бывает ни указаний на способы проработки предлагаемого материала, ни справок облегчающих проработку этого материала.

В предлагаемой «Учебной книге» я и хотел избежать неудобств как учебника, так и обычного типа хрестоматий. Правда, учебники и хрестоматии имеют и свои достоинства. Вот эти-то достоинства я и хочу об'единить в своей книге. Достоинства учебника заключаются в его связности. Достоинства хрестоматии — в разнообразии материала и изложения, неодинаковости (конечно, в очень ограниченных пределах) подхода к вопросам, что повышает интерес к теме и усиливает работу критической мысли учащегося. Студенты невольно отмечают яркость и определенность в постановке вопросов у одних авторов и расплывчатость у других. Сопоставляя и сравнивая, они привыкают высоко ставить и ценить достоинства материалистического метода изучения истории.

Я взял отрывки из разных работ по истории экономического, социального и политического развития человечества и из этих отрывков составил основной материал каждого задания. Но если бы я ограничился только этим, то в результате получилась бы обыкновенная хрестоматия со всеми ее недостатками. Чтобы устранить эти недостатки, необходимо было в книге поместить и такой материал, который давал бы возможность учащемуся уже с известной подготовкой читать приведенные в книге статьи. Весь этот материал сгруппирован под особой нумерацией в отделе «Справки по истории».

Здесь учащийся найдет сжатое изложение элементарных исторических сведений, без знаний которых совершенно немыслимо изучение истории общественных форм. Это — некоторые важнейшие хронологические даты и некоторый фактический материал из истории разных эпох и народов.

В особом отделе «Перечень заданий» сгруппированы указания студенту, как нужно прорабатывать всякое данное задание. Указываются номера статей и номера справочного отдела, которые нужно прочитать, и предлагаются вопросы, на которые работающий должен ответить, чтобы закрепить и систематизировать полученные им выводы. Разумеется, преподаватели должны рассматривать эти задания, как черновые наброски, которые могут помочь им составлять более совершенные и приспособленные к уровню кружка задания.

Так как без географической ориентировки совершенно невозможно изучение истории общественных форм, то в книге имеется несколько схематически составленных карт, с которыми студент должен основательно познакомиться.

В самом конце книги приложен список слов, значение которых не всегда и не всеми студентами правильно понимается. Это те слова, которые встречаются в тексте и которые могут затруднить его правильное усвоение со стороны некоторой части студентов, еще недостаточно опытной в чтении научных книг.

Должен отметить, что при выборе материала я особенное внимание обращал на соединение научности с доступностью изложения, по опыту зная, с каким трудом даются первокурсникам многие сами по себе очень ценные труды по истории. Где только было возможно, я делал

экскурсии в область пережитков и остатков древних общественных форм, еще сохранившихся у отсталых народов СССР.

Кстати считаю не лишним дать некоторые пояснения относительно порядка расположения материала. Если не считать введение, которое должно быть проштудировано дважды, — в начале курса слегка и в конце его более основательно, — то все остальное разбивается на четыре основных отдела. В первом отделе дается характеристика первобытного до-родового общества, при чем обращается особое внимание на уяснение двух основных методов изучения этой эпохи: археологического и этнографического (этнологического тож). Таблица в статье Обермайера предназначена для того, чтобы дать возможность учащемуся более или менее наглядно представить себе тот длинный путь развития, который прошел палеолитический человек от шелльской до азильской эпохи. Второй отдел — родовое общество — включает четыре темы-задания: матриархат, патриархат, разложение родового строя и развитие анимистической религии (культ предков, культ племенных богов). В третьем отделе собран материал, касающийся развития и организации феодального общества. Собственно говоря, следовало бы уделить особое место территориально-племенному обществу, которое вышло из родового и предшествовало феодальному. Но так как программа не давала на этот счет никаких указаний, о нем дается лишь общее понятие в статьях, посвященных распаду родового и возникновению феодального общества. Изучение феодального общества ведется следующим образом: его возникновение, поместное хозяйство, возникновение городов, цехового ремесла и городского (районного) хозяйства. После этого следует характеристика феодальной системы в целом и выяснение ее экономической базы. Отдел заключается темой о торговом городе и торговом капитале феодальной эпохи. В эту тему включен и пункт, касающийся коммунального движения. Хотя оно происходило ранее той эпохи, которая преимущественно характеризуется здесь (эпоха позднего средневековья), тем не менее он является здесь более уместным, чем в первой теме о раннем средневековом городе.

Четвертый—и последний—отдел посвящен буржуазному обществу эпохи торгового капитала. Разложение феодального общества, возникновение новых классовых группировок, приспособление к ним феодальной монархии, крестьянские движения, выросшие на основе разложения прежнего экономического строя, рост торгового капитала и дворянства, развитие абсолютизма (буржуазно-дворянской монархии), зачатки промышленного капитализма и первая великая буржуазная революция (английская) — вот основные темы этого отдела. Отдельно от него, но все же как бы некое его завершение, идет тема о христианстве.

Таково, в общем, содержание и назначение предлагаемой «Учебной книги».

Теперь скажу несколько слов о том, как ею пользоваться.

Книга рассчитана на студентов первого курса, которые притом ограничены в своем времени. Еженедельно каждый в среднем тратит на самостоятельные занятия по истории общественных форм от 5 до 8 часов. Считая, что в среднем студент может основательно проработать пять страниц в час, надо полагать, что на одно задание нельзя давать более тридцати страниц текста. Разумеется, чем труднее материал, тем меньше его входит в задание, и наоборот. В общем количе-

ство материала приурочено к силам среднего студента. Но в некоторых заданиях имеется и «лишний» материал, который можно рекомендовать вниманию наиболее сильных студентов. Руководитель группы или кружка, разумеется, должен сначала сам ознакомиться с материалом, имеющимся в книге.

Что касается самого хода занятий, то я представляю его себе следующим образом. Приблизительно за неделю до первой встречи руководителя с кружком, этот последний должен знать, что все его члены должны прочитать «Введение». В этом и будет заключаться первое задание. Это даст возможность руководителю провести общую беседу со всей группой в целом, при чем он в конце беседы раз'ясняет план и характер предстоящей работы, делает указание, как следует проработать следующее задание, и рекомендует составление тезисов. В то же время уже с самого начала несколько ориентируется в составе своей группы.

Получив соответствующие указания и явившись в определенное время в кабинет, студенты приступают к проработке задания. Некоторые из них пробуют формулировать свои выводы в ряде тезисов.

Через неделю после первой встречи происходит вторая встреча руководителя и кружка. Основная задача этого занятия заключается в том, чтобы дать указания, как именно следует составлять тезисы. В них должно быть выражено основное содержание темы. Дело это не легкое и, вероятно, подобное занятие придется провести еще раза два.

Когда навык в формулировке основного содержания темы уже обнаружился, следует перейти к другому способу ведения занятий. За каждой самостоятельной проработкой задания должен следовать групповой прием задания. При известном навыке в течение часа можно принять задание от группы в 7—8 человек. Через день или два после приема задания необходимо устраивать собеседования со всей группой, что даст возможность углубить и еще более систематизировать приобретенные студентами познания. Иногда бывает полезно в конце собеседования уделить несколько минут выяснению основной цели последующего задания и дать некоторые указания на способ его проработки. Необходимо особенно настаивать на том, чтобы студенты прочитывали «задания» от начала до конца прежде, чем приступить к ознакомлению с материалом, рекомендуемым для проработки. Ознакомление с поставленными в каждом «задании» вопросами перед прочтением указанных статей заставит студента особенно усердно искать в последних ответа.

В заключение я должен заметить, что, выделяя указания, как выполнять задания, в особый отдел, я хотел предоставить возможность руководителю давать хрестоматийному материалу несколько другую группировку. Быть может, в некоторых случаях надо будет разбить этот материал не на 21, а на 20—24 задания. Тогда видоизменяется и проработка, требующая уже других указаний.

Н. Андреев.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятие об обществе и его развитии. С самого первого момента своего появления на земле люди жили в обществе себе подобных. Если мы и теперь не знаем одиноко живущих людей, не имеющих никаких связей и сношений с другими людьми, то еще меньше можно было бы этого ожидать на заре человеческой истории. Беспомощный против диких зверей, человек не мог тогда и думать хотя бы о временном уединении от других людей. Его существование всецело сплеталось с существованием других людей. Только совместными усилиями спасались люди от диких зверей, в огромном количестве водившихся тогда в обитаемых людьми местностях. И вообще только в совместной жизни люди могли поддерживать свое существование. Некоторое количество людей, связанных между собою необходимостью совместной жизни, и составляет человеческое общество. Как увидим дальше, первобытное общество было невелико по своему количественному составу: оно состояло из нескольких десятков человек, образуя орду, которая вела жизнь почти совершенно независимо от жизни других подобных же орд. В настоящее время общество состоит из многих десятков и сотен миллионов людей. Эти десятки и сотни миллионов людей настолько связаны между собою разнообразными отношениями, что образуют нечто целое, которое мы и называем обществом.

Присматриваясь к связям между людьми, мы замечаем, что одни из этих связей имеют личный непосредственный характер, другие, наоборот, безличный, что бывает тогда, когда и не знающие друг друга люди тем не менее связаны между собою либо общими интересами, либо общим делом, либо длинной цепью взаимных услуг. Члены одной семьи, одной трудовой артели, одной деревенской общины лично знают друг друга. Покупатель и продавец вступают в непосредственное соприкосновение друг с другом, хотя лично друг друга и не знают. Но мурманские рыбаки, занятые ловлей сельдей, и жители Москвы, потребляющие эту сельдь между собою вовсе не знакомы и ни в какие личные сношения друг с другом не вступают, но тем не менее крепко между собою связаны. Ясно, что эта связь иного рода, чем связь членов одной трудовой артели. Но именно такого рода не личная связь является характерной для современного общества. Миллионы людей физически не могут входить в непосредственное взаимное общение. Но связь между ними от этого вовсе не становится меньшей. Неурожай хлопка, напр., т.-е. несчастье, свалившееся прежде всего на людей, занятых его возделыванием, вызывает рост цен на бумажные материи и может даже повлечь за собою закрытие хлопчато-бумажных фабрик

и безработицу в ряде стран. Чем дальше углубляемся мы в историю человечества, тем все менее сложными, тем все более непосредственными становятся связи между людьми, являющимися членами данного общества.

Какого бы рода, однако, не были эти связи, их можно разделить на несколько различных категорий. Самыми сильными связями между людьми являются те, которые возникают на основе забот о жизни — это хозяйственные или экономические связи. На основе этих связей возникает хозяйственный или экономический строй. Связь между полами (мужчинами и женщинами) также является одной из важнейших. Она приводит к браку, на основе ее, при известных условиях, возникает семья. Но если половые отношения играют огромную роль в жизни каждой отдельной личности, то на жизнь в обществе они влияют только в том смысле, что, обусловливая рождаемость, содействуют сохранению и численному возрастанию всякого данного общества. Самый характер и формы брака и семьи обусловливаются в первую очередь хозяйственными отношениями.

На основе данного хозяйственного строя возникают отношения властвования и подчинения, определенный политический строй. Кроме экономических и политических связей, между людьми существуют еще разного рода идейные связи: религиозные, научные, философские и т. д. Некоторые из этих связей принимают форму определенных отношений между людьми.

Таким образом, человеческое общество включает в себе много разных отношений между его членами, важнейшими из которых надо признать хозяйственные отношения, так как они вытекают из трудовой связи между людьми, а трудовая связь основана на заботе о жизни, самой важной из забот, которыми наполнена жизнь людей.

Все, что мы знаем о жизни человеческого общества в настоящее время и его прошлых судьбах, свидетельствует о том, что оно отнюдь не является неизменным, раз навсегда отлившимся в одну и ту же форму. Напротив, мы видим, что на протяжении веков и тысячелетий оно претерпело ряд важных изменений. Оно так же развивается, как и все в природе. Вначале оно было простым и небольшим, а потом все более увеличивалось и усложнялось. Чтобы проследить процесс развития человеческого общества, надо уяснить себе, как одна форма общества сменяла другую его форму.

Общественные формы. Всякое общество имеет определенное устройство, т.-е. определенный хозяйственный, правовой и политический строй. Монархия (абсолютная или конституционная), республика (демократическая или какая иная), советский строй — это не формы общества, а формы государства. Каждая данная общественная форма характеризуется определенным сочетанием хозяйственных, правовых, политических и идейных отношений между людьми. Поэтому формы хозяйства и формы государственного устройства представляют собою лишь определенные стороны, отдельные части того целого, что мы называем общественной формой.

Казалось бы, у множества народов, ныне живущих и живших раньше, мы неизбежно находим и много разных, непохожих одна на другую общественных форм. На самом деле, однако, это не так. Если сравнить историю разных народов, то мы заметим двоякого рода явление: 1) история каждого народа представляет собою переход от

одной формы общества к другой и 2) у всех народов в общем и целом переход этот совершается в одном и том же направлении, т.-е. везде и всюду обнаруживаются в общем одни и те же общественные формы, которые сменяют друг друга в одной и той же последовательности.

Этот факт свидетельствует о том, что история народов представляет собою не сплетение случайностей, а процесс, подчиненный определенным социальным законам.

До сих пор в истории совершенно ясно выявились четыре основных формы человеческого общества: 1) первобытное, до-родовое общество; 2) родовое общество; 3) феодальное общество и 4) буржуазное общество. Уже намечаются контуры грядущего общественного строя — социалистического общества. Эти формы можно считать основными. Но между ними необходимо поместить переходные формы. Никогда не бывало так, чтобы одна форма общества сразу исчезала и так же сразу возникала бы другая его форма. Обыкновенно бывает так, что в то время, как один общественный строй разлагается, возникает другой, и в известный исторический момент перед нами встает такая общественная форма, в которой элементы старого и нового переплетаются столь причудливо, что мы вынуждены признать ее переходной формой.

Но было бы ошибочно думать, будто основные общественные формы не включают в себе ни пережитков старого, ни элементов нового общественного строя. Таких чистых общественных форм не бывает. Общество находится в постоянном процессе развития. Поэтому никакая общественная форма не остается неизменно одной и той же в течение всего того исторического периода, когда она является господствующей. Зарождается она обычно в недрах старого общественного строя и, достигнув всей полноты своего развития, всегда содержит в своих недрах элементы своего разложения, элементы нового общественного строя. То, что в данной общественной форме является напоминанием старого, представляет пережитки. Например, встречаются пережитки крепостных отношений в уже сложившемся буржуазном обществе, пережитки родового строя в феодальном обществе и т. п. Особенно часто встречаются пережитки старого в области идей и верований.

Наблюдая развитие данной общественной формы, мы замечаем ряд изменений, которые, накопляясь, обнаруживают направление, в котором совершается развитие общества. Мы говорим тогда: нам известна тенденция в развитии общества. Само собою разумеется, будущий общественный строй, являющийся на смену существующему, может быть познан — и то в самых общих чертах — только при помощи изучения тенденций, т.-е. направления, в котором идет развитие данного общественного строя. Так, на основании изучения капиталистического общества Карл Маркс установил тенденции его развития, которые неизбежно ведут его к замене его обществом социалистическим.

Неизбежность отсутствия чистых форм можно понять и с другой стороны, а именно, если мы сообразим, что не все народы одновременно начали свой исторический путь и не с одинаковой быстротой идут по нему. В то время, как одни народы стояли на стадии первобытного общества, вторые дошли уже до родового, а третьи — даже феодального. И сейчас мы наблюдаем у разных народов земного шара общественные формы, относящиеся к разным периодам в раз-

витии человеческого общества. Ясно, что, существуя одновременно, эти разные формы влияют одна на другую и вызывают одна в другой довольно значительные перемены.

Подразделив все формы человеческого общества, которые когда-либо встречались в истории, на четыре основных (первобытное дородовое, родовое, феодальное и буржуазное), надо помнить, однако, что деление это условное. Оно имеет значение лишь в том случае, если мы стремимся охватить историю человеческого общества лишь в самых общих чертах. При более подробном делении мы должны были бы произвести и более подробное подразделение. Ведь каждая общественная форма представляет собою определенную ступень (или фазу) в развитии общества. Первобытное общество, напр., в своем развитии прошло несколько ступеней. Для каждой такой ступени можно установить особое название и считать ее за особую общественную форму. То же самое относится и к другим из перечисленных выше основных общественных форм.

Указанных четыре основных общественных формы можно разделить на две группы: первые две образуют до-классовое общество, две другие — общество классовое. Первобытное и родовое общества не знают ни богатых, ни бедных, ни имущих, ни неимущих, вообще в них нет тех различных слоев населения, которые мы называем классами. Процесс развития здесь совершается иначе, чем в обществе классовом. Во-первых, он крайне медленный. Вполне естественно, что на первых порах своей культурной жизни люди должны были преодолевать значительно бóльшие затруднения, чем впоследствии. Отсюда крайне медленный темп развития производительных сил первобытного и родового общества, процесс, лежащий в основе всего общественного развития. Во-вторых, именно в силу крайне низкой степени развития производительных сил — влияние природных условий на развитие до-классового общества очень велико. В-третьих, — и это самая его характерная черта, — процесс развития идет чисто эволюционным путем. Если в нем и происходят столкновения, то между различными племенами, но никогда — или во всяком случае очень редко, в виде исключения из общего правила — между разными группами в пределах одного племени.

Наоборот, такого рода столкновения неизбежны в обществе классовом. На известной ступени общественного развития, а именно при разложении родового общества, возникают общественные классы, а вместе с ними борьба классов, вытекающая из противоположности их интересов. Обычно бывает так, что класс, экономически сильный, организует государственную власть, при посредстве которой он охраняет свои интересы, угнетая и эксплуатируя классы, экономически слабые. Эти последние, однако, сопротивляются, стремясь смягчить, ослабить или совсем уничтожить и гнет и эсплуатацию со стороны господствующего класса. Борьба угнетенных классов за свое освобождение была бы безнадежна, если бы производительные силы общества находились в застое. Но они непрерывно находятся в процессе развития, изменяя экономику общества, порождая новые классовые группировки. Появляются новые источники богатства и экономического влияния. Возникает новый экономически сильный класс, который и стремится овладеть политической властью. Если господствующий класс сопротивляется — а это обычно и бывает в истории — это неизбежно приводит к революции. Угнетаемые и эксплуатируемые

народные массы восстают против класса-угнетателя, и власть попадает в руки того класса, который стоял во главе революции, идейно и организационно руководил ею. Захватив государственную власть, новый класс прежде всего употребляет ее для окончательного подавления своих врагов, а затем направляет ее на развитие и укрепление своего господства.

Переход от феодального общества к буржуазному обычно сопровождался более или менее бурными революционными потрясениями всех общественных устоев. Неизбежность этих потрясений задолго подготовлялась предшествовавшим ходом общественного развития. Революция, говорит Карл Маркс, есть повивальная бабка нового общественного строя.

Источники сведений о человеческом обществе. Первобытное общество не оставило после себя никаких письменных документов. То же самое приходится сказать и о родовом обществе. Спрашивается, откуда же, тем не менее, мы все же знаем, как складывалась тогда жизнь людей?

Прежде всего нам помогает в этом отношении особая наука о древности — а р х е о л о г и я. Представители этой науки — археологи — добывают свой материал из земли, они производят раскопки древнейших могил, развалин давно минувших городов, роются в пещерах, где когда-то обитал человек, еще не умевший строить себе жилища, и добывают из всех этих мест остатки изделий прежних времен (оружие, орудия труда, украшенья, обрывки одежды, кости животных, птиц и рыб, убитых и с'еденных человеком, кости самого человека, вообще много всякого рода предметов, на основании которых они пытаются установить, как жили люди данной эпохи, как они выглядели, чем занимались и т. п.).

Но спрашивается, как определяет археология бо́льшую или меньшую древность исследуемых ею остатков от жизни древних людей? Какие кости человека, какие его изделия следует считать более и какие менее древними? Во-первых, археология руководствуется при этом тем соображением, что вещи, сделанные проще и грубее, более древнего происхождения, чем те же самые вещи, но сделанные лучше, тоньше, искуснее. Во-вторых, она прибегает к помощи еще двух наук, которые дают ей более надежную опору для определения древности находимых ею изделий и костей. Это — наука о прошлом земной коры — геология — и наука о вымерших, т.-е. когда-то существовавших, а теперь нигде не встречающихся растениях и животных — п а л е о н т о л о г и я.

Геология различает разные породы камней и земли и умеет определять, какие народы произошли раньше и какие позже. Обыкновенно, земля расположена пластами (пласты глины, песку, известняка и т. д.). Чем ниже лежит какой-либо пласт, тем он более древнего происхождения. И в зависимости от того, в каком из этих пластов находят остатки человеческой деятельности, их относят к тому или другому периоду в истории земли.

Но нередко бывает, что, благодаря поднятиям и опусканиям почвы (вследствие действия подземных сил), целые пласты и на очень большом протяжении перевертываются, так что верхние слои оказываются внизу, а нижние — наверху. Тогда очень легко ошибиться относи-

тельно древности находок. Тут на помощь историку первобытного общества приходит палеонтология. По найденным в разных пластах земли отпечаткам листьев, веток и костей, по окаменелостям и костям животных палеонтология установила все виды животных и растений, населявших земную поверхность в давно прошедшие времена. В то же время она выяснила и то, какие виды животных и растений появились раньше, какие позже. Таким образом, напр., два одинаковых по виду и положению пласта известняка могут быть разными по их древности, и эта разность определяется по тому, остатки каких животных и растений в них встречаются.

Таким образом, при помощи геологии и палеонтологии археолог имеет возможность установить, какие условия природы окружали первобытных людей, с какими животными сталкивались они и как давно было то время, когда они жили. Разумеется, совершенно невозможно в этом последнем случае точно установить год существования тех людей, кости и изделия которых исследует археология. Здесь речь может итти только о том, что было раньше и что позже и за сколько десятков (а иногда и сотен) тысяч лет было это до нашего времени.

Археология изучает только остатки материальной культуры. По этим остаткам она делает догадку об образе жизни древних людей (бродячем, кочевом, оседлом), о их занятиях, их вооружении, одежде, жилище. Но она ничего не может сказать об их общественном устройстве, их нравах, обычаях, их религии. Здесь история первобытного человечества нуждается в других, не археологических способах исследования. В этом случае он получает помощь со стороны этнографии. Эта наука изучает быт современных отсталых народов. Еще и поныне в некоторых областях Азии, Африки, Америки, Австралии и на островах Тихого океана существуют дикие и полудикие народы, жизнь которых во многих отношениях воспроизводит жизнь древнейших обитателей земли. У них мы нередко встречаем ту же самую материальную культуру, какую раскрывает нам археология путем раскопок. Вполне позволительно думать, что сходство материальной культуры обусловливает и сходство общественного устройства и сходство духовной культуры. Таким образом мы получаем возможность на основании наших наблюдений над жизнью диких обитателей Австралии, Африки или Азии составить себе некоторое понятие о тех сторонах жизни первобытного общества, о которых умалчивает археология.

Однако, и здесь мы натыкаемся на некоторые трудности. Самых диких народов, которые жили бы так, как жили, напр., люди шелльской эпохи, не сохранилось. Австрийцы и др. народы стоят уже на высших ступенях палеолитической культуры. Но в нравах, обычаях и верованиях этих народов сохраняются пережитки старого, уже исчезнувшего быта. Изучая эти пережитки, мы, хотя и с трудом, но все же получаем возможность приоткрыть завесу и над еще более примитивным строем.

Итак, для изучения первобытного общества мы пользуемся данными археологии и этнографии. Родовое общество изучается преимущественно на основании этнографии, хотя о нем сохранились и кое-какие записи в древнейших памятниках письменности, между прочим в Библии. Феодальное общество раскрывается перед нами преимущественно в многочисленных записях: всякого рода актах, договорах, в летописях. То же самое можно сказать и относительно

буржуазного общества. Правда, это последнее мы можем изучать в живом виде, так как у большей части народов Европы существует буржуазный общественный строй.

Цель изучения общественных форм. Выше мы уже указали, что люди жили всегда в обществе других людей. Вне общества жизнь для человека совершенно немыслима. Но если это так, то для каждого сознательно относящегося к жизни человека совсем не безразлично, как устроено то общество, в котором он живет. Очевидно, для него во всех отношениях приятен такой общественный строй, при котором возможно было бы наиболее полное удовлетворение всех его потребностей. Связь между общественным устройством и судьбою каждой отдельной человеческой личности давно уже была подмечена наиболее вдумчивыми мыслителями. И некоторые из таких мыслителей даже пытались выяснить, как следовало бы устроить человеческое общество, чтобы всем обеспечить разумную и привольную жизнь. Такие люди, как Томас Мор, Шарль Фурье, Роберт Оуэн и многие другие, рассуждали таким образом: надо выработать план хорошего общественного устройства, доказать примером и словом всем имеющим очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, что осуществление этого плана выгодно для всех, и затем приступить к делу. На выработку таких планов и привлечение к ним сердца людей было потрачено колоссальное количество энергии, но из этого ровно ничего не вышло. Эти мыслители забывали, что общественный строй не делается по заказу в какой-нибудь теоретической мастерской, а создается в стихийном историческом процессе. Они забывали, что первая обязанность мыслителя, занятого вопросом об устройстве наиболее совершенного человеческого общества, заключается в том, чтобы выяснить, как на самом деле, в действительности, происходила смена одного общественного строя другим. Другими словами, в первую голову необходимо основательно исследовать движущие силы общественного развития. Великий основатель научного социализма Карл Маркс раз навсегда покончил со всеми утопическими рецептами, при помощи которых рассчитывали нынешний буржуазный строй заменить новым — социалистическим. Тщательно изучив тенденции развития капитализма, этой хозяйственной базы современного буржуазного общества, Маркс доказал неизбежность социалистического общества. Но эта неизбежность обусловливается, по его мнению, не добрыми пожеланиями идеалистически настроенных мыслителей, не их планами и советами, а логикой капиталистического развития.

Понять логику общественного развития и составляет основную задачу всякого активного общественного работника. Для этой цели и служит изучение развития общественных форм.

Изучая это развитие, мы приходим к убеждению, что смена одних форм другими есть закономерный процесс. Но в то же время мы убеждаемся, что этот процесс вовсе не такой простой, как это может показаться с первого взгляда. Нельзя думать, напр., что один народ в точности повторяет в своем развитии историю другого народа. В общем и целом общественное развитие всех народов идет в одном и том же направлении: от первобытного к родовому, от родового к феодальному, от феодального к буржуазному, а от этого последнего к социалистическому. Но изучение истории и окружающей нас социальной действительности показывает нам множество случаев,

когда целые народности погибают, не выйдя из первобытного состояния, когда другие народы не пошли дальше родового или феодального строя. Одно дело, когда народ развивается, не испытывая на себе влияния других народов, и совсем другое — когда на нем сильно сказывается это влияние. Развитие, напр., феодального общества ускоряется и изменяется, когда рядом с ним вырастает буржуазное общество. Здесь перед нами вырисовывается огромная роль исторической среды.

При изучении развития общественных форм, очевидно, необходимо иметь в виду как основную тенденцию развития, в силу которой все человеческие общества развиваются в одном и том же направлении, так и влияние исторической среды, которая вносит в этот процесс большое разнообразие[1]. При этом всегда надо помнить, что в основе всякой общественной формы лежит экономика, или определенный хозяйственный строй. Самым же важным элементом всякого хозяйства является тот запас производительных сил, которым располагает данное общество. Под производительными силами мы разумеем обыкновенно орудия труда, технические навыки и уменье, а также необходимые для производительных целей знания. В конечном счете общественное развитие обусловливается именно развитием производительных сил. Всякая новая эпоха в развитии человечества совпадает с под'емом или упадком производительных сил общества.

В данной книге очерк истории развития общественных форм доводится до начала промышленного капитализма. Буржуазное общество в первые столетия своего существования выдвинуло на первый план торговый капитал, почему эта эпоха обычно и называется эпохой торгового капитала. Характеристикой этой эпохи и заканчивается излагаемая в этой книге история. Дальнейшее развитие человеческого общества должно составлять предмет особого и более подробного изучения.

---

[1] Географическая среда также играет огромную роль, то задерживая, то ускоряя развитие тех или других хозяйственных отношений.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

1. Основные эпохи в истории земли и время появления человека.

Люди появились на земле в то время, когда ее поверхность имела другой вид, чем ныне: иной климат, иное распределение морей и суши, равнин и горных цепей, иные флора и фауна. Не только человечество испытало ряд глубочайших перемен на протяжении своей истории, но и земная поверхность, кажущаяся нам неизменной вовеки.

Когда, миллионы лет тому назад, земля представляла собою огненно-жидкую массу, в виде огромного шара носившуюся в пространстве вокруг солнца, само собою разумеется, тогда ни о какой жизни на земле не могло быть и речи.

Постепенно земля охлаждалась. Ее поверхность покрывалась твердой коркой. Когда эта корка крепко охватила весь земной шар, скрыв под собою огненно-жидкое ядро, его поверхность покрылась водой, вначале очень горячей. Из нее там и сям торчали голые скалы. Жизни все еще не было. Эта эпоха носит название а р х е й с к о й, т.-е. древнейшей в истории земной коры. Дальнейшие эпохи связаны с появлением жизни и свои наименования получают, главным образом, в зависимости от характера растительного и животного мира, населявшего в данный момент землю. В общем всю последующую историю земной коры можно разделить на четыре основных эпохи: первичную, вторичную, третичную и четвертичную. Каждая из этих эпох, в свою очередь, делится на периоды.

П е р в и ч н о й эпохой называется время, когда скалы покрылись почвой, на которой появилась первая растительность, а в воде задвигались первые животные. Как растения, так и животные имели очень простое устройство. Это — эпоха появления жизни на земле.

Во в т о р и ч н у ю эпоху на земле появились необозримые леса, а воды и воздух населились разного рода летающими и плавающими чудовищами, достигавшими иногда огромных размеров. Леса состояли из хвощей и плаунов, которые тогда были огромными деревьями, а теперь встречаются лишь в виде небольших растений. Эти леса давно уже погребены под наносами глины и песку и превратились в тот каменный уголь, который играет теперь такую большую роль в промышленной жизни капиталистических стран.

В т р е т и ч н у ю эпоху появилось много новых растительных и животных видов, среди этих последних млекопитающие. По сложности своей организации растения и животные третичной эпохи поднялись высоко над уровнем вторичной эпохи. Среди животных высшее место занимали обезьяны, предки человека.

Четвертичная эпоха — эпоха, когда появился на земле человек. Впрочем, допустимо, что некое человекоподобное существо появилось уже в конце третичной эпохи. Но нам-то известны следы человека только в четвертичную эпоху. Поэтому с точки зрения истории человеческого рода именно эта эпоха представляет для нас особый интерес.

В течение всех этих эпох земная поверхность переживала ряд огромных перемен. Моря и океаны менялись местами с сушей, возникали и исчезали материки, острова, озера, реки. Огромные перемены

Ледниковый период в Европе.
Области, занятые льдами, заштрихованы.

выпали и на долю четвертичной эпохи. Ее можно подразделить на две части. Более древняя и более продолжительная характеризуется ледниковыми периодами. По невыясненным еще причинам льды, покрывавшие северный полюс, начинали расширяться, проникать все дальше и дальше к югу. Климат становился все более и более холодным. Снега и лед, покрывавшие вершины высоких гор, спускались в долины. Гибла растительность, вымирали или уходили к югу животные, и, наконец, целые страны покрывались сплошной массой льда. Потом льды начинали отступать к северу, пока не скрывались за северным полярным кругом, а там, где когда-то ледяное дыхание севера изгоняло всякую жизнь, вновь возникала богатая растительность и появлялся разнообразный животный мир. И так было не раз. Ученые насчитывают четыре периода оледенения и три межледниковые эпохи. В странах, покрываемых льдами, человек мог жить только после ухода льдов, т.-е. в межледниковую эпоху.

В первую межледниковую эпоху никаких следов человека не найдено. Из второй межледниковой эпохи найдена пока одна только челюсть, принадлежавшая человеку, а также много камней с неясными следами употребления их человеком (камни эти называются эолитами). Зато очень многочисленны следы жизни людей в третью и последнюю межледниковую эпоху. Во Франции, куда ледники не заходили, но где климат становился то теплее, то холоднее в зависимости от того, покрыты ли были льдами более северные части Европы или нет, следы человека найдены и в четвертом ледниковом периоде. После окончания. Таковы: шелльская эпоха, мустьерская эпоха и так дальше. животный и растительный мир постепенно приняли тот вид, который они имеют и ныне.

Так как следы человека особенно многочисленны во Франции и так как они там лучше изучены, чем в других странах, то отдельные периоды в развитии первобытной культуры носят французские названия. Таковы: шелльская эпоха, мустьерская эпоха и так дальше. Шелльская эпоха (от городка Шелль, близ которого найдены были изделия наиболее древних обитателей Франции) означает самую раннюю пору, какая нам только известна в истории человеческой культуры. Эта ранняя эпоха называется эпохой оббитого камня или старым каменным веком (палеолитом). Постепенно совершенствуя свои каменные и костяные орудия, люди достигли большого искусства в обделке камня и кости. Когда каменные орудия стали шлифовать, мы говорим, что наступил новый каменный век (неолит), век шлифованного или полированного камня.

———

Г. Обермайер.

2. Первобытная хронология и древность человеческого рода.

Мы считаем в настоящее время окончательно установленным, что древний палеолитический период относится лишь к последнему межледниковому времени. Но, несмотря на это, первобытный человек в пределах Европы, бесспорно, является еще более древним. Штернзак получил в 1900 г. нижнюю челюсть человека, найденную на глубине 24 метров в песках Неккара и Мауера в окрестностях Гейдельберга. Она была найдена вместе с остатками одного из видов медведей (Ursus Deningeri), который является предполагаемым родоначальником пещерного медведя, и вместе с костями Rhinoceros Aruscus — предка носорога Мерка. Оба эти вида уже не могут относиться к третьему межледниковому времени, и потому эту находку мы должны отнести ко второму межледниковому времени, тем более, что с анатомической точки зрения она довольно точно примыкает к другим остаткам человека древне-палеолитического периода. Основное значение этой челюсти заключается в том, что она происходит из отложений, из которых нам неизвестно еще пока изделий человека. Это доказывает, что в Европе еще до шелльского периода жил человек, находившийся на более низкой культурной ступени, чем человек палеолитического периода, — эта ступень нам пока неизвестна подробнее, но она отличается чрезвычайной простотою и примитивностью.

Таким образом, геологическая хронология первобытного человека в Европе получает ту форму, которая передана на приводимой

здесь таблице. Эта таблица относится, впрочем, как мы должны особенно подчеркнуть, лишь к Европе. Относительно первого появления человека в других частях земного шара мы пока не можем решительно ничего сказать. Здесь мы, во всяком случае, должны обратиться к еще более древним временам, так как абсолютно ничто не дает нам права считать Европу колыбелью человеческого рода.

Эпохи.	Фауна.	Культурная ступень.
I. Ледниковый период.	Северная ф.	Нет следов человека.
(Гюнцское время).		
1-й межледниковый период.	Южная ф.	
II. Ледниковый период.	Северная ф.	
(Миндельское время).		
2-й межледниковый период.	Южная лесная ф.	Нижняя челюсть из Мауера.
III. Ледниковый период.	Арктич.-альпийск. ф.	До палеолитичеекие, еще не вполне изученные изделия.
(Риссокое время).		Тоже.
3-й межледниковый период.		
а) Начало.	Степная ф.	
б) Середина.	Южная лесная ф.	Шелльская эпоха.
в) Конец.	Степная ф.	Ашелльская и древняя мустьерская.
IV. Ледниковый период.	Арктич.-альпийск. ф.	Мустьерская эпоха.
(Вюрмское время).		
Послеледниковый период:		
а) Ахенское колебание.	Степная ф.	Ориньякская и солютрейская эпохи.
б) Бюлское распр. ледн.	Арктич.-альпийск. ф.	Магдаленская эпоха.
в) Гжницкая стадия.	Лесная ф.	Азильская эпоха.
г) Даунская стадия.	Лесная ф.	Начало неолитического периода.
Геологическая современность.	Лесная ф.	Середина неолитического периода.

Установив, таким образом, геологическую древность первобытных жителей Европы, нам хотелось бы, конечно, выразить в сколько-нибудь подходящих к действительности цифрах и его абсолютный возраст. За последнее десятилетие делалось не мало таких попыток, но огромная разница между отдельными цифрами, приводимыми раз-

ными авторами, в достаточной степени свидетельствует, как мало до сих пор было возможно ученому миру прийти в этом отношении к сколько-нибудь одинаковым выводам. Некоторые цифры достигают чрезвычайной вышины, благодаря страсти к преувеличению, нередко особенно проявляющейся в различных популярных книгах. С другой стороны, существует и противоположное стремление, основанное на желании приблизиться к библейской хронологии, давно уже признанной несостоятельной — именно многие авторы приводят бесспорно непригодные чересчур низкие цифры.

. . . . . .

По мнению Рюто (1904 г.), первый ледниковый период продолжался 50.000 лет, второй — 44.000, третий — 40.000 и четвертый — 5.000 лет, так что вся продолжительность четвертичного периода принимается им в 139.000 лет, но эта цифра, несомненно, слишком низка, тем более, что продолжительные межледниковые периоды почти совершенно упускаются им из вида.

Гораздо более крупный масштаб принимает Пильгрим в своем «Опыте вычислений продолжительности системы ледникового времени» (1904 г.). В основе его вычислений положены формулы Стокведя, которые должны, однако, еще претерпеть значительные изменения и отнюдь не являются вполне достоверными. По Пильгриму продолжительность отдельных периодов следующая:

Первый ледниковый период	300.000 лет
Второй ледниковый период	170.000 „
Третий ледниковый период	230.000 „
Четвертый ледниковый период	190.000 „
Первый межледниковый период	80.000 „
Второй межледниковый период	190.000 „
Третий межледниковый период	130.000 „

Впрочем, этот автор замечает, что он ограничил бы время всех ледниковых периодов 300.000 лет, если бы Пенк не утверждал, что весь четвертичный период продолжался от 500.000 до 1.000.000 лет.

Гильдебрандт не получает таких крупных чисел, как Пильгрим, но считает все же, что четвертичный период продолжался более полумиллиона лет, именно 530.000 лет. Как бы то ни было, можно, во всяком случае, сказать, что весьма вероятна относительно очень большая цифра продолжительности всех четырех ледниковых и трех межледниковых периодов.

К. Вейле.

3. Техника каменных орудий в эпоху палеолита.

. . . . . .

Первоначальная техника обработки камня являлась не чем иным, как простым продолжением оббивания двух камней друг о друга, характерного для третичного периода[1]. Из полученных осколков вы-

[1] Автор придерживается того мнения, что человек жил уже в третичную эпоху и уже тогда начал употреблять камни в качестве орудия.

бирались затем куски, удобные для намеченной цели. Только постепенно работа становилась более целесообразной; начали обращать больше внимания на свойство данного материала и, основываясь на знании последнего, наносили удары уже в определенных направлениях, при чем уже появлялось стремление сознательно воспроизводить формы различных испытанных ранее эолитических орудий. При этом человек в самых разнообразных частях земли дошел до одного действительно универсального инструмента — до твердого каменного клина миндалевидной формы, который без всякой рукоятки просто зажимался в кулаке, при чем краем этого инструмента можно было пользоваться почти во всех его частях. Это и есть знаменитый coup de poigne[1] из Шелля, расположенного недалеко от Парижа; после этой находки вся эта ступень развития человеческой культуры получила название шелльской. Этот инструмент, смотря по способу употребления, может заменить собой бурав, скребок, орудие для царапания, нож, молоток, одним словом — почти все инструменты, которые были необходимы человеку каменной эпохи.

Шелльский coup de poigne (кулачное орудие) ни в каком случае не является начальной стадией техники каменного века; но еще менее он является ее конечной формой. Сперва это орудие развивается в прежнем направлении; далее, в ашелльскую эпоху, оно становится изящнее и площе, при этом начинают употреблять в дело и обрабатывать осколки, которые отскакивают при оббивке камня. Эпохи Мустье и Ориньяк характеризуются массовым употреблением таких форм[2].

———

В. Агафонов.

4. Эпохи палеолита и неолита в России.

Палеолитическая эпоха совпадает с существованием для Европейской России великого скандинаво-русского ледника, вернее началом его стаивания, отступания, когда моря, как мы знаем, в Европейской России имели еще иную конфигурацию, чем ныне, когда жил еще первобытный слон (Elephas antiquus), мамонт, пещерный медведь, исполинский олень. В конце этой эпохи начинает доминировать северный олень; в большом количестве встречаются дикие первобытные быки, россомахи, песец; это так называемый «век северного оленя». Вообще, конец этого периода характеризуется, как мы знаем, для Южной России постепенной сменой тундры степью.

По мере отступания ледника из средней части Европейской России, эти области начинают постепенно покрываться лесной растительностью, которая на южной своей границе ведет непрерывную борьбу с южной степью. Этот лесной период характеризуется уже исчезнове-

---

[1] По-русски этот термин передается либо ударное орудие, либо кулачное орудие, и нередко, как топор, хотя с этим последним это орудие ничего общего не имеет.

[2] Относительно техники обработки древнейших каменных орудий см. в книжке Бломквист, Ибах и Песковой, Первобытный человек.. (Библиотека экскурсанта. Изд. Комм. универ. им. тов. Зиновьева, стр. 11—12).

нием таких животных, как мамонт, пещерный медведь, пещерная гиена, носорог и др., и преобладанием лесной фауны: диких быков, благородных оленей, лосей, медведей, кабанов и др. животных, которые водятся у нас в лесах еще и поныне или же истреблены только в историческую эпоху (тур, зубр). С лесным периодом совпадает неолитическая эпоха (новокаменная), когда рядом с оббитыми орудиями появляются шлифованные, появляется обожженная глиняная посуда, часто орнаментированная, орудия из кости и рога, эпоха, когда наш доисторический предок начал уже приручать животных — сначала собак, затем и рогатый скот, овец, коз, свиней.

Остатки палеолитической эпохи открыты в России до сего времени в очень немногих местах, главным образом в Южной России. Отсутствие палеолитического человека в Северной России об'ясняется тем, что в эту далекую эпоху наш север представлял собою ледяную пустыню, недоступную для обитания не только для человека, но и для большинства животных.

Еще в 60-х годах в древней террасе Волги (у с. Буртас) были найдены каменные орудия (впрочем, главным образом полированные) вместе с костями носорога.

В одном из гротов Кутаисской губернии в одном и том же пласте были открыты: нижняя челюсть человека и кости пещерного медведя. Также в одном и том же горизонте лёсса на берегу Дона (в деревне Костенках) были найдены оббитые кремневые орудия и кости мамонта.

Также в древней террасе реки Удая, в Лубенском уезде (у селения Гонцов), вместе с костями мамонта, северного оленя и многих других ледниковых животных, были найдены грубо оббитые кремневые орудия и многочисленные изделия из кости; некоторые кости были обуглены, что указывало, конечно, на знакомство гонцовского доисторического человека с огнем.

В Польше, в пещерах, находящихся в долине реки Рудовы, в илистом дне ее, рядом с костями мамонта, пещерного медведя и других ледниковых животных были открыты оббитые кремневые орудия и изделия из кости.

Таким образом, уже в 70-ые годы прошлого столетия стало ясно, что в ледниковую эпоху, по крайней мере — на юге Великой Российской равнины, жили люди, стоявшие, вероятно, на низких ступенях палеолитической культуры, но кости самого человека найдены были в значительном числе только в 78 году прошлого столетия в побережьи Ладожского озера. Эти костяки относятся, впрочем, как и большинство кремневых орудий, найденных вместе с ними, уже к следующему периоду четвертичной эры — к началу современного периода, следовательно уже к неолитической эпохе.

Этот последний период геологической летописи начинается с того момента, когда ледниковый покров совершенно исчез с поверхности Великой Российской равнины, морские бассейны приняли те очертания, которые они сохраняют и ныне, а вместе с тем и установились также бассейны и главнейших наших рек.

Современный геологический период, который тянется и ныне, не может итти, конечно, в сравнение с предыдущими геологическими периодами: он еще не закончен, продолжительность протекшего уже времени ничтожна, она измеряется не сотнями тысяч и не миллионами лет, а тысячелетиями и самое большое десятками тысяч лет. По-

роды, отлагавшиеся в течение этого периоза, те же, которые отлагаются и теперь, они не успели еще окаменеть и отвердеть; это — мягкие речные пески или ил, глины, отложения пещер, торфяники и те поверхностные образования, которые мы называем «п о ч в а м и». Все эти отложения незаметно переходят в подстилающие их ледниковые породы.

Вот в этих-то отложениях современного периода четвертичной эры, главным образом в отложениях пещер, и найдены многочисленные каменные орудия доисторического человека неолитической эпохи.

Первое место принадлежит в этом отношении отложениям известковых пещер. На дне таких пещер скопляются целые слои сталагмитов, образующихся из углекислой извести тех капель, которые ежеминутно падают с потолка и стен пещеры. В этом сталагмитовом слое и сохранились в течение тысячелетий и остатки доисторического человека и кости животных, живших одновременно с ним.

Известны в Европейской России также и селения доисторического человека н е о л и т и ч е с к о й э п о х и. Одна из самых больших таких стоянок раскопана в песчаном холме, на берегу реки Велетьмы (около деревни Волосово, недалеко от гор. Мурома). Из так называемого «культурного» слоя (т.-е. слоя с остатками доисторической культуры) извлечена масса рыбьих, птичьих и звериных костей (особенно много костей лося, бобра, кабана и медведя), целый скелет домашней собаки, тысячи каменных (главным образом оббитых) орудий, костяных изделий, обломков глиняной посуды.

Но, бесспорно, одними из самых важных и интересных являются находки, сделанные профессором И н о с т р а н ц е в ы м в побережьи Ладожского озера, при прорытии нового Сяського канала в 1878 г.

Здесь при искусственных выемках, на глубине 6,4 метра ниже уровня Ладожского озера, залегает незначительный слой торфа, который покрыт слоистыми песками; над этими песками расположены уже дюнные пески, которые тянутся вдоль значительной части южного побережья озера.

В торфе найдено до 40 различных видов растений, главным образом растений, характерных для сырых береговых местностей. Растения эти произрастают в этой местности и ныне. Но кроме них, в торфе и слоистых песках найдены громадные стволы полуобугленных деревьев, преимущественно черного дуба, иногда таких крупных размеров, каких в настоящее время в данной местности уже не встретить. В этом торфе и обнаружены остатки животных и человека. В настоящее время определено 44 вида млекопитающих, рыб и птиц. Особенно много встречено рыбьих костей. Из вымерших млекопитающих найдено только два вида дикого быка (тур и зубр). Остальные млекопитающие принадлежат к видам, встречающимся в данной местности и ныне. Собака была в эту эпоху, уже в одомашненном состоянии, двух видов: одна небольших размеров в роде шпица, а другая — крупная.

Остатки доисторической культуры, найденные здесь, главным образом, также в торфе и только в очень незначительном количестве в песке, — весьма разнообразны. Встречены изделия из камня, кости, рога, дерева и глины.

«Разнообразные остатки побережья Ладожского озера, — говорит проф. Иностранцев, — дают возможность реставрировать ту внешнюю обстановку, при которой здесь существовал доисторический

человек. Обилие остатков лесной растительности указывает, что в это время здесь были обширные, по преимуществу лиственные леса, среди которых находились болота. Это подтверждается и остатками животных. Обилие костей лося и кабана, куницы и соболя, из птиц — тетерева и других — также свидетельствует в пользу значительного развития здесь лесов. Преобладание костей рыб указывает, что доисторический человек побережья Ладожского озера был прежде всего рыболов, а затем уже охотник. Кесслер пришел к заключению, что жители этой местности пользовались рыбою во время метания ею икры, когда рыба подходила близко к берегу; а так как нерест различных рыб, найденных здесь, происходит в различное время года, то почти круглый год человек этой местности мог питаться рыбою, исключая, быть может, летних месяцев, когда в изобилии поспевали ягоды, остатки которых также найдены в этих образованиях».

Остатки человеческих костяков, открытые при ладожских раскопках, принадлежат, по крайней мере, двадцати индивидуумам. По исследованию проф. Богданова, доисторические люди Ладожского озера относятся к весьма низко стоящему человеческому типу...

...Геологический характер наносных пластов, в которых найдены остатки этого доисторического человека, также указывает, по мнению проф. Иностранцева, на глубокую древность этой расы. Изучение геологического строения данной местности показывает нам, что слоистые пески, залегающие здесь над торфом, отложились тогда, когда уровень Ладожского озера стоял гораздо ниже, чем ныне; затем нужно допустить поднятие этого уровня и, наконец, снова падение его до настоящего положения. За это время над торфяным слоем, в котором найдены остатки доисторического человека, успела отложиться значительная толща осадков, что также указывает на громадный промежуток времени, протекший с тех пор до настоящего момента. Некоторые вычисления, хотя и недостаточно точные, оценивают этот промежуток в 80—90 столетий.

Довольно часто встречаются каменные орудия доисторического человека также в дюнах некоторых русских рек, напр. Оки, Волги, Немана; но в дюнных песках, вечно движущихся, невозможно, конечно, сохранение более нежных остатков, для нас более интересных, — человеческих костей.

———

Э. Гроссе.

5. Первобытные народы современности.

Само собою разумеется, что слово «первобытный» мы употребляем здесь не в абсолютном, а в относительном смысле. Охотничьи племена также нельзя причислить к самым первоначальным, если здесь вообще можно говорить о самом начале, так как они имеют за собой, вероятно, уже очень долгий путь развития. Если тем не менее мы причисляем их к первобытным племенам, то мы этим хотим сказать только то, что формы их культуры являются самыми примитивными по сравнению со всеми другими, доступными нашему исследованию, что они ближе к первобытному состоянию находятся, чем какие-либо иные...

Племена, питающиеся исключительно охотой и собиранием растений, встречаются еще и теперь во всех частях света, кроме Европы. Притом почти повсюду они уступают количественно — и даже уже до эпохи европейских колоний — в значительной степени более развитым группам населения; факт, едва ли нуждающийся в особом об'яснении. Африканский континент на всем своем необозримом протяжении дает приют, не считая центральных карликовых племен, культура которых нам почти что незнакома, только одному единственному охотничьему племени, бушменам, ведущим в пустыне Калахари и в прилегающих к ней местах бродячий образ жизни. В Америке чи- и на крайнем юге: — эскимосы с амутами и огнеземельцы. Все остальстые охотничьи племена встречаются еще только на крайнем севере ные племена занимаются более или менее хлебопашеством. Только отдельные бразильские племена, как прославленные ботокуды, живут еще в очень примитивных условиях. В Азии примитивная форма культуры в совершенно чистом виде представлена собственно только минкопи на Андаманских островах; ведды на Цейлоне очень сильно подвергнуты влиянию сингалезской культуры, а чукчи, пасущие оленей, и родственные им племена по северу Сибири перешли уже к скотоводству. Один только континент, не считая местностей, заселенных европейцами, еще всецело населен первобытными народами; Австралия вдается и в этнологическом отношении, как остаток давно исчезнувшего мира, в нашу эпоху.

Здесь, в глубокой замкнутости, сохранились еще в целости на большом протяжении формы культуры, которые в большинстве других мест бесчисленные столетия тому назад отошли уже в область прошлого. В Австралии находят поэтому самый богатый и самый ценный материал для изучения начальных стадий культуры.

Культура всех этих народов представляет, как уже сказано, необыкновенное однообразие. Как охотники, они все вынуждены вести бродячий образ жизни. Вследствие этого промышленная техника развита очень мало и очень односторонне. Об архитектуре, например, можно говорить только собственно у эскимосов, для которых более или менее прочные жилища являются первым условием существования; первые же зачатки керамики встречаются только у минкопи.

Только вооружение, в соответствии с настоятельнейшими жизненными потребностями, достигло сравнительно высокого и подчас весьма целесообразного развития: — стоит только вспомнить о гарпуне эскимосов, о бумеранге австралийцев и об отравленных стрелах бушменов. В этом отношении охотничьи племена стоят, бесспорно, выше примитивных земледельцев и скотоводов. Что касается их религиозных представлений, то у всех их встречается по существу однородная грубая вера в души и в духов, которая, однако, нигде не породила прочных форм религиозного культа.

Социальное расчленение едва намечается. В общем все мужчины одной орды пользуются одинаковыми правами; если же они временно признают над собой власть какого-нибудь лица, то власть эта не бывает ни точно ограничена, ни точно обоснована.

———

К. Тахтарев.

6. Передвижения австралийцев.

Бродячие группы австралийцев постояно передвигаются с места на место, однако всегда держась границы той страны, которую каждая из них называет своею. Приходится двигаться то к речкам и рекам, где можно наловить рыбы, то к местам, которые служат пастбищами для кенгуру, то к чаще леса, чтобы раздобыть материал для изготовления оружия и орудий, то к местам, где в известное время года созревают плоды хлебного дерева.

Не следует, однако, думать, что эти передвижения совершаются группами и в целом составе. «Что касается до подразделений племени, — говорят Спенсер и Гиллен, — то их члены обыкновенно бродят небольшими группами в одну или две семьи; например, два или несколько братьев со своими женами и детьми бродят по области своей тотемической группы, останавливаясь и располагаясь становищами у излюбленных мест, где имеются источники воды, а, следовательно, животная и растительная пища, которая позволяет им удовлетворять свои потребности».

Эти постоянные передвижения соплеменных тотемических групп находятся в самой тесной зависимости от истощения животной и растительной пищи в данном месте и совершаются по решению наиболее старых и влиятельных членов группы. Самый влиятельный из этих «стариков» естественно становится в данном случае общим руководителем или главарем. «Когда главарь, по совещанию с советом старейших, определил это новое место, — говорит Броу Смит, — то рано утром об этом дается знать по всем шалашам. Предметы, необходимые в пути, несутся с собою; предметы же другого сорта остаются спрятанными в покидаемых шалашах или прячутся в дупла деревьев, под камни, в кусты. Нагруженные своим оружием и снарядами, своими плетенками и шкурами, они пробираются через чащу небольшими группами. Мужчины идут обыкновенно с мужчинами, женщины с женщинами. Несмолкаемая болтовня и шум, подчас громкие окрики мужчин, развлекают идущих. Иногда путь прерывается для охоты. При этих перерывах женщины и дети оставляются обыкновенно под защитой двух-трех мужчин, остальные охотятся». При таких переходах женщины обыкновенно идут позади с детьми. Они несут свои плетенки и другую поклажу. Мужчины же идут впереди, неся оружие.

К. Тахтарев.

7. Палеолит у австралийских дикарей.

Как ни древни все эти каменные орудия, они свидетельствуют нам едва ли о более высокой ступени развития культуры, чем та, на которой находятся современные австралийцы, особенно недавно вымершие тасманцы. Многие каменные орудия тасманцев обсечены только с одной стороны. Их форма менее правильна, чем та, какую

придавал своим орудиям древнейший (палеолитический) человек Европы. Они держали свои орудия просто зажатыми в руке, т.-е. именно так, как, предполагается, держал свои орудия первобытный человек Европы. Генри Лин Рот обстоятельно изучил культуру тасманцев и показал степень ее первобытности. Это дало возможность Тэйлору сказать: «Если где-нибудь и оставались до новейших времен люди, образ жизни которых мало изменился со времен ранней эпохи каменного века, то, кажется, такими людьми являются тасманцы. Они рисуют нам жизнь человека, стоящего близко к самому низкому из известных нам уровней культуры». К несчастью, истребленные белым человеком тасманцы уже потеряны для науки. Исчезающие на наших глазах австралийцы стоят на несколько более высокой ступени развития, чем тасманцы. Многие этнологи, а в том числе Кунов, считают и австралийцев представителями палеолитического человека. Во всяком случае они находятся не на более высокой ступени развития культуры, чем переход от палеолитического периода к неолитическому. Сравнение австралийской культуры с культурою первобытного человека Европы показывает нам огромное сходство. И если орудия тасманцев раз'ясняют нам, как палеолитический человек, современник мамонта, пользовался своими орудиями, то жизнь еще не вполне истребленных австралийцев дает нам возможность изучить и понять всю внутреннюю жизнь первобытного человечества.

Каких только догадок и предположений не делалось относительно первобытного состояния человечества! Один, по примеру Аристотеля, считали человека общественным животным и предполагали, что человек с самого своего появления жил небольшими группами родичей. Другие, следуя еврейским священным преданиям, думали, что первоначально человек жил какими-то рассеянными, беспечно-счастливыми парами, подобно библейским Адаму и Еве. Третьи, подобно Гоббесу, утверждали совершенно обратное. Они допускали, что первоначально люди вели рассеянный образ жизни; но это было состояние никогда не прекращавшейся вечной вражды, войны всех против всех.

Наши сведения относительно образа жизни первобытного палеолитического человека Европы ограничиваются тесным кругом сведений об его материальной культуре. Относительно общественных сторон его жизни эти сведения не говорят почти ничего. Серьезное же изучение тасманцев и австралийцев началось сравнительно очень недавно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что споры о первобытном состоянии человечества не прекратились до сих пор. Еще находятся ученые, которые, по примеру Вестермарка, утверждают, что люди вначале вели «одинокий образ жизни». Однако, огромное большинство современных этнографов, этнологов и социологов считают подобное утверждение предположением или гипотезой, лишенною всякого научного основания. И в самом деле, внимательное изучение самых отсталых, самых неразвитых разновидностей человека, наиболее приближающегося по своему образу жизни к первобытному состоянию, не дает решительно никаких сколько-нибудь веских данных, которые могли бы подтвердить такое предположение. Как раз наоборот. Изучение быта австралийцев красноречиво свидетельствует об общественной жизни людей ранних веков камня. Еще и в наше время они живут небольшими бродячими обществами. Эти бродячие общества состоят из нескольких десятков мужчин, женщин и детей; они

бродят в вечных поисках за своею растительною и животною пищей и называют себя общим именем какого-нибудь определенного животного или растения.

———

К. Тахтарев.

8. Заботы о продовольствии у австралийцев.

Очень принято считать, что так называемые дикари до того беззаботны, беспечны и непредусмотрительны, что завтрашний день для них положительно не существует. Между тем предусмотрительность и непредусмотрительность первобытного человека зависит целиком от окружающих условий. Так называемая непредусмотрительность проявляется особенно там, где средства существования находятся в изобилии, как, например, в области прибрежной полосы, между Великим океаном и хребтами Австралийских Альп. Здесь травянистые равнины кишат стадами кенгуру и других травоядных животных; лесные чащи служат убежищем для опоссума и игуанов; реки и озера кишат рыбою; разные кустарниковые растения доставляют корни, семена и ягоды; на суше и на воде стаи птиц. Таким образом, пища здесь в изобилии. Само собой разумеется, что туземцы этой страны гораздо менее принуждены быть предусмотрительными, чем жители какой-либо другой части Австралии. Однако, даже обитатели этой богатой местности из предусмотрительности нередко собирают запасы продовольствия. Тем более это можно сказать про обитателей таких областей, где природные условия не благоприятны, где бывают продолжительные засухи и средства существования скудны. Там туземцы собирают запасы и прячут их в дупла дерев, под камни, зарывают в землю, не раньше, конечно, чем удовлетворят свой голод, если найдено пищи больше, чем надо для немедленного утоления голода. Чарльз Коксен свидетельствует, что во время своего путешествия по внутренности Австралии он находил значительные запасы травяных семян, смолы камедных деревьев и другие запасы. Все это было упаковано в большие мешки из шкур кенгуру и покрыто древесной корой для предохранения от дождя. Найдя пчелиный мед, туземец Австралии, если ему немедленно не требуются соты, отмечает дерево каким-нибудь знаком.

Говоря о непредусмотрительности первобытного человека, обыкновенно забывают, что он еще не изобрел никаких способов предохранять мясо от порчи. А при таких условиях, едва ли можно делать какие-нибудь мясные запасы: ведь животная пища не пчелиный мед и не семена растений. Во всяком случае туземцы делают большие запасы пищи на время продолжительных общеплеменных собраний, которые иногда длятся целые месяцы. Что касается до запасов не пищи, а материалов, то такие запасы делаются, конечно, на довольно продолжительное время. За запасами камня для изготовления оружия, за запасами охры для украшений, за запасами веточек возбуждающего кустарника пичери отправляются целые экспедиции. Запасы эти иногда изготовляются на целый год.

«Современные диери [1], — рассказывает Хауитт, — ежегодно посылают отряд выносливых мужчин в страну кустарника пичери. Отряд

[1] Одно из австралийских племен.

старательно собирает с кустарников листья и молодые веточки. Затем в песке вырываются небольшие углубления в два фута глубиной и нагреваются горячими угольями. Очищенные листья и веточки пичери кладутся в углубления, закрываются сверху песком и пекутся. Когда растительный сок испарится, пичери выбирается из ям и набивается в плетеные мешки и маленькие шкурки. Каждый мужчина несет около 70 фунтов».

Что касается до пищи, то австралийцы употребляют в пищу все, что только можно есть. Трава, корни растений, семена всевозможных трав, разные плоды, орехи, ягоды, цветы, дикий мед, грибы, всевозможные насекомые и яйца муравьев, слизняки, улитки, всякие озерные и речные ракушки, раки, разные породы рыб, лягушек и ящериц, игуаны, крокодилы, змеи, птицы, мясо всех млекопитающих — все служит пищей. Собирание трав, семян, корней, плодов и охота за мелкими животными составляют занятие женщин и детей, наравне с заботою о поддержании огня и доставкою воды. Дело мужчин — охота за более крупными животными, как кенгуру, эму и др.

Охотятся в одиночку или совместно. В первом случае подстерегают у родников жаждущую воды дичь и убивают ее копьями и бумерангами. Иногда мужчины сходятся по два и по три вместе. Один садится в засаду, другие гонят на него дичь. Иногда для охоты на кенгуру собирается большое число туземцев, образуя целый охотничий отряд. В этом случае общественная охота ведется под руководством наиболее опытных охотников. Они заведуют всем ее ходом, определяют места участников. Пространство, полверсты и даже более в поперечнике, окружается охотниками. Крича и стуча оружием, они постепенно суживают круг, и когда животные находятся уже на достаточно близком расстоянии, их бьют копьями или ударами дубин в то время, как несчастные кенгуру мечутся из стороны в сторону. Иногда пускается в дело огонь, если требуется набить очень большое число животных. При таких случаях мужчины образуют круг и зажигают кустарники, сгоняя таким способом животных в одно место. Из описания Берклэ видно, что иногда две местные племенные группы устраивают сообща своего рода охотничий поход; если дичь в изобилии, они остаются на месте охоты продолжительное время. Наконец, во время празднеств посвящения молодых мужчин и приема посвященных в члены племени, иногда соплеменные группы собираются в одно место, устраиваются еще более величественные охоты. При этом разумеется само собой, что, чем более широко, чем более общественно ведется охота, тем большее значение имеет и общественное начало сотрудничества, разделение труда и руководство ходом охоты.

Ловля рыбы производится различными способами, начиная от ловли ее руками и убивания копьями, кончая сетьми, запрудами из песку и камней и отравлением воды при помощи некоторых растений. В последнем случае одурманенная рыба всплывает на поверхность. Совместное ведение рыбной ловли весьма распространено; в особенности оно процветало среди прибрежных племен. Филипп Чаунси рассказывает один способ ловли, который ему удалось видеть. Две или три женщины следили за рыбой с выдающегося берега; в то же время двадцать или тридцать мужчин и женщин, вооружившись ветками, образовали полукруг, идя по мелкому месту залива до тех пор, пока не приходилось плыть. Тогда они замыкали круг, сгоняя рыбу в небольшое пространство около берега, в то время как другие ловили ее ру-

ками и швыряли на берег. Туземцы ловят рыбу также на крючки из кости. При рыбных ловлях иногда употребляются челноки, сделанные из коры.

Распределение добытой пищи имеет у австралийцев свои особенности. Добытая, тем или иным способом, дичь является делом рук охотника. Однако, она не поступает в его исключительное пользование. Предположим, например, что трое мужчин охотились на кенгуру. Одному из них удалось его убить, другие не поспели. Дело происходит на некотором расстоянии от становища. Удачник разводит костер, в то время как двое других потрошат дичь. Они сообща жарят внутренности и совместно с'едают их. Так как расстояние до становища не близкое, то кенгуру жарится. Он распределяется следующим образом: один из неудачливых охотников получает ногу и хвост, другой — ногу и часть плеча. Убивший получает все остальное и тащит в становище. Там добыча делится согласно существующим обычаям.

Можно ли вывести из этих способов распределения пищи, что способы пользования у австралийцев не вполне соответствуют способам труда? Труд охотника, убившего кенгуру, был единоличным трудом. А пользование плодами рук его является делом общественным, упорядочиваемым известными обычаями. На это можно заметить, что ведь кормовая область, на которой был убит кенгуру, со всеми ее природными богатствами, является собственностью всей группы; значит, таковою считается и убитый в этой области кенгуру

———

Г. Шурц.

9. Хозяйство у лесных пигмеев[1] и бушмен.

Первыми представителями чисто примитивного, присваивающего хозяйства могут быть названы две группы африканских народов, принадлежащие к малорослым, светлокожим обитателям материка, так называемым карликовым народам. Народы эти находятся, очевидно, в близком антропологическом родстве, но живут в различных географических условиях; одни — карликовые лесные племена внутренней Африки, другие, живущие в степях южной Африки, — бушмены.

Об экономической жизни лесных пигмеев Штульман говорит следующее: «культурная ступень, на которой стоят африканские пигмеи, — это ступень бродячих охотников. У них нет нигде оседлости, нигде они не занимаются земледелием и блуждают по лесу с одного места на другое. На благоприятных местах они устраиваются на недели, иногда на месяцы, но бросают их тотчас, как только дичь в окрестностях оскудеет. Охотничья добыча составляет для них главное средство существования. Но так как они не могли бы существовать исключительно одной мясной пищей, то они вынуждены собирать в лесу плоды и грибы». Здесь мы имеем характерную черту низшего присваивающего хозяйства — его бродячий характер, об'ясняющийся скудостью средств пропитания. Даже самая маленькая группа

[1] Так называются малорослые обитатели лесов центральной Африки.

относящихся сюда народов должна эксплуатировать большую страну, чтобы иметь средства к жизни, и, так как они принуждены скитаться, то об оседлости у них не может быть речи. Эти скитания, естественно, имеют по большей части определенные границы и являются скорее ритмическими колебаниями то в одну, то в другую сторону в пределах территории племени.

Штульман называет пигмеев «кочующими охотниками», но термин этот выбран неудачно. Выражение «кочевники» скорее можно применить к кочующим скотоводам, которые не имеют ничего общего по своему хозяйству с африканскими карликами. Их лучше было бы назвать «собирателями», как предлагает Эдуард Ган, или «народами бродячими».

Выражение, что карлики «принуждены» собирать растительную пищу, также может повести к недоразумениям. Здесь дело идет просто о всюду встречающемся двойном хозяйстве, только в полярных странах полный перевес оказывается на стороне животного питания. Для охоты карлики пользуются стрелами и луком, различного рода ловушками и сетями. Единственным домашним животным является собака. Несмотря на всю бедность своего существования, карлики, в своем культурном состоянии, проявляют признаки зависимости от более культурных соседей и живут с ними в отношениях симбиоза [1].

Если бедность животного царства лесов центральной Африки принуждает племена пигмеев вести скитальческий образ жизни, то в южно-африканских степях главной причиной бродячего быта является, прежде всего, недостаток воды. Дичи было, по крейней мере прежде, в африканских степях довольно много, количество же полезных растений — скудно, чем и об'ясняется преобладание животной пищи. «Как почти всякая жидкость, — пишет Фрич, — которая не прямо ядовита, кажется бушмену годной для питья, точно так же он считает с'едобным все, что имеет хотя маломальски что-либо питательное. В особенности же из животного мира дети пустыни не оставляют ничего, что можно с'есть. Если у них нет крупной дичи, они едят ящериц, змей, кузнечиков и термитов — последние считаются особенно вкусным кушаньем. Бушмен не различает, свеж или наполовину сгнил продукт, когда он подносит его ко рту; к своим вкусовым нервам он относится с полнейшим презрением. Бушмены лишь слегка обжаривают мясо и глотают его полусырым. Потрошить животных и очищать кишки они считают лишней работой». Понятно, что охотничьи способности развиты у них прекрасно. Бушмены ловко овладевают дичью с помощью отравленных стрел, сетей и ловушек. Преобладание охоты ведет за собою то, что женское отдельное хозяйство развивается не очень заметно. На долю женщин приходится добывание воды, дров и скудной растительной пищи, и сума, которую он постоянно носят с собой, характеризует их, как собирательниц.

---

[1] Соседями их являются негры-земледельцы, у которых они получают зерно в обмен на дичь. Но это не правильный обмен, а тайное ночное похищение с поля плодов и зерен. На месте похищенного оригинальные грабители оставляют дичь. Земледельцы мирятся с такого рода «грабежом», так как взамен похищенного получают мясную пищу.

10. Хозяйство бродячих охотников.

У доступных нашему наблюдению племен, стоящих наиболее низко в культурном отношении, мы почти совершенно не находим организованных общественных союзов. Небольшими группами, подобно стадам животных, рыщут они в поисках за пищей, находя ночлег в пещере или под деревом, за щитом против ветра, сделанным наскоро из хвороста, а нередко просто в вырытой в земле яме; питаются, главным образом, плодами и корнями, но едят также всякую живность, какая попадается им в руки, вплоть до моллюсков, червей, кузнечиков и термитов. Мужчины обыкновенно вооружены лишь стрелами, луком и метательным древком. У женщин главным орудием служит заостренный кусок дерева, в виде палки, которую они употребляют для выкапывания корней. Робкие при столкновении с выше стоящими племенами, часто коварные и хитрые, они ведут кочевой образ жизни, при котором тело, правда, приобретает много проворства и ловкости, но зато техническое искусство развивается чрезвычайно медленно и односторонне. Большинство относящихся сюда племен совершенно не знают еще ни гончарного производства, ни обработки металлов. И даже из дерева, лыка, камня и костей они делают мало употребления; нигде мы не находим запасов утвари и орудий, завести которые и невозможно при бродячей жизни, являющейся не чем иным, как непрерывными поисками за пищей.

Эти племена называют нередко «низшими охотниками»; но едва ли охота в тесном смысле служит для них главным источником пропитания. Все они питаются растительной пищей, поскольку могут ее достать, и среди тех из них, которые живут в жарких странах, такая пища, повидимому, преобладает. Запасов из плодов и корней, служащих им для питания, они, повидимому, не делают. Место, изобилующее предметам пропитания, привлекает, конечно, большое число соплеменников, подобно тому, как богатая кормом местность привлекает стада животных; но, как только запас исчерпан, они снова расходятся в разные стороны. То же относится к моллюскам и насекомым, которыми они питаются: каждый индивид поедает тотчас все, что находит; нет общего домохозяйства, как нет и общего дома. Лишь в том случае, когда убивается животное крупных размеров или его находят мертвым (пристрастие к загнившему мясу весьма распространено), собирается вся группа, и каждый пожирает сколько может. Но охота на этих животных по своему характеру весьма напоминает приемы хищного зверя, выслеживающего свою добычу. Обладая крайне несовершенным оружием, эти племена почти не в состоянии убить зверя сразу; главная задача охотника состоит в преследовании подстреленного зверя до тех пор, пока он не упадет в изнеможении мертвым.

---

11. О первобытном обществе.

Самое древнее общественное устройство, какое нам только известно, мы находим у наиболее отсталых народов Австралии. Это общество является до-родовым, и некотрые ученые называют его то-

темическим. Но оно отнюдь не является первобытным в истинном смысле этого слова. Даже самые отсталые из современных дикарей по своему общественному развитию стоят значительно выше общества начала палеолита. Об этом действительно первобытном обществе у нас нет никаких сведений. Мы его можем представить себе лишь гипотетически. Надо полагать, что древнейшее человеческое общество представляло из себя стадо-орду из нескольких десятков человек, которые бродили вместе в поисках за пищей. Возможно, что во главе орды стоял вожак, наиболее сильный и опытный мужчина. В этой орде все мужчины и женщины составляли как бы одну семью. Семьи в нашем смысле слова не существовало вовсе. Очень вероятно, что пища людей состояла в то время, главным образом, из плодов, ягод и с'едобных корней, т.-е. была растительной. Изобретение орудий и оружия (копья, каменного топора) сделало первобытного собирателя растительной пищи охотником, каким его описывает археология. А охотничий образ жизни создал ту тотемическую орду с ее подразделением членов орды по полу и возрасту, какую представляет теперь общество австралийских дикарей.

Тотемическая орда представляет собою группу более или менее родственников. Но кровное родство не сознается. Не оно в сознании людей об'единяет их, а их общее происхождение от тотема, какого-либо животного или растительного вида, который считается предком данной группы или целого ряда групп.

———

К. Тахтарев.

12. Тотемическое общество австралийцев.

Австралийское племя представляет собою самый простейший и первобытный из известных нам видов человеческого общества. Однако, и оно отстоит уже весьма далеко от того первобытного человеческого общества, которое рисуется в нашем воображении мало чем отличающимся от стада животных, живущих общественной жизнью.

Каждое австралийское племя состоит из некоторого числа групп людей, бродящих по определенной области племенной территории в повседневных поисках за своей животною и растительной пищей. Каждая такая группа, представляющая собой местное подразделение племени, состоит из нескольких десятков мужчин, женщин и детей, носящих название того или иного животного или растения, с которым они связывают всю свою жизнь. Так, в одной области племенной территории мы видим людей — кенгуру, в другой — людей — эму. Третье пространство племенной территории находится в обладании людей — ящериц, по четвертым бродят люди — змеи и т. д. Не следует, впрочем, предполагать, что каждая тотемическая группа состоит из людей исключительно одного и того же наименования. Обстоятельные исследования состава членов различных тотемических групп такими обстоятельными исследователями, как Спенсер и Гиллен, показали, что тотемические группы преимущественно, но не исключительно состоят обыкновенно из людей одного и того же, по большей части животного наименования, т.-е. состоят только из членов данного тотема. В большинстве случаев, в этих тотемических группах можно найти некоторую примесь людей иного тотемического обозначения. Этот факт с первого

взгляда кажется совсем непонятным, хотя он и согласуется с истинным характером до-родового тотемического общества людей, продолжающих об'яснять свое появление на свет не последствиями полового общения, а вхождением душ их тотемических предков в утробы женщин, проходящих мимо тех мест, которые служат убежищами душ умерших людей.

Само собой разумеется, что если женщина, которой придется итти почему-либо по области другой тотемической группы, почувствует себя беременной проходя мимо мест, служащих убежищем душ чуждого ей тотема, то она потом родит ребенка, тотем которого будет совершенно иной, чем тотем матери или сожительствующего с ней мужчины. Очевидно, подобные случаи, хотя они бывают и не очень часто, однако случаются время от времени. Именно этим-то обстоятельством и об'ясняется вполне естественно та незначительная примесь людей иного тотемического наименования, которое обыкновенно замечается в тотемических группах у самых различных австралийских племен.

Тотемическая группа людей того или иного наименования состоит из целого ряда брачных сожитий, на которые она иногда распадается. Это бывает в наиболее скудное, голодное время года, когда становится трудно значительному числу людей прокормиться в одном месте. Но обыкновенно они ведут свою жизнь сообща, совершая совместные переходы по своей области и располагаясь в определеных местах ее общим становищем.

Отдельные брачные сожития, занимающие отдельные шалаши, представляют собою мельчайшие общественные единицы племени. Но эти мельчайшие элементы тотемического общества не самодостаточны [1] даже в области удовлетворения самых необходимейших своих потребностей. Во время общественных охот, ловель, совместного собирания плодов, корней и проч. члены различных брачных сожитий смешиваются друг с другом. Добыча материалов для выделки оружия, украшений и проч., как и продовольствия, происходит очень часто общественным способом. Для этого часто собираются целые отряды сильных и трудоспособных мужчин. Во всех этих отношениях отдельные брачные сожития не самодостаточны. Они могут существовать лишь, как частицы той тотемической группы, в состав которой они входят. Они могут обеспечивать свое существование лишь сообща.

Настоящею основною общественною единицею тотемического общества служит тотемическая группа. Она обладает необходимыми для жизни ее членов кормовыми пространствами. В ее области можно найти большинство материалов, нужных ее членам для выделки необходимейших предметов их потребления. Ее трудоспособные члены могут сообща обеспечить удовлетворение большей части своих жизненных потребностей.

Главнейшим общественным делом ее членов является обеспечение продовольствия и охрана тех кормовых пространств, на которых водится их животная и растительная пища, где находятся необходимые им материалы и проч. Главнейшею основою жизни сообща членов данной тотемической группы служит сотрудничество охотников, ловцов, собирателей растений и пр., которое проявляется в общественных

[1] Термином «самодостаточный» автор определяет способность данной группы существовать независимо от других групп.

охотах, ловлях, совместных собираниях плодов, корней и организациях целых отрядов для добывания необходимых материалов и проч. При этом необходимо заметить, что обычные способы охоты, ловли, собирания плодов, дико-растущих семян, с'едобных корней и проч. часто оказываются далеко не достаточными средствами для обеспечения продовольствия значительного числа сообща живущих людей, которые не знают никаких других производительных сил, кроме силы органов своего собственного тела и силы огня, употребляемого для поджигания сухой травы с целью выгнать прячущихся в ней животных. В сухое, бесплодное и голодное время года, человеку ранних веков камня, обеспечивающему свое существование самыми первобытными способами, бывает особенно трудно добыть необходимое ему пропитание как сообща, так и врозь. Часто это не удается, несмотря на все его стремления, попытки и ухищрения. Тогда приходится голодать...

Ни одна тотемическая группа не может исключительно собственными силами обеспечить все стороны жизни своих членов. Хотя она и живет до известной степени своей обособленною местною общественною жизнью, но во многих жизненных отношениях она свершенно несамодостаточна и нуждается в помощи и содействии других тотемических групп, входящих в состав данного племени. Вот почему тотемическим обществом следует считать не отдельные тотемические группы, а всю совокупность соплеменных тотемических групп, связанных друг с другом общею жизнью в области всестороннего обеспечения самых различных потребностей своих членов, каковы: 1) обеспечение продовольствием и пользованием кормовыми пространствами и всякого рода производственными средствами; 2) обеспечение брачной жизни и плодовитости данного племени, обеспечение потомства; 3) воспитание молодежи, превращение молодых людей в полноправных соплеменников; 4) упорядочение самых различных сторон общественной жизни, охрана старых полезных обычаев и правил общественного поведения и установление новых общественных учреждений; 5) обеспечение внутреннего мира и внешней безопасности. Удовлетворение всех этих общественных потребностей должным образом может быть обеспечено членами различных соплеменных тотемических групп лишь сообща. Для этого требуется их общеплеменная организация, которая и лежит в основе тотемического общества, порождаемого жизнью сообща членов различных тотемических групп.

К. Тахтарев.

13. Власть в тотемическом обществе.

Гейсон, описывая, как ведутся общественные дела в тотемических группах племени диери, среди которого он жил так долго, что был даже посвящен в племенные тайны, говорит: «Какое бы неотложное дело ни пришлось обсуждать... один из стариков поздно вечером обдумывает дело раньше, чем стан погрузится в сон. На заре следующего дня созывается общее собрание взрослых, т.-е. полноправных мужчин стана, и держится совещание... На каждый вопрос, предлагаемый старым и влиятельным членом совещания, собравшиеся отвечают немедленно же. А когда он кончит свою речь, то нередко го-

ворят по три, по четыре зараз». Гейсон сообщает, что у тотемических групп, жизнь которых ему удалось непосредственно и долгое время наблюдать, имеются особые главари, избираемые из числа наиболее влиятельных членов тотемических групп, руководящие различными общественными делами. Таплин писал: «Каждая из 18 тотемических групп племени нарриньери управлялась совещанием стариков, известным у них под названием — тенди». Число членов этого совещания было около 10 пожилых людей. Альфред Хауитт сообщал о подобной же организации власти у исследованного им племени курнаи. У племени курнаи общественные дела обсуждались на особых совещаниях «стариков» и решались на общих собраниях посвященных членов тотемических групп. «Я сам присутствовал на таких совещаниях,—говорит Хауитт, — и я заметил, что эти совещания старательно оберегались от присутствия женщин и непосвященных мужчин. Более молодые сидели вокруг в некотором отдалении и внимательно слушали, но не решались говорить. Старые говорили, соблюдая очередь. Главарь обыкновенно высказывался последним, и его предложения большею частью принимались. Я всегда поражался тем глубоким и почтительным вниманием, с которым какой-нибудь молодой человек склонял голову и, опустив глаза, слушал даваемое ему на этих собраниях наставление. На подобных собраниях „старики“ часто чинили суд и расправу над нарушителями обычного права». О главарях тотемических групп Хауитт говорит следующее: «Среди членов каждого тотема имеется, конечно, мужчина, который старше всех других членов тотема. Благодаря своему старшинству, он становится первым человеком тотема и называется „пина-пинару“, что значит старейший из стариков, наибольший из больших... Он может занять положение главаря, если вдобавок к своему старшинству по возрасту он обладает большим умением и другими необходимыми для главаря качествами», т.-е. если он отличается своими способностями и выдается своим жизненным опытом, знанием обычаев и преданий своих предков и пользуется особым влиянием на своих сообщественников. По сообщению Рота, у исследованных им квинслендских племен «старики» играют роль настоящих правителей и судей, держа под своим влиянием общественное мнение соплеменников... и обеспечивая повиновение племенным обычаям.

Спенсер и Гиллен, выясняя положение и роль главарей тотемических групп, говорят: «В тесных границах своей тотемической группы главарь (алатунья) считается его руководителем... Алатунья есть то лицо, которое созывает на совещание пожилых людей (старейших членов тотемической группы), и они обсуждают в своих собраниях всякое значительное дело, каковы: исполнение священных обрядов, наказание лиц, нарушивших племенные обычаи... и пр.». Алатунья или главарь у племени, исследованных Спенсером и Гилленом, является определенным руководящим общественно-должностным лицом, которое главенствует на собраниях посвященных членов тотемической группы, заведует священным чурингохранилищем, местонахождением душ тотемических предков, руководит исполнением тотемических обрядов и проч. Обыкновенно такой главарь пользуется своей властью лишь среди членов своей тотемической группы, но если он выдается по своим способностям и по своему личному влиянию среди главарей всех других тотемических групп, то его власть может простираться и на членов других тотемических групп. По этому поводу Спенсер и Гиллен писали следующее: «Если алатунья стар и выдается по своим способно-

стям, то он может иметь большое влияние. Быть может, лучшим способом выяснить его роль будет сказать, что в случае, если он человек больших способностей, — но только в этом случае — его положение дает ему возможность пользоваться значительной властью не только над членами своей собственной группы, но над членами тех соседних групп, главари которых не обладают его способностями».

Ф. Энгельс.

14. Первобытные брачные и семейные отношения.

Морган, который большую часть своей жизни провел среди живущих в штате Нью-Йорк ирокезов[1] и был усыновлен одним из их племен (племенем сенек), нашел у них систему родства, не соответствовавшую действительным их семейным отношениям. У них существовал тот легко расторжимый обеими сторонами вид одиночного брака, который Морган называет «парной семьей». Потомки таких супругов ни для кого не подлежали сомнению и всеми признавались; ясно было кого назвать отцом, матерью, сыном, дочерью, братом, сестрой. Но тому противоречит употребление у них этих выражений. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом; детей же своих сестер они называют племянниками и племянницами, а они его дядей. Наоборот ирокезка называет сыновьями и дочерьми детей своих сестер, а эти зовут ее матерью. Детей же братьев она называет племянниками и племянницами и сама зовется ими теткой. Также и дети двух братьев или двух сестер называют друг друга братьями и сестрами; а дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями. И это не одни слова, но и выражение фактически существующих представлений о близости и отдаленности, равенстве и неравенстве кровного родства; они лежат в основании весьма подробной системы родства, которая в состоянии выразить до нескольких сотен различных родственных отношений для каждого лица. Далее эта система существует не только у всех американских индейцев (до сих пор не нашлось исключений), но почти в том же виде встречается у первобытных жителей Индии, у дравидских племен Декана и гауров в Индостане. Выражения родства томилов Южной Индии и сенека ирокезов штата Нью-Йорк еще и теперь совпадают для двухсот слишком родственных отношений. И как у всех американских индейцев, так и у этих племен Индии, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, не согласны с системой родства. Как же об'яснить это? При той решающей роли, какую играет родство в общественном устройстве всех диких народов и у варваров, нельзя общими фразами обойти значения этой столь распространенной системы. Система, имеющая всеобщее распространение в Америке, существующая в Азии у народов совершенно иной расы, сохранившаяся в более или менее измененном виде во множестве мест Африки и Австралии, требует исторического об'яснения, а не может быть отрицаема, как это пытался сделать Мак Леннан. Обозначения отца, сына, брата, сестры не просто почетные

[1] Одно из северо-американских индейских племен. Большинство племен стоит на ступени родового общества.

названия, но влекут за собой для той и другой стороны точно определенные и серьезные обязанности, совокупность которых составляет существенную часть в общественном устройстве этих народов. Об'яснение нашлось. На Сандвичевых островах (Гаваи) еще в первой половине этого столетия существовал вид семьи, дававший точно таких отцов и матерей, братьев и сестер, сыновей и дочерей, дядей и теток, племянников и племянниц, каких требует система родства в Америке и древней Индии. Но вот что замечательно. Система родства, имевшая место в Гаваи, опять-таки не соответствовала фактически существовавшей там форме семьи. А именно, там все дети братьев и сестер без исключения братья и сестры и считаются общими детьми не только своей матери и ее сестер, или своего отца и его братьев, но всех безразлично братьев и сестер своих родителей. Таким образом, если американская система родства заставляет признавать в Америке существование вымершей более первобытной формы семьи, подобной той, которую мы в самом деле и находим еще в Гаваи, то с другой стороны гавайская система родства указывает на еще более первоначальную форму, существование которой мы более нигде не можем указать, но которая д о л ж н а была существовать, так как иначе не могла бы явиться соответствующая система родства. «Семья, — говорит Морган, — есть элемент активный, она нигде не остается неподвижной, но постоянно переходит от низшей ступени к высшей. Наоборот, системы родства неподвижны; только через долгие промежутки они отмечают успехи, сделанные в течение времени семьей, и только тогда испытывают радикальную перемену, когда уже радикально изменилась семья». «И, — прибавляет Маркс, — то же происходит вообще и с политическими, религиозными, философскими системами». Пока жива форма семьи, окостеневает система родства и сохраняется по привычке, тогда как семья перерастает ее. Но с тою же уверенностью, с какою Кювье, по найденным вблизи Парижа костям скелета, мог заключить, что он принадлежал сумчатому животному и что там некогда существовали вымершие сумчатые животные; с такою же уверенностью мы можем из исторически передаваемой системы родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи. Только-что упомянутые системы родства и формы семьи отличаются от ныне господствующих тем, что каждый ребенок имеет по нескольку отцов и матерей. В американской системе родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства предполагает напротив семью, в которой это должно было быть так. Мы встретили здесь целый ряд видов семей, прямо противоположных тем, которые мы до сих пор обыкновенно считали единственно возможными. Обыденное представление знает только моногамию, многоженство при одном муже и, пожалуй, многомужество при одной жене; при этом оно умалчивает о том, что практика втихомолку, но бесцеремонно переступает через эту границу, официально поставленную обществом. Изучение же первобытной истории знакомит нас с такими состояниями, где в одно и то же время мужья живут в многоженстве, а жены их в многомужестве, а потому общие их дети и считаются принадлежащими им всем; и эти состояния до окончательного их перехода в одиночный брак, в свою очередь, подвергаются целому ряду перемен. Перемены эти такого рода, что охватываемый общей брачной связью круг, первоначально очень обширный, мало-по-малу суживается, пока,

наконец, не останется только одна пара, как это и имеется теперь. Восстанавливая, таким образом, первобытную семью в ее историческом развитии, Морган, как и большинство его коллег, приходит к такому первобытному состоянию, где внутри племени происходили неограниченные сношения полов, так что каждая женщина принадлежала одинаково каждому мужчине племени, а каждый мужчина — каждой женщине...

1) Семья, основанная на кровном родстве—первая ступень семьи. Здесь группы супругов разделены на поколения: все деды и бабки в пределах семьи считаются между собою мужьями и женами, также их дети, т.-е. отцы и матери; дети же последних входят в третий круг общих супругов, а их дети или правнуки первых — в четвертый. Итак, в этой форме семьи только предки и потомки, отцы и дети исключены от «прав обязанностей» (как мы бы выразились) брака между собой. Братья и сестры, родные и двоюродные и троюродные и еще более далекие, по родству все считаются между собой братьями и сестрами, а вследствие этого мужьями и женами друг друга. На этой ступени отношения брата к сестре сами собой включают взаимные половые отношения. Типичную форму такой семьи представило бы потомство одной пары, где члены каждого поколения были бы между собою братьями и сестрами, а, следовательно, мужьями и женами. Основанная на кровном родстве семья исчезла; даже самые первобытные народы, о которых упоминает история, не дают нам примера ее. Но признать то, что существовала она, заставляет нас господствующая еще теперь во всей Полинезии гавайская система родства, выражающая родственные отношения, могущие произойти лишь при этой форме семьи; то же доказывается и всем последующим развитием семьи, неизбежно требующим такой формы, как первоначальной ступени.

2) Пуналуальная семья. Если первый шаг в организации семьи состоял в исключении из взаимных половых сношений родителей и детей, то второй должен был состоять в исключении братьев и сестер. Вследствие большого равенства лет затронутых лиц, этот шаг был гораздо важнее, но зато и труднее первого; он произошел постепенно, начавшись с исключения из взаимных половых сношений единоутробных (т.-е. от одной матери детей, — исключения, сперва происходившего в отдельных случаях, потом освященного обычаем (в Гаваи еще в нынешнем столетии бывали нарушения); кончился он запрещением брака даже между более отдаленными родственниками, а именно между детьми, внуками и правнуками братьев и сестер.

———

Г. Куков.

15. Первобытная орда и зарождение брака и семьи.

В ту первобытную эпоху, строй жизни которой давно уже оставлен позади даже самыми отсталыми народами современности, человек жил в стадном состоянии (ордами) подобно тому, как еще и в настоящее время мы встречаем орду у примитивнейших из всех известных нам первобытных народов и именно в такой форме, которая свидетельствует о давности ее происхождения.

О том, как велики были эти первобытные орды, само собою разумеется трудно с уверенностью сказать. Если судить по величине орд у австралийцев, аэтов (на Филиппинских островах) и бушменов (в Южной Африке), то они нередко состояли более чем из 50 или 60 человек.

В этих первобытных ордах вначале господствовали совершенно свободные половые сношения, так называемый промискуитет, т.-е. нравственные запреты не препятствовали свободному половому общению между мужчинами и женщинами одной орды, при чем совершенно игнорировались родственные отношения. И этого состояния мы уже более не встречаем у наших современных дикарей, так как все они уже перешагнули через эту начальную ступень; однако брачные и родственные отношения, а также наименования родства у современных дикарей безусловно предполагают такое первобытное состояние свободного полового общения, как предварительную ступень дальнейшего развития.

Однако, и эта первобытная эпоха должна была... иметь свое развитие, свой прогресс. Тысячелетия, которые она, повидимому, продолжалась, не могли протекать однообразно, совершенно без перемен, а затем внезапно скачками достигнуть той ступени развития, от которой еще и теперь сохранилось столько пережитков у наименее развитых первобытных народов. Подобно тому, как в первобытное время техника орудий производства и оружия совершенствовалась, хотя и бесконечно медленно, так и общественная жизнь дикаря уже и в то время должна была постепенно развиваться. Это развитие, естественно, должно было быть процессом дифференциации, явившимся простым следствием природных, биологических различий между членами орды: различия возраста и различия пола. Миллер-Лиер предполагает существование трех таких степеней развития в первобытное время, которые он, однако, в виду того, что точность их трудно установить, рассматривает, как гипотезы, как вероятные формы.

1) Период неорганизованной, звероподобной жизни орды.

2) Период существования орды, организованной на основе возрастных групп.

3) Период половой дифференциации, когда возникает частный брак и отдельная семья.

С постоянным дальнейшим развитием на долю отдельных частей орды выпадают, естественно, особые обязанности: борьба с другими ордами, участие в охоте и т. д. становится преобладающим занятием взрослых и сильных, совещания о перекочевках и вражеских действиях, также хранение и выполнение старинных обычаев выпадают на долю опытных и старых. Так возникают постепенно определенные различия в занятиях, связанные с группировкой по возрастам. Образуется слой молодых, еще не способных к борьбе и охоте, слой способных к борьбе и зрелых в половом отношении взрослых, слой стариков.

И далее возникает определенное разделение труда между мужчиной и женщиной соответственно различиям, свойственным полу. На обязанности взрослой женщины лежит не только кормление грудью, ношение, уход за потомством, но ей приходится также во время скитаний носить на себе немногие домашние пожитки, собирать травы, коренья, ягоды, сушить их, в то время как ловля дичи, снятие с нее шкуры и свежевание становится специальным занятием мужского поколения. И это «подразделение по полам» ведет, естественно, в даль-

нейшем к «первобытному браку» и к «отдельной семье». Под этими выражениями Миллер-Лиер подразумевает не нашу современную моногамию и покоющуюся на ней отдельную семью (малую семью), а только временное, часто очень короткое соединение двух людей для совместной жизни. Ибо, как верно замечает Миллер-Лиер в другом месте, брак является для мужчины не любовной связью — для удовлетворения своей половой страсти он в экзогамической орде не нуждается в частной половой связи — а хозяйственное полезное для него установление: он нуждается, известным образом, в подруге ради ее помощи работой, дополняющей его собственную.

Первый большой шаг вперед в истории развития семьи состоит в том, что были отменены, т.-е. запрещены половые сношения между только что упомянутыми возрастными группами или представителями различных поколений. Так возникает тот период развития, который Миллер-Лиер называет «раннеродственной фазой». Он причисляет к ней все охотничьи народы, не знакомые еще с земледелием и скотоводством, как например, австралийцев, бушменов и карликовые народы центральной Африки, горных веддов (на Цейлоне), минкопи (негритосов Андаманских островов), аэтов (первоначальное население острова Люсона), жителей Огненной Земли и проч. В действительности, мы однакоже ни у одного из этих племен не находим более вышеназванного расслоения по поколениям в его первоначальной чистоте. Повсюду, как у самых примитивных австралийских орд, так и у огнеземельцев и минкопи — мы встречаем, на-ряду с запретом половых сношений между младшими и старшими возрастными группами, уже другие экзогамические запреты, более или менее исключающие сожительство между однородными членами орды; отчасти мы находим даже у этих диких народов уже развитую тотемическую организацию. Хотя нам еще и теперь миссионеры и путешественники сообщают о том, что у того или другого народа происходят браки между родителями и детьми или между братьями и сестрами ... но тем не менее все подобные сообщения оказывались потом неверными. Подобные сведения имеют ценность только тогда, если наблюдатель хорошо знаком с системой родства данного народа, т.-е. если ему вполне ясны отдельные родственные отношения и степень распространения коллективных родственных обозначений. В большинстве подобных собщений обнаруживается, однако, уже из самого изложения этих фактов, что наблюдатель не имел представления о понятиях родства у данного народа.

Если решительно ни у одного из современных первобытных народов мы не находим более первоначальной простой формы разделения по возрастам, то все же можно эту ступень развития легко восстановить и теперь на основании деления на возрастные группы и связанных с ним брачных правил, существующих у некоторых первобытных народов, главным образом у австралийцев.

У австралийских негров — и особенно резко это выражено у тех, кто, как, например, курнаи Гипсланди, еще никаких тотемов не имеют, — мы находим орду, разделенную на три возрастных группы:

1) группа несовершеннолетних, каковыми мужчины обыкновенно считаются до появления бороды, а девушки — до одного года или двух лет после наступления менструации;

2) группа взрослых, каковыми мужчины и женщины считаются до тех пор, пока их старшие собственные дети сами становятся взрос-

лыми или когда у них наступают определенные явления, связанные с возрастом (у мужчин обыкновенно к сороковому или сорок пятому году, у женщин приблизительно к тридцать пятому году);

3) группа стариков, т.-е. тех, которые перешагнули только что упомянутый возраст.

Переход из младшей возрастной группы в старшую сопровождался обыкновенно выполнением определенных церемоний и испытаний, которые длились у некоторых австралийских племен многие годы и бывали часто очень мучительны. Особенно это имело место при испытаниях во время посвящения, которым подвергался юноша перед вступлением своим в класс взрослых мужчин. Часто при этом происходило также обрезание крайней плоти, первая татуировка путем рубцов, выбитие определенных зубов, просверливание носовой перегородки и вставление туда маленькой стрелки для украшения, так что лицо, знакомое с обычаями отдельных племен, уже большею частью только по внешним признакам могло определить, к какой возрастной группе относился тот или иной человек.

Подобным же церемониям подвергались также и женщины.

В первобытных ордах, разделенных таким образом на три возрастные группы, брачные запреты в настоящее время, как уже выше упомянуто было, идут значительно дальше: половые сношения между членами различных возрастных групп были строго воспрещены. В виду того, что самый младший слой еще не обладал половой зрелостью, запрет имел в виду то, чтобы мужчина среднего слоя всегда вступал в половые сношения только с женщиной среднего слоя, точно так же как мужчина более старого слоя — только с женщиной того же слоя. Другими словами, каждый должен был вступать в брак только внутри своей возрастной группы.

Каким образом возник этот запрет, путем ли наблюдений над тем, что половые связи между очень различными по возрасту лицами бывают большей частью бесплодны, из того ли явления, что взрослые молодые люди стремятся обыкновенно к браку с приблизительно одинаковыми по возрасту женщинами, в результате чего это становится как бы правилом, теперь конечно трудно установить. Во всяком случае, то же расслоение по возрастам, исключающее брачность между различными возрастными группами, существовало, повидимому, прежде не только у австралийцев и у других охотничьих народов, но также и у полинезийцев, меланезийцев и микронезийцев, так как их системы родства точно соответствуют этому тройному делению, хотя частью уже на-ряду со старым возникли новые обозначения родства, относящиеся к тотемическому расчленению.

Во всех этих системах родство делится именно по возрасту на три слоя:

1) слой стариков (дедушка и бабушка);

2) слой взрослых (родители);

3) слой детей.

Все члены третьей возрастной группы, дети, называют всех членов среднего слоя своими родителями (отцы и матери), всех членов старейшего слоя своими дедушкой и бабушкой, и наоборот все члены старейшей группы называют членов средней группы своими детьми, членов младшей группы — своими внуками. Члены одной и той же возрастной группы называются братьями и сестрами, двумя словами, ко-

торые по своему первоначальному этимологическому значению означали у большинства некультурных народов не что иное, как друзей, товарищей, равных, спутников.

Г. Кунов.

16. Мотивы возникновения экзогамии [1].

Если предположить, что число членов орды достигало шестидесяти человек, то, судя по теперешним примерам, младший слой состоял приблизительно из 25 человек, средний из 20 человек и старший из 15. В среднем слое находилось таким образом, вообще, только около десяти женщин. Очень часто, однако, случалось, что среди них молодой человек, вступивший в средний слой, не мог найти ни одной, которую он мог взять в жены, так как после того, как отдельные и парные браки стали явлением общим, все имевшиеся в малом числе женщины уже обзавелись спутниками жизни; они уже все были заняты. Молодому человеку ничего иного не оставалось, как по возможности скорей похитить себе жену из чужой орды или попытаться пристроиться в виде сотоварища по браку, т.-е. побудить товарища по возрастному слою допустить его как соучастника в брачных сношениях с его женой, при уверении вносить свою охотничью добычу в «хозяйство троих». Такое соучастие в браке распространено еще и теперь среди почти всех австралийских племен. Оно является основой австралийского группового брака и гавайской группы пуналуа.

Господствующие у большинства южно-океанских народов связи юношей и более взрослых мужчин с группой женщин являются также, как это можно доказать, не чем иным, как своеобразным продолжением и расширением таких брачных сотовариществ.

Можно, пожалуй, поставить вопрос: «Почему же молодой человек не остается просто холостым?» Ответ гласит: «Это потому невозможно, что по условиям своей жизни первобытные народы почти всегда находятся в кочевом состоянии. Не говоря уже о том, что австралиец, который стал бы выполнять „женскую работу“, т.-е. таскать во время переходов свой убогий домашний скарб, подвергся бы за это насмешкам со стороны своих товарищей, он и не в состоянии был бы выполнить эту работу, еслиб не захотел отказаться от участия в охоте, так как во время перекочевывания мужчины занимаются тоже охотою. В то время, как женщины, дети и неспособные более к охоте старики медленно подвигаются вперед и по дороге собирают клубни, коренья, ягоды, червей, насекомых и проч. для пищи, молодые люди, часто далеко впереди толпы, выслеживают дичь и встречаются снова с женщинами и детьми уже только на заранее намеченных стоянках. Нагруженный, однако, всякого рода утварью австралиец не мог бы заниматься охотой, так как, если он не знаком с луком и стрелой, то задача охотника состоит в том, чтобы подкрасться к дичи и окружить ее».

---

[1] Вначале брачные отношения происходили только в н у т р и каждой орды Это обычно называется э н д о г а м и е й. Затем стали брать жен из других групп, а браки между членами одной и той же орды запрещались. Это и есть э к з о г а м и я.

Понятно поэтому, что самым страстным желанием мужчины должно было быть обладание собственной женой и что поиски «супруги» за пределами собственной орды должны были в результате вызвать распространение экзогамии.

Не могу, однако, не признать правильным взгляда, что на-ряду с этими стимулами, весьма вероятно, существовали еще и другие, которых мы теперь еще не знаем и для обнаружения которых нужны новые основательные исследования. Гораздо лучше открыто признать этот недостаток сведений, чем прикрывать его различными произвольными об'яснениями, составленными часто без основательного знакомства с образом жизни простых первобытных народов.

———

Н. Харузин.

17. Пережитки беспорядочного полового общения в пределах СССР.

Все наблюдатели вотского быта, говорит Смирнов, единогласно свидетельствуют, что девушки пользуются у вотяков безграничной свободой в своих отношениях с мужчинами. «Парень девушку не любит,—говорит вотская пословица бог не любит». В силу такого рассуждения родители игнорируют поведение дочерей, а жених ни мало не заботится о девственности невесты, но бывает даже в претензии на невесту, которая сохранила ее. Девушка иногда уже с 12 лет обзаводится любовниками. В 15—16 лет любовника не имеет уже редкая. Если последствием внебрачной любви является беременность, девушка не теряет, а выигрывает в общественном мнении; она получает массу предложений от женихов, так как она дала доказательство способности производить детей. Н. Г. Первухину вотские старики Глазовского уезда рассказывали, что лет 50 тому назад невеста ценилась тем дороже, чем больше раз она родила, особенно если родившиеся были мальчики и жили долгое время. Такую дочь родители долго не выдавали замуж и говорили сватам: «она у нас хорошая работница и работников в дом достаточно дала и без мужа». Эти внебрачные сношения завязываются во время некоторых празднеств, на посиделках, когда зимой девушки собираются у какой-нибудь подруги, при чем на вечеринку приходят и парни. Девушка, позволив парню снять с своей руки кольцо, дает ему право на себя.

У черемисов-язычников внебрачное сожительство парней и девушек и до сих пор не вызывает осуждения. Им нисколько не оскорбляется чувство нравственности в народе, ему не препятствуют и религиозные его верования. «Случаи, что девушка не сохранила девства до выхода замуж,—по свидетельству Кузнецова,—у черемис нередки. Если девушка не поддается на ухаживание, ее ловят и совершают над ней насилие». Черемис-язычник, не стесненный церковными правилами, считает вполне возможным брак на родной сестре. Этот взгляд является, наравне с свободой внебрачного сожительства, другим остатком стадии господства беспорядочного сожительства, когда при выборе жены кровные узы вполне игнорировались, как игнорируются в настоящее время среди некоторых племен Австралии, живущих в этой стадии.

Хотя мордва, уже в значительной степени обрусевшая, в теории и относится неодобрительно к внебрачным сношениям молодежи, тем не менее на практике и здесь на явления этого рода смотрят свкозь пальцы. «Девушка,—пишет Смирнов,—начинает вступать в сношения с молодыми людьми с момента наступления половой зрелости — лет с 14. До брака, который наступает лет в 20—25, она успевает ознакомиться с многими из своих молодых однодеревенцев. Если результатом внебрачного сожительства является рождение ребенка, это обстоятельство не шокирует родителей девушки». Народные пословицы мордвы снисходительно, но скорее с одобрением относятся к девушкам, обогатившим семью новыми работниками. Если к этому прибавить, что у мордвы родство не служит препятствием для установления этих кратковременных сношений, что братья и сестры не только двоюродные, но даже и родные иногда вступают в связь друг с другом, станет вполне очевидным, что мордва в этом отношении не представляет исключения из других родственных ей народностей. В преданиях мордвы вообще сохранилось воспоминание, что родные братья и сестры могли вступать в брак друг с другом. И. Н. Смирнов, со слов одного сельского учителя, работающего среди мордовского населения, приводит следующий интересный рассказ о симбирской мордве: «В одном семействе была очень красивая девушка, смирная, работящая. Родителям жалко было с ней расстаться, отдать в чужую семью замуж; они отослали ее погостить к родственникам, а когда она возвратилась, приняли ее, как бы чужую, и принудили с этого времени считать родного брата — мужем». Этой фикцией семья избежала нарушения общего правила, развившегося под влиянием родового строя и христианства, жениться на близких родственницах.

Переживания беспорядочного сожительства встречаются и у тюркских народностей, например среди якутов. Здесь на девушку, забеременевшую до замужества, смотрят как на будущую хорошую жену. Свободным внебрачным сношениям не только с одноплеменными, но и с чужеземцами—русскими и тунгузами якуты обязаны даже значительным изменением своего первоначального физического типа. Тунгузы «приезжат в начале поста, а уезжают в конце маслянки,—рассказывала Серошевскому одна якутка.—Привозят хозяевам, у которых живут, подарки: меха, орехи... тогда бывает весело. Каждый день песни и пляска. Тунгузы любят веселье, даже взрослые, все равно что маленькие дети, переговариваются с якутами песнями. А после танцев разно бывает»... У якутов сохранилось предание, что у них было допущено вполне свободное общение полов: «в старину,—рассказывал один якут,—якуты имели много жен: сестра (младшая) была твоей женой, твоя мать тоже, жена твоего брата — тоже».

Среди различных народностей Кавказа, у бурят, у калмыков, у торгоутов и проч. господствует то же снисходительное отношение к внебрачным связям девушек. Девушка у забайкальских бурят, по свидетельству Кроля, до свадьбы пользуется самой широкой свободой: ее ребенок записывается на имя ее отца и приравнивается ко всем другим детям и внукам. Если бурятка до брака имеет ребенка, замечает Кулаков, ее тем охотнее берут в жены, так как она уже доказала свою способность к деторождению. На бурятских вечерках допускается свободное общение, особенно со стороны незамужних женщин. «Бурятские вечерки — это оригинальные „ночи любви“. В стороне от улуса разводятся костры, вокруг которых молодежь обоего пола пля-

шет свой однообразный танец „надан", нечто в роде хоровода. Время от времени от хороводов этих отделяются пары и скрываются в стороне, во мраке ночи. Спустя немного времени они возвращаются к общему кружку, а еще через несколько времени снова скрываются в ночном мраке. При чем пары далеко не всегда уходят в одном и том же составе, а комбинируются очень разнообразно». У орочон, несмотря на то, что они считаются христианами, допускаются браки во всех степенях родства, за исключением браков между родными братьями и сестрами. Следов беспорядочного сожительства из быта инородцев можно вообще собрать в значительном количестве.

———

Я. Штейнберг.

18. Групповой брак у гиляков[1].

С первого взгляда институт гиляцкого брака не представляет ничего особенного. Гиляк покупает обыкновенно одну, редко 2—3 жены, которые переходят в его род и перед светом считаются его личными женами и матерями его детей. Дети принадлежат исключительно отцу и наследуют ему после его смерти. Всякого гиляка, когда он делается отцом, перестают звать прежним именем и величают отцом родившегося ребенка. Исключительное обладание своими женами выражается в строгом обычае кровавой расправы с нарушителем супружеского счастья. Род основан на принципе агнатизма, брак экзогамный.

Можно об'ехать всю территорию гиляков, жить в их юртах, подолгу наблюдать семейную жизнь их и не замечать в строе их семьи ничего необычного. В больших зимних юртах обитатели занимают свои нары семьями, живущими каждая своими обособленными интересами. Между мужем, женой и их детьми царит полное согласие и нежные отношения. Мало того, нередко можно встретить случаи поразительной преданности и любви между супругами: когда один из них умирает, то другой нередко налагает на себя руки или умирает с тоски. Словом, по всем видимостям, мы имеем дело с типом семьи, которую принято называть патриархальной. Но не такова она в действительности. Прежде всего, вас поражает странная родственная номенклатура. Целая группа женщин зовет целую группу мужчин своими мужьями (пу, ивн), и эти последние зовут их своими женами (ангéи), точно так же целая группа мужчин зовет группу женщин своими матерями (ымк) и группу мужчин — своими отцами (ытк), а эти первых — своими детьми.

В частности, как и у многих других первобытных племен, гиляк зовет своей женой (ангéй) не только свою собственную жену, но и жен своих старших братьев всех степеней родства, а они, в свою очередь, зовут его своим мужем (пу, ивн). Дети их зовут друг друга братьями и сестрами (тувн, руф). Сверх того, гиляк зовет своими женами уже от рождения всех кузин по матери (дочерей братьев своей родной ма-

[1] Гиляки, полуоседлое племя рыболовов и охотников, обитающее на о. Сахалине и в устьях реки Амура. Они отнюдь не являются вполне диким народом. По своей культуре они стоят выше австралийцев. Но у них сохранился групповой брак, свойственный первобытному обществу. Правда, в отличие от австралийских племен, у них нет брачно-возрастных групп: очевидно, развитие брака и семьи шло здесь несколько иным путем. Но здесь важно отметить своеобразное сочетание группового брака, являющегося пережитком старины, и индивидуального брака, возникшего позже.

тери и братьев всех женщин, которых он зовет ымк—мать). Матерью (ымк) гиляк зовет не только свою родную мать, но и всех жен братьев своего отца, родных и агнатных, а также и сестер этих женщин, а они зовут его своим сыном. Соответственно этому он называет своим отцом (ытк) не только своего родного отца, но и братьев отца, при чем у некоторых родов термин отец применяется ко всем, старшим и младшим братьям (родным и агнатным) отца, у других (у большей части сахалинских гиляков)—только к братьям младшим отца. Дети братьев по отношению к последним считаются сыновьями и дочерьми. Еще страннее кажется то правило, по которому женщины называют сестрами жен братьев мужа, мужчины матерями сестер тестя... Европеец с удивлением слушает, как гиляцкий мальчуган зовет жену своего старшего брата ангéи (жена), а она его — муженек (ычих, пу, ивн), или как сплошь и рядом гиляк говорит: «Я пойду к своим отцам, матерям», т.-е. к братьям своего отца или к сестрам матери, но при долгом наблюдении настолько привыкаешь к этому странному явлению, что начинаешь считать его совершенно естественным. Вопреки высказанным в недавнее время мнениям, что классификаторская система родства представляет собою одну только номенклатуру возрастов, я могу засвидетельствовать после долгих годов наблюдений, что у гиляков номенклатура эта, основанная на строгом исчислении степени родства, вполне соответствует нормам полового общения. Возраст не играет никакой роли: в одном и том же классе сплошь и рядом числятся глубокие старики и юные подростки. Все лица, связанные между собой званием ангеи и пу (муж и жена), действительно имеют супружеские права друг на друга, т.-е. не только имеют право вступать между собою в регулярные браки или иметь половое общение до вступления в регулярный брак, но сохраняют права на половое общение и тогда, когда лица этих категорий состоят уже в индивидуальном браке. Состоя в законном, так сказать, индивидуальном браке, жена в то же время пользуется правом негласно, т.-е. в отсутствие мужа, иметь общение с лицами из группы мужчин, которых она зовет пу, ивн (муж). Чаще всего, конечно, пользуются этим правом братья ее мужа, родные или более отдаленных степеней родства, живущие с ним в одной деревне; но и пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проехавшие через селение, если считают себя, хотя бы по самому отдаленному родству, «пу» данной женщины, свободно пользуются этим правом, разумеется с согласия женщины. Во время моих путешествий по Сахалину, мои спутники с западного берега, явившись вместе со мной в отдаленное селение на восточном берегу, в котором ни они, ни их отцы никогда не бывали, но в котором, по генеалогическим их сведениям, проживала женщина категорий ангеи, свободно осуществляли свои права, разумеется, когда мужа в юрте не было. Это явление совершенно тождественно с тем, что рассказывают об австралийских кроках и кумитах, которые находят себе супружеское ложе везде, даже в самых отдаленных пунктах своей территории, под условием, чтобы мужчины были куми, а прекрасные незнакомки — кроки.

Правомерность группового полового общения рельефно выражется в том, что в то время, как нарушение супружеской верности с лицом, не входящим в группу «пу», влечет за собою кровавую расправу с соблазнителем, застигнутым in flagrante delicto, или, в лучшем случае, жестокую дуэль и выкуп,—для лиц разрешенных категорий

оно не влечет никакого возмездия, вызывая только некоторое раздражение, в редких случаях переселение соблазнителя в другую юрту. С другой стороны, между лицами запрещенных категорий половое общение встречается, как крайне редкое исключение.

Неоднократно я наблюдал даже случаи регулярного сожительства братьев с общей женой, и между братьями царило полное согласие. Мой первый учитель гиляцкого языка, гиляк селения Танги, Гибелька, самый богатый и самый уважаемый гиляк на всем Сахалине, жил постоянно в одной юрте с своим младшим братом, Плеуном, и ни для кого не были тайной отношения между этим последним и женой старшего брата. Дети ее с одинаковой нежностью относились к обоим отцам и пользовались со стороны этих последних равной нежностью, и, когда умер Плеун, то все имущество его перешло к этим детям, публично считавшимся детьми Гибельки. Плеун был очень богат и мог купить себе не одну жену, но он любил жену старшего брата, который нисколько не протестовал против взаимности со стороны дорого стоившей ему супруги. Когда приходилось намекать Гибельке на эти отношения, то по его умному красивому лицу пробегало мимолетное облачко меланхолии, но никогда я не видел и тени дурных отношений между братьями.

Гиляцкие юноши часто недоумевали, почему я с таким усердием расспрашивал про эти странные для нас, а для них совершенно естественные отношения между женами и братьями их мужей, и с удивлением спрашивали: «Неужели у вас у русских не так? Разве с женой брата жить нельзя?» И получив отрицательный ответ, тоскливо качали головой, говоря: «Однако, это очень худой закон!», и при этом с недоверием посматривали друг на друга.

---

19. Происхождение речи.

Уже на самых первобытных ступенях своего культурного развития люди нуждались в сообщении друг другу своих мыслей, желаний, стремлений. Без этого совершенно невозможна была бы их совместная жизнь. Люди должны не только понимать, чего хотят другие, но и делать понятными для других свои желания и свои поступки. Таким средством общения и является членораздельная человеческая речь. Однако, люди вовсе не рождаются с готовой способностью говорить. Она и теперь мало-по-малу приобретается путем подражания взрослым в детском возрасте. Надо полагать, что и в жизни человечества была такая пора, когда люди не умели говорить, т.-е. не обладали членораздельной речью. Эта способность развилась у них постепенно. Каким же образом это произошло?

Всякая речь есть прежде всего издавание звуков. Но не всякое издавание звуков есть речь. Для того, чтобы издаваемые звуки превратились в членораздельную речь, нужно, чтобы из множества звуков выделилось некоторое их число; чтобы эти выделившиеся из массы других звуки соединялись между собою в слова, т.-е. в такие комбинации звуков, которые бы повторялись в одних и тех значениях. Только тогда из массы звуков возникает членораздельная речь.

Звуки издают не только люди, но и животные; в особенности многообразны звуки, издаваемые общежительными животными. Мы

знаем, напр., как часто и усердно перекликаются между собою птицы. Ясно, что издаваемые ими разные звуки служат им средством взаимного общения. Наблюдая домашних животных, мы приходим к заключению, что они отлично понимают (когда привыкнут, конечно) многие слова, которые произносятся людьми и которые имеют известное к ним отношение.

Куры бегут на зов «цып, цып», собака поджимает хвост и уходит, когда хозяин говорит ей «вон» и т. д. Животные связывают в своем сознании с известным значением не только определенное звукосочетание, но и интонацию голоса, а также известные жесты, производимые человеком. Надо полагать, что свойственная животным способность понимать (после некоторого упражнения) определенные звукосочетания, интонацию и жесты в определенном смысле — свойственна была и первобытному человеку.

Первобытные люди издавали много разнообразных звуков. Это были восклицания радости, наслаждения, горя, тоски, страха, ужаса. Это были звукоподражания (подражания крику вороны, лаю собаки, реву хищников и т. д.). Это было, наконец, невнятное бормотание «про себя» или же неопределенные звуки, производимые невольно при сильном напряжении мускулов, напр., при под'еме тяжелого камня, при метании копья и т. д. Еще не умея создавать из этой массы звуков слова, люди все же кое-как при их помощи уже понимали друг друга, в особенности если при этом пускали в ход руки, ноги и все вообще тело, разными движениями (жестами) стараясь втолковать друг другу свои желания или соображения. Интонация голоса — нежная или угрожающая, ласковая или гневная — также играла при этом немалую роль.

Но все это еще не было речью. Речь появилась тогда, когда известные звукосочетания стали повторяться в одном и том же значении. Чтобы выяснить возникновение речи, следует проследить тот процесс, которым шел отбор из массы звуков определенных звукосочетаний и придание им определенных значений.

Решающее значение при этом играла совместная работа. Известно, что и в настоящее время многие работы сопровождаются вскрикиваниями и даже песнями. Эти возгласы и песни облегчают работу, устанавливая известный ритм трудовых движений. То же самое, несомненно, было и в первобытные времена. Немецкий ученый Нуаре установил, что самые древние корни европейских языков (корнем в языке называется неизменная часть слова; напр., в словах вода, водный, водяной, водянка, корнем является в о д) обозначают трудовые процессы.

Некоторые из звукосочетаний, произносившихся во время работы, мало-по-малу в сознании работающих слились с представлением о самой работе или о некоторых ее отдельных операциях, или о каких-либо явлениях, с этой работой тесно связанных. А раз определенное звукосочетание получило определенный смысл, то оно стало словом. Слыша это слово, люди, понимавшие его значение, вызывали в своем воображении те действия, которые оно стало обозначать.

Известный немецкий путешественник Карл фон-ден-Штейнен рассказывает о бразильских дикарях, что когда их спрашивают о названии какого-нибудь предмета, они в ответ указывают, к чему он служит, употребляя слова, обозначающие действие. Очевидно, еще и нынешние отсталые народности употребляют слова прежде всего для обозна-

чения действий, среди которых трудовые процессы, естественно, стоят на первом плане.

Одна и та же работа, одно и то же действие могло сопровождаться разными звукосочетаниями. Какое же из них становится словом? На выбор их могли влиять самые разнообразные обстоятельства, между прочим и влияние вождя группы. Созывая на работу, он мог выкрикивать одно из тех звукосочетаний, которые обычно произносились при исполнении работы, и оно понималось членами группы, как указание на необходимость приступить к ней. Данное звукосочетание и становилось словом.

Постепенно от данного слова произошли другие, в которых сохранялся общий корень. Они обозначали предметы, действия, качества, так или иначе напоминавшие особенности этого действия, которое впервые было обозначено корневым словом.

Каждая небольшая группа творит свой собственный язык. И языки первобытных народов отличаются небольшой устойчивостью и незначительным количеством слов. Простота жизни, несложность общественных отношений обусловливают и простоту языка.

По мере того, однако, как общество усложнялось, отношения между людьми становились все более разнообразными, а их умственный уровень выше, обогащался язык все новыми и новыми словами и оборотами, приобретал устойчивость и становился сложнее. При переходе от родового к феодальному обществу, к звуковой, словесной речи присоединилось письмо, еще более расширившее общение между людьми и притом не только между живущими в одно и то же время, но между различными поколениями. Письменная речь является не только средством общения, но и средством сохранения накопленного многими поколениями опыта [1].

А. Погодин.

20. Психический склад первобытного человека.

«Бушмен—несчастное дитя минуты», говорит Фрич, и эта характеристика применима ко всем низшим племенам: цейлонским веддахам (или, вернее, ведда), бразильским бороро, батуа в бассейне Конге, минкопи на Андаманских и негритосам на Филиппинских островах; наконец, к туземцам австралийского материка, вымершим тасманийцам и обитателям Огненной Земли. Крайняя, но быстро преходящая возбудимость и раздражительность, в порыве которой дикарь не задумается убить собственное дитя; ничем непреодолимое отвращение к правильному труду, исходящее из отсутствия выдержки и умения выжидать успеха; совершенный недостаток вдумчивости по отношению к себе и другим, а отсюда величайший эгоизм, ненаблюдательность и равнодушие даже к самым удивительным явлениям природы и предметам: таковы основные черты психологии дикаря. Один доброжелатель и знаток негров утверждает, что эти последние всегда охотно трудятся, когда вполне уверены в близкой награде, но что у них нет терпения дожидаться дальнейших результатов, а Фиркандт отмечает тот

[1] Более подробные сведения о происхождении и развитии речи и письменности см. в книгах Шурца «История первобытной культуры» и Липперта «История культуры».

любопытный факт, что в диких странах дороги всегда идут извивами, так как соединяют не конечные, а только самые близкие пункты; при этом дикарь никогда не потрудится устранить препятствие (в виде дерева, обвала камня и т. д.), которое неожиданно появится на его пути; он предпочитает сделать иногда большой крюк, чтобы миновать препятствие, и этот крюк так останется на пути, когда от былого препятствия давно уже не будет и следа.

Г. Спенсер.

21. Об уме дикарей.

По словам Лихтенштейна, зрение бушменов просто телескопично; Барроу тоже говорит об «острых глазах бушмена, находящихся вечно в движении». Из азиатцев мы можем привести здесь каренов, которые видят невооруженными глазами так же далеко, как бы в бинокль, и обитателей сибирских степей, прославившихся своим «далеким и совершенным зрением». Такие же факты встречаем мы и в Америке. Герндон говорит о бразильцах: «индейцы обладают очень тонкими внешними чувствами; они видят и слышат вещи, совершенно невидимые и неслышимые для нас»; а Соути делает такое же замечание о туписах. Абипоны, как обезьяны, находятся в непрерывном движении; они могут различать вещи, «ускользающие от самого зоркого из европейцев». По отношению к слуху мы имеем подобные же свидетельства, хотя и менее изобильные. Мы все слыхали о подвигах северо-американских индейцев по части открытия самых слабых звуков; а чрезвычайно тонкий слух веддахов обнаруживается из их привычки разыскивать пчелиные ульи по отдаленному жужжанью...

Эта тонкость восприятия естественно сопровождается высокою степенью искусства в тех простых действиях, которые зависят от непосредственного руководства восприятием. Эскимосы обнаруживают «изобретательность и ловкость во всех ручных работах». Кольбен утверждает о готтентотах, что они отличаются «большою ловкостью в употреблении своего оружия». Про огнеземельцев говорят, что они «замечательные искусники в обращении с пращею». Искусство андаманцев доказывается тем, что они стреляют без промаха из своих луков в цель, находящуюся на расстоянии сорока или пятидесяти ярдов. О тонганцах рассказывают, что они — «большие искусники в управлении своими челноками». Точность, с которою австралиец подгоняет вперед пику, бросая в нее сзади своим метательным дротиком, поистине замечательна; что же касается их подвигов с бумерангом, то каждому из нас случалось довольно читать о них. Переходя к горным племенам Индии, мы можем указать здесь на санталов, как на «весьма искусных в обращении с луком и стрелами»: они убивают птиц на-лету и сваливают зайцев на-бегу...

Множество простых наблюдений делается ими из минуты в минуту; но при этом те немногие из них, которые имеют какое-либо значение, теряются в массе наблюдений, не имеющих никакого значения, и проходят в их уме, не оставляя после себя никаких материалов для мысли, которая действительно стоила бы этого названия. В своем описании бразильского индейца Бэтс замечает: «я убежден, что он не

думает ни о чем, за исключением таких предметов, которые соприкасаются непосредственно с его ежедневными материальными нуждами». «Он наблюдает хорошо, но не может вывести ничего полезного из своих восприятий», говорит Бертон в своем описании восточного африканца; далее он прибавляет, что ум африканца «не желает, да, повидимому, и не может вырваться из круга внешних чувств, точно так же, как не хочет заниматься ничем, кроме настоящего». Еще более определенно свидетельство относительно дамаров, у которых человек «никогда не обобщает». Так, Гальтон утверждает, что «дамар, знающий в совершенстве дорогу от А к В и затем от В к С, не имеет никакой идеи о дороге напрямик из А в С; у него нет в голове общего плана своей страны, а лишь бесконечное число местных подробностей». Пальгрев замечает даже о таком высоком типе человека, как бедуин, что «он судит о вещах на основании того, что видит перед собою, а не в их причинах и последствиях». Некоторые полу-цивилизованные народы, каковы таитяне, сандвичане, яванцы, суматранцы, малагазы и пр., действительно обнаруживают «живость понимания, проницательность и сообразительность». Но все эти способности обнаруживаются ими лишь по отношению к простым вещам, как свидетельствует показание Эллиса о малагазах, про которых он говорит: «факты, анекдоты, происшествия, притчи или басни, относящиеся к ощутимым и видимым предметам, образуют, как кажется, основание большей части их умственных упражнений». Чтобы видеть, до какой степени отсутствие склонности к размышлению обще для низших разновидностей человека, стоит вспомнить слова доктора Пикеринга, который утверждает, на основании своей долговременной и разнообразной опытности, как путешественника, что фиджийцы — единственный дикий народ из числа тех, с которыми он встречался, который мог приводить доводы и с которым было возможно вести связный разговор...

Наблюдая отчасти цивилизованные низшие расы, мы находим, что подражательность составляет очень заметную черту их характера. Всякий слышал про забавную склонность негров рядиться, при всяком удобном случае, в одежду белых, подражая самым смешным образом их манерам и жестам. К числу характеристических особенностей новозеландцев принадлежит способность к подражанию. Дайяки также обнаруживают «большую любовь к подражанию»; то же самое рассказывают и о других малайе-полинезийцах. Массон говорит: «хотя карены неспособны к оригинальному творчеству, но зато обнаруживают столь же большие способности к подражанию, как и китайцы». О камчадалах мы читаем, что они обладают «особенным талантом передразнивать людей и животных»; о племени нутка-саунд говорят, что «они подражают различным звукам и голосам всевозможных животных с чрезвычайным совершенством». Подобные же факты встречаем мы и в Южной Америке. Герндон был поражен способностью к передразниванью у бразильских индейцев. Вилькс говорит о патагонцах как об «изумительных мимических актерах». А Добрицгофер, описывая гуаранов и сказав, что они способны к очень точному подражанию, прибавляет к этому, что они наделают самых глупых промахов, если вы оставите что-нибудь на их собственное соображение. Но эта склонность к подражанию, мимике и передразниванию особенно заметна у самых низших рас. Многие путешественники распространяются по поводу «необыкновенного стремления к подражанию», обнаруживаемого огнеземельцами. Они «повторяют с совершенной точностью каждое

слово любой фразы, с которой к ним обращаются», передразнивая в то же время жесты и позу говорящего. Столь же высокие подражательные способности обнаруживают, по словам Муата, и андаманцы, которые, подобно огнеземельцам, тоже повторяют вопрос, вместо того, чтобы отвечать на него. Стурт рассказывает подобные же вещи о южно-австралийцах, которые, по его словам, обладают особенным талантом к подражанию и которые «обнаруживают странное извращение» характера, «повторяя слова», про которые «знают, что они обращены к ним в виде вопроса»...

Среднее умственное состояние дикаря изображено очень хорошо в том отрывке, который приведен сэром Джоном Леббоком, в его книге, из описания северо-американских атсов, сделанного Спротом. Спрот говорит: «ум туземца кажется вообще образованному человеку находящимся в сонном состоянии. Когда его внимание бывает пробуждено в полной мере, он обнаруживает нередко много живости в ответах и немало находчивости в своих доводах. Но уже краткий разговор утомляет его, в особенности если предлагаемые ему вопросы требуют с его стороны известных усилий мысли или памяти. Тогда ум дикаря начинает как будто блуждать из стороны в сторону просто от усталости».

Спикс и Марциус рассказывают о бразильском индейце, что «едва лишь кто-нибудь начнет задавать ему вопросы об его языке, как он становится раздражителен, жалуется на головную боль и вообще обнаруживает все признаки того, что неспособен переносить долее это усилие»; а Бэтс говорит о тех же племенах, что «от них очень трудно добиться их понятий насчет предметов, требующих хотя немного отвлеченной мысли». Точно так же и Добрицгофер замечает об абипонах, что, когда им не удается понять чего-нибудь с первого раза, они быстро утомляются исследованием и догадками и восклицают: «что же это такое наконец?» Подобные же факты сообщают о неграх. Бертон говорит об обитателях восточной Африки: «десяти минут достаточно, чтобы утомить самого способного и сообразительного из них, если вы начнете расспрашивать его об их системе счисления». Даже о такой сравнительно высокой расе, как малагазы, замечено, что «они, повидимому, не обладают теми качествами ума, которые требуются для внимательного и продолжительного мышления».

Г. Кунов.

22. Представление о смерти у первобытного человека.

Карл фон-ден-Штейнен, известный этнолог и путешественник-исследователь, в своей работе о бразильских индейцах рассказывает, что, когда он говорил с бакаири об утверждении: «каждому придется умирать», они оспаривали его правильность. Они, правда, полагали, что человек может умереть; но о «придется» они не хотели и слышать. Это положение казалось им таким же спорным, как, напр., такое: «всем людям придется быть убитыми». «Тогда я впервые узнал,—заявляет изумленный Карл фон-ден-Штейнен, — что бакаири не знает никакого „придется“, он еще не пришел к тому, чтобы из ряда с постоянным однообразием повторяющихся явлений вывести всеобщую необходи-

мость: особенно не в состоянии он понять, что каждому придется умирать. От него далека та мысль, которую мы усваиваем в младших классах гимназии: никто не может избежать смерти» . . .

Что человек может умереть, — этим опытом они обладают; но что ему придется умереть, что смерть — закономерное необходимое завершение всякой жизни, это им не понятно. И, принимая во внимание характер их мышления и их сферу опыта, это как нельзя более естественно . . .

Дикарь, напр. австралийский негр, относится к смерти совершенно иначе, чем мы. Мы живем в больших обществах, где случаи смерти часты. Мы видим, что на кладбищах погребены сотни и тысячи умерших, и наши исторические рассказы повествуют о миллионах умерших в ряду бесчисленных поколений, а познание, почерпнутое из опыта многих веков, в то же время учит нас: «все живущее преходит».

У австралийского негра нет всего этого сложного опыта. Конечно, он знает, что в его маленькой группе, а также и в других некоторые уже умирали; но насколько много их было и насколько давно это было, об этом он не может судить: по большей части он умеет считать только до десяти, редко до двадцати, и совершенно не знает исчисления времени по годам, десятилетиям, столетиям. Возможно, он знал еще своих дедов. Но все, что лежит дальше позади, это, представляется ему, было очень-очень давно, при чем он ближайшим образом не различает различных промежутков времени. А в той маленькой группе из сорока-пятидесяти лиц, в которой протекает его жизнь, умирает кто-нибудь сравнительно редко. Смерть — отнюдь не заурядное явление, и если порой кто-нибудь и умирает, то он по большей части или падает в борьбе, или же отходит от ран, полученных на охоте или во время переходов. Смерть вследствие старческой слабости представляет нечто необычное.

Таким образом, хотя австралийский негр и не понимает внутренней связи, для него очень понятно, если кто-нибудь умирает от ран: ведь он часто видал, что жизнь отлетает от задетого копьем или сраженного дубиной. Таков же конец и животных, за которыми он охотился. Тем не менее он не понимает, что смерть может наступить так же, как естественная развязка, без ран, источающих кровь. По его мнению, для смерти здесь нет никакой причины, и, так как он ее не знает, то он ищет каких-нибудь скрытых от него сверхчувственных причин, т.-е. естественную смерть он приписывает вмешательству каких-то неизвестных влияний, волшебству.

Джон Фрэзер справедливо говорит о туземцах в австралийской колонии Новый Южный Уэльс:

«Если туземец будет убит в сражении или настолько тяжело ранен, что умрет от ран, если он будет убит упавшею балкой или при каком-либо ином доступном наблюдению происшествии, — это не приводит его сотоварищей в изумление, потому что причина смерти здесь очевидна. Но совершенно иное будет в том случае, если кто-нибудь заболеет или умрет без такой видимой причины. Здесь в качестве причины болезни всегда предполагается тайная злоба какого-нибудь злого духа, скрытного заклинателя или колдуна, который по собственному почину или по желанию других, пользуясь своим колдовским искусством, ввел что-то такое в тело больного, от чего он будет хворать и умрет. По всеобще-распространенному твердому убеждению наших туземцев человек умирает не потому, что износи-

лась его жизненная машина, а потому, что какой-то враг навел на него колдовство».

Болдуин Спенсер и Ф. Д. Гиллен то же пишут о туземцах южной и центральной Австралии.

«Вера, что кто-нибудь может умереть естественной смертью, вещь, совершенно неведомая для туземных орд в центральной Австралии. Как бы старыми и дряхлыми ни были мужчина или женщина, если они умирают, тотчас же признается, что смерть — следствие колдовского искусства какого-нибудь врага».

В. Никольский.

23. Пещерная живопись мадленской эпохи.

Гордостью мадленцев [1], и вполне заслуженно, слывет их искусство. Пещеры южной Франции и Испании, словно шкатулки, тысячелетиями хранили драгоценные памятники, обнаружившие великий художественный гений мадленских художников. Да, это были настоящие художники. Уверенной рукой подлинного мастера кремневыми резцами вырезаны на грубом материале дивные гравюры и скульптуры животных, выразительностью и живым натурализмом которых нельзя не восторгаться ни самому черствому ни самому фанатическому уму...

Французский археолог граф Бегуан с сыновьями обнаружил в заднем конце пещеры Тюк д'Одубер (Франция), замечательной своими настенными гравюрами, узкий проход, почти закрытый частыми сталактитами, словно гигантские ледяные сосульки, спускавшимися почти до пола пещеры с ее потолка. Сломав 3 сталактита, исследователи с явной опасностью для жизни поползли в лазейку всего в 28 *см* высоты и 65 *см* ширины. Коридор этот расширяется в подземную залу. Стены ее украшали древние рисунки, напр. лошадь, а посредине валялся кусок скалы, упавшей с потолка, к которому были прислонены две глиняные статуэтки, изображавшие самца и самку бизон-быка; длина статуэток была в 63 и 61 *см*. Хотя в пещере было сыро, глина от времени растрескалась, хвост самки упал на землю, но фигуры остались стоять, поддержанные скалой. Задние боковые стороны статуэток были не обработаны. Глина носит следы полировки рукой художника. Самец с совершенно круглым глазом довольно безжизнен. Однако, не только его большая голова и выдающийся горб переданы вполне верно. Борода, доходившая до живота, намечена струями, сделанными тонкой деревянной или костяной лопаточкой, тогда как более грубые волосы гривы художник обозначал просто своим большим пальцем. Глаз же самки был отмечен глиняным шариком с углублением посредине, изображающим зрачок и взгляд. Ее морде придана жизнь. Реализм этих изображений несомненен. Перед статуэтками лежала другая (13 *см* длины), тоже изображавшая контуры бизона, но не моделированная. На полу пещеры был начертан на глине контур бизона, линия спины сделана глубокой бороздой в 2 *см*, проведенной пальцем. Маленький камень, упавший со свода, повредил этот недолговечный эскиз, полускульптуру, полурисунок. Глина статуэток была взята на дне этой же подземной залы. Художник, ви-

---

[1] См. таблицу в статье № 2.

димо, сперва рисовал на земле силуэт животного, а затем уже лепил целую статуэтку. Но как необычна была эта покинутая мастерская художника мадленского, судя по оставленному скребку! Статуэтки были удалены на 700 метров от наружного входа в пещеру. Художник должен был работать при свете лампы. Каменные лампы, с обугленными остатками жировых веществ, находили в других мадленских пепещерах. Здесь не отыскалось, правда, лампы, но и без нее исследователи осветили мрачность и жуткость прошлого этой подземной залы. Сюда некогда приходили отдыхать пещерные медведи: отпечаток лапы, следы когтей. Смелый охотник убил медведя, украсив свое ожерелье трофеями славной охоты: медвежья челюсть с вырванными глазными зубами. В пещере появился человек, и начались таинственные деяния. Почвенная вода, просачиваясь сквозь известковый потолок залы, капала местами на ее пол, образуя известковую корку, основу будущих сталагмитов, столбами подымающихся с пола пещеры к ее потолку. Под этим тонким, словно яичная скорлупа, футляром были обнаружены великолепно сохранившиеся непонятные узоры — борозды, начертанные на земле, и до 50 отпечатков человеческих не ступней, а пяток. В других местах пещеры найдены полные отпечатки босых человеческих ступней с пальцами. Следы ног и пяток, по мнению Бегуана, принадлежали людям худым и малого роста. Откуда взялись эти оттиски пяток? В подземелье, видимо, происходили танцы: только в отличие от наших балерин, танцующих на пальцах, тогдашние танцоры (по австралийским и другим примерам я убежден в недопущении сюда прекрасного пола) танцовали на пятках, исполняя не легкие и веселые, а тяжкие, торжественные, ритуальные (обрядовые) пляски. Подобные таинственные узоры на земле, суровые испытания — настоящие пытки, разнообразные священные танцы мы найдем у австралийцев при церемониях посвящения молодых юношей. Под свежим впечатлением от своей отважной находки Бегуан заявил, что он открыл палеолитическое святилище, где от взоров непосвященных скрывались святые изваяния и гравюры животных, перед которыми происходили какие-то священные церемонии, какие-то «богомерзкие и бесовские действа».

Не раз в других пещерах (Нио, Комбарель и пр.) другие исследователи находили в самых темных закоулках, в углублениях-нишах, на потолке (Альтамира) изображения животных, исполненные еще с большею тщательностью, с еще большей затратой труда и времени. Иной раз художник должен был работать не только с лампой, но и помещаясь на каких-то подпорках: так высоко от пола пещеры расположены его произведения. Замечательная художественность пещерных живописи, гравюр, барельефов говорит о мастерах, специалистах своего дела. Искусство пещерников палеолита являлось загадкой, даже чудом, пока С. Рейнах еще в 1903 г. не разгадал его души. По его мнению, в нем не следует видеть плод тяготения к прекрасному, результат играющей фантазии, итог развлечения в часы охотничьих досугов. Первобытное искусство порождено колдовством, или магией. Если в наши дни говорят еще о волшебной силе или о чарах искусства, то часто не подозревают, сколь недалеки от истины их слова. Магическая (колдовская) теория Рейнаха получила почти всеобщее признание. Действительно, отождествление пещерной живописи с иконописью об'ясняет нам много непонятного. Во мраке пещерных недр едва ли было удобно ими любоваться. Потаенность памятников

пещерного искусства заставляет видеть в них пещерные иконы, даже целые иконостасы, которые стремились скрыть от взоров, недостойных созерцать святые лики. Любуясь дивными многокрасочными картинами, изящными черными или красными гравюрами, современные исследователи, в справедливом восторге перед талантом и уменьем мастера, забывают о длительном и большом труде, который ему пришлось затратить, работая с помощью тогдашних убогих красок и кремневых резцов. Отдельным меценатам, покровителям искусства, если бы и нашлись таковые, едва ли было под силу оплатить столь мастерскую, но и столь кропотливую работу художника. При отсутствии домашних животных, земледелия и прочих признаков высшей культуры, мы не можем у мадленцев предполагать резкого общественного и экономического неравенства. Художника под силу прокормить было лишь всему сообществу пещерников, и оно делало это, конечно, не ради красот, а ради чудодейственности его произведений. В трудящейся массе даже современности мы, к сожалению, не встретим такого культа прекрасного. Откуда же было ему взяться у мадленского дикаря? Сам трудолюбивый мастер работал не столько ради платы, сколько «за совесть», как иконописец, творящий своей рукой великую святыню: отсюда благоговейное и тщательнейшее выполнение им его произведений. Эта усидчивость и кропотливость, особенно странные в охотничьем быту, тем поразительнее, что тратились они на создание не вечных шедевров, а произведений мимолетных, созданных, видимо, для текущего дня. В одной и той же пещере мы встречаем многократные повторения одних и тех же фигур. Иногда ранее выполненные фигуры покрываются новыми, безжалостно закрашиваясь новыми красками или покрываясь вновь выгравированными контурами. С течением времени волшебная сила фигур пропадала, почему, вероятно, и требовалось новое их воспроизведение. Прежние обитатели изображали новые фигуры рядом со старыми. Новые пришельцы не боялись святотатства, замазывая древние или чужие, бессмысленные для них изображения. Подобный вандализм, или истребление памятников искусства, ясно показывает, что пещерные охотники искали в произведениях искусства не неслаждений прекрасным, а чудотворной силы, исчезновение которой делало их бесполезными и ненужными. Только магическая теория в состоянии об'яснить эти трудно об'яснимые факты, но ей необходимо осветить и поразительные отличия, резко отделяющие пещерную иконопись от исторического религиозного искусства. Здесь достаточно отметить две главных черты, особенно резко бросающиеся в глаза. Просматривая альбомы по палеолитическому искусству, поражаешься однообразным мельканием звериных фигур: мамонт, носорог, бык-бизон, лошадь, снова бык, северный олень, опять лошадь, горный козел и т. д. и т. д. Шедевры пещерного иконописца составляют именно изображения животных. Гораздо реже, но выполнены довольно тщательно, птицы, рыбы, насекомые и растения. Но замечательно, что человек в пещерном искусстве и редок и изображен крайне небрежно и неумело, исключая только статуэтки и барельефы ориньякских скульпторов. Тогда как для палеонтолога фигуры мамонта или бизона представляют большую ценность, палеолитические фигуры человека ничего не скажут антропологу о физической природе пещерных людей. Если можно думать о стеатопигии ориньякских женщин на основании их ваяний, то никак нельзя рисковать начертить портрет пещерника. Из мадленского слоя пе-

щеры Рошбертье (Франция) извлечена пластинка из рога северного оленя с человеческой головой. Опираясь на эту гравюру и на другую из мадленского же слоя пещеры Ложери-Басс, изображающую охоту человека на быка, Мортилье, правда, приписывает мадленцу лицо узкое, продолговатое, выражение веселое, «саркастическое» (ядовито насмешливое), напоминающее немного «обычный тип Мефистофеля». Но ясно, что таким лицом пещерник обладать не мог, и перед нами на этих гравюрах начерчена какая-то упрощенная схема, а не живое лицо палеолитического человека, до сих пор остающееся нам неизвестным. Вырезанная из лошадиного зуба женская головка, найденная в мадленском слое пещеры Мас д'Азиль, имеет тоже неясные черты лица. Фигурка, вырезанная из слоновой кости, найденная в ориньякско-солютрейском слое пещеры Брассампуи (Франция), при неясном лице имеет отлично отделанную сложную прическу. Как случайны животные на христианских, так случаен человек на пещерных иконах. Изображения человека так редки и так несовершенны потому, что иконописец их избегал. Звери словно обладали высшей святостью и чудотворностью в сравнении с человеком. Контраст ликов святых людей на церковных иконостасах со священными фигурами зверей на пещерных иконах столь велик, что невольно знаменитые слова Ницше «человеческое, слишком человеческое» перекладываются в «звериное, слишком звериное». В изобразительном искусстве палеолита можно уловить и второе основное отличие его от позднейшей иконографии. Нам уже знакомы изумительно реалистичные звериные фигуры. Их близость к живым моделям позволяет даже говорить о натурализме древне-каменного искусства, т.-е. о крайнем реалистическом течении, особенно точно копирующем действительность.

Г. Обермайер.

24. Религиозно-практический характер стенной живописи палеолита.

В живописи на стенах, как мы сказали, преобладают изображения полезных человеку животных, бывших об'ектами его охоты. Они, бесспорно, более всего возбуждали фантазию охотника ледникового периода, и он занимался ими в первую голову, так как от них на самом деле зависело все его материальное благосостояние.

Мы считаем, что эти стенные изображения имеют, прежде всего, религиозно-практическую основу. Наши современные первобытные народности изготовляют сходные изображения животных с тою целью, чтобы путем удержания изображения получить, вместе с тем, власть и над душою животного, — следовательно, с целью волшебства, которое дало бы благоприятные результаты на охоте; нередко перед отправлением на охоту пред этими изображениями животных совершаются различные таинственные обряды, в которых запрещается принимать участие женщинам и детям. Этим, быть может, об'ясняется до некоторой степени бросающееся в глаза отсутствие человеческих изображений, равно как и поразительное нахождение фигур животных в самых удаленных и темных уголках и нишах, где царит вечный мрак, — иногда добраться до таких изображений чрезвычайно трудно, и рассматривать их можно лишь в самой неудобной позе. Близко родственною является идея, что эти изображения не что иное, как пример

почитания «тотемов». Большое число современных первобытных народностей верит, что человек стоит под защитою особого высшего существа, каковым является то или иное животное; именно вследствие этого, такое животное или «тотем» становится предметом особого культа; оружие и амулеты украшаются его изображениями, пускается в ход тайная магия, чтобы сделать его особенно благосклонным к своему племени. Танцы в масках, изображающих головы животных, как можно предположить, означали тогда уже, согласно этой гипотезе, не что иное, как проявление культа волшебства в честь животных «тотемов». Быть может, некоторые из особенно богато украшенных картинами пещер, в которых находится в настоящее время лишь очень мало следов жилья человека (Пио, Комбарель и др.), были в данном случае священными местами культа тотемов.

Как бы то ни было, совершенно справедливо говорит Картальяк, что «живопись четвертичного периода во всех отношениях получила грандиозное развитие и не имеет себе равной у современных народностей. Как ни сильно удалены от нас эти первобытные обитатели во времени, мы чувствуем себя близкими к ним и родственными по этому культу красоты и искусства, — нам нечего краснеть, называя их своими предками».

В. Никольский.

25. Первобытная магия.

Общий характер всей пещерной иконописи убеждает нас, что пратотемами людей палеолита были животные, реже растения, и что центральным ядром пратотемизма древнекаменной Европы являлось колдовство... В него входит огромная область заговоров и заклинаний, действенность коих покоится на способности слова замещать обозначаемый им предмет или акт. Слово, например имя предмета, есть как бы часть этого предмета. Знание имени предмета или человека отдает их во власть знающего. Поэтому, в Австралии при посвящении в зрелые мужи юноши меняли имя на новое, тайное, чтобы избавить его от порабощения силе чужого, враждебного человека. Конечно, волшебные слова палеолита при отсутствии письма не достигли наших ушей. Но остались свистки и трещотки, предназначенные звучать. Если первые могли координировать действия ловцов на сложной охоте, то вторые не годились для хозяйственных целей. Их жужжание, вероятно, изображало голос выгравированных на них тотемических фигур. Ведь звериный крик имеет столь же великую силу, как и сам «святой зверь»: разве часть (крик) не замещает целого (зверя)? В Австралии встретили людей дождя, которые делали дождь, испуская, между прочим, жалкие вопли, словно кулики. Те тоже видно имели тотемом дождь и обладали над ним еще большей властью, чем люди: всякий раз после криков куликов погода портилась. Европейская примета о роковом влиянии лягушечьего кваканья на ясное небо (отсюда опасность раздавить лягушку) когда-то была вызвана подобными же соображениями.

Есть ли малейший здравый смысл в магических сценах, промелькнувших перед нами? Дикари так серьезно делали дождь, так глубоко верили в действенность своей работы, так явно не подозревали ее не-

лепости. Будь здесь моление о дожде у высших сверх'естественных сил, наш рассудок мог бы понять это. Но как понять «логику» чародейства? Конечно, она ниже нашего здравого смысла, конечно, она дологична. Мы можем лишь выяснить, при каких условиях магическая логика может стать приемлемой для обыкновенного холодного здравого смысла. Конечно, можно сделать это лишь в форме самой грубой схемы. Но почти всегда об'яснение сложного сводится к его упрощению. При этом надо помнить, что наше об'яснение даже бессильно стать теорией, а остается всего лишь гипотезой.

Мир, как видно, иначе отражался в палеолитическом сознании. Его предметы не распадались на две противоположности: на живое и мертвое. Изображения магического искусства не могли быть жизненными сочетаниями мертвых красок, черт, борозд, углублений или выпуклостей. Иначе их воздействие на предметы внешнего мира и на живые существа останется необ'яснимым. Впоследствии мы увидим, что у австралийцев остались очень яркие следы такого всеобщего оживления. Но замечательно, что дикари, гораздо более развитые, сохранили немало лоскутьев этой великой ткани палеолитического мышления. Так, Тан (Богораз) записал такой рассказ чукотского «знающего» колдуна: «Все вещи имеют жизнь. Лампа ходит. Стены дома имеют свой голос. Даже урыльник имеет собственную страну и шатер, жену и детей. Шкуры, лежащие в мешках на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся на прежние места»[1]. Противоположность мертвого и живого еще не возникла в человеческих головах. Ведь даже камень иногда двигался: скатывался с горы от сотрясения, шевелился, когда его зацепляла человеческая нога, и, главное, «звучал», когда по нему ударяли или когда он трескался от колебаний температуры. Мертвое не может двигаться или говорить. Камень должен быть живым, как и зверь: он только любит притворяться мертвым, т.-е. тихим и неподвижным. Понятно, что волшебное изображение бизона легко приобретало всю полноту жизни, не меньшую, чем у его реально-живой модели.

Одно всеобщее оживление бессильно об'яснить это влияние. Мироощущение людей древнего камня должно отличаться динамизмом, признанием энергии, скрытой в вещах и делающей понятным их взаимодействие. Вещи должны притом обладать такой энергией или силой в различных количествах. В некоторых вещах накапливается такой запас ее, что они становятся особенно чудодейственными. Волшебная сила, механически истекающая из вещей, и может несколько об'яснить магические обряды. Подобная волшебная сила известна австралийцам (арунгвильта), индейцам (оренда ирокезов), полинезийцам (мана) и пр. Хотя эта сила в этих сложных культурных комплексах выступает в сплетении с элементами анимизма — душеверия, однако она, видимо, гораздо древнее его...

[1] «Землеведение», 1908 г., кн., стр. 63.

Е. Аничков.

26. Первобытная магия.

Первобытную магию Фрэзер определяет, как уверенность в том, что «схожими действиями вызываются схожие явления», или, иными словами, что «следствие похоже на свою причину». «Всюду, где симпатическая магия, — говорит Фрэзер, — встречается в своей чистейшей не видоизмененной форме, она предполагает, что в природе одно явление необходимо вызывает появление другого, без всякого духовного либо личного вмешательства». Насколько магия независима от веры в какие-либо сверх'естественные существа или вообще веры в духов, ясно видно из того, что она «относится к духам совершенно так же, как и к неодушевленным факторам — она понуждает или насилует их вместо того, чтобы их примирить или умилостивить». Отсюда Фрэзер делает даже тот несколько неожиданный вывод, что магия скорее «зародыш современных понятий об естественных законах», чем первая стадия религиозного сознания. Возможность проникнуть в психологию первобытной магии дает лучше всего народное знахарство. Когда баба ждет родов, она не терпит на себе ни одного узла. Все должно быть развязано. Повивальная бабка уверена, что, развязывая узлы, она способствует легкому разрешению от бремени. При трудных родах роженицу еще проносят сквозь расщелину молодой березы, уверенные, что, как сама роженица прошла теперь через отверстие, так же точно выйдет легко и ее плод...

Человек на первобытной стадии своего развития мыслит себя только как центр мира; никакое иное миропонимание ему невозможно. Природа сделана для его пользы. Она — его. Эта уверенность лежит в основе всей его деятельности, и без нее, он, конечно, погиб бы. Можно даже сказать, что, чем сильнее внедрен в сознание этот эгоцентрический взгляд на природу, тем жизнеспособнее принявшее его племя, тем более обеспечена за ним победа в борьбе за существование. Но природа не всегда благоприятствует, она иногда враждебна. Чтобы побороть эту враждебность, человек и прибегает к магии, и эта последняя систематизируется в обрядовом сознании. Схожими действиями, дающими схожие результаты, старается человек победить враждебные и неподатливые силы природы, направляя их себе на пользу. При этом магические действия его распадаются на два больших отдела: на отрицательные и положительные; в первом случае мы имеем дело с очищениями, во втором — с заклинаниями.

Е. Аничков.

27. Пережитки обрядовой магии.

В Чистый понедельник необходимо простое омовение, потому что настает праздник, но на Благовещение перед началом весны, после долгой жизни взаперти, делается нечто гораздо большее; тут сжигается перед каждым домом солома из постелей, и через эту солому скачут, считая, что и в себе самом, если сидит скверна, ее можно иско-

ренить тем же огнем. Позднее, на Иванов день, уже среди лета, опять скачут через огонь, чтобы опять-таки избавиться от всякой скверны... То же самое и — Изгнание Смерти, известное у немцев, чехов и поляков, в начале весны, — время, как некогда думали, опасное для здоровья...

У нас схожее изгнание называется Коровьей Смертью. Наш народ как будто боится, главным образом, за мор на скотину. И скот оберегается очищением очень часто. Этому посвящено несколько обрядов при его первом выгоне в поле. Стадо прогоняют между двух костров, или еще строятся ворота, иногда принимающие даже вид целого тоннеля, при чем на верху его разводится еще огонь. Ворота или тоннель считаются имеющими магическую силу, не дающую пройти через них всякой скверне. Скот пойдет, таким ожразом, на пастбище здоровым, даже если за зиму он и стал хворать. Те же очистительные обряды имеют место и в виде предосторожности. Заранее совершает человек известное заклинание, чтобы предохранить себя от всего худого. Такая забота выражается в магическом круге. Обвести себя кругом значит сделать так, чтобы скверна не была в состоянии застигнуть. Ей не прорваться в круг. Магический круг достигается обходом или опахиванием. Этот последний способ у всех индо-европейских народов применялся при постройке новых городов или деревень.

———

М. Ковалевский.

28. «Мана».

Периоду анимизма или веры в добрых или злых духов предшествует признание какой-то безличной, сверхчувственной силы, носящей у разных народов разные наименования и которую сравнительные этнографы и фольклористы условились обозначать тем прозвищем, какое она носит у меланезийцев[1], — прозвищем «мана». Проф. М. Мюллер прочел однажды Кодрингтону отрывок из одного письма, полученного им от его корреспондента в Меланезии. В нем значилось: «Им недоступно понятие какого-нибудь верховного существа и даже, вообще, какого-либо индивида или духа, занимающего высокое положение в их миросозерцании. Но у них есть вера в силу, отличную от силы физической, которая может причинять столько же добро, сколько и зло. Владеть или управлять ею представляет величайшую выгоду для человека. Эта сила обозначается термином „мана“. Термин этот, повидимому, распространен на протяжении всего Тихого океана. Мне кажется, я знаю, что именно понимает под нею наш народ, и это понимание отвечает тому, что я слышу о наличности таких же верований и по соседству. Под „мана“ разумеется сверх'естественное влияние. Оно сказывается в физической мощи и во всякого рода силе и превосходстве, какими кто-либо располагает. „Мана“ не приурочена к какому-либо отдельному предмету и может быть сообщена чему

[1] Меланезийцы—обитатели островов, расположенных в западной, прилегающей к Австралии части Великого или Тихого океана. Стоят на очень низкой ступени культурного развития, но все же выше австралийцев; на-ряду с описанными верованиями, представляющими пережиток более древних времен, у них есть вера в духов, возникшая позже.

угодно. Она может воздействовать через посредство воды, камня, кости; всякие сверх'естественные существа, в том числе и души покойников, могут владеть такою „мана“ и сообщать ее другим. Вся религия меланезийцев сводится, в сущности, к тому, чтобы присвоить себе обладание такой силой или добиться того, чтобы она действовала в нашу пользу. К этому направлены все религиозные действия, молитвы и жертвоприношения».

Развивая ту же мысль, Кодрингтон показывает, как меланезиец убеждается в наличности такой сверхчувственной силы в том или другом предмете. Тот или другой камень может привлечь на себя его внимание своей необычной формой. Он подвергает его испытанию, вкапывает его в землю у корней того или другого дерева. Раз на дереве получается обилие плодов, у него исчезает всякое сомнение в том, владеет ли или не владеет «мана» случайно привлекший его внимание камень. Отныне он уверен в том, что попавший в его руки предмет способен сообщать «мана» и другим предметам по его выбору. Таким же образом вещи не материальные, слова, например, и сложенные из них песни, могут обнаруживать сверх'естественную силу. Чарующее их влияние носит также название «мана». Всякий успех приписывается меланезийцами влиянию «мана». Человек становится старейшиной в силу ее. Если в битве или единоборстве он одержал верх над ними, то причиной этого является опять-таки эта сверхчувственная сила. Она может заключаться в носимом им амулете, даже в зубе, привешенном к его луку. Без «мана» трудно, по верованию меланезийцев, стреле нанести смертельную рану, сети — поймать много рыбы, лодке — проплыть быстро и безопасно для сидящих в ней.

М. Ковалевский.

29. Тотемизм и его происхождение.

Я полагаю, что мы можем принять то определение, какое дает ему Фрэзер. «Тотемом, — часто говорит он в первой же части вышедшего в 1910 г. четырехтомного сочинения, озаглавленного „Тотемизм и экзогамия“, — надо считать целую категорию материальных предметов, к которым дикарь относится с суеверным уважением, полагая, что между этими предметами и каждым членом одного с ним союза существует очень тесное и специальное отношение. Отношение человека к его тотему взаимно благодетельное. Тотем защищает человека, а человек оказывает ему уважение в разных формах: тем, что не убивает его, если тотемом является животное, не режет его и не вырывает с корнем, если им является растение. Тотем отличается от фетиша тем, что им является не отдельный предмет, а целый класс предметов: всего чаще та или другая порода животных или растений, реже тот или другой вид предметов неорганической природы, еще реже — тот или другой разряд искусством созданных предметов».

Дальнейшие признаки тотемизма следующие: 1) признание того или другого растения, животного или неодушевленного предмета не только патроном, но и родоначальником того или другого деления или подразделения племени. Это растение, животное и т. д. считаются священными и не поступающими потому в пищу лиц той группы, которая признает его предком или покровителем; 2) все лица, об'единен-

ные культом этого дерева или этого растения и животного, считаются близкими по крови; по отношению к ним существуют поэтому брачные запреты и даже запреты внебрачного сожития...

Сами дикари, как показывает пример Арунта в Австралии, дают следующее об'яснение факту происхождения тотемизма. Они думают, что если называют одних по имени опоссума[1], а других по имени одной мелкой рыбы, то потому, что они преимущественно питались ими в прошлом. У Спенсера и Гиллена приведены факты, показывающие, что причина, по которой те или другие группы обозначаются именем того или иного растения, также лежит в преимущественном употреблении ими в пищу этого растения. Так, группа людей, обозначаемых именем дерева сливы, или квабора, едят сливы, в противность ходячему представлению о том, что лицам, принадлежащим к известному тотему, животное или растение, отождествляемые с этим тотемом, запрещены.

Если, таким образом, запреты употреблять в пищу животных и растения, служащие тотемом, далеко не могут считаться всеобщими и искони существовавшими, то невольно является мысль: нельзя ли видеть источник обозначения той или другой группы людей именем растения или животного в факте преимущественного распространения их в той или иной местности, с которой связана судьба данной группы? Спенсер и Гиллен, изучившие, по преимуществу, обычай Арунта, показали, что тотемы во внутренней части Австралии приурочены каждый к известной местности; ребенок получает то или другое название и зачисляется в тот или другой тотем нередко потому, что местность, в которой дух предка овладел предполагаемой его матерью, изобилует, положим, каучуковым деревом. Таким образом, личный тотем, как и тотем целой группы, имеет, так сказать, географический источник. По мере истребления того или другого растения или животного, служившего преимущественно для пищи рода, могло зародиться желание путем чародейства влиять на его размножение. Это обстоятельство и сделалось источником периодически повторяющихся обрядов, в которых, как показывает пример австралийцев, при участии всех совершеннолетних мужчин, прошедших предварительно через особое посвящение, совершаются чародейства, преследующие цель размножения растения или животного, служившего тотемом. Наконец, та же причина могла повести и к запрещению употреблять в пищу такое животное или растение иначе, как в эпоху периодически повторяющихся празднеств, когда эти запреты временно отменялись, как отменялись на них и правила полового табу или полового запрета. Таково, думают, Спенсер и Гиллен, наиболее правдоподобное об'яснение источника происхождения тотемизма; такова, в частности, причина, по которой тотемом избиралось известное растение или соответственно известное животное. В тотемизме на первых порах не было ничего религиозного, как это справедливо подчеркивает, между прочим, и Ленг; но религиозный элемент присоединился к нему современем — сперва в форме магии и религиозного табу, а затем в форме признания того или другого растения или животного, являющегося тотемом, за родоначальника или, вернее, за воплощение родоначальника в данной группе. На эти толкования наводят, главным образом,

[1] Одно из австралийских животных.

наблюдения над австралийцами и, в меньшей степени, над краснокожими, у которых религиозный характер тотемизма выступает с несравненно большею наглядностью.

Н. Харузин.

30. Пережитки тотемизма у отсталых народностей СССР.

Шренк справедливо указал, что с наиболее древними национальными одеждами, в которых сказывается стремление подражать животному с целью «приобрести его благосклонность», обезопасить себя от него, естественно «связывается и понятие об особенном изяществе и достоинстве». После этого особое значение приобретает его же указание, что самая нарядная и возбуждающая зависть часть зимней одежды женщин у гиляков—рысья шапка. Макушка этой шапки образует голову рыси с торчащими ушами. На спину женщины спускается рысий хвост. Шапка «представляет как бы подражание фигуре всего животного». Также гордятся мужчины рысьей шубой, хотя гилякам известны и более дорогие меха. Коряки Пенжинской губы носят шапки из волчьей шкуры с торчащими ушами. Что касается татуировки, то имеется следующее известие относительно остяков. Отец в прежнее время давал своему новорожденному ребенку имя какого-либо зверя, птицы или предмета, которые он, после первого известия о новорожденном, видел по выходе из юрты. Ребенку выжигали на руках и ногах изображения разных птиц, зверей и т. п., изображения эти остяки употребляли вместо подписи. Так, «у кого на руке был выжжен соболь, то рукою на бумаге рисовал соболя». Тотемические черты в ритуальных плясках и мимических представлениях можно усмотреть в играх и плясках бурят, которые, по верному замечанию А. В. Потаниной, очевидно, «составляли некогда часть религиозного обряда». Например, на таилганах (общественных молениях бурят) «шаман изображает собою Буха-ноена, Господина-быка, которого буряты считают своим предком». Шаман ходит на четвереньках, мычит, руками бросает землю, наконец бодает присутствующих...

У некоторых из русских инородцев клятва на голове, лапе или зубе медведя коренится в забытых в настоящее время тотемических представлениях. Известно также, что в прежнее время остяки при клятве целовали морду щуки. Патканов указывает, что щука считается у остяков «священной рыбой». Выше было упомянуто, что в образе щуки появлялись остяцкие божества.

К. Тахтарев.

31. Пережитки тотемических верований у культурных народов.

Вопрос о том, существовал ли у других племен человека тотемизм в том виде, в каком мы до сих пор находим его у австралийцев, до сих пор считается спорным. И в то время, как одни ученые вроде Соломона Рейнаха, основываясь на имеющихся этнологических данных, приходят к заключению, что в настоящее время можно уже с до-

статочным основанием утверждать, что тотемизм есть явление общее всем племенам человека на ранних ступенях его умственного и общественного развития, другие, как, например, Джемс Фрэзер, еще не считают возможным высказаться столь решительно. В заключении к своему обстоятельному труду — «Тотемизм и экзогамия», как и в своем первоначальном исследовании, озаглавленном «Тотемизм», Джемс Фрэзер говорит, что тотемизм есть явление, существование которого мы можем наблюдать почти у всех разновидностей человека на наиболее ранних ступенях его общественного развития. Это явление широко распространено не только на маленьком австралийском материке и островных землях Великого океана, но и обоих американских материках, а также и на материках Старого Света—в Азии и Африке. Но утверждение о существовании тотемизма у некоторых племен, например арийских, Фрэзер считает до сих пор еще не достаточно обоснованным. Однако, и Фрэзер не отрицает того, что некоторые факты наводят на мысль о существовании тотемизма и у арийских племен. Вера в оборотничество, в превращение самых различных животных и людей, в происхождении от животных предков, обща и арийским племенем. Недаром древне-греческое племя мирмодонян вело свое происхождение от муравьев, над Критом властвовал Минотавр, княжеский род которого, по всей вероятности, вел свое происхождение от быка, а римские предания говорят о том, что их родоначальники были вскормлены волчицей. Изображения первоначальных родовых божеств с головами животных тоже не чужды и племенам арийской расы, как и племенам семитическим. Не даром Дионисий, как и Ваал, изображался вначале в виде быка или тельца, который очень часто встречается при изображениях различных божеств и у древних иранцев, и у древних индусов, веривших в животное происхождение души человека и в перевоплощение души, подобно современному палеолитическому человеку Австралии. Почитание священных животных обще всем племенам человека на ранних ступенях их развития при условиях сильнейшей зависимости от окружающего животного мира. Бык, лев, орел, змея, слон и другие животные очень часто встречаются среди особо почитаемых животных у арийских народностей и изображаются на-ряду с богами, имеющими человеческий образ. Первоначальный народный эпос у всех арийских племен имеет животный характер. В этом отношении древние русские сказки весьма характерны. Примером может служить сказка о Марье-Моревне и о Кощее-Бессмертном. Марья-Моревна — царская дочь и одновременно она дочь одухотворенного моря, почему и носит тотемическое название Моревны. Душа Кощея-Бессмертного находится в яйце. Это яйцо находится в утке, а утка — в зайце, заяц — в сундуке, а сундук — под зеленым дубом. Тотемический характер этого древне-русского сказания невольно обратил на себя внимание английских антропологов, и в свое время сказка о Кощее-Бессмертном подверглась научному анализу на страницах журнала английского антропологического общества, как пережиток тотемических представлений.

В сказке о Марье-Моревне сокол превращается в доброго молодца, точно такое же превращение происходит и с орлом, и с вороном. Древне-русские былины тоже изобилуют подобными превращениями. Примером может служить былина о Вольге Всеславиче, самое имя которого опять-таки происходит, повидимому, от названия великой реки и носит тотемический характер, как и прозвище князя Все-

володa в «Слове о полку Игоря»: «Буй-Тур — Всеволод». В этом древнейшем памятнике русской поэзии и русской письменности имеется не мало следов тотемизма. «А Игорь князь поскачи горностаем к тростию и белым гоголем на воду»; «Въвржеся на бръзъ комонь, и скочи с него босым влъком, и потече к лугу Донца, и полете соколом под мьглами»; «Коли Игорь соколом полете, тогда Овлур влъком потече». Конечно, в устах автора «Слова» все эти тотемические обозначения были уже лишь поэтическими образами. Однако, нет никакого сомнения в том, что эти поэтические образы связаны неразрывною связью с пережитками прежних тотемических понятий, которыми так изобилуют древние русские народные сказки. Тотемические верования в оборотничество еще до сих пор живы среди невежественных русских крестьян наиболее глухих мест России. И до сих пор среди них сохраняются представления о возможности происхождения человека посредством вхождения духа в тело женщины, в возможность забеременения женщины от закрутившего ее ветра и проч. В «Слове о полку Игоря» ветры называются Стрибожьими внуками, Боян — внуком Велеса, бога прирученных животных.

Согласно древнейшим иранским преданиям, первые люди были растениями и имели вид деревьев. О том же говорят и предания древних фригийцев. Тотемическое почитание священных деревьев было свойственно всем арийским племенам, согласно анимистическим представлениям которых священные деревья служили местом убежища душ их предков, которые могли пребывать и в камнях, как это думают современные австралийцы. О происхождении людей из камней говорят и древнейшие предания греков. Небо, согласно древнейшим понятиям арийских народностей, точно так же было населено животными душами. Недаром многие созвездия небесных светил до сих пор и у европейских народов носят название различных животных. Немецкая сказка об аисте, приносящем новорожденных детей, тоже имеет несомненное тотемическое происхождение. Предание происхождения трех шведских семей рода Линнея от большой липы с тремя стволами тоже весьма характерно и знаменательно. Из этого рода, как известно, вышел знаменитый шведский ботаник, а когда, согласно шведскому преданию, ствол липы, от которого взялся его род, засох, то одновременно вымер и весь его род. Подобные предания, несомненно, свидетельствуют о пережитках тотемизма у арийских племен, о чем свидетельствуют и древнейшие животные наименования их родов, а равно и культы животных, перемешивающиеся с культом родоначальников.

Научные археологические исследования Ланга обнаружили не мало следов тотемизма в древне-греческой мифологии, заключающей в себе значительное число преданий, повествующих о происхождении различных родов и племен от животных. От них же, по древнейшим понятиям греков, вели свое происхождение и многие из богов: Артемида-Каллиста—медведица, Зевс, по преданию мирмидонян, превращавшийся в муравья, Аполлон, по преданию ликийцев, превращавшийся в собаку, от которой они и вели происхождение своего племени. Весьма характерна и древне-греческая клятва собакой, бывшая обычной даже в эпоху софистов, в эпоху Сократа.

———

32. Искусство эпохи палеолита[1].

Назначение множества предметов из оленьего рога до сих пор не могло быть об'яснено, так как мы не встречаем аналогичных им у современных дикарей. Среди них в пещерных кучах мы встречаем и настоящие произведения искусства, которые в момент своего открытия справедливо вызвали величайшиее изумление археологов и антропологов: мы говорим о рисунках, вырезанных на кусках оленьего рога, иногда весьма живо. Большею частью они изображают животных, а иногда и человека. Есть и воспроизведения животных, вырезанные из кусков оленьего рога. Эти изображения свидетельствуют о некотором развитии художественного вкуса, о наслаждении красотами природы, испытываемом в подражании им. Мы имеем здесь перед собою, на заре внутри-европейской культуры, произведения, которые в некоторых отношениях, в особенности относительно способности об'ективного подражания природе, стоят выше техники позднейшего, несравненно более развитого периода тех же стран, оставившего нам роскошное оружие из бронзы, украшения из бронзы и золота и др. вещи. Эти последние украшения состоят почти исключительно из сочетания линий геометрического характера. Новейшее исследование открыло, металлических периодах множество аналогичных первобытных прооднако, и в более позднем каменном периоде, а затем в последующих изведений искусства, резьбу, главным образом, на янтаре, а также на роге и кости, и многие глиняные фигуры, которые доказывают, что и этот род искусства существовал в позднейшие эпохи развития европейской культуры.

Рисунок 1 изображает ряд наиболее подлинных произведений резьбы из этой первобытной доисторической эпохи [1]. Предметы эти признаны настоящими Леббоком, Бойд Доукинсом и множеством немецких исследователей, напр. Фраасом. Первый из этих рисунков, найденный в пещерах Дордоньи, изображает рыбу, вырезанную на цилиндрическом куске оленьего рога. На втором рисунке выдолбленный кусок оленьего рога изображает, в виде резьбы, голову и грудь животного, похожего на каменного козла. Особенно интересен, по-моему мнению, третий рисунок. Он изображает две лошадиных головы и человеческую, повидимому, голую фигуру, в правой руке которой находится нечто вроде палки или копья, а рядом дерево, изогнутое почти змееобразно; судя по направлению штрихов, соответствующих ветвям, нужно полагать, что это сосна или ель. Дерево, которое другие ошибочно принимали за змею или угря, изображено в таком странном положении, очевидно, лишь за недостатком места. К такому методу прибегали, как известно, и впоследствии в средневековых изображениях. К этому дереву примыкает ряд вертикальных и горизонтальных штрихов, изображающих, повидимому, род плетня или изгороди. На другой стороне того же цилиндра ясно изображены две головы зубра. Четвертый рисунок изображает вырезанных на другом куске лошадей, которых вз'ерошенная грива и растрепанный хвост, а также несоразмерно большая голова, верно изображают дикую дилювиальную лошадь . . .

[1] Рисунки к статье см. в конце книги.

Среди пластических резных изделий дилювиальной эпохи Ларте и Кристи нашли весьма изящное, хотя и грубо выполненное изображение на рукоятке кинжала, вырезанной из оленьего рога (см. рис. 2). Художник очень искусно приспособил положение изображаемого молодого оленя к ограниченному пространству. Животное загибает рога на шею, тогда как передние ноги притянуты к груди, а задние вытянуты вдоль клинка. В Кесслеровой яме найдены были два резных изделия из оленьего рога. Одно из них представляло кусок рукоятки, на котором изображена была голова быка, вероятно, мускусного (см. рис. 3); на это указывают рога, загнутые вниз на черепе на подобие локонов, хотя, с другой стороны, возможно, что этот загиб вызван необходимостью приспособления к форме избранного куска рога и к цели получения удобной рукоятки. Второе, вероятно, украшало некогда конец рукоятки ножа и представляло замечательное двойное изображение: с одной стороны — тщательно выполненная вытянутая головка животного без рогов, напоминающая лошадь или оленя, а с другой — головка зайца с длинными ушами, которые также отвернуты в сторону, как рога быка, за отсутствием места.

Таковы важнейшие доказательства древнейшего развития искусства у первобытного европейского человека. В подлинности их в общем сомневаться нельзя. Так, Шуссенская стоянка, подлинность которой не подлежит никакому сомнению, также дала нам образчики резьбы на дереве и оленьем роге с глубоко врезанными штрихами. Против подлинности этих предметов восставали принципиально, преимущественно на том основании, что они будто бы не гармонируют с представлением о «бесконечно низком уровне» дилювиального человека. Конечно, нельзя отрицать, что эти изображения свидетельствуют о сравнительно высоком развитии наблюдательности и что они должны быть признаны настоящими произведениями искусства, хотя и первобытными. Тем не менее, совокупность всех данных не исключает, с принципиальной точки зрения, подлинности этих рисунков и резных изображений.

———

Г. Обермайер.

33. Искусство у современных дикарей.

Большой интерес для нас представляют современные народности оленеводов, т.-е. лопари и другие европейско-азиатские племена, обитающие у полярного круга, и прежде всего эскимосы Северной Америки. Они до самого последнего вермени находились на стадии каменного века, и их оружие и орудия, по полной своей аналогии с таковыми четвертичных охотников за северными оленями, дают весьма ценные выводы относительно давних времен нашей страны. Гравированные и скульптурные изображения у них пользовались всеобщим распространением точно так же, как и живопись красною охрою и углем, которые растирались на куске кожи с ворванью. Эти народности воспроизводили с некоторым талантом не только отдельные фигуры зверей, как, например, северных оленей, тюленей и моржей, но и целые сцены охот, рыболовства, семейной жизни и религиозного культа. Это соответствие между современными северными народностями и первобытными так поразило некоторых исследователей, что

они предположили существование внутреннего этнического родства между ними и охотничьими племенами ледникового периода и видели в них потомков пещерных жителей, которые последовали за отодвигающимися ледниками на крайний север. Что касается соответствия в технике, то в данном случае легко возможно ошибочное заключение: ум человеческий при аналогичных условиях существования создает и аналогичные орудия, при чем вовсе нет надобности, чтобы в данном случае имелось какое-либо родство народностей в полном смысле этого слова. Как с полною справедливостью указывают Картальяк и Брейль, мы имеем здесь перед собою этнологические аналогии, которые можно считать не более как явлениями конвергенции, вызванной одинаковыми условиями существования. То же самое можно сказать и относительно изобразительных искусств: будем ли мы рассматривать мелкие вырезанные на кости изображения (рис. 4), или же многочисленные фигуры, высеченные на скалах Сибири, мы всюду встретим рисунки, которые представляют изображения фетишей, далеко не достигающие, по искусству и натуральности, наших произведений четвертичного периода. Исполнители, обыкновенно, довольствуются тем, что данный предмет или сцена достаточно хорошо и характерно изображены, и настоящих эстетических и художественных представлений у них мы не встречаем вовсе.

Условия существования, весьма сходные с нашими первобытными народностями, обнаруживают также индейцы Северной Америки. В степях Канады и северной части Соединенных Штатов была развита также богатая фауна бизонов и оленей, за счет которой жили племена диких охотников, находившихся еще несколько столетий тому назад на стадии каменного века, но за последние 300 лет почти совершенно истребленных. Эти индейские племена также очень много рисовали, но стиль их был совершенно иным, чем тот, какому следовали художники палеолитического периода. «Фигуры их никогда не достигают такой тонкости, точности и изящества; они не столько являются только просто декоративными, сколько представляют собою письменные знаки, которых назначение—удерживать в памяти совершившиеся события и передавать их грядущим поколениям. Эти рисунки обозначают имена личностей, племен или их тотемы и имеют символическое значение, известное лишь посвященным» (Брейль). Для охоты служили амулеты с изображениями животных, за которыми охотились. Чрезвычайно развито было в Северной Америке также употребление переодевания и маскирования. Охотник закутывался в шкуру оленя или антилопы, чтобы подкрасться к этим животным, или одевался в шкуру волка, чтобы подойти ближе к бизонам; сходным образом и охота на тюленей производилась при помощи масок, изображающих головы тюленей, при чем охотники подражали и голосу животных. Во всяком случае, это, несомненно, было самою первою и основною целью и смыслом всякого переодевания в животных, и лишь позднее последнее получило религиозный характер. Тогда маски сделались предметами религиозного церемониала, ими пользовались при некоторых церемониях и танцах для прославления животных тотемов и тех духов, которые они изображали, — целью этого было добиться более удачной охоты, примирить с собою тени убитых животных и избежать козней злых духов. При этом животным подражали во всех деталях их поведения, маски же разукрашивали самым фантастичным образом так что позднее нередко трудно уже бывает опреде-

лить, какому животному принадлежит данная голова. Мы говорили уже выше, что такие изображения имеются и из четвертичного периода.

Почти во всех частях севера африканской пустыни имеются скалы, покрытые вырезанными на камне изображениями, которые относятся частью к доисторическому периоду, частью к началу исторического. Эти изображения, находимые в Сахаре, представляют собою животных, которые были свойственны стране в те времена, когда рисунки эти были выполнены; некоторые из них живут там и посейчас, другие, как, например, слон, исчезли из этих пределов еще во времена римлян; наконец, третьи, например буйвол, должны считаться совершенно вымершими. Таким образом, древнейшие из этих высеченных на камне изображений могут быть поставлены в некоторую связь с нашими европейскими изображениями четвертичного периода. Если бы даже на самом деле это оказалось правильным, то все же надо сказать, что наблюдается мало родства между тем и другим искусством. Африканские художественные произведения обнаруживают талант и верность природе, но далеко не достигают того художественного совершенства, какое обнаруживается в произведениях европейских первобытных охотников за северными оленями.

Первобытная народность, которая обнаруживает наиболее тесное и близкое сходство с искусством четвертичного периода, — это бушмены южной Африки, распространенные до вторжения негров также и в центральной Африке, где следы их встречаются к западу от озера Танганайки. В настоящее время эта народность находится на стадии вымирания и делится на две различные группы, из которых одна замечательна своею живописью красками, другая — своеобразными рисунками. Скульптурные изображения бушменов высекаются на твердом камне ударами молотка: на гладкой поверхности выбиваются одна за другою выбоинки, и таким способом получаются вырезанные на камне рисунки, которые сперва воспроизводят лишь одни простые контуры. Затем, с улучшением техники полировки, эти рисунки превращались и в настоящие скульптурные фигуры. Древнейшие из этих изображений, по мнению Голуба, относятся ко времени, удаленному от нашего примерно на 500 лет назад; возраст самых поздних также не менее двух столетий. В настоящее время они большею частью покрыты землею, их трудно найти, и по указаниям самих бушменов они являются работою их предков. На прилагаемой таблице I мы видим целую серию таких изображений на скалах; интересно сравнить некоторые из них, в особенности изображения капского носорога, слона и антилопы, с такими же изображениями четвертичного периода,—бросается в глаза довольно близкое родство их передачи и техники выполнения. Произведения живописи бушменов находятся обыкновенно в пещерах (табл. II). Их возраст также трудно определить, но, во всяком случае, новейшие относятся ко времени 50 лет тому назад, как это можно судить по изображенным сценам борьбы с бурами и по вооружению некоторых из фигур огнестрельным оружием. Для выполнения этих рисунков применялись красная, белая, коричневая, желтая, черная, синяя и зеленая краски, все минерального происхождения. Стоу указывает, что живопись, как и приготовление яда, составляет специальность лишь небольшого числа посвященных в эти искусства лиц. Бент делит все произведения на три ступени, из коих первая содержит мало-разборчивые, грубые изображения животных, вторая — прекрасно нарисованные и выполненные многими красками фигуры их,

третья — сцены из жизни людей. Среди изображенных животных редко встречаются птицы и собаки; рыбы же и зайцы отсутствуют совершенно. Зато мы часто находим исчезнувших в настоящее время из страны бушменов страусов, гиппопотамов и огромных змей, затем быков, антилоп, зебр, гну, пантер, волков и львов. Колорит этих рисунков очень жизненный, яркий и обыкновенно не соответствует вовсе настоящей окраске животных; большею частью имеются тонкие нюансы и тени. Стоу заявляет, что отдельные изображения животных представляют собою эмблемы вождей отдельных племен, живших в этой пещере; на-ряду с ними находятся и картины исторического содержания, передающие военные и охотничьи сцены или более важные события из обыденной жизни. Применялось также и переодевание и маскирование и притом как для целей охоты, так и для религиозных целей.

Туземцы Австралии оставили в пещерах и на скалах также многочисленные высеченные на камне рисунки, но они представляют собою исключительно контуры и по выполнению сильно уклоняются от изображений палеолитического периода. То же самое можно сказать относительно рисунков красками на стенах пещер (рис. 5), которые воспроизводились красной, желтой, белой, черной или синей краской; между этими рисунками особенно замечательны изображения рук, к которым мы имеем вполне соответствующие параллели во французских и испанских пещерах; другие рисунки представляют собою одни узоры, или изображают фигуры людей, животных, змей или растений. Если спросить туземцев о значении этих рисунков, то они говорят, что рисунки делались от нечего делать, или для развлечения; однако, Спенсер и Гиллен полагают, что это забытые ими знаки тотемов; таковые на самом деле имеются во многих местностях и играют некоторую роль в религиозной жизни, — точно такую, как маски и маскарадные костюмы.

Сравнительно-этнографическое изучение показывает, во всяком случае, что произведения искусства, сходные по характеру с нашими пещерными картинами, встречаются и в других частях света и исполнялись даже первобытными народностями, вплоть до ближайшего к нам времени. Их производят племена, которые, подобно дилювиальным обитателям Европы, находятся на стадии первобытных охотничьих народностей и обнаруживают нередко также настоящий художественный талант. Тем не менее, художественные произведения, которые могли бы быть поставлены на одну доску с картинами европейских пещер, встречаются лишь у бушменов, но и здесь они, как отмечено Картальяком, при всем их сходстве, обнаруживают крупные отличия.

Г. Обермайер.

34. Связь первобытного искусства с потребностями жизни.

За исключением тех народностей, которые живут при самых суровых климатических условиях, все охотничьи народности являются, прежде всего, по существу более украшенными, чем одетыми. В прежние времена этих дикарей считали «детьми», находящими удовольствие в пестроте и яркости красок, теперь же мы знаем, что часто эта пестрота

наряда является в то же время полезной, иногда даже необходимою. Во времена войны дикарь пользуется яркими украшениями для того, чтобы напугать своего врага, внушить ему страх перед собою; множество украшений, носимых на шее, отнюдь не являются пустыми предметами кокетства и ребяческого пристрастия к безделушкам, они представляют собою амулеты, об'екты, имеющие врачебное назначение или обладающие таинственной целебною или защитною силою. Ведь, даже и в нашей среде не вывелась еще вера в «счастливую свинку», «четырехлистный клевер» и тому подобное. Краски никоим образом не выбираются без всякой системы: красный цвет всегда составляет принадлежность борьбы, битвы и танцев; белый, соответствующий цвету трупа, лишенного крови, у многих племен является цветом траура. Татуировка нередко имеет религиозную подкладку или обозначает принадлежность к известной социальной группе, совершенно подобно тому, как и наши солдаты, матросы, мясники татуируют себе на верхней части руки символические обозначения их профессии. На-ряду с раскраскою тела применяется болезненная, но зато несравненно более прочная татуировка, являющаяся доказательством не только принадлежности к известному роду или племени, но и доказательством мужественной стойкости и терпения; так, например, молодая австралийская девушка со спиной, покрытою рубцами, может гораздо легче выйти замуж, чем боящаяся боли, не украшенная ими красавица. Между палочками, продетыми сквозь нос африканских женщин, и бриллиантовыми серьгами наших дам, между ожерельями из зубов акулы женщин Полинезии и жемчужными ожерельями представительниц прекрасного пола высшего круга, наконец между белилами и румянами европейских модниц, подчеркивающих ими белизну тела и румянец щек, и мазью из сажи полинезианок, приобретающих еще более густой черный цвет кожи, по существу нет никаких глубоких различий. Царица мира — мода — не что иное, как утонченная модернизированная «идея дикарей», будто необходимо подчеркивать и наружными отличиями существующие социальные различия в положении, а также личную красоту и благосостояние. Самолюбие, стремление выделиться перед другими и превзойти их являются могущественными творческими факторами, присущими специально всем производителям тех или иных изделий. Каждому этнографу в настоящее время известно, что многие узоры на оружии и на различных предметах обихода представляют собою не что иное, как клейма, свидетельствующие о принадлежности тому или другому лицу или о производстве определенным мастером, или же в других случаях имеют сверх'естественный, волшебный смысл. Конечно, в данном случае прирожденное художественное чутье, любовь к симметрии и к красоте являются необходимыми предпосылками, но пробуждаются эти стремления, прежде всего, практическими потребностями, и в основе их лежат мотивы полезности. Чисто идеального происхождения нельзя приписать даже музыке, как это справедливо отмечает Бюхер. Музыка первобытных племен основывается на ритме, а ритмическое произведение звуков само собою появляется там, где большое число лиц сообща должно произвести какую-либо трудную работу, — стоит вспомнить лишь песни и клики гребцов, молотобойцев и рабочих, поднимающих какой-либо тяжелый предмет. Таким образом, самое простое пение уже отнюдь не один чистый продукт удовольствия, — оно облегчает работу, прогоняет усталость, дает новую бодрость и силу, — отсюда возникла и военная музыка с ее

воинственными маршами. Преобладание полезности искусства сохранилось еще и в те времена, когда сформировывались первые культурные народности земного шара. Мы не разделяем мнения Поттье, что художественные произведения египтян и вавилонян «были созданы ради самого искусства», — эти произведения всегда исполняли служебные роли по отношению к различным другим факторам — к религии, к культу мертвых, к увековечению памяти завоевателей или повелителей. Лишь значительно позднее искусство сделалось до известной степени самостоятельным и превратилось в божество, царящее над обыденной жизнью. Мы с полным сознанием говорим «до известной степени», так как и до сих пор искусство остается привязанным к земле, является отражением существующих потребностей данного времени.

———

К. Бюхер.

35. Работа и ритм.

Всеобщий опыт показал, что работа тем утомительнее, чем меньше навык, с которым она производится. Это об'ясняется тем, что количество применяемой энергии то очень велико, то очень мало, и, таким образом, силы затрачиваются непроизводительно. Всякий навык есть применение; мускульные движения подчиняются известным правилам. Силы не теряются на неуверенное ощупывание: моменты остановки и отдыха между отдельными движениями согласуются с затрачиваемою энергией и с длительностью самого движения...

Повторение движения с одинаковой силой, через одинаковые промежутки времени воспринимается нами, как ритм его.

Что точно размеренный ход работы на самом деле имеет тенденцию принимать ритмическую форму, нам особенно очевидно при исполнении многочисленных работ, в которых соприкосновение инструмента с материалом дает звук; по громкости ударов или толчков, следующих друг за другом в одинаковый промежуток времени, мы можем заключить как о равномерности применяемой силы, так и о пространственно-временном однообразии производимых движений. Кузнец, слесарь, кровельщик, котельщик равномерно опускают свой молоток на металл. Столяр равномерно движет рубанок, пилу, рашпиль, и кто не знает однообразного удара сапожного молотка, льняной трепалки, ткацкого челна, плотничьего топора, лома и кирки?

Эти примеры можно приводить до бесконечности. Множество их можно почерпнуть из домашнего и деревенского быта в тех случаях, когда звук отмечает такт работы. Обычно этот звук раздается при окончании каждого движения, и нет сомнения, что сохранение одного и того же промежутка времени при движении является существенным облегчением. Этот звук есть показатель ритма работы, но сам по себе не есть ритмический тон. Последний возникает тогда, когда звуки различаются по силе, высоте и продолжительности. Тогда с ритмом работы согласуется ритмический тон. Такие ритмы сопровождают многие работы.

Особенно ярким примером может служить молотьба цепами, при чем верный такт получается, когда работа производится тремя, четырьмя или даже шестью работниками.

Южно-немецкому крестьянину кажется, что работа не ладится, если молотят менее шести цепов, а в Штирии число их возрастает до восьми. В Индии четверо работников толкут рис в одной и той же ступе, а на Яве столько же девушек шелушат кофейные бобы в одном и том же чане. В обоих случаях невозможно, чтобы два пестика столкнулись в одной и той же ступе. Такое чудо возможно только при исключительно точном сохранении такта. В работе, где занята только одна рука, один работающий может достигнуть подобного же эффекта, взяв на помощь другую руку. Обе руки производят обратное движение: в то время, как правая поднимается, левая опускается. Прекрасным примером может послужить дойка домашних животных: струя молока, со звоном падающая в ведро, намечает такт работы.

Присоединение второго работника, левой руки или ноги не повышает напряженности работы первого работника и правой руки; все же подобное сочетание движений увеличивает продуктивность работы, так как для каждого работника и для каждого работающего члена тела регулируется момент напряженности и момент отдыха. Рука может онеметь, работник, работающий один, делает паузы или замедляет темп работы, когда устает. Совместная работа возбуждает соревнование, никто не хочет по силе и выдержке отстать от других, а, кроме того, громкий пульс работы слышен соседям, и частый перерыв или ленивый темп его вызывает насмешку. Еще более очевидно это в таких работах, где работающие выстраиваются целыми цепями; более сильный должен поддерживать более слабого, т.-е. работа каждого члена цепи тесно связана с работою соседа. В ряде косцов, выстроенных на лугу, каждый принужден равномерно взмахивать косой, если не хочет помешать товарищу и быть задетым его лезвием. В ряде каменщиков, передающих или даже перебрасывающих друг другу кирпич, каждый следующий, чтобы не расстроить работы, принужден быстро совершать передачу, иначе камни, передаваемые ему соседом, будут попадать ему в ноги или же он, подавая кирпич, попадет в товарища.

Такое взаимное подлаживание работы, совершающейся даже беззвучно, создает известный ритм в движении. Это является чрезвычайно важным дисциплинирующим элементом, в особенности при неквалифицированной деятельности в хозяйстве диких народов.

Несомненно, что голый человек имеет бóльшую склонность к ритмическим движениям и выполняет их с большею легкостью, чем одетый, и что на низкой ступени развития преобладали длительные, равномерно производимые работы. Это об'ясняется хотя бы тем, что первобытные народы, пользуясь грубою мускульною силою рук и ног, в течение долгого времени исполняли то, что мы с помощью удобных инструментов исполняем в несколько минут. Мы могли бы предположить, что ритм работы более распространен у дикарей, чем у культурных народов, даже если бы у нас не было для этого многочисленных и достоверных свидетельств.

———

36. Ритм и песня.

Там, где возможно ритмическое урегулирование работы, но она сама по себе не дает звука, урегулирование достигается присоединением звукового аккомпанеминта. Прежде всего, для этого служит человеческий голос, который при самой трудной работе, производимой одним человеком, громким криком или призывом указывает на момент наибольшего напряжения. Еще чаще встречаем мы подобный призыв при коллективной работе, где призыв этот имеет в виду напрячь в нужный момент силы всех рабоатющих; таковы возгласы: хол, холла — у грузчиков, хойо — у моряков, при поднятии якоря, счет: раз, два три. Эти возгласы напоминают команду, необходимую там, где требуется одновременно усилие многих людей. Стоит вспомнить плотничье «поддай», которое раздается при постройках...

Мелодия песни играет всегда второстепенную роль, так же как и текст, который часто состоит просто из бессмысленных слов и восклицаний, повторяющихся иногда до того, что становятся надоедливыми... Ритмический элемент первоначально не был присущ ни музыке, ни речи; он пришел извне и восходит к движению тела, которое предназначено для сопровождения песни и без которого она никогда не встречается . Поэтому каждой работе, каждой игре и каждому танцу присуща его особая песня, которая не поется ни при каких других обстоятельствах, и так как ритм телодвижений у различных индивидуумов различен, то у некоторых идких племен каждый человек имеет свою особую песню, которую он ревниво охраняет...

Для всех случаев повседневной жизни существуют характерные песни, и связь этой песни с работой тем сильнее, чем на более низкой ступени развития стоит изучаемый народ.

Несомненно, существует зависимость размера песни от движения работы. Но какой из двух этих элементов является руководящим? Основываясь на вышеприведенных раз'яснениях, мы без колебания признаем первенствующую роль за работой. Песнопения вызваны ритмом работы и в своем темпе подлаживаются к ней. Бергк поэтому прав, когда он изображает пение водочерпателя как «однотонное повторение естественных звуков, сопровождающих однообразное движение рабочего». Так ныне бедуины черпают воду для своего скота «под такт колодезной песни, которая раздается возле всех источников в пустынях Сирии и Месопотамии». Виллото нашел подобные же песни у египтян и даже записал их; но он, наверное, ошибается, когда говорит, что эти люди «исполняют все свои движения при черпании воды под такт им свойственной песни». Напротив, эти песни, как видно из нот, в своем движении подладились под черпательное движение. Ясным доказательством ритмической несамостоятельности этих песнопений служит то, что, оторванные от соответствующей работы, они требуют искусственного сопровождения, дающего им ритм, будь это топанье ногами, хлопанье в ладоши и аккомпанемент какого-нибудь музыкального инструмента.

Теперь мы вполне можем оценить важность того факта, что дикари песни свои складывают во время работы, а потом изображают их в пляске.

Тот, кто наблюдал людей, занятых какой-нибудь тяжелой работой, напр. дровосек, раскалывающий пни, тот, наверное, заметил, что при каждом движении, требующем большой затраты сил, они издают короткий звук—восклицание. Говорилось же выше о горных жителях Индии, уверяющих, что без своего «гау-гау» они не могут работать. Эти восклицания, издаваемые в моменты высшего напряжения мускулов, должны быть обусловлены физиологически, и, так как подобные звуки в древнейших наших трудовых песнях образуют основной элемент, мы можем предположить, что эти песни, в особенности же их припевы, представляют собой не что иное, как фигурации тех звуков природы, которые неразрывно связаны с работой. Первая попытка пения, которую сделал дикарь во время работы, заключалась, следовательно, не в том, что он стал сочетать осмысленные слова, следуя определенным законам стихосложения, чтобы выразить свои мысли красивым и понятным для других образом, но она заключалась в том, что он варьировал эти полузвериные звуки, ставил их в известном порядке, сообразуясь с ходом работы, для того, чтобы усилить то чувство облегчения, которое давали ему эти звуки сами по себе, и, может быть, для того, чтобы довести его до определенного чувства удовлетворения. Он пользовался для своих трудовых песен тем же первобытным материалом, из которого складывались слова языка, а именно простыми звуками природы. Таким образом возникли песни; их можно было бы сообщить в еще большем числе; они представляют собой ряд бессмысленных звуков, и при их пении обращалось внимание на музыкальную сторону, на звуковой ритм лишь постольку, поскольку он являлся поддержкой для ритма движений. Необходимость в согласований обоих ритмов была обусловлена тем, что оба они зависели от дыхания.

Следующая стадия развития заключалась в том, что в ряд таких восклицаний вставлялось простое предложение. Но лишенная гибкости речь не могла сразу подчиниться законам ритма, и потому ее насиловали. Стали отклоняться от общепринятой манеры произношения, одни слоги опускались, другие растягивались. Таким путем создавался на-ряду с обычной речью, тот особый поэтический язык, каковой мы находим у минкопов, где поэт-композитор принужден сначала раз'яснить свою песнь. Но, как припевы, эти сочетания бессмысленных восклицаний сохраняются еще очень долгое время, и их, не обращая внимания на их содержание, вставляют как в песни лирические, так и в эпические. Особенно важную роль играют они при переменном пении рабочих артелей. Запевала один поет текст песни, хор ограничивается повторением припева. Последний, следовательно, является основной, неизменной частью; текст же импровизируется, и, таким образом, при каждой новой работе создается новая вариация старой песни.

Но эти простые предложения, в свою очередь, могут стать припевами, образовав нечто целое с восклицаниями и рядом бессмысленных возгласов. Таким путем возникли образования, как русская дубинушка и английские песни моряков: длинные припевы, состоящие из короткого предложения в одну или две строки и ряда бессмысленных восклицаний, чередующихся с песенным текстом, одна или две

строки которого вставляются между припевами. Этот текст импровизируется запевалой.

Пока хор поет припев, запевала приготовляется к пению следующей строки песни. Следовательно, он один является творящим поэтом; это, однако, не исключает того, что удачные его импровизации перенимаются другим запевалой, а неудавшиеся забываются и заменяются более совершенными. Так складывалась древнейшая народная песня в среде совместно работающих социальных групп населения. Подобно тому, как булыжник обтачивается водой, так отшлифовывается песня; более одаренные исправляют ее, и, наконец, она получает ту окончательную форму, в которой она и запоминается и передается от поколения к поколению.

К. Бюхер.

37. Возникновение музыки.

На низших ступенях своего развития работа, музыка и поэзия представляли собой нечто единое, но основным элементом этого триединства была работа, между тем как остальные составные части имели только второстепенное значение. То, что их соединяло, был общий присущий им всем ритм, который являлся сущностью как древней музыки, так и древней поэзии, в работе же появлялся только при известных обстоятельствах.

Мы знаем уже, что звуки многих ритмически протекающих работ производят музыкальное впечатление. Доказанной истиной можно считать и то, что первобытные народы в музыке ценят только ритм и мало чувствительны к гармонии и к высоте тона.

Следовательно, для того, чтобы в их смысле возвести этот звук работы на высоту художественности, было достаточно усилить тот звук, который издавало орудие работы в момент соприкосновения с материалом, облагородить его, разнообразить ритм и согласовать его с характером выражаемых чувств.

Само собой, что для этой цели надо было дифференцировать орудие работы, к которым мы причисляем и оружие. Надо было устроить сооружения, подобные тем, какие употреблялись при работе, и при этом попытаться усовершенствовать их в отношении звучности тона, красоты тембра. Вероятно, при этом, в первую очередь, обратили внимание на ритм удара и на ударные инструменты, ибо при этом музыкальное впечатление достигалось наиболее наглядным образом, и, кроме того, при этом музыкант производил ряд ритмических движений, сходных с теми, которые производятся во время работы. Таким путем орудия работы превратились в музыкальные инструменты, и чрезвычайно интересно, что первыми среди них появляются именно те, которые имеют характер более ритмический или тонический; и в наше время они остаются наиболее любимыми у первобытных народов. К ним относятся барабан, бубны и трещотки всевозможных видов.

Барабан и бубен у многих первобытных народов остались единственными музыкальными инструментами; поэтому, при разрешении вопроса о происхождении музыки, в первую очередь нам надо обратить наше внимание именно на эти музыкальные инструменты.

Как раз в этом случае мы легко можем убедиться в правильности нашего предположения относительно тесной связи музыки и работы, ибо эти музыкальные инструменты уже одной своей формой ясно показывают свое происхождение. Это не что иное, как обтянутая мехом ступа, и мы уже могли убедиться в ее широком распространении среди народов земного шара; у многих народов это подобным же образом устроенный горшок. Первобытные струнные инструменты суть подражания луку, который, как известно, употреблялся не только как оружие, но и как орудие работы. Насколько мне известно, они вначале также являются ударными инструментами, я имею в виду древне-греческий плектрон; повидимому, поглаживание и пощипывание струн изобретены впоследствии. Духовые инструменты, повидимому, все недавнего происхождения. Между прочим, они мало известны, среди диких народов; всего чаще это флейта и тростниковая дудка. У древних греков была известна флейта, как инструмент аккомпанирующий и дающий такт. Конечно, нельзя ожидать, что мы будем разрешать вопрос происхождения всех музыкальных инструментов. Отделившись раз навсегда от работы, музыка стала уже более свободной в выборе технических средств, и у европейских культурных народов развитие ее прошло уже путь нескольких тысячелетий. Нам важно было только указать на момент отделения музыки от работы; следуя же дальше по этому пути, мы легко убеждаемся в том, что превращение рабочего орудия в музыкальный инструмент вовсе не положило начала самостоятельному существованию инструментальной музыки. Ибо, с одной стороны, одни только ударные инструменты не дают еще полного эстетического впечатления, с другой стороны, тем, что древние трудовые мелодии не обладали определенным текстом, еще не было сказано, что они могли вообще из словесного сопровождения возвыситься на степень художественного произведения. Напротив, пение все еще остается основой новых художественных творений; музыка, производимая, специально для этой цели приспособленными, орудиями, указывает песням такт и темп; последние, в свою очередь, сообщаются им ритмическими движениями рук, ударяющих по музыкальному инструменту; к этому присоединяется еще ритмическое движение всего тела; возведенное пляской на степень искусства, оно согласуется с движениями рук и музыкантов и вместе с ними дает ритм, являющийся звеном, связующим все эти отдельные элементы.

Г. Шурц.

38. Танцы дикарей.

Первоначально пляской выражаются только инстинктивные восприятия, другими словами — элементарные эмоции, как, напр., радость, печаль, злоба, любовь и т. д. Затем пляски превращаются постепенно в мимические представления, в которых уже невозможно без сознательных наблюдений разных событий изображать их пляской. Таким образом, пляски можно разделить на эмоциональные и мимические.

Элементарное ощущение радости бытия, к которому у человека примешивается всегда уверенность в том, что это ощущение испытывают другие, является источником возникновения значительного коли-

чества различных танцев и притом самых примитивных. Музыку, сопровождающую эти танцы, представляют или разные восклицания, наполовину непроизвольные, или тот общий гомон, который мы признали главным источником речи. Иногда, чтобы разрядить избыток накопившейся энергии, танцы переходят в какие-то странные поединки. Денгам видел, как в Кука в одной пляске женщины под конец, раздевшись, попарно с разбега с такою силою толкали друг друга задами, что одна из двух непременно падала на землю. Кемпбель видел подобный же финал одного танца у бечуанов: мужчина и женщина бежали навстречу друг к другу и стукали лбами. Общее удовольствие возбуждали те случаи, когда женщина сбивала с ног мужчину. Другие танцы, начинающиеся с медленных движений и постепенно переходящие к более и более быстрым, пока танцоры не дойдут до полного изнеможения, производят на участников опьяняющее действие или вызывают особого рода экстаз. Пляски дервишей сознательно приспособлены к этой цели, и они же, вместе с тем, представляют собою действие религиозное.

Оставляя в стороне вышеуказанные излишества, пляска является любимым способом использовать во-всю какое-нибудь радостное или важное событие, продлить кратковременное удовольствие и устроить себе некоторое занятие во время скучных праздников и общественных сборищ.

Эмоциональные танцы часто переходят в мимические, когда данное настроение пытаются пояснить соответствующими действиями; танцы любовные и военные особенно легко поддаются такому превращению. В эротических танцах предпочтительно останавливаются на изображении ухаживания. Комитан, танец тагалов, исполняемый в $^3/_4$ или $^6/_8$ такта, изображает полную картину развития любовной страсти с первых ее зачатков до энергичного домогательства взаимности. Впрочем, бывают случаи, когда и серьезно задуманные об'яснения в любви выражаются в форме танца, что наблюдал Делапорт в стране лаосов (Задняя Индия). Здесь мы видим интересный переход от забавы к серьезному делу, пример чего мы уже видели в рабочей песне.

Военные танцы также часто переходят в пантомимы, а иногда и в настоящую драку. Военный танец может, конечно, служить сам по себе развлечением; но нередко, помимо этой прямой цели, могут иметь здесь место и другие мотивы. Исполнение военного танца может иметь целью освежение воспоминаний о былых битвах или, в качестве сильного средства, возбудить воинственное настроение перед сражением. Именно в первом случае военный танец легко переходит в пантомиму; по крайней мере, здесь почти всегда выделяются несколько пар и устраивают примерное сражение. Висманн описывает танец бакуба, который изображал все перипетии одной крупной битвы. С вызывающим видом, с ружьями наготове сходятся два отряда друг против друга и расходятся в противоположные стороны; некоторые выскакивают вперед, прицеливаются и стреляют в воздух, затем быстро ускользают к своим. С воинственными кликами противники бросаются друг на друга; завязывается рукопашная схватка, в которой один у другого старается отнять оружие». Вероятно, военный танец гораздо чаще, чем для мимических воспроизведений прошлого, применяется в качестве средства вызвать боевое настроение перед настоящим сражением. Этот обычай существует почти у всех первобытных народов:

иногда воины пляшут перед неприятелем, или же, то грозя, то издеваясь над ним, стараются вызвать его на бой.

Мимические танцы, в тесном смысле этого слова, отчасти представляют аналогию с чисто подражательными воспроизведениями природы в искусствах изобразительных. С особенной любовью танцы примитивных народов воспроизводят движения, манеры и ухватки животных. Шеллонг многократно видел в Финчгафене танец, изображающий любовные ухаживания птиц: петух кружится вокруг курицы, хлопая крыльями; затем является соперник, впутывается в любовную игру парочки и побеждает первого претендента. По сообщениям Дальтона, в Индостане, в Каттакау и Джуанга, существуют танцы медведя, голубя, свиньи, черепахи и перепела. Он подробнее описывает танец коршунов: какой-нибудь мужчина ложится на землю и изображает собою мертвое тело; к нему вприпрыжку сбегаются девушки, влезают на него, щекочут, щиплют его, пока мнимый мертвец, потеряв терпение, не вскрикнет, что возбуждает всеобщее веселье...

Точно так же и хозяйственная деятельность человека служит темою для танцев. На острове Варриор, в Торресовом проливе, — говорит Моресби, — кроме военных и любовных танцев, видел я танец рыбной ловли на море, охоту на дюгоня (одна из некрупных пород кита Halicore dagong) с гарпуном, но самый красивый из танцев этой местности изображает наступление северо-западного муссона и следующего за ним сезона посадки овощей. Быстрым беганьем вокруг костра символизировалось дуновение ветра, потом копали тут землю и сажали корнеплоды. Оконченная работа завершалась веселым танцем вкруговую.

Важнейшие события жизни человека, как совершеннолетие, брак и смерть, во многих случаях не обходятся без танцев, и в них по большей части имеется в виду достижение некоторой особой цели, ради которой исполняются эти церемонии. Когда Купер путешествовал по Тибету, к нему привели однажды молодую девушку. Другие девушки составили круг, принялись танцовать вокруг путешественника и своей товарки, бросая в них венками. Удовольствие, доставленное путешественнику созерцанием этой идиллической сцены, было сильно испорчено, когда он узнал о том, что его женили уже на девице, стоявшей с ним в кругу, и он должен будет свою подругу взять вместе с собой. Круговой танец символизировал союз обоих лиц, и этот танец был, вместе с тем, формальным заключением брака. Погребальные танцы во многих случаях имеют своей целью прогнать дух усопшего подальше от прежнего места жительства. Так называемые чертовы пляски сингалезов представляют только дальнейшее развитие этой идеи. Цель пляски — прогнать духов, напускающих болезни, и для этой цели имеется уже своя медицинская наука с целым арсеналом врачебных средств в виде масок, песен и танцев.

Ю. Липперт.

39. От украшения к одежде

Происхождение человеческой одежды имеет два родословных дерева, — оба соединяются между собой лишь после того, как срастаются их ветви. Одно дерево растет на почве тщеславия и любви к украшениям, другое — на почве ощутительной нужды; первое—на

юге, второе — на севере, одно — более раннее, другое — более позднее. Но если это так, то первое и наиболее старинное украшение должно было находиться непосредственно на теле. Только мы, заимствовавшие одежду у северных племен, носим украшения поверх одежды. Наши женщины, однако, как более консервативный элемент, и теперь еще сохранили и старинный способ. Этот последний находится в тесной связи с религиозным элементом, которого не чужда ни одна область человеческой культуры . . .

Каждая семья, каждый род и каждое развивающееся племя составляли особый союз, внешним признаком которого служили рубцы от надрезов на коже. Эти надрезы служили, таким образом, чем-то вроде гербов, навеки запечатленных на коже. Наравне с другими преимуществами племени, которыми всякий гордился, и эти знаки должны были сделаться предметом гордости и украшения . . . Наклонность к ним обнаруживалась у народов, не носивших одежды, при чем знаки превращались в более и более распространенные украшения кожи . .

Настоящей родиной татуировки является Тихий океан, где подобное украшение могло привиться благодаря наготе туземцев. Это искусство сохранило еще следы своего религиозного происхождения в том, что им занимались только жрецы и оно составляло соединение древних кожных надрезов с окрашиванием. Благодаря этому сочетанию, надрезы становились более эффектными, а окрашивание более прочным. Для этой цели употребляют нечто вроде маленького гребня, сделанного из зуба акулы; ударяя молоточком по спинке гребня, врезывают в кожу его зубцы. В места уколов втирается затем сажа, смешанная с растительным маслом, или другие краски, и в результате получаются черные или цветные рисунки, никогда не изглаживающиеся. Это украшение производится у детей, начиная с двенадцатилетнего возраста, и так как операция эта от времени до времени повторяется до самой старости, то часто все тело покрывается рисунками, формы которых сами по себе довольно красивы, а часто даже достойны удивления. Благодаря влиянию европейцев обычай этот начинает теперь выходить из употребления.

Во всяком случае, до изобретения татуировки практиковалось раскрашивание тела посредством цветных земель; манипуляцию эту приходилось, однако, постоянно повторять. Северные индейцы почти ежедневно раскрашивали себе лицо, при чем всегда старались произвести впечатление новыми узорами. Одним нравилось раскрашивать себе всю голову в огненно-красный цвет; другие прибавляли к этому черные пятна; третьи раскрашивали себе лицо наполовину красной, наполовину черной краской. Гуроны пробегали бегом 20 миль, чтобы достать ту или другую земляную краску. Такой обычай и теперь еще существует как в Северной, так и в Южной Америке. Даже бедные обитатели Огненной Земли не отказывали себе в этом украшении. В предпрошлом столетии, когда европейцы познакомились с ними, их мода предписывала им обводить вокруг глаз белой краской, а остальную часть лица раскрашивать в черный и красный цвета . . .

Кровопускание, которое составляло первоначальную, но позабытую впоследствии цель накожных надрезов, могло быть также выполнено проколом губ, ушей или носа, так как место не имело значения. Затем стали стремиться к тому, чтобы рана, как знак союза, оставалась открытой, и, таким образом, тем же путем пришли к новому роду «украшения». Вотокуды с большой торжественностью выполняли цере-

монию прокалывания нижней губы над всеми своими соплеменниками, не отмеченными еще этим знаком. Это отверстие в губе, как и всякое племенное отличие, составляло предмет большой гордости; поэтому его старались не только держать открытым, протыкая его заостренной палочкой, но, по возможности, и расширять. К подобному же идеалу красоты стремятся и мелкие африканские племена. Более распространен обычай пользоваться для этой цели мочкой или краем уха или мясистой частью носа. Древние перуанцы имели при этом в виду и древний смысл описываемого обычая. Когда инки принимали юношу в свой семейный союз, они прокалывали ему уши, и, чтоб не дать отверстиям закрыться, вдевали в них кольца. У других народов кольцо рано сделалось главным предметом украшения. Северные индейцы растягивали себе, насколько было возможно, мочку уха, вставляя в отверстие всякого рода блестящие предметы; некоторые носили кольца в носу. И тот и другой обычаи распространены в Австралии, Полинезии, Ост-Индии и Африке. Многие австралийцы щеголяли большой костью, которую они постепенно протыкали сквозь носовую перегородку. Австралийцы и новозеландцы любили возможно большие ножные кольца. Гвианские индейцы довольствовались тем, что протыкали себе нос и уши бамбуковой палочкой...

Так же обстоит дело и с прическами. Человек смотрел на свои волосы или как на простое украшение головы, или желал из них сделать какое-нибудь особенное и отличительное украшение, а также и воспользоваться ими, как естественным местом для украшений. Прически имеют связь и с религиозными обычаями, и особая форма их часто является таким же отличительным признаком племени или орды, как и надрезы на коже. Монгольско-китайская коса почти настолько же сохранила остаток своего священного значения, как и плешь бонз, и различная, смотря по ордену, тонзура католических монахов. У древних северных индейцев был обычай остригать волосы на голове, оставляя лишь пучок на макушке. Из этого пучка они сплетали две перевитые лентами косы, которые свешивались по обеим сторонам. На макушке они втыкали в волосы какие-нибудь бросающиеся в глаза перья, а на косы навешивали, сколько у них было, колец, кораллов, раковин и серебряных застежек...

Как только человек стал пользоваться веревкой, какой бы то ни было формы, он получил возможность прикреплять украшения, кроме носа и ушей, и ко многим другим частям тела; при помощи тесемки можно привешивать предметы украшения, и сама тесемка или повязка, будучи разукрашена, становится важным предметом украшения...

Нам не приходится доискиваться, какие части своего тела хотел украшать первобытный человек. Для него вопрос заключался лишь в том: где возможно прикрепить предметы украшения посредством шнура? На этот вопрос ответить не трудно, и потому все люди отвечали на него одинаково. Это те части тела, которые внизу представляют естественную опору для повязки; таковы голова в области висков с опорой ушных раковин и выступа лба, шея, поясничная область, в которой опорой служат бедра, сочленения кисти руки и стопы и верхняя часть руки, где повязка удерживается крупными мышцами.

Ко всем этим частям тела без исключения обнаженный человек привешивал свои украшения, но все-таки самыми удобными для этой цели частями оставались плечи и бедра; отсюда возникли, с одной стороны, шейное украшение, не вышедшее и до сих пор из употребления,

а, с другой стороны, скромные зачатки одежды, по крайней мере, там, где ношение одежды не вызывалось необходимостью. Предположение, что природное чувство стыдливости вызвало ношение вокруг бедер пояса с подвесками, который постепенно превратился в одежду, оказывается, при ближайшем знакомстве с фактами, лишенным всякого основания. Многие дикари не обнаруживали никаких признаков такого чувства. Чувство стыдливости явилось лишь вместе с обычаем покрывать тело одеждой, при чем на развитие его с течением времени стали оказывать влияние и другие моменты. Первоначально это чувство относилось лишь к тем частям тела, где украшение раньше всего превратилось в одежду; отсюда оно таким же путем распространилось постепенно по всему телу в том же порядке, как и сама одежда. Поэтому в разных частях света чувство стыдливости так же не установлено, как и виды одежды; даже у нас это чувство колеблется в зависимости от моды. Впрочем, у нас имеют влияние и другие соображения, которых не может быть у дикаря.

Бэкер нашел латуков в области африканских озер совершенно обнаженными. В таком же виде нашел Ливингстон бавов на Замбези, при чем он убедился, что они вовсе не понимали его вопросов относительно стыда. Повязки, которые женщины носили на животе, по свидетельству этого миссионера, служили исключительно для украшения. Таких примеров можно привести очень много. Во всяком случае для лучших украшений избирались предпочтительно места, по отношению к которым раньше всего проявилось чувство стыдливости; но и это правило не без исключения. Кук нашел обитателей юго-восточной Австралии без всякой одежды; главное украшение свое, кость, они носили в носу. У других на шее и на руках висели ожерелья из раковин; но вокруг бедер они опоясывали только шнурок из человеческих волос. Древние караибы ходили обыкновенно совершенно обнаженными, а если они к поясу и привешивали раковину, то это делалось лишь ради украшения, так как раковину надевали лишь в торжественных случаях. Но этот обычай все более и более распространялся. К поясу, который из всех повязок оказывался самой удобной, привешивали крупные предметы украшения: раковины, корку тыквы, листья, звериные шкуры, предметы, сплетенные из травы, пестрые лоскутки. Даже пестро раскрашенную материю, которую изготовляли таитяне, они носили на бедрах не в качестве одежды, а как бросающееся в глаза украшение. У африканских женщин пояс, служивший им украшением, превратился в изящный передник, с которым они не расстаются. Другие украшали пояс, привешивая к нему еще сзади звериный хвост. Когда человек научился изготовлять материи, пояс превратился в передник, охватывающий все тело. Этим заканчивается одежда, которая исходит исключительно из потребности в украшении.

———

Г. Шурц.

40. Костюм и климат.

Опыт распределения костюмов на большие группы, в зависимости от климатических условий, был предпринят Габерландом. Он различает области бореальную[1], подтропическую и тро-

[1] Холодную.

пическую. «Тропический костюм, — пишет он, — совмещает в себе абсолютную наготу и наготу большей части тела, при чем пояс или набедренная повязка, иногда удлиняясь, обращается в настоящую одежду; в этом и состоит вся одежда. Иногда к ней временно присоединяется что-нибудь набрасываемое на плечи, а также и разнообразные головные уборы. Здесь, стало быть, основная одежда — пояс. Наоборот, в подтропическом костюме преобладает мантия, но большая часть тела остается неприкрытой. Мантия состоит, по большей части, из одежды, напоминающей рубаху более или менее длинную, без пояса или с поясом; иногда она обращается в костюм, прикрывающий все тело; в таком случае, такая широкая и свободная мантия, сообразно с дневными и годовыми переменами температуры, может быть носима различными способами в теплое и холодное время, — нараспашку и плотно обернутая около тела. Впрочем, и этот костюм стараются привести к возможному минимуму. Бореальный костюм, в противоположность предыдущим, плотно облегает все тело; его не легко сбросить с себя, и он тесно связан с телом. Этот костюм принят культурными народами и со временем покорит себе весь земной шар». Бореальный костюм Габерланд разделяет, в свою очередь, на бореальный и арктический[1]. Он сам указывает на то, что тропический костюм некогда был самым распространенным и вместе самым древним. Он утверждает, кроме того, что элементы тропического костюма сохранились и в настоящее время. Одним из примеров таких пережитков могут служить не носящие панталон горные обитатели Шотландии, и про них известно, что даже и в исторические времена их костюм был гораздо скуднее, нежели теперь...

Полярные народы, при постоянной борьбе с неблагоприятным климатом, и костюм носят наиболее полный, ближе всего подходящий к идеалу полного прикрытия тела. Несомненно, большая часть усовершенствований костюма была изобретена в стране северных морозов, и даже культурные народы умеренного и теплого климатов постепенно переделывали свое, вначале неудовлетворительное, одеяние по образу и подобию северных костюмов. Штаны — одеяние чисто северное, льняная рубаха, заменившая в качестве нижней одежды неудобную для этой цели шерстяную тунику, по мнению Гена, заимствована у кельтов. Башмаки и сапоги, вытеснившие в конец неудобные сандалии, изобретены северными варварами, как это доказал Пешель. Даже и выбор головных уборов у классических народов был очень невелик, и малокультурные народы впервые в этом случае, как и в головных прическах, попытались запечатлеть свою оригинальность.

Г. Шурц.

41. Мода и ее социальное значение.

У примитивных народов тоже бывают перемены мод, но только совершаются они очень медленно, что в достаточной мере об'ясняется стойкостью татуировки и изуродования частей тела. Показания Висмана относительно обитателей южной части Конго, балуба, доказывают, что и в довольно уединенных уголках земли татуировка не

[1] Полярный.

всегда остается неизменной. «И татуировка, — пишет он, — не свободна от влияний моды, и у западных балуба можно отличить три вида татуирования. У старых людей преобладают концентрические круги, точки, вертикальные линии и меандры. В возрасте от 25 до 45 лет было стремление украшать свою кожу искусно составленными узорами, между тем как юноши бена-риамба заимствовали татуированные знаки у балуба и наносили их только на лоб. Детей вообще не татуируют, и, вероятно, в скором времени татуированный по-настоящему балуба сделается большой редкостью и постепенно выведется». Где в Африке существует большой ввоз европейских товаров, в особенности бус, там моды меняются часто, за исключением только родовых знаков. По Макдональду костюмы меняются у большинства племен южной и западной Африки через каждые два года, за исключением прически, которая почти не меняется среди всех этих превращений. В других частях Африки, наоборот, наибольший произвол господствует именно в прическах, так что отдельная личность в этой области может дать полную волю своим вкусам.

Ничто, за исключением международных сношений, так не способствует в Европе быстрой смене мод, как социальные различия и, прежде всего, контраст между богатством и бедностью. На этом основании Рудольф Исеринг и построил свою остроумную, хотя в то же время и одностороннюю, теорию моды. У высших классов существует постоянное стремление возвысить себя и по внешнему виду над бедными; но, так как и представителей низших классов народа нельзя силком заставлять носить ту или иную одежду, так как костюм сам по себе изменяется довольно медленно, то высшие классы вынуждены поддерживать свое превосходство, меняя как можно чаще свое одеяние на новое, которое от предшествующих образцов будет отличаться лишь в мелочах. Только человек, имеющий возможность беспрерывно возобновлять свой гардероб, может угоняться за капризами моды. Кто одет «по последней моде», доказывает этим, хотя бы только самому себе, что он принадлежит к лучшему обществу. Менее состоятельные классы следуют примеру богатых; начинается настоящая погоня одних за другими, и, по мере возрастания богатства народа, борьба становится все более и более жаркой, потому что и между богатыми также происходят те же скачки с препятствиями, где призами служат модные новинки.

М. Гернес.

42. Первобытное жилище.

В местностях со множеством пещер образ жизни троглодитов удерживается долгое время благодаря преимуществам, представляемым ими. Здесь во многих местах природа доставила все необходимое: пол, потолок, стены, часто даже внутреннее подразделение помещений, крытые галлереи и открытые террасы. Но пещеры в скалах встречаются не везде, и о веке пещерной жизни не может быть и речи. Другие места для жилья выбираются только из-за расположенных близ них богатых источников питания и не дают от природы ни безопасного помещения, ни готового убежища. Сюда относятся стоянки палеолитических охотничьих орд во времена образования лёсса и пред-

шествовавшую им шелльскую эпоху. Мы не знаем, были ли в распоряжении этих орд уже и заслон от ветра, навесы для спанья или легкие хижины в виде палаток. Зато нам известны способы обитания современных охотничьих племен, стоящих приблизительно на такой же ступени культуры. У тасманийцев имелись хижины из древесной коры. Куски коры, из которых австралийцы строят свои палатки, достигают часто 4 *м* в длину и 2 — 3 *м* в ширину. Филиппинские негритосы имеют заслоны от ветра, которые строят женщины и дети; да и вообще эта работа почти всегда предоставляется женщинам. Они делают сначала раму из стеблей бамбука, затем решетку и прикрывают ее отверстия бамбуковыми листьями, уложенными черепицеобразно. Такой заслон, имеющий около 2 *м* в вышину и 1,5 *м* в ширину, косо устанавливается против господствующего ветра, покоясь на бамбуковой палке около 2 *м* высотою; на землю под ним насыпают листья, служащие полом. В сухое время года ведды устраивают свой лагерь большею частью на открытом воздухе, особенно охотно у подножия большого дерева. Однако, они умеют также изготовлять навес из рамы, прикрытой корой, травой или соломой; его ставят в наклонном положении, и под ним могут ночевать два-три человека.

В дождливый период они поселяются под скалами, но не в настоящих пещерах, которых нет на Цейлоне, а в неглубоких нишах под наклонно лежащими пластами гнейса, под которые они и заползают. Бушмены строят теперь по временам ульеобразные круглые хижины, но, повидимому, заимствовали эту форму у соседних негров. Первоначально у них были только заслоны от ветра, или же они помещались во время своих охотничьих походов в пещерах и под нависшими скалами. В качестве защиты от ветра и непогоды оказывает услуги уже простой густой куст; лишние ветви удаляются, а прочие стягиваются на наветренную сторону, промежутки затыкаются хворостом. Такие стоянки похожи на птичьи гнезда, и, вероятно, от них и происходит самое название «бушмены» (жители кустов). Охотничьи племена экваториальных африканских лесов также пришли к постройке хижин, вероятно подражая соседним высокорослым неграм. Останавливаясь надолго в каком-либо месте, они вырубают подлесок и строят совсем маленькие полушаровидные хижины 1,4 — 2,2 *м* в поперечнике и 1 — 1,3 высотой. Входное отверстие имеет лишь 50—70 *см* в высоту, и в него можно проникнуть только ползком. Другие хижины этих карликовых племен напоминают беседки и спереди бывают открыты. Все они состоят из тонких ветвей и вплетенных между ними прутьев, сверху же покрыты широкими листьями. Внутри находится очаг и покрытое листьями ложе в 1,5 *м* длиною. Очень часто две-три круглых хижины построены непосредственно рядом и соединены в двойные и тройные хижины, что представляет самый древний способ разрешения проблемы о жилище со многими помещениями. Встречаются небольшие группы всего лишь в 2 — 4 таких хижины, а также и большие в 100 — 200 хижин. Последние построены большею частью по кругу, и от такого поселения радиально, как нити паутины, расходятся в лес тропинки, кончаясь обычно тупиком около какой-нибудь западни. Кроме хижин существуют у них еще простые навесы на четырех столбах, а около главных дорог, ведущих к их поселку, небольшие сторожки, вроде караульных будок.

Огнеземельцы проводят почти всю жизнь на воде и на суше живут лишь временно в легких хижинах из ветвей, прикрытых хворостом,

мхом или древесной корой. Около этих хижин находятся и те кучи раковин, которые привели к об'яснению значения подобных же древнеевропейских валов, состоящих из пищевых отбросов (кьеккенмеддинги). Настоящим их домом являются лодки из буковой коры, сшитые при помощи рыбьих костей и проконопаченные травой и соломой; на них возят они с собою очаг, устроенный на маленьком помосте из земли и камней. У самых низко стоящих племен индейцев Южной Америки мы снова встречаемся с прикрытыми ямами в земле или с заслонами от ветра и тому подобными навесами над подстилкой, служащей для ночлега. Столь страшные обитатели леса в провинции Санта Катарина в южной Бразилии строят в самой дикой глуши низкие круглые хижины из тонких древесных стволов, ветвей, листьев, тростника и папоротников. К ним ведут узкие тропинки, по которым едва может пройти человек; они всегда теряются в девственном лесу и непосвященного никогда не приведут к цели. Ведь эти индейцы часто идут целыми часами гуськом по речному руслу или дну высохшего ручья, чтобы скрыть свои следы и помешать чужеземцу добраться до их жалких лачуг. Эскимосам не приходится прибегать к таким предосторожностям. На Аляске их зимние квартиры построены из земли и дерева, наполовину под землей. Далее к востоку встречается полушаровидный дом из снежных плит, а также здесь и в Гренландии каменные дома с крышей из ребер кита. В Аляске встречаются дома для мужчин, в которых зимой протекает общественная жизнь и шаманы дают свои представления перед многочисленным обществом.

---

43. Эпоха неолита.

Новый каменный век отличается от старого не только лучшей отделкой каменных орудий: эти последние становятся шлифованными. От палеолита он отличается также и тем, что относится к новому геологическому периоду, к современной геологической эпохе. Сухой и прохладный климат эпохи Мадлен и Азиль постепенно заменился в Европе умеренным, сырым климатом. Европа покрылась лесами, состоявшими из древесных пород, свойственных ей и поныне. Точно так же и животный мир стал таким, каким мы его знаем в настоящее время. Моря, озера, реки, горы, равнины — все это установилось в том виде, в каком оно наблюдается и сейчас. Люди новой эпохи уже не испытывали на себе влияния тех колоссальных переворотов в природе, какие происходили в эпоху палеолита. Правда, сравнительно с прошлым, страшно сократилась продолжительность новой эпохи. Она длилась 15 — 20 тысяч лет. Если первые завоевания культуры (огонь, каменные и костяные — роговые орудия, одежда из шкур, первобытное жилище и т. д.) совершались крайне медленно, то всякий новый шаг вперед делался гораздо быстрее. Чем большее культурное наследие имеют люди, тем быстрее идет дальнейший рост культуры.

Началом эпохи неолита в Европе считается время, к которому относятся так называемые кухонные кучи Дании. Это кучи отбросов, состоящих из костей животных и рыб, раковин и осколков каменных и костяных орудий. Эти кучи, длиной от 50 до 130 сажен, шириною от 20 до 60 с. и вышиною от ½ до 1 сажени, тянутся вдоль морских берегов и в настоящее время покрыты песком и зарослями травы. Раскопки обнаружили в них уголь, золу, черепки посуды, оленьи рога

и переломанные и обожженные кости животных. Ясно, что когда-то здесь жили люди, которые и оставили после себя эти кучи, прозванные кухонными, так как в них заключаются, по преимуществу, остатки их пищи. Это были рыболовы и охотники, довольно продолжительное время обитавшие на одном месте. Устрицы, улитки, ракушки и прочие моллюски составляли их обычную пищу. Море ежедневно выбрасывало на берег огромное количество раковин; люди подбирали их, с'едали слизняков, а створки бросали в кучу мусора. В добавление к этой пище они ловили рыбу, убивали птиц и зверей, обитавших в прибрежных лесах и болотах. Орудия из камня были совсем не шлифованы, а оббиты, но они имели другую форму, чем в эпоху старого каменного века. В отличие от людей этой эпохи они умели уже изготовлять глиняную посуду, правда, очень грубо сделанную руками. По-видимому, на охоте им помогала собака. Это было первое животное, которое приручил человек. Используя ее для охоты, люди той эпохи в случае нужды ели ее мясо, о чем свидетельствуют разбитые и обожженные ее кости.

Следы подобной же культуры найдены во Франции, Португалии и Сардинии. Кухонные кучи встречаются и за пределами Европы: в Японии, Чили, Флориде и в некоторых других местах Америки.

Другим свидетельством эпохи неолита являются свайные постройки Швейцарии. Это целые селения, расположенные на озерах в некотором расстоянии от берега. В дно озера вбивались бревна (сваи); на них настилался помост, на котором и возводились бревенчатые избы. Очевидно, население искало здесь безопасного убежища, где можно было бы чувствовать себя спокойно, не опасаясь внезапного нападения врагов. Эти постройки стали появляться в начале эпохи неолита и охотно строились людьми в течение всей этой эпохи. Даже в последующую, бронзовую, эпоху свайные постройки составляли в этой стране обычное явление.

Изучая содержимое свайных построек, можно проследить постепенный рост материальной культуры эпохи неолита. В наиболее ранний ее период выделывались небольшие каменные орудия, довольно плохо отшлифованные, а также глиняная посуда цилиндрической формы, очень грубо сделанная и без всяких украшений. В дальнейшем каменные орудия становились все лучше и лучше отшлифованными; для них выбирались особенно твердые породы камня. Нередко делались просверленные молотки. Посуда уже украшалась разными черточками и точками, хотя и не отличалась особым изяществом. Но камень в эту эпоху уже не играл такой роли, как раньше. Большая часть нужных человеку орудий работы делалась из рога, кости и дерева. В самом конце эпохи, на-ряду с ними, стали выделываться первые металлические изделия (топоры, шила, кинжалы), при чем первым поделочным металлом служила медь. Но медные изделия встречались еще как редкость. Глиняная посуда получала все более красивую отделку и разнообразие форм.

Зерна ячменя, пшеницы и льна свидетельствуют, что люди нового каменного века занимались уже земледелием. Разводили они и домашний скот: быков, коз, овец, свиней. Обрывки тканей говорят о том, что в те времена уже не довольствовались для одежды звериными шкурами, а из льна и шерсти приготовляли грубые материи.

Помимо свайных построек, люди возводили жилища и на суше. Следы этих жилищ, даже целых селений, сохранились в разных стра-

нах и до сих пор. В земле делали круглой формы яму в аршин или полтора глубиной и аршина три в поперечнике. Земля, вынутая из ямы, насыпалась кругом, так что получался вал, на котором укрепляли стоймя колья или тонкие бревна. Получалась круглая стена, которая обмазывалась глиной. Крыша, заостренная кверху, покрывалась, вероятно, соломой, дранью, либо дерном. Низенькая дверь около самой земли вела внутрь. На земляном полу, посредине жилища, делали очаг либо в виде небольшого углубления, либо в виде места, выложенного и окруженного камнями. Здесь горел огонь, освещавший и согревавший землянку. Об окнах и трубах и помину не было — дым выходил в небольшое отверстие в стене или крыше.

Нередко таких землянок строилось по соседству большое количество, и все они вместе обводились валом, так что получалось укрепленное селение. Рядом стоявшие землянки иногда соединялись вырытым в земле ходом. Такого рода селения, а иногда и крупных размеров отдельные жилища, обнесенные земляным валом, у нас в России получали название городищ.

---

44. О возникновении родовой организации общества.

Тотемическое общество распадалось на отдельно и почти совершенно самостоятельно живущие орды, из которых каждая состояла из кровных родственников. Но члены этих групп считали себя людьми, близкими по происхождению не потому, что они имели общих родителей или прародителей, а потому, что вели свое происхождение от тотема своей группы. Как свидетельствуют наблюдения над современными австралийцами, первобытному человеку чуждо было понимание связи между половым общением и рождением людей. Но если даже такое понимание со временем и возникло, то оно долго не оказывало никакого влияния на понятие родства. Происхождение попрежнему велось по тотему той или другой группы. Так как господство экзогамии и преобладание в каждой орде мужчин приводило к тому, что женщины, вступая в брак, покидали свою орду, то ее дети назывались по тотему ее мужа. Но эта мужская родословная вовсе не была отцовской. При существовании группового брака отец, по большей части, был неизвестен. Каждый знал только мать.

Пока охота составляла основное занятие людей, приносившее им главнейшие средства к жизни, женщина-мать не играла сколько-нибудь заметной роли в обозначении родственных отношений. Но дело изменилось, когда стало развиваться земледелие. Оно было делом женским, и женщина нашла в нем материальную опору для создания своей относительной независимости от мужчины.

Создалось такое положение, при котором женщина и ее дети завели особое хозяйство и приобрели хозяйственную независимость от мужчины, попрежнему жившего охотой. Благодаря этому поднялось значение матери. Женщина, вступая в брак, могла и не покидать дома матери: она принимала мужа к себе. И ее дети вели свое происхождение по тотему своей матери. Так как дети, достигнув зрелости, все продолжали жить около матери, то, мало-по-малу, привыкли считать родство не по тотему орды, а по происхождению от одной матери. И самый тотем стал обозначать именно это родство. Так начала проби-

вать себе дорогу родовая организация общества. Первой и начальной его ступенью является материнский род. Полного своего развития она достигла в отцовском (патриархальном) роде.

———

К. Тахтарев.

45. Превращение тотемической организации в родовую.

Происхождение родового общества . . . до сих пор еще не вполне выяснено. Но, кажется, уже не должно быть сомнений в том, что оно ведет свое происхождение от тотемического. Не даром роды у всех мало развитых племен человека Старого и Нового Света до сих пор еще сохраняют свои тотемические наименования. Наглядным примером в данном случае могут служить все американские племена краснокожих, равно как и отсталые по своему развитию племена Африки, Азии и Полинезии. Описанный Льюисом Морганом союз ирокезских племен состоял из шести племен, роды каждого из которых носили различные тотемические наименования. Племя сенека состояло из восьми родов: волка, медведя, черепахи, бобра, оленя, кулика, цапли, сокола. Племена кайюга, тускарора и онондага включали в себя тоже по восьми родов. Роды первого носили названия: волка, медведя, черепахи, бобра, оленя, кулика, угря, сокола. Роды второго племени назывались: серый волк, медведь, большая черепаха, бобр, желтый волк, кулик, угорь, малая черепаха. Роды третьего были: волк, медведь, черепаха, бобр, олень, кулик, угорь. Племя онеидага, как и племя могаук, состояло из родов: волка, медведя, черепахи. Африканские племена, обитающие на Золотом берегу, по свидетельству Эллиса, включают в себя роды следующих тотемических наименований: леопард, лесная кошка, буйвол, собака, попугай, растения: Abradzi-fo, Abrutu-fo, Dumina-fo, пальма и проч. То же самое сообщает Джон Мензах Сарбах, описывая племя осанти, которое делится на 12 родов, или кланов, носящих тотемические названия различных животных. Риверс точно так же перечисляет тотемические обозначения родов исследованного им родового общества Меланезии. Труды Вилькена полны перечислениями тотемических обозначений родов малайских племен Зондского архипелага. Серошевский сообщает о тотемических обозначениях, о родовых знаках якутов. Здесь интересно отметить, что братья Паул и Фриц Саразин, описывая племена цейлонских веддов и отрицая существование у них тотемизма, говорят, однако, о родах, называющихся именами различных животных. Тотемические названия родов, несомненно, указывают на их тотемическое происхождение. Не даром самое название тотемизма, самое слово «тотем» взято из алгонкинского наречия чиппевеев, американских индейцев, роды которых носят имена различных животных. Чиппевеи родоначальником своего племени считали собаку, подобно тому как делавары — орла. Животные предки, по понятию всех американских племен, являются их покровителями и считаются их родоначальниками. Точно такие же понятия господствуют до сих пор у наиболее отсталых племен Африки, Азии и Полинезии.

———

46. Начатки земледелия и скотоводства.

Традиционное воззрение поучает, что из охотничьей жизни развивается пастушечья, а из этой последней земледелие, и, таким образом, представляется возможным наблюдать правильное восхождение из низших форм к высшим...

Взгляд на условия жизни в Америке должен был прежде всего опровергнуть старое воззрение. До прибытия европейцев здесь нигде не было значительного скотоводства, не говоря уже о настоящем номадизме. Зато было распространено возделывание полезных растений, между прочим у племен, которые, несомненно, перешли к нему прямо от присваивающего хозяйства, и здесь земледелие, несомненно, древнее скотоводства. Можно было бы пойти дальше и доказать, что воспитание домашних животных вообще вызвано прежде всего развивающейся склонностью к оседлости, которая явилась вместе с земледелием, так как только тогда явилась возможность разводить и воспитывать пойманных животных. Все данные приводят нас к заключению, что земледелие не могло произойти из пастушества, и вопрос о том, которая из этих двух форм хозяйства древнее, может рассматриваться лишь по отношению к каждому примеру в отдельности и остается пока открытым...

Кому обязано человечество громадным успехом культуры, который заключается в переходе от собирания к возделыванию, от хозяйства присваивающего к хозяйству производящему?

Ближе всего подумать о тех, на ком лежало в первобытные времена собирание растительной пищи — о женщинах, и предположение это сделается почти достоверностью, когда мы и дальше увидим, что женщины обрабатывают землю, а мужчины только исподволь начинают посвящать себя этой, сначала ими презираемой, деятельности. Липперт первый ясно это понял. В новейшее время к такому же результату пришел Карл фон-ден-Штейнен путем наблюдения индийцев шингу. Мужчины здесь рыбаки и охотники, женщины — земледельцы. «Мужчины и женщины, — пишет фон-ден-Штейнен,— представляют оба известную социальную единицу или определенную сумму специальных знаний. Относительная оседлость, которая связана с жизнью рыбака, сначала только упрочивается и делается более постоянной, когда женщины научатся сажать растения, делать горшки и приготовлять муку. Хотя земледелие шингу уже достигло известной степени совершенства, однако по некоторым мелким чертам можно узнать, откуда оно произошло, по крайней мере, у этого племени. Находимые поблизости полезные растения сажали в землю, и каждое племя производило опыты на своей собственной почве. Через женщин, которые и в военное время и в мирное переходили к другим племенам, эти растения распространялись». Последнее замечание указывает на то, что раз достигнутый культурный успех быстро захватывает широкие круги...

Если женщина изобрела земледелие, то мужчина считается укротителем животного. Таким образом, первыми пастухами были мужчины, а первыми земледельцами женщины.

Путь, которым приручение животных развилось до той степени, на которой мы его встречаем у современных культурных народов, был, конечно, труднее, чем тот, по которому женщина дошла до возделывания растений. Если бы можно было довольствоваться теориями, то дело было бы легко об'яснить: мужчины, занимаясь охотой в те времена, когда имелся на-лицо избыток дичи, могли прийти к мысли убивать не всю дичь, но огораживать часть охотничьего участка и там сохранять известное количество животных до наступления нужды в мясе. С течением времени узнали, какие роды животных всего лучше пригодны для содержания в загороди, увидели, как животное в загороди умножалось и молодые уже привыкали к своему месту настолько, что достаточно было просто караулить их. В конце концов дошли до того, что стали воспитывать целые стада скота и таким образом косвенно эксплуатировать питательные вещества, не пригодные для самого человека.

Можно предположить, что эволюция отчасти так происходила и в действительности. Во всяком случае, раньше полезных животных были приручены другие, которые были чем-то вроде игрушек или в лучшем случае имели известное мистическое значение, а о полезных качествах и способностях некоторых животных узнали гораздо позже. Мысль, что полезные животные только потому раньше других сделались товарищами человека, что их располагал к этому их характер и что люди только впоследствии надумали извлекать из них практическую пользу, напрашивается сама собой и во многих случаях имеет свое оправдание. Обобщать факты, однако, отнюдь не следует, так как укрощение каждой отдельной породы животных является самостоятельной проблемой; по крайней мере в позднейшее время, когда уже сделались известными некоторые полезные животные, стало возможным целесообразное воспитание новых животных пород.

Э. Гроссе.

47. Характер примитивного земледелия.

Скотоводство требует кочевой жизни, возделывание растений — оседлой. Это требование особенно затрудняет переход к земледелию для охотников, пастухов, и многие племена, возделывающие растения, все еще не могут совсем отказаться от свободы охотничьей жизни. Так, некоторые северо-американцы, вопреки своему земледелию, остались кочевниками: они занимаются им нерегулярно, снимают небрежно посеянную жатву и идут дальше. Кроме того, истощение почвы, при их неумении удобрять, принуждает многих низших земледельцев менять время от времени свое местопребывание. Однако, даже и в этом состоянии земледелие придает земельной собственности совершенно другое значение, чем скотоводство. Для номада обширная область, на которой он пасет свой скот, имеет ничтожную стоимость в сравнении с его стадами; для земледельца же тесно ограниченный кусок земли, который он обрабатывает, является его драгоценнейшим имуществом. Но это драгоценнейшее имущество земледельца не является, как движимое богатство номадов, частною собственностью отдельных лиц, но, по крайней мере первоначально, общей собственностью группы. И это общее имущество не только защищается, но и обра-

батывается соединенными силами земледельческой группы. Ибо если скотоводство по своей природе вынуждает рассеяние, обособление хозяйств, то, наоборот, возделывание растений требует об'единения, общего хозяйства. Один человек со своими грубыми инструментами, в крайнем случае, мог бы добыть из девственной почвы только самое необходимое, группа же имеет возможность легко расчистить под пашню, возделать и убрать такой участок земли, который доставит всем ее членам обильные средства существования. У низших земледельцев, имеющих столько земли, сколько хотят, благосостояние общины растет с ее численностью. Следовательно, земледелие не только прикрепляет людей к земле, но и прикрепляет их также друг к другу; оно обладает гораздо большею социализирующею силой, чем охота и скотоводство. Коллективное хозяйство настолько полно соответствует сущности примитивного земледелия, что мы нисколько не колеблемся об'явить его первоначальной хозяйственной формой всех низших земледельцев. Оно господствует у многих племен еще и теперь; у многих же других оно по меньшей мере оставило несомненные следы. Из равных прав на землю вытекает равное право каждого члена хозяйственной общины на доходы с нее. Урожай делится или между отдельными семьями и инородцами, или каждый берет себе нужное из неразделенного запаса. У других народов каждой семье указывается сначала отдельный участок общинной земли для обработки и для пользования. Можно было бы думать, что такой хозяйственный строй будет верным ручательством за сохранение строгого равенства; но, в действительности, этот строй нигде не был в состоянии продолжительное время препятствовать развитию индивидуальных имущественных и ранговых различий.

В. Серошевский.

48. Первобытное земледелие у якутов.

«В старину сеяли хлеб так: вскопают кое-как землю лопатой — только бы чернело, разбросают семя, затем возьмут суковатую, раскидистую ветвь за конец и волочат по пашне... Вот и заборонили... все семя по верху... прилетят птицы и половину с'едят. И все-таки родило, и не так родило, как теперь, а посеешь несколько фунтов, и будешь с хлебом со всей семьей целый год».

Еще в 1853 году в глухих местах Вилюйского округа Маак описал приемы работ, подобные вышеописанным: «Вся обработка почвы здесь заключается в том, что ковыряют землю по $^1/_4$ или $^1/_3$ вершка железной лопатой, называемой хорур (харыр — долотовидная небольшая лопата, шириной в 3—4 вершка). Ковырянье это начинается 9 мая, когда земля несколько растает; работа такая называется сире кахыэх (копание). Удобрение из конского или коровьего навоза кладут только в таких местах, где не взошел хлеб и остались плеши. Дней через пять или десять после описанной обработки приступают к посеву. Для этого деревянной лопатой (ухаты кюружах) отгребают несколько сверху землю, бросают семена, и тою же лопатой набрасывают землю обратно. Такая операция продолжается до тех пор, пока высеют все семена (посев по-якутски бурдуку кыхыэха). Во второй половине августа, когда хлеб созревает, — что якуты определяют по тому, насколько

он побелел, — приступают к уборке. Если нет каких-либо занятий, и времени достаточно, то срывают только колосья, по одному, руками.

«Но если есть другие занятия и, стало быть, время дорого, то хлеб на корне собирают руками в пучки и связывают пальниковым лыком в двух местах: под самыми колосьями и внизу, а затем срезывают пучки в виде снопов у самой земли ножом. Снопы эти не имеют особенного названия и отличаются от наших снопов тем, что у нас сперва жнут, а потом вяжут, а здесь сперва вяжут, а затем уже сжинают. При первом из описанных способов уборки, собранные колосья кладут в берестяные лотки, называемые отыяк, при втором — снопы кладутся на лиственную кору, расстилаемую на землю. Собранные в отыяки колосья сушат на солнце и потом разминают руками для отделения зерен от пленок. Операция эта заменяет молотьбу. Снятый таким образом хлеб просеивают (отвевают) при помощи тех же отыяков через простое подбрасывание снятой массы вверх; при этом берут за один конец отыяка, быстро поднимая другой, отчего мякина улетает, а зерна падают обратно в отыяк. Высушенные при втором способе уборки снопы обиваются под отыяком таким образом, чтобы достигалось удаление колосьев от соломы; потом снопы развязываются и опять обиваются для отделения колосьев и семян, которые могли остаться внутри, и затем просевают семена, как выше описано . . .»

Г. Шурц.

49. Женское земледелие и двойное хозяйство.

Обработка мотыгой, которая в своих древнейших формах служила, повидимому, больше для производства корнеплодов, чем для хлебных растений, изобретена, как сказано, женщинами и оставалась долгое время их монополией, в то время как мужчины вращались еще в сфере присваивающего хозяйства. Следствия этих условий весьма различны, являясь то благоприятными для положения женщины, то— и гораздо чаще — крайне неблагоприятными. Лучше всего условия складываются для нее тогда, когда доход мужского хозяйства довольно значителен для того, чтобы стоять рядом с обработкой земли мотыгой в качестве равноценного; тогда образуется настоящее двойное хозяйство, которое в связи с матриархальным родовым строем создает для женщин самостоятельное положение. Мужчина тогда предоставляет женщине свою охотничью добычу и получает от нее приготовленную, смешанную пищу, часть которой, естественно, падает и на ее долю; он живет гостем в ее хижине, в то время как неженатые мужчины живут в доме для юношей. В таких условиях мы встречаем часто, что каждая женщина племени имеет собственный дом, который является центром ее собственного маленького хозяйства, хотя бы у мужа были и другие жены. Таким образом, как это мы видим у сакалавов на Мадагаскаре, мужчина может являться простым прихлебателем или, по крайней мере, не имеет никакой доли в имуществе жены. «Между супругами у сакалавов, — говорит Нильсен Люнд, — господствует в строжайшем смысле слова отдельное пользование имуществом. Все, чем владела женщина раньше в виде рабов, скота и другого имущества, остается за ней и после замужества, и она очень заботится о том, чтобы достояние ее не убывало. Мужчина, с своей сто-

роны, обязан доставлять содержание своей жене и терпеливо выносить ее брань, если не удовлетворяет ее требований». Швейнфурт, при покупке этнографических предметов у племени монбутту, каждую минуту слышал замечание: «спроси у моей жены, это принадлежит ей». У обитателей Угуга, по словам Гётли, все предметы домашнего хозяйства находятся в двойном количестве — одни для мужчин, другие для женщин.

———

Э. Гроссе.

50. Материнский род.

Роды, играющие в жизни низших земледельцев такую большую роль, связаны отчасти материнством, отчасти отцовством. В настоящее время обе эти формы держатся почти в равновесии, но нет недостатка в указаниях на то, что в прошедшем материнские роды значительно перевешивали. Нам известно о многочисленных северо-американских племенах и о столь же большом количестве малайских племен, что они только сравнительно недавно перешли от старого материнского родства к отцовскому. Но почему же именно у земледельцев материнский род развился до таких размеров и большею частью сохранился до настоящего времени, как территориально и хозяйственно замкнутая община? Материнские роды мы находили уже у многих охотничьих народов, но там они почти никогда не представляли местных производственных единиц, как у земледельцев. Это последнее сравнение указывает нам на причину: она лежит опять-таки в характере хозяйства. Охота и скотоводство в такой же мере являются мужскими занятиями, в какой возделывание растений первоначально представляет женскую форму производства. «Женщина изобрела земледелие», — говорит фон-ден-Штейнен; но его положение справедливо не только для бразильских племен, но и для большинства земледельцев. В то время, как скотоводство выросло из первичной мужской формы производства — из охоты, возделывание растений развилось из первичного женского производства — из собирания растений. Поэтому-то у большинства низших народов и замечается, что земледелием занимаются преимущественно или исключительно женщины. Но эта работа ни в каком случае не представляет только обязанности женщины: она в такой же степени и ее право, дающее ей другие права и, прежде всего, право на землю. Земля, которую женщина своим трудом сделала плодородной и ценной, принадлежит женщине. Следы этого воззрения находятся у очень многих народов, и этнология знает по крайней мере некоторых, у которых оно осталось вполне жизненным и сильным. «Женщинам принадлежат поля и весь урожай», — говорит Лафито о гуронах и ирокезах. Ливингстон нашел у баланда в южной Африке все земельные имущества в руках женщины. Кохи в северной Индии «предоставляют собственность исключительно женщинам; если жена умирает, то семейная собственность делится между дочерьми». У монбутту, центральной Африки, женское право собственности, повидимому, распространяется даже на движимое домашнее имущество, так как Швейнфурт, очень часто просивший монбутту продать какую-либо редкость, получал ответ: «Спроси мою жену, это принадлежит ей». Конечно, такое положение вещей представляет

только исключение; обыкновенно мужчины — собственники земли. Но очень часто первоначальное право женщин еще признается, по крайней мере теоретически, так как мужчины-собственники основывают свое право собственности на своем происхождении от матери. Братья рода являются собственниками родовой земли, потому что они наследники матери рода. Именно земля обыкновенно часто наследуется по женской линии. Итак, мы имеем солидные основания для нашего предположения, что женщина не только первая начала возделывать поле, но и первая начала владеть им, и в качестве таковой в обществе, живущем, главным образом, продуктами полевых работ, она занимает прочное господствующее, центральное положение. Ее владение и хозяйство являются изгородью, которая крепко связывает ветви рода. На материнской земле материнский род вырос в общежитии, которое мы находили у такого большого количества низших землевладельцев. Род с материнским правом далеко не всегда матриархальный род. Напротив, роды, в которых женские члены господствуют над мужскими, принадлежат к чрезвычайно редким курьезам этнологии.

Большинство родов, связанных женским родством и порядком наследования, как сказано, находится под мужскою властью. Управление общественными делами поручено обыкновенно старейшему члену рода; иногда это звание является наследственной привилегией определенной обособленной семьи, считающейся старейшей и знатнейшей; в других же случаях избирают способнейшего мужчину, не обращая внимания ни на возраст, ни на положение. Впрочем, глава рода почти никогда не представляет неограниченного властелина; он скорее только председатель и исполнительная власть общинного совета, который состоит из всех взрослых мужчин. Из материнского права, прежде всего, ничего другого не следует, как только то, что мужчины и женщины, в жилах которых течет кровь одной и той же матери, считаются кровными родственниками; но из этого ни в каком случае не вытекает, что в такой группе родственников женщины должны иметь преимущество пред мужчинами.

———

Э. Гроссе.

51. Родовая организация на островах Мортлок[1].

Каждая деревенская община состоит там из группы родственников, соединенных материнской кровью. Материнский род владеет деревенской землей как общим имуществом. Он состоит под руководством старейшего мужского члена рода. Все братья рода спят вместе с «он» в большом доме, в то время как сестры рода, девушки и женщины, живут в окружающих его маленьких хижинах, — первые одни, вторые с мужьями, не принадлежащими к их роду. Несколько родовых деревень образуют племя, главой которого является старшина той деревни, которая признается главной со стороны остальных деревень. С течением времени различные роды разветвляются по всему архипелагу, так что «они все представлены почти на каждом острове». Но жители отдельных островов часто соединяются в независимые поли-

[1] Группа островов, расположенная в Тихом океане, входит в состав островов Микронезии.

тические единицы, которые при случае борются между собой. Вследствие этого в таких войнах члены одних и тех же родов находятся во враждебных лагерях. Однако, чувство кровного братства оказывается сильнее политической вражды. Как только два воина признали друг друга «пуйпуй», т.-е. членами одного рода, они не могут обижать друг друга, а обязаны уклониться от битвы.

———

М. Ковалевский.

52. Пережитки матриархата в Меланезии [1].

Система, на которую опираются брачные запреты, стоит в прямом отношении к счету родства по матери. Надо, однако, признать, что с этим нисколько не связано положение ее, как главы семьи. Дом, в котором живет семья, принадлежит отцу, как ему же предоставлен суд, верховенство и управление семьею. В отцовский дом меланезийский жених берет свою невесту, если у него не заготовлено ранее собственной усадьбы. Самое тесное родство, по понятиям туземцев, то, которое существует между сыном сестры и братом матери; мать, передающая сыну свое родовое прозвище, не в силах сама оказывать тех услуг, на какие способен мужчина (ее брат); сыновья не принадлежат к роду отца. Хотя он и играет по отношению к ним роль родителя, но связь его с детьми сестры имеет силу исконной, традицией установленной связи, связи, источник которой лежит в родстве по матери. Молодое поколение, едва в нем зарождаются известные социальные запросы, независимо от пищи и крова, доставляемого им их отцами, ищут в материнском брате поддержки и заступничества, как в старшем их рода. Известно, что на островах Фиджи так называемый вазу, т.-е. сын сестры, пользуется широкими правами по отношению к дяде по матери. Хотя эти права и признаются в меньшей степени на островах Меланезии, к западу от Фиджи, тем не менее и здесь считается за правило, что племянник может рассчитывать на всякую помощь со стороны брата матери и что такой дядя обязан смотреть на своего племянника как на предмет особого попечения.

———

М. Покровский.

53. Пережитки матриархата у древних славян.

В древнеславянском праве так называемая «половая опека» выражена гораздо менее резко, чем можно было бы ожидать. Тут особенно приходится отметить два момента: самостоятельное положение женщины на суде, доходившее до того, что женщина местами могла являться участницей судебного поединка, и широкий об'ем имущественных прав женщины, которая могла распоряжаться своим име-

[1] Меланезия—общее название для нескольких групп островов, расположенных в западной части Тихого океана, к востоку от Австралии (Новая Британия, Новая Гвинея, Н. Гебриды, Н. Каледония, Фиджи и др.). Среди меланезийских племен выделяются папуасы.

нием без согласия мужа, тогда как последний не мог распорядиться имуществом жены, даже приданым, без ее согласия. Любопытную черту к этому дает первая статья Русской Правды. В числе возможных мстителей за кровь она указывает, — и на одном из первых мест притом, — «сына сестры» убитого, т.-е. ведет счет родства и по женской линии, не только по мужской. Подобное явление никоим образом не могло возникнуть в исторически нам знакомой патриархальной семье, во главе которой стоит мужчина — отец и где счет родства всегда ведется по мужской линии. Ее приходится рассматривать поэтому как остаток материнского права — матриархальной семьи, где счет родства всегда велся по женской линии, и брат матери считался одним из ближайших родственников наравне с отцом, если не выше его. Самостоятельное положение женщины, имущественное и правовое, вполне вяжется с этим, точно так же, как и то, что мы знаем об экономической культуре первобытных славян. Первичное «мотыжное» земледелие всюду было и есть, где оно еще сохранилось, в руках женщин; весьма возможно, что женщина, связанная детьми и поневоле более оседлая, менее свободно передвигавшаяся в поисках за даровой пищей, была даже изобретательницей земледелия. Но первая, овладевшая правильным способом добывания пищи, женщина экономически эмансипировалась от мужской опеки; семья стала концентрироваться около матери, а не около отца. Оттого у племен с преобладанием земледелия, — у древних культурных народов Америки, например, — мы всюду встречаем материнское право или следы его, тогда как у скотоводов или охотников в той же Америке этих следов вовсе нет.

———

Г. Шурц.

54. От женского к мужскому земледелию.

Возделывание полезных растений увеличивает источник пропитания, но оно действует разрушительно на присваивающее хозяйство: расчистка лесных дебрей уменьшает добычу охотника и одновременно благоприятствует приросту населения, который ставит количество дичи все в более и более невыгодное отношение к числу охотников. Часто лесные дебри расчищаются, и мужское хозяйство этим самым уничтожается. Если бы мужчины были слабее женщин, то это имело бы гибельное последствие для них самих; в действительности же получается противоположный результат: хозяйство падает на женщину, и в то время, как мужчины забавляются или по большей мере исполняют легкие ручные работы и ведут ненужные войны, женщины опускаются до положения рабочего животного и рабы. Более слабый пол, главной задачей которого должна бы быть забота о продолжении и сохранении рода, сгибается под тяжестью чрезмерной и слишком тяжелой работы. Может быть, индейцы сапони припоминали происхождение всей этой эволюции, когда утверждали, что работа пришла в мир через грех женщин и по справедливости должна быть им предоставлена.

Замечательно то, что хищническое хозяйство мужчин прокладывает путь к устранению этого ненормального условия.

Если мужчина считал для себя лично недостойным взяться за мотыгу и вместе с женой обрабатывать поле, то он давал ей в качестве помощников рабов из чужих племен, которых он приводил домой в качестве военной добычи. То же самое могло случиться и с ним самим при перемене военного счастья. Наконец, и свободный человек в крайности принимался за мотыгу.

Так совершился переворот, который в конце концов ведет к тому, что вся тяжелая полевая работа падает на мужчину, и женщина снова посвящает себя преимущественно домашнему хозяйству и воспитанию детей. С преобразованием мотыжной обработки в плуговую эти процессы не имеют непосредственной связи. Работа рабов и мужчин встречается и у представителей мотыжной обработки, но введение скотоводства и плуга полагает конец тяжелой работе женщины. Однако, и другие причины могут благоприятствовать перевороту. Повсюду, напр., мужчины имеют сильную склонность к наркотическим веществам и другим средствам развлечения, напр. табаку, бетелю, орехам кола и т. п., которые почти все происходят из растительного мира и, конечно, так же хорошо могут добываться путем правильного возделывания, как и растения пищевые. Этот рост культуры, кажется, сначала вели мужчины, подражая женщинам, так как они, очевидно, считали неправильным, чтобы женщины занимались этими драгоценными и даже священными растениями.

———

Н. Миклуха-Маклай.

55. Земледелие у папуасов [1].

Немногие плантации находятся вблизи деревень, большинство скрыто в лесу, чтобы этим положением более защитить их от врагов. Выбрав участок земли для плантаций, срубают сначала подлесок, а потом и более крупные сучья больших деревьев. Этим достигается больший доступ солнца, отчего все срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья; их постепенно поджигают у корня несколько дней под-ряд, а иногда и срубают большими каменными топорами. Очищенный участок окружают забором: ставят по два ряда кольев из сахарного тростника в рост человека близко один к другому. Промежуток между двумя рядами кольев наполняют грубо нарубленными поленьями и щепками, которые доставляют большие деревья. Стоящие одни против других тростниковые колья связывают между собою через короткие промежутки лианами. Забор делается приблизительно в рост человека; он необычайно прочен, так как стебли тростника скоро пускают корни. Тростинки стоят плотно одна подле другой; поэтому забор представляет надежную преграду против нападений диких свиней, которые в противном случае могли бы причинить большой вред молодым плантациям. Прежде, чем срублены все деревья и поставлен забор, землю уже взрывают, размельчают и насыпают в кучи, имеющие около метра в поперечнике и полметра высоты. Каждая куча обсаживается

[1] Папуасы живут на островах Новой Гвинеи, которые входят в состав архипелага Меланезии.

только одним сортом растений, так что бананы, сахарный тростник, бау, аян — растут вперемежку. Меньше чем в месяц новая плантация бывает уже готова. На более старых плантациях почва в особенности хорошо обработана и размельчена. При этом папуасы пользуются очень простыми орудиями:

1) У д ь я — крепкая, длиною в два метра, палка, заостренная с одного конца; ею пользуются мужчины, так как при работе этим первобытным орудием требуется много силы.

2) У д ь я - с а б — небольшая узкая лопатка; ею работают женщины.

Работа производится таким образом: два, три или более мужчин становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья в землю и потом одним взмахом поднимают большую глыбу земли. Если почва тверда, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю. За мужчинами следуют женщины, которые ползут на коленях и, держа крепко в обеих руках свои удья-саб, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста и растирают землю руками. В таком порядке мужчины, женщины и дети обрабатывают всю плантацию; позже они накидывают кучки земли, группируемые в ряды.

Предварительная подготовка плантаций — вырубка кустарников, сжигание и рубка деревьев, постановка забора—производится обычно всеми жителями деревни совместно; дальнейшая же обработка земли—уже только членами семьи, между которыми разделена плантация. Даже младшие сыновья имеют свои отдельные плантации, которые они обязаны обработать и возделать и плоды с которых составляют их собственность.

———

Ю. Липперт.

56. Приручение животных.

Стремление человека подчинить своей власти животных никогда не удастся проследить до его начала; оно смешивается вначале с детским пристрастием дикаря к играм. Совершенно диких индейцев Гвианы встречали в их лесах окруженными всевозможными ручными животными, которые питались вместе с ними их скудной пищей, не принося им за это никакой пользы.

Исключение, пожалуй, составляли пестрые птицы куриной породы, мясо и яйца которых дикари не решались есть, но украшали себя их перьями. И теперь еще охотник приносит иногда домой молодую лисицу только для того, чтобы дать ее детям как шаловливого товарища. Дикарю, конечно, гораздо чаще, чем нам, представлялся случай овладевать молодыми животными. Такие опыты ему делать было не трудно, тем более, что животные сами давались ему в руки. Теленок бизона следует за охотником, убившим его мать, в его охотничью хижину и не покидает его более; тем не менее индеец никогда не имел охоты приручать эту породу рогатого скота. Наоборот, в то же время ему иногда доставляло удовольствие воспитывать волка. На самом деле, исключая некоторых из пород крупных кошек, немного найдется животных, которых нельзя было бы приручить. Разведение животных гораздо труднее, чем приручение их.

Это зависит от того, что приходится бороться с неохотой животных размножаться в неволе. И здесь вполне очевидно, что первобытному человеку это должно было удаваться сравнительно гораздо легче, чем нам. У нас все попытки подобного рода не удаются потому, что, при всей заботливости, мы не в состоянии доставить пойманным животным те жизненные условия, которые дает им природа на свободе. Притом сам человек не жил еще тогда в такой неволе, какую животному приходится делить с нами. Будучи и сам не оседлым, он отрывал прирученное им животное от природных условий лишь настолько, что приучал его не бояться огня, быть может даже и ценить его теплоту по ночам и ожидать для себя об'едков в тех местах, где человек совершал свою трапезу.

К такому приручению во всяком случае не был способен бизон; и действительно: чем мог бы человек привлечь его в те места, где совершал свою трапезу? Для этого, очевидно, требовалось приручение совершенно иного рода. К такому приручению и проистекающему из него разведению преимущественно должно было быть способно такое животное, которое, подобно человеку, могло привыкнуть ко всякому роду пищи. Все свидетельства сходятся в том, что собака — старейшее из всех животных, которое надолго сохранило привязанность к человеку, или, в нашем смысле, древнейшее из домашних животных.

Домашнее хозяйство человека поднялось на новую ступень развития вследствие приручения некоторых групп крупного рогатого скота. С постепенным привлечением этих животных к исполнению разных тяжелых работ человек приобрел целую группу орудий и двигателей нового рода. Но этой более высокой культуры достигла только часть человечества; многие области остались навсегда на различных низших ступенях.

Итак, мы можем различить три главные группы этих животных и столько же областей их распространения, лишь отчасти пересекающихся друг с другом. Область северных полярных стран характеризуется северным оленем, который некогда был гораздо более распространен, чем теперь. Из области первоначального распространения рогатого скота должны быть совершенно исключены Южная Америка, Австралия и Полинезия. В Африке и южной Азии встречаются туземные, маленькие, изящные и подвижные породы рогатого скота; в богатых водой, болотистых низменностях юго-восточной Азии буйвол является первоначальной туземной породой, а средняя Европа и средняя Азия служат родиной крупных и крепких пород рогатого скота, которые наполняют и Северную Америку. Повсюду, за исключением Америки, в то или другое время человек старался обеспечить себя этими стадами тем же способом, каким пользовался для той же цели древний египтянин по отношению к антилопам. Что касается лошади, то для отдаленного времени из области распространения ее следует исключить Америку, Австралию и Полинезию, южную Азию и Африку. По всей вероятности, то же было и в большей части Европы; зато обширные средне-азиатские степи с уверенностью можно считать родиной диких лошадей. Так как и здесь человек брал то, что предоставляла ему природа, он добился приручения лошади, и по мере того, как из этих областей выходили разные племена белой и желтой рас, вместе с ними или через их посредство распространялось коневодство.

Мелкие животные, которых удавалось приручить прежде всего тогда еще беспомощному и мало развитому человеку, были всеядны и могли следовать за человеком повсюду. Сюда можно причислить и козу, принимая во внимание, что она ест всякие растения; но крупные животные указанных пород ищут для себя более однообразной пищи; так как они и в диком состоянии живут стадами, то они употребляют столько корма, что в течение года несколько раз вынуждены менять пастбища. И так как пищу доставляет животному не человек, а наоборот, то в тех областях человеку приходится следовать за животным в его переходах. В этом заключается начало кочевничества, свойственного только определенному культурному кругу человечества и не представляющего неизбежной степени, предшествующей оседлости.

———

К. Тахтарев.

57. Образ жизни степных кочевников.

Трава обеспечивает скотоводу существование его многочисленных стад самых различных крупных и мелких животных. А стада обеспечивают ему продовольствие — молоко, мясо, жиры, дают кожу, шерсть, волосяные нити, необходимые для шитья, рог, необходимый для выделки различных предметов. Высохший помет животных, сухой навоз, служит обитателю степных безлесных пространств прекрасным топливом. Жир животных служит необходимым осветительным материалом. Одним словом, сководство обеспечивает все необходимые потребности кочевника и притом без большой затраты труда с его стороны, так как главнейшее средство существования стад, на счет которых он живет, есть трава, которая в степных пространствах повсюду находится в большом изобилии, а истощение данных кормовых пространств побуждает лишь постоянно переходить на новые, т.-е. не прекращать столь обычного для всех пастушеских племен кочевого образа жизни.

Кочевник, пока пастушество вполне обеспечивает его существование, не занимается возделыванием растений и первоначально даже не собирает запасов сена, предоставляя своим прирученным животным самим добывать себе его зимой из-под снега. Кочевник не занимается и добыванием из земли каких-нибудь материалов. Он долгое время не чувствует необходимости в употреблении металлов и приготовляет свои орудия, оружие и утварь из дерева и камней, которые он находит на границах лесных пространств и в попадающихся кое-где и в степных полосах зарослях, которые обрамляют озера и реки и даже незначительные водные источники. Эти материалы он находит на поверхности земли и добывает их без сколько-нибудь значительного труда. То же можно сказать и про материалы, необходимые для выделки различных украшений, для чего, между прочим, служат и зубы, рога и волосы животных. Скотоводческий образ жизни, требующий постоянных передвижений на новые места, уничтожает всякую возможность для кочевника оставаться в одном и том же месте сколько-нибудь продолжительное время. Поэтому, как земледелие, так и добывающая промышленность с кочевым образом жизни

так же не совмещаются, как и устройство больших, неподвижных постоянных жилищ.

Все предметы, изготовляемые кочевниками, имеют переносный характер, не исключая жилища (шатра или юрты, кибитки), вполне приспособленного к подвижному, кочевому образу жизни. Остов жилища устраивается из легких шестов, а стены — из шкур, войлоков и тканей (ковров), выделанных из шерсти тех же животных. Те же шкуры и ковры служат и постелями, и местом сиденья, и украшением жилища. Развитие прядильного и ткацкого искусства, составляющего дело женщин, приводит к употреблению более тонких тканей, служащих для одежды, занавесок, подушек. Подвижное жилище кочевника устраивается так же легко, как и разбирается и переносится. Вот как один путешественник (англичанин Аткинсон) описывает устройство шатра при остановке кочевников на стоянку:

«Когда кочевники достигают места стоянки, женщины раскатывают свертки просмоленной ткани, которые наверчены на вьюках животных. После этого они вколачивают в землю колики, втыкают шесты, которые должны поддерживать ломкое здание, привязывают веревки, развертывают маты и ковры, раскладывают подушки и натягивают занавески, которые разделяют шатер на несколько отделений. На следующее утро, в течение какого-нибудь получаса, ночное жилище, убежище ночи, снимается, складывается, связывается, и от места стоянки кочевника на пространстве нескольких квадратных метров не остается никаких других следов, кроме кучи пепла и отбросов».

При остановке более продолжительной на стоянку большой семейной общины или целого рода в степи как бы образуется целое селение, или аул, состоящий из целого ряда шатров. Вот как тот же путешественник Аткинсон описывает это временное местопребывание кочевников: «Вокруг аула степь была полна жизни. Султан, или патриарх, сказал мне, что у них имелось более двух тысяч лошадей, более тысячи коров и быков, двести восемьдесят четыре верблюда и более шести тысяч баранов и коз. Пронзительные крики верблюдов, рев быков, ржание лошадей, блеяние баранов и коз сливались в пастушеский хор, какого я никогда не слышал в Европе».

Скотоводство дает человеку возможность не только иметь при себе постоянно необходимые запасы продовольствия, но и увеличивать их посредством умножения своих стад. Правда, прокормление сколько-нибудь значительного числа животных, в свою очередь, требует весьма значительных кормовых пространств. Это обстоятельство сильно ограничивает плотность населения стран, занятых кочующими пастушескими племенами. Плотность их населения колеблется около одного человека на квадратный километр и редко когда достигает двух человек на километр.

———

Г. Шурц.

58. Земледелие, как основа дальнейшего развития.

Благодаря скотоводству становится возможным использование стран, которые непригодны для земледелия, и таким образом пастушеские народы также выполняют великую задачу в человеческой культуре. Однако, высшее развитие остается для номадов не-

доступным, так как они по необходимости должны переходить с места на место и не могут стремиться к скоплению культурного достояния, и потому что их образ жизни развивает у них воинственные наклонности, а не способность к труду. Хищническое хозяйство является для них приятным побочным занятием, которое делает их могучим ферментом жизни народов. Между пастухами идет непрерывная война и разбой, так как стада соседнего племени служат им соблазнительной приманкой. Не раз также натиск арабских, турецких и монгольских пастушеских орд потрясал до основания культуры западной Азии и Европы, Индии и Китая.

Дальнейшей характерной чертой пастушеских народов является то, что земледелие, которое отчасти ведется женщинами, отчасти, может быть, и мужчинами, в большинстве случаев не имеет никакой связи со скотоводством. Кафры не стремятся применять силу своих быков к земледелию, и в то время как они пытаются увеличить производительность своего поля пепельным удобрением, они оставляют огромные массы коровьего навоза, который скопляется в хлевах и гниет без пользы. Только изобретение плуга и применение скотского навоза создают гармоническую форму хозяйства, которая лежит в основе высших культур древнего мира и для нас представляется единственно возможным идеалом хозяйства. Во всяком случае эта форма очень стара. По всей вероятности, она возникла там, где соприкасались туранское мотыжное земледелие и семитическое скотоводство, а именно в Вавилонской низменности...

Смешанная форма хозяйства, соединяющая в себе земледелие и скотоводство, должна потому уже считаться важнейшим основанием нашей культуры, что она впервые сделала возможной полную оседлость. С тех пор как определенный кусок почвы постоянно питает своего владельца и его потомство, дикое поле не является уже необходимой частью общинного или племенного владения, и это владение само разделяется между отдельными семьями. Таким путем семья, вместо рода, делается единицей, из которой слагается каждый народ. Старые условия, однако, не вполне исчезают, и место рода заступает община. Часть былого коммунистического достояния остается обыкновенно общей собственностью, служит выгоном и доставляет необходимое топливо и подстилку, а своими ягодами, грибами, дичью дает беднейшим жителям возможность поддерживать остатки старого, собирающего хозяйства. Такое общинное владение не есть необходимое условие новой культурной формы, так как теперь стало возможным делить на мелкие части все нужное для хозяйства, — поля, луга и лес, — между отдельными лицами.

---

59. Патриархат.

По мере того, как, вследствие роста населения и истощения естественных богатств, при невозможности переселения в другие девственные области, земледелие становилось все более и более важным источником средств существования и охота все больше и больше теряла прежнее свое значение, обработкой земли стали заниматься и мужчины. Труд последних был вызван также и тем, что теперь в земледелии начали употреблять рабочий скот, и мотыга, которою работала женщина, заменилась сохой, а соха потребовала более силь-

ного мужского труда. Чем больше втягивались мужчины в это занятие, тем большее влияние приобретали они в хозяйстве своей матери или жены. Постепенно вся тяжесть дела легла на них, из временных и случайных работников они превратились в хозяев. Они сделались производителями и обладателями средств к жизни и уже не могли находиться в прежнем зависимом от женщины положении. Отношения вновь изменились. Мужчина вводил жену в свой дом; он приобретал ее при помощи выкупа (а иногда и покупки) у ее родителей и становился полновластным ее господином. На детей своих он привыкал также смотреть как на свою собственность. Мальчики представляли для него ценность как будущие работники в его хозяйстве, девушки являлись выгодным предметом мены: их отдавали замуж за выкуп, а то и просто продавали. Происхождение перестали вести по матери. Тотем отцовской группы вновь переходил к его сыновьям и сохранялся в ряде поколений. Но на-ряду с групповым тотемом все большее и большее значение приобретает имя отца. Из тотемической группы выделяется отдельная семья, во главе которой стоит отец. Дети носят его имя, которое вскоре становится родовым. Так, вместо матриархата, возникает другой род отношений, который получил название патриархата (от латинского слова патер — отец).

Патриархат приобрел столь же повсеместное значение, как в более раннюю эпоху матриархат. Были, однако, народы, которые по роду своих занятий, вероятно, и вовсе не знали матриархата, — это скотоводы. Приручение скота, как уже сказано выше, было делом мужчин. Будучи более сильными и физически и экономически в период охотничьей жизни, они сохранили свое преимущественное положение и тогда, когда перешли к скотоводству. Не даром патриархат получил особенно резкие очертания у скотоводческих народов.

В эпоху патриархата семья стала принимать все более и более знакомый нам вид. Правда, полигамия (многоженство) составляла обыкновенное явление: сложное домашнее хозяйство требовало большого количества женских рук. Но дети уже знали не только мать, но и отца. Моногамия (т.-е. брак одного мужчины с одной женщиной) возникла и упрочилась впоследствии, когда домашнее хозяйство, в особенности у земледельческих племен, свелось к таким размерам, при которых хозяйка дома одна справлялась с делом. У народов Европы парный брак существовал уже в глубокой древности.

Одновременно с развитием патриархата окончательно развивается и родовая организация общества. Она заменила свойственную бродячим охотникам тотемическую организацию — эту зачаточную форму родового устройства. Только при патриархате стало возможным ясное установление кровного родства. При групповом браке и в эпоху господства матриархальных отношений дети знали только свою мать. Поэтому родственники отца, как принадлежавшие к чужой тотемической группе, отнюдь не считались близкими людьми его родным детям, как, впрочем, и сам он. Хотя теперь происхождение стали вести по отцовской линии, но не отрицалось и родство по матери; оно не имело только значения при наследовании.

Ведение хозяйства — скотоводческого или земледельческого, все равно — требовало большего количества рабочих рук. Поэтому отец старался держать сыновей около себя. Достигнув зрелого возраста, они женились и вводили своих жен в дом отца. Так под одной кровлей проживало несколько родственных семейств; составлялось

нечто вроде семейной общины. Такая община сообща владела землей или стадами скота, сообща вела свое хозяйство.

Разрастаясь, такая семейная община выделяла из себя несколько новых общин, родственных первой. Все они вместе составляли один род. Родичей связывало друг с другом не только сознание кровного родства, но и жизненная необходимость. Человек вне рода был беззащитен против природы и людей. Он не только не мог нигде найти себе работы и приюта, но и защиты. Род вступался за каждого своего члена, и, если его обижал член чужого рода, на родичах обиженного лежала обязанность отомстить обидчику. Ссоры между самими родичами разбирал старейшина рода, глава самой старинной и, обыкновенно, самой зажиточной семьи.

Уже очень рано, под влиянием внешней опасности, отдельные роды, говорившие на одном наречии и имевшие общее происхождение, об'единялись в племена. Общими делами племени управлял совет родовых старейшин. В эпоху нового каменного века племенная организация народов была уже, вероятно, распространенным явлением. Остатки селений и некоторых других сооружений этой эпохи говорят о том, что люди жили тогда большими скоплениями, вполне оседло. В работах по сооружению жилищ и могильников принимало участие очень большое число работников.

———

К. Тахтарев.

60. Кувада.

Признание отца и в особенности переход к мужской родословной, столь характерной для патриархального родового общества, конечно, совершается не без труда и требует, быть может, не меньших усилий ума, чем понимание истинной причины зачатия. Доказательством служит существование у многих племен весьма своеобразного и знаменательного обычая, известного под названием кувады или мужского деторождения. Свое название «кувада» (couvade) обычай этот получил у пиринейского племени басков, у которых роженицу, после того как она встала с постели, заменяет мужчина, который ложится на ее место, представляя собой роженицу или, вернее, главного родителя ребенка. За этим родителем, улегшимся на место роженицы, ухаживают как за роженицей и ему приносят поздравления с новорожденным. Этот обычай, впрочем, вовсе не является только местным обычаем басков, но широко распространен у самых различных племен Старого и Нового Света и особенно характерен для первоначального родового общества, что было известно очень давно. Так, еще Аполлоний Родосский, древне-греческий писатель, живший за 200 лет до нашей эры, писал про малоазиатское племя тибаренов: «Женщины производят у них на свет детей с помощью мужчин: эти последние ложатся в постель, испускают громкие крики, покрывают голову, приказывают приготовить себе омовения», т.-е. изображают из себя роженицу. Диодор Сицилийский сообщает о подобном же обычае, существовавшем в первом веке до нашей эры у жителей Корсики, у которых особым уходом пользовались не роженицы, а их мужья. Последние ложились в постель рожениц на несколько дней, как истинные виновники деторождения. О существовании подобного

же обычая на острове Кипре сообщает Плутарх. Страбон свидетельствует о существовании этого обычая у иберийских, кельтических, фракийских и скифских племен. Марко Поло сообщал о его существовании у кочевых монгольских племен. Современная этнология установила, что кувада есть обычай, распространенный среди родовых обществ самых различных стран света. Он проявляется повсюду почти в одинаковых формах, как у азиатских племен, так и у африканских и у американских. Сущность его всюду одна и та же: муж роженицы, оставляемой без ухода, ложится вместо нее на ее место и соответствующими телодвижениями и стонами представляет деторождение. Французский путешественник Вуазен наблюдал этот обычай у американского племени в Гуйяме, остановившись ночевать у туземцев. «Утром он узнал, что ночью в соседнем отделении шалаша родился ребенок. Мать не испустила ни одного крика, и путешественник утром видел, как она умывалась на реке вместе с новорожденным. В это время ее муж лежал в гамаке, изображал больного и принимал с самым серьезным видом заботливое ухаживание, в частности и от своей жены» [1].

Эдуард Тэйлор первый понял и должным образом об'яснил значение этого обычая (кувады) для признания отцовства и существования физической связи между отцом и ребенком. Очевидно, признание отцовства происходит действительно не без меньшего напряжения мысли, чем и понимание истинной причины зачатия. Очевидно, требуется много усилий, чтобы вбить в голову людей, не признающих отца, понимание значения мужчины для появления ребенка. Правда, только-что описанные обычаи кувады изображают дело не совсем правильно, но зато самым наглядным и убедительным образом, представляя истинным родителем не мать, а отца...

Признание отцовства, возможное только с развитием исключительных брачных прав определенного мужчины на определенных женщин, т.-е. при многоженстве и единобрачии, связано с возникновением патриархальной семьи и возникновением мужской родословной, для облегчения перехода к которой, между прочим, и служит обычай кувады, известный самым различным родовым обществам.

———

К. Тахтарев.

61. Патриархально-семейная община кочевников.

Условия скотоводческой жизни не допускают излишнего скопления животных на кормовых пространствах, на которых скот находит себе пищу. Количество растительной пищи, находящейся на них, не допускает скучения и смешения стад, принадлежащих отдельным хозяйственным единицам племени, какими оказываются в данном случае отдельные семейные общины, насчитывающие своих членов целыми десятками, а в некоторых случаях даже и сотнями людей, принадлежащих к трем, четырем и к пяти поколениям.

Семейная община и большая патриархальная семья кочевых племен представляет собою сотрудничество ее многочисленных членов,

---

[1] Харузин—Этнография, II, стр. 192.

ведущих свою жизнь сообща и сообща пользующихся всем своим достоянием. Она может быть названа самым лучшим образцом первобытной пастушеской коммуны. Труд по обеспечению необходимейших потребностей семейной общины разделен между всеми ее трудоспособными членами, каковыми считаются и дети, достигшие двенадцатилетнего возраста. Девочки работают сообща с матерями, помогая им в домашнем хозяйстве и по уходу за скотом. Последнее, впрочем, гораздо в большей степени составляет дело мужчин и помогающих им мальчиков. Все производство, конечно, ручное и не требует сколько-нибудь сложных орудий, кроме самого первобытного ткацкого станка и прядилки для сучения шерсти и тканья ковров и других грубых тканей. При этом господстве ручного производства рука развивается очень сильно и приспособляется для самых различных движений. Производство имеет, конечно, чисто домашний характер. Потребности кочевников весьма ограничены и так же ограничено число вырабатываемых ими изделий, обыкновенно весьма простых и неприхотливых. Применение силы животных в производстве обыкновенно остается совсем неизвестным. За исключением оружия, украшений и, отчасти, обуви и одежды, могущих быть предметами личного потребления и составлять личную собственность, все остальные предметы или, по крайней мере, подавляющее большинство их (как-то: орудия, утварь, ковры, занавески, жилища) изготовляются для общих нужд членов семьи и обыкновенно составляют общинно-семейную собственность.

«Патриархальная семья, — пишет Эдмонд Демолен, — представляет следующие особенности:

«Отец и глава семьи, ее патриарх, удерживает около себя всех своих сыновей, как холостых, так и женатых. Он устраивает своих дочерей, желающих выйти замуж, в семейных общинах данной области и удерживает остальных при своем очаге. За исключением некоторых предметов личного употребления, стада и другие добавочные средства жизни остаются неделимою общею собственностью всех об'единенных таким образом членов семьи. Патриарх пользуется самой широкой властью над всею своею семейною общиною: он об'единяет в своих руках власть отца, начальника, жреца и высшего господина. Если пространство или степень плодородия пастбищ более не соответствует дальнейшему разрастанию семейной общины, то кладется начало новому рою подобной же природы, под руководством какого-нибудь старика. Наконец, патриарх избирает, обыкновенно из среды своих братий, своего наследника, который должен помогать ему в старости и замещать его после смерти.

«Тип семьи, главные особенности которой мы только-что указали, — говорит Эдмонд Демолен, — наблюдается во всех степных частях Азии и Европы и, с бо́льшими или меньшими уклонениями, наблюдается также и в странах, заселенных переселившимися пастушескими племенами, как мы это видим в Китае, в южной России, в Турции, Сербии и других. В различной степени патриархальная семья обнимает и Азию, и Африку, и часть Европы: Европу южную и восточную.

«Патриархальная семья, распределяя плоды труда равным образом между своими членами, обеспечивает нетрудоспособным столько же выгод, какие она обеспечивает наиболее одаренным и деятельным. Легко понять, что подобная организация может возникнуть только на

такой почве, как почва степей, которая требует только легкой и привлекательной работы».

Разделение и расслоение труда внутри семейных общин совершается, как и в тотемических группах, главным образом на основании пола, возраста и личных способностей. Не достигшие десятилетнего возраста у скотоводческих племен считаются детьми. Из них дети старшего возраста считаются помощниками женщин в их домашнем хозяйстве. Мальчики, достигшие десятилетнего возраста, уже начинают помогать мужчинам в их скотоводческих занятиях в качестве помощников пастухов или подпасков. Юноши, достигшие двадцатилетнего возраста, обыкновенно считаются годными на всякую работу. Одни из них стерегут стада и заботятся о том, чтобы они не разбегались; другие их защищают от возможных нападений хищных животных; третьи занимаются охотой и ловлей зверей. Женщины заботятся об устройстве жилища, собирают топливо для очагов, семена и другие дико-растущие плоды, носят воду, ткут ковры и проч. Взрослые мужчины занимаются не только скотоводством и охотой, но и многими другими делами: выделывают различные орудия и оружие, необходимую утварь и проч. Благодаря многолюдности семейной общины и разнообразию ее хозяйственных дел, разделение труда между ее членами иногда доходит до того, что почти каждый член ее имеет свое особое дело, что проявляется даже в таком самом обычном деле, как приготовление пищи. Следующее место из одной старинной якутской песни, приводимое В. Л. Серошевским в его обстоятельной научной монографии «Якуты», может служить наглядным описанием подобного разделения труда между членами семейной общины: «Один верховой человек прискакал в поле, пригнал один табун кобыл, загнал в огород. Ловящий петлей парень Огуттаккы поймал петлей одну жирную кобылу. Надевающий недоуздок Самур-богатырь надел недоуздок. Обрывающий становую жилу Юебягай парень оборвал жилу. Сдирающий шкуру Сурдуругас-Самдоргас содрал шкуру. Мясник Кыбыргас-Хабыргас разрубил по частям мясо. Повар, парень Бусухан, сварил. Ырбайбан-Мыляхсан, снимающий жир, снял жир. Перекладывающий из горшка длинно-рыжий Холойбан парень выложил. Раздающий Разбрасай-Юряйба-Сарайба роздал».

———

К. Тахтарев.

62. Брак в родовом патриархальном обществе.

Заключение браков в родовом обществе происходит весьма разнообразным образом, в зависимости от способов получения жен.

В родовом обществе жена может быть получена посредством: 1) обмена или покупки; 2) отработки; 3) похищения; 4) наследования.

Получение женщины, в качестве невесты или будущей жены, посредством обмена или купли можно считать самым распространенным способом получения жен у многих племен, как кочевых, так и оседлых. Этот способ есть вместе с тем и наиболее простой и естественный, так как нет ничего проще, как выменять себе невесту из чужого рода на свою родственницу. Обмен женщин между семейными общинами различных родов очень обычен у самых различных племен и народов, как кочевых, так и оседлых. Девушка представляет собой для всякой

семейной общины ценность как рабочая сила и будущая хозяйка. Передать ее в другую семейную общину, отдать ее в чужой род представляет большую потерю, если ее нельзя заменить равной ценностью, т.-е. путем обмена на девушку из другого рода или какой-нибудь другой равной ценностью, т.-е. купить ее по ее действительной стоимости, за соответствующее количество необходимого скота или каких-нибудь необходимых предметов. Обмен женщин на скот в большом ходу у кочевых скотоводческих племен. У пастушеских азиатских и африканских племен женщина-невеста обменивается зажиточными людьми на десятки коров. Бедняки платят дешевле. У краснокожих индейских американских племен стоимость девушки иногда превышает стоимость десяти лошадей. Обмен женщин на скот, с целью как получения скота, так и с целью получения жены, был в ходу в свое время у многих арийских племен, как и у семитических, тюркских и финских. Гомер не даром называет дочерей «приносящими родителям быков».

Способ получения жен посредством отработки невест тоже известен почти всем кочевым и оседлым родовым обществам. Об этом способе весьма обстоятельно повествуется в книге Бытия: «У Лавана было две дочери; имя старшей Лия, имя младшей Рахиль... Иаков полюбил Рахиль и сказал (Лавану): я буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою. Лаван сказал ему: лучше отдать мне ее за тебя, нежели отдать ее за другого кого; живи у меня. И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее. И сказал Иаков Лавану: дай жену мою, по тому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней. Лаван созвал всех людей того места и сделал пир. Вечером же взял (Лаван) дочь свою Лию и ввел ее к нему; и вошел к ней Иаков... Утром же оказалось, что это была Лия. И Иаков сказал Лавану: что это ты сделал со мной? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня? Лаван сказал: в нашем месте так не делают, чтобы младшую дочь выдать прежде старшей; окончи неделю этой; потом дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других. Иаков так и сделал и окончил неделю этой. И Лаван дал Рахиль, дочь свою, ему в жены... Иаков вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, нежели Лию; и служил у него (Ливана) еще семь лет других»[1]. Только-что приведенный отрывок имеет особую ценность, так как он очень хорошо раскрывает способы получения жен посредством отработки в среде кочевого родового общества. Свидетельство Библии показывает, что у еврейских племен, кочевавших по Ханаану, жену можно было получить, как отработав ее стоимость, так и в долг, с обязанностью последующей отработки. Но в первом случае можно было ее и увести с собой, во втором случае приходилось продолжать жить с ней в семейной общине ее отца вплоть до окончания срока полной отработки ее стоимости.

Обычай похищения женщин у иноплеменников и чужеродцев тоже известен всем родовым обществам. Этот способ получения жен одно время, с легкой руки Макленнана, считался даже самым первобытным и самым обычным, правда, без достаточного для этого основания. С не бо́льшим основанием считали хищнический брак, осуществляемый посредством умыкания женщин, наиболее первобытной формою брака и М. М. Ковалевский, и Каутский, и другие ученые.

[1] Библия. Первая книга Моисеева. Глава 29, ст. 16—30.

Иеринг, один из первых, весьма основательно показал, что эта форма вовсе не наиболее первобытная, что она свойственна родовому обществу, в особенности кочевому и оседающему. Иеринг показал, что хищнический брак, или похищение женщин, получает особое распространение в период великих переселений народов и столкновений различных племен. «Он возникает на почве недостатка женщин во время переселений», — говорит Иеринг. «У арийцев, в особенности у древних индусов, этот брак, — писал Иеринг, — был распространен среди воинов».

Об обычае умыкания женщин с целью получения жен писалось столько, что об этом нет надобности говорить здесь подробно. Из русских ученых весьма многие уделяли этому способу получения жен особенное внимание, быть может потому, что воспоминания о нем в русских народных песнях так же живы, как и воспоминания о монгольских нашествиях различных кочевых племен, татар в особенности. М. М. Ковалевский тоже уделял особо много внимания этой форме брака, описывая древнейшие способы заключения брачного союза. Весьма обстоятельно и подробно говорит о хищническом браке и Н. Харузин. Это избавляет меня от дальнейшей остановки на этом предмете.

Брак посредством наследования представляет собой тоже весьма обычную форму получения жен у самых различных племен. Он наблюдается и в Азии, и в Америке, и в Африке, и в Полинезии. Эта форма брака самым естественным образом связана с патриархальным бытом и с воззрением на женщину как на вещь, которая принадлежит мужчине и после его смерти переходит к его наследникам. Это обстоятельство порождает весьма своеобразные и сложные брачные отношения, так как жены отца делаются собственностью сыновей, которые могут вступать с ними и в брачные отношения. А в числе этих женщин могут находиться и их матери. Впрочем, жен отца, патриарха, обыкновенно наследует только старший сын, преемник его патриархальной власти, как это делается у кафров, бечуанов, зулусов, богосов и других племен Африки, а равно у тлинкитов и омагов и других американских племен. Это — во-первых, а во-вторых — жены умершего имеют право выйти замуж за одного из его братьев, на обязанности которого лежит взять их в число своих жен. Этот обычай очень близок к тому, о котором упоминается в Библии под названием левирата. «Если братья живут вместе, и один из них умрет, не имея сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жены и жить с нею,— и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось во Израиле» (Библия). У евреев, во времена Второзакония, эта форма брака была уже исключительной, обусловленной бездетностью умершего брата, и, значит, сравнительно редкою, но в родовом обществе она очень обычна и не требует условия бездетности умершего. Деверь должен во всяком случае взять в жены жену умершего брата. За свой отказ сделать это он у многих племен несет наказание, как он подвергался наказанию за это и у древних евреев, о чем тоже имеются свидетельства в Библии.

Стремление иметь детей и брать новых жен на-ряду с тою, которая оказалась бездетною, или пользоваться для этого рабынями, как добавочными женами, очень распространено в родовом обществе. Бездетность, причиной которой служит муж, порождает обычай так назы-

ваемой нийоги, т.-е. отдачи жены другому мужчине с целью иметь детей. Дети, родившиеся от такого общения, считаются в родовом обществе детьми человека, которому принадлежит женщина, что напоминает собой самые первобытные обычаи ссужения жен посторонним.

———

П. Милюков.

63. Родовой строй у славян.

В одном самом дальнем уголке Балканского полуострова, в Герцоговине и Черногории, старые порядки уцелели вплоть до нашего времени почти без всякого изменения; сюда не проникло как следует ни влияние Византии, ни власть сменившей ее Турции. Оттого по образцу жизни теперешних герцоговинцев и черногорцев мы можем составить себе самое наглядное представление о том, как жили больше тысячи лет тому назад наши славянские предки.

Всего лучше познакомиться с родовым строем древнего славянства по тому живому образчику этого строя, который дошел до нашего времени среди славян Герцоговины и Черногории. В этом углу Балканского полуострова до сих пор сохранились все древние родовые деления славянства. Племя попрежнему состоит здесь из нескольких братств; братство состоит из нескольких домашних общин. Домашняя община составляет, таким образом, основную ячейку родового устройства. Среди ученых эта община известна более под названием «задруги». Но сами местные славяне чаще всего называют домашнюю общину иначе: или «складные» (т.-е. сложившиеся, по нашему древнему выражению — «складники»), «неотделенные братья», или просто «велика куча» (т.-е. большой дом, большая семья).

Как видно уже из этих названий, домашняя община есть размножившаяся семья, оставшаяся нераздельной после смерти родоначальника. Составляющие общину кровные родственники[1] живут в одном дворе, владеют общей собственностью, пользуются равными правами друг с другом и подчиняются распоряжениям представителя семьи, выбираемого всеми ее членами с общего согласия. Число членов «великой кучи» колеблется обыкновенно между 15-ю—25-ю человеками, редко достигая более высоких цифр (до 50—70). Со стороны можно войти в семью или сделавшись зятем, или будучи усыновленным хозяином семьи, или, наконец, получив разрешение «приселиться» к семье, в виду каких-либо хозяйственных соображений. Но, во всяком случае, чужие люди составляют исключение в «куче». Представитель семьи называется «главарем», «старейшиной» или, всего чаще, «домачином». Умирая или достигнув более чем 60-летнего возраста, домачин передает свою власть другому по собственному выбору. Если он умирает, не назначив преемника, члены семьи собираются, и старший из них предлагает им выбрать нового главаря. Обыкновенно он получает в ответ, что «нечего и выбирать; не к чему новый закон вводить в старую землю». Затем звание «старейшины од куче» передается ему самому с родственными поцелуями. Все, что касается домашнего хозяйства (за исключением женских работ, за которыми смотрит «до-

[1] Обыкновенно во 2-м, 3-м коленах по мужской линии, очень редко в 4-м или в 5-м.

мачица»—жена домачина), находится под присмотром старейшины. Ни одно дело не решается без его совета, хотя в совещаниях по поводу общего имущества он имеет только один голос, наравне с другими. Он разбирает ссоры домашних, заботится об интересах семьи и служит ее представителем в сношениях с другими общественными группами и лицами. Имущество семьи, т.-е. земля, постройки, скот, земледельческие орудия и телеги, — словом, весь хозяйственный инвентарь считается общей родовой собственностью («баштина», «дедина») и не может быть продан без общего согласия. Впрочем, и вообще продажа этих вещей считается грехом, позором и безумием. Продавать можно только приплод от скота и урожаи. В старину члены семьи вовсе не имели отдельного имущества. Все приобретенное ими принадлежало семье.

Такова внутренняя жизнь «великой кучи». Далеко не всегда, однакоже, родные братья остаются жить вместе нераздельной семьей. Очень часто они заводят себе отдельные семьи на общей земле. Их потомки помнят свою родовую связь и продолжают после раздела владеть сообща той долей родового имущества, которая осталась неподеленной. Такие разделившиеся семьи составляют «братство». Каждый член братства есть «братственник». Число «братственников» в каждом братстве колеблется от 30—50 до 700—800 человек, способных носить оружие. Братство, насчитывающее до 200 «ружей», считается довольно значительным. Каждое братство выбирает своего представителя, который носит название «кнез» (или тоже главарь, старейшина); в случае войны он является предводителем своего братства и в качестве предводителя носит славянское название «воеводы» (или заимствованные от соседей названия — итальянское «капитана» или турецкое — «сердаря»). Звание «кнеза» в некоторых братствах удерживается по наследству за членами одной и той же семьи. Кроме предводительства на войне, кнез, в менее важных делах, сам судит братственников; он созывает общее собрание братства и председательствует на нем. Голос в собрании принадлежит главарям домашних общин; остальные могут присутствовать и присоединяться к решениям главарей общим криком: да или нет. Главным предметом обсуждения служат общие хозяйственные дела братства.

Каждое братство живет, смотря по числу душ, в одной или нескольких деревнях, обыкновенно соседних. Церковь, кладбище, мельницы считаются общей собственностью братства. Каждое братство имеет, кроме того, свой отгороженный общий выгон для скота, которым пользуются все семьи братства. Порядок пользования этим выгоном определяется приговором всего братства. Свое собственное имущество братственник не может продать помимо своих сочленов; и даже, если его братственники не воспользуются правом покупки, то все же он не имеет права искать покупателя на стороне, а должен обратиться к другим братствам своего племени.

Братственники считают себя родственниками друг другу, и поэтому до последнего времени никто не брал жены в своем братстве. Каждое братство сохраняет обыкновенно предание об общем родоначальнике, по имени которого и называется.

По отношению к другим союзам братство вообще выступает как одно целое. Если член одного братства убьет члена другого братства, то все братственники убитого обязаны мстить убийце. Кровная месть до сих пор сохранилась в Черногории и Герцоговине, несмотря на все

усилия австрийского правительства уничтожить ее. Братственник обязан, если не может убить самого «кровника» (убийцу), убить, по крайней мере, человека наиболее к нему близкого — отца, брата или сына. Примирение мстителя с убийцей также заключается от имени целого братства. Если убийца или его семья не могут заплатить выкупа (101—124 дуката) семье убитого, то деньги на выкуп собирает все братство убийцы. Если братственник породнится путем брака или покумится с членом другого братства, то все братство считает себя породнившимся с последним. Если член другого братства войдет в вымирающую семью зятем, женившись на единственной наследнице семьи, — в таком случае он должен купить свое место в новом братстве особым взносом и угощением своих новых братственников.

Братство образовалось из семьи. Точно так же племя образовалось из братства. Некоторые племена, действительно, возникли сравнительно недавно и состоят из 5—6 братств. Их легко, однакоже, отличить от больших и старых племен, гораздо более многочисленных. В 1860 году вся Черногория состояла из семи племен; самое сильное из них (белопавличи) насчитывало до 3.000 ружей. Племена долгое время сохраняли полную политическую независимость и составляли вполне самостоятельные единицы.

Во главе племени стоит «главарь племенский», или «воевода». Сильнейшему братству племени обыкновенно удавалось избирать воеводу из своей среды, и во многих племенах достоинство воеводы исстари сделалось наследственным в известной семье[1].

Каждое племя занимает точно определенный округ. Общественные работы в пределах этого округа исполняются племенем. Каждое племя имеет также выгоны, на которых все братства имеют право пасти скот, и лес, пользование которым принадлежит членам племени. Нужно, впрочем, сказать, что тесная связь между братствами племени мало-помалу исчезает; племя все более и более теряет древний характер родового союза и становится простым областным делением, округом.

В такой целости, в какой мы застаем родовой общественный строй в Герцоговине и Черногории, мы уже не найдем его ни в одном из древних памятников истории других славянских народов.

———

К. Тахтарев.

64. Семья — род — племя.

Семейная община кочевых племен, ведущая самостоятельно свое скотоводческое хозяйство, не представляет собою, однако, вполне самодостаточной общественной единицы. Она не в силах обеспечить себе даже пользования необходимыми ей кормовыми пространствами, которые представляют весьма незначительную часть племенной территории. При значительных передвижениях на новые места кочевок, переходы на них обыкновенно предпринимаются сообща всеми семейными общинами данного рода, т.-е. всем родовым союзом их, под предводительством главы наиболее многолюдной, богатой и влиятельной се-

[1] Мало-по-малу правительство присвоило себе право утверждать выбор племени. Теперь же племя сохранило только право утверждать воеводу, назначенного правительством.

мейной общины, из среды которой обыкновенно избирается родовой старейшина. Столкновения между отдельными семейными общинами из-за захватываемых ими кормовых пространств улаживаются общеродовым сходом, на котором главнейшими действующими лицами являются главы всех семейных общин, входящих в данный род. Родовой культ, как и дело воспитания юношества, тоже является делом не только отдельных семейных общин, но и всего родового союза. А в деле обеспечения безопасности племенной территории, даже и род, состоящий из многих весьма многолюдных семейных общин, не обладает достаточным количеством сил. Охрана племенной территории, как и ее расширение путем захвата необходимых новых земельных пространств, сопровождающееся войнами с соседними племенами, требует об'единения и согласованных действий всех родов племени под руководством какого-нибудь великого вождя, каким обыкновенно становится родовой старейшина наиболее могущественного и влиятельного, старейшего рода, наиболее сильного по числу своих членов. То же самое надо сказать и относительно дела всестороннего упорядочения племенной жизни и охраны обычаев. В этом отношении точно так же не только отдельная семейная община, но целый род не представляет собой вполне самостоятельного общественного целого. Таковым может быть только все племя в целом, представляющее собой союз соплеменных родов. Только в виде совокупности всех входящих в его состав родовых союзов племя является вполне самодостаточным родовым обществом, которое обладает достаточными силами, чтобы всесторонне обеспечить всю потребность своих членов, обеспечить все стороны жизни своих соплеменников. Как уже было указано выше, в некоторых случаях, при столкновении с могущественными соседями, например при великих переселениях, даже целые племена не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы обеспечить свое существование. В этих случаях происходит об'единение многих родственных племен или орд, начинающих жить сообща, как единый народ.

———

Э. Гроссе.

65. Род и племя.

Род представляет основную политическую единицу низших земледельцев; он образует, как это можно еще и теперь наблюдать в Меланезии и в Африке, прежде всего самостоятельную деревенскую или сельскую общину. Когда, при наличности благоприятных продовольственных условий, такая родовая община сильно разрастается, она, наконец, достигает такого пункта, с которого должно начаться ее деление. Часть рода оставляет старое поселение и основывает новое, обитатели которого, с течением времени, начинают считать себя самостоятельным родом и даже принимают отличное от прежнего наименование. Но, тем не менее, эти ветви-роды в большинстве случаев не теряют сознания общей их принадлежности к своему коренному роду. Напротив, они очень часто чувствуют себя зависимыми от него, подчиненными ему, и поэтому за старейшинами коренного рода они признают, как и раньше, известный авторитет, право руководить. Таким образом, вырастают большие родовые семьи под главенством старейшего и знатнейшего рода, как это, например, встречается на Каролин-

ских островах. Другим связующим звеном различных родов между собою служит вступление в свойство нескольких самостоятельных родов, обязанных законом экзогамии постоянно вступать между собою в брачные отношения. Родственные отношения побуждают и обязывают к взаимной поддержке, и таким образом из брачного союза развивается оборонительный и наступательный союз. Подобного рода организации очень часто встречаются у низших земледельцев; наиболее известный пример этого представляет союз ирокезов, описанный Morgan'ом. Нельзя представить себе, чтобы при обыкновенных обстоятельствах взаимная связь и солидарность этих крупных родовых союзов были особенно многосторонними и крепкими. Союз родов очень далек от замкнутой организации современных союзных государств. В мирное время каждая часть заботится о себе; только война принуждает всех к совместным действиям. Но война, содействуя развитию и крепости организации союза, в то же время разрушает старую внутреннюю организацию частей союза. Как огонь, сплавляя металл, уничтожает первоначальное строение каждого из них, так и война, об'единяя роды в племена, уничтожает их обособленные организации.

———

Н. Харузин.

66. Род у кавказских горцев.

«Тогда, как матриархат, — пишет Ковалевский, — является среди горцев частью выжившим, частью выживающим порядком, агнатический род носит у них еще все признаки вполне жизненного явления . . .»

Кровная месть у них до последнего времени носила религиозный характер. «Вечным позором, — пишет Ковалевский, — покрывает себя тот, кто оставит убийство родственника без отмщения. В Дагестане обычай дозволяет не принимать участия в кровном возмездии только под условием формального разрыва со всей родней путем выхода из рода (тохума). Мщение настолько обязательно для ростевников, что во избежание кровопролития в Дагестане принято выселять на время обидчика и его ближайших родственников, дабы тем устранить их от возмездий. Стоит им только попасть на глаза родственникам жертвы, и их ждет неизбежно смерть или, по меньшей мере, ранение». Даже в настоящее время, когда среди многих кавказских племен все больше распространяется система выкупа за кровь, вытесняющая кровную месть, «воззрение на месть, как на нечто необходимое для блаженства предков в загробной жизни, наглядно выступает в обычае оповещать покойника о постигшей убийцу каре». Осетин, например, «отомстив за смерть убитого родственника . . . спешит на его могилу, прикладывает к ней свои губы и произносит: будь спокоен, я отомстил за твою смерть». В более отдаленное время черкесы, чеченцы и осетины часто практиковали умерщвление кровных врагов на самой могиле убитых ими лиц, а «в ближайшее к нам время кабардинцы, черкесы и чеченцы обыкновенно довольствовались тем, что, отсекши ухо у убийцы, зарывали его в могилу убитого. Принесение в жертву оскорбленной тени хотя бы части тела обидчика признавалось достаточным для ее успокоения». Оскорбление могил предков вызывает до настоящего времени кровную месть у осетин.

Вполне понятно, что, при господстве родового агнатического строя, только чужеродцы подвергаются кровной мести и другим возмездиям. Преступления внутри рода не приводят к кровной мести; это об'ясняется отчасти мотивами эгоистического и материального характера, отчасти той тесной связью, которая существует между членами рода, даже тогда, когда он распался на семейные общины. Стремление группы увеличить свой состав заставляет население Кавказа охотно принимать путем усыновления даже убийц-чужеродцев; понятно, что всякое количественное ослабление родовой группы является нежелательным. Вот почему, например, осетины и сванеты нередко довольствуются прекращением общения с отце- и братоубийцей. «Последняя из названных народностей старается даже отличить виновного внешним знаком, который бы дозволял признать его каждому. Таким знаком является ожерелье из камней». Иногда из боязни опасного члена группы подвергают изгнанию. «Кавказское абречество, — говорит Ковалевский, — не имеет другого источника; абрек—это то же, что славяно-русский изгой». Множество опасностей угрожает ему: «у абрека нет родственников мстителей». Изгнанием сородича родовая группа ослабляет себя; поэтому в случае преступления члена рода она предпочитает нанести ему имущественный ущерб: члены группы разоряют его жилище или, если у него нет отдельной усадьбы, конфискуют движимую собственность виновного. Удовлетворив материально потерпевших, группа сама ничего не теряет. Стремление к безопасности, заставляющее родовую группу прибегать к изгнанию убийцы, вынуждает ее и строго относиться к воровству в пределах родовой группы . . .

Земля в большинстве горских обществ считается общей собственностью. В настоящее время общество не всегда состоит из членов одного и того же рода: вследствие стремления к усилению родовой принцип должен был уступить территориальному. Но воспоминание о бывшем некогда, в недалеком прошлом, родовом владении землей сохранилось: например, существуют осетинские «аулы, занятые семьями, родственными друг другу, носящими одинаковое фамильное название, владеющими землею на общинном начале и ведущими нередко совместное хозяйство». Но и после перехода родовой общины в сельскую, в аулах, в которых живут уже представители разных фамилий, можно проследить воспоминание о более древнем порядке вещей: каждая семья владеет только: 1) усадебной землей и 2) пахотными участками, разделанными общими силами членов той или иной семейной группы. Не только леса и пастбища находятся в общем владении, но и покосы составляют часто общую собственность. В некоторых местностях, например у горных чеченцев и ингушей, покосные участки делятся между семьями иногда каждый год, иногда раз в течение 10—15 лет (пахотные участки находятся у них в индивидуальном владении семейных общин); но и в таких местностях сохранились следы былой совместной обработки земли и косьбы: перед началом пахоты и сенокоса жители одного аула собираются, и каждый приводит с собой баранов и приносит с'естные припасы. Баранов режут сообща; следует пир, сопровождаемый песнями и плясками. Неисполнение этого обычая, по мнению чеченцев и ингушей, вредит успешному окончанию сельских работ. «У осетин никто . . . не смеет произвольно начать покоса, пока не настанет июль месяц, и все жители деревни и околотка не соберутся на праздник, называемый атенек, на котором, после дол-

гого совещания, старики решают, пришла ли пора косить или нет. Определенные сроки существуют и для пахоты». Эти правила постановляющие не только сроки для производства сельских работ, но в отдельных случаях даже определенный севооборот, отмечены как в русской сельской общине, так и в древнем германском праве и в Англии. По справедливому мнению Ковалевского, здесь на-лицо факт «перенесения на сельскую общину той экономической регламентации, которая впервые возникла в среде родовых обществ. Такой перенос совершенно согласен с тем, что нам известно об унаследовании сельской общиной многих сторон юридического быта рода: о переходе, например, права предпочтительной покупки соседей, родового выкупа — в сельский выкуп, родового наследования — в наследование соседей». Этот переход и различные стадии его легко поддаются исследованию именно на Кавказе, где возможно в разных стадиях наблюдать переход родовой общины в сельскую и где права сородичей являться общими наследниками в выморочном имуществе постепенно переходят в право соседей, сочленов сельской общины.

———

Н. Гродеков.

67. Родовое начало у киргизов.

Незнакомцу, прежде всего, предлагают вопросы о его роде. Если спросивший того же рода, то он спрашивает о колене, далее о подколене и т. д., до той группы, после которой уже начинается прямой нисходящий список предков. Каждый должен знать своих предков «Кто не знает семи предков, — говорит пословица, — тот отступник». (Нам неоднократно приходилось удостоверяться, что даже дети 10—11 лет отчетливо знают своих семь предков). Эти расспросы служат удостоверением личности. На основании узнанной степени родства, гостя принимают или хорошо, или дурно.

Родство считается, как говорят, до сорокового колена. Перечисление из одного рода в другой невозможно; но пребывание в кочевке среди чужого рода допускается...

Носители родовой идеи суть богачи и старейшины (аксакалы) (У сартов аксакал есть административное лицо — сельский старшина, у киргизов—то лицо, которое пользуется по родовитости наибольшим авторитетом в данном месте).

Бедные не знают, кроме названий своих прямых предков и своего рода и колена, ничего об отдаленных разветвлениях родства.

Волостные управители, избираемые народом, удерживаются на должности только тогда, когда они принадлежат к сильнейшему в волости роду.

Падение родового начала ознаменовано частыми тяжбами между близкими родственниками и неплатежом взысканий и долгов за родню.

———

68. Промышленность у малокультурных народов современности.

Потребности этих народов не ограничиваются одним лишь питанием. Даже стоящие на самой низкой ступени развития разрисовывают и разукрашивают свое тело, выделывают стрелы и луки; более развитые племена строят дома, плетут и ткут всякого рода ткани, выделывают утварь, обжигают глиняную посуду; все они приготовляют пищу на огне и все они, за немногими исключениями, умеют изготовлять хмельные напитки. Для всего этого необходим труд различного рода, который мы можем обозначить обработкой вещества и который по существу составляет то, что мы называем промышленностью или индустрией. Как же организован этот труд у нецивилизованных народов?

Давая ответ на этот вопрос, надо различать две вещи — техническую сторону и хозяйственную сторону промышленности.

Техника обработки вещества зависит, прежде всего, от условий природы, и поэтому она у большинства нецивилизованных народов развита весьма односторонне. Орудиями ее являются первоначально лишь предметы в их естественном виде, как-то: камни, кости животных, раковины, заостренные куски дерева, — предназначенные почти исключительно для увеличения силы человеческих органов. Из более сложных орудий можно назвать только ручную мельницу и ступку для толчения. Первая в своем первоначальном виде состоит из одного подвижного камня и другого неподвижного, на котором хлебные зерна размалываются, приблизительно, так же, как краски на растительном камне у наших ремесленников. Ступка представляет собой выдолбленный кусок древесного ствола с деревянным пестом Простейшие, сберегающие труд механические приспособления,—как-то: клин, рычаг, клещи, винт, — им неизвестны. Лодки их представляют собой выдолбленные посредством огня древесные стволы или соединенные вместе куски коры, а весла — ложкообразные куски дерева с короткими рукоятками, которые являются не более, как расширением человеческой ладони. Искусство соединять куски дерева или другого материала посредством шипов, гвоздей, зубцов, клея — им неизвестно Применяется лишь связывание посредством тягучих волокон или бечевок или же просто стеблей вьющихся растений. Обитатели о. Самоа даже при сооружении своих больших военных лодок, в которых помещается несколько сот человек, не употребляют железных гвоздей. Отдельные планки связываются бечевками из кокосовых волокон. Обработка металлов австралийцам, жителям Меланезии и Полинезии и первоначальным обитателям Америки была до появления европейцев неизвестна. Напротив, среди негритянских племен повсюду распространено добывание и обработка железа, а местами и меди: еще более развитую технику обработки металлов мы находим лишь у малайцев. Но именно в характере производства железа у негров обнаруживается вся техническая беспомощность этих народов. Их кузнецы не додумались даже до того, чтобы собственные орудия сделать из железа. Молот и наковальня представляют собою камни, а щипцами часто служат ребра пальмового листа.

Несмотря на такую техническую отсталость, многие первобытные народы своими убогими орудиями изготовляют предметы такого качества и обнаруживающие такой художественный вкус, что приводят нас в изумление. Это мыслимо лишь благодаря тому, что в зависимости от распространения того или другого вида сырья в данной местности определенные технические искусства культивируются односторонне, но вместе с тем широко, в особенности. плетение, гончарное искусство, резьба по дереву. Чего только тропические народы не выделывают из лыка и волокнистых веществ, которые они находят в своих лесах, из вязких трав и ситника — начиная от материй из коры и цыновок и кончая пепромокаемыми корзинами, чашками и бутылками? Чего только не делают жители индийского архипелага и восточной Азии из бамбука — от балок для постройки домов вплоть до посуды для сохранения воды и музыкальных инструментов? А как пышно развилась резьба по дереву у папуасов! И сколько терпения и выдержки требуют все эти изделия! На выделку одной из тех тонких цыновок, какие жители о. Самоа плетут из падануса, необходимо потратить иногда целый год. Чтобы сработать кусок материи из волокон Rafia на Мадагаскаре, затрачивают нередко несколько месяцев. Столь же долго продолжается выделка гамака у индейцев Южной Америки. Шлифовка и сверление кусочков молочно-белого кварца, которые одно бразильское племя носит на шее, составляет нередко продукт труда двух поколений.

Это приводит нас непосредственно к рассмотрению хозяйственной организации производства. Собственно профессиональных работников, за немногими исключениями, у нецивилизованных народов вовсе нет. Каждая семья собственным трудом должна удовлетворять этого рода потребности своих членов и удовлетворяет их; женщина производит все, что связано с растительным миром, мужчина выделывает оружие, орудия для охоты, рыболовства и скотоводства, производит предметы из костей и шкур животных и строит лодки. Обыкновенно мужчина также жарит мясо, сушит рыбу; на женщине же лежит еще трудная обязанность смолоть сжатый ею хлеб, далее — пивоварение, выделка и обжигание глиняных горшков, а в большинстве случаев и постройка хижины. Рядом с этими имеются еще и другие виды обрабатывающей промышленности, которые выполняются то одним, то другим полом, как, например: прядение, тканье, плетение, приготовление пальмового вина, материй из коры и т. п. Но в общем разделение областей труда проведено довольно строго; мало того, это разделение между полами простирается даже на потребление . . .

Необходимо отметить, что такой труд отдельных членов семьи, предоставленных собственным силам, не достаточен для удовлетворения всех потребностей хозяйственной жизни. В таких случаях, при работах, требующих больше сил, чем имеется в одной семье, прибегают, прежде всего, к помощи соседей, или же работа производится совместно всею сельской общиной. Так производится в Африке выкорчевание лесов для посевов, сооружение засек и рвов для поимки диких зверей, охота на слонов, в Полинезии — выделка больших рыболовных сетей, постройка обширных жилищ, печение хлебных плодов в общественных печах и т. п. Там, где существует родовой строй, имеется возможность умножения рабочих сил, которыми располагает хозяйство, а, следовательно, повышения производительности по сравнению с тем, что доставляет сила одного человека. Это особенно за-

метно там, где род покоится на полигамическом основании. Так как на женщине сыздавна лежала значительная часть производительного труда, то хозяйственная сила рода возрастала в тем большей степени, чем больше жен было у главы семейства. Кто не может купить себе жены, вынужден, в виду беззащитности каждого в отдельности, удовлетвориться приютом в родственной семье, глава которой соглашается купить ему жену; в других случаях он входит в чужой род в качестве крепостного или раба. С количеством жен увеличивается также и число детей, и, таким образом, в самом роде заключена способность естественного роста хозяйства. Он располагает многочисленными женскими и мужскими рабочими силами и может поэтому, смотря по потребностям и желанию, применять в одних случаях соединение, в других разделение труда.

Таким образом, в пределах каждого отдельного племени обработка и отделка сырого материала, вследствие того, что она производится каждым родовым хозяйством самостоятельно, не представляет возможности образования отдельных профессий. Правда, некоторые писатели, ссылаясь на рассказы путешественников, судивших лишь по внешним признакам, утверждали, будто у различных нецивилизованных народов существуют ремесленники. Так, указывали, что на некоторых островах Тихого океана встречаются особые плотники, строители лодок, бурильщики камней, специалисты по плетению сетей и резьбе по дереву. Однако, при более тщательной проверке этих указаний, они не подтвердились. Сомнение возникает относительно малайцев; впрочем, доказано, на мой взгляд, лишь существование туземных работников по металлу. В Африке только у полукультурных народов Судана имеются зачатки особого сословия ремесленников. Все же остальные случаи, где у нецивилизованных народов были обнаружены якобы профессиональные ремесленники, сводятся либо к тому, что путешественники случайно встречали отдельных, особенно искусных в какой-либо отрасли техники лиц, либо целые племена или местности преимущественно занимались каким-нибудь домашним производством, о чем подробно будет сказано ниже. Ремесла, развившиеся под влиянием европейцев, сюда, конечно, не относятся.

Напротив, между отдельными племенами именно в области обрабатывающей промышленности замечаются значительные различия. Можно даже утверждать, что почти каждое племя обладает излюбленной отраслью производства, в которой оно превосходит другие племена. Там, где имеется хорошая горшечная глина, женщины легко достигают значительной искусности в гончарном производстве; где есть железная руда, процветает кузнечный промысел; в изобилующих лесами местностях у морского берега — сооружение лодок. Особенность других племен и местностей составляет приготовление соли из растительной золы, пальмового вина, кожи или одежды из шкур, третьих — выделка тыквенной посуды, корзин, цыновок, тканей; но все эти искусства известны всякому мужчине или всякой женщине данного племени или данного места — и применяются ими; и если путешественники называют их кузнецами, солеварами, корзинщиками, ткачами, то это следует понимать в том же смысле, как если, говоря о наших крестьянах, мы называем их пахарями, жнецами, косарями, молотильщиками, смотря по тому, какую работу они исполняют в данное время. Здесь речь идет не о специальной профессии, которой посвящена вся жизнь человека, а о действиях, составляющих неот'-

емлемые части отдельного семейного хозяйства, что, конечно, не мешает отдельным лицам превзойти в данном искусстве своих соплеменников—совершенно так же, как среди наших крестьянок встречаются особенно искусные прядильщицы, или среди сельских хозяев — коневоды и пчеловоды, получающие премии на выставках.

Эта специализация в отношении промышленной техники у отдельных племен и селений нередко отмечалась путешественниками.

«Села туземцев, — пишет один бельгийский путешественник о нижнем Конго, — расположены группами. Жизнь их основана на взаимопомощи, и они до известной степени дополняют друг друга. Каждая группа имеет свою более или менее выраженную склонность: одна занимается рыболовством, другая изготовляет пальмовое вино. третья посвятила себя торговле и является для других банкиром, снабжающим их всем, что получается извне, четвертая оставила за собой обработку железа и меди и производит оружие для войны и охоты, утварь различного рода и т. п. Никто не в праве перейти за пределы своей специальности под страхом подвергнуться опозорению». Бастиан собщает о значительном числе таких мест производства определенных изделий в пределах домашнего хозяйства, которые он наблюдал на побережьи Лоанго. Можно было бы привести еще больше таких наблюдений и не только относительно Африки, островов Тихого океана, но также относительно Южной и Средней Америки.

———

К. Бюхер.

69. Меновые отношения малокультурных народов современности.

Торговля в политико-экономическом смысле, т.-е. правильная, профессионально-организованная покупка товаров с целью перепродажи их с барышом, у нецивилизованных народов совершенно отсутствует...

Первые путешественники, открывшие Австралию, все в один голос повествуют о том, что ни на материке, ни на близлежащих островах туземцы не имели понятия об обмене. Украшения, которые им давались, они оставляли без всякого внимания; навязанные им подарки были затем найдены разбросанными в лесах. Подобные же наблюдения недавно сделали Эренрейх и К°, фон-ден-Штейнен у индейских племен Бразилии. И все же здесь происходили оживленные сношения между племенами, благодаря которым горшки, каменные топоры гамаки, бумажные нитки, ожерелья из раковин и т. п. предметы переходили от одного племени к другому. Каким же образом это делалось при отсутствии обмена и торговли?

Загадка разрешается весьма просто. Переход предметов совершается путем дарения, а иногда — похищения, военной добычи, дани, имущественного штрафа, возмещения убытков или выигрыша. Среди членов одного и того же племени по отношению к пищевым продуктам господствует почти полное общение имущества; если зарезывается животное и об этом не сообщается соседу, или если кто-либо не приглашает прохожего принять участие в еде, то такой поступок приравнивается к воровству. Каждый может зайти в любую хижину и потребовать себе есть, и в этом ему никогда не будет отказано. В случае неурожая целые общины отправляются к своим соседям и остаются некоторое время на их иждивении. По отношению к утвари и оружиям

общераспространен обычай ссуды, превращающийся даже в обязанность. Частной собственности на землю не существует. Внутри племени, где все хозяйства производят одно и то же и в случае нужды помогают друг другу, где излишки никакого применения, кроме потребления их, не находят, не может возникнуть возмездного обмена предметов между отдельными хозяйствами; исключение составляет лишь покупка жен, уплата лекарю, певцу, танцовщику, музыканту — единственным представителям уже выделившихся профессий.

Между племенами существуют известные правила гостеприимства, почти однообразно повторяющиеся у всех первобытных народов. Чужеземец получает подарок, на который он через некоторое время также отвечает подарком, после чего при прощании ему снова дается подарок...

Благодаря этому обычаю взаимного дарения, редкие продукты какой-нибудь страны или искусные изделия какого-нибудь племени, передаваемые одним народом другому, могли совершать столь же далекие странствия от места своего возникновения, как и теперь путем торговли; это станет, может быть, более понятным, если мы вспомним, что таким же точно путем обошли полмира легенды и сказки...

У некоторых нецивилизованных народов сохранились своеобразные обычаи, которые наглядно представляют, как совершился переход от дарения к обмену. У племени диери в центральной Австралии мужчина или женщина за подарок принимает на себя обязанность достать дарителю предмет, который он желает получить в качестве ответного подарка, пойти за него на охоту или исполнить какую-нибудь работу. Обязавшийся называется «ючин» и носит для памяти до исполнения им обещанного веревку на шее. Обыкновенно требуемый предмет нужно достать издалека. В Новой Зеландии жители берегов реки Вангаи массами ловят попугаев, жарят их и приготовляют в жиру, чтобы получить за них от туземцев, живущих в других частях острова, сушеную рыбу и другие предметы в качестве ответных подарков. У индейских племен в центральной Бразилии обмен сохраняет еще характер обмена подарков, а племя бакаири переводит португальское слово comprar «покупать» словом, обозначающим «садиться», ибо гость должен был сесть, чтобы получить подарок. В Судане принято посылать гостю подарки на дом, и эти подарки нередко бывают очень кстати. Но при всяком посещении более или менее большого города часто присылаются и бедными и богатыми такие вещи, которые как будто бы посланы лишь для выражения почтения белому, но на самом деле доставляются лишь по той причине, что даритель ожидает получить в ответ на них от щедрого европейца в три и четыре раза больше.

Когда обмен возник, то и тогда он еще долго сохраняет печать своего происхождения в правилах, которыми он обставлен и которые непосредственно заимствованы из обычаев, установившихся для дарений. Это прежде всего проявляется в общераспространенном у первобытных народов обычае предварительной уплаты. Лекарь не тронется с места, чтобы помочь больному, прежде чем окружающие не уплатят ему гонорара и он не выразит ясно своего удовлетворения. Купля-продажа не считается совершенной, пока покупатель и продавец при свидетелях не об'явят, что остались довольны полученным...

С течением времени при обмене между отдельными племенами возникают специальные институты, которые должны облегчать совершение обмена. Важнейшие из них — рынок и деньги.

Рынки повсюду — у негров, индейцев, жителей Полинезии — устраиваются на порубежной черте, отделяющей территории двух племен, на открытых местах, нередко среди девственного леса. Они являются нейтральными местами, где должна умолкнуть всякая племенная вражда; кто нарушает мир на рынке, подвергается самым строгим карам. Каждое племя доставляет на рынок те предметы, которыми оно славится: одно — мед, другое — пальмовое вино, третье — сушеное мясо, четвертое — глиняную посуду, либо железную утварь, либо цыновки, либо ткани. Цель обмена — приобрести продукты, которые или совсем не производятся собственным племенем или выделываются здесь хуже, чем у соседей. Это приводит к тому, что каждое племя старается производить в избытке те именно продукты, которые другими племенами не выделываются и особенно высоко ценятся, ибо в обмен на них легче всего приобрести то, чего у данного племени нет и что в избытке производится другими племенами. Но внутри одного и того же племени все хозяйства изготовляют один и тот же излюбленный, ходкий на рынке товар. Вследствие этого, когда речь идет о производстве таких вещей, как гончарные изделия или предметы из коры, целые деревни или племенные области производят на путешественников впечатление промышленных округов, хотя здесь нет профессиональных ремесленников, и каждая семья производит сама все, что ей нужно, за исключением немногих предметов, изготовляемых другими племенами, к которым уже привыкли и которые приобретаются путем обмена, заполняющего, однако, лишь пробел в собственном производстве.

Такой упрощенный характер имеет рынок у первобытных народов. Но перейдем к рассмотрению денег. Как много писалось о различных видах денег у первобытных народов, сколько гипотез строилось по этому поводу, и как просто раз'ясняется их возникновение! Деньгами для каждого племени является тот товар, который не производится самим племенем, но который оно регулярно получает в обмен от иноплеменников. Этот товар естественно становится для племени всеобщим орудием обмена, за которое оно отдает свои продукты; этот товар является для племени мерилом ценности, им оно измеряет собственное имущество, которое никак иначе не может быть оценено; в этом товаре племя усматривает свое богатство, ибо не может произвольно увеличить его количество; этот товар становится, наконец, средством передачи ценностей и между единоплеменниками, ибо, вследствие своей редкости, он для всех одинаково дорог. Вот почему путешественникам так часто приходилось наблюдать то явление, что у каждого племени, иногда в каждом селе, были в ходу другие деньги; тот или другой сорт раковин, жемчуга или бумажной ткани, за который сегодня можно купить все, что угодно, уже на месте следующего ночлега никем не принимается, и поэтому путешественники вынуждены предварительно приобрести местный ходячий товар, прежде чем покупать что-нибудь на рынке. В связи с этим находится и другое явление, что дары природы, встречающиеся лишь в немногих местах, как-то: соль, семена кола, раковины улиток каури, медные слитки или редкие произведения, как-то: проволока из латуни, железные лопаты, глиняные чашки, предметы из коры, — у мно-

гих племен, не имеющих таковых, принимаются в качестве денег. Этим же об'ясняется и общеизвестный факт, что предметы междуплеменного обмена, как, например, привезенные из Европы бумажные ткани, ружья, порох, ножи, становятся всеобщими орудиями обмена.

Таким образом, некоторые виды денег приобретают довольно обширные районы обращения; они проникают также во внутренние сношения между единоплеменниками и употребляются при покупке жены, уплате виры, податей и т. п.; некоторые договоры заключаются только на эти деньги. Но мы не имеем еще примеров того, чтобы нецивилизованный народ помимо влияния европейцев ввел у себя единую монетную систему, установленное законом платежное средство для обязательств всякого рода и размера.

———

К. Тахтарев.

70. Меновые отношения среди кочевников.

Семейная община, при условии достаточного количества свободных кормовых пространств, ведет свое хозяйство совершенно самостоятельно и с хозяйственной стороны может представлять собой во многих отношениях самодостаточную экономическую единицу. Недостающие ей предметы, которые ее члены не в состоянии изготовить сами, она может получить посредством обмена, который наблюдается даже и при бродячем охотничьем образе жизни, даже между тотемическими группами палеолитического человека Австралии, и еще более распространен среди кочующих пастушеских племен, различные семейные общины которых при своих передвижениях нередко сталкиваются и входят в общение друг с другом. Главное богатство семейных общин любого пастушеского племени составляет их скот, который они считают не редко сотнями и даже тысячами голов. Скот и служит главным предметом обмена у кочевых скотоводческих племен. При развитии обмена скотом, различные прирученные животные служат своего рода денежными единицами. Мелкий скот служит мелкими единицами, крупный—крупными. Так как скотоводческое богатство у всех пастушеских племен исчисляется числом голов мелкого и крупного скота, которым обладают различные семейные общины, то их стада приобретают характер первобытного капитала. Такое значение скот имеет у современных скотоводческих племен, и точно такое же значение он имел у древних народностей в то время, когда они существовали преимущественно скотоводством. Недаром древне-римское название денег (pecunia) происходит от слова скот (pecus), а латинское название капитала (capital) происходит от латинского слова «caput», т.-е. голова. Само собой ясно, о какой голове в данном случае идет дело, так как богатство скотоводческих племен считается по числу голов крупных и мелких животных.

———

К. Тахтарев.

71. Имущественное неравенство и рабство у кочевников.

Недостаток скота у какой-нибудь семейной общины, чем бы ни был он обусловлен, всегда побуждает ее членов, и в особенности ее главу, заведывающего ее скотоводческим имуществом, пытаться по-

лучить необходимых животных всякими способами, так как известная численность членов любой скотоводческой семейной общины всегда требует наличности стада соответствующей величины. Скот может быть добыт или посредством обмена на какое-нибудь другое имущество, принадлежащее данной семейной общине, или посредством обмена на самих ее членов, отдаваемых на сторону в качестве жен и работников, или посредством ссуды, с закладом или без заклада, или, наконец, посредством угона и похищения чужого скота, т.-е. его воровства. Угон, похищение и воровство чужого скота весьма распространены среди многих скотоводческих племен, страдающих от недостатка кормовых пространств, а, следовательно, и от недостатка животных, необходимых для обеспечения существования отдельных семейных общин. Так как скот служит главнейшим средством жизни кочевых пастушеских племен, то похищение скота является самым главным видом преступлений, а затем скота — самым обычным видом ссуд. Имущественное положение любой скотоводческой общины определяется численностью принадлежащего ей скота, составляющего ее капитал. Величина этого капитала зависит, как сказано, от многих условий, которые могут способствовать как росту богатства, так и об'единению отдельных семейных общин. Бедные скотом семейные общины нередко бывают принуждены занимать скот у более богатых, от которых они, таким образом, становятся в зависимость. Ссуды скотом можно вернуть или скотом же, или каким-нибудь другим ценным имуществом, или людьми, или работой на заимодавца. Последний способ нередко наблюдается у пастушеских племен, у которых отдельные члены обедневших семейных общин, благодаря недостатку необходимых средств существования, видят себя иногда вынужденными обеспечивать свое существование, поступая работниками в более зажиточные общины, обладающие большими стадами и нуждающиеся в большем числе рабочих рук, чем они обладают в лице своих трудоспособных членов. Недостающее число рабочих рук может быть обеспечено и посредством рабов, которыми становятся военнопленные, получающие с развитием скотоводческого хозяйства некоторое экономическое значение. Впрочем, рабство у кочевых скотоводческих племен бывает обыкновенно развито очень слабо, хотя оно и хорошо известно им. Особое распространение рабство получает лишь с развитием земледелия и, в особенности, частного землепользования, требующего при некоторых условиях весьма значительного количества добавочных рабочих рук. И хотя библия повествует о значительном числе рабов, которыми владели главы отдельных семейных общин кочующих еврейских племен, научные исследования новейших этнологов, например исследования Нибура, показывают весьма убедительно, что рабство не имеет сколько-нибудь значительного распространения у кочевых пастушеских племен и встречается, главным образом, у тех из них, которые приходят в постоянное столкновение с племенами, уже перешедшими к оседлому, земледельческому образу жизни, или с народами, занимающимися торговлей. Так, согласно исследования Нибура, рабство, хотя и в небольших размерах, наблюдается у одних кочевых скотоводческих племен и совершенно не наблюдается у других. Оно наблюдается, например, у аравийских бедуинов и не наблюдается у индийских тодов. Наблюдается у некоторых кочевых африканских племен (у бедуинов, бени-амеров, сомали, туарегов и др.) и не наблюдается у многих племен банту (у амакозов, амазулу),

а также не наблюдается и у массаи, как не наблюдается оно у многих азиатских племен, в особенности у сибирских (у самоедов, тунгузов, кочевых коряков и др.). Причина малого распространения рабства у кочевых пастушеских племен, главным образом, состоит в том, что пастушество, составляющее главное дело скотоводческих племен, не требует большого количества рабочих рук, а требует, главным образом, надзора за животными, а для этого дела у всякой семейной общины бывает достаточно и своих собственных сил. Домашнее хозяйство ведется, главным образом, женщинами, которым помогают дети. А бывающий иногда спрос на рабочие руки у наиболее богатых скотом семейных общин легко покрывается предложением рабочих рук членов других почему-либо обедневших семейных общин, нуждающихся в средствах существования. Поступающие для работы к более зажиточным своим соплеменникам и сородичам, подобные работники уничтожают всякую потребность в рабах. И если рабство все же наблюдается у некоторых кочевых пастушеских племен, то и у них оно не имеет сколько-нибудь существенного значения, так как женщины и обедневшие сородичи и соплеменники с успехом заменяют рабов. У тех пастушеских племен, у которых встречается рабство, рабы обыкновенно имеют значение лишь для большего обеспечения чисто личных и домашних потребностей. Женщины-рабыни обыкновенно служат наложницами и помогают в домашнем хозяйстве, к которому обыкновенно приспосабливаются и мужчины-рабы, которых наиболее богатые и влиятельнейшие главы семей держат скорее как излишнюю роскошь, или из тщеславия и чванства, чем из-за действительной необходимости, если не считают таковою желание облегчить труд хозяйничающих женщин или освободить их вовсе от всякого труда, свалив труд женщин в особенности жен старейшин, пользующихся особой любовью мужей—на рабов.

———

Г. Обермайер.

72. Культура конца неолита.

Бросая теперь общий взгляд на жизнь Европы в неолитический период, мы видим развитие в те времена высокой культуры, в которой участвовали, без сомнения, не одна, а несколько различных групп народностей.

Что касается образа жизни тогдашнего населения, то ясно, что обладание домашними животными и культурными растениями, а равно использование лугов и лесов доставляло им достаточное пропитание. Для одежды у них имелись шкуры и тканые льняные и шерстяные материи; шея, руки и ноги украшались разнообразными подвесками и амулетами. Встречаются и настоящие серьги, а также украшения для щек и для губ в виде двойных пуговиц . . .

У мужчин, кроме одежды и украшений, имелось еще и оружие, состоявшее из каменного топора, молотка или дубины, кинжала и копья, щита, лука и стрел. Для того, чтобы не испытывать обратного удара тетивы, у основания большого пальца прикреплялась угловатая каменная пластинка.

В изделиях керамики и мелкой скульптуры сказывался весьма сильно художественный вкус, а долмены и мегалитические сооружения являются неизменными свидетелями того, что в значительной

части Европы, правда, лишь в течение известного времени, практиковалась в грандиозных размерах и архитектура.

То, что доставлялось отдельными странами из естественных продуктов, в большинстве случаев уже широко использовалось; так, напр., медь в Испании, южной Франции, в Англии, в альпийских областях и в Венгрии, соль, находимая в зальцбургских Альпах и в низовьях Заалы. Но там, где данная область не давала поселенцам в достаточной степени необходимых для них продуктов, устанавливалась уже энергичная меновая торговля. Изобиловавшие камнями области доставляли кремень тем областям, в которых его было мало. Скандинавские острова находились в торговых сношениях не только со шведским и средне-европейским материком, но и с Англией и с остзейскими провинциями России. Таким образом, можно понять перенесение некоторых своеобразных типов долменов через обширные северные страны, существование шведских молотков из шифера в Тюрингии, изобилие ютландского янтаря в Дании и Швеции. Южная Европа имела разнообразные и тесные сношения с Востоком, — так, Греция и острова Эгейского моря находились в сношениях с Малой Азией и Кипром, Испания стояла в связи с ближайшими областями Африки, доставлявшими ей предметы из слоновой кости, изукрашенные страусовые яйца и мелкие небольшие каменные сосуды. Каменные чашечки для притираний, по стилю совершенно тождественные с теми, которые клались в гробы древним египтянам, доходили вплоть до южной Франции; некоторые из таких экзотических продуктов, в качестве редких отдельных находок, попадаются даже в самом сердце Европы; так, в Тюрингии встречаются раковины из Красного моря и африканская слоновая кость. В качестве «торговых путей» для Европы имели значение прежде всего сухопутные пути, из коих важнейшим был путь от Балканского полуострова вверх по Дунаю в область Молдавы и Эльбы. По этому пути распространялись идолы из Эгейского моря и разрисованные глиняные сосуды, доходившие вплоть до Богемии и Моравии, по нему же золото и медные топоры попадали из Венгрии вплоть до Швеции, где такие топоры неоднократно воспроизводились из камня. Второй путь проходил от Черного моря вдоль по Днестру и Висле к Балтийскому морю, и, наконец, третий шел от западного Средиземного моря вверх по Роне в область долины Сены и Рейна. Не менее важным был и «западный океанический» путь. Он шел с Востока и от его островов вдоль северно-африканского берега к западу через Средиземное море которое потому и богато так долменами, тогда как северные берега вместе с Италией ими гораздо беднее; далее он переходил Испанию и вдоль берегов Атлантического океана шел в северную Францию, Англию, северную Германию и Скандинавию... Было бы, однако, ошибочным думать, что это были правильно организованные международные торговые пути. Обмен товарами происходил не на основании сделанных заранее торговых расчетов, а велся чрезвычайно медленно, от племени к племени, путем ряда обменов, из коих извлекали непосредственную пользу каждый раз лишь два соседние, вступающие в обмен племени. Лишь с Эгейскими островами и с богатой медью и оловом Испанией развившийся ранее Восток искал, повидимому, уже непосредственных торговых связей и поддерживал таковые, почему здесь его влияние и сказывается вполне определенно.

Относительно социальной жизни людей неолитического периода можно сказать с полной уверенностью лишь то, что они жили оседло, образуя тесно связанные племена или роды. Это подтверждают мегалитические гробницы, в которых хоронились представители родов или племен, и замкнутые кладбища.

К. Тахтарев.

73. Происхождение сельской общины.

Первоначальное залежное земледелие и вольно-захватное пользование землей, не допускающее сколько-нибудь значительной плотности населения занятой племенем области, побуждают его хозяйственные единицы, отдельные семейные дворовые общины различных родов расселятсья по всей племенной территории. Наиболее удобные для земледелия местности, изобилующие различными угодиями, естественно привлекают к себе переселенцев. То же самое можно сказать и про места, изобилующие животной пищей, каковы большие озера и реки, около которых находятся плодоносные заливные луга. Около этих мест скоро начинают ютиться поселки, выселки различных родов, границы областей которых очень часто бывают весьма неопределенны.

Образовавшиеся в этих местах поселки часто приходят в соприкосновение и начинают сообща пользоваться находящимися в них угодиями, лугами, лесами, пахотными, сенокосными, выгонными и другими местами, равно как и лесосеками, рыболовными местами и проч. Совместное пользование всеми подобными местами делает их общими для всех скучившихся в них, соседящих поселков ... На почве подобного совместного пользования различными угодиями возникают самые различные формы соседских общин, т.-е. добровольных союзов отдельных соседящих поселков, владеющих сообща теми или иными угодиями.

Эти соседские общины, как таковые, имеют характер чисто земляческий, территориальный. На ранней ступени общественного развития они могут образовываться как поселками или семейными общинами одного и того же рода, так и поселками различных родов. Последнее наблюдается обыкновенно там, где угодья, которыми пользуются соседние поселки, расположены на границах родовых областей. Там этими угодьями естественно пользуются поселки различных родов. В этом случае чисто земляческий, территориальный характер соседской общины проявляется особенно ясно и не затушевывается никакими родовыми отношениями. Членов таких соседских общин связывают не родовые, а соседские, земляческие, территориальные отношения. Их об'единяют не узы кровного родства, а земляческое начало соседства, которое в данном случае становится на место прежнего родового начала.

Соседская поземельная община служит основою совершенно нового общества, общества чисто территориального, которое становится на место прежнего родового. Развитие новых поземельных отношений соседского характера разлагает самую основу прежнего родового строя, который с развитием соседских, земляческих отношений теряет всякую почву для своего существования. Существует, ко-

нечно, не мало и других обстоятельств, которые способствуют разложению родового строя и исчезновению родового общества. Этому способствуют и столкновения чуждых племен и их смешение друг с другом, которое делается возможным только после окончательного перехода к оседлости, когда племя, перешедшее к сельскому образу жизни, уже не покидает своей территории даже и после завоевания ее каким-нибудь другим племенем, по необходимости смешиваясь с завоевателями. Этому способствует и всякое внедрение чужаков и инородцев, которые почему-либо бегут из своих родовых областей и поселяются в области чуждого им рода, отдаваясь под покровительство его властей. Но главное значение и силу в данном случае имеет, конечно, образование соседских земляческих общин, растворяющих прежние родовые связи и отношения.

———

Ю. Липперт.

74. Возникновение частной собственности.

Не мало разносится по свету ложных суждений, приписывающих экономические отношения моральному состоянию людей и врожденным чертам «народного духа», между тем как последние, наоборот, являются лишь отражением первых. «Гостеприимство», часто описываемое такими яркими красками у полудиких народов, не есть народная добродетель; оно есть только проявление их экономического состояния. Оно является необходимым, как единственно развившаяся форма жизни на чужбине, и излишество его возможно лишь при недостаточной оценки собственности. Всякий, не колеблясь, отдает все, что имеет, так как не придает значения запасам. Но зато никто не бывает настолько горд, чтобы не желать и не выпрашивать у других все необходимое ему. Новозеландские дикари были крайне раздражены тем, что европейцы не хотели отдать им черепаху, которой сами не ели в тот момент. Легкость, с какой люди дают и берут, просят сами и исполняют чужие просьбы, часто указывает только на низкую ступень развития понятия о собственности, и далеко не всегда — на доброе сердце...

Запасы пищи, во всяком случае, не могли послужить исходной точкой для возникновения понятия о собственности. Иначе обстояло дело относительно о р у д и й, хотя бы и самых простых, которые были для человека в одно и то же время и орудием и оружием. Таковы заостренная палка и простой или обделанный камень. Чем менее было у человека запасов пищи, тем более он должен был быть всегда наготове, чтобы добыть ее себе. Поэтому орудия и оружие он должен был всегда носить с собой. Пока ими служили только необработанный камень и палка, сохранение именно того или другого экземпляра не имело особого значения: их можно было найти повсюду. Но как только появилась даже самая незначительная их отделка — оббивка краев камня, снабжение палки зубом или осколком камня, — орудия приобрели для человека индивидуальную ценность, и он перестал отдавать и обменивать их с такой же легкостью, как раньше. Древне-немецкое слово Munt означает в одно и то же время и руку и обладание предметом. Вместе с некоторыми римскими ана-

логиями, это напоминает нам время, когда сфера владения охватывала лишь предметы, которые можно было держать в руках.

С тех пор эти первобытные орудия, даже в позднейшей своей форме, все еще пользуются особым почетом сравнительно с другими предметами собственности. Они считались и до наших времен, даже в зачаточном виде, знаками отличия человека и носились на теле. К древнейшим предметам собственности принадлежат посох, копье, меч, молот, топор и нож. Менее сроднился человек с луком и стрелами. Переживание древних времен составляет карман для ножа и вилки в панталонах эгерландского крестьянина.

Этих орудий было достаточно непритязательному человеку того беспечного времени для добывания себе пищи. Только для сохранения питья, отсутствие которого так болезненно чувствовалось человеком, недостаточно было пригоршни, и потому к названным орудиям вскоре присоединился сосуд для питья, «скорлупа», в самом широком смысле слова: яйцо страуса, кокосовый орех и тыква — на юге, череп и олений рог — на севере. Если считать меч представителем оружия того времени, то «меч и чаша» обозначают вполне особый, первобытный тип предметов собственности: они превратились в принадлежность человека, как бы срослись с ним.

Мимоходом мы должны еще обратить внимание читателя и на тот факт, что рано наступившее раздвоение мужского и женского промыслов постепенно привело к развитию двух типов первобытной собственности: полевая мотыга постепенно отделяется от боевого топора, палка для копанья — от копья. Кроме того, появляется жернов и, еще позже, орудия для добывания огня.

К этим двум группам необходимых орудий присоединяются украшения, в одинаковой мере у обоих полов. У первобытного человека они связаны теснее и непосредственнее с телом, чем в позднейшее время. Мы уже видели это в первом отделе, в истории украшений. Их носят прямо на теле и рассматривают как часть его.

Этими предметами исчерпывается сфера владения первобытного человека. Но они находятся с ним в такой тесной связи, так срослись с ним, что почти неотделимы от него. Когда к понятию о владении присоединяется еще культ, самое владение становится в этом случае непроизводительным: собственность не увеличивается, не накопляется, она должна каждым приобретаться вновь и всегда уходит вместе с человеком в могилу.

———

А. Тюменев.

75. Возникновение частной собственности на землю.

Позднее всего развивается земельная собственность. Представление о собственности на землю менее всего могло сложиться у первобытного охотника, постоянно менявшего свое местопребывание. Землей непосредственно он не пользовался, и потому она и не представляла в его глазах никакой ценности. Однако, чем более росло население, тем теснее становилось отдельным группам охотников внутри их охотничьей территории, тем труднее было добывать им необходимую пищу. Каждая отдельная орда начинает поэтому предъявлять права на известный район охоты, куда старается не допускать

соседей. Право орды на район охоты не представляет еще, впрочем, собственности на землю, но лишь на обретающуюся в районе ее дичь. Такое же право на пастбища всей родовой общины существует и среди скотоводов. И у этих последних признается, однако, лишь родовая или племенная, но не частная собственность на пастбищные земли. Пастбища, как мы уже знаем, остаются в общей собственности рода и после того, как стада перешли уже в собственность отдельных семейных общин. Примитивное земледелие еще менее, чем скотоводство, могло послужить основой для возникновения частной собственности на землю, так как и само это земледелие не было еще оседлым. После нескольких посевов почва истощалась, и тогда ее покидали и переходили на новое место. Право собственности ограничивалось поэтому лишь посевами, но не распространялось на самую землю. На описываемой ступени развития существовала, таким образом, только общественная, но не частная собственность на землю.

С появлением частного имущества возникает и имущественное неравенство. Пока собственность ограничивалась предметами вооружения или украшения, имущественное неравенство не могло еще иметь большого значения. Совсем другое дело у скотоводов. Там, где все благосостояние человека зависит от числа принадлежащих ему голов скота, естественно, и имущественное неравенство приобретает исключительное значение. Вот почему только у пастушеских народов впервые выступает различие между имущими и неимущими, между богатыми и бедными.

———

К. Тахтарев.

76. Развитие рабовладения.

Захватное землепользование очень благоприятствует развитию рабства, так как захваты новых участков требуют новых рабочих рук. А их очень часто недостает тем семейным общинам или дворам, которые стремятся захватить как можно больше земель, необходимых для лучшего обеспечения своего дальнейшего существования. Эти стремления проявляются особенно сильно семейными общинами или дворами различных лучших людей, старейшин, князей, военачальников, которые пользуются военнопленными как рабами для удовлетворения своих хозяйственных нужд в добавочных рабочих руках. Эти добавочные рабские, рабочие руки при наличности свободных для занятий земель дают возможность различным влиятельным людям захватывать очень значительные земельные пространства, которые они стремятся удержать за собой и не только удерживают, но и передают по наследству своим потомкам. На этой почве впервые возникает внутри племенной территории в пределах большой поземельной общины — волости или вечевой земли частно-наследственное землевладение, первоначальное развитие которого связано с распространением рабства.

Нибур совершенно правильно считает основным условием развития рабства существование многоземелья, большого количества земель, захватываемых под обработку. Их обработка требует большего количества рук, которых часто недостает для обработки земли, в особенности там, где она захватывается с этой целью в бо́льших разме-

рах, чем она может быть обработана членами даже весьма многолюдной семейной общины. Потребность в дополнительных рабочих руках особенно сильно чувствуется многоземельными дворами различных влиятельных людей, родовых старейшин, князей, военачальников, которые стремятся всегда захватить возможно большее количество земли для обеспечения своего благосостояния. Эта потребность в дополнительных рабочих руках до начала разложения первоначальной поземельной общины, обезземеления земледельцев, развития крепостничества и появления наемного труда может быть удовлетворена лишь посредством подневольного труда порабощенных людей, военнопленных, иноплеменников и малосостоятельных соплеменников, попадающих в зависимость от более состоятельных и влиятельных по целому ряду причин экономического и правового характера. Вот почему мы видим, что дворы различных «лучших» людей первоначального территориального общества бывают полны не только рабочим скотом, но и рабами, как об этом повествуют первоначальные летописи различных народов.

П. Милюков.

77. Разложение рода у западных славян.

Разложение родовых порядков началось у славянства очень рано. В самых этих порядках уже заключались зародыши их разложения. Семьи, из которых выбирались главари братств и племен, рано выделились над остальными, и самая должность главаря все чаще стала передаваться по наследству членам этих первенствующих семей. Вместе с тем и выбор главаря все более становился простой формальностью или, как это было у древних хорватов, заменялся жребием, который кидали между собой несколько знатнейших фамилий. «Староста — это благороднейший в деревне» — так определяет древнюю выборную должность старинный польский сборник законов, составленный в XIII столетии. Таким образом, над всем составом населения возвысился мало-по-малу ряд отдельных фамилий.

Одновременно с этим выделением аристократических родов из состава племени происходила другая важная перемена, еще сильнее повлиявшая на разрушение древнего родового строя. Как ни упорно держались племена за свою самостоятельность, но все же наступили обстоятельства, при которых им пришлось поступиться ею. Очутившись после переселений в соседстве с правильно организованными государствами, какими была Византия и сделалась Франкская монархия, славянские племена должны были поневоле соединиться в интересах самосохранения, чтобы дать этим соседям более сильный отпор. Таким образом, напр., мелкие племена в низовьях Эльбы составили два значительных союза — лютичей и оботритов. Ни один из этих союзов не выработал, однако, сильной центральной организации, чем в значительной степени об'ясняется и неудача их в борьбе против онемечения. У южных славян происходили подобные же перемены. Так, над жупанами или воеводами Хорватии возвысился один из них — на северной окраине с титулом «бан», на южной — с титулом «кнез» и с еще более значительной властью. Уже в X веке жупаны перестали быть равноправными с «кнезом» и превратились в его подчиненных.

Точно так же над жупанами Сербии возвысился «великий жупан»; этим титулом государи Сербии называли себя еще в конце XII века, при Стефане Немане I.

Усиление княжеской власти помогло племенной аристократии выделиться окончательно в особый класс. Потеряв свою политическую независимость, жупаны собрались около князя в виде княжеского совета, и совет этот мало-по-малу оттеснил на второй план племенные народные собрания. В своей жупе выборный жупан явился в новом звании — королевского чиновника и наместника: кастеляна, коморника, ловчего, как стали его называть в Польше и Чехии. Связь с жупой сохранялась теперь лишь в том смысле, что начальником ее назначался обыкновенно представитель наиболее значительного в этой жупе панского рода. С конца XIII столетия в Чехии старое деление на жупы окончательно было заменено новым делением на «края»; средоточия управления были вместе с этим перенесены большею частью на новые места, и начальниками «краев» явились вместо жупанов чиновники — «консулы» и «крайские кметы».

В. Ключевский.

78. Разрушение рода у восточных славян.

Повидимому, в эпоху расселения родовой союз оставался господствующей формой быта у восточных славян. По крайней мере «Повесть временных лет»[1] только эту форму изображает с некоторой отчетливостью: «живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим». Это значит, что родственники жили особыми поселками, не вперемежку с чужеродцами. Но это едва ли были первобытные цельные родовые союзы: ход расселения должен был разбивать такое общежитие. Родовой союз держится крепко, пока родичи живут вместе плотными кучами; но колонизация и свойства края, куда она направлялась, разрушали совместную жизнь родичей. Расселяясь по равнине, восточные славяне заняли преимущественно лесную ее полосу. К ней относится замечание Иорнанда, который, описывая пространство к востоку от Днестра, по Днепру и Дону, говорит, что это весьма обширная страна, покрытая лесами и непроходимыми болотами. Киев возник на южной опушке этого громадного леса. В этом пустынном лесистом краю пришельцы занялись ловлей пушных зверей, лесным пчеловодством и хлебопашеством. Пространства, удобные для этих промыслов, не шли обширными сплошными полосами: среди лесов и болот надобно было отыскивать более открытые и сухие места и расчищать их для пашни или делать в лесу известные приспособления для звероловства и пчеловодства. Такие места являлись удаленными один от другого островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы и ставили свои одинокие дворы, окапывали их и расчищали в окрестности поля для пашни, приспособляя в лесу борти и ловища. В пределах древней Киевской Руси до сих пор уцелели остатки старинных укрепленных селений, так называемые городища. Это обыкновенно округлые, реже угловатые пространства, очерченные иногда чуть заметным

[1] Так называется древнейшая славяно-русская летопись.

валом. Такие городища рассеяны всюду по Приднепровью на расстоянии 4—8 верст друг от друга. Их происхождение еще в языческую пору доказывается соседством курганов, древних могильных насыпей. Раскопка этих насыпей показала, что лежащих в них покойников хоронили еще по-язычески. Не думайте, что эти городища — остатки настоящих значительных городов: пространство, очерченное кольцеобразным валом, обыкновенно едва достаточно, чтобы вместить в себе добрый крестьянский двор. Как возникли и что такое были эти городища? Я думаю, что это остатки одиноких укрепленных дворов, какими расселялись некогда восточные славяне и на которые указывает византийский писатель Прокопий, говоря, что задунайские славяне его времени жили в плохих, разбросанных поодиночке хижинах. Такие одинокие дворы или, говоря иначе, однодворные деревни ставили славянские поселенцы, селясь по Днепру и по его притокам. Такими однодворными деревнями впоследствии и колонизовалось верхнее Поволжье. Дворы окапывались земляными валами, вероятно с частоколом, для защиты от врагов, а особенно для обороны скота от диких зверей...

Такой ход расселения неизбежно должен был колебать крепкие дотоле родовые союзы восточных славян. Родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старшины и на нераздельности родового имущества. Родовой культ, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры. Но власть старшины не могла с одинаковой силой простираться на все родственные дворы, разбросанные на обширном пространстве среди лесов и болот. Место родовладыки в каждом дворе должен был заступить домовладыка, хозяин двора, глава семейства. В то же время характер лесного и земледельческого хозяйства, завязавшегося в Поднепровье, разрушал мысль о нераздельности родового имущества. Лес приспособлялся к промыслам усилиями отдельных дворов, поле расчищалось трудом отдельных семейств; такие лесные и полевые участки рано должны были получить значение частного семейного имущества. Родичи могли чтить общего родового деда, хранить родовые обычаи и предания; но в области права, в практических житейских отношениях обязательная юридическая связь между родичами расстраивалась все более.

---

79. Анимизм.

Люди эпохи палеолита тесно связывали свою жизнь с жизнью окружающего их животного мира. Отсюда их тотемические верования. Но эти верования вначале носили характер магических верований. В основе магии лежит глубокая уверенность в том, что существует какая-то невидимая сила, которая связывает между собою все существующее. Благодаря этой связи можно воздействовать на один предмет при помощи другого. Такого рода воздействие составляло основу чародейства, колдовства. Рисуя на стене пещеры изображение оленя, люди воображали, что тем самым они получают власть над настоящим оленем, так как, благодаря всеобщей связи между явлениями, всякое действие над изображением зверя будет действием и над самим зверем. Протыкая изображение своего врага, дикарь полагал,

что наносит ему смертельный удар. Произнеся заклинание над ногтем или волосом человека, колдун, по мнению человека палеолита, тем самым приобретал над ним власть. Но, конечно, не всякому это было доступно, а лишь тем, которые обладали чудесною способностью воздействовать на силу, разлитую во всем мире и все между собою связующую.

Вначале представление об этой силе было очень туманно[1]. Но в конце концов оно вылилось в форму анимистического мировоззрения. Дикарь стал всюду и везде видеть духов, деятельностью которых он об'яснял все явления природы и всю жизнь людей. Духи живут на небе и приводят в движение светила небесные, ветер, облака, посылают дождь и снег, жару и холод. Духи живут в растениях и животных. Духи обитают в воде, в пещерах, на горах, словом везде и всюду. В самом человеке живет дух, это его душа. Пока дух связан с телом, он есть душа, но как только душа покидает тело, она становится духом.

Так, благодаря понятию духа, человек оживляет всю природу. Так неопределенная, бесформенная, таинственная сила — мана, как ее зовут полинезийцы — превратилась в массу всевозможных духов, которые, проникая в разные предметы, тем самым делают их живыми. В этом и заключается древний анимизм (от слова анима — душа). Анимизм вовсе не есть определенное систематическое учение о природе и человеке. Первобытный человек не способен был к систематическому мышлению. Анимизм — это определенный способ понимания всех явлений природы и человеческой жизни. Основная причина всего — духи и их деятельность. К такому пониманию древний человек пришел постепенно, истолковывая явления смерти, болезни, снов и сновидений. И когда в его голове утвердилась вера в души и духов, древняя магия приняла новый анимистический характер. Если раньше производили заклинания и иные чародейные акты, не мысля вмешательства духов, то теперь эти акты направлены были на то, чтобы так или иначе побудить духов произвести желаемое действие. Все современные религии, самые примитивные и самые культурные (христианство, ислам), выросли на анимистической основе. Лишь кое-где сквозь эту основу пробиваются отдельные прослойки древнего магизма.

———

Г. Кунов.

80. Возникновение понятия о душе.

Дикарь наблюдает как на человеке, так и на животном, убитом на охоте, что подвижное, живое до того времени тело, едва лишь вытечет теплая кровь и прекратится дыхание, цепенеет и холодеет,— становится неподвижным. В соответствии со своими чувственными восприятиями, он выводит из этого, что вместе с кровью или дыханием из тела улетучилось, т.-е. вышло то, что до того времени двигало тело. Но где теперь та жизнь? Дикарь не может понять того, что жизнь — это только функция тела и что вместе с ним она разрушается. Такое представление возникает только тогда, когда чело-

[1] Вспомните «ману» полинезийцев.

веческое тело подверглось точному изучению и когда познаны как условия жизни, так и жизненная деятельность внешних и внутренних органов.

Все дикие и полукультурные народы — совершенно естественно — дуалисты. Тело и жизнь (дух) представляют для них нечто совершенно различное, существующее одно возле другого, и притом тело само по себе неподвижно и бездеятельно. Оно становится живым лишь при том условии, если в него входит жизнь (дух) и «оживляет» его. Таким образом, дикарь прямо признает, что жизнь, вышедшая из умершего человеческого тела, сама по себе одна ведет обособленное существование и что все жизненные или духовные силы, которыми раньше обладал умерший, продолжают после того существовать в этой жизни (душе), вылетевшей из мертвого тела.

Это представление укрепляется благодаря тому, что в сновидении, — а большинство дикарей очень часто видит сны, — дикарь нередко встречается со своими скончавшимися родственниками или и сам совершает всевозможные действия. Но образы сна для него — не игра фантазии, а действительность. Как и некоторые суеверные культурные люди до сих пор верят, что умершие родственники, явившиеся им во сне, действительно их посетили, так и дикарь, увидев во сне умершего, верит, что у него был блуждающий дух (душа) последнего. И, если сам он действует в сновидении, то это об'ясняется для него просто тем, что обитающая в нем душа во время его сна вышла из него, чтобы в каких-либо других местах сделать то, что показал ему сон. Австралийскому негру, который видел во сне самого себя, никто не сумел бы втолковать, что ночью его душа не бродила по разным местам. Поэтому некоторые племена полагают, что лежащего в глубоком сне не следует будить слишком быстро: ведь может случиться, что его душа в отлучке и у нее не будет необходимого времени для того, чтобы возвратиться. А. Хауитт, один из лучших знатоков австралийско-негритянских племен, в своей книге об австралийцах рассказывает, что один курне, с которым он говорил о душах умерших, следующим образом обосновал свою веру в души: «И все же это так; потому что часто, когда я сплю, я иду в далекую страну, вижу других людей, вижу даже тех, которые давно мертвы, и говорю с ними».

Точно так же австралийский миссионер Джордж Теплин в своей работе о нарриниери, живущих по нижнему течению Муррея, рассказывает, что дикари в области его миссии никак не могли понять, что сновидения — только пена. Они не в состоянии провести разграничительную черту между своими снами и действительностью. Что переживалось ими во сне, это, по их мнению, действительно переживала их душа.

Эта вера в духов подкрепляется у туземцев благодаря тому, что среди них довольно часто случаются явления, сопровождающие лихорадку и столбняк. Не представляют ничего необычного случаи, когда вследствие большой потери крови, сильных ударов дубиной по голове, вследствие отравлений или продолжительного голодания туземец впадает в обморочное состояние или каталепсию, и, несмотря на все старания родственников и врачевателей (колдунов), его долго не удается пробудить, а потом он приходит в себя. Дикарь, который ничего не понимает в этих явлениях, приходит к выводу, что душа уже

уходила из тела, но в конце концов, по собственному ли побуждению или вынужденная приемами врачевателей, возвратилась в покинутое тело.

Н. Никольский.

81. Пережитки анимистического мировоззрения.

Чтобы характеризовать это мировоззрение, мы должны обратиться к продуктам народного творчества, к песням и сказкам. Современная крестьянка забавляет своего ребенка песенкой: «Сова ль моя совушка, вдова ль моя вдовушка, залесная барыня, Ульяна Степановна, где же ты живала, где же ты бывала? Живала я, совушка, бывала я, вдовушка, во темных лесищах, во сырых дуплищах; знают меня, совушку, знают меня, вдовушку, два луня белых, два друга милых. Стали сову сватать, сватов засылать, сову убирати, в лапти обувати, в лапати, в осметки, в онучи-отрепки, в платье рогожное, в ожерелье гороховое; ворон был поваром, сорока — стряпухой, по дворам летали, кур собирали, на свадьбу сзывали»... и т. д., но ее далекая прародительница и ее ближние вовсе не вкладывали в образы этой песни иносказательного содержания; нет, птицы, животные, деревья, всякое иное явление природы для них имело свою личную индивидуальность, имело те же нужды и обычаи, как и человек, вело такое же хозяйство. Между человеком и представителями всех трех царств природы происходит постоянный и взаимный обмен сношений; быть может, ярче всего представление о таких сношениях характеризуется известной сказкой о том, как мужик посылал козу за орехами, как она не возвращалась и как пропадали все посылавшиеся за ней звери и даже стихии (огонь), или аналогичной сказкой о том, как курица искала водички для умиравшего петушка, и речка послала ее к липке, липка — к девке, девка — к корове, корова — к сенокосам и т. д. Еще до сих пор олонецкий крестьянин, переезжая через озеро, грозит кулаком волнам, когда те вздымаются слишком высоко и грозят поглотить его лодку; еще до сих пор можно встретить поверье, что лучшее средство от вихря — бросить в него ножом, и тогда он улетит, оставив по себе следы крови. Поверья, песни и сказки этого рода — первые младенческие зачатки мифа; и как, напр., в эпоху феодализма миф изображает божество рыцарем или воином, так в эпоху первобытного охотничьего или пастушеско-земледельческого быта все явления природы, из среды которых впоследствии дифференцируются боги, тотемы и фетиши, живут жизнью, аналогичной жизни будущего «царя природы». Миф не останавливается на таких, в сущности, несложных явлениях, как взаимные встречи и разговоры. Если нет разницы по существу между человеком и представителями других царств природы, то не должно быть и границы, не должно быть преград к замещению представителя одного рода представителем другого рода, или, говоря проще, к оборотничеству и к необыкновенным рождениям, в которых, впрочем, с анимистической точки зрения нет ничего чудесного. Оборотничество — любимый мотив сказок; и если в них это свойство представляется уже исключительной способностью колдунов или особенно одаренных людей (хотя всякий человек может научиться науке оборотничества), то это указы-

вает на некоторую эволюцию в области народного религиозного мировоззрения, медленно совершавшуюся под влиянием изменения условий быта и накопления хозяйственного опыта, увеличивавшего запас знаний о природе. Корова, кабан, собака, даже бык могут родить человека; из яиц могут вылупиться мальчики, медведь жениться на девушке. Сказка заботливо прибавляет теперь, что родившиеся таким образом люди были богатыри, знавшие от рождения науку оборотничества, и что самое рождение их происходило при не совсем обыкновенных условиях. Трудно сказать, когда мифы о превращениях и необыкновенных рождениях приобрели в глазах рассказчиков такой характер сказок о необыкновенных происшествиях и необыкновенных людях; но и в современной своей форме они дают ясное представление о силе и яркости анимистического мировоззрения наших предков.

Славянский дикарь ближе всего и чаще всего сталкивался с лесными животными и птицами и с немногими прирученными им к началу рассматриваемой эпохи домашними животными. И славянский анимистический миф, естественно, с особой любовью останавливается именно на жизни этих животных. Бесчисленные сказки о куме-лисе, куме-волке, тетереве Терентии, медведе, вороне, воробье, собаке, кошке являются одновременно и религиозным мифом и естественной историей днепровского дикаря. Любопытно, что очень редки сказки о лошади: как известно, коневодство было боярским промыслом, для простого смерда почти недоступным; и характерно, что, когда конь является в сказке, он чаще всего представляется с чертами властности, силы, даже чародейства: свойства господина смерд или закуп переносил на животное. Эти черты коня в сказках свидетельствуют, что сказки, в которых является конь, более позднего происхождения сравнительно со сказками о других животных, где веет еще неподдельный бесхитростный анимизм. Звери и люди стоят на одной доске, взаимно помогают друг другу или хотят друг друга обмануть, или ведут друг с другом борьбу; не всегда при этом преимущество силы и благородства оказывается на стороне человека, даже с точки зрения известного примитивного мерила для определения степени нравственности поступков, какое просвечивает в сказках. Достаточно вспомнить сказку о том, как мужик два раза надул медведя, не располагавшего большими познаниями по сельскохозяйственной части; и обманутый лесной великан все-таки строго соблюл уговор, хотя мог бы одним ударом лапы совершенно безнаказанно укокошить продувного товарища по предприятию.

———

Н. Никольский.

82. Забота о мертвых.

Как только человек умирает, отделившаяся от него душа становится неуловимым, неизвестным, невидимым, а потому и опасным существом. Она на взгляд дикаря такое же полутаинственное существо, как и его тотемы и фетиши; но она может быть вдвойне и втройне опасна, так как в ней соединяются хитрость и ум человека с зверскими инстинктами животного и с знанием тайн, неведомых живому человеку. Отсюда страх перед мертвецом, составляющий еще до сих пор, и не только среди крестьян, главный составной элемент,

которым проникнуто чувство живого по отношению к мертвецу. Правда, современный человек об'ясняет этот страх благоговением, почтением к памяти умершего, наконец вообще страхом перед смертью, как всесокрушающей силой; но первоначальная, чисто анимистическая основа этого страха чрезвычайно ясно проглядывает во всех традиционных обрядах погребения. Белорусские похоронные обычаи, собранные Шейном, в этом отношении стоят почти на той же ступени, на какой находились обычаи наших предков; Белоруссиия — это уголок, где до сих пор живьем можно наблюдать анимистическую старину.

Заботы, вызываемые страхом перед душой мертвеца, начинаются еще до смерти умирающего. Важно не упустить душу из виду; для этого белоруссы еще до сих пор дают в руки умирающему свечу, и, как только он умрет, свечу тушат и смотрят, куда направляется дым: вместе с дымом летит и душа. Но душа может не сразу вылететь из тела. Если покойник остался с открытыми глазами, то это верный знак, что он высматривает себе новую жертву: одному ведь скучно. Поэтому, чтобы вскоре не умер никто из окружающих, покойнику спешат закрыть глаза. Теперь приступают к приготовлению покойника к погребению. Тело нужно для души; пока оно не уничтожилось, душа не отойдет от него и разделит его участь. Поэтому, чтобы избавиться от покойника и от страха перед ним, самое лучшее уничтожить тело: сжечь его, бросить в воду или спрятать (похоронить) под землю, навалив на могилу камень потяжелее. Такая первоначальная основа всех способов погребения уже вышла до некоторой степени из сознания днепровских дикарей к IX в., насколько можно судить по сохранившимся описаниям погребальных обычаев; но все обряды, связанные одною и тою же целью погребения в первоначальном смысле, остались в силе. Покойника обмывают и наряжают не свои, а чужие; домовье (у белоруссов) делают также чужие; хотя и со всяким почетом, но все-таки от покойника ведь хотят отделаться, а потому надо сделать все так, чтобы гнев его не обрушился на своих; к чужим, незнакомым он не пойдет. Свои, наоборот, берут на себя такую обязанность, которая скорее расположит покойника в их пользу: они поднимают причитания или голошенья над трупом, и покойник, слушая их отчаянные вопли, видит, как его любили, и, быть может, вспомнит об этих причитаньях в минуту гнева. Приготовив мертвецу «дом», «домовье», который представлял из себя, судя по раскопкам, просто выдолбленную дубовую колоду, покойника кладут туда, снабжая всем необходимым для беспечальной жизни: пищей, питьем, вещами, инструментами. Убрав и снабдив покойника всем необходимым, его кладут в красный угол и проделывают отверстие в двери или стене, чтобы душа могла свободно улетать или возвращаться к своему телу. Затем, по истечении известного времени (от трех до пяти дней), умершего выносят из дома и совершают последний погребальный обряд. Тут прежде всего обращается внимание на то, чтобы вынести покойника не через двери: иначе душа может вернуться и мучить живых. Для выноса умершего вынимают из стены несколько бревен и вытаскивают покойника через образовавшееся отверстие (так, по словам летописи, было вынесено и тело Владимира). Погребальная процессия направляется к костру или к месту погребения; в это время за душой трудно углядеть, и она может наделать бед: напасть на спящего или на ребенка и утащить их с собой. Поэтому, в Белоруссии еще до сих пор, когда

мимо несут покойника, всех спящих будят, а ребенку кладут в изголовье щетку и в ноги нож: душа испугается этих страшных предметов и не посмеет напасть на ребенка. С соблюдением всех этих предосторожностей, тело покойника предают погребению: или сжигают, или бросают в воду, или закапывают в землю. В последнем случае могилу «запечатывают» (этот термин до сих пор сохраняется в Белоруссии) большим камнем, чтобы покойники ни днем ни ночью не выходили оттуда. Но опять-таки родные при этом не бросают в яму земли, а предоставляют это делать чужим, «чтобы покойничек не сердился» на них. Погребение князей и бояр по существу не отличалось от описанного способа. Разница заключалась только в том, что покойника сжигали в ладье и, кроме пищи, питья, утвари, сжигали с ним коня, жену рабов; костер сжигали родственники, но так, чтобы покойник не знал, кто именно: поджигавший шел к костру задом. Изредка и знатных людей хоронили в земле; жена при этом зарывалась живою. Модификация представлений о душе выражалась при сожжении в том, что душа, как ветер или дым, легче и скорее всего достигнет того света в облаке дыма и костра; вместе с нею в этом дыме поднимутся и души всех сжигаемых живых существ и предметов.

Мертвый похоронен; что же будет с его душою далее? Самый первоначальный ответ на это был такой: его душа сгорела или «запечатана» вместе с телом. Но в интересующую нас эпоху первоначальный смысл сожжения или погребения уже утратился, душа не уничтожалась со смертью. О ее судьбе мы находим два цикла представлений: более примитивный, свойственный лесным дикарям, и более утонченный, свойственный князьям и дружине. Днепровские дикари отвечали на вопрос о судьбе души просто: она продолжает жить после смерти здесь же, на земле, и так же, как жил человек до смерти. Она принимает иногда вид животного, но может сохранить и вид человека. Белоруссы еще и теперь расскажут, как покойница мать приходила ночью в избу и кормила грудью ребенка, или как умерший ростовщик, не получив долга с одного мужика, пришел к нему в виде борова и утащил в возмещение долга шубу. В дни, когда поминают умерших, их можно видеть ночью: придут, с'едят хлеб, а то прямо опару из кадки. Можно встретить мертвеца на горе, если там хоронили мертвых; или в реке во время купания мертвец схватит за ногу и утащит на дно. Мертвецов надо кормить; если родственники этого не делают, то мертвецы наделают кучу неприятностей. Во время своих блужданий мертвец может устать; поэтому на перекрестках дорог обязательно надо поставить камень, чтобы покойники могли отдыхать. Подобно живым, они не прочь помыться в бане; для этого вечером, накануне поминок, для них надо истопить баню и приготовить воду; и горе живому смельчаку, который пойдет туда мыться в это время — покойники утащат его с собою. Покойники женятся и выходят замуж; поэтому на всякий случай умершую девушку или холостого парня одевают, как под венец. Нет никакого различия между мертвыми и живыми, кроме того, что мертвые гораздо сильнее живых. Для живого окружающая природа — загадка; мертвый постигает ее тайны. Он знает, как воскресить мертвого, знает чары, которыми можно нагнать или снять болезнь. И если какой злой мертвец повадится вредить живым, — одно только средство — отыскать его могилу, вырыть его труп и вбить ему прямо в сердце осиновый кол. В сказ-

ках встречаются, впрочем, и слабые намеки на представления о том свете. Мертвых хоронят в земле — следовательно, тот свет под землею, но ничем не отличается от этого; и живой может попасть туда, провалившись сквозь землю.

———

Н. Харузин.

83. Культ умерших.

Души умерших нуждаются в пище и после погребения; они напоминают о своем голоде своим сородичам, мучат их во сне и в случае неисполнения их желания насылают на живых людей болезни и невзгоды. Из этих взглядов вытекают многочисленные обряды, состоящие в положении с покойником известного количества пищи, равно и кормление их в могилах путем опускания в могилы пищевых продуктов...

Обряд кормления умерших от смерти до похорон встречается у разных народностей. Трудно, однако, определить, верят ли в данный момент исполняющие его, что душа действительно питается предложенной пищей, или действуют бессознательно. Этот вопрос могут решить ответы совершающих обряд в каждом данном случае, равно и сравнение этого обычая с общим культурным уровнем племени. Но во всяком случае всюду, где этот обычай соблюдается, он возник из соображений, что мертвый нуждается в пище тотчас после смерти, и из желания удовлетворить этой первой потребности человека и его души. Это обстоятельство следует иметь в виду и относительно других данных, касающихся культа мертвых: народность по мере своего религиозного развития, с расширением своих знаний, часто забывает истинный смысл совершаемых обрядов, сохранившихся вследствие консерватизма культа, часто приискивает им новое об'яснение, стоящее в согласии с его нравственным и умственным уровнем. Эти об'яснения, интересные и важные для изучения современной культуры известной народности, не пригодны, однако, при исследовании источника происхождения данного верования или обряда. Их следует, поскольку это касается культа мертвых у различных рас, рассматривать с точки зрения примитивного мировоззрения...

Было бы утомительно перечислять народности, среди которых существует обычай кормления мертвых. В источнике своем он стоит в связи с верованием, что души живут в могилах, что последние — место их постоянного или, по крайней мере, преимущественного пребывания. Но даже тогда, когда народность уже доразвилась до ясного представления о загробном царстве, отдаленном от земной поверхности, прежние обряды продолжают существовать и находят себе оправдание или в веровании, что душа умершего время от времени посещает могилу, или в представлении о множественности душ человека. Одна из них остается в могиле или около нее и требует пищи и других забот, другая переселяется в загробный мир. Часто также в уме некультурного человека представления об особой стране мертвых и о необходимости кормления души в могиле уживаются вместе без всяких об'яснений: старые обряды сосуществуют свободно с более развитыми религиозными представлениями. Весьма характерно почитание мертвых среди сравнительно весьма культурного населения

древних Мексики и Перу. Испанские путешественники передавали, например, что мексиканцы, после погребения умершего, возвращались к могиле в течение двадцати дней и ставили на нее ежедневно новые пищевые продукты и цветы; они вновь являлись на могилу через восемьдесят дней по истечении этого срока и через каждые восемьдесят дней повторяли свои посещения могил и свои приношения. В некоторых местностях древнего Перу население соблюдало обычай время от времени открывать могилы и возобновлять положенные с мертвыми пищу и одежду. Впоследствии применение этого обычая ограничивалось культом бальзамированных тел инков. Их души возвращались к своему родоначальнику — солнцу; но это верование не мешало приносить им различные яства в могилы. Пизарро сообщает даже, что перуанцы ежедневно выносили мумии инков на воздух, устанавливали их на улице в ряд, по старшинству. Служители готовили себе пищу на огне и ставили сосуды с пищей перед мумиями. Слуги и умершие питались одновременно.

Культ умерших не ограничивается питанием их и одеванием. Пока еще в силе верования, что душа пребывает в могиле, живущие стремятся изобрести ряд способов, чтобы облегчить существование умершего. Так, например, гуараны снимали часть могильной земли, чтобы душа не задохнулась от тяжести насыпи. Древние перуанцы, после покорения испанцами и обращения их в христианство, нередко вырывали тела своих собратьев, погребенных в церквах, утверждая, что телам тяжело под землей. Чрезвычайно широко распространенный обычай хоронить покойников на деревьях, помостах и пр. имеет весьма вероятно в источнике своем желание, чтобы дыхание покойного не затруднялось надавливанием земли. Необходимость оградить тела от хищных животных заставила также прибегнуть или к устройству помостов, или к подвешиванию гробов или зашитых в шкуры трупов на деревья, или к запрятыванию тел в древесные дупла. Погребение на деревьях, отмеченное еще древними писателями на Кавказе, у колхов, встречается в настоящее время у австралийцев, у бурятов и якутов; погребение на столбах, помостах и деревьях встречено у целого ряда некультурных народностей в Америке, Азии, Полинезии и Меланезии и пр., равно и у многих русских инородцев, самоедов, тунгусов, орочон и др.

Культ умерших приводит также к обычаю зажигать огни на могилах. Туземцы некоторых местностей Бразилии, равно и жители Австралии, разводят костры у могил в течение нескольких дней. Ирокезы делали это для того, чтобы покойник мог греться у огня или готовить себе пищу. Одно из племен Африки разводит огни на могилах своих умерших друзей, преимущественно в холодные или сырые ночи, когда душа покойника нуждается в тепле не менее, чем живой человек. Заботы некультурного человека оградить себя от посещений умерших путем утаптывания могилы переходят иногда в желание скрыть могилу от чужих взоров; затем оно осложняется рядом приемов, направленных к ограждению могил от диких животных. Мандинги и иолоффы кладут на могилы колючие растения, чтобы волки не потревожили тела (Спенсер). С целью ограждения могил от животных и людей избирается ряд средств: покойников хоронят в уединенных пещерах и расселинах скал, их окружают каменными или из колючих растений изгородями, набрасывают камни на могилу или принимают меры к ее скрыванию. Эта последняя цель ясно проведена при по-

стройке египетских пирамид. Наконец, вера, что душа живет лишь до тех пор, пока цело тело или, по крайней мере, кости покойника, привела к обычаю, известному у многих народов, сохранять кости умерших, что, например, делали самоеды, также и к приемам, преследующим цель сохранить тела. В Лоанго население коптило своих умерших, чибчи высушивали их на медленном огне, а тела вождей бальзамировали. Мумии, известные в Мексике, найденные в большом количестве в Перу, доказывают в неменьшей степени, чем египетские мумии, что примитивные обычаи, освященные подчас высшими идеями, могут сохраняться и при значительном уровне культуры и религии. В связи с указанными представлениями о нуждах душ стоит и обычай положения с покойником всего его имущества. Он появляется еще на низших ступенях культуры, при существовании верования, что умершие живут в могилах. Для того, чтобы вполне понять и оценить значение этого обычая, надо вспомнить, что и на низших ступенях культуры, как и на высших, существует уже понятие об индивидуальной собственности, в отличие от общинной, коллективной. Боязнь гнева покойника, грозящего всегда несчастиями для живых, уже в силу того, что душа умершего есть сверх'естественное существо, заставляет сочленов по группе отдавать усопшему все его личное имущество и складывать его личное оружие, орудия, одежду, украшения целиком в могилу. Это имущество всегда очень незначительно: оно состоит из небольшого количества предметов и свободно помещается в могилу. Поэтому-то показаниям путешественников, что та или иная народность отдает умершему в могилу все его имущество, не следует придавать слишком большое значение: с ним идет только точное количество предметов, которыми он обладал на правах индивидуального собственника. Такие сведения имеются относительно патагонцев, австралийцев дамара, равно и туземцев внутренних частей Африки, Новой Зеландии и самоедов.

———

Н. Харузин.

84. От культа мертвых к культу предков.

В тех случаях, когда родовая единица еще живет в общем хозяйственном единении, культ умерших предков совпадает с культом умерших. Так, например, даяки на острове Борнео «сохраняют головы предков в ящике и, открывая его по временам, окуривают и умащают их». В этом отношении они не делают еще различия между умершими непосредственными предками (отцом, дедом и прадедом) и боковыми родственниками. Но когда семейная единица успела уже диференцироваться, культ ограничивается, обыкновенно, только непосредственными предками. Боковые родственники — обыкновенно главы других семейных единиц; их чтут их прямые потомки.

Другие родственники, живущие в семье, занимают в отношении к отцу подчиненное положение: они, в случае преждевременной кончины, останутся в таком же несамостоятельном положении в стране мертвых, а, следовательно, не могут требовать себе особого культа. Правда, время от времени, обыкновенно в определенные сроки, родичи об'единяются в общем празднестве — жертвоприношении в честь умерших родственников вообще, но специальным поклонением в пре-

делах каждой семьи пользуются только умершие главы семейств первых трех восходящих поколений, и, преимущественно, отец. Это положение хорошо иллюстрируется взглядами кафров. «Хотя они поклоняются,—сообщает по этому поводу Коллауэй (Collawoay),—многим аматонго (души предков) своего племени... однако, отец пользуется у них при этом почитании преимуществом перед всеми другими аматонго. Отец, даже после смерти, есть великое сокровище как для своих непосредственных потомков, так и для тех, кто вырос на его глазах, знал близко его приветливость и мужество... Чернокожие почитают не всех аматонго,—продолжает тот же исследователь,—т.-е. не всех покойников своего племени безразлично. Говоря вообще, глава каждого дома почитается детьми последнего, так как они не знают более отдаленных предков. Свои молитвы они начинают и кончают отцом, которого они знали лучше всех прочих... Мы не знаем, говорят они, какое ему может быть дело до других, кроме нас: он будет смотреть только на нас одних». «Дух отца и деда, — говорит о кафрах ама-ксоса Кропф, — они почитают как духов-покровителей. Они зовут их „охраняющие дом“».

Преимущественное почитание отца не трудно понять. Достаточно вспомнить власть его над детьми, даже в тот период развития человечества, когда узы родства между отцом и ребенком юридически еще не признаются. Фактические отношения, позволяющие отцу, т.-е. лицу, обладающему в данный момент матерью малолетних детей (безразлично, рождены ли последние от него или от другого мужчины) — продать, убить своего ребенка, переходят в юридические после того, как, с установлением отцовского счета родства, семья, построенная на агнатическом принципе, начинает образовывать самостоятельную хозяйственную единицу. Страх перед отцом, в отношении к которому остальные члены семьи оказываются совершенно бесправными, продолжает сохраняться среди его детей и после его смерти. Тэйлор, говоря о почитании предков, отмечает, что «принципы его не трудно уяснить, так как в них воспроизводятся социальные отношения действительной жизни. Умерший предок, — говорит он, — ставший после смерти божеством, попрежнему покровительствует своей семье и получает от нее мольбы и жертвоприношения. Умерший глава племени еще бодрствует и удерживает свою власть над ним, помогая друзьям и вредя врагам, награждая правых и карая виновных». Но не одно это, конечно, является психологическим мотивом культа ближайших предков. Вера в недружелюбное отношение к живущим всех умерших вообще оказывается не меньшим стимулом к преимущественному почитанию именно того лица, которое было при жизни бесконтрольным распорядителем судьбою детей. В свою очередь, раз жертва ближайшему предку должна приноситься лицом, близким к покойнику, у народов, «практиковавших культ предков, по словам Мэна, развилось сильнейшее желание иметь потомство мужеского пола, и, как следствие такого желания, создался замечательный круг идей относительно родительской власти, сыновства и наследования, идей, которые нашли себе широкое распространение» у самых разнообразных народностей земного шара.

---

85. Культ предков.

Рядом с культом умерших вообще развивается частный культ предков, ибо предки естественно обратят свои благодеяния по адресу потомков. Зачатки этого культа мы находим и у днепровских славян. Отчасти от него дошли до нас только названия. Родовой быт находился в периоде разложения, и от богов предков рода остались только клички: Род, Рожаница, щур; напоминает также о культе богов, предков, рода, термин Радуница. Культ родовых богов сохранился отчасти в Белоруссии. Там из поминальных дней выделяются так называемые дзяды (деды), дни поминовения «святых дзядов» или «святых родителей». Эти дзяды бывают осенние и весенние и происходят без всякого участия духовенства, без посещения могил и без панихид. Накануне их вся семья приготовляется к пиру: избу чистят, живущие в ней моются в бане и, не жалея денег и запасов, готовят угощение, для которого заблаговременно выбирается какая-нибудь скотина, обрекаемая на убой в день дедов; чистота в доме и обилие угощения приманивают души дедов. Самый обряд совершается вечером, при свете восковой свечи. Отец приглашает дедов такими словами: «святые дзяды, зовем вас, святые дзяды, идите до нас. Есть тут все, чем только хата богата; святые дзяды, просим вас, ходите, летите до нас». Затем начинается пиршество, при чем каждый отливает на стол для дедов; хозяйка иногда приговаривает: «нехай со святыми почивают, а нам хлеба-соли засылают». После ужина с загробными гостями прощаются в таких характерных выражениях: «святые дзяды, вы сюда прилетели, пили и ели, летите ж теперь до себе. Скажите, чего вам еще треба, летите ж, летите до неба». Можно узнать, действительно ли посетили деды живых; надо только наблюдать, не прилетит ли какая-нибудь запоздалая муха или другое насекомое, или не спать ночь после поминок: тогда наверное увидишь дедов. Беда, если угощение окажется недостаточным, или обреченная на убой скотина не будет употреблена для этой цели; тогда деды накажут непременно непочтительных потомков.

Гораздо более жизненное значение имел для наших предков домашний бог-предок, дедушка-домовой, покровитель семьи. Это — постоянный покровитель дома; живет он под печкой и является настоящим хозяином дома. Если домашние заботятся о нем, то он им помогает: чистит скот, гоняет лесных хищников, оказывает всякую помощь. Напротив, если его не кормить, то он начнет душить кур, или будет подымать ночью ужасную возню, которая никому не будет давать покоя. При всяком переходе с места на место надо брать и домового с собою; для этого надо выгрести горячие угли из очага покидаемого жилища, перенести их в новое и зажечь от них на очаге огонь; тогда этот маленький горбатенький старикашка, «проклятый бес хороможитель» переселится в новое жилище и совьет себе там новое гнездышко под печкой. Этот домовой, святые деды и честные родители составляли почти весь пантеон кочевого охотника-славянина, если не считать его тотемов, о которых мы так мало знаем, и случайных фетишей, сегодня обоготворяемых и завтра забрасываемых.

———

86. Культ предков у вотяков.

В верованиях современных вотяков П. М. Богаевский открыл стороны, свидетельствующие о родовом культе.

Прежние роды вотяков обратились в настоящее время в духовные союзы, связанные общим именем и общим культом. «В каждой вотской деревне, — пишет Богаевский, — все ее жители делятся на несколько отдельных духовных корпораций, из которых каждая в определенное время собирается в так называемый родовой шалаш и совершает там служение в честь своего родового божества, имя которого носит как сама корпорация, так и место ее сборища». Часть этих корпораций производит себя от родоначальников, часть от родоначальниц; память о них живет среди народа, «который рассказывает, когда и при каких обстоятельствах его родоначальник переселился в то или иное место». Таким образом, современная духовная корпорация вотяков — не что иное, как выродившийся род. Каждый из этих родов имеет покровителем особое божество, воршуда или мудора, что в переводе значит «счастье семьи», которому он и давал свое имя. Территориальное и хозяйственное разделение родов на меньшие группы подточили родовую организацию; место сородича, жившего в одной деревне, занял сосед — бо́льяк, но родовой культ сохранился, пережил основание, из которого он создался. В зависимости от числа родов, составляющих деревню, стоит и количество родовых святилищ — «будзым-куа». В родовом шалаше молятся члены семейств, принадлежащих к роду, находящемуся под покровительством воршуда, имя которого носит это святилище... Родовые моления совершаются жрецами, служащими более или менее продолжительный срок. Эти жрецы выбираются ворожцами, которые и назначают срок их служению. Таких жрецов два: утись (будзым-куа утись), что значит «хранящий великий шалаш», и его помощник то́ре, т.-е. «предводитель, тысяцкий». У них есть помощники — парчаси. Выбор жрецов происходит следующим образом: ворожец — тунэ́, под звуки гуслей, одетый в особое платье, совершает обряды, напоминающие шаманские, и, приведя себя в экстаз, выкрикивает имя нового жреца.

Рядом с родовым культом, совершаемым жрецом, существует еще культ семейный. На дворе у каждого вотяка находится также молитвенный шалаш (куа), назначенный, однако, для молений лишь членов семьи. Каждый большой праздник старший член семьи совершает здесь моление родовому воршуду. Глава семьи собирает вечером «свое семейство» и отправляется в шалаш, где раскладывает огонь на очаге, построенном, преимущественно, для варки кумышки. Стену, стол и полки он украшает березовыми прутьями. Затем начинается «моление», состоящее из принесения в дар воршуду хлеба, яиц, табаней (лепешки), пива и кумышки; при чтении молитв совершающий жертву глава семьи льет пиво и кумышку и сжигает по совершении некоторых обрядностей хлеб. В родовом шалаше совершаются и кровные жертвы, как и на общественных молениях, бьют животных, птиц и пр.

Среди вотяков, следовательно, господствует одновременно как родовой, так и семейный культ. Воршуду молятся, с одной стороны, все представители рода, живущие в одной деревне, с другой — члены

каждой семейной общины. Воршуд является предком, который требует себе жертвы, родоначальником, которому почтительные потомки приносят явства и питье перед косьбою, перед посевом, в случае болезни (когда тунò определит, что эта болезнь — наказание, посланное воршудом-родоначальником), по воскресеньям, когда пекут табани (лепешки), при от'езде в гости и пр. Не менее важными в глазах вотяка являются и ближайшие предки, также насылающие болезни на забывающих свои обязанности потомков. К ним, кроме указанных случаев, обращаются с мольбою около праздников Покрова и Пасхи, при пропаже имущества, при неудачной варке кумышки, которая приготовляется с совершением религиозных обрядов; им вышедшая замуж дочь, по смерти своих родителей, привозит голову и ноги коровы. Подземный мир населен покойниками; это беспокойные, мстительные существа. Они живут родами; во главе каждого рода стоит патриарх, родоначальник. Покойники могут охранять, могут и губить живых членов своего рода; эти взгляды ясно проведены в молитвах вотяков, с которыми они обращаются к умершим. «Старики, дурно нам не делайте, — молится вотяк своим покойникам. — Пусть удается нам хлеб и питье. Чем вы недовольны нами? Гуся ли вам нужно, утку ли? Требуйте: мы ни от чего не отказываемся, не спорим с вами. Мы не знаем, что вам нужно. Кто вас знает, что вы просите? Пусть же теперь (при принесении жертвы) удается наш хлеб и наше питье». Вотяки просят умерших родственников охранять живых (само собою разумеется, исключительно родных), спасать их от наветов злых людей, от вражеского глаза и пр. «Поминаем вас,— гласит одна молитва, — желаем, чтобы все приносимое попало в ваш рот. Сыновей и дочерей наших не вводите во искушение. Скотину в овраги и болота не роняйте, зверям хищным не давайте. Сильным ветром не давайте путать наш хлеб. От пожаров сохраняйте нас, от урочливых глаз, от дурных слухов сохраняйте. Итак, ешьте, насыщайтесь и уходите к своим товарищам».

Что «вотяки считают своею обязанностью поддерживать загробное существование своих умерших родственников, под понятие которых подходят все вообще предки», видно из слов одной молитвы: «все родные, которых я помню и не помню, не мешайте»... Покойник нуждается в предметах обихода в своей загробной жизни, и этот взгляд сохраняется до настоящего времени, несмотря на влияние церкви и школы. Еще в 1887 г. засвидетельствован случай, имевший место в одном из сел Сарапульского уезда: «умершему мальчику были положены в гроб те книги, по которым он занимался в сельской школе. Родители... на вопрос о цели этого уничтожения казенного добра, простодушно оправдывались указанием на необходимость покойному на том свете книг для продолжения своего учения». Если у вотяков пропадает корова или лошадь, и пропажа долго не находится, предполагают, что этих животных утащили покойники. Снискивая себе пропитание, духи умерших блуждают, и, вероятно, во время этих скитаний они производят над людьми те преследования, против которых вотяки в молитвах, обращенных к покойникам, говорят: «на том свете живи хорошо, сзади и спереди не хватай, не гоняйся». Поэтому оставшиеся в живых родственники снабжают необходимой пищей своих умерших. Во время похорон покойному дается одежда и некоторые предметы домашнего обихода. «Чтобы ты не терпел там нужды, вот тебе», говорит при этом вотяк. Случается, что долго спу-

стя после похорон покойникам приносят холст на платье и деньги. Осенью в некоторых местах сохранился обычай резать петуха на каждой полосе перед посевом озимого. «Резать идет старший и, оставив в поле кровь, приносит петуха обратно домой, где его варят; в поле же зажариваются затем кости этого петуха». «В литературе о вотяках есть указания на то, что в прежнее время покойникам приносились человеческие жертвы». Предания об этом относятся к отдаленному прошлому; но воспоминания о кровавых жертвоприношениях сохранились в настоящее время в преданиях и в детских играх. То, что культ покойников является культом скорее семейным, чем родовым, вполне понятно при раздроблении родов у вотяков. Следует, однако, иметь в виду, что изучение этого культа у вотяков открывает разные стадии его: в некоторых местностях и в некоторых случаях жертвоприношения покойникам совершаются только членами семьи, в других к ним приглашаются члены рода или соседи; в некоторых случаях присутствие членов рода даже обязательно. Таким образом, в то время, как среди вотяков и большая уже семья все чаще заменяется малой, индивидуальной семьей, культ предков еще представляет местами переходную стадию от чисто родового к чисто семейному культу; изучение этих переходных стадий представляет значительный интерес.

К. Тахтарев.

87. От культа предков к культу бога.

В родовом обществе, в котором все общественные отношения знаменуются отношениями родства и старшинства, отношениями поколений, определенное число которых служит пределом как семьи, так и рода, почитание мертвых превращается в культ предков — родоначальников.

Первоначальные роды и родоначальники и у арийских племен имели зооморфный, тотемический характер. Некоторые доказательства этому были уже приведены в предыдущем изложении. Здесь не мешает напомнить о зооморфном характере родового культа древних арийцев и о так называемой зоолатрии, т.-е. о поклонении животным, которое одинаково было распространено в свое время и у древних иранцев, и у древних индусов, и у древних греко-италликов, и у древних кельтов, германцев, славян, равно как и у других арийских племен. Змеи до сих пор служат предметом почитания индусов. И змеиные роды нередки в Пенджабе. Существуют целые индийские племена, которые ведут свое происхождение от змей. Несомненно, что первоначальные роды подобных змеиных племен произошли от тотемических групп и что их родоначальники были животными тотемами. Змеи почитались у древних германцев. В Швеции до сих пор живы еще суеверия, говорящие об опасностях убийства змей для благосостояния населения (для урожая хлебов и приплода скота). Уж до сих пор пользуется особым вниманием как у германских, так и у литовских и славянских крестьян. У древних греков змеи тоже недаром были предметом почитания и содержались жрецами. Голова древнегреческой Медузы имеет ясно выраженный тотемический характер, как и сказание о волчице, вскормившей родоначальников римлян, ска-

зание о собаке — матери Кира. Согласно древним иранским преданиям, прародителями людей были растения. Племя ликийцев, как известно, вело свое происхождение от собаки, мирмидонян — от муравья, обитатели Аркадии —от медведя и проч.

Но, по мере развития кочевого скотоводческого и земледельческого образа жизни и превращения охоты лишь в добавочный способ обеспечения существования, первобытный тотемизм теряет свое первоначальное значение... С этого времени родоначальником становится не тотемическое животное, а человек-прародитель, и место прежнего культа родового тотема занимает культ родоначальника, который постепенно теряет свои первоначальные зооморфные черты и приобретает антропоморфический характер.

Представителем культа родоначальника является старейший в своем роде, т.-е. родовой старейшина. Он выполняет должность родового жреца. Он руководит жертвоприношениями родичей, заведует жертвенным очагом, местом погребения умерших родичей, родовым кладбищем. Он вступает в общение с родоначальником, от которого, по убеждению родичей, зависит благосостояние и самое существование их рода. Он обращается к родоначальнику, совершая жертвоприношения ему и прося у него покровительства для всего рода. Он вызывает душу родоначальника и умилостивляет ее обильными жертвами. Он — заступник своих родичей перед духом их родоначальника, который получает значение родового бога. После своей смерти он сам становится влиятельным духом, который, по понятиям его потомков, может оказывать влияние на живых своих родичей, продолжать быть их заступником и карателем. И ему точно так же начинают приноситься жертвы, как родоначальнику. Он также становится могущественным сверх'естественным существом.

Но еще большее значение имеет родоначальник всего племени, его сказочный прародитель и вождь. Это уже бог не отдельного рода, а целого племени, окруженный целой толпой родовых божеств, признаваемый всеми родами. Его культ уже носит широкий, общественный характер. Служение ему есть общественное дело. Им заведует старейший и влиятельнейший из родовых старейшин, великий вождь племени, глава всех старейшин и жрецов. В глазах соплеменников, обращающихся к небу, из которого исходит животворная влага, необходимая для произрастания злаков и трав, сказочный отец всего племени, его прародитель и духовный вождь возносится на небо, становится отцом небесным. Таков бог кочевых скотоводческих племен, таков бог и полуоседлых земледельческих. Благосостояние и тех и других завист от неба, к которому обращаются глаза соплеменников не только днем, но и ночью, когда им приходится руководиться при своих переходах небесными светилами, свет которых, по их мнению, зависит от воли их отца небесного. Таков был бог древних евреев, когда они кочевали, переселяясь в Ханаан. Таков был бог Авраама, Исаака, Иакова. Этот племенной бог может быть как милостивым, так и жестоким. Он требует искупительных жертв. У племен кочевых, ведущих воинственный образ жизни, у хищнических племен он приобретает особенно жестокий характер и требует кровавых жертв. Он не терпит рядом с собой господства иноплеменных богов, как его племя не терпит господства других племен. Он ревнив по отношению к своему племени. Он мстителен и не прощает обид. Он беспощаден, как древний бог библии. Умилостивить его нелегко и не всегда

удается. Разрастание кочевых племен в целые народы превращает их племенного бога во всенародного, обусловливает развитие единобожия многих племен.

К. Тахтарев.

88. Религия оседлых земледельцев.

Глаза земледельцев постоянно обращаются от земли к небу, от которого они ждут обеспечения всех своих жизненных средств. Они убеждены, что погребаемые ими предки уходят под землю, в царство теней, или возносятся на небо, как дым тех костров, на которых они сожигают свои жертвы, а некоторые народы и своих умерших. Родоначальники, отцы племени, становятся отцами небесными, небожителями, покровителями живых соплеменников, земляков. Но эти отцы небесные суть не творцы, а лишь защитники своих соплеменников и земляков от грозных явлений природы, от ее могущественных естественных сил. Плодородие обрабатываемой почвы зависит от земли и от неба, от солнца и туч, гонимых ветром подобно парусному судну. Понятие о творце земли и неба еще необычно, или так же мало развито, как и творчество человека, который обоготворяет и небо, и землю, и солнце, и ветер, считая естественные силы природы проявлениями воли различных богов. Небо обожествляется и олицетворяется в качестве бога, отца всего существующего, солнце рисуется его сыном. Земля представляется богинею-матерью, в особенности сырая, плодородная, почвенная земля — «мать-сыра-земля». Все, в чем кажется присутствие какой-нибудь силы, независимой от человека, воображается как особое существо, от действия которого зависит судьба человека, его жизнь. Анимизм, заставляющий человека видеть повсюду присутствие духов, действиями которых об'ясняется все, что происходит в природе и между людьми, поскольку это не зависит от воли самого человека, действующего непосредственно или через воображаемое посредство тех же духов, получает теперь дальнейшее развитие. Земля и небо, моря, озера, реки и горы, как и леса и болота кишат всевозможными духами, имеющими человеческий или полуживотный вид. Прежние родовые боги и обожествленные силы природы смешиваются с новыми. Появляется целое царство различных земных, подземных и надземных небесных богов, великих и малых, старых и молодых, добрых и злых, дружественных и враждебных людям. Существуют домашние боги, боги домашнего очага, ведущие свое происхождение от прежних семейных богов, домовые, пенаты и ларвы, от которых зависит спокойная жизнь обитателей дома, всех членов семейной, домашней общины. Существуют боги нив и полей, урожая и жатв, от которых зависит все благосостояние земледельца. Есть боги и духи водных источников, рек, озер и морей, которые могут вредить и находящимся на воде, как и боги ветров. Есть боги лесов и дубрав, от которых зависят люди в лесу. Их особенно почитают жители лесных местностей, верящие в леших, дриад и нимф, духов деревьев. Есть горные духи, могущие погубить человека, сбросив его в пропасть, убив его скатившимся камнем. От этих духов зависит жизнь горных жителей. Существуют подземные боги, особенно опасные рудокопам, часто страдающим от обвалов, спертого воздуха,

удушливых газов. Существуют боги различных олицетворенных времен года—боги весны, лета, осени, зимы. Есть особые боги производительной силы, боги любви, как и мертвящие боги олицетворяемой смерти.

Человеку, верящему в существование подобных богов и в то, что от их воли зависит его жизнь, поневоле приходится входить с ними в общение. К этому его побуждает чувство самосохранения, как слабого существа, жизнь которого постоянно зависит не только от его собственных сил, но и всяких других, на которые он может воздействовать лишь с помощью просьб и молитв, обещаний и заклинаний, жертвы и подкупа, — одним словом, теми же способами, какими он привык действовать и на людей сам непосредственно или с помощью чародеев, жрецов и волхвов, находящихся в постоянных общениях с различными воображаемыми сверх'естественными существами, знающими хорошо, как надо к ним обращаться для достижения желательных целей, для исполнения своих просьб и желаний, для обеспечения своей жизни и своего благосостояния.

Умелое обращение людей с богами делает людей богатыми, что не всегда достигается одним лишь трудом. В данном случае щедрость на жертвы богам особенно помогает. Недаром богатый и щедрый считается любимцем богов. Некоторые истолкователи происхождения слова «бог» соединяют его происхождение со словом «богатство», имеющим, несомненно, общий корень. Но отсюда было бы ошибочно утверждать, что слово «бог» происходит от слова «богатство», как это пытались делать некоторые недостаточно вдумчивые мыслители под влиянием некоторых стремлений или тенденций. На самом деле слова «богатый» и «богатство» происходят от слова «бог», подобно тому, как слова «рогатый», «рогатка» происходят от слова «рог». Слово «богатый» — по своему происхождению означает человека, особенно покровительствуемого богами.

Первое богатство, богатство скотом, зарождается в среде скотоводческого родового общества, в котором господствуют родовые старейшины и родобожие. Родовые старейшины являются одновременно и обладателями скота, и посредниками перед родовыми богами, родоначальниками. Они являются одновременно представителями и богов и богатства. Отсюда становится еще яснее связь между почитанием богов и богатством в понятиях родичей. То же самое можно сказать и про понятия, господствующие в среде первоначального территориального общества. И в данном случае богатство понимается как дар богов, и богатый значит покровительствуемый богом; недаром богатый считается одновременно и лучшим, т.-е. более обеспеченным. А самым верным средством обеспечения существования считается почитание бога, от которого исходят все блага жизни, от которого зависит вся жизнь человека. Таково одно из основных понятий первоначальных земледельческих народов, которые общи им всем, как и вера в существование богов, как земных, так и небесных.

Главной особенностью богов земледельческих народов служит их ясная связь с производительными силами природы, от которых зависит вся жизнь земледельца. Поскольку родобожие является характерною особенностью родового общества, постольку обожествление и олицетворение производительных сил природы является характерною особенностью первоначального территориального общества. Стоит только обратиться к изучению истории развития религии любого

земледельческого народа, чтобы это сделалось совершенно ясно, хотя безличные боги земледельческих народов иногда очень сильно заслоняются прежними личными родовыми богами и почитанием предков, что продолжает быть священным делом и у самых различных и весьма развитых земледельческих народов, как, например, у древних египтян, греков и римлян, у индусов, китайцев и многих других.

Г. Шурц.

Земледельческие народы весьма склонны и самую землю считать и признавать одушевленным существом. Это представление в более развитых мифологиях нередко служит первоисточником, из которого возникают другие женские божества, так как по самому существу своему земля, оплодотворяемая и плодоносящая матерь всего живущего, носит ясно выраженный женский облик. В детски-наивной форме выступает культ матери-земли у мундари в Бенгалии: девушки там во время своих праздничных плясок ласкают и гладят землю в надежде, что земля придет от этих ласк в благодушное настроение и даст хороший урожай.

89. Быт древних германцев по Цезарю [1].

Из «Записок о галльской войне» Ю. Цезаря.

IV, 1. Племя свебов — самое многолюдное и воинственное из всех германцев. Говорят, что у них 100 округов, из коих каждый ежегодно высылает за границу по тысяче вооруженных (воинов) для войны. Прочие, кои остались дома, прокармливают и себя и других; эти, в свою очередь, снова через год на войне, те же остаются дома. Так не прерываются у них ни земледелие, ни военное дело. Но частного и отдельного поля у них нет совсем, и нельзя оставаться более года на одном месте для земледелия. И немного они питаются хлебом, но по большей части молоком и скотом, много времени также проводят в охоте.

VI, 22. Они мало прилежат земледелию и по большей части питаются молоком, сыром, мясом. И никто из них не имеет определенного участка поля или собственных границ; но начальники их и старейшины ежегодно отводят родам и союзам сожительствующих родственников столько поля, сколько и где им будет угодно, а через год заставляют переходить (на другое место)...

VI, 23. Величайшая похвала для общин окружать себя, опустошивши границы, как можно бо́льшим количеством безлюдных пространств. Они считают особенным признаком доблести изгонять соседей из их полей, и чтобы никто не осмеливался жить поблизости. Вместе они и самих себя считают вследствие этого более безопасными, ибо устраняется страх перед внезапным набегом. Когда община или

[1] Юлий Цезарь — знаменитый римский полководец, впоследствии правитель Рима, в середине I века до начала нашей эры провел несколько лет в Галлии (нынешней Франции), которую он завоевал. Свои наблюдения над кельтами (или галлами) и германцами он изложил в своей книге «Записки о галльской войне». Здесь впервые описывается быт германцев.

отражает нападение, или (сама) наступает, избираются начальники для ведения этой войны, облеченные властью над жизнью и смертью. В мирное время совсем нет у них общего начальника, но старшины местечек и округов отправляют между своими суд и утишают распри...

---

90. Быт древних германцев по Тациту [1].

Гл. 5. Хотя страна и не бедна разнообразием, но все же преобладают страшные леса и ужасные топи...; для хлебов — пригодна, для плодовых деревьев — неблагоприятна, скотом — обильна, но скот — невзрачный. Даже волы лишены своей красы — могучих рогов. Количеством скота они дорожат; это их единственное, любезнейшее сердцу богатство. В серебре и золоте боги им отказали, по благосклонности ли или гневаясь — не решусь сказать. Не говорю, конечно, что в Германии совсем не родится золота и серебра; кто ее обследовал? Да и нет там болезненного стремления обладать и пользоваться (этими богатствами). Есть у германцев и серебряные сосуды, данные в дар их послам и князьям, но они не в лучшем почете, чем горшки, вылепленные из глины. Правда, ближайшие к нам, благодаря торговым сношениям, умеют ценить золото и серебро, различают и даже хорошо разбираются в некоторых видах наших монет, но дальние все еще прибегают к более первобытному и старинному способу меновой торговли. Монету они предпочитают старинную, давно знакомую зубчатку и с колесницей. Серебро берут охотнее золота — не по какой-либо особой склонности, а потому, что счет на серебро легче при обычных мелочных сделках.

Гл. 6. Немного у них и железа, как видно по их вооружению. Мало кто имеет меч или длинное копье; они вооружены копьями — по-ихнему «фрамеи» — с узким и коротким железным наконечником, но таким острым и удобным, что одним и тем же копьем, смотря по необходимости, они могут биться и в рукопашную и на расстоянии. Щитом и фрамеей довольствуются и всадники, пешие же бросают еще и дротики, каждый по несколько штук, притом на громадное расстояние, будучи совсем нагими или налегке, в коротком плаще. Никакого щегольства в вооружении; только щиты расписаны лучшими красками. Редко у кого панцырь, почти ни у кого нет шлема, железного или кожаного. Кони и по виду и по быстроте неважные; не учат их, как у нас, разным вольтам: они идут либо прямо, либо поворачивают, но лишь направо, да таким сомкнутым строем, что никто не отстает. Говоря вообще, их главная сила в пехоте; поэтому они бьются смешанным строем: легкость пеших, — отборной молодежи, которую они ставят в передние ряды, — делает их годными и приспособленными для боя вместе с конницей. Число их — определенное, и по сто от каждого округа; «сотней» они себя и сами называют, и то, что прежде было числовым обозначением, стало теперь названием, и притом почетным. Строй у них — клином. Бежать, лишь бы вновь напасть, они считают тактикой, а не трусостью. Своих павших, даже при неудаче,

---

[1] Тацит—знаменитый римский историк, живший в конце I и начале II века по Р. Х. Он также, подобно Цезарю, имел возможность наблюдать жизнь германцев.

они подбирают. Бросить щит — верх позора; опозоренному нельзя участвовать ни в жертвоприношении, ни на вече; и много таких, уцелев на войне, полагали конец своему позору петлей.

Гл. 7. Конунгов они выбирают по знатности, герцогов — по доблести. Конунги не имеют безграничной и полной власти; герцоги выдвигаются скорее личным примером, нежели властью; если они смелы, всегда на виду, бьются впереди всех — почет им... Особенно возбуждает их храбрость то обстоятельство, что отряды и «клинья» составляются у них не случайно и как попало, а по семьям и родам; совсем же вблизи — дорогой заклад битвы: несется оттуда вопль жен, плач младенцев; они для каждого — вернейшие свидетели, лучшие вдохновители...

Гл. 11. О делах маловажных совещаются старейшины, о важнейших — все; но так, что вопрос, подлежащий обсуждению всего народа, сперва рассматривается в среде старейшин. Сходки их, если не произойдет чего-либо случайного или чрезвычайного, собираются в определенные дни, в новолуние или полнолуние; ибо для всяких дел это время они полагают наиболее благоприятным. Считают же они не «по дням», как мы, а «по ночам». Ночами определяются сроки и явки; ночь, по их мнению, приводит день. От вольности их та лишь беда, что они собираются не дружно, как по приказу, а дня два-три уходит на поджидание собирающихся. Когда народу соберется достаточно, они становятся на места вооруженными. Жрецы, имеющие в этом случае и власть наказывать, об'являют молчание. Затем выслушивают конунга или старейшину, в зависимости от возраста, знатности, боевой славы, уменья говорить, при чем больше влияет убедительность речи, нежели власть говорящего. Не понравится предложение — оно отвергается общим гулом; понравится — стучат фрамеями. Одобрить оружием — высший род одобрения.

Гл. 12. Перед сходкой можно выступать и с обвинениями, возбуждать дела уголовные. Наказания разнствуют по преступлениям. Изменников и переметчиков вешают на деревьях; трусов, дезертиров, развратников топят в болоте или поганой луже, набросав сверху хвороста. Различие казни клонится к тому, чтобы преступление путем наказания выставлялось на показ, позорное же деяние сокрывалось. Но и за меньшие преступления наказания различны; уличенные уплачивают известное число лошадей или скота. Часть пени идет конунгу или общине; другая — потерпевшему или его родственникам. На этих же сходках выбираются и начальники, которые творят суд по волостям и селениям...

Гл. 13. Всякое дело, общественное или частное, они совершают вооруженными. Носить же оружие никому не полагается до тех пор, пока община не признает его достойным. Тогда, на самой сходке, либо кто-нибудь из старейшин, либо отец, либо родственники украшают юношу щитом и фрамеей; это их «тога», это первое юношеское отличие; до сего он был лишь частью семьи, отныне он — член государства. Высокая знатность или особые заслуги предков обеспечивают внимание вождя даже совсем молодым людям; их причисляют к другим, более возмужалым и уже испытанным; и никому не зазорно находиться среди дружинников; да и вся дружина распределяется по степеням волею вождя; велико соревнование и среди дружины в том, кто займет при вожде первое место, и среди вождей, — у кого будет самая большая и самая лихая дружина. Дружина — почет, она — сила; быть

окруженным избранными юношами в мирное время — отличие, а на войне — оборона. Не только в своем племени, но и у соседей имя и славу имеет тот, кто выделяется размерами и доблестью дружины; их осаждают посольствами, осыпают дарами и нередко гроза их имени прекращает войны.

Гл. 14. В бою позорно для вождя не быть первым по храбрости, а дружине стыдно отстать от него в удали. Бесчестье на всю жизнь и позор — вернуться с поля, пережив вождя. Защищать вождя, охранять его, свои подвиги приписывать его славе — вот первая их присяга. Вожди бьются за победу, дружина—за вождя. Если родная их страна погружена в продолжительный мир и бездействие, многие благородные юноши сами идут к тем племенам, где идет как раз война; ибо ненавистен им покой, и слава легче всего добывается опасностями, а большие дружины всегда питаются насилием и войной. Давай им щедрый вождь боевого коня, давай им кровавую победную фрамею. Пиры и угощения, обильные, хоть и не изысканные, получают они, но не жалованье, средства же для такой щедрости дают война и грабеж. Распахать землю и ждать урожая не уговоришь их; легче им вызвать врага на войну, нажить себе раны. Лентяем и разиней считается тот, кто пóтом приобретает то, что можно добыть кровью.

Гл. 15. Когда нет войны, они мало даже охотятся; пребывают в праздности, спят да едят. Любой храбрец и вояка ничего не делает, поручив дом, хозяйство и поля женщинам, старикам и иным маломочным домочадцам; сам же точно застыл. Странная игра природы: одни и те же люди так любят бездействие и так ненавидят покой. У племен есть обычай: каждый добровольно приносит вождю скот или плоды; это—и почетный дар, и удовлетворение потребности. Особенно радуют вождей подарки соседей, не только от частных лиц, но и целых народов: отборные кони, полное вооружение, бляхи, украшения; а мы научили их брать еще и деньги.

Гл. 16. Известно, что у германцев нет городов и не терпят они кучных поселений. Живут они врознь, в разных местах, кому где приглянется ручей, поляна, роща. Деревни ставят они не как у нас, смежной и сплошной стройкой; каждый окружает свой дом пустырем, либо чтобы уберечься от пожара, либо по неуменью строить. Не в употреблении даже камень или кирпич; лес же идет всюду цельный, без вида и отделки. Отдельные части дома они очень старательно обмазывают какой-то землей, столь чистой и блестящей, что она заменяет и окраску и роспись. Выкапывают они также ямы в земле, наваливают на них сверху массу навоза; это — их убежище на зиму и хранилище для хлеба; так они борются с суровой зимой; если же придет враг, он грабит то, что видно, а схороненное и закрытое остается незамеченным...

Гл. 24... Удивительно: в кости играют трезвые, точно дело делают, с такой отчаянностью в выигрыше и проигрыше, что, потеряв все, они последней и решительной ставкой ставят свою свободу и себя. Проигравший идет в добровольное рабство; хотя бы он был моложе и сильнее, он дает себя взять и продать. Таково их упорство в деле скверном: по-ихнему это «честность». Рабов такого происхождения они сбывают подальше, чтобы и самим избавиться от постыдного торжества.

Гл. 25. Другими рабами они пользуются не по-нашему, распределяя службы между всей челядью: каждый (раб) — владыка в своем

жилье, у своих пенатов. Оброк хлебом, скотом, холстом определяется, как (римскому) колону, господином, и обязанности раба этим кончаются; домашние же дела справляют жена и дети. Бичевать раба, наказывать оковами и тяжкой работой — дело редкое; чаще убивают, но это не суровое наказание, а вспышка гнева, как против врага, с той лишь разницей, что сходит это безнаказанно.

Гл. 26. Земли занимаются, по числу хозяев, сообща всей общиной; затем делят их между собой сообразно достоинству; легкость раздела полей дается огромностью пространства. Пашню меняют ежегодно, и земли остается вдоволь. С плодородием и размерами земли не спорят они своим трудом, не насаждают плодовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов: от земли требуют лишь хлеба.

———

Ю. Борхардт.

91. Разложение земельной общины у германцев.

Потребовались целые столетия для того, чтобы первоначальную общинную собственность всего народа на землю превратить в частную собственность. Как цепко держались древние обычаи и правовые представления, можно, между прочим, видеть из того, что наследственное право, когда оно, наконец, стало устанавливаться, первоначально и весьма продолжительное время ограничивалось лишь с ы н о в ь я м и оставляющего наследство, не распространяясь на внуков, не говоря уже о братьях или иных родственниках. Если кто умирал, не оставляя детей, его земля возвращалась в общину; если он имел детей, которые умерли до него, то их дети ничего не получали. Однако, времена эти тоже прошли, и приблизительно к 600 году установилась полная свобода распоряжения землей и частная собственность на нее. Этому много содействовало то обстоятельство, что и во времена существования марки — сельской общины — делилась на наделы по строгим правилам только пахотная земля марки; каждому предоставлялось свободное право вне этой земли расчищать лес и вспахивать целину. Эта «целина» издавна не входила в состав общинных владений марки, а считалась частной собственностью. Разумеется, этой возможностью расчищать новые участки пользовались в весьма различной степени, в зависимости от хозяйственных потребностей или личной энергии отдельных крестьян, и в результате этого таким образом и отсюда развилось вскоре значительное неравенство владений. Не будет ошибкой предположить, что именно свободное распоряжение такой расчищенной землей в известной мере «заразительно» повлияло на земли марки: благодаря расчищенной земле, привыкли к свободному распоряжению землей и перенесли его также и на землю марки, как только последняя сделалась наследственным частным владением. Но затем было совершенно нарушено и уничтожено первоначальное равенство владений из первых времен заселения: «наделы уменьшались, раздроблялись, округлялись, увеличивались; вскоре во всех селах оказались более или менее богатые крестьяне» (Лампрехт).

———

С. Моравский.

92. Война в жизни древних германцев.

Познакомившись в главнейших чертах с бытом древних германцев, мы видели, что им нужно было много земли и что этой земли с каждым поколением становилось относительно все меньше и меньше: приходилось о т ы м а т ь ее друг у друга, вести с соседями ожесточенную борьбу из-за земли. Средств к жизни не хватало, и надо было пополнять их грабежом и набегами. С другой стороны, каждое племя и даже каждая часть племени (колено, область) представляли собой самостоятельное государство, которое могло вести войну с другими такими государствами; даже частное лицо могло набрать дружину или просто шайку охотников и произвести с ними набег на соседей, начать войну на свой страх; кроме того, обычай кровавой мести вызывал постоянные столкновения между родами, которые вели настоящую войну друг с другом. Припомнивши все это, мы легко поймем, какое значение должна была иметь война в жизни древних германцев. Она не представляла собой, как теперь у цивилизованных народов, исключительного события, нарушающего обычный порядок жизни, катастрофы, которую стараются всеми силами предотвратить. Война была обычным явлением в древне-германском быту, нормальным состоянием этого грубого, полудикого народа. Вот почему все источники так много говорят о «любви» германцев к войне, об их пресловутой воинственности и склонности к раздорам. «Когда германцам не угрожает внешняя опасность, — говорит один из этих источников, — они воюют между собой»; по словам другого, вся жизнь их проходит в войне и охоте; живут они набегами и грабежом. Любопытную в этом отношении картину нравов того времени дает Цезарь, который рассказывает, что к германцам за Рейн доходили слухи, будто бы земля галльского племени эбуронов предается разграблению и все приглашаются туда за добычей; сейчас же в племени сигамбров собирается отряд в две тысячи всадников, которые производят набег на эбуронскую область и возвращаются домой с обильной добычей в виде пленников и скота.

Черты военного и мирного быта древних германцев до того переплетались между собой, что почти невозможно провести резкую грань между тем и другим. Как мы уже видели, германец и в мирное время никогда не покидал своего оружия, следовательно, между воином и мирным гражданином не существовало никакого различия; наказание преступника в виде кровавой мести представляло собой настоящую войну между двумя родами; передвижение племени с одного места на другое являлось походом вооруженного войска, потому что по дороге постоянно приходилось отбиваться от нападений, а самая цель передвижения — захват новой земли — почти всегда вела за собой войну с прежними жителями этой земли. Так как главной причиной, заставлявшей отдельные роды образовывать более обширные соединения — колено, племя, народ, — была совместная защита от общих врагов, то и эти первоначальные государства германцев носили преимущественно военный характер: глава такого государства был не столько государь в нашем смысле, т.-е. правитель, заботящийся о внутреннем порядке страны и благосостоянии своих подданных, сколько

военный предводитель, который ведает защиту племени от внешних врагов, руководит им, как войском, и почти совершенно не вмешивается во внутреннюю жизнь своего народа. Части, на которые распадалось древнее германское государство-племя (колена или области, сотни, родовые общины), представляли собой деления войска из ста свевских областей, каждая должна была поставлять по тысяче воинов; вообще у всех германских племен из каждой области набиралось по сотне юношей-пехотинцев, которые сражались среди рядов конницы; самое мелкое деление—род—представлял собой во время войны отдельный отряд.

———

Ю. Борхардт.

93. Возникновение крупного землевладения.

Несмотря на все перемены, в головах жило древне-германское представление, что вся земля сама по себе и первоначально принадлежала всему народу. Но только у франков место народа занял король, как представитель народа. Все еще всякая, не имеющая хозяина, земля — а на всем протяжении государства такие земли преобладали— признавалась собственностью короля. Из этих неизмеримых запасов он жаловал громадные земельные пространства графам, предводителям антрустионов, иным важным личностям, чтобы привязать их к себе, обеспечить себе их верность и службу, или же давал эти земли церквам и монастырям, потому ли, что нуждался в помощи духовенства или потому, что надеялся получить таким образом благословение божие.

Так, епископство Аугсбургское располагало в 812 г. свыше 1.507 гуфами, епископство Зальцбургское во времена Карла Великого получило в дар свыше 1.600 гуф, епископство Фризингское до 784 г. приобрело поместья в 120 местах; к 811 г. к этим владениям прибавились еще имения в 199 местах, к 835 г. в дальнейших 330, а к 853 г. еще в 133 местах. Площадь земель, пожалованных Карлом Великим в 802 г. архиепископству Трирскому, доходила, приблизительно, до 30 кв. миль. Монастырь С.-Галлен во времена Каролингов имел около 4.000 гуф, монастырь Лорш — 2.000 гуф и монастырь в Фульде, богатейший из всех немецких монастырей, обладал к 800 году не менее, чем 15.000 гуф.

Однако, крупнейшим из всех землевладельцев оставался и в частно-правовом смысле этого слова сам король. Семейство Каролингов к концу IX столетия владело 176 крупными удельными владениями в самых различных частях государства: 83 в Франконии, 50 в Алеманнии, 21 в Баварии, 12 в Тюрингии, 5 в Саксонии, 5 в Фрисландии. Кроме того, имелись еще королевские поместья в 31 пункте Вюртемберга и в 150 местностях Австрии. За ним шли в IX столетии крупные владения светских землевладельцев: «во многих местностях они исключительно господствуют, как, напр., Вельфы в Тироле и Швабии, Поппоны и Восточной Франконии и Лутпольдинги в Баварии. В Фульде сохранились сведения о том, как один землевладелец в 778 г. в одной только местности продал 5 имений, другой в 23 местах, третий в 27 местах» и т. д. И Лампрехт рассказывает, что в период расцвета крупного землевладения (который, впрочем, приходится на

время от X до XII столетия) земельные владения размерами от 8 до 18 тысяч моргенов в духовных руках являлись общим правилом, а владения от 30 до 60 тысяч моргенов совсем не редким исключением, что мелкие поместья светских владельцев были размерами по меньшей мере в 3 тысячи моргенов, тогда как княжеские поместья далеко превосходили размеры владений духовенства.

Д. Петрушевский.

94. Экономический и социальный строй англо-саксов.

Как и у германцев эпохи Тацита и у англосаксов простые свободные кэрлы, составляли основу и общественного, и политического строя. Полноправные члены сельских общин, они были в то же время и полноправными гражданами государства. Общинный надел кэрла являлся базисом его хозяйственного, социального и политического положения: на нем зиждилось благосостояние кэрла, применительно к нему определялся его вергельд, равный 200 шиллингов; он же обеспечивал кэрлу возможность несения натуральных повинностей и уплаты выкупов и штрафов по судебному приговору, а также делал для него возможным брать под свое частное покровительство тех, кто к нему прибегал. Этот надел, как и у свободного германца Тацитовской эпохи, состоял из усадьбы пахотной земли и общинных угодий (пастбищ, лесов, лугов и т. п.). Как и во времена Тацита, пахотный участок кэрла представлял собою совокупность полос, разбросанных по всем полям общины вперемежку с полосами остальных общинников, но уже стал семейной собственностью кэрла наравне с его усадьбой, что не освобождало, однако, его владельца от обязанности попрежнему подчиняться принудительному севообороту и другим общинным распорядкам; размер участка определялся, в среднем, в 120 акров, фактическая же его величина определялась физическими и всякими иными фактическими условиями каждой данной местности. Если мы прибавим, что кэрл имел право давать на суде очистительную присягу в качестве соприсяжника и что всякое нарушение его прав и всякая обида, ему нанесенная, влекла за собою материальное возмещение в пользу его и его рода со стороны обидчика и его рода, то этим будет исчерпано и все существенное, что можно сказать, характеризуя положение основной социальной категории англо-саксонского общества в начальный период англо-саксонской истории.

В знатных англо-саксонского общества в эрлах мы имеем полное основание видеть такую же родовую знать, как и в нобилях древне-германского общества, каким рисует его нам Тацит, и едва ли мы будем слишком далеки от истины, если все то, что мы говорили, характеризуя хозяйственное и социальное положение высшего сословия древне-германского общества и его политическую роль, мы найдем применимым и к англо-саксонским эрлам, по крайней мере, в первые века после завоевания Британии. Источники немного нам дают для характеристики эрлов, сообщая лишь о вергельдах эрлов и о других судебных взысканиях, на которые имели право эрлы в случае нарушения их прав. Оказывается, что первоначально вергельд эрла был втрое больше вергэльда кэрла, тогда как судебные взыскания за нарушение его прав были лишь вдвое больше соответствующих взысканий за на-

рушение права кэрла. Но и из этих скудных данных мы можем заключить, что между знатными и простыми свободными и в англо-саксонском обществе, как и в обществе древних германцев, не легла еще глубокая пропасть, как незначительны могли быть и материальная сила, и политическое влияние представителей высшего класса. Весьма возможно, что сильное развитие королевской власти, вызванное борьбою англо-саксов с кельтским населением Британии, требовавшей сосредоточения сил, несколько ограничило политическую роль эрлов сравнительно с ролью, какую играли в политической жизни древнегерманского общества самые могущественные представители его высшего сословия, вожди дружин и крупные землевладельцы, ведшие хозяйство руками рабов и полусвободных; но едва ли оно могло внести сколько-нибудь существенные изменения в положении эрлов со стороны хозяйственной и социальной. Едва ли может быть сомнение, что и эрлы сравнительно с кэрлами были крупные землевладельцы и извлекали из своей земли, которою они теперь владели уже на правах собственности, продукты с помощью труда посаженных на нее рабов и полусвободных, лэтов, а также, чего не было у древних германцев, свободных безземельных людей, которые уже стали появляться в англо-саксонском обществе с тех пор, как земля стала предметом частной собственности, и что если они вели собственное хозяйство с помощью рабского, полусвободного и свободного труда, то оно не могло быть крупным хозяйством, хотя и преследовало не одни чисто потребительные цели. Не имеем мы оснований отрицать и существование у самых сильных и богатых (богатых землей и капиталом, а также трудом зависимых от них лично и по земле людей) представителей сословия эрлов дружин военных товарищей, живших в доме своего вождя и получавших от него боевого коня и все воинские доспехи; возможно, что наряду с дружинниками, жившими в доме вождя и содержавшимися на его средства, уже стали появляться дружинники, которым вождь выделял из своих земель отдельные поместья. Так поступали англо-саксонские короли, и ничто не мешает нам допустить, что этот же порядок стал развиваться и у магнатов.

Мало чем отличались по своему юридическому и фактическому положению от древне-германских литов и рабов лэты и рабы англо-саксонские. Что касается, в частности, л э т о в, то они со стороны личного положения мало чем отличались и от простых свободных, кэрлов; как и эти последние, они имели вергельд (он только был меньше вергельда кэрла, равняясь 80, 60 и 40 шиллингам), давали клятву на суде в качестве соприсяжников и даже являлись в ополчение. Не имели они только собственной земли и сидели на чужой земле, на земле короля, эрлов и кэрлов, платили за нее оброк натурою и находились под их частным покровительством, были клиентами их как своих патронов, за что тоже несли им некоторые повинности. Среди лэтов было немало остатков прежнего кельтского населения.

Об англо-саксонских р а б а х (среди которых было много покоренных кельтов) тоже не приходится много распространяться. Как и древне-германский раб, и раб англо-саксонский в глазах закона собственной личности не имел, не имел и законом признаваемых родственных уз, поэтому вергельда в собственном смысле также не имел, и за убийство его, равно как и за увечье и за обиды, ему нанесенные, пла-

тили его господину, а равно и за вред, причиненный рабом третьему лицу, а равно и за убийство, им совершенное, отвечал его господин на том же основании, на каком он отвечал и за ущерб, причиненный кому-либо его скотом. Но, бесправный юридически, фактически и англо-саксонский раб далеко не являлся лишь хозяйственным орудием своего господина. Общие хозяйственные условия, всегда представляющие собою ту среду, которая определяет ту или иную степень эксплуатации рабочей силы человека теми, кто имеет на нее то или иное право, а также и форму этой эксплуатации, и здесь явились решающим моментом. Невозможность вести в условиях тогдашней хозяйственной жизни крупное хозяйство-предприятие заставляло и англо-саксонских более или менее крупных землевладельцев сажать рабов на землю, превращать их в род арендаторов, и, найди англо-саксы своего Тацита, и он, несомненно, описал бы положение их рабов теми же чертами, какими он изобразил положение древне-германских рабов, и сказал бы, что англо-саксы «рабами пользуются не по-нашему, не распределяя между ними обязанностей по хозяйству: у каждого из них есть своя усадьба и свой домашний очаг (свои пенаты), что господин требует с него (раба) определенное количество хлеба, скота или одежды, как с колона, и раб только это обязан исполнять». Едва ли слишком большой эксплуатации подвергался раб и в хозяйстве простого свободного, кэрла (владея, на первых по крайней мере порах, таким крупным наделом, как гайда в 120 акров пахотной земли, кэрл едва ли мог обходиться без рабов), которому (ему и его семье) он помогал в хозяйственных работах, если тоже не сидел на отведенном ему кэрлом оброчном участке. Были и дворовые рабы у крупных землевладельцев, и их было немало: если у англо-саксонских магнатов не могло вестись настоящее крупное хозяйство в смысле крупного производства, то в организации более или менее крупного потребления они, несомненно, нуждались не в меньшей мере, чем знатные древних германцев; все, что в виде натурального оброка доставляли лэты, посаженные на землю рабы и свободные арендаторы, все это свозилось во двор магната и здесь же с великой расточительностью потреблялось семьей магната и многочисленным штатом его военных товарищей и всяких других обитателей его дома как временных, так и постоянных, и нужно было немало рук, чтобы организовать такое большое дело; такими руками и являлись руки дворовых рабов.

Характеризуя социальный строй древних германцев, мы указывали на то, что в германском обществе эпохи Тацита еще не существовало социальных групп, которые можно бы было подвести под категории экономически властвующих и экономически зависимых общественных классов, несмотря на то, что в нем уже были на-лицо богатые и знатные, свободные и рабы, и основную причину этого мы видели в том, что пахотная земля еще не стала предметом частной собственности, и ее хватало еще всем, кто хотел ее обрабатывать, собственными ли руками, или руками лично зависимых от него людей, имея в виду чисто потребительные цели, едва ли не единственно возможные в условиях господствовавших тогда хозяйственных отношений. Здесь еще все факторы производства находились в руках производителя: и земля, и орудия производства, и труд как его собственный, так и лично зависимых от него людей, и, благодаря этому, в хозяйственном отношении он был совершенно независим. Обилие па-

хотной земли и отсутствие права частной собственности на нее делали невозможным раз'единение этих факторов и распределение их между экономическими классами, обладавшими каждый каким-либо одним из этих факторов и, в силу этого, в хозяйственном отношении несамостоятельными. Если и были в древне-германском обществе люди сравнительно многоземельные, то людей безземельных — разумеем безземельных полноправных граждан германского государства, принужденных брать землю у людей многоземельных и, благодаря этому, попадавших в экономическую к ним зависимость, — в нем не было и не могло быть. Благодаря указанным причинам, скопление в одних руках нескольких наделов не могло иметь в древне-германском обществе времени Тацита подобных социальных последствий и не могло оказаться фактором важных социальных и политических перемен, неизбежно наступающих в обществе при иных хозяйственных условиях.

Сравнительно с социальной картиной древне-германского общества, какую рисует нам описание Тацита, социальный строй англо-саксов уже в ранний период англо-саксонской истории как раз с только что рассмотренной стороны представляет весьма существенное отличие: земля у англо-саксов уже стала предметом частной собственности, и этим открылась возможность для возникновения и развития и тех социальных явлений, для которых не было места в германском обществе Тацитовской поры. На-ряду с людьми многоземельными стали появляться люди малоземельные и люди вовсе безземельные, принужденные брать землю у многоземельных и становиться в зависимые отношения к ним. Земля стала источником власти, социального преобладания. Крупное землевладение, представлявшее собою в древне-германском обществе факт социально индифферентный, в обществе англо-саксонском уже начинает проявлять свои социальные последствия, начинает становиться крупной социальной силой.

———

Д. Петрушевский.

95. Экономический и социальный строй салических франков.

Сведения о самой ранней известной нам стадии хозяйственного и социального развития франков дает нам Салическая Правда. Как и у древних германцев, у салических франков V века господствовали в хозяйственной деятельности, прежде всего, интересы непосредственно потребительные, и главным хозяйственным занятием населения было земледелие, но уже более развитое, чем у германцев эпохи Тацита, кроме хлебопашества, уже знавшее садоводство и огородничество и культуру винограда. Жили салические франки, как и древние германцы, сельскими общинами, но пахотная земля у них уже была разделена между отдельными семьями на праве частной собственности, что вовсе, однако, не устраняло необходимости для владельцев отдельных участков сообразоваться при обработке их с общинными интересами: подчиняться принудительному севообороту, оставлять свое поле неогороженным с момента его уборки до нового посева, отдавая его, таким образом, на это время под общинное пастбище, и т. п. В какой мере неуместно было бы применять понятие римской и современной нам собственности к тому праву, которое принадлежало

каждой отдельной семье в отношении к находившемуся в ее руках земельному участку, об этом дает понятие в особенности такой факт как ограничение права наследования этого участка лишь сыновьями его владельца, за отсутствием которых участок переходил к общине, и соответствующее этому отсутствие права отчуждения этого участка. Кроме усадьбы и пахотной земли, которая представляла собою совокупность полос, разбросанных вперемежку с полосами других владельцев по всем полям общины, каждый общинный надел состоял еще из соразмерного с величиною земельного участка права владельца надела пользоваться пустошами, лесами и всякими иными общинными угодиями. Вероятно, в более раннюю эпоху общинные наделы определялись по жребию... Само собой разумеется, что величина общинного надела определялась для каждой местности физическими и всякими иными фактическими условиями этой последней.

Манз являлся нормальным наделом свободного франка. Прямых указаний на то, что в эпоху Салической Правды уже существовали и крупные землевладельцы, в самой Салической Правде нет; но в ней есть косвенные указания на это в виде весьма обстоятельного перечня несвободных слуг и ремесленников, живших во дворе несомненно богатого и, прежде всего, многоземельного франка: здесь мы встречаем и свинопаса, и егеря, и мельника, и виноградаря, и конюшего, и виночерпия, и ключника, и золотых дел мастера, и кузнеца, и каретника, и других ремесленников и слуг со старшим рабом и старшей рабыней (maiorissa) во главе. В дополнениях к Салической Правде, сделанных, главным образом, в пятом и шестом столетиях, находим и прямые свидетельства о крупном землевладении и крупных землевладельцах, в противоположность владельцам обычных наделов в один манз, а также таким, которые не имеют чем жить и чем платить выкупы и штрафы и бродят по лесам.

Мы пока не будем входить в рассмотрение этого факта социальной дифференциации франкского общества в такую сравнительно раннюю эпоху его истории и лишь ограничимся его констатированием, а также указанием на то, что крупными землевладельцами во франкском обществе являлись, прежде всего, король и тесно связанные с ним узами личного подчинения его дружинники и его агенты в центральном и местном управлении, те лица, с которыми он решал важнейшие дела в государстве, а также щедро наделенные им землею епископы и аббаты. Само собою разумеется, что хозяйство на земле всех этих магнатов преследовало преимущественно потребительные цели и представляло собою совокупность ряда мелких хозяйств, едва ли достаточно определенно направляемых из какого-нибудь одного общего центра и ведшихся трудом несвободного населения поместья.

Что касается социального строя франкского общества эпохи Салической Правды, то большой сложностью он в то время не отличался, очень напоминая социальный строй древних германцев, каким его изображает Тацит.

Основную массу населения составляли простые свободные, как и у германцев Тацита, с вергельдом в 200 солидов. За ними следовали литы с вергельдом в 100 солидов, а затем рабы (servi, mancipia) с их верхним слоем, министериалами. На одну линию с литами в отношении к вергельду поставлены были вольноотпущен-

ники, а также королевские министериалы и представители галло-римского населения, romani: все они имели право на вергельд в 100 солидов, как вольноотпущенники, так и королевские рабы министериалы, как римские землевладельцы, так и римские колоны (вергельд этих последних, впрочем, колеблется между 100 и 62½ солидов).

То обстоятельство, что вергельд галло-римлянина равнялся вергельду лита и вольноотпущенника, не делал, однако, свободного галло-римлянина ни литом, ни вольноотпущенником. Уже известные нам обстоятельства, при которых совершилось покорение римской Галлии франкскими королями, не допускают мысли о том или ином порабощении свободного населения Галлии завоевателями...

Если лишними сравнительно с социальной схемой древних германцев являются в франкской схеме римляне, то недостающим в ней элементом являются nobiles, сословие родовой знати. Родовой знати у салических франков (как и франков рипуарских) мы не находим в эпоху владычества меровингского дома. Возможно, что знать эта была лишена своих преимуществ, а то и просто истреблена Меровингами, которые остались, таким образом, единственным знатным родом франков. Но, лишившись родовой знати, франки очень скоро выделили из себя новую, служилую знать, знать королевских дружинников, антрустионов и королевских чиновников, представителей и агентов королевской власти в центре и в областях. Мы уже знаем, что и королевские дружинники, и королевские чиновники были наделены поместьями, которые им выдавал король в вознаграждение за их верную службу; прибавим, что они находились под особым покровительством короля, под охраной его специального мира и, в силу этого, имели право на тройной вергельд и на тройное вознаграждение за причиненные им обиды и убытки безотносительно к тому, принадлежали ли они к сословию полноправных свободных как франкского, так и галло-римского происхождения, или к сословию полусвободных, или же были просто королевскими рабами, назначенными королем на должность сацебарона или даже графа.

———

П. Виноградов.

96. Развитие феодальных отношений в Западной Европе.

Жизнь общества протекала бурно: войны, усобицы, наезды, разбои, насилия были явлениями повседневными, а между тем государственная власть была слаба, старые же родовые и общинные союзы расстроились. Более слабым оставалось одно — искать покровительства более сильных, становиться если не их подданными, то их подручниками, помогать им устраивать себе маленькие государства в государстве. Частное покровительство такого рода уже очень заметно в меровингской Галлии. Оно носило название мундиум (mundium). Искавшие его препоручали себя магнату светскому или духовному, иногда самому королю[1]. Кто коммендировался, имея землю, тот

[1] По Туркской формуле (43), некто поручает себя, в виду крайней нужды, покровительству другого. Делается это на том условии „чтобы вы помогали и оказывали мне содействие пищей и одеждой, насколько я заслужу и буду того достоин. Пока буду жив, должен я вам, как свободный, оказывать службу и подчинение, и не имею права в течение всей моей жизни выйти из под вашей власти и покровительства, а должен оставаться под вашей властью и охраной во все дни моей жизни".

обыкновенно передавал ее своему патрону, чтобы тем приобрести как бы его благоволение и покровительство. Весьма часто клиент испрашивал при этом у патрона, или, как стали говорить в средние века, у сеньора, разрешения пользоваться этой землей до своей смерти (прекарией). Конечно, сплошь и рядом коммендировались люди слабые, захудалые, бедные, но могло быть и иначе. Магнаты не только окружали себя вооруженными слугами, но держали целые военные отряды, и в подручники к ним шли предприимчивые, энергические люди среднего и мелкого состояния, которым хотелось пожить вольнее, заслужить подарки и пожалованья. Отношение это напоминало древнюю дружину, описанную Тацитом. Скреплялось оно клятвой подручника в верности и готовности служить. Главной формой этой связи была дружинная служба королю (антрустионы, лойды у франков, гезиды, тены у англо-саксов)[1]. Дружинников и подручников такого рода называли латинскими терминами «pares», «amici», или германскими «gasindi», «vassi». Последний мало-по-малу особенно распространился и вытеснил другие, так что такого рода дружинную коммендацию стали называть вассалитетом.

Само собою понятно, что раз в обществе появились такие своеобразные соединения между гражданами, эти соединения должны были в сильной степени затруднить действие государственной власти, равномерное и повсеместное ее применение.

Каждый светский и духовный сеньор старался отвоевать себе круг влияния, в пределах которого он становился как бы царьком, и королю нельзя было не считаться с ним при осуществлении королевского верховенства и проведения государственных требований. Чтобы взять ратных людей, чтобы взыскивать поборы, чтобы произвести суд и привести в исполнение приговор в пределах такого круга влияния, приходилось принимать в расчет значение сеньора, приходилось даже обращаться к посредничеству и помощи. Слабые, несовершенные государства варваров стали формально признавать обособленность таких кругов частного влияния: впервые были дарованы такие формальные «иммунитеты» церквам. Тот или другой благочестивый король запрещал своим судьям и полицейским вступать в церковные владения и производить в них какие-либо взыскания в пользу государства; налоги, взносы, пошлины отменялись и переходили к духовному сеньору — епископу или аббату. Первоначально имелось в виду лишь поручить этому сеньору производить всякого рода поборы в пользу государства. Но, сделавшись обязательным посредником при взимании, сеньор вскоре стал присваивать себе самую выручку. Мало того, самые права, связанные со сборами, ценились прежде всего как доходные статьи и стали отчуждаться вместе с отчуждением доходных статей. Владелец иммунитета, который сначала должен был взыскивать судебные пошлины в пользу государственного судьи, сделался сам судьей, как скоро ему удалось захватить судебные пошлины в свою

---

[1] Клятва антрустиона по формуле Маркульфа (1, 18): „Справедливо, чтобы тот, кто обещал нам ненарушимую верность, пользовался нашей защитой. А так как такой-то верный нам человек явился, по повелению божию, в наш дворец и поклялся с оружием в руках следовать за нами и хранить нам верность, то мы постановляем и приказываем настоящей грамотой, чтобы вышеназванный впредь считался в числе наших антрустионов. И если бы кто дерзнул его умертвить, то пусть знает, что приговорен будет к уплате вервельда в размере 600 солидов».

пользу, — к тому, кому досталась выручка, естественно перешли и обязанности. Таким образом, на государственной территории образовались и быстро стали расширяться как бы острова независимых властей — иммунитеты.

Все упомянутые явления тесно переплетались с земельными отношениями, потому что после нашествия варваров хозяйство окончательно возвратилось к натуральной системе — земледелие стало важнейшей его отраслью, а землевладение сделалось главной основой всей общественной жизни. Всякий сколько-нибудь продолжительный и значительный обмен услуг между двумя лицами сводился в конце-концов не на денежные расчеты, а на кормление при известном имении или на жалование имения в вознаграждение за службу. Денег было мало видно в гражданском обороте, зато натуральные повинности и сборы натурой были самым обычным явлением. Так было в частном быту, так было и в государственном. Помещик вознаграждал своих помощников по управлению имениями, своих слуг, подручников выдачами из своих амбаров и кладовых, предоставлением участков земель в пользование, иногда пожалованием участков. Тот, кто шел на службу и обязывался верностью, расчитывал на такого рода вознаграждение, хотя оно редко оговаривалось в определенных выражениях. Король по отношению к государственной службе держался тех же приемов, что остальные помещики. Он не имел в своем распоряжении обширной податной системы, потому что деньги собрать было неоткуда: приходилось довольствоваться выдачами натурой и доходами с имений. При этих условиях вознаграждение за государственную службу графов, антрустионов, духовных лиц, писцов, счетчиков, полицейских, дружинников, телохранителей и вассалов всякого рода сводилось преимущественно на продовольствование натурой, а также на предоставление участков земель в пользование и в наследственные владения Такого рода вознаграждения считались щедротами, благодеяниями, «бенефициями» короля; предполагалось, что они даруются по свободному решению и без видимого обусловливания той или другой службой. В действительности все-таки вышло, что важнейшие виды служб зависели от выдачи в вознаграждение имений и участков. Обратно, при самой выдаче сначала не оговаривалось прямо, что участок дан за такую-то службу, но фактически пожалование обусловливалось именно этою службою и, будучи полным и безусловным по форме, становилось условным по существу. Если человек переставал служить или служил дурно, у него можно было отнять пожалование; если он умирал, переход пожалования к наследнику не разумелся сам собою, а наступал в зависимости от того, продолжал ли наследник нести службу. В конце-концов, условность бенефициального или ленного владения стала оговариваться определенно и была обставлена определенными юридическими положениями.

Два исторических факта особенно содействовали ускорению процесса феодализации в Западной Европе. В VIII веке политические отношения на Западе представляли величайший хаос; в главном из основанных германцами государств — франкском королевстве — государственная власть пришла в упадок; средства для земельных раздач истощились, областные начальники сделались как бы самостоятельными князьками, остатки центральной власти перешли от королей к начальникам дворцового правления и дружины — к палатным мерам. А между тем надвигалась грозная сила Ислама, и вестготское

королевство в Испании уже пало под ее ударами. Под водительством Каролингов франкское государство оправилось и отразило арабов, а затем при Карле Великом оно соединило вокруг себя все главные силы страны, занятые романо-германским населением, и продвинуло границу христианской культуры далеко на Восток. Но для таких необыкновенных подвигов требовались и чрезвычайные средства. Каролинги, начиная с Карла-Мартелла, массами захватили церковную недвижимую собственность и обратили ее на раздачу воинам. Однако, на этих секуляризованных землях все-таки признавалось высшее право церкви: оне считались лишь уступленными государям и их слугам во временное и условное пользование по особой нужде. Оттого именно на землях, взятых у церквей, условность бенефициального владения была ранее всего обставлена определенными юридическими формами. Вообще, Каролинги, и в особенности Карл Великий, не считали нужным бороться против описанных нами выше отношений, в которых подготовлялся феодализм. Они предпочли упорядочить их и воспользоваться ими, насколько возможно, для государственных целей. Так, они признали сеньерат, но усилили ответственность сеньоров за их подручных друзей. Постоянные наступательные войны Карла Великого способствовали, кроме того, коренному изменению военной системы. Поголовное ополчение свободных было слишком тяжеловесно и плохо вооружено, чтобы оказать существенную пользу в таких войнах. Нужно было иметь под рукой особый военный класс, способный переносить тягости ежегодных походов. В связи с этим появляется правило, что одни лишь владельцы 4 наделов обязаны участвовать в походах. Остальные свободные люди складываются, чтобы выставить одного ратного человека с каждых 4 наделов. Иначе говоря, войско аристократизируется. Главной его составной частью становятся всадники, одетые в кольчуги. Это превращение закрепляется окончательно вследствие норманнских набегов IX и X веков. Неповоротливые, плохо снаряженные массы ополчения не выдерживали столкновений с северными разбойниками и не могли следовать за их быстрыми переходами. В отпор норманнам западное общество строит замки и вырабатывает рыцарскую конницу. Но от этого превращения выиграла не центральная власть, а сеньоры областей. Общество уже не в силах группироваться около отдаленных центров, каждая часть его ищет защиты вблизи, у более или менее могущественного местного магната, и для удовлетворения самых настоятельных потребностей такого рода охрана оказывается наиболее подходящей.

———

Н. Павлов-Сильванский.

97. Торжество боярщины над общиной.

Итак, наша средневековая боярщина в основных чертах территориальной власти, крестьянской зависимости с правом отказа, господского управления, ограниченного управлением общинным, и хозяйственного устройства, характеризуемого незначительностью собственного боярского хозяйства, — во всех этих чертах наша боярщина представляет собою учреждение одной природы с феодальной сеньорией, точно также как наша средневековая волостная община предста-

вляет собою, — как выяснено выше, учреждение, одинаковое по существу своему с германской общиной, маркой.

Эти два учреждения, община и боярщина — основные учреждения средневекового строя, у нас также как на Западе, рано вступают между собою в борьбу, и в результате исторического процесса средних веков крупное землевладение типа боярщины в удельной Руси, так же как в феодальных странах Запада, всюду одерживает верх над крестьянскими свободными общинными союзами. Крупное землевладение растет вследствие естественного процесса накопления капитала и приложения его к земле разными путями. Крупные землевладельцы захватывают пустующие не возделанные земли, обрабатывают их частью силами своих холопов, частью силами крестьян, которых привлекают на свои земли денежными ссудами и льготами в уплате налогов. Вместе с тем они скупают участки возделанных земель от членов свободных волостных общин, а иногда и захватывают такие участки силою. С другой стороны, росту крупного землевладения оказывает могущественное содействие княжеская власть. Князья с течением времени упрочивают свою высшую власть над территориями общин, которая первоначально была вполне номинальной, — распоряжаются общинными землями, отдавая их во владение своим слугам, боярам и монастырям. Они раздают общинные земли целыми волостями и отдельными селами «в жалование» (поместье, бенефиций) боярам и на вклад монастырям, «своего ради спасения и на поминок душ своих родителей». На волостные земли, приобретенные боярами или монастырями от волощан, князья выдают жалованные грамоты, выделяя эти участки из общинной организации, обеляя их от волостного тягла. Некоторые общины и отдельные крестьяне добровольно отдавались во владение боярам, с целью снискать их защиту и покровительство во время частых смут, междоусобий и разбойных «наездов» удельной эпохи. На Западе такая отдача себя под защиту называлась коммендацией, у нас — закладничеством, от слова закладываться, в смысле укрываться, задаваться.

В результате этого процесса освоения крупными землевладельцами общинных земель во Франции самостоятельные общины коммуны исчезли почти совершенно; остатки древнего общинного строя сохранились только на владельческих землях; и в большей части Франции утвердилось даже правило, требовавшее, чтобы у каждой земли был господин: «нет земли без господина». В Германии крупное землевладение также получило преобладание во вторую половину средних веков, но самостоятельные марки все же уцелели во многих местах, а в Швейцарии они сохранили даже самостоятельность государственную.

У нас во вторую половину удельного периода в средней России боярщина столь же решительно торжествует над общиной как и на Западе. В междуречье между Волгой и Окой, где было средоточие исторической жизни Руси в средние века, где господствовали удельные порядки, с раздроблением всей области на крупные и мелкие княжества сеньории, мы находим в XVI веке полное господство крупного землевладения. Бояре, монастыри и князья их к этому времени постепенно «разоймали», так же как на Западе, все земли волостных общин. По писцовым книгам здесь уже остаются только небольшие клочки «черных земель», принадлежащих самостоятельным волост-

ным общинам. Мы находим здесь только земли боярские, монастырские и княжеские дворцовые, в которых князья вели собственное хозяйство, как частные собственники. Самый термин «волость», означавший прежде общину, получает другой смысл; он обозначает с XV века административный округ об'единяющий имения, принадлежащие боярам, детям боярским, монастырям и т. д., в границах старинной волостной территории.

Яркую картину полного господства боярщины находим мы в древнейших наших писцовых книгах, новгородских. Здесь вся земля во всех новгородских пятинах освоена боярами, монастырями и новгородским Владыкой. Только мелкие владения «своеземцев», из которых многие вели хозяйство, не превышавшее по размерам крестьянское, и сами, как крестьяне, обрабатывали землю, только эти своеземцы, как во Франции мелкие аллодиальные собственники, нарушали правила: «нет земли без господина».

По нашим грамотам XV века можно в точности установить процесс постепенного о б о я р е н и я и о к н я ж е н и я земель волостных общин, переход этих земель разными путями во власть бояр, монастырей и самих князей, бравших волостные земли «во дворец». Территория древней волостной общины Славинский Волочек в Белозерском краю легко восстанавливается, так как очень многие деревеньки этой волости, указанные в описи XV века, существуют до сих пор на тех же местах и с теми же самыми названиями. Значительная часть земель этой волости в течение XV века перешла во владение Кирилло-Белозерского монастыря. Одни деревни перешли во владение монастыря по завещаниям крестьян, другие были куплены, третьи захвачены. Часть леса, принадлежавшая волости, была освоена монастырем посредством займов, так как старцы усердно «ставили на лесе» новые деревеньки. В 1482 году монастырь имел уже в пределах общинной территории Славинского Волочка 40 деревень и 5 починков, и волость, в лице «старосты и всех крестьян», тщетно отстаивала перед судом свои права на некоторые из этих деревень. Все это нам известно в точности по нескольким грамотам XV века.

Характерное указание на расхищение общинных — волостных земель крупными землевладельцами дает правая грамота конца XV века по иску крестьян Ликуржской волости о 22-х деревнях и починках, захваченных боярами и митрополичьими слугами. «Волость Ликуржская — об'ясняли крестьяне судье — запустела от великого поветрия; а те, господине, деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, не ведаем которые, за себя тому лет с сорок (около 1450 года)... И нам, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искать некому».

Исключительное господство в новгородских пятинах боярского землевладения, отсутствие в них свободных общин, так называемых «черных земель», вызвало у нас даже явно ошибочное предположение, что в Новгороде община впервые возникает после того, как Иван III конфисковал земли у новгородских бояр, тогда как, на самом деле, Иван III только дал новую жизнь древней общине, придавленной, как и на Западе, крупным землевладением.

Обоярение земли, конечно, совершилось не сразу и не в одно столетие. И если около 1450 года в Новгороде вся земля была обоярена, то мы имеем полное основание предположить, что и в более раннее

время средних веков крупное землевладение у нас имело уже широкое распространение. Это подтверждается и многими отрывочными указаниями грамот древнейшего времени [1].

И. Кулишер.

98. Поместье и сельское хозяйство IX—XI в.в.

Поместье IX—XI ст. распадается на две части. Первую составляет барская часть, обрабатываемая за счет сеньора; в центре ее находится барская усадьба, обыкновенно замок, окруженный стеной и рвом. Вторая — крестьянская часть, село в количестве 15—20 (по Лампрехту) дворов с принадлежащей к ним землей, т.-е. крестьянских хозяйств или манз. «Почти нет случаев, чтобы барская земля захватывала весь мэнор» (Виноградов). Наоборот, в эпоху Каролингов и Оттонов она представляла собою во многих случаях не более одной гуфы, к которой впоследствии присоединились и сделанные вотчинником заимки в общинных угодьях. В поместье Румерсгейм аббатства Прюм составляла, например, едва пятую часть всей площади земли. Размеры крестьянских манз, из которых состояла, повидимому, большая часть поместья, были весьма разнообразны; однако же, в одном и том же поместье манз составлял (как полагает Сэ) нечто определенное, хотя и не в смысле занимаемого им пространства, а в виде количества добываемых продуктов. Вообще, самое понятие надела, обозначает не столько площадь известной величины, сколько искуственную единицу, доставлявшую определенное количество хлеба и уплачивавшую известные подати и повинности.

За пользование отведенным ему наделом, землей, лесом, пастбищами крестьянин обязан был отбывать в пользу помещика барщину, именно различные конные и пешие службы — первые при помощи скота, упряжные работы, вторые — ручные; эти службы составляли обыкновенно три дня в неделю, т.-е. половину всего рабочего времени. Среди них главное значение имели полевые работы по возделыванию барской земли, т.-е. той части поместья, которая обрабатывалась за счет феодала, посев, распашка земли, уборка хлеба, молотьба и т. д. Поэтому самое слово «барщина» являлось синонимом «поля», «барщины, находящиеся за замком» (Сеньобос). К полевым работам присоединились и другие службы — перевозка помещичьего хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов (подводная повинность), пастьба барского скота, стрижка овец, рытье канав, очистка прудов, передача известий. Кроме барщины крепостной доставлял оброк, т.-е. отдавал сеньору часть продукта, произведенного на крестьянском наделе. Оброк состоял преимущественно в натуре, в виде хлеба, скота, живности, шерсти, но отчасти и в форме изготовлен-

[1] На крайнем севере в первую половину средних веков, по некоторым известиям крупное землевладение новгородских бояр также составляло заметное явление. Но новгородские бояре повидимому не приобрели здесь прочной власти над своими обширными вотчинами, являясь скорее в роли сборщиков дани чем господ-вотчинников. Боярщина здесь не развилась и была уничтожена после завоевания севера московскими великими князьями путем конфискации земель у новгородских бояр. Часть северных земель была взята во дворец, была освоена великими князьями, как частная собственность, стала великокняжеской боярщиной. Но большая часть осталась в самостоятельном владении волостных общин.

ных крепостных изделий, в особенности, холста. Наконец, уплачивалась десятина, тот же оброк в пользу церкви; отбывались и разнообразные повинности в случае смерти крестьянина, вступления в брак и т. п. Вотчинник извлекает доход также из баналитетов (от слова «заповедный»). Именно баналитетом являлась мельница: из общинной она превращается в помещичью, и держателям наделов запрещается иметь свои мельницы или молоть хлеб где-либо вне сеньориальной мельницы. За право помола на сеньориальной мельнице крестьянин отдавал в пользу сеньора часть смолотого хлеба. Монополия сеньора или баналитет распространяется на район, который может пробежать осел, нагруженный мукой, до мельницы и обратно. Нарушение этой монополии грозило не только штрафом, но и конфискацией смолотого в другом месте хлеба, даже осла, перевозившего такую муку. Такими же баналитетами являются нередко право печения хлеба, варенья пива, выделывания вина, оливкового масла, иногда и кузница становится из общинной собственности сеньориальной. Все эти баналитеты даются на откуп определенным лицам и скоро превращаются в наследственные феоды.

Не только в начале IX века лес нередко составлял $^{9}/_{10}$ всей площади земель, но еще и впоследствии, в XI веке вся северная Франция (Арденский лес), Иль-де-Франс, обширные области Германии (Франконский лес, Тюрингский лес, Спессарт, Гарц и др.) были покрыты дремучими лесами, огромными пустынями, прерывавшими селения на большом расстоянии и изобиловавшими медведями и волками, лесными кабанами и дикими кошками. В связи с этим широко была распространена охота, как и рыболовство или охота в реках. Принцип коллективной собственности на леса еще господствовал, хотя вотчинники уже смотрели на них, как на свою частную собственность, пользование которой, с известными ограничениями, они предоставляют крестьянам, в особенности для добывания необходимого топлива и строевого леса и для пастьбы скота. И на эти земли, следовательно, постепенно распространяется баналитет. Лес определялся количеством пасущихся в нем свиней, стада которых достигали двести и более голов. Сильно развито было, благодаря обширному пространству лесов, и овцеводство: монастырь Фульда имел, например, свыше 5 тыс. овец. Лошадьми пользовались и в эту эпоху лишь для верховой езды, почти исключительно на войне; на юге с ними конкурировали мулы. Расчистка лесов, выкорчевывание их являлось при таких условиях делом чрезвычайно важным; монастыри в особенности не только сами много занимались этим, но и побуждали других, справедливо называя обработку пустошей богоугодным делом. Тем не менее постоянные вражеские набеги, сопровождавшиеся опустошением хозяйств, тормозили эту работу и приводили вновь к запустению возделанных местностей. Лишь в конце XI ст. (в 1095 г.) Клермонский собор установил божий мир для всего хозяйственного скота (быков, коров, ослов, лошадей, овец). Он запретил истребление скота во время военных действий, вступил, следовательно, в борьбу с опустошением крестьянских земель, страдавших за вину воинственных баронов.

Леса, воды, пастбища находились в общем пользовании крестьян — каждое лицо, владевшее двором, тем самым имело право на пользование угодьями; пахотные земли, наоборот, составляли индивидуальную собственность каждого. Однако, остатки прежней

марки сохранились и в отношении последних еще надолго в виде чересполосности земель и принудительного севооборота (т.-е. порядка засевания поля различными растениями), которому обязаны были подчиняться не только все крестьяне-держатели, но и феодал. Хотя последний в лице своего приказчика и пользовался большим влиянием на самое регулирование севооборота, но так как и доминиальные земли были чересполосно разбросаны среди крестьянских участков, то и он не в состоянии был вести отличный от прочих севооборот. После снятия жатвы все поле, надельное и барское, превращалось в общинное пастбище и если бы на чьем-либо наделе или на барской земле находились в это время посевы, они были бы уничтожены. Поэтому-то помещик не в состоянии был вести на своей доминиальной земле более совершенного хозяйства, чем то, которое практиковалось на крестьянских участках. Вся разница состояла лишь в том, что луговое хозяйство, вследствие превращения лесов и пустошей в покосы, было несколько распространено на барской земле, тогда как на крестьянской оно отсутствовало. Вообще — как указывает Мейцен, — сравнивая эпоху Карла Великого с эпохой Хлодвига, мы не находим каких-либо ранее неизвестных или вновь разводимых полевых культур, не находим и каких-либо новых или улучшенных сельскохозяйственных орудий. Садовые растения и цветы, которые рекомендуется разводить капитуляриями, хотя и распространялись впоследствии в садах, в особенности в монастырских, благодаря старанию монахов, но хозяйственного значения не имели. И в отношении севооборота едва ли найдем перемены. Трехпольное хозяйство упоминается, правда уже в 771 году (в Швейцарии). Но так как указания на существование этой системы хозяйства попадаются лишь в виде исключения, то трудно предположить, чтобы она была значительно распространена ранее X—XI ст.... Однако, и в XI ст. рациональная, даже с точки зрения людей того времени, обработка земли встречается редко. Лучше всего, повидимому, возделывались церковные владения; единственный случай похвалы, встречающийся в источниках относится к аббату. Сельско-хозяйственный инвентарь имел даже на виллах Карла Великого чрезвычайно печальный вид. На целые поместья приходилось всего по одной лошади; повозки — как прямо указывается в капитулярии имелись лишь для военных целей; плуги и бороны вовсе не упоминаются. Пользовались одними лопатами и кирками, при чем в целом имении, имелось лишь десятка три серпов и семь мотыг и никаких более инструментов. Еще в XI веке с крестьянами, обрабатывающими землю при помощи волов или лошадей, упоминаются люди, разрывающие ее руками.

---

99. Отрывки из капитулярий Карла Великого об управлении имениями.

§ 5. Когда наши управляющие приступают к нашим работам, посеву, запашке, жатве, сенокосу или сбору плодов, то каждый должен во время работ смотреть на своем месте и распоряжаться так, чтобы все было хорошо и цело. Если же их не будет дома или им нельзя явиться в иное место, то пусть отправят для наблюдения за нашими интересами или хорошего человека из домашних, или другого испы-

танного человека; и управляющий должен внимательно смотреть за тем, чтобы для такого дела был отправлен верный человек.

§ 6. Мы желаем, чтобы наши управляющие со всех хозяйственных доходов отдавали десятую часть в церкви, построенные в наших поместьях, но не давать ничего другим церквам, если только исстари не было уже так заведено. В тех же церквах служителями не могут быть посторонние, а только из наших, или из домочадцев, или из моей капеллы.

§ 8. Наши управляющие должны убирать наши виноградники, которые находятся в их распоряжении, и делать то исправно, а вино сливать в хорошие сосуды и хорошенько посмотреть, чтобы оно никоим образом не утекло. Другое же простое вино слить в заготовленные боченки с тем, чтобы их можно было доставить на господские мызы. Если же вина будет заготовлено более, нежели сколько нужно для отправки на наши мызы, то дать нам о том знать, чтобы получить от нас на такой случай распоряжение. Пусть отпускают из наших виноградников лозы для нашего же употребления. Сбор вина с тех мыз, которые к тому обязаны, складывать в наши погреба.

§ 10. Пусть наши старосты (majores), лесничие, конюхи, погребщики, десятские, сборщики и другие служащие несут подати и представляют повинности с своих домов; за ручными же их работами пусть внимательно наблюдают управляющие. Если какой-нибудь староста имеет бенефицию, то пусть посылает своего помощника, который должен выполнить за него и ручную работу, и всякую другую службу.

§ 13. Обратить внимание на то, чтобы жеребцы, т.-е. waraniones (боевые лошади), никаким образом не застаивались на месте и через то не портились. Если же окажется жеребец негодный или старый, то дать нам знать заблаговременно, прежде, нежели наступит время, когда выпускают кобылиц.

§ 14. Хорошенько смотреть за нашими кобылицами и во-время отлучать жеребят; если же их наберется много, то отделять и составлять из них особое стадо.

§ 15. Непременно пригонять ко двору наших жеребят к зимнему празднику св. Мартина (12 ноября).

§ 17. Сколько у кого находится мыз под надзором, столько должен он иметь отборных людей, которые смотрели бы за нашими пчелами.

§ 18. При мельницах иметь гусей и куриц по размеру мельницы, и чем больше, тем лучше.

§ 19. При наших мучных амбарах, на главных (capitanus) мызах, содержать не менее 100 кур и не менее 30 гусей. На небольших же мызах не менее 50 кур и 12 гусей

§ 20. Каждый управляющий должен всякий год в изобилии отправлять фрукты на мызы, и кроме того три-четыре раза и более посмотреть за ними, чтобы не испортились.

§ 21. Каждый управляющий должен иметь наготове пруды на наших мызах, где они делались прежде, и где может увеличить, пусть увеличивает. Где же и прежде не было, но могло бы быть, пусть открывает вновь.

§ 23. На каждой мызе управляющие должны иметь как можно больше коровников, свинарен, овчарен и хлевов, и никто не смеет быть без них. Кроме того, они должны иметь рабочих коров для от-

правления службы нашими служителями и в достаточном числе для господских работ телег с коровьим ярмом. Для работ же употреблять не хромых коров или лошадей. И, как я сказал, чтобы не было недостатка в телегах с ярмом.

§ 27. Мы желаем, чтобы ежегодно в посту, в вербное воскресенье, называемое Осанной, сообразно нашему предписанию отправляли к нам деньги с имений, а к тому времени мы уже успеем просмотреть отчет за прошедший год (сравн. ниже § 62).

§ 31. Управляющие должны поставлять ежегодно пряжу и другие бабьи повинности в определенное время и сполна, давая нам знать, как все собрано и отчего явились недоимки.

§ 35. Мы желаем, чтобы отбирались жирнейшие из баранов и свиней на сало и чтобы на каждой мызе имелось не менее двух быков, особо откормленных как для сала, так и для доставления нам.

§ 36. Наши леса и рощи должны быть хорошо охраняемы; где нужно вычистить место, пусть вычистят, но не следует допускать покрытия полей кустарником; где следует быть лесу, там не дозволять большой порубки или какого вреда. Наши заповедные чащи в лесах заботливо охранять; равномерно, иметь наготове к нашему приезду соколов и кречетов. Управляющие или наши старшины, или их люди, если свиньи их пущены на откормление в наши леса, сами первые должны доставлять нам десятину, чтобы и другим подать хороший пример: пусть впоследствии и другие выплачивают десятину сполна.

§ 38. Иметь всегда в достаточном количестве откормленных гусей и каплунов наготове или для нашего стола, или для отправления к нам.

§ 39. Предписываем собирать ежегодно куриц и яйца с дворовых и пахотников; излишек оттуда продавать.

§ 42. На каждой мызе иметь в магазинах: кровати, занавески, перины, простыни, одеяла, скатерти на стол, чаши медные, оловянные, железные, деревянные, кочерги, цепи для подвязки котлов, очаги, долота, топоры, буравы, ломы и прочие снаряды для того, чтобы не было необходимости искать или одолжать того у других. Иметь также наготове оружие для неприятеля, и чтобы оно было в исправности; по возвращении из похода возвращать его в магазин.

§ 44. Из постных яств отсылать ежегодно для нашего употребления две части сбора овощей, рыбной ловли, сыра, масла, меду, горчицы, уксусу, гороху, бобов, сушеных трав, кореньев, воску, мыла и других мелочей; об остатке, как мы выше сказали, немедленно донести и ни в каком случае не позволять себе того, что делалось до сих пор; по присланным двум частям мы будем в состоянии судить о той третьей, которая осталась.

§ 45. Каждый управляющий в своем хозяйстве должен иметь хороших ремесленников, а именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, скорняков, токарей, плотников, оружейников, рыбаков, птицеловов, мыловаров, умеющих делать сидр и всякие другие вкусные напитки; хлебопеков, которые приготовляли бы для нас пеклеванный хлеб; умеющих вязать сети как для охоты, так и для рыбной ловли и на птиц, и других всякого рода мастеров, которых названия было бы долго исчислять.

§ 48. Держать в порядке на наших мызах толчеи. Пусть позаботятся управляющие, чтобы виноград наш никто не осмеливался давить голыми ногами; это нужно делать чисто и прилично.

§ 50. Каждый управляющий должен смотреть, сколько жеребцов должно стоять в одной конюшне и сколько конюхов могут поместиться с ними. Конюхи, остающиеся без дела и имеющие в том же округе бенефицию (т.-е. землю данную для пользования), пусть живут из своих бенефиций. Точно так же и крепостные, имеющие манз (mansa), т.-е. дом с огородом, пусть тем и живут. Кто же не имеет того, тот получает месячину из господских амбаров.

§ 52. Мы желаем, чтобы управляющие творили правый и нелицемерный суд всякого рода людям, как нашим крепостным или рабам, так и всельникам, пребывающим на нашей земле или на наших мызах.

§ 54. Каждый управляющий пусть смотрит, чтобы наши домочадцы хорошо прилежали к делу и в свободное время не скитались по рынкам.

§ 55. Мы желаем, чтобы управляющие все, что прибудет или сохранится или отложится, записывали в одну книгу, а все, что истратят, — в другую; а о том, что будет в остатке, донесут нам рапортом.

§ 62. Чтобы мы могли знать, чем и в каком количестве мы владеем своим имуществом, наши управляющие обязаны ко дню Рождества Христова ежегодно представлять нам отчет о каждом предмете отдельно и в порядке по всему нашему хозяйству, а именно: сколько обработано земли быками наших пахотников, сколько оброчными, сколько взято за охоту в заповедных чащах без позволения, сколько других различных штрафов; сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, с мостов и перевозов; сколько с рынков, сколько с виноградников, сколько с тех, которые поставляют вино; сколько с сена, сколько с дерева, лучины, осей и другого материала; сколько с выгонов, с овощей, с шерсти, полотна, с древесных плодов, с орехов, крупных и мелких, с садов, с рыбных садков, с красильных фабрик, с кож, с рогов, с меду и воску, с жиру и сала или мыла; с наливки, меду и уксусу; с пива, с молодого и старого вина, с молодого и старого хлеба, с кур, яиц,гусей, рыб, с кузнецов, оружейников, скорняков, столяров, токарей, седельников, с железных и свинцовых руд, которые отданы на откуп, с жеребцов и кобылиц.

§ 65. Рыбу из наших садков продавать, а остальную затем сажать в садки, чтобы иметь всегда ее под рукою. Если же мы не посетим наших имений, то продавать и это и обращать таким образом в наш доход.

———

Эшли.

100. Мэнор в Англии.

Представим себе поместье XI века в средней или южной Англии. В селении, по обе стороны улицы, стояли домики земледельцев, окруженные небольшими дворами, — тогда еще не было разбросанных по одиночке ферм, какие появились впоследствии. За деревней шла пахотная земля, разделенная, обыкновенно, на три больших поля: одно под пшеницей или рожью, другое под овсом или ячменем, третье под паром. Каждое поле, в свою очередь, делилось на коны; каждый кон — на полосы в 1—½ акра каждая; полосы эти не были огорожены, а отделялись друг от друга межниками, т.-е. полосками нераспаханного

дерна; полосы делились между земледельцами так, чтобы участок каждого состоял из нескольких отдельных полос в каждом из трех полей, при чем никто не получал двух смежных полос. Каждый отдельный держатель должен был обрабатывать свои полосы, сообразуясь с севооборотом своих соседей. Кроме пахоты, при селении были еще луга, которые огораживались на время сенокоса и делились на части по жребию, очереди или обычаю, а после сенокоса снова разгораживались для пастьбы скота. В большинстве случаев имелись также земли или лес, отведенные под постоянный выгон, где скот пасся или без ограничения количества, или в количестве, соответствующем величине участка каждого.

Поделенная таким образом пахотная земля в новейшее время стала известна под именем «общих», «общинных», «открытых» полей, а луга называют часто «Lammas lands», по тому дню, в который их разгораживали.

Если бы земля, разделенная таким образом, была в общей собственности группы свободных людей, то такой порядок представлял бы так называемую марку; но мэнориальный строй представляет собой нечто совершенно иное, так как в мэноре земля считалась собственностью не земледельцев, а лорда. Она делилась на часть, обрабатываемую непосредственно в пользу лорда — господскую землю, и другуя часть, предоставленную держателям — крепостную землю; последняя составляла обыкновенно от $^3/_5$ до $^2/_3$ всей земли. Господская земля состояла частью из отдельных огороженных участков, частью из полос, разбросанных среди полос держателей в общих полях; впоследствии у нас будет основание думать, что первоначально часть земли, принадлежавшая лорду, состояла исключительно из таких разбросанных полос, при чем лишь усадебная земля, окружавшая его дом, была, быть может, несколько больше, чем у остальных поселян. Из крепостной земли значительно большую часть держали целыми наделами, виргатами, иначе ярдлэндами, или половинными наделами, полувиргатами; эти участки назывались на севере хозяйствами, в некоторых местностях юга — уистами. Виргатой назывался участок земли, состоящий из нескольких полос, величиною каждая в 1—½ акра в каждом из трех полей с соответственной долей прав на луг и пастбище; обыкновенный размер виргаты, несомненно, — 30 акров, хотя в некоторых мэнорах величина ее опускалась до 16, а в других доходила до 48 акров. Держатели виргат или полувиргат составляли класс людей, равных по своему социальному положению, и в каждом отдельном мэноре несли в пользу лорда одинаковые повинности. Они назывались вилланами, т.-е. поселянами по преимуществу, а в тринадцатом веке — виргариями, по английски ярдлингами; на севере они часто назывались домохозяевами.

Ниже их стоял класс бордариев и коттеров, большинство которых держали только коттэдж с одним-двумя, а иногда даже с 5, 8, 10 акрами земли, конечно, в общих полях. Они отличались, повидимому, от вилланов в собственном смысле тем, что не имели ни волов, ни плуга; вероятно, во многих случаях они работали на вилланов по найму. В течение двух столетий, следовавших за норманским завоеванием, название «бордарии», принесенное, быть может, норманнами, заменилось старинным английским словом котмэн или коттер. В некоторых случаях между ярдлингами и коттерами

существовал третий промежуточный класс держателей полувиргат, так называемые полувилланы и полуярдлинги.

Вся земля мэнора, господская и крепостная, обрабатывалась по строго выработанной системе совместного труда. Единственными постоянными работниками собственно на господской земле были рабы, которых было лишь небольшое количество; все или почти все необходимые работы исполнялись под наблюдением приказчика вилланами и коттерами за те земельные участки, которые они держали. В Книге Страшного Суда не приведены повинности вилланов, но Черная Книга Питербороского монастыря, составленная менее, чем 40 годами позже, дает для каждого мэнора, принадлежавшего этому монастырю, подробный перечень обязательных работ, отбывавшихся держателями, перечень, вполне согласный со списками их в Rectitudines Singularum Personarum, составленными полуторастолетием раньше. Из всех позднейших описаний розысков, осмотров и списков доходов, или так называемых ренталей, за три столетия эти списки повинностей наиболее важны и характерны. Перечисленные там повинности, на первый взгляд сложные и запутанные, легко делятся на две главные группы: на так называемую еженедельную работу, или поденщину, труд одного человека в течение двух или трех дней в неделю, и добавочную работу в течение нескольких дней во время весенней и осенней пахоты и жатвы. В таких случаях лорд часто требовал работы всей семьи, за исключением хозяйки дома... Кроме того, обыкновенно, лорды брали еще незначительные денежные поборы, уплачивавшиеся по четвертям года, и всякого рода натуральные взносы, неодинаковые в каждом мэноре, — столько-то кур и яиц или столько-то бушелей овса в разное время года; затем шли всякие другие обязательные работы, также неодинаковые в каждом мэноре; из них наиболее часто упоминается «подводная повинность». В те дни, когда собиралась помочь, лорд обыкновенно кормил работавших у него, и в позднейших сборниках крестьянских повинностей, в так называемых кустумариях, точно обозначены дни, когда работают на харчах лорда и когда на своих собственных, и подробно говорится о том, когда рабочим дается только питье, а когда один только хлеб, а питье не дается, когда, следовательно, — одна «сухая» еда, когда дается черный хлеб, когда белый и когда даже мясо, хлеб и сыр, — не лишенные комизма подробности, оживляющие сухой текст документа. В одном месте даже говорится, что в два последние дня жатвы каждый рабочий может привести с собой поужинать одного товарища.

У нас мало сведений о том, как на самом деле обрабатывалась земля, но перечисленные в известной книге «Fleta» обязанности приказчика и старосты дают некоторое основание предполагать систему общей обработки, которая, вероятно, не менялась в существенных чертах целые столетия. Главный недостаток имеющихся в рассматриваемой книге данных состоит в том, что последняя написана для удовлетворения потребности в таком руководстве, ощущавшейся мэнориальными лордами и их управляющими, и что, поэтому, в ней говорится лишь об обработке господской земли и нет сведений о способе обработки земли крепостной; хотя, принимая во внимание, что господская земля часто, если не всегда, состояла из лежащих вперемежку с крепостной землей полос, становится ясным, что господская земля и крепостная не могли обрабатываться отдельно друг от друга.

Самой хлопотливой работой была пашня. На господских землях и крепостных имелись свои особые плуги; плуги, употреблявшиеся на первых, были, обыкновенно, тяжелее, нежели те, которыми работали на вторых, и требовали, поэтому, больше скота. Вспашка барской земли производилась плугами лорда с помощью плугов, принадлежавших вилланам, для чего последние были обязаны давать волов и людей по очереди и в соразмерности с величиной наделов. В описях обыкновенно или определялась работа каждого виллана, а затем каждого коттария (в последнем случае обыкновенно назначалось меньше рабочих дней в неделю — один или два вместо двух или трех, и не требовалось вовсе пахоты, так как коттеры не имели волов), или же подробно обозначались отработки первого владельца, целой виргаты или полувиргаты и первого коттария, а при каждом следующем имени отмечалось, что он отбывает те же повинности, что и такой-то.

По словам авторы «Флеты», каждое поместье, принадлежавшее крупному лорду или корпорации, управлялось тремя должностными лицами: управляющим, приказчиком и старостой. Управляющий, стьюард или сенешал не был, строго говоря, мэнориальным должностным лицом, а являлся представителем лорда, поставленным над несколькими мэнорами; его главная обязанность, кроме общего контроля над приказчиками, бейлиффами, заключалась в том, чтобы творить по поместьям суд и расправу. Но, чтобы надлежащим образом исполнять эти обязанности по управлению, он должен был знать состояние каждого мэнора. Он должен был, по словам автора «Флеты», знать обычные повинности каждого держателя, производить расследование, если кто-нибудь продавал свой надел без разрешения, и в таком случае доискаться, кто был в то время приказчиком и должен нести ответственность. Он должен был знать, сколько акров следует вспахать и сколько зерна пойдет на посев, чтобы его господина не обманули «плуты-старосты»; он должен, затем, знать по скольку плугов и сколько раз держатели обязаны выставить на подмогу для обработки господской земли. Кроме всего этого, он должен был следить за поведением приказчиков, смотреть, чтобы они не злоупотребляли своей властью и не нарушали господских интересов; «он должен наводить справки, как относится приказчик к соседям и держателям лорда, не вмешиваются ли они в споры и не проводят ли ночей по тавернам. Если приказчик причиняет убыток лорду своим дурным поведением, управляющий должен поправить дело; если проступки приказчика повторяются часто, управитель должен удалить его». Конечно, только крупные собственники имели управляющих; лорд, владевший одним только мэнором и живший в деревне, мог сам творить суд и контролировать приказчика.

Приказчик был постоянным представителем лорда в мэноре; специально на него возложена была обработка господской земли. «Приказчик должен встать рано поутру и следить, чтобы волы были запряжены; а затем обойти и осмотреть вспаханные поля, а также леса, луга и пастбища. Потом он должен сходить на пашню и смотреть за тем, чтобы не выпрягали волов прежде, чем будет исполнена вся дневная работа». Кроме того, он должен распоряжаться жатвой, косьбой, возкой и другими работами, смотреть, чтобы земля была как следует удобрена и вспахана, чтобы лошади не работали через меру, а также наблюдать за молотьбой на гумне.

Староста, с другой стороны, является как бы представителем поселян. По свидетельству автора «Флеты», его избирало с е л о, т.-е. совокупность вилланов, из людей, наиболее сведущих в земледелии, и представляло на утверждение лорда или его управителя. Будучи лицом, ответственным перед лордом за исправное отбывание повинностей вилланами, он считался, однако, представителем вилланов и, соблюдая их интересы, «отмечал на бирке ежедневные работы, а в конце недели подсчитывал их вместе с приказчиком». Он должен был смотреть, чтобы барские и вилланские плуги начинали работу пораньше, чтобы поля были засеяны как следует, не слишком редко, а земля была хорошо удобрена. Несомненно, к должности старосты в Англии относились с большой неохотой, иначе не было бы надобности делать замечание, с которым мы иногда встречаемся в списках обычных повинностей, а именно — что каждый, держащий виргату или полувиргату, может быть принужден принять на себя эту должность. Впрочем, обыкновенно в виде вознаграждения староста освобождался от всех или только некоторой части работ на время службы, или ему отводился даже добавочный клочок земли. Можно, правда, сомневаться, действительно ли то, что говорится в книге «Флета», соответствует общепринятому порядку, т.-е. были ли в действительности и приказчики и старосты в каждом мэноре. Вероятнее, что это известие автора «Флеты» не более как сделанное этим юристом обобщение, никогда не совпадавшее с действительностью, или же если такой порядок и существовал когда-нибудь, то к тому времени, когда была написана книга, он уже стал исчезать. Несомненно, повидимому, то, что в начале четырнадцатого века обработкою земли в мэноре заведывало только одно лицо, называвшееся безразлично старостой или приказчиком. Но это лицо, очевидно, исполняло почти те же обязанности, которые приписываются приказчику в книге «Флета», так что в общем мы не можем сомневаться в справедливости того, что мы говорили выше об общинной обработке земли.

Что касается другой стороны жизни села — работы держателей на своих собственных виргатах, то относительно этого мы не имеем сведений; мы можем только предполагать, что эта работа производилась также общим трудом, при чем каждый держатель доставлял волов и людей для общественной пахоты в соответствии с величиной своего надела и, вероятно, присоединялся также к своим товарищам для сенокоса и жатвы по известному общему плану.

———

Эшли.

101. Крестьянская община в мэноре.

Основной отличительной чертой мэнориальной группы, рассматриваемой с экономической точки зрения, была ее с а м о у д о в л е т в о р я е м о с т ь, ее социальная н е з а в и с и м о с т ь. Вступление новых держателей извне было, правда, всегда возможно: они или заступали место вилланов, умерших бездетными, или же занимали участки домена и пустоши. Но это случалось, вероятно, очень редко; обыкновенно же земля обрабатывалась одной и той же семьей, переходя от отца к сыну.

В состав села входили люди, исполнявшие все ремесленные работы, необходимые в обыденной жизни. Здесь была также постоянно водяная или ветряная мельница, которой обязаны были пользоваться держатели поместья, платя за это пошлины, составлявшие значительную часть дохода лорда. То и дело мы узнаем, что слуги лорда отбирали ручные мельницы, которыми осмеливались пользоваться держатели, нарушая этим права лорда. Долгое время лорды сами держали мельницы, поручая эксплуатацию их приказчикам и извлекая из этого какую только было возможно прибыль; но в XII веке вошло в обычай сдавать мельницу в аренду одному из вилланов за ежегодную ренту, так называемую фирму. Многие села, хотя и не все, имели своих кузнецов и плотников; вероятно, вначале они представляли собою должностных лиц общины и держали землю под условием чинить плуги помещика и поселян; в течение XIII и XIV столетий эта повинность стала также заменяться денежным оброком, и ремесленники стали получать плату за каждую сработанную вещь. Другим сельским должностным лицом, иногда державшим землю в силу своей должности, был загонщик.

Мелочных лавочек еще не было тогда в селе; во многих местностях их не существовало до настоящего столетия; об'ясняется это отчасти тем, что тогда не появились еще многие потребности, которым они удовлетворяют, а отчасти тем, что имевшиеся потребности удовлетворялись или при помощи поездок, предпринимавшихся через большие промежутки времени на отдаленные ярмарки или рынки, или же работою самой семьи. Женщины сами ткали грубую шерстяную и льняную ткань для одежды; мужчины сами дубили кожи.

Таким образом, обитатели типической английской деревни из года в год употребляли те же обычные способы обработки земли, живя тем, что они производили, и мало приходя в соприкосновение с внешним миром. Правда, самый факт существования городов не оставляет сомнения, что чисто земледельческие округа производили более, чем требовалось для их собственного потребления; и, действительно, зерно и скот отправлялись даже на отдаленные рынки лордами мэноров и их бэйлиффами в количестве, возраставшем по мере того, как крупные лорды и корпорации стали предпочитать денежные платежи натуральным. Но, кроме этих случаев, сношения поселян с внешним миром были весьма немногочисленны. Сношения эти состояли, во-первых, в закупке соли, являвшейся предметом первой необходимости в средневековой жизни, когда народ питался солониной пять месяцев в году. Более всего в ходу была соль, шедшая с южного берега, преимущественно из Пяти Портов, где она добывалась выпариванием морской воды. Запад Англии получал большое количество соли из соляных варниц в Дройтвиче, принадлежавших Вустерскому приорству. Соль более высокого качества ввозилась в большом количестве из Гиенни. Во-вторых, существовала постоянная надобность в железе для плугов и другой сельско-хозяйственной утвари. В употреблении было железо или английского производства, из Суссекса, или привозное, доставлявшееся из-за границы, главным образом из Испании, и продававшееся на ярмарках и рынках. Обыкновенно приказчик делал большие закупки железа и держал его про запас, выдавая по мере надобности кузнецу необходимое количество для починки господских плугов. В очень сухое лето инвентарь сильно портился, вследствие чего увеличивался спрос на железо и

устанавливались более высокие цены на него; в отчетах бэйлиффов часто упоминается о «дороговизне железа по причине засухи». В конце XIII столетия, когда появилась новая болезнь на овцах — чесотка, обнаружилась потребность в дегте, который приобрел большое значение в качестве лекарства. Деготь производится в Норвегии, и ганзейские купцы ввозили его из Бергена в норфолькские порты. В годы мора расход под этой рубрикой составлял крупную статью в отчетах бэйлиффов. Кроме всего этого, единственной постоянно возобновлявшейся потребностью, которой село не могло удоевлетворить своими силами, была потребность в мельничных жерновах. Жернова более высокого качества шли из окрестностей Парижа и ввозились через восточные и южные порты, куда за покупкою их и ездили часто бэйлиффы или мельники. Обязанность помогать бэйлиффу в перевозке мельничных жерновов из ближайшего города была иногда повинностью, падавшей на всех держателей поместья, как вилланов, так и свободных.

———

Н. Павлов-Сильванский.

102. Экономический строй боярщины.

Средневековое крупное имение у нас, как на Западе, делится на две неравные части: одна, большая часть, обрабатывается крестьянами, как самостоятельными хозяевами, за известную плату в пользу землевладельца; другая состоит в непосредственном хозяйственном заведывании господина и составляет, обыкновенно, незначительную часть всего имения. Тесно связывая средневековое крупное землевладение с феодальной системой, новые исследователи вводят эту основу хозяйственного строя сеньории — это «соединение крупного землевладения с мелким хозяйством» крестьян — в определение главных признаков феодализма. У нас в средние века наблюдается та же незначительность барской запашки, та же незначительность собственного хозяйства господина, которая является основною чертою крупного землевладения феодальной эпохи.

Центральным пунктом имения, средоточием всего вотчинного управления была господская усадьба. Эта усадьба и у нас и на Западе называлась двором, одинаково с крестьянской усадьбой, с крестьянским двором. Наш термин двор барский представляет собою точный перевод латинского термина curtis dominicalis и немецкого Fronhof. Принадлежавшая к боярскому двору, состоявшая в непосредственном хозяйственном ведении господина, земля называлась на Западе землей салической (terra salica, salland [1]), у нас — землей боярской. Часть этой боярской земли обрабатывалась людьми господина, плугом господского двора, другая часть — барщинным трудом крестьян. Источником образования этой земли была или распашь новин, или же припуск к боярскому двору пустошей, т.-е. запустевших крестьяских участков. Известия русские и германские совпадают в этом пункте, как и во многих других: германские грамоты говорят о переходе запустевших крестьянских гуф в салическую землю; рус-

[1] Первоначальный смысл слова Sala — наследственное, отцовское, дедовское владение, т.-е. отчина, дедина.

ские писцовые книги о «припуске» к боярскому двору запустевших крестьянских дворов [1].

Управление и хозяйство господского имения, обыкновенно, было в руках уполномоченного господином приказчика. Наш термин посельский дает как бы буквальный перевод латинского villicus, от слова villa — имение, село. Посельский заведывал собственным хозяйством господина на боярской земле; в отношении же участков, занятых крестьянами, как самостоятельными хозяевами, он был только сборщиком оброков и податей, а также судьей и управителем. Вознаграждением ему служило пользование пожалованным ему участком земли, и в особенности особые пошлины, которые он собирал с крестьян в свою пользу.

———

И. Кулишер.

103. Ремесло в поместном хозяйстве.

Бюхер правильно характеризует поместье раннего средневековья как замкнутое домашнее хозяйство, которое самостоятельно удовлетворяет все потребности находящегося в пределах вотчины населения. Оно, действительно, является самодовлеющим целым, не выходит за свои пределы, не нуждается во внешнем окружающем его мире. Потребности эти, правда, не велики; они ограничиваются весьма простой и грубой пищей, довольно примитивным жилищем и немногими предметами одежды и утвари, напоминающими по своей простоте обстановку современных вне-европейских диких народов. И немногим лучше жили вотчинники вплоть до герцогов и королей.

Потребности эти удовлетворялись прежде всего и на девять десятых сельским хозяйством — у крестьян продуктами собственного же труда, у помещика частью барщиной, т.-е. трудом крепостных, частью оброком. Последний состоял не только в сельско-хозяйственных продуктах, но нередко и в промышленных изделиях, пряжах и тканях из шерсти и льна—признак несвободного состояния. Холст в особенности упоминается сплошь и рядом (напр., в поместьях монастырей Прюм, Лорш, Вейсенбург). Столь же обычным оброком являются шерстяные ткани; 600 серых плащей или 35 фунтов серебра упоминается в грамотах аббатства Фульда в X ст. Или же оброк заключался в коже, в сыром или обработанном виде, предметах из дерева и т. п. Существовали специальные наделы, которым оброк был назначен исключительно в тех или иных промышленных изделиях. Точно также и барщина выражалась не только в полевых работах, но и в постройке необходимых для помещичьего хозяйства зданий — усадеб, сараев, амбаров, мельниц, а равно в промышленных работах на помещичьем дворе — в варении крепостными пива, выжимке вина, в производстве сапожных, скорняжных, сукновальных и др. работ (напр., в аббатстве Рейхенау) в течение известного времени. При этом крепостные получали пропитание на монастырском дворе, «пока они заняты изготовлением одежды для монахов»; в остальное время, как видно из различных урбариев, они обрабатывали свой надел.

[1] Новгородские писцовые книги говорят о припуске запустевших дворов и «деревень»; деревней в это время в XV веке называлось крестьянское хозяйство («деревня» и «село земли») одного или нескольких дворохозяев.

Во всех этих случаях мы имеем дело с формой производства, именуемой работой для домашних потребностей. Но характер ее не изменяется и тогда, когда тот или другой крепостной всецело посвящает себя данному промыслу, работая как на вотчинника, так и на других крестьян, ибо и здесь его работа не выходит за пределы поместного хозяйства, не происходит для сбыта. Впрочем, таких работников мы находим немного. Правда, мы встречаем в подворье сан-галленского монастыря помещения для седельников, токарей, кожевников, выделывателей щитов и мечей; в баварских монастырях, помимо виноградарей, охотников, рыболовов, упоминаются также токари, кузнецы и оружейники. Еще большее количество специальностей должно быть на-лицо, на имперских доменах (кузнецы, золотых дел мастера, кожевники, токари, выделыватели телег, щитов, плетеных изделий, мыловары, а также пекаря, пивовары, рыболовы и т. д.).

Но таковы были лишь приказания: действительность им мало соответствовала. Мы узнаем, что даже на хорошо устроенных императорских поместьях промышленных работников совершенно не оказалось; вопрос о наличности их на других доменах обходится молчанием. И в большинстве церковных поместий, повидимому, имелись лишь работники двух-трех специальностей (в аббатстве св. Ремигия в Реймсе упоминаются лишь кузнецы, мельники, рыболовы), так что приходилось занимать работников у других лиц. Так, напр., епископ фрейзингский временно уступает опытного кузнеца; архиепископ майнцский просит аббата уармутского о присылке ему из Англии стекольщика для выделки оконных стекол и сосудов в монастыре; аббат монастыря его уступает епископу Фротару. В качестве особой заслуги архиепископа реймского летописец упоминает о том, что он повсюду старался добыть работников и снабдить их наделами. Монастырь Фульда также раздает наделы лицам, знакомым с промышленными работами. Однако, в этих и других случаях мы даже не знаем, существовало ли всего одно или же несколько лиц данного промысла и были ли они профессиональными работниками или лишь временно занимались промышленным трудом на барском дворе. По крайней мере, в монастыре Стаффельзе при наличности 24 женщин, занимающихся изготовлением платья, оказался запас всего 4—5 предметов различного сорта, так что можно предполагать, что работа производилась ими лишь известное время в году. В аббатстве Верден крепостные мастера работают одни через день (2 пекаря, 2 повара, 3 пивовара, один сторож при погребе), другие — каждые 3—5 дней (4 плотника и т. д.); однако, на время жатвы они в течение 2 недель совершенно освобождаются, так что и они занимались сельским хозяйством.

В других монастырях, напр., Вейссенбург, работают по очереди или в течение зимы, дважды по 14 дней. Приведенные обстоятельства проливают свет и на вопрос о том, правильна ли старая теория, согласно которой в вотчинах существовали корпорации дворовых работников и по типу этих корпораций были впоследствии организованы ремесленные цехи в городах. Никаких положительных данных о таких корпорациях в рассматриваемую эпоху мы не имеем. Упоминаются, правда, но они обозначают не старейшин корпораций, как полагает упомянутая теория, а очень искусных и умелых работников или же надсмотрщиков над прочими дворовыми работниками. Из последнего, однако, вовсе не следует, что эти работники были рас-

пределены по специальностям и во главе каждой группы поставлен магистр. Мало того, самая возможность существования таких корпораций находится в противоречии с приведенными фактами — с тем, что количество промышленных работников в вотчинах было весьма незначительно, и с тем, что, поскольку они имелись, они в большинстве случаев не были профессиональными работниками.

Наконец, находим и домашнее производство в виде предметов, изготовленных монастырской братией. Самое развитие различных ремесл и искусств было вызвано, главным образом, потребностями церкви. Таково было производство золотых изделий — золотых чаш, кубков, подсвечников, для алтаря, рак для мощей, даже целых алтарей; производство изделий из стекла — оконных стекол с мозаикой для церквей, стеклянных ламп, сосудов, ящиков для реликвий; таково и переплетное мастерство, производство пергамента, литье колоколов, выделка пола и стен из мозаики и т. д. В церквах же ремесла и искусства достигли высокого совершенства: упоминаются монахи в качестве живописцев, музыкантов, золотых дел мастеров, резчиков по слоновой кости и т. д. Духовные лица в Северной Италии и Франции, позже и в Германии были первыми специалистами в этих промыслах. В эпоху Каролингов и еще позже — до XII ст. — они являлись единственными строителями каменных зданий, даже мирских; впоследствии они передали свои сведения прочему населению.

За пределы замкнутого вотчинного хозяйста выходит уже деятельность тех свободных, обыкновенно странствующих, ремесленников, которые, переходя с одного поместья на другое, за известную плату (натурой) обрабатывали полученный от вотчинника материал. Быть может, это были прежние мелкие землевладельцы, лишившиеся земли, но в виде исключения сохранившие свободу; или же это могли быть лица, формально несвободные, но фактически (экономически) пользовавшиеся свободой в виде возможности работать на рынок и обязанные доставлять вотчиннику лишь незначительный оброк своими изделиями. Такие промыслы существовали, однако, лишь для немногих специальностей. Простые работы по обработке дерева и металлов, плетенье и т. д. могли производиться крепостными; ими выделывались даже столы и скамьи, как видно из одного англосаксонского урбария XI века. В светелках на помещичьем дворе женщины пряли и ткали лен и шерсть (мужчины этим не занимались обыкновенно). Наконец, гончарное искусство в течение долгого времени почти отсутствовало, да и впоследствии оно находилось в теснейшей связи с домом, как это можно усмотреть (по указанию Морица Гейне) из разнообразия наименования горшечника. Из них ни одно не распространилось на значительные области, в противоположность общегерманскому названию кузнеца... Этот последний является (как у не-европейских народов, так и в Европе) первым ремесленником (т.-е. производящим для заказчиков); кузнец необходим для выделки сложных металлических предметов. К нему иногда присоединяется плотник для постройки замков и украшения их, для постройки судов и выделки иных предметов из дерева.

———

И. Кулишер.

104. Торговля в эпоху раннего средневековья.

Странствующие ремесленники, необходимые для работ, требовавших известного уменья, составляли отчасти уже привходящий извне элемент. Другим таким же, временно вторгавшимся в замкнутую жизнь поместья, фактором являлись странствующие купцы. Это были иноплеменники — евреи, арабы, фризы, саксы, позже — итальянцы (амальфитане, венецианцы). Но и их роль была незначительна; и они появлялись лишь от времени до времени, привозя, главным образом, с Востока, чрез Константинополь, предметы роскоши, малосущественные для хозяйства. Эти предметы были предназначены лишь для церковного благолепия (шелковые ткани и ковры, благовония, драгоценные камни) и богослужения (вино, лампадное масло, воск), либо для королей и феодалов, приобретавших пряности Востока, рабов и золотом шитые ткани в обмен на избытки доставляемых многочисленными крепостными продуктов, скоплявшиеся в их амбарах. Крестьяне не ощущали потребности в этих предметах; к тому же, отдавая все, остававшееся за покрытием необходимых потребностей, вотчиннику, не имели средств для покупки их.

Произведения Востока, как Индии и Китая, так и Халифата, доставлялись в Константинополь, преимущественно, арабами, которые в эту эпоху стояли чрезвычайно высоко как в области математики, медицины и архитектуры, так и в сфере сельского хозяйства, промышленности и торговли. Ими были перенесены с Востока в (мавританскую) Испанию рис, сахарный тростник, хлопок, лимонное дерево, тутовое дерево. Они развили здесь обработку кож, выделывая знаменитые кордовские, или корудсенские, кожи (от г. Кордова), производство фаянса-майолики, металлических изделий, которыми славился Толедо, изготовление шелковых тканей. Роль арабов в торговле того времени, отразилась на языке, на торговых терминах, заимствованных у них европейскими народами в сохранившихся до сих пор (арабские слова: караван, магазин, сарай, амбар, тара, тариф, адмирал, догана и др.). Огромное значение для торговли их имели пилигримства в Мекку, которые предписывались Кораном всем правоверным почитателям Пророка, являлись вместе с тем купеческими караванами, привозившими продукты Востока. Оттуда эти товары провозились дальше в Константинополь, который являлся центром международной торговли того времени. Сюда с'езжались купцы севера и юга — болгары, армяне, русские, арабы, итальянцы — и отсюда товары уже распространились по Европе. Желая сохранить за Константинополем монопольное положение, византийские императоры не дозволяли европейским купцам ехать дальше и приобретать продукты в месте их происхождения, а заставляли их покупать товары в Константинополе, притом нередко через посредство византийской казны. Многие произведения Византии также могли приобретаться лишь в складах императора; последние торговали хлебом, шелком, вином, оливковым маслом, которые получались в виде податей и сборов от населения и сбыт которых составлял монополию фиска.

Отсюда произведения Востока шли частью от Черного моря к Балтийскому — в Киев, далее вверх по Днепру и на Волгу, затем в Новгородскую область, прорезывая всю восточную равнину. Частью

они направлялись Средиземным морем в Марсель и затем в нынешнюю Францию, в особенности на ярмарки Сен-Дени и Труа. Или же они перевозились в Италию на ярмарки Павии и Феррары; здесь — по словам летописца — швабские бароны приобретали меха и отороченные пурпуром шелковые одеяния у венецианских купцов, доставлявших из заморских стран все богатства Востока. Наконец, важный путь с юга шел вниз по Рейну во Фландрию, и на Рейне был важный торговый центр — Майнц. Из арабского источника X ст., от участника посольства, отправлявшегося к Оттону Великому, мы узнаем, что он, к своему удивлению, нашел «в Майнце, лежавшем на дальнем Западе, пряности, встречающиеся только на дальнем Востоке, как, например, перец, имбирь, гвоздику». Несколько позже приобрел торговое значение Кельн, вступивший в торговые сношения с Англией. На Дунае выдвинулся Регенсбург в торговле с Киевом, Польшей, Венгрией и Чехией, поскольку такая торговля вообще являлась возможной при почти непрерывных войнах и набегах, происходивших в этих областях; постоянной торговли с Константинополем по Дунаю — как теперь выяснено — в те времена еще не было.

Среди промышленных изделий, производимых в Западной Европе и являвшихся об'ектами торговли, особенно ценились фризские сукна, отличавшиеся блеском и разнообразием цветов. Карл Великий не только сам их носил, но и послал в качестве подарка халифу Гарун-аль-Рашиду, ибо — сообщает санкт-галленский монарх — он знал, что эти ткани на Востоке составляли большую редкость и высоко ценились. Ткани эти сбывались во франкской монархии фризскими купцами. Но вопрос о том, где они изготовлялись, является весьма спорным. В то время, как до сих пор предполагалось, что они и производились теми же фризами, в настоящее время существуют две другие гипотезы. Одни утверждают, что место их выделки следует искать в Англии. Другие находят, что они изготовлялись во Фландрии, где уже во времена римского владычества существовало овцеводство, а в IX—X ст. — как видно из источников — изготовлялось и сукно.

Собственно говоря, странствующими купцами, переходившими из одного поместья в другое, нередко неся весь свой товар на спине, ограничивался обмен в те времена. Внутри поместья не было обмена; предметы доставлялись в качестве оброка помещику или вспомоществования (семена) крестьянину, а услуги оказывались в виде помещичьей барщины или взаимной помощи (помочей) между крестьянами при постройке избы и т. п. Но точно также и внутри целой страны почти не происходило меновых сделок между отдельными поместьями — не только в силу того, что специализации занятий не было, но и потому, что люди не привыкли меняться: обмен заменялся дарением. Как указывает Лампрехт, еще в XI веке покупали что-либо лишь в виде исключения; обычным же является получение подарков или же насильственные действия в отношении иноплеменников. Вотчинники упрашивали друг друга подарить им какую-либо вещь. Из этих дарений лишь постепенно возникал возмездный обмен: подарок сопровождался, в свою очередь, подарком, или одаренный давал с своей стороны что-либо дарителю. Переходную ступень составляла и передача имущества церкви в обмен за молитвы и освобождение душ от власти дьявола.

Таким образом, внутренний обмен возник у европейских народов, сравнительно, поздно. Междуплеменный обмен появился раньше;

временно он возник уже во времена Римской империи — это был пограничный обмен между римлянами и германцами. Впоследствии он прекратился и в течение продолжительного времени заменялся, по преимуществу, безвозмездным приобретением имущества, грабежами. Купцы были одновременно и пиратами; первоначальное значение прибыли — награбленное имущество. Норманнские викинги были одновременно купцами и разбойниками. Входя в гавань, они поднимали красный щит на мачте — знак мира — и приступали к честному обмену; по окончании же обмена спускали щит и предавались столь же честному грабежу. Саксы, датчане, венды — все они начали свою торговую деятельность грабежом и пиратством. Поскольку же насилие исчезло, прибыль представляла собою в значительной мере результат обманных действий. Торговец, по представлениям того времени, прежде всего обманщик — человек, прибегающий к сомнительным средствам для того, чтобы сбыть свой недоброкачественный товар. И в эпоху Каролингов исходной точкой является предположение об обмане в торговле (менять и обманывать — одно и то же); «торговля опасна для души, ибо едва ли обходится без обмана» — слова св. Иеронима.

Посредством подарков устанавливаются торговые мирные сношения между различными племенами; так, Карл Великий, напр., вступает в обмен с халифами, посылая к ним своих людей с дарами и получая в свою очередь, восточные ткани и притирания, даже водяные часы. Вражда прекращалась, впрочем, лишь временно и может возобновиться в любой момент, почему самый обмен происходит на нейтральной, пограничной черте; только такой характер имел обмен между германцами и римлянами. Купцы не решались удаляться вглубь чужой страны: в Британии римским торговцам были знакомы лишь берега; впрочем, их и не пускали в страну — племя нервов вовсе отказывалось допускать римских купцов не потому, что опасалось изнеживающего влияния вина, как полагает Цезарь (кн. II, гл. 15), а вследствие того, что боялось враждебных действий с их стороны. И впоследствии рынки устраивались на границе; мы находим их преимущественно на французско-валлонской порубежной полосе. Бардовик, Магдебург, Эрфурт, Фригейм, Регенсбург, Лорх являются пограничными рынками в торговом обмене со славянами и аварами.

Торговля находилась в теснейшей связи с богослужением — слово «месса» обозначает обедню и ярмарку; торговля соединялась с церковными празднествами и процессиями, ибо последние вызывали в определенные дни скопление народа; нередко в день освящения церкви жители окружных сел обязаны были совершать паломничества в церковь. Связь эта заходила так далеко, что первоначально и самая торговля происходила в храме; в то самое время, как на хорах совершалось богослужение, внизу, в корабле церкви, производился обмен товаров. Только здесь, где был провозглашен «божий мир», мог происходить междуплеменный обмен без враждебных столкновений. Отсюда и церкви эти получили название (например, в Ипре, Руане, Метце, Вестминстере) торговых, рыночных церквей. Лишь впоследствии торг был перенесен на площадь перед храмом; в течение всего средневековья на этих площадях находились рынки, устраивались торговые ряды, устанавливались лари и будки и производилась торговля. Древнейшие грамоты на право устройства рынков относятся к церквам и монастырям как во франкской монархии, так и в Англии, где монастыри: Вестминстер, Иорк, Дургем, Винчестер устроили первые

ярмарки. Из всех привилегий выданных в Германии вплоть до конца XII века, $^{9}/_{10}$ приходится на духовных лиц. Важнейшие торговые города средневековья — Базель, Страсбург, Констанц, Кельн, Аахен, Нюрнберг, Прага, Утрехт, Вестминстер и др. приобрели свое торговое значение благодаря тем святым, которые там почитались и вызывали пилигримство из отдаленных мест в находившиеся здесь монастыри. Не даром венецианцы, в коммерческих целях, всячески старались приобретать — отчасти это делалось путем насилия — мощи святых (например, они добыли руку св. Варфоломея, мощи св. Марка).

Обмен сосредоточился, следовательно, в определенных местах и происходил в определенное время. Он мог совершаться лишь на церковной площади, на рынке, но не должен был производиться вне рынка, т.-е. тайно или ночью. Обыкновенно, обмен совершался лишь в праздничные, т.-е. богослужебные, дни. Поэтому, воскресенье, несмотря на все запрещения церкви, являлось в течение всего средневековья рыночным днем, или же обмен происходил в те дни, когда приходили купеческие караваны. Мало того, обмен ограничивался определенными часами дня, пока продолжался рынок. Ибо только на рыночном месте и на время рынка прекращалась междуплеменная вражда; во всей Голштинии, например, три ежегодные ярмарки являлись единственным временем и местом вполне безопасного обмена. Внешним выражением этого является водружаемый с открытием рынка и стоящий в течение рыночного времени крест (или флаг) — знак того, что рынок находится под покровительством короля (как и под охраной церкви); в присутствии его или его представителя, графа, который следит за порядком на рынке, и свидетелй, совершаются торговые сделки. При этом требовалось уверение обеих сторон, что сделка совершена по обоюдному согласию, без принуждения. Охраной короля (как и церкви — мир св. Петра), пользуются все лица, находящиеся на рынке: отсюда название их: «королевские» купцы. Они пользуются охраной как на самом рынке, так и в окружности его на милю и на пути к нему (королевские дороги); во время рынка в течение некоторого времени после его окончания, обыкновенно 40 дней в году например, в Англии, во Фландрии). Всякое нарушение этого рыночного мира, рыночной свободы и безопасности, подлежит немедленному и строгому наказанию по приговору присутствующего на рынке должностного лица — рыночного судьи, который тут же разрешает и все споры гражданского характера, возникающие на рынке. Тем не менее редкий рынок обходился без драки и враждебных столкновений, сломанных ларей и будок: трудно было привыкнуть человеку относиться даже временно без вражды к иноплеменнику. Еще во второй половине X века драка на рынке, перейдя во всеобщую резню кончилась разрушением города Аугсбурга.

На время рынка чеканится монета, при чем, подобно ремесленникам и торговцам, и монетчики являются первоначально странствующими. На рынке устраивается разменная контора; здесь же взимаются рыночные сборы. Право чеканки монеты и взимание сборов, как и самое право устройства рынков, составляет королевскую регалию; впоследствии она переходит к феодалам.

———

И. Кулишер.

105. Деньги в эпоху раннего средневековья.

Деньги, прежде всего, являлись платежным средством; они служили для уплаты чиншей, повинностей, дани, вир, торговых сборов, для поднесения даров, а также являлись мерилом ценности. Воплощались они не только в форме благородных металлов, но и во всяких иных предметах. Чинши уплачивались хлебом, яйцами, курами, поросятами и вином; в качестве виры часто встречаются в особенности дойные коровы, «с рогами, зрячие и здоровые», или же ткани; подати вносились оружием, скотом; торговые сборы—нередко перцем; подарки делались часто мешками соли. Да и поскольку функционировали металлы (не только серебро, но не благородные металлы), они имели форму всевозможных украшений, и только на время рынка чеканилась монета. Особенно встречаем металлы в виде колец, браслетов: щедрый царь именуется в германском эпосе «раздающим кольца»; в древнеисландском судебнике глава о вирах названа «списки колец». Сбережения (клады, наследства) X—XI ст.ст. состояли из сосудов, украшений и т. п. в благородных металлах и лишь в незначительной части в монете. Таким образом, они служили целям потребления; при простоте этих предметов и дешевой работе крепостных не составляло потери превратить их в случае надобности в монету, что, действительно, совершалось (в особенности монастырями), когда наступали значительные платежи. Но по той же причине монета состояла из чистого серебра и к ней первоначально не примешивали других металлов, так как это сделало бы невозможным обратное превращение ее в различные предметы. В то время, как размер других предметов определяется еще долго и впоследствии, приблизительно, на глазомер, без применения мер и весов, взвешивание драгоценных металлов при платежах вошло в употребление уже в ранее средневековье, благородные металлы принимаются по весу; появляется монета в виде динариев, составляющих 1/240 фунта чистого серебра; римская либра, или фунт (весовая единица), принятая в то же время и в качестве монетной единицы. Но главной монетой в международной торговле являлась золотая византийская и арабская, а также серебряная арабская, или драхма. Это вполне соответствовало роли Византии и арабов в качестве торговых посредников того времени между Востоком и Западом.

———

П. Милюков.

106. Древне-славянские города.

Однако же древние писатели говорят нам о множестве «городов» в славянской земле. Скандинавы даже называли теперешнюю Россию «царством городов гардарик». Один неизвестный нам по имени географ, писавший в X веке, насчитал у разных славянских племен юга и запада не менее 3.760 городов. Само собой разумеется после всего сказанного, что «города» эти не были средоточиями торговли и промышленности. Древнее значение славянских городов открывается, прежде всего, из самого названия «города»: так называли наши предки

всякое огороженное или укрепленное место; «город» значило просто — «ограда». Древние славянские города и были укрепленными местами для обороны от нападения неприятелей. Там, где самая природа представляла достаточную оборону, можно было обойтись и без таких укреплений; в этом смысле Иордан говорит нам про славян, обитавших в теперешней Валахии, что они «вместо городов употребляют леса и болота».

Действительно, в эту лесистую и болотистую сторону было тогда трудно побраться иначе, как по течению рек. Но на местах более открытых потребность в укреплениях должна была почувствоваться очень рано: во многих местах без таких укреплений славяне не могли бы вовсе продвигаться вперед на новые земли среди окружавших их неприятелей. Как строился подобный «город», об этом сохранил нам рассказ один араб (Ибн-Якуб), лично посетивший западных славян в 965 году. Вот каким образом, говорит он, славяне строят большую часть своих крепостей. «Они выбирают луга, богатые водой и тростником, намечают там место, круглое или четырехугольное, смотря по тому, какую форму хотят придать крепости. Затем кругом этого места они выкапывают ров и из вынимаемой земли насыпают вал. Они укрепляют этот вал досками и сваями, утаптывая землю, пока вал не достигнет желаемой высоты. Затем они проделывают ворота, на какой стороне захотят, и подходят к ним по деревянному мосту». Так строились города на влажной мекленбургской низменности. В местах более холмистых для укрепления выбирался, обыкновенно, какой-нибудь обрыв на берегу реки или, еще лучше, на слиянии двух рек. На краях избранной возвышенности насыпался вал, так что середина ее принимала вид углубленной котловины. Обязанность строить город и чинить городскую стену лежала на всем племени. Самые приемы постройки были строго определены обычаем. Когда польский король Болеслав потребовал раз (в 932 г.) от «старейшин народа», чтобы они построили ему городскую стену «по римскому образцу», те отвечали ему, что «и не умеют и не хотят исполнить требования, так как и отцы их ничего подобного раньше не делали».

Множество остатков древне-славянских укреплений мы и теперь находим на всем пространстве славянских земель. Один славянский ученый насчитал их до 2.279. Величина этих окопов, или так называемых «городищ» самая различная: от 150—300 шагов в окружности до 2 квадратных верст. Понятно, что и назначение этих различных по размерам городов было различное. Самые маленькие из них служили пограничными сторожевыми пунктами или временным убежищем семейной общины на случай неприятельского набега. Самые большие были средоточием для целого племени: в них помещалось племенное управление. Возле таких правительственных и военных центров начинало мало-по-малу поселяться торгово-промышленное население. Особенно быстро разрасталось население города, если он лежал на значительном торговом пути, где-нибудь на большой реке или около моря.

107. Возникновение ремесла и цехов.

Когда рабочий в поместье приобретал особенное искусство в своем ремесле, становилось неразумным употреблять его на другие работы. Если поместье не требовало всей его рабочей силы, он начинал работать на других, на соседние крестьянские хозяйства или на поместья, которые были слишком малы, чтобы держать или выработать такого мастера. Конечно, рабочий не мог работать на сторону, не получивши разрешения от своего сеньора и не вознаграждая его оброком.

Мы видим здесь зарождение работы на заказчика.

Рядом с нею скоро выступает и работа на рынок.

Некоторые усадьбы — резиденции императоров, королей и епископов — в особенности, привлекали население из близких и отдаленных областей. Там собирались военные люди, дружина, чиновники, туда же по временам направлялись толпы всякого люда: к праздникам и увеселениям и для судебных разбирательств и торжеств разного рода. В этих местах сосредоточивались все богатства страны. И купцов — в Германии на первых порах, обыкновенно, иностранцев, итальянцев и евреев — тоже привлекали такие усадьбы. Купцы легче всего находили здесь сбыт для своих товаров; ремесленники тоже скорее всего могли ожидать, что здесь они быстро обменяют свои продукты на другие.

Места, связанные с такими поместьями, сделались рынками. Население и богатство их возрастало; поэтому, у них раньше, чем в других местах, явились средства для возведения укреплений и подумать об этом им пришлось очень рано, так как они больше всего привлекали жадность грабителей. Благодаря укреплениям эти места сделались городами.

Если большое население и богатства побуждали возводить укрепления, то укрепления и обеспечиваемая им безопасность в тогдашние времена, в свою очередь, служили новой причиной роста городского населения и богатств.

Таким образом, в Германии с VIII века, а в других странах западно-христианского мира в более раннее или более позднее время возникает сеть городов.

Только немногие города с самого начала были свободны. Большинство развилось из феодальных деревень, их обитатели стояли под властью одного или нескольких сеньоров. Но чем больше возрастали богатства и население городов, тем легче могли они обойтись без защиты сеньоров, тем более оброки и службы, исполнявшиеся для поместий, превращались в ненужные тягости, и тем больше возрастала сила городов, необходимая для освобождения от феодальной зависимости.

Горожане все решительнее выступали против своих сеньоров, пока им не удалось, наконец, повсюду добиться свободы.

Развитие городов, конечно, отразилось и на положении ремесленников. Составляя очень значительную часть городского населения, ремесленники принимали живое участие в борьбе против сеньоров и извлекали свою долю пользы из успехов в этой борьбе.

Города не только открывали рынок для продуктов ремесленного производства, но и давали защиту ремесленникам. Рядом с ремесленниками поместья, в городе стали селиться и другие ремесленники, как свободные, уже занимавшиеся ремеслом или впервые обращавшиеся к ремесленным занятиям, так и бежавшие из усадеб феодально-зависимые и крепостные крестьяне. Тогда еще не было избытка ремесленников. Напротив, города были довольны, если их население возрастало: благодаря этому возрастало их благосостояние и сила. Они давали защиту беглым крепостным и феодально-зависимым. Беглецы становились свободными, если они оставались в городе не отысканными в течение года. Сами ремесленники смотрели на вновь прибывающих товарищей по профессии не как на конкурентов, а как на товарищей по борьбе, и потому радушно встречали новых горожан. Наряду с зависимыми и крепостными ремесленниками возрастало число свободных ремесленников. Первые об'единялись со вторыми, влияние и сила их увеличивалась, и не свободные становились все самостоятельнее. Службы и натуральные оброки заменялись денежными оброками. На несвободных ремесленников распространялась «свобода рынка» — право свободной, беспрепятственной купли-продажи. Наконец, получил всеобщее признание тот принцип, что всякий живущий в городе уже в силу этого становится лично свободным.

Ремесла одно за другим исчезают в поместьях, и одно за другим становятся исключительно городскими. Помещикам приходится теперь покупать в городах, как товары, продукты, которые прежде производились в их поместьях.

Ремесло окончательно перестало быть областью для деятельности несвободных людей. Когда его развитие завершилось, мы встречаем среди ремесленников уже только свободных людей; ремесло процветает и пользуется большим уважением.

В разных местах и для различных ремесл это развитие совершалось в разное время. Вообще же можно сказать, что оно начинается в XI и заканчивается в XIV веке...

Рядом со старинными родами в городской марке образовался второй слой жителей, — слой позднейших поселенцев; они были совсем устранены от пользования общими городскими землями или пользовались ими лишь в ничтожной мере; они не принадлежали к общине марки и потому не принимали никакого участия в управлении ею. Но управление маркой было тождественно с управлением городом. Поэтому, новые горожане оказались политически бесправными. Старые же образовали городскую аристократию.

На первых порах новых горожан просто терпели в городе как людей, нуждающихся в защите. Но с течением времени численность и богатства их увеличивались. В их рядах оказались очень многие купцы, к ним же принадлежало большинство ремесленников. Они начали приходить к самосознанию и требовать участия в городском управлении. Раньше или позже, в некоторых городах в XIII, в других в XIV веке, новые горожане начинали борьбу против патрицианского строя, и в заключение, в XIV или XV веке, им почти везде удалось свергнуть его и добиться участия в управлении.

Общинная земля не была отобрана у патрийцев. Где таковая еще сохранилась и оставалась неподеленной, община марки продолжала существовать в пределах городской общины как замкнутое товарищество. Таким образом, городская община теперь уже не совпа-

дала с общиной марки. В основе городского устройства лежал — по крайней мере, в Германии — уже не строй марки, а цеховое устройство.

Продолжительная борьба многолюдных масс невозможна без организации. Должны были организоваться и ремесленники. Прообраз организации они нашли в общине марки. Уже в богатых усадьбах, где было много ремесленников, рабочие каждой профессии организовались в товарищества, руководимые мастером. Правда, товарищества эти сложились не для борьбы, а для производства и управления; но когда открывалась борьба зависимых рабочих против сеньоров, товарищества служили и военным целям. Освободившись от феодальной зависимости, ремесленники продолжали поддерживать свои организации. Но из зависимых ремесленных учреждений последние превратились в свободные цехи.

Свободные ремесленники в городах, в свою очередь, нередко основывали для взаимной защиты организации, которые с самого начала были свободными и самоуправляющимися. Эти свободные цехи оказывали влияние на зависимые и поддерживали их во время борьбы. Постепенно оба вида товариществ становились тождественными, и по уничтожении в городах феодальной зависимости мы находим только свободные гильдии или цехи.

В большинстве городов свободные цехи образовались уже в XII или XIII веке, в других несколько позже. С другой стороны, не все ремесла в одно и то же время приступили к организации в цехи. В первых рядах шли наиболее богатые и такие, которые насчитывали наибольшее количество членов. Самыми старыми были, кроме купеческих цехов, цехи шерстоткачей и портных. За ними следуют цехи башмачников, пекарей, мясников и т. д. Случалось и так, что отдельные ремесла были слишком слабы, чтобы организоваться в самостоятельный цех. Чтобы воспользоваться защитой организации, им приходилось примыкать к цеху какого-нибудь другого ремесла. Так, банщики, например, входили в Рейтлингене в цех мясников, а в Эсслингене — в цех скорняков.

Всякий горожанин при первой же возможности вступал в какой-нибудь цех. Даже проститутки организовали свои цехи, например, во Франкфурте, Женеве, Париже, где они под покровительством св. Магдалины занимались своим «горизонтальным ремеслом». Но не у всех была счастливая возможность организоваться в цехи, как и в настоящее время, не все пролетарии могут организовать профессиональные союзы. Всегда оставались многочисленные профессии, которые обеспечивали занимавшимся ими слишком скудное существование или считались слишком презренными; они не могли ни сорганизоваться в самостоятельные цехи, ни добиться приема в какой-либо из существующих. На эту «жалкую чернь» цеховые ремесленники взирали с такой же надменностью, как патриции — на них самих; у цеховых ремесленников не было и мысли о том, чтобы выступить и за эти низшие слои населения.

Так рядом со старинными гражданами в городах поднимался второй слой привилегированных.

———

М. Вебер.

108. Цеховое ремесло.

Цехом называется союз ремесленников, специализированных по роду их профессии. Деятельность его направлена на две цели: регулирование работы внутри цеха и монополизацию ее вне его. Он достигает этого, обязывая вступать в цех всех, кто в данном месте занимается данным ремеслом.

Дух западного средневекового цеха всего проще характеризуется выражением: политика цехов есть политика продовольствия Она означает урегулирование хорошего прокормления членов цеха, несмотря на повышенную конкуренцию, вследствие сужения площади питания: отдельный член цеха должен получать традиционное продовольствие и тем поддерживать существование...

Какими способами старался цех достигнуть этой цели?

Внутренняя цеховая политика стремилась всеми мыслимыми средствами установить равные шансы для всех членов цеха, подобно тому, как стремились этого достигнуть крестьяне путем раздела полей. Чтобы осуществить это равенство, следовало воспрепятствовать развитию мощи капитализма, особенно, не допускать неравномерного роста капитала у отдельных мастеров и вытекающего отсюда неравенства; один мастер не должен был возвышаться над другим. С этой целью регулировался процесс работы: ни один мастер не должен был работать иначе, чем установлено традицией. Цех контролирует качество товаров; контролирует и устанавливает количество принимаемых учеников и рабочих; регулирует, по возможности сообща, получение сырого материала, поскольку уже существовало производство на рынок; кроме того, цех или город закупал сырой материал и распределял его между отдельными мастерами; как только произошел переход к производству на рынок, и ремесленник, как капиталист-лилипут, приобрел возможность самостоятельно закупать сырой материал, цех начал требовать (начиная с XIV столетия) доказательства состоятельности. Кто не имел состояния, мог быть использован для других, как наемный рабочий. Как только суживалась площадь питания, цех становился замкнутым и устанавливалось предельное число мастеров (но к такому выходу прибегали лишь в некоторых местах). Наконец, были урегулированы взаимоотношения между отдельными ремесленниками. Цех прилагал усилия к тому, чтобы сырой продукт проделывал возможно более длинный путь, внутри отдельного хозяйства, и чтобы отдельный рабочий удерживал в своих руках изготовляемый предмет возможно дольше. Работа распределялась поэтому на основе расчленения отраслей, а не технической специализации. В производстве одежды, например, производство прокладывало себе путь от сырого льна до готового платья, не проходя в поперечном разрезе через отдельные производства прядильщиков, ткачей, красильщиков, суконщиков и т. д.; но насколько это было в их власти, цехи стремились направить специализацию на конечный продукт: один работник изготовлял брюки, другой куртки. Поэтому, в средневековых списках цехов мы находим двести различных цехов там, где по нашему мнению, с точки зрения техники, достаточно было бы от двух до трех дюжин. Тогда очень справедливо опа-

сались, что при поперечном рассечении процесса производства последний ремесленник, стоящий к рынку ближе всего, низведет остальных на степень наемных рабочих и подчинит их себе экономически.

Вот до какой степени проводит цех продовольственную политику (минимум обеспечения); но он кроме того хочет установить равные шансы дохода для товарищей и укрепить их на долгое время. С этой целью должна быть ограничена свободная конкуренция. Поэтому цехи регламентировали: 1) Технику производства, точно определяя количество работников, а в особенности учеников, которыми имел право располагать каждый сочлен; именно там, где ученичество угрожало выродиться в пользование дешевой рабочей силой, количество учеников ограничивалось одним или двумя для каждого мастера; 2) род сырого материала; особенно в производствах, где сплавляли металлы (например, у литейщиков колоколов), существовал довольно строгий контроль сплава для поддержания высокого качества изготовляемых предметов и для искоренения недобросовестной конкуренции; 3) технику производства и изготовления товаров, следовательно, например, способ приготовления солода, изготовления кожи, апретуры, окраски и т. д.; 4) они контролировали род применяемых инструментов; отдельный цех приписывал себе регулярно постоянную монополию на определенный род инструментов, которыми имел право пользоваться только он один; род этих инструментов устанавливался традицией; 5) качество продукта, прежде чем он мог попасть на рынок. — Цехи регулировали, кроме того, и экономику производства: 1) в смысле ограничения капитала, чтобы внутри цеха не могло развиться предпринимательство, которое превзошло бы остальных мастеров и принудило их служить ему. Этой цели служило запрещение сотрудничества с чужими, стоящими вне цеха; но проводилось это редко; 2) допущенным в цех мастерам была запрещена работа для других мастеров, чтобы они не низвели их на степень подмастерьев; также и работа для купцов, которая должна была непосредственно привести к системе скупки и закабаления. Цеховой ремесленник, который был наемным рабочим, должен был сдавать свой продукт, как платную работу по заказу. Для товаропроизводителя идеалом являлось предложение продукта на свободном рынке в виде товара; 3) цехи контролировали закупку материала; они запрещали предварительную закупку, т.-е. ни один член цеха не имел права запасаться сырьем раньше других. Нередко существовало право выкупа: всякий член цеха в случае недостатка сырого материала имел право требовать от товарища, чтобы тот ему уступил свой материал по себестоимости; 4) цехи препятствовали также предварительной продаже; с этой целью они часто прибегали к насилию над рынком и обостряли его тем, что запрещали уступку в цене и сманивание этим заказчиков; этим ставился предел торгу; 5) они запрещали продажу чужих продуктов; если ремесленник нарушал это запрещение, он считался купцом и не принадлежал больше к цеху; 6) они регулировали сбыт при помощи установления твердых цен, исходя из той точки зрения, что этим обеспечивается питание.

Внешняя цеховая политика является чистой политикой монополией. 1) Цех стремится и достигает того, чтобы в очень многих случаях в его руки попадала промышленная полиция в делах цеха, и он поддерживает также промысловый суд, иначе ему нельзя проводить контроль техники и производства для поддержки

равенства между членами. 2) Та же политика стремится достигнуть и обыкновенно достигает принудительности цеховой организации, по крайней мере, формально, хотя фактически ее часто обходят. 3) В очень многих случаях она достигает цеховой территориальной власти; такое стремление было повсеместно, но полных результатов цехи добились лишь в Германии, в Англии этого совсем не удалось провести, Франция и Италия остановилась на промежуточной ступени. Цеховая власть или юстиция обозначает областную монополию. В пределах территории, на которую цех распространяет силу своей власти, запрещается всякий промысел, кроме цехового. Это мероприятие направлено против странствующего промысла, который в значительной мере искореняется цехами, и против деревенского промысла; как только цехи захватили в свои руки власть в городе, первым стремлением их было уничтожить конкуренцию в деревне. 4) В случае перехода продукта из одного цеха в другой цехи устанавливали таксу; внутри цехов цена была минимальной, вне цехов устанавливалась на началах монополии. 5) Для того, чтобы цеховые мероприятия могли успешно осуществляться в жизни, диференциация труда должна была производиться по возможности путем расщепления процесса труда, а не разделения его, т.-е. как уже было указано, один и тот же рабочий изготовлял специализированный конечный продукт с начала до конца собственными силами. Всеми этими мероприятиями цехи препятствовали возникновению крупных производств внутри цехового. Но чему они не могли помешать — это было возникновение кабалы, а следовательно, зависимости ремесленника от торговца.

Как поздние результаты цехового развития, к указанному присоединяются еще дальнейшие правила. Они предполагают, что цех уже дошел до крайнего предела в использовании области питания, и только разделение труда между местностями, капиталистическое производство, расширение рынка могли создать новые источники приобретения. Прежде всего цехи все более и более затрудняли доступ к званию мастера. Цели же этой они достигали установлением «образцового продукта». Это явилось результатом сравнительно поздней ступени развития, так как начиная с XV столетия для «образцового продукта» были поставлены очень высокие экономические требования. С точки зрения целесообразности производства его изготовление не имело никакого значения или даже было связано с бессмысленными условиями; но это требование для получения «мастерства» ставило неодолимое препятствие к вступлению в цех малосостоятельным работникам в качестве полноправных членов. Кроме требования «пробного образцового продукта», мастера, сделавшиеся товаропроизводителями, достигали монопольного положения тем, что от всякого нового мастера спрашивалось удостоверение в обладании известным минимальным капиталом.

Только в это время появилась организация порядка ученичества и подмастерьев, которая является специальной отличительной чертой цехового устройства в континентальной Европе. Вначале устанавливается срок обучения и постепенно увеличивается в Англии до семи лет (в других местах он достигал пяти, в Германии по большей части трех лет). После того как ученик оканчивал обучение, он становился подмастерьем и на него налагался также обязательный срок пребывания в таком положении. В Германии это правило привело к появлению странствующих подмастерьев. Подмастерья вынуждены были

некоторое время переменять место, прежде чем они получали возможность утвердиться где-либо в качестве мастера; учреждение это было неизвестно Франции и безусловно Англии. Наконец, цех прибегал нередко к замыканию (ограничению) количества мастеров определенной наивысшей обязательной цифрой. Это мероприятие проводилось не только и не всегда в интересах экономической монополии цехов, но часто также властью города, городского сеньора или городского совета, именно в том случае, если последние опасались, что слишком большое количество мастеров уменьшит работоспособность в тех отраслях производства, которые имели жизненно важное значение с военной или продовольственной точки зрения. С таким замыканием связана была тенденция к наследственной аппроприации звания мастеров. Вытекающее отсюда предпочтение в пользу сыновей мастеров, а также их зятьев, при утверждении их в цехе, представляет собою явление, распространенное во всех странах в средние века, хотя в полной мере оно не проводится нигде. Здесь нашел себе выражение мелко-капиталистический характер некоторых отраслей ремесла в позднем средневековье. Тому же соответствует возникновение института подмастерьев. Правда, он возникает не только там, где ремесло практикуется для продажи на рынке, и где необходима наличность известного капитала для закупки сырья и для производства, но всего чаще там, где происходило замыкание количества мастеров.

———

К. Бюхер.

109. Городское хозяйство.

Замкнутое домашнее хозяйство в своем дальнейшем, продолжающемся столетие развитии, переходит в хозяйство непосредственного обмена: производство для личного потребления заменяется производством непосредственно на потребителя. Этот период развития мы назвали эпохой городского хозяйства потому, что в наиболее типичной форме он обнаруживается в средневековых городах германских и романских стран. Но при этом не следует упускать из виду, что зачатки этого развития мы можем найти еще в древности...

Если мы возьмем карту Священной Римской Империи и нанесем на ней те места, которые к концу средних веков обладали городским правом (их будет около 3.000), то вся страна окажется усеянной городами, расположенными друг от друга в среднем на расстоянии 4—5 часов езды на юге и на западе и 6—8 часов на севере и востоке. Не все города имели одинаковое значение; но все они в свое время были (или по крайней мере старались быть) средоточиями территориальных хозяйственных округов и вели столь же самодовлеющую жизнь, как раньше поместья. Чтобы составить себе представление о размерах этих округов, вообразим себе всю страну распределенную равномерно между городами. Тогда в юго-западной части Германии на город в среднем придется около 2—2½ квадратных миль, в центральной и северо-западной части 3—4, в восточной 5—8 миль. Представим себе, что город находится всегда в центре такого округа, и мы убедимся, что почти во всей Германии крестьянин даже из отдаленных селений

мог в один день добраться до городского рынка и к вечеру вернуться домой...

Области привоза и сбыта городского рынка друг с другом совпадали. Сельские жители привозили с'естные припасы и сырье и за выручку покупали труд городского ремесленника, либо непосредственно в форме отдачи ему материала для обработки, либо косвенно— в виде готовых изделий, заранее заказанных или купленных прямо с ларя ремесленника на рынке. Горожанин и крестьянин находились таким образом в отношении обоюдных заказчиков: в том, что производил один, нуждался другой, при чем большая часть этих меновых сделок совершалась без посредства денег или таким образом, что деньгами пользовались только для уравнения разницы в ценности...

Эта система непосредственного обмена проводится во всех мельчайших деталях, хотя и с различными местными особенностями, во всех средневековых городах. Отсюда следует, что к этому вынуждали те жизненные условия, на которых покоились основные положения этой системы. Насколько, однако, последняя была фактически проведена в жизнь, можно судить лишь, разобрав вопрос: какое положение при этом занимала торговля?

Существование в городах оседлой розничной торговли несомненно установлено. Сюда относятся все те лица, которые «продают по мелочам для бедных людей». Чтобы понять это, нужно помнить, что состоятельные люди все необходимое покупали обыкновенно на базарах и ярмарках, непосредственно от иногородних торговцев. Бедные же люди не могли запасаться на долгое время; они как и теперь, жили изо дня в день. Для них-то и держал запасы мелочный торговец, сбывавший товар в розницу.

Выделяются три группы таких розничных торговцев: лавочники, разносные торговцы и суконщики. Последние занимали в ранний период городской жизни наиболее почетное положение, ибо во многих городах еще не было поместного промысла шерстяных тканей. С появлением этого производства, деятельность их ограничилась продажею тонкого нидерландского сукна, шелковых и бумажных тканей, или же они вовсе вынуждены были уступить свое место в гостином дворе ткачам.

Оптовая торговля была исключительно кочевая, рыночная и ярмарочная, и большинство городов до конца средних веков не видали в стенах своих оседлых купцов, которые занимались бы постоянно и исключительно оптовой торговлей. Ей подлежали только те предметы, которые не производились в пределах городской округи. Мы можем насчитать всего пять предметов такого рода, а именно: 1) пряности и южные плоды; 2) сушеную и соленую рыбу, потребление которой в то время являлось обычным в народе; 3) меха; 4) тонкие сукна; 5) для северо-германских городов — также вино. Для некоторых частей Германии сюда можно отнести еще соль. Но большею частью городской совет сам выписывал соль с мест ее добывания, сохранял ее в собственных складах и с некоторой надбавкой в цене пускал ее через лавочников и толкачей (с уступкой последним) в продажу. Иностранные оптовые торговцы могли обыкновенно продавать свой товар только целыми партиями или же в количестве не менее определенного веса (пряности, например, в количестве не менее 12½ фунтов). Продажей по мелочам занимались уже городские лавочники и разносные торговцы. То же относится и к некоторым круп-

ным производителям, например, к кузнецам; железо, не проданное кузнецам и частным лицам, они могли сбывать мелочным торговцам железом.

Если и трудно топографически точно обозначить границы области ввоза и сбыта рынка средневекового города, ибо для каждого товара они естественно имели иные размеры, то все же в экономическом отношении эта область является вполне замкнутой. Каждый город с окружными селениями составлял автономную хозяйственную единицу, внутри которой вся экономическая жизнь от начала до конца протекала совершенно самостоятельно. Эта самостоятельность выражалась в собственной монете, собственных мерах и весах для каждой городской территории. Отношение между городом и деревней является фактически принудительным, подобно отношению главы к членам, и обнаруживает сильную тенденцию превратиться и в принудительное правовое отношение. На это ясно указывает существование городской округи, запрещение ввоза и вывоза, дифференциальные пошлины, приобретение собственной земли большими городами.

Г. Белов.

110. Торговая политика ремесленного города.

Характерной чертой средних веков, в отличие от нового времени остается то, что обмен между городами происходил в сравнительно ограниченных размерах. Это об'яснялось, как уже было упомянуто, естественными условиями. Но в то же время это являлось следствием энергичной городской политики, которая руководствовалась тем принципом, что следует думать только о благе своих сограждан и вредить каждому не-горожанину, как чужому.

Главными средствами для охранения хозяйственной обособленности городов были: складочное право, право заповедной мили и гостиное право. По складочному праву (штапельное право) купцы, попавшие в город, владевший этим правом, должны были продать там весь товар, по крайней мере, продавать его там в продолжение некоторого времени. Нередко к этому присоединялось еще обязательство не ездить никакой другой дорогой в округе, кроме той, которая проходила через город, обладавший складочным правом. Классический пример в этом смысле представляет собою, обладавший этим складочным правом, Франкфурт на Одере, который требовал, чтобы спускающиеся по Варте от Кюстрина суда поднимались вверх по Одеру во Франкфурт и, только поторговавши здесь, уже спускались к Балтийскому морю. Право заповедной мили было орудием против всякой конкуренции, могущей возникнуть в ближайшем округе: оно воспрещало заниматься известными отраслями промышленности, всего чаще пивоварением, на известном расстоянии от города. Это устраняло возможность возникновения нового города в непосредственном соседстве с уже существующим. Гостиное право налагало на приезжающих в город чужих купцов (так называемых «гостей») большие ограничения, воспрещало им, например, розничную продажу или продажу известных товаров, или же разрешало им торговлю только в определенное время. Оно воспрещало также горожанам входить в компанию с чужими.

Единственным временем, когда скорее еще разрешалось чужим торговать в городе, были рыночные дни.

Наряду с еженедельными рынками были и годовые ярмарки. Первые служили прежде всего для обмена с жившим вокруг сельским населением. Вторые привлекали дальнего купца. Теперь мы могли бы в общем обойтись без рынков или, по крайней мере, без ярмарок. Широко развитые сношения дают нам возможность узнавать о состоянии рынка в самых отдаленных местностях и получать оттуда товар. В старину это было не так. В то время, если не хотели ограничиваться предложением местных ремесленников, то должны были ждать, чтобы дальний купец сам приехал с товаром. В этом заключалось главное значение ярмарок, отчасти и еженедельных рынков. Города, строго обособляясь в другое время, в дни ярмарок устанавливали своего рода свободу торговли. Конечно, свобода эта не была неограниченной; и тут местный производитель имел преимущества перед чужими.

Все это рисует перед нами, однако, экономическую политику городов лишь в отношении к внешнему миру. Во внутренних отношениях они руководствовались следующими основными принципами: власти должны смотреть за тем, чтобы при мене, купле и продаже ни та, ни другая сторона не оставалась в накладе; барыш продавца не должен быть выше справедливой нормы. Город по возможности обеспечивает горожанину пропитание. Это был экономический символ веры того времени. Хотели, чтобы купля-продажа была проникнута духом христианской этики, и вменяли в обязанность властям стоять на страже христианского хозяйственного порядка.

Из этих основных принципов вытекал целый ряд решительных практических мер, целая система широкого контроля над всем обменом. Первое время регулирование торговли и промышленности принимало главным образом форму надзора за мерами и весами, за торговлей жизненными припасами; из этого зерна выросло впоследствии чрезвычайно развитое экономическое и социально-политическое законодательство.

Чтобы установить широкий контроль над обменом, следовало, по возможности, придать ему публичный характер. И действительно, прилагались старания к тому, чтобы торговая деятельность отдельного лица также происходила на глазах у всех. Этим об'ясняется то, что каждому вменялось в обязанность торговать исключительно на рынках и в рядах и пользоваться исключительно городскими весами (что, впрочем, нередко вводилось также для удобства обложения товаров). Сосредоточение торговли в официально предназначенных для торговли местах осуществлено было, хотя и не вполне, но все-таки в широких размерах. Ту же цель преследовали маклеры, которые были на положении городских чиновников. Для многих видов торговли существовало известное количество присяжных маклеров из горожан; в общем, в то время без посредничества такого маклера не допускалась никакая торговая сделка. На плечи этих агентов город взваливал надзор за соблюдением изданных торгово-полицейских распоряжений. Они или другие представители городской власти осуществляли контроль над товарами в широких размерах. Маклерам обыкновенно воспрещалась собственная торговля продуктами, при продаже которых они являлись посредниками; и вообще старались по возможности ограничивать торговлю из вторых рук. Городские законы вели решительную борьбу против барышничества Строгому наказа-

нию подвергались как те, кто перекупал товары, предназначенные для рынка, за городскими воротами или на улицах и не допускал их тем самым на рынок, так и те, кто, скупая помногу на самом рынке, лишал горожанина возможности запастись всем необходимым для дома. Хотя и не обо всех, но о многих предметах было установлено, что их можно было покупать только для собственного употребления. В особенности относительно зернового хлеба и убойного скота часто встречается постановление, чтобы торговцы кроме как для собственного употребления ничего не покупали из имеющихся на рынке припасов в течение положенных рыночных часов; только, если после официального закрытия рынка что-нибудь еще оставалось, можно было покупать для дальнейшей продажи. Ульрих Рихенталь в своей хронике Констанцского собора рассказывает, что торговцы «и яйца должны были привозить на общественный рынок, чтобы их мог покупать как богатый, так и бедный». В течение всех средних веков и еще в эпоху реформации держался взгляд, что «барышничество» предосудительно, так как без надобности поднимает цены на товары.

Необходимость торговать исключительно на рынке, институт маклеров-посредников, воспрещение барышничества, — это были все косвенные меры, направленные против поднятия цен выше справедливой нормы. Более кратким, прямым путем к достижению этой цели было установление городскими властями такс. И этот путь был продолжен. Города не раз устанавливали таксы на товары, в частности, на жизненные припасы.

Как видим, этой политике присуща тенденция, враждебная торговле, в особенности оптовой торговле. Городская социальная политика была по преимуществу политикой среднего класса.

———

Ш. Бемон и Г. Моно.

111. Феодальная система.

Феодальный строй организовался в X и XI веках, но элементы, из которых он сложился, начали развиваться гораздо раньше. Из них три являются основными. Это — вассалитет, бенефиции и иммунитет.

Вассалитет возводили к римскому и гало-римскому патронату, кельтской клиентеле или германскому mundium'у. Это не точно: патронат и клиентела устанавливали отношения зависимости между лицами разных состояний, в то время как вассал был и оставался свободным человеком, принадлежавшим к тому же сословию, как его сеньор... Акт, которым первоначально создавалась феодальная связь, назывался коммендацией. Кто его совершал, становился человеком (homo) своего сеньора; и обряд, которым он санкционируется, назывался оммажем. Искать защиты путем коммендации стало неизбежно для слабых в смутный период ленивых королей, в эпоху вторжений сарацин, венгров и норманнов, в X веке во время борьбы королевской власти во Франции с аристократией, церковью и Германией.

Первоначально вассалов имел один король; затем они появились у всякого сколько-нибудь значительного сеньора.

Чтобы обеспечить себе преданность своего «человека» (homo), подзащитного, вассала, чтобы дать ему возможность исполнить его вассальные обязанности, сеньор давал ему обыкновенно бенефиций.

Первоначальный смысл этого слова — благодеяние; им обозначались щедроты богатого могущественного сеньора по отношению к своим клиентам. Таким «благодеянием» могли быть земли, должности, освобождение от повинностей, права пользования в лесах и т. д. Все это впоследствии начинает называться феодом [1]. В течение X века все они мало-по-малу становятся наследственными. Это развитие можно считать законченным в XI веке. Слово «бенефиций» исчезает, остается лишь термин «феод».

Владелец бенефиция получал землю не в собственность, а лишь в пользование. Земли, составлявшие полную собственность своих владельцев, назывались «аллодами». Аллодиальные владельцы были свободны на своей земле. Они не несли ни одной из вассальных повинностей. Но числе аллодов не переставало уменьшаться. На юге они сохранились по меньшей мере до XIII века, на севере оставили лишь слабые, почти легендарные воспоминания; на севере господствовало правило, что земля должна иметь сеньора (nulle terre sans seigneur), т.-е. не было земли свободной от феодальных повинностей.

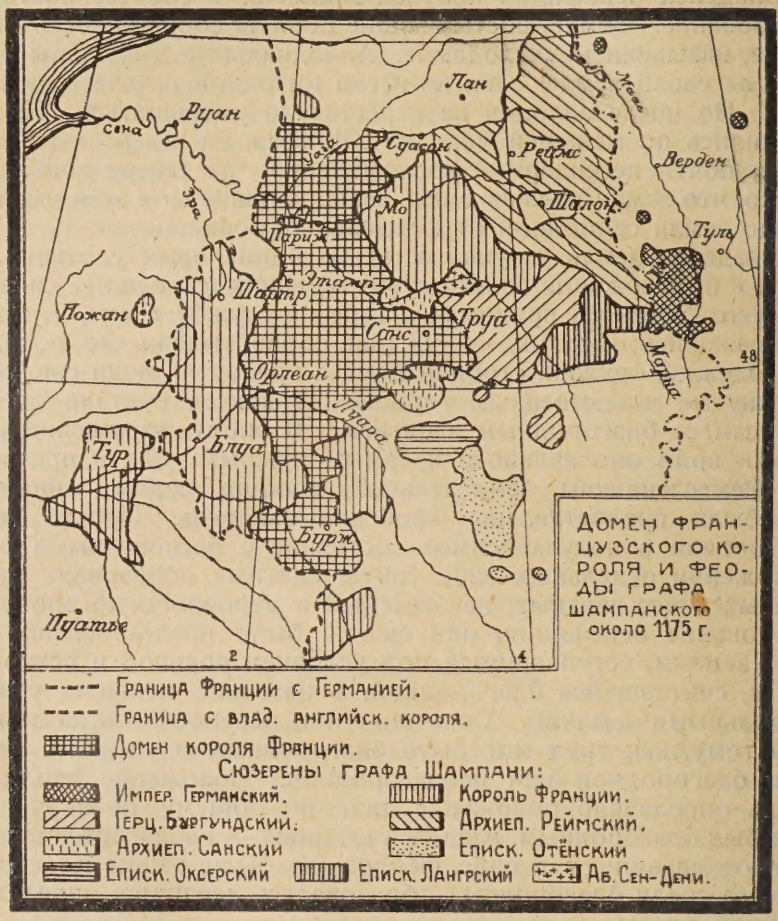
Владелец земли уступал ее не на одинаковых условиях. Он нуждался в поддержании своего существования и в защите своей жизни. Потому-то одних он принимал к себе на службу с тем, чтобы они за него сражались; других, чтобы они обрабатывали его поля, изготовляли одежду, оружия, строили дома и крепости; люди средневековья, проникнутые воинственным германским духом, считали военное ремесло самым благородным занятием. В эпоху вторжений и междуусобных войн оно являлось и самым нужным. Знать присвоила его себе. Ремесленникам, земледельцам, вообще людям «простого звания» были предоставлены «рабские занятия». Просто свободные люди попали в полузависимое состояние с бесконечными оттенками в положении отдельных лиц; самые сильные образовали привилегированный класс знатных, неизвестный в меровингскую эпоху. Вскоре наименование бенефиция, или феода, было предоставлено исключительно землям, уступавшимся под условием военной и всякой другой службы, считавшейся благородной, а название цензивы утвердилось за остальными землями. Состояние лиц переносилось на землю. Подобно тому, как труд мог быть благородным и рабским, земля считалась благородной или неблагородной. Положение земли в свою очередь определяло положение лиц: по общему правилу, владелец феода был благородным, владелец цензивы — неблагородным. Так как земли, отдававшиеся в виде феодов, не были равны по своему значению, то среди благородных образовалась иерархия, определявшаяся иерархией земель.

Феодализм является не только социальным строем, новым и оригинальным образом определявшим состояние земли и лиц, но также политическим порядком, при котором верховная власть дробилась в интересах владельцев феодов, по крайней мере, самых крупных из них. Этот процесс также совершался постепенно. Иммунитет был одной из его главных действующих причин. В меровингскую эпоху он являлся освобождением от некоторых податей, публичных повинностей, пожалованием финансовых или судебных прав, даровавшихся королем особенно церквам и монастырям. Карл Великий часто жаловал

---

[1] Повидимому—родств. нем. слову Vieh — скот; богатство в старину считалось на головы скота.

права на таможенные, рыночные, дорожные пошлины. Людовик I и его преемники дошли до уступки права чеканки монеты. Постепенно все коронные прерогативы стали отдаваться «свободными (immunis) от вмешательства государственной власти». С своей стороны, светские лица захватили публичные должности. Графы, пользовавшиеся своими полномочиями от имени короля, с установлением наследственности своих должностей, сделались настоящими государями своих



графств. Число этих феодальных государств было всегда ограниченным, но самые незначительные сеньоры обладали известной долей суверенитета. На подобие богатых римских собственников они имели право судить своих вассалов. Крупные вассалы, преемники прежних чиновников, присвоили себе привилегию уступать в свою очередь полученные или захваченные ими права.

Территория (французского) государства покрылась таким образом крупными и мелкими сеньориями, зависевшими одна от другой. В первом ряду находились большие феоды, долгое время безразлично называвшиеся герцогствами, графствами, маркизатами. Таковы, на-

пример, герцогства — «Франции», исчезнувшее после 987 г., Бургундское, принадлежавшее брату Гюго Капета, и Аквитанское; затем Нормандское и Бретанское, владельцы которых пользовались почти полной независимостью. На севере графство Фландрия, благодаря своей силе, на юге графство (маркизат) Тулузское, благодаря своему географическому положению, совсем не чувствовали королевской власти. Герцогство Гасконь в действительности не составляло части французского королевства; все, напротив, связывало его с Наваррой. Но в 1052 г. оно было посредством брака присоединено к Аквитании, и с тех пор страны, расположенные на юге Дордони и Жиронды, разделяют судьбу областей, заключенных между Гаронной и Луарой. Эти большие феоды представляли собой старые административные и политические деления, правители которых постепенно приобрели фактическую независимость. К этому перечню следует прибавить церковные сеньории, старинные графства, находившиеся во владении епископов, например, Турнэ, Бовэ, Науйон, Лан, Реймс, Шалон, Лангр. Парижское графство, пожалованное Гюгом Капетом Бушару де-Монморанси, перешло затем к его сыну, сделавшемуся парижским епископом. С тех пор почти все феоды Парижского графства зависели от епископства. Эти вассалы имели в свою очередь вассалов второго ранга, — так называемых «арьер-вассалов», — и этот ряд продолжался дальше, так что оказывается невозможным установить точное число феодов во Франции в каждую данную эпоху средневековья. Эта федеративная организация выдвигала новое общество, новый порядок на смену прежнему франкскому обществу, разложившемуся в анархии. Но феодальное устройство оставляло широкий простор для произвольного употребления силы. В этом военном обществе со слабой государственной властью сеньоры считали себя в праве сводить взаимные счеты, ведя войны со своими соседями. Королевской власти пришлось вести многовековую борьбу, чтобы положить конец обычаю частых войн.

Вступление во владение феодом совершалось посредством актов «верности» и «оммажа». Трудно различать hommage, т.-е. прежнюю коммендацию, и «верность», которая осуществлялась принесением государю присяги. «Вассальный договор создавался соединением клятвы верности с оммажем» (Лот). Эти два акта совершались в различных формах. Для оммажа коленопреклоненный вассал клал свои сложенные руки в руки сеньора, который его затем поднимал и давал ему поцелуй мира. Клятва верности произносилась над евангелием и мощами. В обряде оммажа было нечто унизительное; могущественные вассалы иногда от него уклонялись. Но это ничего не изменяло в положении вещей: «верный» тем самым становился «человеком» своего сеньора. Затем появилась необходимость закреплять письменно воспоминание об этом акте посредством «свидетельства», протокола церемонии, устанавливавшей феодальную зависимость. По требованию сеньора записывалось также все, что заключалось в феоде; это называлось «исчислением». В XIV веке от всего этого осталось два документа. Один из них совершался нотариальным порядком и удостоверял принесение клятвы верности и оммажа, другой заключал «свидетельство» и «перепись».

Принимая от своего вассала оммаж, сюзерен подавал ему какой-нибудь материальный предмет, символизировавший феод. Этот обряд назывался инвеститурой. Инвеститура на поле давалась посредством комка земли, на лес — посредством древесной ветки; прелаты

получали перчатку, посох, пастырскую печать и т. д. Вассал, с своей стороны, должен был уплатить за инвеституру, без которой договор не был действительным.

Совершением этих обрядностей создавалась феодальная связь... Связь, соединявшая вассала с сюзереном, естественно прекращалась со смертью одного из них; даже после установления наследственности феодов, они не переходили к наследнику по праву. Считалось, что феод утрачен, и вассал должен был его «восстановить» — «поднять» или «выкупить». Для этого он уплачивал особую пошлину, размеры которой были очень разнообразны. Но раз это было сделано, сюзерен не мог отвергнуть оммаж своего вассала. Вассальные отношения сделались не только средством получения преданных слуг для сеньоров, но также наиболее обычным способом приобретения земельных владений. Земля, покупаемая в настоящее время за деньги, оплачивалась тогда личными услугами.

Неблагородная земля приобреталась тем же путем, как и благородная. Простолюдин получал цензиву, становясь человеком сеньора, который ее ему отдавал во владение посредством обряда, похожего на инвеституру...

Вассал был обязан по отношению к сюзерену известными личными услугами, почитавшимися благородными. Важнейшее значение имели повинности трех родов: военная, придворная, судебная. Военная служба исполнялась по требованию сюзерена на счет вассала. Последний должен был являться на коне и в доспехах. Всадник был воином по преимуществу... С раннего времени вассалы добились ограничения этого обязательства. Вассал должен был служить в войске один раз в год и в течение установленного срока, чаще всего сорокадневного. При отправлении правосудия сеньор окружал себя вассалами, призывавшимися ко двору в качестве судей или подсудимых. Наконец, вассалы должны были помогать сюзерену своими советами при управлении феодом. В некоторых исключительных случаях вассал нес денежную повинность, а именно: 1) при выкупе попавшего в плен сеньора; 2) при замужестве его старшей дочери; 3) посвящении в рыцари его старшего сына; 4) когда он отправляется в крестовый поход. Это так называемые «четыре феодальных случая».

Если вассал пренебрегал своими обязанностями, он считался вероломным или изменником, и сюзерен мог лишить его феода. Но пока он добросовестно исполнял свой долг, сюзерен был обязан не только удерживать его в феоде, но также защищать от всех врагов.

По смерти феодального сеньора, дети его получали его наследство. Порядок наследования не везде одинаков. В одних случаях земля доставалась только наследникам мужского пола, в других — в наследстве имели свою долю женщины, несмотря на то, что не были способны носить оружие. Чаще всего главная часть феода, со столицей баронии, составляла неделимое имение переходившее к старшему сыну. Исключительные права старшинства и мужского пола быстро приобрели общее значение, наложив до конца XVIII века особый отпечаток на феодальные учреждения. Они придали французскому дворянству характер касты, чуждой ему при его возникновении.

Феоды имели различные размеры. Подобно римским и меровингским «виллам», они могли заключать пахотные земли, луга, виноградники, леса, виноградные давильни, мельницы, церкви. Обыкновенно сеньор оставлял в своем непосредственном пользовании лишь часть

своих земель. Это было его поместье, которое эксплуатировалось с помощью крестьянского барщинного труда. Остальные земли распределялись между зависимыми людьми и назывались «держаниями». Благородными держальцами земли были вассалы; неблагородных можно сравнивать с нашими фермерами и арендаторами с тем различием, что аренда их была вечна. Оброк или ценз (sensus) был определенным. Чаще всего они не были свободными людьми. Античное рабство почти повсюду уступило место крепостному состоянию. «Сервы» считались личностями, но они были прикреплены к земле, которую из поколения в поколение обрабатывали для себя и для сеньора. Положение их представляло бесконечные градации, точно так же как и повинности, которыми они были обязаны сеньору. Самым тяжелым представляется положение сервов, подлежавших произвольному оброку и барщине. Они налагались по воле сеньора, который мог таким путем овладеть имуществом сервов и требовать от них без всякого вознаграждения самых больших работ. Они не имели права ни отчуждать, ни завещать своих земель. Рука их считалась «мертвой» (main-morte) для передачи земли, переходившей после их смерти к сеньору.

Сеньор (собственно только крупный барон) в своем домене и на землях чиншевиков (roturiers) являлся государем. Он вел от своего имени и в своих интересах войны, чеканил монету, чинил суд, собирал налоги. В крупнейших феодах должностные лица сохранили титулы и обязанности каролингской эпохи; в них встречаются: сенешал, коннетабль, бутелье, камерарий, маршал, капеллан. Управление находилось в руках вигье, как при каролингах; к ним позднее присоединились прево, бальи на юге. В деревнях крестьяне сеньора находились под надзором управляющих или мэров того же состояния. Подобный же порядок господствовал в городах. Суд не был одинаковым для всех. По общему правилу каждый человек — барон, горожанин или крестьянин — должен был судиться своими пэрами, т.-е. равными себе, но это плохо соблюдалось. Суд присяжных появился гораздо позднее. На судебных заседаниях по феодальным делам председательствовал сам сюзерен; в других случаях его заменяли прево или виконты (в Нормандии) и «викарии» в южных провинциях. Не всем сеньорам принадлежали одинаковые судебные права. По некоторым преступлениям — за убийства, поджог, похищение и изнасилование — могли судить только сеньоры, обладавшие правом высшего суда. Они могли присуждать к лишению жизни при посредстве меча, через повешение. Обладавшие правом низшего суда не могли присуждать к смертной казни.

Доходы, извлекавшиеся сеньором из феодов, были многочисленны. Можно различить: 1) доходы, принадлежавшие ему как государю, пользующемуся коронными правами; такова феодальная помощь в четырех случаях: судебные пошлины, береговое право, сбор с разрешения на брак крестьянину, желавшему жениться за пределами сеньории, право на наследование имущества иностранца, умершего на его земле и т. д.; 2) доходы, взимавшиеся им в качестве землевладельца [1].

[1] Об этих последних правах см. в статье о поместье.

112. Феодализм в церкви.

Не существовало власти, могшей сдержать эксцессы феодалов. Королевская власть была бессильна. Церковь сама находилась под влиянием феодализма. Со времени Карла Великого ее богатства непрерывно увеличивались. К концу его царствования аббат монастыря Сен-Жермен де-При Ирминон приказал составить инвентарь его владений. Из этого инвентаря видно, что аббатство владело до разграбления норманнами около 40.000 гектаров земли с населением приблизительно в 3.000 дворов, с доходом по крайней мере в два миллиона франков. С утверждением феодального строя аббаты сохранили свое видное положение, часто исполняя различные обязанности при королевском дворе. Но они еще не представляли силы. Если монастыри иногда получали феоды, то чаще сами отдавались в виде феода. Иным было положение белого духовенства. Епископы являлись настоящими феодальными сеньорами. Они жили на доходы со своих земель (mensa episcopi) вместе со своей духовной клиентелой. Они имели вассалов, обязанных им оммажем и повинностями. Сверх церковного суда, которому подлежали все клирики, они пользовались по отношению к своим людям правом высшего и низшего суда. С другой стороны, они несли феодальные повинности, и, так как церковь запрещала им военную службу, они возлагали ее на одного из своих вассалов, далеко не бескорыстного и часто опасного покровителя, называвшегося «адвокатом» или видамом. На последнего возлагалось светское управление церковными имуществами. Богатые и не носившие оружие епископы должны были покрывать расходы государя. В средние века церковные имущества являлись постоянным и почти неисчерпаемым источником доходов для королевской власти; они несли всю тяжесть чрезвычайных налогов. Своим правом на кров и продовольствие король охотнее всего пользовался на церковных землях. Когда умирал его епископ или аббат, его слуги с адвокатом во главе завладевали его личным имуществом (право на пожитки), а государь накладывал руку на достояние вакантной церкви и пользовался ее доходами все время, пока она оставалась не занятой. Из церкви извлекали пользу и другими способами. Епископ и аббат могли умереть, церковь была бессмертной. Уступленные ей феоды становились неотчуждаемыми, почему сеньор лишался доходов, взимавшихся при переходе имения в другие руки. Поэтому церкви, приобретавшие феод, за прекращение сюзеренных прав на эту землю, вынуждались уплачивать раз навсегда пошлину, часто равнявшуюся стоимости имения и во всяком случае не уступавшую ее половине. Кроме того, она должна была посадить на этой земле человека, за нее «жившего и умиравшего», смерть которого влекла за собой все налоги за отчуждение.

В конце концов, церковь ничего не потеряла. Она находилась под покровительством короля и чиновников. После исчезновения королевских налогов она продолжала повсюду взимать десятину. Эта подать подобная той, которую израильтяне уплачивали колену Левиину, рекомендованную как богоугодное дело при Меровингах, — при Каролингах была возведена в закон. Духовенство принимало самое близкое участие в том, что можно еще назвать в эту пору госу-

дарственным управлением; оно доставляло королю и крупным феодалам образованных, уважаемых и главное, неопасных советников, так как при обязательном безбрачии прелатов, должности их не могли стать наследственными. Прибавим, что церковь, проникнутая духом дисциплины и послушания, писавшая и проповедывавшая от имени религии мира и милосердия, являлась естественной противницей феодальной анархии.

Н. Павлов-Сильванский.

113. Боярщина-сеньория и ее политическое значение.

Крупное землевладение на западе в средние века было тесно связано с правами государственного порядка. В самом понятии земельной собственности того времени, по определению Гирке, тесно сливались элементы частного и публичного права: «Крупный землевладелец в средние века был не только землевладельцем, не только собственником, но и судьей, и управителем, часто почти государем в пределах своих, нередко очень обширных владений. Крестьяне, снимавшие участки его земли по тому или иному срочному или бессрочному договору, должны были подчиняться его суду и расправе, хотя бы и не были его рабами или крепостными людьми. Эти права господ, в связи с крепостным правом, сохранялись в несколько ограниченном виде и после средних веков до освобождения крестьян. В средние же века господство права суда и расправы в своем полном расцвете при слабости государственной власти, давали сильнейшим владельцам крупных имений, независимость от чиновников короля или князя и составляли одно из главных оснований феодального строя.

То же соединение элементов частного и публичного права присуще было и русской боярщине удельного времени. Наши крупные боярские и монастырские имения пользовались такою же независимостью «государства в государстве», таким же иммунитетом, как и западные сеньории; княжеские волостели и тиуны не имели права «в'езжать» в частные, боярские и монастырские имения для суда и сбора налогов, и бояре и игумены сами «ведали и судили своих людей», то-есть всех, живущих на их земле.

Привилегированное крупное имение с этими правами государственного порядка обозначается во Франции термином с е н ь о р и я, в Англии — м а н о р, в Германии — G r u n d h e r r s c h a f t, земельное государство; у нас в удельное время находим точно соответствующий этим словам термин — б о я р щ и н а, обозначающий именно боярское господство, соединенное с частным правом собственности на землю.

Н. Павлов-Сильванский.

114. Иммунитет в Удельной Руси.

Существование в Удельной Руси этого сеньориального права, в об'еме древнего иммунитета, выясняется вполне документально, путем детального сравнения иммунитетных дипломов с жалованными льготными грамотами... У нас и на западе одинаково по этим грамо-

там частному собственнику предоставляются: 1) исполнительная судебная власть, 2) право суда на всех людей, живущих в имении, 3) право сбора с них налогов и пошлин. Эти постановления встречаются у нас с небольшими вариантами в сотнях жалованных грамот. В наиболее краткой формулировке они выражены, например, в следующих словах жалованной грамоты, данной Кирилло-Белозерскому монастырю около 1400 года. «„Людям" игумена Кирилла — говорит Белозерский князь: 1) ненадобе моя дань, ни иная, ни которая пошлина; 2) волостели мои к тем людям не всылают ни по что, ни судят, 3) а тех людей ведает и судит игумен Кирилло сам».

К порядкам, создававшимся на основании таких категорических определений наших жалованных грамот, вполне приложима следующая характеристика иммунитета, написанная Ф. де-Куланжем по западным дипломам: «Частный собственник, лишив власти государственного чиновника, стал безусловным господином над своими землями. По отношению к людям свободным и рабам, живущим на его земле, он уже не только собственник, он становится тем, чем раньше был граф; в его руках — все, что принадлежало государственной власти. Он — единственный глава, единственный судья, как и единственный покровитель. Люди его земли не имеют иного правительства над собою. Конечно, по отношению к королю он остается подданным, или говоря точнее, верным; но у себя дома он сам король»...

В наших средневековых грамотах можно найти несколько любопытных указаний на всеобщность сеньориального, боярского, иммунитетного права. По некоторым нашим грамотам иммунитетная судебная привилегия составляет не предмет особого пожалования, а как бы естественный, необходимый придаток к передаче права собственности на землю. Села даются «с судом и со всеми пошлинами». В этих грамотах так же, как в западных «иммунитет, говоря словами Флака, является как простое пользование правом собственности». В первой половине XV века один Белозерский боярин, жалуясь, что Кирилловский монастырь «отнимает» у него «от суда да от дани» деревню, принадлежавшую к его вотчине Кистеме, ссылался, в подтверждение своих прав на нее, не на пожалование, не на княжескую грамоту, а на старину; «а та деревня исстарины тянет судом и данью к нам».

В феодальное время значительная часть сеньоров, даже указанного низшего разряда, пользовалась правом суда в большем об'еме, чем то допускалось дипломами Каролингов...

Наши жалованные грамоты в этом пункте дают ясное доказательство близости наших удельных порядков к порядкам времени расцвета феодализма... Даже в XV веке некоторым вотчинникам предоставлялись такие полные права суда, — не только низшая, но и высшая юстиция. Так, например, великая княгиня София в жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1448—1469 г.г. писала: «Мои волостели и их тиуни у тех людей... в душегубьство не вступаются некоторыми делы»...

Этот вотчинный сеньориальный суд ограничивается у нас, судя по отражению его в жалованных грамотах, к концу удельного периода, по мере усиления территориальной государственной власти великих князей. Раньше всего и наиболее последовательно он ограничивается в московском великом княжестве, где раньше и прочнее, чем в других княжествах, соперничавших с ним, утверждаются государственные начала. Это точно выясняется сравнением жалованных грамот разных

княжеств: московского, тверского, рязанского, угличского, белозерского и других. Во второй половине XV века почти всюду право суда дается «опричь одного душегубьства»; в XVI же веке — уже за исключением всех уголовных дел: «опричь татьбы, разбоя и душегубьства».

Н. Павлов-Сильванский.

115. Князья-феодалы в Удельной Руси.

Над низшим слоем неполноправных сеньорий мы находим на Западе в феодальную эпоху высший слой сеньорий, с истинно государственными верховными правами, принадлежащих титулованным сеньорам: герцогам, князьям, графам, вице-графам, маркизам и т. д. И у нас в Удельной Руси над низшим слоем боярщин, пользующихся только сеньориальными правами, лежал высший слой княжеств, имевших в неравной степени права истинно государственного, верховного порядка... По таким их государственным чертам они делятся на те же два разряда... Первый, высший разряд — это два-три десятка великих княжеств и крупнейших княжеств удельных, обладающих правами государственного территориального характера. Владельцы их так же, как западные титулованные сеньоры, обладают властью не только в отношении собственных своих частных владений-доменов или земель дворцовых, но и в отношении как свободных общин (позднейших черных земель), так и боярских земель, сохраняя за собою право высшего суда и чрезвычайной дани. При этом у нас, как и на Западе, эти государственные права имеют не только немногие великие княжества, соответствующие таким французским княжествам, и графствам, территориям, как Нормандия, Бретань, Фландрия, Бургундия, но и некоторые мелкие уделы. Так, например, правом чеканки монеты пользовались у нас в удельное время не только великие князья, Московской, Тверской, Рязанской, но и некоторые, зависевшие от них удельные князьки. В музее тверской архивной комиссии хранятся монеты, серебряные и медные, битые мелкими Городенскими или Старицкими удельными князьями тверского великого княжества. И после подчинения Москве этого тверского великого княжества Иван III, действующий уже как настоящий государь, воспрещает «деньги делать... по уделом в Московской земле и в Тверской», как видно из его завещаний 1504 года.

Мелкие удельные князьки, как, например, Бохтюжский или Карголомский, в XV веке, несмотря на незначительность своих владений, сохраняют черты владетельных государей. Их управители называются волостелями и тиунами, хотя они больше похожи на боярских приказчиков и посельских. Один из князьков Кубенских (на озере Кубенском), владевший волостью Бохтюгой, дает жалованную, льготную несудимую грамоту Глушицкому монастырю и пишет ее по формуле грамот великокняжеских: «Се яз князь Юрий Иванович пожаловал есмь», но, выдавая свое принизившееся значение мелкого вотчинника, в конце грамоты выговаривает себе от игумена «корм»: «на Рождество Христово полоть мяса да десятеро хлебов», «а на петров день — десятеро хлебов да боран».

Под высшим слоем княжеств великих и удельных, с государственными правами, находим более многочисленные, мелкие удельные кня-

жества, пользующиеся уже весьма ограниченными государственными правами. Незначительность владений таких княжат не позволяла им осуществлять свои наследственные владетельные княжеские права, и этот наследственный характер их власти проявлялся почти исключительно в полной независимости их суда и управления в отношении их доменов. Эти княжеские владения, расположенные по берегам какой-нибудь одной маленькой речки для небольшого озерка, ограничивавшиеся нередко даже только частью маленького речного бассейна, и по размерам и по характеру управления не отличаются от владений бояр. Эти княжеские уделы — те же боярщины. Однако, независимость от великокняжеских властей, более или менее ограниченная в боярщинах, в этих княжеских боярщинах-уделах, в силу наследственных владетельных прав, проявлялась полнее. Маленькому князьку принадлежал, обыкновенно, в полном об'еме и суд до высшей юстиции, и право обложения подвластного ему населения.

В пределах московского великого княжества, т.-е. в собственных непосредственных владениях московского княжеского дома, в треугольнике, образуемом реками Москвою и Окою, удельное дробление не привело к разделению княжества на независимые части-уделы. Но на всем остальном пространстве центральной территории Удельной Руси, исключая Новгород и крайний Север, то-есть между реками Клязьмой и Волгой и к северу, по рекам Мологе, Шексне и Белозерского и Кубенского озер, всюду в XV веке явилось множество мелких уделов описанного чисто феодального типа. Дробление земли на мелкие уделы-сеньории шло очень быстро, начиная с XIV века и особенно в XV и XVI веках. Рядом с удельными князьями является множество князьков, которые позднее назывались к н я ж а т а м и. По родственным отношениям и совпадающим с ними отношениям территориальным, их делят на 8 гнезд: князей Тверских, Рязанских, Суздальско-Нижегородских, Ярославских, Углицких, Белозерских, Стародубских, Галицких. К этим северо-восточным князьям и княжатам присоединились позднее князья южной Черниговской области, некоторое время зависевшие от Литвы, князья Оболенские, Одоевские, Новосильские и другие.

Мелкие князья и княжата служили своим великим князьям, а затем под давлением рано получившего перевес над другими московского великого князя, волей-неволей вступили в служебную зависимость от него. Наравне с московскими боярами, ккняжата служат «воеводами»: военными начальниками и городским наместниками. Но эти новые московские воеводы остаются князьями-государями в пределах своих наследственных владений. «Слуга» московского великого князя остается у себя дома князем-сеньором.

———

М. Любавский.

116. Жалования и кормления.

На почве договорных отношений между князьями и боярами и слугами боярскими развились явления, соответствовавшие западно-европейской раздаче бенефициев. Бояре и слуги приезжали к тому или другому князю на службу, били ему челом (западно-европейский homagium), а он давал им жалованье, beneficium, которое они получали

до тех пор, пока служили. На Западе в качестве бенефиция раздавались большею частью земли. И у нас князья раздавали некоторым слугам дворцовые земли, участки своих домен, которыми заведывали дворские, соответствовавшие западным майордомам, пфальцграфам и т. п. В духовной грамоте 1388 г. перечисляются «села и слободки» за слугами. В другой грамоте упоминаются «деревни — княжеское жалованье», время пожалования которых относится к началу XV века. И так же, как на Западе, князья отнимали эти земли у своих слуг, если они от'езжали от них. Об одном из таких слуг, условно владевших пожалованным ему селом, о Борисе Воркове, Иван Калита говорит в своей духовной 1328 года: «аже имать сыну моему, которому служити, село будет за ним; не имать ли служити, село отнимут». В договорах между собою князья уславливались об этих услугах: «а кто тех выйдет из уделов.., ин земли лишен». Но по особенностям нашей страны земля долгое время не было главным об'ектом раздачи бенефициев. Земли везде было вдоволь, она имела мало цены для князей, и бояре и слуги позаняли ее много без всяких условий, по молчаливому или гласному признанию князей. Развившееся вотчинное боярское землевладение долгое время исключало надобность в раздаче земли в качестве бенефиция, или как у нас говорилось п о м е с т ь я. У нас на Руси в Удельное время получила преимущественное развитие другая форма бенефиция — раздача должностей в качестве жалованья за службу, кормленья. Поэтому, и в грамотах наших князей встречаем такие выражения «пожаловал еси ясельничим в кормленье за их к нам выезд», т.-е. за вступление в службу; или «пожаловал есми Ивана Григорьевича Рыла... волостью Лузою (т.-е. волостелем в Лузу) за их к нам выезд в кормленье. И вы, все люди тое волости, чтите их и слушайте, а они вас ведают, и судити, и ходити велять у вас тиуном своим, а доход имать по наказному списку». Кормленье на волостях стали обычным признаком вольных бояр и слуг. «А вольным слугам воля, кто в кормленье бывал и в доводе при нашем отце и при нас». Эти кормленья на Западе, как известно, сделались наследственными ленами: там герцоги, наши воеводы, графы, наши наместники, вицеграфы или виконты, наши волостели, сделались наследственными обладателями своих должностей и сопряженных с ними доходов. Но у нас кормленья не сделались не только наследственными, но даже и пожизненными, давались, обыкновенно, на года и вообще на короткие сроки. Причиною этого была бедность наших князей, которые не имели возможности зараз кормить всех своих слуг, а должны были соблюдать в этом отношении известную очередь, и, кроме того, отсутствие связи должностного кормления с землевладением. На Западе кормленщики кроме доходов получали известный земельный надел на должность, и этот надел, становясь, как и все лены, с течением времени наследственным, тянул за собою и самую должность. У нас в Удельную эпоху, как уже было сказано, бояре и слуги мало нуждались в земле, обеспеченные вотчинным землевладением, и потому у нас и не развилось явлений, подобных вышеуказанным.

———

Н. Павлов-Сильванский.

117. Нравы феодальной Руси.

Представление о феодале неразлучно с картиною каменного замка на горе с бойницами, рвами, под'емными мостами. Эта внешняя черта, действительно, очень характерна. Каменные бурги, или, вернее, природа страны, дававшая возможность феодалам укрепляться камнем на мало доступных горах, укрепляла и оформливала основные начала феодализма, усиливая самостоятельность господствующего сословия.

В Удельной Руси не было замков, потому что здесь не было гор. Но стремление огородиться, укрепиться проявлялось у нас в Удельную эпоху достаточно сильно, и эта потребность удовлетворялась у нас всеми теми средствами, какие только давала природа страны—лес, болото, возвышенные берега рек. Каменные замки заменялись у нас укрепленными «городками» и кремлями на возвышенных берегах рек. Одинаково с удельными князьками и наши «духовные владыки» возводили укрепления. Монастыри строились одинаково с княжескими кремлями; те и другие, как замечает Н. К. Никольский, «устраивались обыкновенно при реке в малоприступных местах, окружались стенами однородной архитектуры, с башнями, бойницами, воротами». Наши кремли даже и по некоторым стратегическим деталям постройки похожи на западные замки. Подобно князькам и монастырям, укреплялись и бояре в своих боярских дворах, обнося их, иной раз, «вострым тыном» в две сажени вышиной. Многочисленная вооруженная боярская дворня придавала таким дворам силу вооруженного стана. За отсутствием гор, наши княжата, монастыри и бояре ограждались возвышенностями, излучинами рек, озерами, «лесными дебрями и непроходимыми блаты»...

Основная черта феодала состояла не в том, что он имел замок, а в том, что он был воином. Военная профессия составляла существеннейшее свойство, феодального барона, отличительную черту его от лиц других сословий. Барон должен был быть воином, потому что в обязательстве военной службы заключалось существо его вассального договора с сюзереном. Он должен был уметь с оружием в руках, предводительствуя отрядом своих слуг, защищать свои владения, потому что иначе он не был бы бароном; иначе вассалы не стали бы ему служить, и его земли, его сервы и вилланы, в эту эпоху торжества права сильного, стали бы легкой добычей его соседей воинственных баронов или его сюзерена.

Феодальный барон был воином, всадником, рыцарем, прежде всего. Но таким же воином был и наш боярин, хотя он и не имел, подобно многим феодалам, каменного замка. Я говорил уже выше о непременной обязанности всех удельных бояр «садиться на конь» по первому требованию своего князя. При беспрестанных удельных междуусобиях всем им часто приходилось сражаться во главе отрядов их слуг и людей. И позднейшие более мирные помещики XVI—XVII веков владели поместьями не иначе, как с обязательством являться в полк на коне, в шеломе, с саблею, копьем, луком и стрелами, или с пищалью, и в сопровождении своих слуг, также на конях, и в полном боевом вооружении. «Мы на конях сидим . . . и с коня помрем», —

говорили дворяне и дети боярские на соборе 1566 г., заявляя о своей готовности продолжать войну с Польшей. Конница бояр и их слуг составляла главную военную силу удельных князей, как и первых московских царей XVI века. Эта военная профессия, военная служба князю, и притом служба необязательная, а «вольная», зависящая всецело от доброй воли слуг, давала исключительную самостоятельность, независимость, силу удельному боярству, в той же мере, в какой их обеспечивал французскому барону его свободный вассальный договор с сюзереном.

Независимость, самостоятельность бояр, опиравшаяся на воинскую силу военных отрядов их слуг, на их боярщины и на их в о л ь н у ю службу князьям, ярко проявлялась в их отношениях к князьям, в «боярской думе» удельного князя. «Князь не мог приказывать своим вольным слугам, — замечает Сергеевич — он должен был убеждать их в целесообразности своих намерений». Если князь дерзал действовать самовластно, бояре, как и древние дружинники, смело отказывались следовать за ним: «О себе, княже, еси замыслил, мы того не ведали, не едем по тебе». Великий князь Дмитрий Донской так охарактеризовал самостоятельное значение своих бояр, сказав им, умирая: «С вами царствовах, землю русскую держах... и мужествовах с вами на многы страны... под вами грады держах и великии власти... в ы ж е н е н а р е к о с т е с я у м е н е б о я р е, н о к н я з и з е м л и м о е й». Так говорил Дмитрий Донской, один из сильнейших князей удельного времени. Феодальный характер этих удельных порядков становится ясным при разительном контрасте московского времени. Василий III, «переставливающий старые обычаи», говорит в думе неугодному советчику: «пойди, смерд, прочь, ненадобен ми еси». Вольных великокняжеских слуг удельной эпохи сменяют в Московском государстве государевы х о л о п ы. Князь Холмский в княжине Ивана III, в записи о неот'езде, называет себя еще слугою, но со времен Василия III это наименование заменяется словом холоп.

Та «феодальная независимость, доведенная до крайних пределов», о которой говорят французские историки, проявлялись у нас в частых от'ездах бояр. Вассалы на Западе переходили от одного сеньора к другому в погоне за выгодой. Точно так же наши бояре в погоне за выгодой в большом числе от'езжают от удельных князей к великому князю московскому, который лучше других князей вознаграждал своих слуг и вернее ограждал их от обид и притеснений. Тверские бояре и дети боярские в большом числе переходят в конце XV века к великому князю московскому. Даже бояре, славившиеся свою долгою и верною службою князю, нередко от'езжали от него из-за какой-нибудь обиды. Так, в 1433 году отказался от московского великого князя видный московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, обиженный тем, что великий князь не сдержал своего обещания жениться на его дочери. Так, в начале XIV века уехал из Москвы боярин Акинф Гаврилович, не пожелавший быть меньше нового слуги московского князя, боярина Родиона Нестеровича. Княжеские договоры часто упоминают об от'ехавших боярах и слугах.

«Вассалы, — говорит Вайц, — во время частых междуусобий князей-соперников присоединялись то к одной стороне, то к другой, оставляли своих старых господ, чтобы от новых получить большие выгоды». Совершенно также поступают наши бояре. Во время долгой борьбы великого князя Василия с Дмитрием Шемякою бояре и

дети боярские легко подчиняются Шемяке, но при малейшей надежде на успех князя Василия, бьют ему челом в службу, отказываясь от его соперника...

В отношениях наших бояр к подвластному им населению заметны те же черты угнетения крестьян, права сильного и бесправности слабого, сословной розни между гордыми боярами и подвластными им смердами, людишками, сиротами, те же черты, какие выдвигаются, как характернейшие черты феодализма...

Пониженное положение крестьян в удельное время характеризуется очень низкой платой за бесчестье. Детям боярским бесчестье указано было Судебником в размере их дохода или их жалованья, богатым купцам, «большим гостям» вознаграждение за бесчестье определено в 50 рублей, а крестьянам в 1 рубл., т.-е. в 50 раз меньше. Честь крестьянина ценилась ниже чести не только сына боярского или гостя, но и в 5 раз ниже чести «боярского человека доброго», т.-е. боярского слуги.

В одной правой грамоте 1531 года находим такую живую картинку из отношений господ к своим крестьянам. Крестьяне старожильцы идут по спорным межам, между землею своего господина Обляза Лодыгина и землей Кержацкого монастыря. К отводчикам на межи явился Обляз Лодыгин; в присутствии судей и монастырского слуги он, как записано в грамоте, «ударил своего старожильца Ондронка Игнатова сына по ушам плетью, аркучи: „чего, смердь, стал, подите, смерди, прямо, не опинайтесь“».

Свобода и независимость бояр у нас, также как на Западе, вела к насилиям и самоуправству. Великокняжеская власть была еще недостаточно сильна, чтобы обеспечить общественную безопасность. Население терпело насилия не только от лихих людей, от разбойников, на которых жалуются жития святых, но и от «сильных людей»: бояр и детей боярских. Своевольные и самоуправные бояре, как и западные феодалы, часто делали разбойничьи наезды.

В правой грамоте начала XVI века сохранилось любопытное подробное описание одного такого разбойничьего боярского набега. Князь Иван Лапин со своими людьми приехал разбоем на монастырский двор, угнал монастырских коней, ограбил имущество на 50 р. с полтиною: однорядку, шубу белью, калиту с деньгами и убил монастырского слугу. На крик монастырских людей прискакали великокняжеский псарь и соседние крестьяне; они поскакали в погоню за грабителями, захватили одного из них, Карпика, и, приведя его в свою деревню, «к мертвому Иванке к ноге привязали». Но этим дело не кончилось. Монастырские люди зовут пристава, сотского и понятых и отправляются с убитым Иванкой и пойманным Карпиком к наместнику в Каширу. В это время князь Иван Лапин нападает на них с отрядом своих людей; завязывается новый бой: люди князя Лапина были на конях и в саадаках. Монастырские люди так рассказывали об этом наместнику: «и как, господине, будем проезжать против села Воскресенского... князь Иван нас угонил со своими многими людьми... да нас, господине, и пристава и его понятых учали бити и стреляти и саблями сечи, а хотел, господине, того Карпика у нас выбити, а мы, г-не, у них отбилися, да на том бою у понятого, у соцкого, у Филата саблею ногу отсекли». Князь Лапин потерпел поражение; был взят в плен и второй его слуга Дулепко, «на коне и в саадаке». Показание потерпевших вполне подтвердилось; суд судил сам великий князь;

предстал на суд и главный обвиняемый, князь Лапин. И что же? понес он какую-нибудь строгую кару за двукратный разбой и вооруженное нападение на пристава, представителя княжеской власти? Ничуть не бывало. Он вместе со своими людьми по приговору обязан был вернуть ограбленное в сумме 50 рублей с полтиною, и уплатить 4 рубля за Ивашкову голову.

В грамотах первой половины XVI века, конца удельного периода, мы находим несколько описаний таких боярских наездов, в которых бояре и их слуги бьют, грабят, «соромят» жен, избивают княжеских судей и расплачиваются за эти преступления только денежным штрафом. В древнейшее время историки кратко, но столь же красноречиво говорят о «наездах», отличая их от «разбоя» и «татьбы».

Эти насилия бояр у нас, и на Западе, не прекращаются после средних веков, хотя впоследствии они приобретают уже вполне характер разбоя, в отношении которого слабая еще государственная власть по старому часто оказывается бессильной, тем более, что и в эту позднейшую эпоху сохраняется еще в значительной степени сеньориальный иммунитет, недоступность для правительственных чиновников боярской вотчины и особенно боярского двора. В самой царской столице, в Москве, в XVII веке, — говорит И. Е. Забелин, — «бывали такие боярские дворы, мимо которых, как мимо двенадцати дубов соловья-разбойника, не было обывателям ни проезду, ни проходу».

К разбоям, «наездам» и всякого рода насилиям сильных людей присоединялись в удельное время насилия великокняжеских властей. Центральная государственная власть была у нас в средние века, также как и на Западе, слишком слаба, чтобы сдерживать произвол местных властей: господствовавший у нас, одинаково с Западом, порядок пожалования должностей, как доходных статей, во временное пользование, ослаблял административное подчинение; разбросанность административных округов и недостаток путей сообщения не давали возможности скорого и строгого контроля. Неправедный суд и насилия княжеских тиунов составляли одну из любимых политических тем древне-русской церковной письменности. «Не имей себе двора близ княжа двора, — писал Даниил Заточник, — не держи села близ княжа села: тиун бо есть яко огнь, трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры: аще от огня устережися, но от искры не можешь устрещися жжения порт». Та же тема в «Наказании князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем» и в «Слове о властелях и судиях, емлющих мзду и неправду судящих».

На описанной почве и самоуправства у нас так же, как на Западе, широко развиваются частные союзы защиты, процветают учреждения защиты-закладничества и вассальной службы, которая так же представляет собою одно из отношений защиты. Одинаковая почва на Западе и в России из одинаковых зерен древнейшего права дает одинаковые произрастания. «Во все продолжение древней русской истории, — говорит Соловьев, — мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность».

Мелкие своеземцы задавались за бояр, князей и монастыри, ища у них обороны «от сильных людей насильства». С другой стороны, бояре и дети боярские, оставляя слабых князей, часто били челом в службу князьям могущественным, ища как богатых жалований, так

и сильной заступы. Монастыри, убегая от насилия удельных князей, передавались великим князьям, прося их о «покрове соблюдения». Чтобы обезопасить своих людей и слуг, великие князья давали им защитные, бережные грамоты и привилегии непосредственной подсудности великому князю или боярину введенному (мундебурд). Жалованными грамотами они обеспечивали независимость боярских и монастырских вотчин от местных властей, от в'езда волостелей, тиунов и доводчиков.

А. Дживелегов.

118. Рост торговли во второй половине средних веков.

Натурально-хозяйственный строй продолжал господствовать вплоть до XII века; даже и после того, как обмен преобразовал городское хозяйство, последнее долго не могло отделаться от многих переживаний предшествовавшей экономической эпохи. Вся история экономических отношений до XII века есть история постепенного упадка натурального хозяйства и постепенного развития черт менового; одно мало-по-малу заступает место другого. Переворот XII—XIII в.в. подготовлялся исподволь и был переворотом лишь отчасти. При его характеристике необходимо иметь в виду две категории причин: внутренние и внешние.

Вырастало народонаселение, меньше становилось незанятой земли. Хозяйственная ячейка стала мало-по-малу утрачивать свою, столь характерную для натурального хозяйства, самостоятельность, покоящуюся на обработке земли; земледелец стал оказываться уже не в состоянии доставлять себе все необходимое собственными силами; он начал нуждаться в произведениях других хозяйств. Но связь с землей порывается не сразу; она на первых порах лишь делается менее полной. Условия природы и географического положения заставляют обращать особенное внимание на такую статью, которая представляется более выгодной. Одни особенно напирают на хлебопашество, другие на виноделие, третьи на солеварение, четвертые на рыболовство, пятые на горный промысел. Этот момент в некоторых пунктах непосредственно связан с возникновением городов. Так, Люнебург и Галле в Германии выросли благодаря своим соляным варницам, Гослар — благодаря своему горному делу, Ярмут, Гримсби и Скарборо в Англии и целый ряд приморских городов в других странах — благодаря рыбной ловле, и проч. Таким образом, мало-по-малу возникло естественное разделение труда; между центром специального промысла и более или менее широкой округой завязывался обмен. Такой элементарный обмен не нуждается еще в сложной, организованной торговле; ему достаточно простого периодического рынка.

Но тут дело осложняется. Вся эта внутренняя, так сказать, автономная, хозяйственная эволюция получает могучий толчок с другой стороны. Благодаря крестовым походам зарождаются постоянные правильные сношения с Левантом, которые еще в большей степени способствуют падению существующих экономических принципов.

На этой почве Италия даже опередила остальные государства Европы. Многие из итальянских городов и во главе их Амальфи и Венеция еще до начала крестовых походов нашли способы непосредствен-

но завести сношения с портами Леванта, не прибегая к византийскому посредничеству. Оттого-то так рано и начался расцвет этих двух муниципий; но в то время, как норманское завоевание погубило Амальфи, первый крестовый поход послужил к дальнейшему развитию Венеции, а вместе с нею Генуи и Пизы, материальный рост которых не замедлил отразиться на других городах северной и средней Италии, а затем и на всех городах Европы вообще. Различными путями, морским и сухопутными, торговые сношения распространяются из Италии на север, денежное хозяйство начинает под влиянием нескольких условий, как экономических, так и политических, прокладывать себе путь в сферу натурально-хозяйственных отношений. Чудеса Востока перестают быть волшебной сказкой; крестоносцы распространяют более правильные взгляды на природу далекого Леванта, привозят образцы его произведений; европейское общество начинает пробуждаться от спячки и испытывает желание ближе узнать Восток и его продукты: ткани, оружие, курения, пряности. Роскошь, явление почти незнакомое раннему средневековью, делается мало-по-малу обычной, и мировая торговля на первых порах развивается, как служанка роскоши. Как только идея того, что роскошь делается потребностью в высших классах общества, проникает в сознание большинства, являются люди, посвящающие жизнь служению этой потребности и делающие из этого служения источник существования. Европейский — сначала итальянский — купец немедленно вытесняет еврея и через Альпы и по Роне или морем мимо испанского или французского берегов привозит в Англию и Фландрию восточные товары. Местный купец бросается по следам итальянца, предпринимает путешествие в Италию, покупает там товары и привозят их на родину; средиземноморские портовые города: Марсель, Нарбонна, Монпелье, Барселона и др., не говоря об итальянских миниципиях, покупают товары непосредственно в левантских портах, куда судна и караваны доставляют в изобилии произведения Индии и Китая, Аравии и Эфиопии.

А. Дживелегов.

119. Ярмарки.

Еженедельный и ежедневный рынок не могли удовлетворить всем запросам торговли в средние века. В то время уже наметилась потребность в установлении связей между различными промышленниками и торговыми районами, а средств к постоянному поддержанию этих связей у эпохи не было. Сношения приходилось поддерживать при помощи продолжительных, трудных и опасных торговых путешествий. Неудобства этих путешествий давно уже заставили людей задуматься над тем, каким образом довести их до минимума. Единственным средством, которое удовлетворяло в большей или меньшей степени этой потребности, представлялась ярмарка, или, как гласит другое название, напоминавшее время редких ярмарок при церквах, — месса.

Если и теперь еще, в XX в., наш Макарий и его младшие братья процветают, несмотря на существование железных дорог, телеграфа, телефона и сложной коммерческой техники, то для средних веков потребность собрать в определенный срок в определенном месте все товары мирового рынка, представлялась прямо настоятельной. Города

были разобщены между собою, корреспонденция между купцами, живущими в разных местах, почти невозможна. Заранее назначенный и раз навсегда известный сборный пункт устранял главные неудобства. Опасности пути, конечно, оставались, но средневековый человек был рад и тому, что они сокращались. В самом деле, какому-нибудь купцу, напр., из Страсбурга было далеко не все равно, ехать ли в Венецию и Милан или на Шампанские ярмарки... Одним словом, ярмарка в средние века была необходимостью, и никогда ярмарочный торг не процветал в такой степени, как в средние века... Но первое место среди как французских, так и европейских ярмарок занимали знаменитые Шампанские ярмарки.

Трудно представить более благоприятное сочетание географических и политических условий. Шампань находилась в узле всех путей, по которым шла мировая торговля. Она лежала по дороге купцов, идущих из Англии в Италию, из Фландрии в Германию и к Средиземному морю, она граничила с промышленным фламандским районом, с одной стороны, хлебородными и винодельными областями Германии — с другой; по ней протекали Сена и Маас; почти до границ ее доходили Сона с юга и Мозель с Востока. Графы Шампани прекрасно понимали все значение ярмарок и не жалели усилий, чтобы доставить посещавшим их купцам полную безопасность и возможность свободной торговой деятельности; они покровительствовали купцам по пути на ярмарку или с ярмарки, наказывали мелких хищников, умели обуздывать даже таких баронов, как герцоги лотарингские; они учредили специальных чиновников для ярмарки, установили целые институты, необыкновенно хорошо приспособленные к путанной, но по существу элементарной торговой организации того времени. Купец ехал в Шампань с полным доверием, почти не опасаясь за целость своего имущества. Благодаря всему этому Шампанские ярмарки, начиная со второй четверти XII в. и до начала XV, служили средоточием товарного обмена и денежных операций в Европе.

Всех Шампанских ярмарок было шесть и продолжались они в четырех городах почти без перерыва в таком порядке: в Труа, в Провене, опять в Труа, в Ланьи, в Баре и опять в Провене. Начинался этот цикл в июне и кончался в июне...

Шампанские ярмарки были фокусом европейской торговли XII—XIV в.в. Немецкие ярмарки были основаны, большей частью позднее чем Шампанские, но, благодаря географическим условиям, тоже приобрели большое значение. Из них следует упомянуть на первом месте Франкфуртскую на Майне, первое известие о которой относится к 1240 году. Кроме нее, имеют значение Дуисбургская, Ахенская, Оппенгеймская, Вормская, Шпейерская, Кельнская.

В Италии славились ярмарки Миланская, Феррарская, Венецианская, Пьяченцская, Генуэзская, Павийская; в Англии — Бостонская, Сент-Ивская, Стэмфордская, Эдмондсберийская и особенно Уничестерская и Стаурбриджская. Последняя обслуживала Восточную Англию и служила для торговли с Фландрией, а Уничестерская — для южных графств и торговли с Францией.

Т. Роджерс.

120. Ярмарка в Стаурбридже.

Никакая ярмарка в Англии не могла сравниться по значению с большой и знаменитой Стаурбриджской ярмаркой; слава о ней распространена была не только по всей Европе, но, вероятно, достигала мест, где еще не видели ни одного европейца, так как, по сведениям о ней, здесь продавались не только европейские, но и восточные товары, и вообще все, что можно было купить в то время.

Она об'являлась 4 сентября.

Покупатели на Стаурбриджскую ярмарку являлись даже из окрестностей Лондона, например, из Сионского монастыря. Оксфордские колледжи закупали здесь сельдей на зиму и другую рыбу на время поста, равно как и пряности. Здесь же брали они соль и деготь, оливковое масло, воск и ладан. Когда приближался конец ярмарки, во все части Англии направлялись целые обозы телег, нагруженных товарами; перевозчики торговались о плате, за которую они должны были доставить груз к месту назначения. Если бы я составил коллекцию предметов, о которых упоминается в средневековых документах и позже, как о купленных на Стаурбриджской ярмарке, список заключал бы почти все виды товаров, которые покупались вообще вне деревни. Ярмарка эта была так же знаменита в свое время, как позже Нижегородская и Лейпцигская. Мало было сколько-нибудь зажиточных хозяйств, которые бы не посылали покупателя на Стаурбриджскую ярмарку, или не давали туда поручений.

Посредником являлся ломбардский меняла при продаже товаров и для облегчения торговых сделок. Венецианские и генуэзские купцы привозили с собою драгоценные товары Востока, шелк и бархат, тонкие стеклянные изделия и драгоценные камни, хлопок и квасцы. Фламандские промышленники привозили из Брюгге и Люттиха (Liège), Гента и Мехельна холст различных сортов (линон, узорчатое и голландское полотно). Испанцы везли железо и лучшие сорта вина, производившиеся их страною; более распространенные и дешевые вина Гиенни (бордо) были в изобилии; можно было даже найти греческие и критские вина. Из Леванта шли сюда коринка, изюм и миндаль, а иногда встречались кокосовые орехи, скорлупа которых переделывалась в кубки и украшалась золотом и серебром. Норвежцы везли деготь и смолу; а Ганзейские города — меха и янтарь, медь и лучшее железо, деревянные остовы для луков английских стрелков, лен и пряжу, бумазею, лощенку и парусный холст, а также самые тонкие сорта орнаментального дерева. Эти города составляли канал, по которому драгоценные камни Востока, вставлявшиеся в неполированном виде в митры и короны, кольца и перчатки с драгоценными украшениями, шли на Запад через рынки России. Они же (т.-е. Ганзейские города), вероятно, вывозили фарфор, обломки которого попадаются иногда там, где всего менее можно было бы ожидать их, вывозили из самого отдаленного и древнего культурою Востока. Для посредничества в этой большой и разнообразной торговой деятельности множество иностранных судов бросало якорь в восточных гаванях, и восточная Англия богатела благодаря этим торговым сношениям. Можем ли мы сомневаться, что вольный человек и бэллиф, подвальный

и казначей, священник и рыцарь, с большим интересом посещали это зрелище необычайной деятельности, с удивлением смотрели на чудеса, представлявшиеся их взорам, и с большим любопытством беседовали о географии и политической жизни почти всего известного тогда мира.

На эту большую ярмарку привозились огромные тюки шерсти, составлявшие в ту пору богатство сельской Англии, — предмет зависти для окружающих народов, и товар, торговать и спекулировать которым не брезгали монархи. Сюда же привозились продукты Корнваллийских оловянных рудников со штемпелем богатого графа (earl, старинный английский титул графа), купившего только что Германскую империю, хотя покупка эта и не принесла ему ничего, кроме пустого титула. Здесь можно было найти свинец из рудников Дербишира и железо из заводов Суссекса. Здесь заключались также сделки на ячмень из восточных графств, если цена была достаточно низка и закон, заботившийся более всего о достаточном снабжении внутренних рынков разрешал поэтому вывоз его в пивоварни Фландрии, научившей англичан два века спустя приправлять и сохранять их эль при помощи хмеля.

Чтобы регулировать денежное обращение, предупредить уход звонкой монеты за границу (постоянная забота государственных людей средних веков) и устранить фальшивую или испорченную монету, королевские чиновники надзирали за платежами иностранных купцов, в то время как казначейство собирало свои пошлины с вывозимых товаров, шерсти и кож, от которых зависел иностранный мануфактурист. Чтобы быть готовым подать помощь против обманов и насилий, в спорах и при нарушениях договоров, в «суде запыленных ног» постоянно заседал мэр (mayor). Все классы находили себе дело, потому что и магнаты являлись сюда для закупки предметов роскоши, бархатного платья, дорогих мехов, миланских рыцарских доспехов и боевых испанских коней. Я нашел, что даже покупка дорогих баранов, без сомнения для улучшения породы овец и качества шерсти, была одной из обычных сделок на этой ярмарке.

А. Дживелегов.

121. Венеция.

Венеция, как выше уже было указано, достигла своего высшего расцвета после взятия Константинополя крестоносцами четвертого похода. Она была главной виновницей этой неожиданной перемены цели похода... Она сделалась истинною владычицею морей, ибо, начиная от Геллеспонта и кончая Критом, все принадлежало ей. Ее главной восточной эмпорией сделался Константинополь, в котором ей принадлежала вся Пера, и восточная торговля сделалась настолько существенной частью всей политики Венеции, что одно время была даже мысль бросить город на лагунах и перенести в Золотой Рог резиденцию дожа. Этот проект не осуществился. Дож остался у св. Марка, а в Константинополе Венеция посадила своего подесту, который был губернатором венецианских владений в империи и главою венецианской колонии в ее столице. Добившись такого положения, Венеция могла спокойно смотреть на будущее, и, действительно, несмотря на серьезные неудачи, постигшие ее во второй половине XIII в., ее тор-

говля пострадала мало, и в XIV—XV веках мы вновь видим ее такой же цветущей, как и в начале XIII в.

Погоня за островами и портами, всегда бывшая одной из наиболее характерных черт венецианской торговой политики, как нельзя более понятна. Это — погоня за рынками. А рынки были нужны республике, чтобы обеспечить сбыт многочисленным отраслям промышленности, которые завелись у нее, и продуктов, производство которых не могли исчерпать европейские рынки. Венеция превосходно понимала, что ее торговля до тех пор будет лишена серьезных устоев, пока она не будет иметь питающей почвы в собственной промышленности. Одна транзитная торговля вполне основательно представлялась руководителям венецианской торговой политики совершенно недостаточной. Вот почему Венеция всячески старалась насадить у себя промышленность и изобретала всевозможные средства, чтобы удержать секреты своих наиболее важных производств. В XIII веке в Венеции уже вырабатывались сукна, хлопчатобумажные ткани, материи, полотно, оружие, кружева, кожаные изделия; но главных отраслей венецианской промышленности было две: производство шелковых материй и стеклянных изделий. Ими Венеция дорожила больше всего. В остальном у нее были конкуренты и большей частью победоносные конкуренты как в самой Италии, так и за границей; в этих двух сферах она конкуренции не знала. Поэтому, тщательнейшим образом следила она за тем, чтобы секреты ее производства не проникли как-нибудь в другой город. В XIV веке был издан ряд постановлений, которые запрещали рабочим, занятым в шелкоткацких мастерских Венеции, наниматься в другие города, и строгие кары грозили тем, кто решался нарушить эти запрещения...

Нечего и говорить, что она запрещала ввоз таких продуктов, которые она имела у себя, в городе или в колониях. Так, ввоз шелковых материй был запрещен совершенно, за исключением некоторых сортов из Флоренции и Неаполя, которые не производились в Венеции.

Однако, республика не забрасывала и транзитной торговли. По-прежнему Венеция служила главным складочным пунктом восточных пряностей, курений, медикаментов. У некоторых венецианских богачей (Контарини, Корнаро, Зено) были богатейшие плантации сахарного тростника на Кипре, и Венеция снабжала рафинадом всю Италию. Транзитная торговля Венеции имела в виду, главным образом, Запад; ее промышленность и Запад, и Восток. Но, повидимому, Италия была если не единственным, то во всяком случае, главным рынком, потреблявшим предметы венецианского производства. Для другой главной клиентки — Германии Венеция была важна прежде всего своими складами восточных товаров.

Главными рынками, где Венеция получала товары, сбывавшиеся ею в Европе, были: Александрия в Египте, через которую шли произведения Индии, Китая и Аравии; Кипр, где культивировались: хлеб, хлопок, сахарный тростник, ароматические растения, добывалась медь; сибирские порты и Византия, откуда вывозились восточные ткани; порты Черного и Азовского морей, доставлявшие пушной товар и металлы: Магреб в Африке, посылавшей республике хлеб, воск, шерсть и кожу.

Взамен всего этого Венеция вывозила в Мавританию и Египет металлы, мелкий железный и медный товар, бочки, деревянную посуду и в огромном количестве простой стеклянный товар; кроме того,

она перевозила на своих кораблях в Левант продукты западной промышленности, за которыми те же корабли ездили во Фландрию и Северную Германию.

Конторы республики находились во всех важнейших портах Леванта: в Александрии, Тире, Бейруте, в Акке, Константинополе, в Гане (Азове), Никополе; в Гераклее и Никомидии, в бассейне Мраморного моря; в Сесте, Абидосе и Галиполи, в Дарданеллах; в Салониках и Адрианополе, в глубине Архипелага; во всех почти городах Пелопонеса и Ахайи, на островах Архипелага, на Эвбее, Крите, Кипре. Всюду Венеция имела дела; всюду ее купцы продавали или покупали, привозили или увозили. Но осуществляя свою торговую деятельность, они в то же время несли в глухие углы Азии европейскую культуру; туземцы часто были принуждены знакомиться с ее изнанкою, но еще чаще знакомились и с ее положительными сторонами.

Полная и блестящая картина торговых оборотов Венеции набросана в отчете дожа Томазо Мочениго. Это — речь, произнесенная в 1420 г. перед народом и содержавшая целый ряд очень интересных цифр. Очень полагаться на эти цифры нельзя, но они, повидимому, в общем правильно определяют главные положения. Мы возьмем некоторые из них.

Ежегодно Венеция вывозит в Ломбардию товаров на следующую сумму: на 100.000 дук. конопли, на 250.000 дук. хлопка, на 30.000 дук. бумажной пряжи, на 120.000 итальянской шерсти, на 120.000 французской шерсти, на 250.000 парчи и шелковых материй, на 300.000 перцу, на 64.000 корицы, на 8.000 имбирю, на 95.000 сахару, на 30.000 швейного и вышивального приклада, на 120.000 красильного дерева, на 50.000 других красок, на 250.000 мела и на 30.000 рабов. Ломбардия вывозит в Венецию на 900.000 дук. сукна (94.000 куск.), Флоренция посылает в Венецию товаров на 16.000 цехинов и взамен получает французскую и испанскую шерсть, шелковичные зерна, золотую и серебряную нитку, сахар и драгоценности. «Я не считаю, — говорит Мочениго,—доходы с продажи соли. Согласитесь, что такая торговля очень выгодна. Посмотрите, сколько она приводит в движение кораблей, чтобы перевезти товары в Ломбардию, чтобы ехать за ними в Сирию, в Романию, в Каталонию, во Фландрию, в Кипр, в Сицилию, во все концы мира. Фрахты дают 2½—3 процента, а доход купцов составляет не менее 600.000 дукатов».

Богатства республики были огромны. Ценность находившихся в городе домов исчислялась в 7,5 милл. дук.; они приносили полмиллиона дукатов ежегодного доходу. Среди жителей Венеции было около тысячи человек, не занимавшихся торговлей, имеющих доход от 700 до 4.000 дукатов.

Для того, чтобы поддерживать, и, еще более, — для того, чтобы защищать свою торговлю, Венеция принуждена была держать большой флот, и как в древности Финикия, как в новое время Англия, она сделалась, благодаря торговле, первоклассной морской державой. Поэтому, флот всегда составлял живейшую заботу республики, и она постоянно старалась его увеличивать. В середине XIV в. торговый флот Венеции состоял из 3.000 судов от 10 до 100 тонн вместимости, 300 кораблей в 700 тонн в среднем и множества более мелких. Экипаж состоял из 25.000 человек. Этот флот охранялся 45 галерами, на которых находились 11.000 человек морских солдат.

———

В. Михайловский.

122. Ганза.

Балтийское море во второй половине средних веков приобрело в торговых сношениях народов важность не меньшую, чем Средиземное. Хотя оно уступало своему южному сопернику в обширности, в богатстве прилегающих земель и в благорастворенности климата, но зато обладало и весьма серьезными преимуществами. Могучие реки, орошающие десятки тысяч квадратных миль плодородной земли, изливали в него свои воды и служили прекрасными путями сообщения: жители его побережий принадлежали к числу самых трудолюбивых и предприимчивых обитателей Европы; на судах, плававших по Балтийскому морю, перевозились грузы, состоявшие из предметов первой необходимости, потреблявшихся в больших количествах и потому дававших значительные выгоды как производителю, так и купцу. Хлеб, лес, металлы, рыба, воск имели важность не только для соседних народов, но и для самых отдаленных стран Юга и Востока.

Сношения между Югом и Севером велись различными путями как на море, так и на суше. Обе главные дороги европейской торговли, направлявшиеся от Запада к Востоку, т.-е. моря Балтийское и Немецкое на севере и Средиземное на юге, связывались несколькими промежуточными путями, из которых главный соединял Германию со Средиземным морем. По этой дороге немецкие купцы, отправившись из Венеции, важнейшего складочного пункта, пройдя Бреннер, пересекали Альпы, и потом одни из них ехали по Изару и Дунаю в Вену, другие по Леху направлялись к Аугсбурггу и Нюренбергу, богатым промышленным центрам Германии, откуда дорога вела по Рейну через Кельн в Нидерланды и Фландрию с их могущественными фабричными городами. Другой, более удобный путь, хотя и менее посещаемый, шел от Лионского залива по Роне и Соне на север, потом он разделялся на несколько ветвей; самая важная из них залегала по течению Мозеля и Рейна и оканчивалась у Немецкого моря; главнейшим городом на ней был богатый Кельн. Кроме отмеченных выше речных и сухопутных дорог, существовала и морская—от Гибралтарского пролива по океану и Ламаншу. Брюгге во Фландрии был главным узлом, в котором тогда сосредоточивались торговые дела почти всех стран Западной Европы; он лежал на пороге Германии и Франции лицом к лицу с Англией и был посредником между южными и северными странами. Итак, наша часть света уже в те отдаленные времена была покрыта целою сетью дорог, пересекавшихся под прямым углом, и по ним двигались со своими товарами, завоевывая себе независимое положение, новые люди, выдающиеся представители среднего сословия, оборотливые и неутомимые купцы.

Города для осуществления своих промышленных задач и для защиты своего благосостояния, не находя поддержки в крайне слабой государственной власти, прибегали к самозащите и соединяли отдельные силы для общего дела, образуя купеческие общества и союзы городов. Из всех средневековых городских союзов особенную известность приобрел так называемый Ганзейский, оказавший громадное влияние на жизнь западно-европейского общества.

Если взять Новгород на востоке, Лондон на западе, Берген в Норвегии на севере, то на всем пространстве между этими тремя пунктами в XIV и XV столетиях влияние союза нижне-немецких городов, известного под названием Ганзы, чувствовалось не только в делах торговых, но даже и в политических. Вдоль Немецкого и Балтийского морей, по низовьям Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Одера, Вислы и Западной Двины, кончая устьями Наровы, и притом довольно далеко внутрь страны, многочисленные города входили в состав торгового братства, гордившегося господством на морях и на суше. Ганзою называлось купеческое товарищество, известным образом организованное, и это наименование показывает, что купцы руководили неограниченно делами этого союза, направляя его действие на преследование исключительно торговых целей. Среди ганзейских городов, управляемых могущественным и богатым купечеством, особенно выдавались: Амстердам, Кельн, Бремен, Гамбург, в области Немецкого моря, и Любек, Вендские города, Данциг, Рига, Висби на острове Готланде, в басейне Балтийского моря, и Магдебург с Бреславлем в глубине германской земли.

В XIV столетии во время полного упадка центральной государственной власти, когда раздробленная Германия утратила всякое влияние в Западной Европе, северные немецкие города образовали грозный союз, состоявший более, чем из 90 городских общин, и приобрели таким образом всемирно-историческое значение. Происхождение знаменитой купеческой федерации не может быть точно определено, оно не приурочивается ни к какому известному году или событию; связи, соединявшие многочисленные города нижней Германии для достижения торговых выгод, росли и крепли незаметно; но с особенною силою могущество Ганзейского союза проявилось в последние два столетия средних веков, начиная со времени борьбы этого купеческого братства с королем Датским Вальдемаром IV. Если нельзя указать хронологической даты, когда возникла Ганза, то можно с достоверностью определить, каким путем создался столь славный в истории немецкий торговый союз. Ганза произошла из слияния двух, первоначально самостоятельных, течений. В средние века для защиты слабых от притеснения сильными единственным средством служило соединение слабых в прочно организованные общества. Торговая и промышленная деятельность для охраны своих интересов стремилась к учреждению двоякого рода союзов.

Так, немецкие купцы на чужбине основывали тесно сплоченные товарищества, носившие название гильдий, или ганз, а на родине у себя в Германии, устраивали городские союзы; когда общества купцов и городские союзы всей Северной Германии сблизились и, тесно соединившись, составили одно целое, тогда на почве Западной Европы появилась Великая Немецкая Ганза.

В четырех важнейших торговых центрах Северной Европы утвердились богатые ганзы нижне-немецких купцов. Лондон, Брюгге, Висби и Новгород издавна привлекали предприимчивых торговцев, преимущественно из Германии...

Для охраны общих торговых интересов ганзейские купцы как во время плавания, так и во время пребывания на чужбине подвергались самой строгой дисциплине... В купеческих поселениях все было строжайшим образом урегулировано: время для работы и для отдыха, для еды и для питья, для собраний; всякий, нарушавший правила, подвергался строгой каре. Всех дворов считалось 21, и во второй половине

XV века в конторе жило 2—3 тысячи мужчин. Ни одна женщина не допускалась в контору, и всякий, вступавший в брак, лишался навсегда права быть членом конторы.

Из двух главных путей, по которым двигалась торговля Ганзы, первое место занимал тот, конечными пунктами которого были Брюгге и Новгород. Из России немецкий купец через Новгород вывозил дорогие меха — бобров, соболей, горностаев, кожи, мед и воск; предметом ввоза были шерстяные и шелковые ткани, полотно, обувь, пиво, металлические и галантерейные товары. В Брюгге во Фландрии шли товары при посредстве ганзейцев из северных стран: из Швеции лес, камни для построек и железо, а также часть меди, добываемой из фалунских рудников, разрабатывавшихся любекскими горожанами; из остзейских земель на ганзейских кораблях привозился хлеб; из Норвегии и Скании — сельди и треска. В обмен на произведения северной природы при посредстве Ганзы развозились из Брюгге по землям, прилегавшим к Балтийскому морю, дары Юга и Востока: прованское масло, вина, пряности, благовония, шелковые ткани и различные предметы роскоши; сама Фландрия отпускала ганзейцам знаменитые в средние века сукна, произведение ее больших фабричных городов.

Другое течение ганзейской торговли заканчивалось в Лондоне. Туда ганзейцы перевозили на своих кораблях французские вина, венецианские шелковые материи и различные произведения нидерландских и немецких фабрик. Англия производила тогда только сырье; а на обратном пути нагружали суда английскою шерстью, добывавшеюся в громадном количестве; эта шерсть попадала в Фландрию и перерабатывалась в тонкие сукна. Меньшею важностью отличались сношения с Шотландией и Ирландией, с Брабантом и Францией, хотя знаменитые ярмарки ее ганзейские купцы правильно посещали.

Хотя ганзейские города преимущественно служили посредниками между различными европейскими государствами, однако этим обменом чужеземных произведений торговля их не ограничивалась; она должна была повлиять на развитие в нижне-немецких городах местной промышленности. В Любеке было в то время вдвое больше булочников, чем теперь. Пивоваренные заводы вырабатывали громадное количество пива; в особенности славилось пиво гамбургское и ростокское. Почти все города от Ливонии до устьев Везера были окружены обширными насаждениями хмеля; в одном Гамбурге в XIV столетии было 500 пивоваров; из них 126 изготовляли пиво исключительно для Амстердама. Не только представители изящной промышленности, как-то: золотых дел мастера, живописцы, скульпторы, доставляли ганзейским городам славу и богатство, но и многие более грубые ремесленники, как, например, сапожники и столяры, сбывали произведения немецкого труда на дальний север с его неискусным в ремеслах населением.

Все разнообразные производства сосредоточивались в известных местностях, образуя целые улицы и городские кварталы, заселенные мастерами, составлявшими правильно организованные цехи. Эти ремесленники обогащали Ганзу, но не принимали никакого участия ни в городском управлении, ни в союзных делах.

В конце средних веков в судьбе Ганзейского союза произошел поворот к ухудшению, и вследствие многих причин некогда могущественная городская федерация стала клониться к упадку. Открытие Америки и морского пути в Индию изменило направление торговли.

Ганза, благодаря косности правителей-купцов, не сумела приспособиться к новым условиям, и торговое значение ее начало переходить к голландским, португальским и испанским морякам и купцам.

———

Н. Рожков.

123. Новгородская торговля.

Важнее всего в новгородском хозяйстве — сильный рост внешней торговли. В качестве свидетельства об этом росте прежде всего обращают на себя внимание договоры Новгорода с немцами — с островом Готландом и с ганзейскими городами. Таковы договоры 1195 г., конца 50-х годов XIII века, 1270 г. Все эти договоры по существу своему чисто торговые: в них определяется порядок торговых сношений, устанавливается торговый и общий суд между иностранцами и новгородцами, нормы права, по которым должны вершиться судебные дела и т. д. Данные, доставляемые нам торговыми договорами, пополняются донесениями и грамотами немецкого купечества и администрации немецких торговых городов; любопытный материал, содержащийся в этой переписке, указывает, что новгородские купцы ездили торговать в Нарву, Ревель, Дерпт, Ригу, Данциг, на о. Готланд, в Любек, в Або, в Выборг и Стокгольм; что немцы ввозили в Новгород иногда хлеб и всегда соль, железо, медь, золото, серебро, олово, свинец краски, сукна (английские, фландрские и немецкие), полотна, металлические изделия, вина, фрукты, конфекты, а вывозили оттуда, главным образом, меха — собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвежьи, волчьи, заячьи, беличьи, — воск и мед, ворвань, свиное сало, лен и коноплю; что, наконец, внешняя торговля нередко сопровождалась кредитными сделками. О развитии кредита свидетельствует также и особый источник, весьма ценный во многих отношениях: это так называемая «Рижская долговая книга». Далее, на первостепенное значение внешней торговли в хозяйственной жизни Новгорода указывают договоры Новгорода с князьями, в которых содержатся условия, что князь должен торговать на немецком дворе непременно через новгородца и не имеет права приставлять приставов к этому двору или затворять его, и что в Суздальской земле нельзя брать пошлины с товаров выше определенной нормы. В новгородских летописях начиная с 1188 года, постоянно встречаются известия о торговле с немцами. Только что приведенное условие договора Новгорода с князьями о пошлинах в Суздальской земле указывает на торговые сношения Новгорода с бассейном Оки и верхней Волги. Сношения эти с XIII века сильно оживились, в чем убеждает целый ряд наблюдений по летописям и договорам с князьями; новгородское купечество посещало Суздаль, Переяславль-Залесский, Кострому, Тверь, весь так называемый Низовский край: в 1273 г., вследствие ссоры новгородцев с низовцами, «у гостинников понизовской земли товар отимаша»; особенно красноречиво свидетельствуют о сильном развитии торговли Новгорода с бассейном Оки и верхней Волги два летописные известия: одно, относящееся к 1216 г., сообщает, что в Переяславль-Залесский приехали новгородские и смоленские купцы, при чем последних, т.-е. смоленских, было всего 15, тогда как число приехавших из Новгорода доходило до 150; по другому известию, в 1214 г.

один новгородский князь, поссорившись с вечем, захотел перерезать пути новгородской торговли с низовской землей и, заняв Торжок, «гостей боле дву тысяч изыма». Продолжалось, наконец, и торговое движение на юг России, в бассейн Днепра: в 1225 г. князь Михаил Всеволодович, уходя из Новгорода княжить в Чернигов, сказал новгородцам: «гость ко мне пускайте».

Но внутренняя торговля была в XII и XIII в.в. очень слаба; хозяйство массы населения оставалось натуральным. Не даром чеканная новгородская и псковская монеты появились только в XV веке.

———

М. Покровский.

124. Вольный город Новгород.

Кроме бояр и купцов, которые составляли верхний слой новгородского населения, в нем, еще более чем в Москве, сосредоточилось много ремесленников, мелких торговцев, лавочников и т. д., составлявших население этого города, делившегося на пять концов или больших кварталов. Кем они были населены, показывают их название: один назывался Плотницкий, другой Гончарный и т. п. Все это население было необходимо большому торговому городу, и по этой причине оно скоро завоевало себе самостоятельность, какой не имело население других городов, бывших столицами крупных феодалов. Боярам и купцам было выгодно, даже необходимо некоторое спокойствие в городе и его ближайших окрестностях, иначе иностранцы не стали бы туда ездить. В противоположность остальной феодальной России, в Новгороде был некоторый порядок. Дорожа этим порядком, новгородские капиталисты вынуждены были итти на некоторые уступки населению, которое было им необходимо. Такой порядок установился не только в Новгороде, но и во всех больших торговых городах средневековой Европы. Всюду необходимость более прочной торговой организации приводила к тому, что низшие классы населения, в феодальных имениях совершенно порабощенные, в городе приобретали некоторую свободу. Так образовалась французская коммуна. Так образовались немецкие городские общины, возникло так наз. магдебургское право с разными привилегиями для горожан и т. д.

Это вовсе не значит, что новгородская земля была свободной. Наоборот, сельское население Новгородской области, именно благодаря тому, что эта область шла впереди других частей России по своему экономическому развитию, больше эксплуатировалось. В Новгородской области смерды, раньше чем в других местах, начинают становиться крепостными в настоящем смысле слова, т.-е. прикрепляются к земле и к своему владельцу. Но они были крепостные не только своего барина, а и всей новгородской общины. Город Новгород был каким-то огромным барином, который сидел над всею новгородскою землею. Население этой земли, таким образом, вовсе не было заинтересовано в том более или менее свободном порядке, который существовал в самом городе.

Этот город, хотя на словах и подчинялся князьям, на деле был республикой: он назначал и сменял своих президентов-посадников, своего главнокомандующего, тысяцкого, судей, начальников отдельных областей и т. д. Но во всех делах принимало участие только город-

ское население в тесном смысле слова. Так было, повторяю, всюду, не только у нас в Новгороде, но во всей Западной Европе, во всех торговых городах. Городской воздух делал человека свободным, и во многих городах существовало даже правило, что человек проживший в городе год и день, уже в силу этого становился свободным. Но за городской чертой уже начиналась феодальная порабощенная страна.

———

С. Лозинский.

125. Коммунальное движение.

Положение городской массы в раннем средневековье было тяжелым. Общество признавало лишь два класса людей: сеньоров и духовенство. Горожан и крестьян никто не считал людьми. Сеньор, по выражению немецкой поговорки, мог их «сжарить и с'есть». Они несли тяжелые повинности в пользу феодального владельца, платили ему всевозможные подати и пошлины, и ничто не могло сдержать корыстолюбия феодалов... С X века в целом ряде городов возникают столкновения между жителями городов и сеньорами, принимающие подчас кровавый и трагический характер и заканчивающиеся в огромном большинстве случаев победою города.

Итальянские города, ранее других разбогатевшие и окрепшие, первыми подняли знамя восстания против своих господ. Ломбардские города, с Миланом во главе, отличались особенной энергией в борьбе за самостоятельность, и в северных городах Италии в результате этой борьбы была достигнута городская автономия, самоуправление, или, как иногда говорили, муниципальное правление.

Успехом своим ломбардские города отчасти были обязаны умелому использованию ими враждебных отношений между папской и императорской властью. Предлагая свою поддержку то одной, то другой стороне, Милан и соседние города всякий раз выторговывали для себя определенные льготы за эту поддержку. И если не всегда победившая сторона полностью осуществляла обещанное городу в критические дни, то часть этих обещаний, тем не менее, приходилось выполнять, и города все больше и больше становились независимыми и приближались к типу автономно управляющихся общин, к республиканской форме правления. Освобожденный город представлял своеобразную картину, и историк императора Фридриха Барбароссы с удивлением говорил об устройстве итальянских городов, где люди низкого происхождения носят оружие, принадлежащее рыцарям, и занимают значительные должности...

За итальянскими городами последовали фламандские и северофранцузские, особенно епископские города, как Камбрэ, Реймс, Сен-Кантен, Лаон, Суассон, Нуайон и др... В Германии наиболее ранними борцами за городскую свободу были Вормс и Шпейер, и среди первых плодов борьбы этих городов была отмена епископской монополии продажи вина и выдачи при смерти горожанина части его имущества епископу, а также предоставление свободы беглому крепостному, вступившему в брак с горожанкой.

Разнообразен был об'ем дарованных городами привилегий. Различны были и формы борьбы и силы боровшихся сторон. Измена слову, нарушение клятвы были обычны, и Майнц жестоко поплатился

за свое легковерие: ему пришлось вторично восстать за раз добытую свободу и «навеки» закрепить ее путем письменного договора между епископом и городом. Наиболее широкой автономии достигли города, где центральная власть была наиболее слаба и не могла устоять против единодушного и дружного выступления города. Так обстояло дело в Италии части тогдашней Римской Священной империи, коронованный представитель которой вел жалкое существование у себя в Германии, а тем более в далекой, отделенной Альпами, окраинной Италии. Здесь города превратились в настоящие республики, никого не признававшие над собою и ведшие самостоятельную политику как в вопросах внутреннего управления, так и внешнего. Менее автономными оказались германские города, использовавшие, разумеется, в своих интересах, слабость императора. Но постоянное пребывание последнего в пределах Германии мешало этим городам добиться тех успехов, какие выпали на долю Италии. Окраинные города Германии, однако, сумели противостоять попыткам императоров бороться с городскими вольностями, а там, где городам было трудно одинокими силами отстять свою свободу, они соединялись в союз, в ганзу, и об'единенные усилия увенчали их стремления блестящими результатами. Большою автономией пользовались также богатые фландрские и вообще нидерландские города: Фландрия была яблоком раздора между Францией и Англией, и борьба этих двух сильных соседей служила ей наруку, — искусной политикой фламандским городам удавалось получать всевозможные привилегии то от Англии, то от Франции. В последней королевская власть была в постоянной борьбе с сеньорами, и короли-собиратели французской земли опирались в своей вражде к сеньорам на горожан, — города, поэтому, из рук короля, нередко без всяких усилий, получали разные льготы. В общем, однако, автономия французских городов была гораздо ограниченнее многих германских городов, напр., ганзейских, и других, входивших в те или иные союзы. Политического господства французские города во всяком случае не могли получить, ибо королевская власть вела определенную политику борьбы со всякими претензиями на политическую автономию. В Англии, где гораздо раньше, чем на континенте Европы, король проводил меры к усилению центра и где политический сеньорат натолкнулся на энергичное сопротивление нормандской династии, города также не могли претендовать на какие-либо серьезные политические вольности и привилегии.

———

М. Покровский.

126. Борьба классов во Флоренции.

Одновременно с развитием промышленности и торговли растет политическое значение торгово-промышленого класса. До XIII века управление Флоренциею находилось в руках дворянства средней Тосканы; в течение этого столетия начинают возвышаться торговые и ремесленные цехи, сначала «старшие», обнимавшие высшие классы городского населения; их было 7. Здесь мы видим представителей денежного капитала, купцов и менял; господствующей отрасли промышленности, в лице ткачей шерстяных и шелковых материй, наконец, — средневековая особенность — представителей научного обра-

зования, юристов и врачей, организованных наподобие ремесленников. Значение цехов в жизни города подкреплялось городским ополчением, устройство которого было тесно связано с цеховым устройством. В этом был уже важный шаг вперед — военная защита Флоренции не была исключительно делом дворянского, рыцарского войска: рядом с ним самостоятельное место занимает корпус горожан. Скоро эти последние заявили притязание на такую же самостоятельность в городском управлении. Совет «четырнадцати», где преобладало дворянство, был заменен советом «приоров», которые выбирались из всех классов населения — с важным ограничением, однако, — чтобы избранный непременно принадлежал к одному из цехов (1282 г.). Из учтивости членов совета называли «сеньорами» (господами): отсюда и новое учреждение известно под именем сеньории, «совета господ». Дворянство не хотело уступить без борьбы, но на стороне горожан были все преимущества: и богатство, и военная сила, и сознание своей правоты, сознание того, что власть в городе должна принадлежать его населению, а не окрестным землевладельцам.

Ряд столкновений привел лишь к тому, что дворянство было вовсе устранено от участия в управлении: было постановлено, что не принадлежащие к цехам не могут ни выбирать, ни быть выбираемыми ни на одну из высших государственных должностей. Совет приоров получил председателя с широкими полномочиями, непременно «человека из народа». Новый магистрат носил название — «знаменосца справедливости»; гонфалоньерами назывались начальники отрядов городского ополчения; это имя, как нельзя лучше, обрисовывало характер новой должности—охрану вооруженною рукой народных прав от покушений со стороны знати (1293 г.). Впрочем, у горожан были теперь под руками более мирные и, в то же время, более надежные средства борьбы. Неограниченно господствуя над законодательством, буржуазия провела целый ряд постановлений, мало-по-малу отнявших у дворянской партии ее материальные средства. Было отменено крепостное право во всех его видах; лишившись даровой рабочей силы, дворяне-землевладельцы по большей части должны были заложить свои земли городским капиталистам, которые стали постепенно хозяевами не только внутри городских стен, но и во всем «графстве» (городском округе), а скоро и во всей средней Тоскане. В XIV—XV веках борьба старых партий уже мало заметна: двойной — иногда даже тройной — налог с дворянских семейств был ее последним следом. Но скоро начался раздор среди самих победителей.

Переворот конца XIII столетия был делом старших, более древних цехов, которые поспешили им воспользоваться прежде всего для себя: вновь образовавшиеся ремесленные корпорации — к прежним семи с течением времени прибавилось еще 14 — должны были довольствоваться вторым местом. Еще ниже стояло множество рабочих, вовсе не имевших голоса в цеховом управлении. Увеличение размеров производства делало неизбежным разделение труда; вся подготовка шерсти для тканья — чесанье, мытье и проч. — находилось в руках не мастеров — шерстопрядильщиков, а особых рабочих, не имевших своего цеха, но приписанных к цеху шерстяных материй; в таком же положении, находились красильщики и многие другие. Все это были люди зависимые и притом искусственно удерживаемые в зависимом положении: им не разрешали устроить особый цех, чтобы сохранить все преимущества за старою корпорацией, к которой они были припи-

саны. Внутри самих цехов не было и не могло быть согласия. Средневековый промышленный строй был рассчитан на мелкое производство; цеховой «мастер» того времени ближе всего походит на небогатого ремесленника наших дней. Совсем не таков был флорентийский «меняла», имевший конторы в Лондоне и в Антверпене, или «суконщик», который держал сотню рабочих. Во Флоренции, собственно, уже была на-лицо крупная промышленность, с ее обычным следствием — сосредоточением капитала в немногих руках. Цеховые уставы, с их строгой регламентацией производства, были лишь удобным средством для капиталиста — держать в руках рабочего, но нисколько не стесняли самого капиталиста. Часто одно и тоже лицо было «мастером» сразу в нескольких цехах, а настоящие мастера, в сущности, были его наемными работниками.

Все это об'ясняет крайне враждебное отношение рабочего населения к зажиточным гражданам, стоявшим во главе цехов. Здесь мы видим оборотную сторону блестящего промышленного развития Флоренции: накопленными богатствами воспользовались далеко не все флорентийцы. Но это была еще не вся беда; нужно припомнить, что цехи в то же время правили городом, что люди, стоявшие во главе цехов, были, таким образом, законодателями и судьями остального населения. Народ, во имя которого велась борьба с дворянством, старались устранить от всякого участия в управлении. Но по форме оно продолжало быть народным; народ продолжал считать господином города, хотя и не был им в действительности. Это противоречие постоянно подбавляло пищи недовольству низших классов населения: рабочая масса, плохо понимая отдаленные экономические причины такого положения вещей, жила в твердом убеждении, что можно одним ударом «восстановить справедливость», т.-е. свергнуть господство богатых . Уже в 1342 г. этим воспользовался кондотьер Готье де-Бриенн, герцог афинский, который, опираясь на рабочие классы, попытался установить в Флоренции нечто вроде античной тирании. Тридцать лет после того, как он должен был удалиться из города, партийная вражда между самими членами правящей олигархии послужила поводом к новому, гораздо более опасному, взрыву. Народ («оборванцы»), как его презрительно называли богатые купцы, на этот раз поднял мятеж от своего имени и потребовал уступок прямо в свою пользу. Не-цеховые и члены младших цехов добивались большинства в сеньории и успели провести одного из своих вождей в гонфалоньеры. Но толпа оказалась совершенно неспособною к последовательной политике. Сеньория не посмела отказать народу в его справедливых и разумных требованиях: были устроены новые цехи, куда вошли прежние «приписные» рабочие. Но когда чернь стала самовольно расправляться с теми, кого уличная молва ославила как врагов народа, тогда более умеренные и рассудительные отделились от восставших, произошел раскол среди народной партии, и олигархия воспользовалась этим, чтобы снова забрать власть в свои руки.

Под влиянием такой ожесточенной, нередко кровавой, борьбы складывался государственный строй Флоренции. Управление купеческой олигархии могло быть только деспотическим: подчинить население города против воли ничтожному меньшинству можно было только при помощи страха. Отсюда идет частое применение исключительных мер — чрезвычайных судов и проч. Для этой цели пользовались учреждениями и обычаями, оставшимися от времен борьбы

гвельфов с гибеллинами. В половине четырнадцатого столетия особое значение получили «вожди гвельфской партии» — магистратура, в свое время направленная против гибеллинов, а теперь, за неимением их, против всех врагов олигархии. Некогда гибеллины были устранены от общественных должностей, вместе со всем своим потомством: особенность тогдашних юридических понятий состояла в том, что политическая кара распространялась на все семейство; с образчиком подобного осуждения целой фамилии мы встретимся впоследствии, в очень позднюю эпоху, после заговора Пацци (1478 г.). В половине XIV столетия стали применять этот закон к наиболее опасным противникам господствующей партии, под тем предлогом, будто они — потомки гибеллинов... Но исключительными мерами нельзя было пользоваться постоянно—они раздражали народ; недовольство «капитанами гвельфской партии» было одною из самых глазных причин восстания Чиомии. Нужно было учреждение, которое бы действовало правильно и постоянно, — притом не так заметно и не нарушая слишком явно народных интересов. Этой потребности удовлетворяло то, что итальянцы называли, собственно «государство» (но здесь это технический термин) и что, нужно заметить, существовало не в одной Флоренции. Задача была такая: требовалось сохранить выборное начало, но при этом не допускать к высшим должностям ни одного сомнительного лица, — сомнительного с точки зрения олигархии, конечно. На первый взгляд это было очень трудно: власть принадлежала вечу — собранию всех граждан, довольно случайному по своему составу, как все подобные собрания. От настроения случайно собравшейся толпы зависело дело: необходимо было подобрать настроение, и достигалось это следующим путем. Выбирали удобную минуту — обыкновенно после только-что подавленного восстания или заговора, — созывали собрание, где в такую минуту преобладали, конечно, сторонники олигархии, — и выбирали сеньорию сразу на несколько десятков сроков вперед (приоры сменялись каждые два месяца). Имена избранных, в числе которых, разумеется, не было ни одного неблагонадежного человека, помещались в особый мешок, и каждые 2 месяца по жребию вынимали столько имен, сколько было нужно. Таким образом, состав правительства был заранее определен; правящее меньшинство на много лет вперед получало в свои руки все законные средства управления республикой: не было необходимости на каждом шагу прибегать к силе. Но по временам все же дело не обходилось без тиранических средств: казни и ссылки были обычным явлением, особенно после восстания «оборванцев». Деспотизм, создание которого часто приписывается Медичи, в сущности, был уже готов к концу XIV столетия.

———

П. Ардашев.

127. Распад экономических и политических основ феодальной системы.

Под политической стороною феодализма мы разумеем связанное с ним дробление государственного верховенства; под социально-экономической стороной — характеризующее феодальный строй соединение крупного землевладения с мелким хо-

зяйством, осложненное юридическою зависимостью массы населения — в различных видах и степенях, до крепостной зависимости включительно.

Разложение феодализма начинается как-раз именно с его социально-экономических устоев. Факторы, подтачивающие эти основы, начинают особенно сильно давать себя знать начиная со второй половины крестоносной эпохи. Под влиянием крестовых походов происходит быстрое высвобождение крестьянства из крепостной зависимости, главным образом, путем выкупа. Отправляясь в крестовый поход, феодальный сеньор охотно продавал свободу своим крепостным за наличные деньги, которые ему были экстренно нужны для снаряжения в этот дальний поход. Это — раз. Другим фактором является рост города вследствие развития торгового и промышленого движения, толчок которому был дан опять-таки крестовыми походами. Рост же города имел двоякое значение в качестве фактора разложения феодализма. Во-первых, значение экономическое. Всякий вновь народившийся или развившийся из укрепленного местечка городской центр получал значение рынка для более или менее обширного района. Ближайшим следствием появления городского рынка был для окружающей территории — поворот в развитии поместного хозяйства, этого экономического фундамента феодализма. До появления рынка поместное хозяйство жило, так сказать, только для себя: удовлетворение собственных потребностей было конечною целью всего его работооборота, так как сбывать излишек продуктов на сторону было, за неимением рынка, некуда. Раз, с появлением рынка, оказалось возможным сбывать выгодно продукты сельско-хозяйственного производства, ценность последних, естественно, возросла, а с тем вместе получил значение и мало интересный до тех пор вопрос о производительности сельско-хозяйственного труда. Забота же об увеличении этой производительности неизбежно наталкивала помещика на мысль об освобождении этого труда, т.-е. крепостного крестьянина, в силу той простой опытной истины, что свободный труд всегда производительнее труда подневольного, рабского. Это был другой источник раскрепощения средневекового крестьянства. Раскрепощение это служило к обоюдной выгоде и помещика и крестьянина; последний получал если не полную, то, по крайней мере, условную свободу, вместе с известным правом на обрабатываемый им участок; первый получал эквивалент натуральных повинностей — барщины и оброка — либо в виде единовременной выкупной суммы либо в виде ежегодной выплаты («ценза»). В конце концов, однако, помещик оказывался в проигрыше, так как ценность труда (рабочих рук) постепенно возростала, деньги же, наоборот, со временем все более и более падали в цене. Таким образом, время, помимо всяких других обстоятельств, работало над разрушением экономических основ феодализма.

Параллельно с развитием денежного хозяйства на счет натурального, в связи с ростом городов и ростом торгового обмена, под влиянием, с одной стороны — этого роста, с другой — под влиянием международной торговли, развивается и промышленность, которая к концу средних веков начинает приобретать характер крупного, капиталистического производства, сосредоточивающегося опять-таки в городах и все более и более притягива-

ющего к последним деревенское население: одна из главных причин быстрого роста городов во второй половине средних веков.

Развитие денежного хозяйства на счет натурального, развитие города на счет деревни, рост торговли и промышленности, — все это, вместе взятое, создает новый исключительно городской класс, буржуазию, — класс, живущий торговлею и промышленностью и сосредоточивающий в своих руках новую силу: денежный капитал, в противоположность капиталу земельному, обладателями которого были феодальные землевладельцы, денежный капитал растет, а вместе с ним растет и социально-экономическое значение буржуазии. Последнее растет даже в более быстрой прогрессии, чем сам денежный капитал, и это потому, что денежный капитал, помимо своего значения, как экономической силы, приобретает еще и значение силы политической. Это последнее явление обусловливается развитием государственного хозяйства в последние два столетия средних веков.

Государственное хозяйство, это — понятие совершенно чуждое феодализму. Феодальное государство не знает иного хозяйства, кроме хозяйства «государя», а это последнее было таким же личным его хозяйством, как и хозяйство любого феодального сеньора. Его доходы, как и расходы, были точно такие же качественно, если не количественно, — как и доходы и расходы любого сеньора-помещика. Все общегосударственные потребности выполнялись натурой. Главная потребность феодального государства — армия поставлялась натурою, в форме феодального ополчения; крепости строились барщинным трудом; внутреннее управление, включая сюда и отправление правосудия, было приурочено к различным феодальным правам и обязанностям. Но, под влиянием крестовых походов вместе с разложением поместного хозяйства и связанным с ним раскрепощением крестьянского населения, организация феодальной армии начинает расшатываться. С другой стороны, вследствие образования во второй половине средних веков крупных государственных соединений, изменяется и самый характер войн: они получают неизвестный прежде розмах — как в отношении размеров военного театра, так и продолжительности войн. Феодальное ополчение, рассчитанное на очень ограниченный театр войны и на короткий срок, самое большое на несколько месяцев, оказывалось совершенно непригодным для войны в новом широком масштабе. До мысли об организации национальных армий путем введения воинской повинности тогда еще не додумались, да и государство того времени и было еще не настолько сильно, и национальное чувство не настолько развито, чтобы подобная идея — явись она — могла бы рассчитывать на практическое осуществление. Выходом были наемные армии.

Появление наемных армий двояким образом подрывало политическое значение господствующего феодального класса. Оно, с одной стороны, окончательно обесценило этот класс, как оплот государства против внешней опасности; с другой стороны, оно выдвигало на первый план финансовый вопрос, а с тем вместе поднимало и значение в государстве того класса, в руках которого сосредоточивался денежный капитал, необходимый для разрешения этого финансового вопроса. Так как лич-

ные доходы короля, как феодального сеньора, были совершенно ничтожны в сравнении с теми суммами, которых требовала война в новом масштабе, то пришлось подумать о государственных налогах. Ни один государь, однако, не решается ввести самовластно столь неслыханное для средневекового общества новшество. Король считает нужным заручиться предварительным согласием на то со стороны «сословий». Так как, по одному из общепризнанных принципов средневекового правосознания, нельзя было никого заставить платить без его согласия, то на-ряду с представителями двух господствующих классов средневекового общества, духовенства и дворянства, призываются также и представители городов, которым, как главным обладателям денежного капитала, предстояло сделаться и главными плательщиками новых налогов. Так было положено начало сословно-представительным учреждениям. Для нас, в интересующем нас вопросе, этот факт интересен, главным образом, тем, что со времени возникновения для государства финансового вопроса, двум господствующим сословиям феодального общества приходится делиться своим политическим влиянием с «третьим сословием», с буржуазией. Вскоре в среде буржуазии образуется как бы своего рода аристократия, денежная аристократия, благодаря скоплению крупных наличных капиталов в руках отдельных капиталистов, главным образом, вследствие развития кредитных операций. Вскоре эта денежная аристократия выдвигается в качестве первостепенной политической силы. Происходит это вследствие возникновения государственного кредита. Ведение войны в новом обширном масштабе требовало быстрой реализации таких огромных сумм, которые много превышали обыкновенные доходы короля, даже и увеличенные государственными налогами. Здесь лежит начало государственных займов. И вот, в операциях этих займов и начинает особенно наглядно обнаруживаться политическая сила денег и денежных людей. Новая денежная аристократия начинает заслонять и затмевать собой аристократию феодальную. И не мудрено. Сила государства измерялась, ведь, главным образом, количеством солдат, а это последнее зависело в прямой пропорции от количества ливров, дукатов, флоринов, которыми располагала в данную минуту королевская казна; количество же этих последних зависело в самой существенной степени от доброй воли крупных капиталистов, которых в те времена было еще мало, до устройства же правильных государственных займов при посредстве биржи тогда еще не додумались.

Политическая сила новых денежных магнатов впервые с особенною силою и наглядностью проявилась в начале XVI в., в эпоху борьбы за императорскую корону между Карлом Габсбургом и французским королем Франциском I. Известно, что закулисная сторона этой борьбы состояла, кроме дипломатических интриг, также — и, главным образом, — в подкупе германских князей-избирателей («курфюрстов»), при чем цены, благодаря решительной конкуренции обоих соперников, были вздуты до неслыханных дотоле размеров. Подачка курфюрстам, которой стоила Карлу V его императорская корона, обошлась ему в 850.000 флоринов. Эта колоссальная по тому времени сумма была целиком реализована посредством займов у нескольких капиталистов-банкиров и, главным образом, у аугсбургских Фуггеров,

самых крупных банкиров своего времени. Глава этого банкирского дома, Яков Фуггер, мог, несколько лет спустя (1523), писать императору Карлу V такие строки: «К тому же известно и очевидно, что без моей помощи ваше императорское величество не могли бы получить римской короны». Фуггер мог прибавить впоследствии, что ему же на-ряду с некоторыми другими банкирами, обязан был император не одним из своих военных успехов. Были, наоборот, моменты, когда отсутствие доброй воли у банкиров ставило в немалое затруднение повелителя «империи, в которой не заходило солнце»[1]. Новая сила, сила денежного капитала, играет в лице своих главных представителей, с Фуггерами во главе, настолько серьезную— хотя и закулисную — роль в международной или даже, скажем, — мировой политике эпохи, что некоторые из историков считают возможным говорить об этом времени, как об «эпохе Фуггеров».

Сила денег давала себя чувствовать, главным образом, конечно, во время войн или таких чрезвычайных обстоятельств, как избирательная борьба за корону; но в менее острой форме сила эта сказывается постоянно, так сказать, хронически, и это, во-первых, благодаря прогрессивному усложнению государственного механизма, связанному с появлением чиновничества и развитием бюрократии, — во-вторых, вследствие постоянно и быстро растущих издержек на содержание двора, так как, параллельно с усилением королевской власти, всюду возростает и значение королевского двора и придворной жизни. Вот почему, и помимо экстренных случаев, государям все чаще и чаще приходится обращаться как к регулярным займам, так и к различным экстренным ссудам со стороны наиболее денежных людей из своих подданных — индивидуально ли, или коллективно, т.-е. со стороны городов и различных торговых и промышленных корпораций. Естественно, что при этом на каждом шагу сказывается политическое значение нового денежного дворянства, буржуазии; сказывается это влияние, конечно, в ущерб дворянству феодальному. Наглядное выражение находит себе это положение дел в том факте, что дворянская аристократия все более и более вытесняется, как из центрального правительства, так и из областной администрации, людьми из «третьего сословия», буржуазии, в лице ли образованных правоведов, «легистов» и «летрадов», в лице ли денежной аристократии.

Мы указали на разлагающее для феодализма влияние города и городского класса, как экономического фактора. Но это лишь одна сторона дела; другая сторона заключается в значении города, как политической силы.

Итальянские города-республики впервые в средневековом мире осуществили идею государства в новом, не-феодальном смысле. Подобное же явление видим мы, хотя и в менее резких формах, и в других западно-европейских странах в последние времена средневековья. В Германии города, высвободившиеся из-под феодальной зависимости, образуют союзы, нечто вроде федеративных государств, каковы

[1] Так называли в XVI в. обширную монархию Карла V, об'единившего под своею властью (он был королем Испании и в то же время правителем свящ. римско-герм. империи) Австрию, Германию, Нидерланды, Италию и заморские колонии Испании. В его владениях, действительно, не заходило солнце: когда на западе наступила ночь, на востоке был день, и—наоборот.

Ганза — для более ранней эпохи, Шмалькальденский союз — для времени более позднего. В других странах, как во Франции, города не образовали ни миниатюрных городских государств, по подобию ломбардских городов-республик, ни федеративных государств-ганз, как в Германии; зато во Франции они сыграли роль одного из важнейших факторов созидания национального государства, и именно — в форме абсолютной монархии: в городах, как известно, французские короли находили себе твердую опору в своей борьбе с феодалами.

Это — одна сторона политической роли городов в деле разложения феодализма. Другая сторона заключалась в той роли, какую сыграли города в процессе перехода феодального королевства в сословную монархию. На-ряду с представителями феодального строя, наряду с духовными и светскими сеньорами, представители городов, начиная с конца XII в. и начала XIII в., являются в качестве особого «сословия» или «чина» на сословно-представительных собраниях, игравших столь важную роль в разрушении политического феодализма.

———

М. Покровский.

128. Размеры и рост богатства на заре буржуазного общества.

В половине XIV в., вероятно, самым крупным торговым домом в мире была флорентинская фирма Перуцци; ее состояние достигало 147.000 флорентинских лир, что мы можем вычислить довольно точно, потому что торговые книги Перуцци сохранились. По весу металла такая сумма составила бы около 147 килограммов (приблизительно 360 ф.) чистого золота, т.-е. около 250.000 рублей. Покупную силу этих денег для XIV в. определить нелегко: но для XV в. мы можем принять, повидимому, без большой ошибки, что тогда во Флоренции золото было в 6 раз дороже, чем теперь; в XIV в. оно не могло быть дешевле, скорее—наоборот. Таким образом, крупнейшее состояние Европы XIV столетия составляло около полутора миллиона на наши деньги, а может быть, и несколько более. В следующем веке богатейшим банкирским домом Европы были уже Медичи; их ценили в 500.000 флоринов, что по подобному же расчету дало бы около 15 миллионов рублей теперешней покупной силы. В первой половине XVI в., во главе финансового мира стоял немецкий дом Фуггеров: в 1546 г. у него считали 4.700.000 гульденов. Это равняется приблизительно 13.000 килограммов чистого золота, т.-е. около 75—80 миллионов наших рублей.

Эти цифры дают нам некоторое представление о размерах индивидуального накопления, возможного в конце средних веков. Если мы припомним размеры всего денежного запаса тогдашней Европы, приведенные в начале этого очерка, относительная величина тогдашних миллионеров покажется нам нисколько не меньше современных[1], и мы не сочтем преувеличением характеристики богатого купца, какую мы читаем у одного писателя XVI в.: «Папа приветствовал его, как своего возлюбленного сына, кардиналы перед ним вставали, император и короли, князья и бароны слали к нему своих послов» ...

Но XVI век знал не только крупные индивидуальные состояния: он был свидетелем попыток концентрации больших капиталов, пресле-

[1] В конце XV в. весь золотой запас Европы определился в один миллиард франков (около 359 миллионов руб. на довоенные деньги). Н. А.

доравшей те же цели, что сосредоточение капиталов в наши дни: монополизацию той или другой отрасли торговли. Явление, известное под именем синдиката (в Европе) или треста (в Америке), вовсе не такая новость, какой оно кажется некоторым новейшим экономистам. Все пряности, после открытий португальцев, были на откупе у нескольких антверпенских синдикатов. Торговля перцем и другими пряностями, раньше сосредоточившаяся в руках купечества больших портов Средиземного моря, перешла теперь в руки Португалии и была признана королевской регалией. За пряностями ежегодно отправлялся целый флот, и весь его груз, пока еще он был в море, оптом скупали у короля специально для этой цели организованные товарищества антверпенских купцов. Каких размеров была вся операция, видно из того, например, что синдикат для торговли перцем в 1548 г. должен был заплатить королю 3 миллиона дукатов. Если прибавить к этому громадный риск, связанный с подобной операцией при тогдашнем состоянии морского дела, то станет понятно, почему такая торговля была не под силу отдельным капиталистам. Синдикаты устанавливали цену на пряности для всей Европы, какую хотели, получая от 10 до 22% прибыли на капитал, а так как цена колониальных товаров, в особенности перца, по убеждению тогдашних купцов, определяла цену на большую часть товаров (кроме туземного сырья), то значение этих синдикатов в экономической жизни Европы было громадно.

Кроме подобных, довольно прочных союзов капиталистов, встречались, как и теперь, и более случайные и с еще более «современной» физиономией; таков был, прямо спекулятивный по своей задаче, синдикат, образованный в 1498 г. Фуггерами и несколькими другими немецкими домами с целью забрать в свои руки всю тирольскую и венгерскую медь и вздуть искусственно цены на этот быстро дешевевший металл. Участники обязались не продавать меди в Венеции (главный рынок) ниже известной цены, но, повидимому, размеры захваченного ими запаса не были настолько велики, чтобы командовать рынком. Цены продолжали понижаться, и синдикат распался.

———

Н. Кареев.

129. Сословная монархия.

Между эпохой монархии феодальной и эпохой монархии абсолютной в истории Западной Европы существовала целая эпоха так называемой сословной монархии, главным образом, XIII, XIV и XV века, когда выросшие на феодальной и муниципальной почве сословия получили новую организацию, и в лице своих представителей стали играть роль в решении наиболее важных дел целых стран, об'единившихся из прежних крупных и мелких феодальных сеньорий и городских коммун. Сословная монархия есть именно уже об'единенное государство, в котором власть так или иначе распределена между королем и так называемыми государственными чинами, т.-е. между сословиями духовенства, дворянства и горожан. Начало этой эпохи нужно отнести еще ко второй половине XII века, когда возникли первые сословно-представительные учреждения в государствах Пиринейского полуострова (в Леоне и Кастилии в 1188 г.), принимая за исходный момент появление на политических собраниях городских представи-

телей. Затем то же самое происходит в XIII в. в Каталонии (1218 г.), Германии (1237 г.), Португалии (1254 г.), Англии (1265 г.), Арагоне (1274 г.). Наконец, к XIV в. относится образование генеральных штатов во Франции (1302 г.) и сеймов в отдельных немецких княжествах (большею частью в середине столетия). Середина XV века была уже временем наибольшего развития сословного представительства, но вместе с тем и первых признаков будущего их упадка в следующих двух веках, XVI и XVII. Вообще, очень немногие из сословно-представительных учреждений, возникших в конце средних веков, пережили XVII и XVIII столетия, эпоху наибольшего развития абсолютизма, и в измененном виде продолжают существовать и поныне: это, главным образом, английский парламент и венгерский государственный сейм, остальные же теперешние «парламенты» большею частью самого нового происхождения преимущественно в XIX веке...

Как ни разнообразны были средневековые сословно-представительные учреждения, мы наблюдаем в них многие общие черты.

Первое — их чисто феодальная основа. Мы знаем, что около феодальных сеньоров собирались с'езды их вассалов для совета и суда, так называемые курии, и что такие же курии существовали при королях; таковою же был и английский «великий совет», будущая верхняя палата парламента. Правда, рядом с феодальными элементами в состав таких советов входили и церковные, в лице епископов и аббатов, но не нужно забывать, что ведь и сановники католической церкви были вместе с тем и феодальными сеньорами, и потому довольно безразлично, участвовали ли, напр., духовные лорды в верхней палате в качестве сановников церкви или же королевских вассалов наравне со светскими баронами. Другая черта — та, что участники аристократических с'ездов, из которых выросли сословно-представительные сеймы, являлись ко двору короля каждый по личному своему праву, а не по избранию на сей конец кем бы то ни было: это вассал просто исполнял свою обязанность помогать сюзерену советом, отнюдь это не был депутат от какой-либо части населения или от какой-либо местности...

Образование на феодальной основе сословно-представительных собраний относят обыкновенно к тому времени, когда в с'ездах духовных и светских вассалов при особе короля начинают принимать участие и горожане: с этого именно момента политические собрания утрачивают свой однородно-феодальный характер, и кладется один из первых камней в фундамент чисто представительной системы. Нужно, однако, оговориться, что далеко не сразу города стали посылать на эти собрания специально выбранных депутатов; во многих случаях первыми представителями городов были их должностные лица, т.-е. консулы, мэры, эшевены, бургомистры, ратманы, и они таким образом тоже занимали свои места в собраниях в качестве местных властей, как и сеньоры, или в силу своих должностей, как это можно говорить, напр., об епископах, если их право основывалось, главным образом, на их значении в церкви. С течением времени, однако, в городском сословии, как и в двух высших, личное участие (или участие по должности) заменилось участием по праву специального избрания.

Появление горожан на государственных сеймах было преимущественно результатом освобождения городов из-под феодальной власти и того самостоятельного положения, которое они заняли в государстве. Не следует, однако, думать, что городское представитель-

ство было вполне демократическим: и городские должности, и представительство на сеймах находились в руках городского патрициата, простой же народ не пользовался избирательным правом. Еще менее могли претендовать на участие в представительстве деревни, т.-е. крестьянская масса. В эпоху возникновения сословно-представительных учреждений крестьянство находилось еще в крепостной зависимости от духовных и светских сеньоров, и феодализм, в широком смысле этого слова, таким образом, исключал громадное большинство населения из пользования политическим правом представительства. По общему правилу, в сословных сеймах участвовали только духовенство, дворянство и буржуазия, или бюргерство, городское сословие, т.-е. владельческие классы средневекового общества. Правда, были исключения, но очень редкие, и все они относятся к более позднему времени. Например, во Франции сельские жители вместе с горожанами стали принимать участие в выборах в генеральные штаты лишь в конце XV века, когда возник и термин третье сословие для обозначения всех не принадлежавших к первым двум сословиям, но в так называемых провинциальных штатах, многие из которых во Франции просуществовали до самой революции 1789 г., представительство так таки навсегда и осталось трехсословным. То же самое наблюдаем мы и в германском обще-имперском сейме (рейхстаге) и в земских сеймах отдельных княжеств (ландтагах), вследствие чего последние, как известно, и не пользовались доверием крестьян. Только в одной Швеции, где не существовало крепостного состояния крестьян, рядом с духовенством, дворянством и горожанами стали занимать места и крестьяне...

Сословия, имевшие представительство, постоянно ссорились между собою, к великой выгоде для королевской власти, перед которою, благодаря этому, открывалась возможность широкого применения к политике известного правила: «divide et impera» (раз'единяй и господствуй). Между феодализмом и городским бытом шла непримиримая вражда; она стала отражаться и на несогласиях между дворянами и горожанами на сеймах. Не существовало также большого лада и между обоими высшими сословиями, так как дворянство завидовало, например, привилегиям и земельному богатству клира; недаром в XVI в. государи, принявшие религиозную реформацию, отбирали у церкви и монастырей их земли, опираясь именно на дворянство и при этом делясь с ними изрядно частью того, что было отобрано. С другой стороны, широкая народная масса, особенно крестьянство, не имела никакого интереса поддерживать сословно-представительные учреждения, тем более, что в них часто принимались вредные и обременительные для большинства народа решения.

———

П. Ардашев.

130. Различие в политическом развитии Англии и Франции.

Если феодализм заключал в самом себе начало разложения, то же самое, mutatis mutandis, можно сказать и про сословно-представительные учреждения, там где они успели возникнуть, как переходная ступень от политического феодализма к монархическому абсолютизму. Главною причиною постепенного упадка

этих учреждений была, именно, их сословность, то-есть сословная организация представительства. Сословное представительство состояло обыкновенно из депутатов трех сословий или «чинов»: духовенства, дворянства и горожан или «третьего сословия», при чем депутаты каждого из сословий составляли отдельную палату. Подобная организация, естественно, не только давала удобное выражение существующему антагонизму между сословиями, но и способствовало его обострению. В эпоху, когда горожане, обладатели постоянно растущей новой силы денежного капитала, завоевывают себе все более и более влиятельную роль как в социально-экономическом, так и в политическом отношении, и это — на счет феодального дворянства, чувства последнего по отношению к городскому сословию, естественно, не могли отличаться особенной нежностью. Поучительный пример в этом отношении представляют французские генеральные штаты (états généraux): антагонизм между дворянством, к которому обыкновенно примыкает и другое привилегированное сословие, духовенство, и третьим сословием красною нитью тянется через всю их, более чем трехсотлетнюю, историю. В этом междусословном антагонизме лежала главная причина и бессилия штатов, и постепенной утраты ими значения, как политической силы. Пользуясь этим антагонизмом, короне удалось добиться от Орлеанских штатов 1439 г.[1] направленного против феодальных сеньоров постановления, в силу которого королю предоставлялось исключительное право содержать войско и взимать налоги на его содержание. А так как для фактического осуществления этого постановления, которое неизбежно должно было вызвать сопротивление со стороны феодалов, являлась необходимою постоянная вооруженная сила в руках короля, иначе говоря — постоянная королевская армия, то отсюда с логическою необходимостью вытекала необходимость и постоянных же налогов для ее содержания. Так, по крайней мере, стали толковать это постановление штатов сами короли, и с тех пор французские генеральные штаты утрачивают фактически свое единственное политическое право — право вотировать налоги, а вместе с тем упускают из своих рук то, что могло служить единственною серьезною сдержкою против королевского абсолютизма. В лице Орлеанских штатов 1439 г., генеральные штаты Франции фактически отказались — и отказались безвозвратно — от того права, на котором, как на краеугольном камне, воздвиг английский парламент грандиозное здание «вольностей английского народа».

Другая причина непрочности и постепенного упадка сословного представительства заключалась в неполноте последнего, так как то, что не принадлежало к духовенству, дворянству и к городскому сословию, стало быть, огромное большинство народных масс, было исключено из этого представительства. Да и само городское сословие было далеко неполно представлено, так как далеко не все города — в некоторых странах даже меньшинство их — пользовались правом посылать своих депутатов. Одним словом, сословное представительство было, в сущности, лишь привилегией меньшинства и часто незначительного лишь меньшинства. От-

[1] Эти штаты дали разрешение королю собирать налоги на содержание армии без предварительного разрешения сословий.

сюда — равнодушие народных масс к судьбе сословно-представительных учреждений.

Не нужно также упускать из вида того элемента извращения, который мало-по-малу был внесен в представительство городов обычаем, превратившимся в обязательный порядок, посылать, в качестве депутатов от городов, только лиц, стоящих во главе городского управления: мэров, скабинов, городских консулов, советников и т. д. Но дело в том, что сами эти городские «магистраты», первоначально выборные, превратились мало-по-малу в королевских чиновников по назначению короны.

Наконец, не последнюю роль в упадке сословно-представительных учреждений играло отсутствие обязательности созыва последних в известные определенные сроки. Созыв их был предоставлен усмотрению короны, которая могла созывать их чаще или реже и даже вовсе перестать созывать, как это, действительно, и случилось с французскими генеральными штатами: они исчезли, не будучи отменены никаким законодательным актом — их просто перестали созывать.

Если Англия, единственная из всех великих монархий Западной Европы, не только сохранила свое сословное представительство в лице парламента, но и развила его в настоящее национальное представительство, то этим она обязана была прежде всего отсутствию резкого сословного антагонизма, вследствие чего сословия действовали всякий раз солидарно, как им приходилось отстаивать права парламента против абсолютистских стремлений королевской власти. Между прочим, парламент всегда ревниво оберегал свое право вотировать налоги (всегда на определенный срок или в известном размере), совершенно справедливо видя в нем краеугольный камень своего политического значения. Именно, при помощи этого своего права парламент постоянно держал корону в зависимости, ставя ее в материальную необходимость созывать парламент всякий раз, как королю нужны были деньги. Держа в своих руках ключ от национального сундука, парламенту, при солидарном действии сословий, нетрудно было расширить мало-по-малу свои политические права. Важным преимуществом английского парламента, сравнительно с сословно-представительными учреждениями континента, было еще то обстоятельство, что, начиная со второй половины XIII в., в нем, на-ряду с чисто сословными элементами, является и элемент представительства земского бессловного, или лучше сказать общесословного, в лице депутатов от графств или «рыцарей графств», как их называли. Присутствие этого земского элемента в парламенте было одним из обстоятельств, воспрепятствовавших развитию междусословного антагонизма внутри парламента; с другой стороны этот же земский элемент облегчил парламенту постепенное превращение его из сословного представительства в представительство общеземское, национальное. Вот почему Англия была единственною из всех великих держав Западной Европы, где сословно-представительная монархия перешла непосредственно, хотя и постепенно, в монархию конституционную, а не в абсолютную, как это имело место на континенте. Нельзя сказать, чтобы

Англия осталась совершенно незатронутою абсолютистским течением, которое широкою волною пронеслось по Западной Европе. Действительно, и здесь мы встречаемся с абсолютистскими течениями — и в идее, и в практике; но ни то, ни другое — ни теория, ни практика абсолютизма не нашли себе благоприятной почвы в Англии; абсолютизм не успел здесь организоваться, отлиться в сколько-нибудь прочные государственно-правовые формы. Если политика Тюдоров успела временно низвести парламент на степень послушного орудия королевского произвола, то это не помешало ему, с переменою обстоятельств, снова возродиться, воспрянуть и окрепнуть настолько, чтобы об его твердыню разбились последние натиски абсолютизма в лице Стюартов.

———

К. Каутский.

131. Разложение рыцарства.

Между высшим дворянством и крестьянином стояло низшее дворянство—рыцари, представлявшие из себя, по большей части, потомков старых, свободных крестьян, которые, по каким-либо благоприятным обстоятельствам, сумели сохранить свою свободу. Конечно, освободиться от вассальной зависимости, в которой они находились у более могущественного феодала, им не удавалось, однако, они все-таки были свободны от земельных податей и повинностей.

Рыцарь в то время занимал такое же положение между могущественным феодалом и крестьянином, как в настоящее время мелкий буржуа стоит между капиталистом и рабочим. И роль его была такая же неопределенная: сегодня он соединялся с крестьянином против феодала для того, чтобы завтра соединиться с князем против крестьян, когда они начинали казаться ему опасными. Типом такого рыцаря является Гец ф.-Берлихинген (воспетый Гёте). Конечно, не было также недостатка и в таких рыцарях, которые вполне и совершенно стояли за дело крестьян: кто не слышал, напр., о Флориане Гейере. Однако, в большинстве случаев они были для крестьян очень ненадежной опорой. Даже отношение самого Ульриха ф.-Гуттена к крестьянам было далеко не очень определенным.

Поддерживало ли рыцарство интересы крестьян или крупных феодалов его гибель, как самостоятельного класса, тем не менее никак не могла быть предотвращена. Либо рыцарю удавалось подняться до класса крупных феодалов, т.-е. столь увеличить свои владения, чтобы возможно было заняться производством товаров, или же его владения оказывались столь незначительными, что делались добычею более могущественного соседа, — во всяком случае имущество рыцаря всегда оказывалось недостаточным, чтобы дать ему возможность вести образ жизни «приличествующий его сану». Таким образом, рыцарю оставалось одно — исчезнуть из рядов феодалов и искать в городах куска хлеба, занимаясь торговлей, или, что считалось менее унизительным, поступить в дворню могущественного господина со званием литератора. На самом деле такие литераторы представляли из себя нечто вроде высших лакеев и личных телохранителей князя. Таким образом рыцарь становился придворным или ландскнехтом (наемником).

В Испании, Англии и других странах колониальная политика открыла низшему дворянству удобный случай достигнуть своего идеала, т.-е. обогатиться, ничего не делая. Кулачное право, которому дома уже был положен предел, в колониях и в морском разбое достигло пышного расцвета.

На-ряду с купцом и низшее дворянство стало могучей пружиной для развития колониальной политики.

Само собою разумеется, что приспособление низшего дворянства к новому способу производства так же точно не могло обойтись без тяжелых конвульсий, как и другие социальные перевороты эпохи реформации. Рыцарство упорно стремилось сохранить свою самостоятельность, что, однако, оказывалось возможным лишь в тех случаях, когда феодальный способ производства мог сохранить свои первоначальные формы. Между тем рыцарство начало ощущать новые потребности, которые были вызваны господствующими классами, благодаря развитию товаропроизводства: требования к жизни, пред'являвшиеся рыцарством, становились все больше, рессурсов же удовлетворить их на почве феодального способа производства становилось все меньше и меньше. Когда, с другой стороны, рыцарство стремилось продолжать тот образ жизни, к которому привыкло во времена феодализма, то несоответствие его с фактическим положением вещей увеличивалось в еще большей мере.

Контраст между тем, чего рыцарству хотелось, и тем, чего оно могло достичь, становился все острее и острее — он является характерной особенностью начала новой истории; несоответствие это принимало иногда трагические формы, однако, сословию тогдашних городских литераторов, которое расточало лесть новому богу — деньгам, дело казалось совершенно иным. Рыцарь вместе с монахом и крестьянином являлся представителем старинного феодального способа производства. Каждое из этих трех сословий служило предметом презрения и ненависти населения больших городов, в которых концентрировалась умственная жизнь. Однако, до тех пор, пока городское население оставалось революционным, оно не имело в себе ничего малодушного, льстивого. Нравственное возмущение редко служило ему орудием борьбы. Оно боролось с врагами шутками и насмешками. Глупый мужик, праздный поп, опустившийся, гордый в своей нищете рыцарь оказываются излюбленными действующими лицами литературы возрождения и следующих за нею эпох.

Прежде всего мы встречаемся с ними в Италии, где новый способ производства начал развиваться раньше всего, однако, вскоре эти типы делаются достоянием литературы всей Европы. Начиная с Декамерона (появился в 1352 или 1353 г.) Боккачио до Дон-Кихота (вышел в свет в 1604 г.) Сервантеса мы встречаем целый ряд сочинений, в которых высмеивается то одно из вышеназванных сословий, то другое, а то и все три вместе.

В настоящее время большинство из этих литературных произведений забыто. Только две фигуры, являющиеся веселой надгробной речью рыцарству, знакомы в настоящее время каждому, они стали для нас бессмертными — это Дон-Кихот и Фольстэф (из «Виндзорских кумушек» Шекспира; по-русски обыкновенно неправильно называют Фальстафом).

«Виндзорские кумушки» написаны в 1602 г., в настоящее время большинству читателей представляются невинной комедией, между тем,

как они олицетворяют суровую борьбу между сословиями, которую гениальный автор сумел облечь юмором, бьющим ключом. Мы не знаем в настоящее время, задавался ли Шекспир целью провести посредством этой комедии политическую тенденцию; однако, он сумел изобразить то, что видел перед своими глазами — борьбу между отживающим свой век рыцарством, не желавшим приспособиться к укладу жизни горожан, и поднимавшей голову буржуазией, представительницы которой оказываются и умнее и даже храбрее, чем рыцарь без страха и упрека. «Виндзорские кумушки» оказываются самодовольным торжествующим кликом победоносной буржуазной революции.

———

М. Покровский.

132. Разложение московского феодализма и закрепощение крестьян.

Московское царство было уже гораздо более сложным целым, нежели те мелкие феодальные владения, из которых оно сложилось. Мелкие феодальные владения — удельные княжества — сплошь и рядом создавались из усадеб или монастырей, около которых были торги и довольно большие села. Вот и вся столица. Столица Московского царства была огромным городом, огромным по-тогдашнему, одним из самых больших городов Европы в свое время. Столицы удельных княжеств могли кормиться, получая сырье из окрестных деревень и волостей, которые немногочисленные ремесленники, жившие при дворе удельного князя или ютившиеся в слободах около монастырей, снабжали нехитрыми произведениями своего ремесла. Москва не могла существовать таким способом, она втягивала в себя огромное количество сырья, нередко из очень отдаленных мест. Это сырье часто не оставалось в Москве, а шло гораздо дальше, как было с мехами. Но даже сырье, потреблявшееся на месте, требовалось в огромном количестве, и по одной ярославской дороге в Москву ввозилось ежедневно до 700 возов со с'естными припасами.

Спрашивается, как же кормился этот огромный город? Казалось бы, что тех небольших избытков, которые имелись у крестьян и которые они сбывали на рынке, должно было скоро не хватить. Нужно помнить, что тогдашнее сельское хозяйство было очень экстенсивно, как говорится теперь, т.-е. очень мало доходно, потому что земля обрабатывалась плохо, не удобрялась и т. д. Тогда урожай сам-два, сам-три считался уже приличным. Очевидно, что нужно было, чтобы население работало больше, чем прежде, работало, кроме пропитания себя самого, еще и для снабжения городских рынков. Это — с одной стороны. С другой стороны, по мере того, как Москва становилась средоточием всей русской торговли, понемногу втягивая в себя все товары, которые приходили на Русь из разных других земель (сначала, как мы видели, из Италии, потом через Новгород из Германии и т. д.), на ее рынке появлялось все больше и больше таких предметов, которые могут украсить и усладить жизнь: дорогие цветные сукна, заморские вина, разные украшения, пряности, необходимые для тогдашнего стола. Верхний слой населения, бояре и дворяне, привыкали всем этим пользоваться, но все это можно было купить только на деньги. Деньги были в княжеской казне, откуда в виде жалованья, они в очень небольшом количестве попадали в карман подручных князя, его вас-

салов, но в феодальном имении деньги не росли. Теперь их можно было достать, продавая на городском рынке то сырье, которое получалось из этого самаго имения.

И вот землевладелец, который раньше довольствовался тем, что получал с крестьян небольшой сравнительно натуральный оброк в виде баранов, кур, яиц и т. д., чем питался он сам и его дворня, начинает требовать сырья не только для своего продовольствия и для личных надобностей, но и для продажи. Он начинает требовать уже не определенного количества хлеба, а определенной доли урожая, $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_2$; он заинтересован в том, чтобы получить побольше хлеба в свои руки, потому что чем больше в его руки попадет хлеба, тем больше он будет получать и денег. Затем, помимо натурального оброка, он начинает облагать крестьян оброком денежным. Раньше всего заменяются деньгами всякие мелкие поборы, потому что мелочи барин предпочитает приобретать на городском рынке, не дожидаясь, пока их привезут из деревень. Наконец, не дожидаясь сырья, которое выработают крестьяне, барин начинает сам «производить» и заводить свою запашку, чего он раньше не делал, работая, разумеется, не своими руками, а руками своих холопов, он сам только распоряжается хозяйством. Скоро, однако, и холопов ему начинает не хватать, и тогда он начинает всеми правдами и неправдами заставлять работать на этой земле крестьян.

Крестьяне, как мы помним, были подчинены барину и снабжали его всем необходимым сырьем, а также помогали ему своим физическим трудом. Но помощь эта была незначительна, и у крестьян много времени не брала. Теперь барин начинает все более и более растягивать эту натуральную повинность крестьян. Раньше, например, они работали на барина 8 дней в году, теперь барин требует от них два дня в неделю, потом три дня, потом еще больше. Так появляется рядом с крестьянским оброком барщина, как особая более тяжелая повинность крестьян. Но этого мало барину. Ему хочется заполучить рабочие руки крестьян и их время целиком в свое распоряжение. И вот, пользуется тем, что крестьянская молодежь, только-что поженившаяся, устраивая свое хозяйство, не может обойтись без чьей-нибудь помощи. Ей нужно обзавестись и избою, и инвентарем (скотом, земледельческими орудиями), и семенами на посев, и хлебом, чем прокормиться первое время, и т. д. Барин всем этим охотно снабжал новую крестьянскую семью и за это обязывал ее работать на себя на условиях, которые чем дальше, тем становились тяжелее. При помощи этой «ссуды» он закабалял крестьян (кабала — долговая расписка на старом русском языке). Само собою разумеется, что крестьянам все эти новые порядки не нравились, и те старые крестьяне, старожилы, которых барин начал гонять на барщину, и те задолжавшие барину молодые крестьяне — новоподрядчики, с которых он требовал оброка и барщины в больших размерах, старались уклониться от новых тягот и по мере возможности уйти от барина. Тогда барин стал обращаться к более старшим, чем он, феодалам, и, в конце-концов, к московскому великому князю, и стал получать от него грамоты, разрешающие ему своих крестьян «от себя не выпускать», а тех, которые ушли, разыскивать и насильно водворять обратно. Раньше всего такими грамотами обеспечили себя монастыри. Самая ранняя, какую мы знаем, относится к Троице-Сергиевскому монастырю. Монастыри вообще были лучшими сельскими хозяевами того времени. Они шли впереди и

в деле образования торгового капитала. Благодаря приношениям благочестивых людей, с одной стороны, благодаря тому, что монастыри являлись местом, куда отдавали на хранение всякие ценности — с другой, монастыри сосредоточили в своих руках огромные суммы денег. На эти деньги они вели торговлю. Соловецкий монастырь, напр., торговал солью на всю Россию, Кирилло-Белозерский и Троице-Сергиевский — хлебом, на широком пространстве. А во-вторых, они приобретали землю, преимущественно у разорившихся землевладельцев, и на этой земле заводили первое настоящее крепостное хозяйство с тяжелой барщиной для крестьян и с порядками очень строгими. Это были первые хорошо устроенные крепостные имения в России. Что касается остальных феодалов, то они далеко отставали от монастырей в этом отношении. Феодал был прежде всего человек военный. У него много времени брали походы. Кроме того, чем феодал был крупнее, тем больше у него расходов на так называемое «представительство». Он должен был тянуться за другими более крупными феодалами, содержать большой двор как вооруженный, так и невооруженный, одеваться в роскошные платья, чтобы не ударить лицом в грязь перед другими. Наконец, и он сам хотел пожить, попить и поесть не менее сладко, чем другие. Отсюда то, что он приобретал, продавая на рынке то, что производили его крестьяне, очень быстро утекало из его карманов, он еще более занимал, преимущественно у тех же монастырей, и, в конце-концов, сам попадал в то же почти положение неоплатного должника, в каком он держал своих крестьян. Значит, крупные феодалы, высшие классы в особенности, благодаря новому хозяйству, скорее разорялись, чем наживались.

Гораздо лучше удавалось хозяйство мелкому помещику, вышедшему часто из крестьян или из холопов, который жил подчас скупо и бедно, но зато сумел прибрать к рукам тех немногих крестьян, которых он держал в своей зависимости. Этот мелкий помещик обыкновенно не находил себе земли в старой распаханной волости и являлся, благодаря этому, своего рода колонизатором. Он основывал новые деревни и переселял туда крестьян. Но так как мелкие владельцы эксплуатировали крестьян гораздо больше, чем крупные, именно потому, что крестьян у них было гораздо меньше, то крестьяне шли к ним неохотно. Мелкие помещики с завистью смотрели на большие имения, где было много крестьян, где было много распаханной (культурной) земли и владельцы которых, «ленивые богатины», лежа на боку, опивались заморскими винами и медами, как казалось им, ничего путного не делая и только зря проживая деньги. Недружелюбно поглядывали мелкие помещики и на богатые монастыри; те, располагая огромными капиталами, гораздо лучше привязывали к себе крестьян, чем помещики, все денежные средства которых заключались в небольшом жалованьи, в небольшой денежной сумме, получавшейся ими за военную службу, за свои походы.

Так мало-по-малу феодальный класс распался на две или даже, если хотите, на три части—на крупное феодальное барство, потомков бывших князей и других крупных землевладельцев, владевших огромными вотчинами, но все более разорявшихся, на мелкое дворянство, которое, наоборот, создавало новое хозяйство и с великим трудом, что называется, выбивалось в люди, сколачивая себе кое-какое достояние. А рядом с этими двумя классами стояло одинаково ненавистное им обоим крупное церковное землевладение. Эти три класса: боярство,

церковь и дворянство господствовали над русской деревней, а в городе все сильнее и сильнее укреплялась еще четвертая сила, это — сила торгового капитала, сосредоточенная в руках немногочисленных оптовых торговцев, ведущих дело, главным образом, с заграницей, — гостей, которые, в свою очередь, держали в денежной зависимости от себя мелкое купечество и массу черного люда, лавочников, мелких ремесленников и т. д., не завоевавших себе свободу, какою они пользовались в Новгороде, и все же представлявших силу, с которой должны были считаться даже московские князья . . .

———

К. Каутский.

133. Экономические причины крестьянских движений в XIII—XV в.в.

В последние столетия средних веков крестьянские войны не были редкостью. Горючего материала накопилось везде достаточно, и нужна была только искра для воспламенения его.

Чтобы хорошенько понять это явление, мы должны бросить взгляд на изменения в положении крестьянства, вызванные развитием городской жизни.

Рост городов создал рынок не только для продуктов промышленности, но и для произведений сельского хозяйства. Чем больше росли города, тем меньше граждане их, купцы и ремесленники, были в состоянии производить все нужные им средства к жизни и сырые материалы. Они покупали у окрестных мелких или крупных сельских хозяев произведения, остававшиеся у них за удовлетворением собственных потребностей, и платили им за это продуктами своей промышленности, ввозными товарами или же деньгами. Крестьяне стали получать деньги. Следствием этого явилось стремление превратить натуральные повинности и барщину в денежный оброк. Нередко землевладельцам эта перемена казалась желательной, ибо они сами начали нуждаться в деньгах. Стремление крестьян также нередко должно было итти в том же направлении, ибо превращение натуральных повинностей в денежные делало их вольными людьми, свободно распоряжающимися своим имуществом.

Можно бы подумать, что такое совпадение стремлений обоих классов создало полную гармонию и довольство. Но вышло совсем наоборот. Мы указывали, что при системе натуральных повинностей стремление к увеличению их не было особенно сильным: оно ограничивалось физическими потребностями хозяина и его свиты. Между тем, жадность к деньгам безмерна, ибо их никогда не может быть слишком много. Поэтому, со времени появления денег в сельском хозяйстве стремление помещиков к обременению крестьян повинностями непрестанно растет. Но вместе с тем, растет и противодействие. Крестьянам было не особенно трудно отдавать излишек продуктов, пока они не могли продавать их за деньги. Но когда для них открылся рынок, то отдача излишка или выручки за него помещику сделалась равнозначащей отказу от наслаждений, которые вскоре сделались потребностями.

К этому обстоятельству присоединилось еще и другое. До развития городов у крестьян не было убежища, куда бы они могли скрываться от угнетателей; теперь города представляли такое убежище и

многие пользовались им. Иные зажиточные крестьяне умели пользоваться финансовыми затруднениями своих хозяев для того, чтобы совсем избавиться от повинностей. Таким образом, число барщинников сильно уменьшилось и барщинное хозяйство часто страдало от этого. Поэтому, в то время как у крестьян под влиянием городского быта росло стремление сбросить с себя существующие повинности или откупиться от них, у земледельцев росло стремление прикрепить крестьян, если возможно, еще крепче к земле и увеличить барщину.

Ко всему этому присоединилось еще и третье обстоятельство. Вследствие того, что на продукты сельского хозяйства устанавливалась известная цена, земля, на которой они произрастали, также приобрела ценность, и притом не только земля, находившаяся уже под культурой. Когда города достигли силы и значения, население уже не было так редко, что земля казалась неистощимой; прошло уже время, когда марка или крупный землевладелец охотно давали всякому, кто бы то ни был, — крестьянин или землевладелец с колонами, или ассоциация монахов, — столько земли, сколько те могли выкорчевать. Хотя было еще очень далеко до того, чтобы вся годная для культуры земля пошла под обработку, но население стало уже так густо, что земля не считалась более безграничной. Владение землей сделалось привилегией и притом такой драгоценной, что из-за нее вскоре возгорелась ожесточенная борьба. С одной стороны, марки сделались замкнутыми и об'явили всю свою землю частною, общей собственностью семейств, составлявших марку. По примеру городов и в деревне, на-ряду с маркой, начал образовываться слой из членов общины, имевших ограниченные права.

С другой стороны, крупные землевладельцы, имевшие перевес в марке, старались присвоить себе ее земли и превратить их в свою частную собственность, милостиво предоставляя членам марки некоторые права пользования.

Чем дальше шло экономическое развитие, чем резче становились все эти противоречия, тем больше делалась неприязнь между землевладельцами и крестьянами, тем легче происходили между ними столкновения, имевшие в большинстве случаев только местный характер, но распространявшиеся при известных условиях на целые провинции, целые страны и делавшиеся тогда настоящими крестьянскими войнами.

———

К. Каутский.

134. Причина крестьянской революции в Англии.

Крепостное право начало исчезать, личные повинности, которые приходилось исполнять крепостным, заменялись денежными оброками. Благодаря этому перед крупными лэндлордами выступила необходимость заменить труд крепостных трудом наемных рабочих. Но в XIV веке еще не могло быть и речи о значительном численностью деревенском пролетариате. «Земледельческие наемные рабочие состояли частью из крестьян, которые употребляли свое свободное время на работы у крупных землевладельцев, частью из самостоятельного как относительно, так и абсолютно малочисленного класса собственно наемных рабочих. Но и последние фактически были в то же время крестьянами с собственным хозяйством, так как они, кроме платы, полу-

чали коттэдж с 4 и более акрами земли. Кроме того, они, наравне с собственно крестьянами, пользовались общинной землей, где пасся их скот, и где они собирали топливо: дрова, торф и т. д.». Такое положение имело то неприятное для лэндлорда (или арендатора его хозяйства) последствие, что ему приходилось платить очень высокие заработные платы; это приносило не малый ущерб для земельной ренты, и в результате значительная часть низшего дворянства разорилась.

Лэндлордам пришлось еще хуже после великой чумы, которая, разразившись в 1348 году во всей Европе, с некоторыми промежутками свирепствовала в течение двух десятилетий и для всей Европы обошлась, вероятно, более, чем в 25 миллионов человеческих жизней. Эта чума во Франции увеличила нищету деревенского населения, а в Англии ускорила улучшение его положения.

Чума, несомненно, обладала благодетельным свойством, которое обнаруживается при различных эпидемиях и в новейшее время: она свирепствовала, преимущественно, среди беднейших классов и щадила более богатых... После чумы заработная плата с чрезвычайной быстротой пошла в гору; таким образом, создалось положение, совершенно невыносимое, разумеется, для землевладельцев. Поэтому, уже в 1349 году явился указ короля Эдуарда III, который обязывает каждого земледельческого рабочего и слугу работать, когда ему предлагают работу, и работать притом за определенную заработную плату и в течение определенного рабочего времени. Уплативший более высокую заработную плату, равно как и получивший таковую, подвергается наказанию.

Однако, этот закон для охраны землевладельцев, вводящий максимальную заработную плату и минимальный рабочий день, не достиг своей цели; такая же судьба постигла и его продолжения 1350 и 1360 годов. Дело в том, что закон неспособен был создать определенное количество пролетариев, которые были бы вынуждены определять цену рабочей силы в соответствии с потребностями лэндлордов...

Законодательство не могло разрешить «рабочий вопрос»; и вот землевладельцы пытались разрешить его другим способом, при помощи открытого насилия. Они начали восстановлять старые отношения крепостничества, заменять наемный труд принудительным крестьянским трудом.

Ожесточение на обеих сторонах все возрастало. Настроение крестьян создавало плодотворную почву для проповеди лоллартских агитаторов. Конечно, у крестьян были совершенно иные интересы, чем у неимущих городских классов; но у них были одни и те же враги и одна и та же ближайшая цель: отразить нападение богатых, низвергнуть их государственных людей. И хотя одни под богатыми разумели, преимущественно, лэндлордов, а другие, преимущественно, купцов, это было совершенно безразлично...

Крестьяне начали организоваться, чтобы оказать лэндлордам сопротивление. Сообщают, что они составляли союзы и собирали деньги, чтобы добыть средства для защиты своих интересов. Т. Роджерс... полагает, что организаторами его были, преимущественно, «бедные священники» лоллардов; они внесли в движение единство и связность.

К началу царствования Ричарда II антагонизм между лэндлордами обострился до крайности. В последние годы Эдуарда III военное счастье изменило англичанам. В 1374 году они должны были согла-

ситься на перемирие, которое доставило им только некоторые передовые укрепления Франции: Кале, Бордо, Байонну. Когда Ричард сделался королем, ему было всего 11 лет. При таком короле нельзя было вести большую войну. С другой стороны, Франция была слишком истощена для того, чтобы использовать благоприятное положение. Конечно, перемирие прерывалось, но дело доходило только до незначительных стычек. Английскому дворянству теперь приходилось рассчитывать, исключительно, на свои имения, как на источник доходов; оно могло направить все свои силы на обдирание крестьян.

Но если возрастали насилия дворянства, то, с другой стороны, прекращение войны возвратило к плугу многих недавних наемников, увеличило число привычных к войне крестьян и, таким образом, повысило их способность к сопротивлению. Не удивительно, что между враждебными классами скоро произошло кровавое столкновение.

Крестьяне были вынуждены к восстанию, потому что власти стали принимать меры против демократического движения и с величайшей суровостью преследовали лоллардских агитаторов, — разумеется, и Джона Болла в том числе; архиепископ кэнтерберийский приказал бросить его в мэйдстонскую тюрьму. Как говорят, Болл при задержании об'явил, что 20.000 друзей скоро освободят его. Пророчество исполнилось.

———

Фруассар.

135. Восстание Уота Тайлера.

Дивным делом от малого корня была сия чума, начавшаяся в Англии. Чтобы дать пример добрым людям всякого звания, я расскажу и покажу сообразно с тем, что знаю, и события, и происшествия. Есть в Англии обычай (есть он во многих и других странах), по которому благородные имеют большие права над своими людьми и держат их в крепостной зависимости; а именно, их люди должны, в силу права и обычая, обрабатывать поля благородных, жать хлеб, свозить его на господский двор, складывать в ригу, молотить и веять; в силу той же крепости, косят сено и возят его на барский двор, рубят дрова и возят их на барский двор и выполняют другие подобные барщины. И все эти люди обязаны делать по крепостной своей зависимости от сеньеров. А народу в Англии, больше, чем где бы то ни было, и (много) там благородных и прелатов, которых он должен обслуживать; а в графствах—Кенте, Эссексе, Суссексе и Бедфорде живет народу больше, чем где бы то ни было в Англии.

Злодейский сей народ начал подыматься в упомянутых мною графствах, ибо, по его словам, его держали в слишком тяжком рабстве; в начале же мира никаких крепостных не было, и никто не мог стать крепостным, разве что он был повинен в измене своему сеньору, как Люцифер богу; они же не таковы, ибо они не ангелы и не духи, но люди, подобные своим господам, а с ними обращаются, как со скотом; этого они дольше переносить не хотят и не могут, а хотят «быть заодно»; если же будут пахать или совершать другие работы на сеньоров, то желают за это получить плату.

Эти безумства еще раньше усиленно высказывал безумный английский поп из графства Кент, по имени Джон Болл, и за безумные

его речи неоднократно заключал его в тюрьму архиепископ кентерберийский. Сей Джон Болл по воскресеньям, после обедни, когда народ выходил из церкви, обыкновенно шел на погост, собирал вокруг себя народ и проповедывал следующее: «Добрые люди, дела в Англии не могут итти хорошо до тех пор, пока имущество не сделается общим, и не будет ни вилланов, ни благородных, и пока все мы не сравняемся. Почему те, которых мы зовем сеньорами, являются больше господами, чем мы? За какую это заслугу? Почему они держат нас в рабстве? Мы все происходим от одного отца и матери, от Адама и Евы. Почему они говорят, что они больше нас господа, и чем они могут доказать это? Разве тем, что они заставляют нас работать и добывать то, что они растрачивают? Они одеты в бархат и шелк, подбитые горностаем и белкой, а мы носим простое сукно. У них вино, пряности и хороший хлеб, а у нас рожь, обсевки, мякина, и пьем мы воду. Им — досуг, им — красивые замки, а нам — тягота и труд, дождь и ветер в чистом поле; и вот, от нас и наших трудов пошло им такое положение. Нас зовут крепостными, нас бьют, если мы тут же не исполняем приказания, и нет у нас заступника, чтобы пожаловаться ему, и чтобы он, вняв нам, дал нам управу. Пойдем к королю, он молод; укажем ему наше рабство и скажем, что мы хотим, чтобы было иначе, или мы сами найдем средство. Если мы пойдем туда действительно все вместе, то всякого рода люди, прозываемые сервами и находящиеся в крепостной зависимости, последуют за нами, чтобы добиться свободы. И когда король нас увидит или о нас услышит, то по-хорошему — или иначе как — он уладит дело».

Таковые и подобные речи произносил обыкновенно сей Джон Болл по воскресеньям, когда крестьяне после обедни расходились по деревням; за это его весьма хвалил мелкий люд. Всяк, кто был далек от всего доброго, говаривал: «правильно он говорит». Слова его повторяли, напоминали о них друг другу в поле, по пути из одной деревни в другую и у себя дома: «Вон, что говорит Джон Болл, и говорит он истинную правду».

Архиепископ кентерберийский, который был осведомлен об этом, велел взять сего Джона и бросить его в тюрьму; и держал он его там в наказанье два или три месяца. Если бы с самого первого раза он приговорил его к вечному заключению или смертной казни, это было бы лучше, чем то, что он делал: а то он его все выпускал и не решался казнить. Когда же Джон бывал не в тюрьме у архиепископа, он снова принимался за свои проделки.

О словах, жизни и деяниях сего Джона Болла дошло до Лондона и стало известно всей массе мелкого люда в этом городе. Люди эти завидовали богатым и благородным и стали поговаривать меж собой, что английское королевство управляется-де очень плохо, и что те, которые зовутся благородными, расхищают его золото и серебро. И начали эти злые люди в Лондоне сеять смуту, волноваться и давали знать людям в вышеупомянутых графствах, чтобы те смело шли в Лондон и приводили своих: они-де найдут Лондон не на запоре, а горожан на своей стороне, и так повлияют на короля, что в Англии не будет больше сервов.

В силу таких обещаний поднялся народ из графств Кента, Эссекса, Суссекса, Бедфорда и прилегающих местностей, двинулся в путь и подступил к Лондону; и было их добрых 60 тысяч; главного вождя звали Уотом Тайлером, а с ним в товарищах были Джек Строу и Джон

Болл. Эти трое были главными вождями, а наибольшим между ними был Уот Тайлер; и был этот Уот кровельщик — черепицей крыл крыши — парень дурной и озлобленный.

И вот, когда эти злые люди подняли восстание, то знайте: лондонцы, за исключением приверженцев этой шайки, сильно перепугались, а мэр Лондона и богатые люди, узнав, что идут со всех сторон, постановили закрыть перед ними ворота, и никого не впускать в город; так и сделали. Но потом, разобравшись во всем деле, сказали, что не надо этого делать, иначе будет опасность, что спалят все предместья. Так им и открыли ворота, и они вступали в город целыми деревнями, отрядами по сто или двести, или по двадцать, либо тридцать человек, смотря по населенности каждого поселка; и как они вступили в Лондон, так они в нем и расположились. И знайте: воистину, три четверти этих людей не знали, чего просить и что требовать, но шли они друг за другом, как животные или как некогда «пастушки», которые говорили, что идут на завоевание Святой земли, — а, между тем, все у них пошло прахом. Так шли эти бедные люди, эта деревенщина в Лондон, за сто, или шестьдесят, или сорок, или двадцать миль, и из всех окрестностей Лондона, но главная масса пришла из вышеупомянутых мест, из графств Кента и Эссекса, и, пришедши, они потребовали короля. Благородные же этой страны, рыцари и оруженосцы, стали сомневаться, почувствовав, какая масса поднялась, и взяло их раздумье, да и была к тому причина: ведь и по меньшему поводу пугаются не без основания. И вот они стали с'езжаться в возможно большем количестве.

. . . . . .

Когда настало утро пятницы, толпы, расположившиеся на площади св. Екатерины, перед Тоуэром, начали готовиться, весьма громко кричать и заявлять, что если король не явится говорить с ними, то они нападут на крепость, возьмут ее приступом и убьют всех, там находящихся. Испугались этих угроз и этих слов, и король возымел решение выйти говорить с ними и послал им сказать, чтобы из Лондона все они перешли на место, прозываемое Майльс-Энд, прекрасный луг, где люди летом собираются на кулачные бои; там им король дарует и пожалует все, о чем они попросят. Мэр Лондона сообщил все это и приказал «прокричать» от имени короля, чтобы всякий, желающий говорить с королем, шел в вышеуказанное место; король же явится туда без обмана.

Тогда эти люди, простой народ из деревень, начали разбиваться; одни ушли, увлекая за собой других, но пошли не все, и не все были одного мнения, ибо многие желали только мятежа, истребления благородных и полного разграбления Лондона; это и было главной причиной, ради которой они все затеяли, что теперь и доказали. Едва ворота крепости были открыты, и вышли из них король, его два брата, граф Сольсбери, граф Уорвик, граф Оксфордский, господин наш Роберт Намюрский, сеньор де-Вертэнь, сеньор де-Комменьé и некоторые другие, — Уот Тайлер, Джек Строу, Джон Болл, а с ними более, чем четыреста человек, вошли в крепость, захватили ее, прошли по всем комнатам и нашли архиепископа кентерберийского Симона; этот доблестный и высокочтимый муж, канцлер Англии, только что отслужил литургию в присутствии короля. Эти кровопийцы схватили его и сейчас же отрубили ему голову. Был захвачен также великий приор госпитальеров-иоаннитов и один брат-минорит, знаменитый

врач; он был из числа людей герцога ланкастерского и был казнен, на зло его господину; убит был также королевский оруженосец Джон Лэг; головы их были насажены на длинные копья, и их носили перед толпой по лондонским улицам; натешившись достаточно, они выставили головы на лондонском мосту, как будто это были изменники королю и королевству.

А потом эти кровопийцы вошли в комнату королевы и разнесли всю ее постель, чем королева так была напугана, что лишилась чувств. Ее слуги и камердинеры подняли ее на руки, снесли ее потайным ходом на берег реки, посадили в лодку и тайно увезли в дом, называемый Гардеробом королевы; там королева замертво пролежала целый день и следующую ночь, пока не утешил ее король, ее сын, как я вам впоследствии расскажу.

К. Каутский.

136. Жакерия во Франции.

С XIII по XV век положение крестьян в общем улучшалось. Во Франции столетняя война превратила эту тенденцию в ее противоположность. Она предала несчастных крестьян этой страны разбойничьим грабежам английских войск. И в то же время французское рыцарство, потерпевшее поражение, должно было ограничиваться выжиманием соков из крестьянства и слабейших городов исключительно собственной страны. Нищета крестьян дошла до ужасающих размеров и в результате привела весь Иль-де-Франс (он далеко простирается вокруг Парижа, к северо-востоку от него и до теперешней бельгийской границы) к взрыву отчаяния, к так называемой жакерии (май 1358 г.). В виду восстания изголодавшихся крестьян, внезапно исчез национальный антагонизм между англичанами и французами, как, почти 200 лет спустя, во время крестьянской войны в Германии исчез религиозный антагонизм между католиками и лютеранами. Рыцарство обеих стран соединенными силами легко потопило восстание в ужасных потоках крови. Исход мятежа был решен в городе Мо, который принадлежал тогда англичанам; горожане впустили в город полчища крестьян, численностью до 9.000 человек. Шестьдесят рыцарей поспешили сюда, обрушились на безоружных крестьян и рубили их, как овец. Они продолжали резню, пока это им не наскучило. Они убили тогда более семи тысяч человек. Потом они подожгли город Мо и спалили его со всеми обывателями, потому что те держали сторону «жаков». С того времени восстание было сломлено: возмутившиеся крестьяне повсюду избивались немилосердно.

Ф. Меринг.

137. Крестьянская война в Германии.

Через полтора года по смерти Гуттена разразилась великая крестьянская война. Растущая нужда, которая по мере превращения натурального хозяйства в денежное хозяйство, обрушивалась на крестьянский класс, начиная с 1476 г. вызывала ряд крестьянских восстаний, в особенности в южной Германии, а также повела к созданию

крестьянских заговорщических организаций, которые под названиями «Союзный башмак» и «Бедный Конрад» приобрели историческую известность. Но все они оставались чисто местными и скоро были разбиты. Только после того, как реформационное движение вскопало самые глубокие народные толщи, крестьянский заговор охватил всю Германию. Восстание было назначено и действительно началось 2 апреля 1525 года...

Двенадцать статей, в которых крестьяне формулировали свои требования, вполне соответствовали направлению исторического прогресса. Они требовали, чтобы общинам было предоставлено избирать и смещать духовных лиц. Они требовали уничтожения крепостных отношений, дворянских привилегий на охоту и рыбную ловлю, ограничения чрезмерных барщин и оброков, восстановления прав на леса и выпасы, отнятые у отдельных лиц и общин, устранения произвола в судах и управлении. Все эти требования были вполне правильны и справедливы и, что особенно важно, все они соответствовали условиям и устоям буржуазного периода истории: в 1525 г. германские крестьяне требовали в существенных чертах того самого, что французские крестьяне фактически завоевали в 1789 году...

Крестьянам удалось сохранить в тайне свой великий заговор. Когда они неожиданно восстали, господствующие классы были застигнуты совершенно врасплох, и потому, у дела крестьян первоначально были благоприятные перспективы, или по меньшей мере так казалось. Даже Лютер 16 апреля советовал прийти к полюбовному соглашению; он говорил, что не крестьяне, а сам бог восстал против неистовств князей. Большинство крестьянских требований, выраженных в двенадцати статьях, следует признать справедливыми, и потому он призывал к мирному соглашению на основе этих статей...

Выступление Лютера не оказало никакого влияния, и когда господствующие классы оправились от своей первоначальной паники, а в особенности, когда князья выступили со своими войсками, чтобы потопить восстание в крестьянской крови, Лютер совершенно переменил фронт и 6 мая выпустил свое сочинение против грабительствующих и разбойничающих крестьян и в кровожадных выражениях, достойных палача, требовал их избиения...

В противоположность Лютеру, Мюнцер мужественно шел с восставшими крестьянами. В Тюрингии он был душой крестьянской войны. Его главным штабом был тогдашний имперский город Мюльгаузен. Здесь он устроил своего рода коммунистическую общину, которая, впрочем, просуществовала немногим больше двух месяцев (почти ровно столько же, сколько Парижская Коммуна 1871 года, с 17 марта до 25 мая 1525 года). Когда начали наступать княжеские войска, Мюнцер отправился во Франкенгаузен, где собрались толпы тюрингенских крестьян, и здесь вместе с ними понес страшное поражение. 8.000 плохо вооруженных, недисциплинированных крестьян, у которых почти не было пушек, были разбиты таким же количеством хорошо обученных и вооруженных наемников, располагавших многочисленными орудиями. Мюнцер был взят в плен и после ужасных пыток казнен.

Как в Тюрингии, так и во Франконии, Швабии, Эльзасе, Шварцвальде и повсюду, где только восставали крестьяне, их толпы без особенного труда рассеивались княжескими войсками. Крестьянское восстание потерпело неудачу в действительности не потому, что оно вы-

ставило требования, через которые история уже перешагнула, а, наоборот, потому, что не нашло необходимой для себя почвы, так как еще не было германской нации в современном значении этого слова. Правда, отдельные города примкнули к крестьянам, но и они присоединялись вяло и робко. Городские патриции обнаруживали решительную враждебность; цеховые горожане усвоили такую же политику, как Лютер; городские плебеи, как класс, были еще слишком неразвиты для того, чтобы послужить действительной опорой для крестьян. Рыцари были еще менее надежными союзниками, чем города. Большинство их стало на сторону князей, или же они сначала присоединились к крестьянам, но скоро, как Гец-фон-Берлихинген, предали восстание. Только отдельные рыцари, как Флориан Гейер, — на-ряду с Мюнцером, наиболее блестящая фигура крестьянской войны, — до конца остались верны восставшим.

В общем, все движение потерпело крушение, вследствие локальной и провинциальной раздробленности и вытекавшей из нее локальной и провинциальной ограниченности. В каждой местности крестьяне действовали самостоятельно, отказывали в помощи своим классовым сотоварищам в соседних провинциях, и потому в одной местности за другою уничтожались в сражениях и стычках войсками, которые обыкновенно не составляли и десятой доли всей восставшей крестьянской массы. Главным оружием князей было самое презренное предательство, которое, в свою очередь, могло удаваться только по той причине, что многовековое рабство слишком задавило крестьян и они не в состоянии были разглядеть очевиднейшей лжи и обмана. Князья заманивали толпы крестьян самыми широкими обещаниями, и затем, когда крестьяне, поверив этим обещаниям, складывали оружие и направлялись по домам, их безоружных избивали целыми массами. Потоками пролилась крестьянская кровь по германской земле; по самым преуменьшенным расчетам, сто тысяч крестьян пало в сражениях или было впоследствии казнено.

Однако, это страшное поражение не повело к длительному ухудшению положения крестьян. Из них еще до войны настолько высасывали все соки, что невозможно было взять с них еще больше.

Много больше пришлось пострадать от крестьянской войны духовенству, дворянству и городам. Монастыри гибли от пожаров, сокровища духовенства были разграблены или переплавлены. У дворянства были разрушены многие замки и укрепления. Оно казалось слишком беспомощным для того, чтобы собственными силами сопротивляться крестьянам. Так как его спасли только княжеские войска, то оно попало в возрастающую зависимость от князей. Одержав победу, князья наложили на города контрибуции и лишили их привилегий зато, что они обнаружили некоторые симпатии к делу крестьян.

Таким образом, только князья действительно выиграли от крестьянской войны. Они захватили имения духовенства; более или менее значительная часть дворянства должна была отдаться под их покровительство, и контрибуции, наложенные на города, попали в их кассы. Правда, на-ряду с светскими княжествами в Германии все еще сохранялись духовные суверены, городские республики, суверенные графы и сеньоры; но в общем историческое развитие Германии вело к провинциальной централизации, к подчинению всех остальных имперских сословий князьям.

———

138. Двенадцать тезисов.

И так, христианин, читай внимательно эти тезисы и глубже вникай и обсуждай их.

Первый тезис.

«Во-первых, мы покорнейше просим и единодушно желаем, чтобы отныне нас не лишали наших прав и преимуществ, чтобы всякий приход сам выбирал своего священника (1. Тимоф. 3), и чтобы прихожане имели право смещать его, если он поступает не по закону (Тит. 1). Выбранный пастырь должен нам проповедывать евангелие ясно и разумно, без всяких своих прибавлений, мудрствований и выпусков (Деян. апост. 14). Когда нам будет постоянно проповедуема истинная вера, мы приобретаем право просить у Господа, чтобы он снискал нас своею благодатью, поселил и усугубил в нас живую веру (5 Моис. 31). Если благодать Божия не вселится в нас, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 Моис., 10 Иоан.); в писании ясно говорится, что только истинная вера может приблизить, например, к Богу и что спасение наше в его милосердии (Галат. 1). Мы нуждаемся в достойном предстателе и духовном отце, который был бы научен писанию, так, как это мы высказали.

Второй тезис.

«Во-вторых, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная в Ветхом Завете, была отменена в Новом, мы все-таки охотно будем выплачивать ее зерном, но только там, где это нужно. Поэтому мы жертвуем ее Богу в пользу его служителей (Евр. Пс. 109). Если в ней будет нуждаться священник, проповедующий как следует слово Божие, то мы спорить не станем, пусть тогда эту десятину собирают и получают церковные сборщики, назначаемые общиной, а священник, выбранный приходом, со всеми своими домочадцами будет пользоваться из сбора соответственною частью, по распоряжению всего прихода; остаток должен быть поделен между бедными прихожанами той же деревни, по мере их нужд, и по усмотрению прихода (5 Моис., 25 1. Тимоф., 5 Матф. 10 и Коринф. 9), а все, что за тем останется должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастия или войны; из этого-то избытка и следует удовлетворять общественным нуждам, не обременяя бедного населения налогами. Если бы случилось, что одна или несколько деревень продали свою десятину, по какой-нибудь надобности, то купивший должен прежде всего доказать действительность покупки и тогда мы войдем с ним в соглашение, смотря по важности дела (Лук. 6, Матф. 5).

Но кто не сам купил десятину, а получил ее от предков, присвоивших ее себе силою или хитростью, тому мы не хотим и не должны ее давать, мы только обязываемся, как сказано прежде, содержать священников и, по писанию, раздавать милостыню нищим. Кроме того, мы не хотим платить ни духовным, ни светским лицам никакой

малой десятины так, как Бог предоставил скотину в полное распоряжение человека (1 Моис. 1). И потому эту десятину мы считаем несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будем.

Третий тезис.

«В-третьих, до сих пор было в обыкновении считать нас чужою собственностью, но это противно священному писанию, потому, что Христос своею божественною кровью всех нас искупил и всем нам даровал спасение (Ис. 53, 1 Петр. 1, 1 Коринф. 7, Рим. 13), начиная от последнего пастуха до могущественнейшего монарха. Вот почему священное писание говорит, что мы свободны и мы хотим быть на самом деле свободными (Премудр. 6, 1 Петр. 2).

Это не значит, что мы хотим необузданной воли и не признаем никаких властей. Мы должны жить по заповедям, а не по внушениям греховной плоти (5 Моис. 6, Матф. 4), мы должны любить Бога, как своего творца и познавать его в ближних, которым мы обязаны доставлять все то, что сами желали иметь бы, по слову Спасителя на тайной вечере (Лукф. 4, 6 Матф., 5 Иоан. 13). Поэтому, мы не будем нарушать заповеди Божьей, которая вовсе не говорит нам, чтобы мы не повиновались властям. Не только перед властями, но перед всяким мы должны смиряться (Римл. 31). Мы не думаем сопротивляться выбранным и установленным правителям потому, что закон Божий (Деян. апост. 5) запрещает нам это. И так мы не нарушаем покорности, потому и вы должны с своей стороны поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами.

Четвертый тезис.

«В-четвертых, до сих пор велось обыкновение, что ни один бедный человек не имел права ни охотиться на птиц, ни ловить рыб в господских владениях. Это кажется нам совершенно несправедливым, несогласным с братской любовью и словом Божиим. В некоторых местах знатные господа нарочно держат животных, чтобы только повредить нам и увеличить нашу бедность. Эти бессмысленные твари жадно пожирают у нас все, что Бог дал человеку для его пропитания, а мы должны молчать, хоть этим явно наносится оскорбление и Богу и людям. Создавши человека, Господь дал ему власть над всякими животными, над птицами, в воздухе летающими, и рыбами, в водах плавающими (Моис. 1, Деян. апост. 19. 1 Тим. 4, 1 Коринф. 10, Колос. 2). Поэтому мы желаем: чтобы всякий владеющий рекою или озером представил достаточные письменные доказательства своего права и владения и тогда пусть ею владеет, мы не станем употреблять против него насилия: надобно поступать со всяким по правилам христианской любви и братства. Тот же кто не представит удовлетворительных доказательств своего первовладения, пусть отступится от захваченного в пользу общины.

Пятый тезис.

«В-пятых, мы считаем себя также обиженными и в отношении владения лесом: наши господа присвоили себе все леса, и если бедный человек нуждается в дереве, он принужден платить за него вдвое

дороже, чем действительно желал получить. По нашему мнению, леса, на владение которыми духовные и светские господа не могут представить доказательств, должны быть отданы в распоряжение общины; каждый, в случае нужды, может получать от общины бесплатно дрова и лес, даже и для столярного производства, разумеется, только с ведома лиц, выбранных общиною в видах предупреждения истребления лесов. В тех случаях, когда он приобретает собственность честным путем, община должна войти в соглашение с собственниками, по законам христианской и братской любви. Если же лесное имущество было сначала куплено одним, а потом перепродано другому лицу, то с покупщиками надобно войти в соглашения, какие укажет дело, по духу братской любви и священного писания.

Шестой тезис.

«В-шестых, мы считаем себя горько обиженными тяжелою службою, которая с каждым днем становится все невыносимее и невыносимее. Мы желаем, чтобы на это было обращено внимание и чтобы нас не обременяли так жестоко; пусть нас заставляют служить так, как служили наши отцы, согласно с Божеским писанием (Рим. 10).

Седьмой тезис.

«В-седьмых, мы не хотим больше и слышать о поборах и несправедливостях господ: всякий должен неприкосновенно пользоваться своими правами, как они определены в условиях между господином и крестьянином. Господин не должен более мучить и прижимать крестьянина, не должен требовать от него ни службы и ничего другого даром (Лук. 3, Фесс. 6) так, чтобы крестьянин мог свободно и спокойно распоряжаться своим имуществом. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянин должен служить охотно и покорно, впрочем, за известное вознаграждение и только в определенное время, для устранения всяких потерь и убытков.

Восьмой тезис.

«В-восьмых, многие из нас, имеющих собственность, отягчены высоким податным окладом, которого не могут взносить их имущества; отсюда крестьянам часто приходится терять свое достояние. Мы желаем, чтобы господа послали для оценки таких имуществ честных людей и взимали бы оброк, смотря по их стоимости. Крестьянин не должен работать для себя без выгод, потому что всякий работник достоин своей платы (Матф. 10).

Девятый тезис.

«В-девятых, мы чувствуем себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, с которою постоянно увеличивают наши наказания; очень часто нас наказывают несоразмерно с виною, по злобе, а иногда ради пристрастного снисхождения к другим. Мы желаем, чтобы нас наказывали согласно с древним писанным законом, соразмерно с виною, а не пристрастно (Ис. 10, Эфес. 6, Лук. 3, Иерем. 16).

Десятый тезис.

«В-десятых, мы считаем себя и тем еще обиженными, что некоторые лица присвоили себе пашни и луга, принадлежащие общинам. Если эти земли приобретены в собственность нечестным путем, то мы опять отберем их в пользу наших общин; но если за них заплачены следуемые деньги, то мы вступим в дружеское и братское соглашение с их владельцами, смотря по важности дела.

Одиннадцатый тезис.

«В-одиннадцатых, мы хотим совершенного отменения обычая, называемого посмертным отобранием; мы не можем допустить и терпеть, чтобы у вдов и сирот, вопреки чести и Божьей воле, так бессовестно отнималась собственность, как это случается во многих местах под разными видами. Вместо того, чтобы защищать и оберегать нас, многие обдирают, грабят поселян, и если бы было у них достаточно силы, то они обобрали бы их до последней нитки. Господь не хочет этого более терпеть, и обычай посмертного отобрания должен быть отменен: с этих пор, по смерти лица, семейство его никому и ничего не платит — ни много, ни мало (5 Моис. 13. Матф. 8, 23. Ис. 10).

Заключение.

«В-двенадцатых, мы пришли к такому решению: если один или несколько из наших тезисов несогласны с словом Божиим, то мы от них отступимся, как только это нам докажут по писанию. И если даже какой-нибудь из наших тезисов будет признан достойным внимания и назван справедливым, а впоследствии окажется неправильным, то мы немедленно от него откажемся, как от мертвого и недействительного члена. Если даже многие тезисы будут найдены противными Богу и вредными для ближнего, то мы всех их возьмем назад и будем молить Господа, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению, потому что этот разум исходит только от Бога, а не от кого другого. Благодать Господа нашего Иисуса Христа буди со всеми нами».

Внимательно рассматривая этот замечательный манифест, нельзя не видеть, что он образовался не вдруг, а постепенно, из многих составных частей. Вступление и заключение, очевидно, присоединены позже и написаны другим лицом, чем большая часть промежуточных тезисов. Самые тезисы распадаются на три разряда: в одних заключаются требования, повторявшиеся в продолжение длинного ряда столетий, как-то: права охоты, рыбной ловли, лесовладения, устранения ущерба от животных; в других — требования, относившиеся к отменению новых злоупотреблений, бесконечной несправедливой барщины и оброков, пристрастного суда и вообще всякого господского самоуправства; наконец, в-третьих, — требования, в которых выступает новое учение о евангельской свободе и которые об'являют небиблейскими и нехристианскими крепостное рабство, малую десятину и посмертное отобрание, а свободу вероисповедания, выбор священника целым приходом, выставляют евангельскими правами. Требования первого разряда относятся к очень давнему времени и здесь только

представлены в новой форме; требования второго разряда стали высказываться уже летом 1524 года; наконец, в требованиях последнего рода сильно отзывается то влияние, которое имели на народное движение проповедники нового направления, соединявшего духовную свободу с светскою.

Двенадцать тезисов вышли первоначально из верхней Швабии; язык их очень похож на язык многих современных документов этой местности. Есть предположение, что они были составлены в то время, когда господа в Штокахе и Ульме четвертый или пятый раз пытались обморочить крестьян, делая вид, будто они принимают серьезное участие в их нуждах. В Штокахе это происходило между 26 и 28 числом февраля 1525 года, в Ульме — около середины февраля того же года. Уже 15 февраля канцлер Эк писал своему государю: «желания крестьян выражены в длинном ряде тезисов, вообще же они хотят, во-первых: принадлежать только одному Христу, и не хотят знать никаких других господ; во-вторых, они решительно отказываются от всякой барщины, и не хотят давать ни кур на масляницу, ни малой десятины; они говорят, что это совершенно противно братской любви, и что ни один текст евангелия не говорит о таких обязанностях; в-третьих, они и слышать не хотят ни о каких налогах, податях и оброках; в-четвертых, по их мнению, все речные воды, все леса, птицы воздушные и разная дичь, должны быть предоставлены всем в полное распоряжение, потому что все это сотворено для пользы и нужд всех людей. Есть еще и другие отдельные тезисы, которые, как они думают, могут быть приведены в исполнение».

———

М. Покровский.

139. Крестьянское движение в эпоху «смуты».

Уже осенью 1606 г. весь юг Московского государства был охвачен восстанием. Как только те войска, которые Дмитрий собрал на южной окраине, узнали о его гибели, они восстали против нового правительства, как один человек. Они постоянно помнили, что в Москве низвергли их любимца. Стали ходить слухи, что все это Шуйский и его товарищи налгали и что на самом деле Дмитрий спасся и где-то скрывается. Скоро нашли человека, который взял на себя это имя, и стали убеждать, что он и есть спасшийся Дмитрий, а так как царя в лицо знали очень немногие, то обман легко удался. Южное ополчение двинулось к Москве. Положение Шуйского становилось труднее день ото дня. Но тут, если изменили ему его военные силы, ему помогли его хитрость и изворотливость. Он попросту подкупил тех мелких помещиков, которые составляли и здесь, если не главную, то очень крупную силу ополчения второго Дмитрия. Эти помещики, как ни преданы они были Дмитрию, все же таки не могли вполне сочувствовать стремлениям крестьян. Против бояр и богатого купечества они восстать могли. Но когда восставшие крестьяне начали разбивать помещичьи усадьбы, убивать помещиков, захватывать их добро, помещики дмитриевой рати не могли не почувствовать в себе дворян.

А между тем крестьянское восстание разливалось все шире и шире. Если во время похода первого Дмитрия против Годунова крестьяне еще почти не шевелились, то теперь они всей массой восстали

против Шуйского. Их предводитель Ив. Ис. Болотников, беглый холоп, попавший когда-то в плен к татарам, бежавший за границу, человек смелый, предприимчивый, звал все крестьянство свергнуть гнет, под которым оно страдало, и самим встать на место помещиков, грабить у них то, что они награбили у крестьян. Между двумя этими частями восставших — дворянской и крестьянской, — чем дальше, тем меньше было лада. И когда восставшие против Шуйского войска подошли к Москве, между ними произошел раскол. Шуйский пообещал помещикам всякие милости, роздал им много земель, принял их вождей в боярскую думу, и в решительную минуту они бросили своих крестьянских товарищей, а одни крестьяне и казаки оказались не в силах справиться с царским ополчением. Болотников был разбит, бежал в Тулу, и там его осадили и взяли царские войска, а казаки отступили опять к южной окраине Московского государства, но лишь на короткое время. Скоро они оправились, и с помощью польских отрядов, которые опять пришли в Московское государство, частью мстить за своих, частью просто грабить, благо дорога уже была им знакома, казаки теперь подошли к самой Москве и утвердились в Тушине, в 15 верстах к северо-западу от тогдашней московской заставы. В Тушино переехал на жительство и сам названный Дмитрий. Около него образовался целый двор на подобие московского двора. В Тушине возникла как бы вторая столица, и выбить оттуда казаков и их польские отряды Шуйский уже оказался не в силах. Мало-по-малу даже бояре начали его бросать, а многие из них не погнушались занимать должности при тушинском дворе. Во главе их был старейший из тогдашних бояр, близкий родственник вымершей московской династии, Федор Никитич Романов, которого Годунов постриг в монахи под именем Филарета и которого Дмитрий сделал ростовским митрополитом. Переехав в Тушино, Филарет сделался патриархом. Так как было два царя, то, естественно, было и два патриарха в тогдашней церкви.

Около двух лет Московское царство жило таким образом с двумя царями: одним казацко-крестьянским в Тушине, которого в Москве называли Тушинским вором, но который в Тушине был таким же государем, как и всякий другой, и другим — в Кремле, царем помещиков и купцов.

———

Т. Роджерс.

140. Старые и новые пути на Восток.

Трудно представить, с какою жадностью искали наши предки пряностей Востока, когда могли доставить себе эту роскошь. Но такое направление вкуса было довольно естественным. Пища их была груба, а, благодаря отсутствию зимнего корма для скота, и нездорова. Туземных приправ имелось, кажется, немного. Во всяком случае, предки наши очень любили пряности и употребляли их, когда могли достать, во всех кушаньях, как свидетельствуют об этом поваренные книги времен Плантагенетов. Приправленное пряностями вино, так называемый Hippocras служило подарком для князей; а место около коробки с пряностями было еще почетнее, чем место около солонки.

Крестовые походы и упадок Восточной Римской империи, вызванные, главным образом, позорным захватом Константинополя «Латинцами» (венецианцами, французами и другими крестоносцами), разожгли фанатизм племен, населявших Центральную Азию, и скоро сделали караванную торговлю, не находившую препятствий в XII веке, почти невозможною в тринадцатом. Многочисленные торговые каналы иссякли, особенно по сухому пути; осталось только три дороги. По двум из них товары из Индии, т.-е. с западного побережья ее, доставлялись водою в Багдад. Отсюда их везли по Тигру до одного пункта, близко лежавшего к Селевкии и Антиохии. В древнее время это был главный и наиболее удобный торговый путь. Но свирепые и фанатичные племена Месопотамии сделали его опасным, а потом и совсем прервали.

Второй путь шел от того же самого пункта на Тигре через горные области Малой Азии и Армении к Трапезунду. Путь этот проходил по тем же или почти по тем же местам, где провел Ксенофонт свои знаменитые десять тысяч. Эта самая трудная и неудобная из трех дорог не была подвержена таким опасностям, как сообщение с Оронтом[1] и Средиземным морем.

Третий путь шел от Западной Индии к Адену, отсюда в девять дней, через пустыню достигали Хуса (Chus) на Ниле, потом в 15 дней по реке приплывали в Вавилон, т.-е. Каиро, и, наконец, по каналу, длиною в 200 миль в Александрию. От Адена этот путь проходил по владениям Египетского султана, который брал пошлину в 33 процента со всех направлявшихся этой дорогой товаров. Отсюда автор заключает, что, хотя издержки упаковки и сухопутной перевозки по старым дорогам были велики, зато пошлины отнимали бы несравненно меньшую сумму, если бы только удалось восстановить эти караванные пути. Пряности, проходившие через Египет, подвергались также повреждениям и фальсификации, так что товары наибольшей ценности — гвоздика, мускатный орех и мускатный цвет — шли сухим путем, несмотря на его опасность; перец же, инбир, ладан и корица перевозились через Египет. Торговля была, впрочем, не одностороннею. Египет должен был брать некоторые товары из Европы, особенно железо, строительный лес и смолу.

Большая часть этой восточной торговли, направлялась ли она через Черное или через Средиземное море, через Антиохию или Александрию, попадала в руки итальянских городов, особенно Генуи и Венеции. Отсюда товары шли в Западную Европу, вдоль верхнего Дуная и его притоков и вниз по Рейну. Торговый поток не был особенно широк, но он все-таки обогащал свободные города на его берегах — Регенсбург, Нюренбург, Кобленц, Майнц и Кельн. Богатство и сила горожан (бюргеров), возбуждали жадность и зависть соседнего дворянства и после некоторого времени повели к образованию рыцарских союзов. Как богатства Запада лились на лоно Римского двора, так сокровища Востока распределялись между городами, лежавшими у торговых путей. Как ни высоки были пошлины, которые требовал султан, он знал, что торговля была слишком выгодна, чтобы пожертвовать ею без серьезных неудобств. И торговля продолжалась поэтому без перерыва, и во многих отраслях процветала. Так, например, фабрикация тростникового сахару, очень дорогого товара, ограничи-

[1] Река в Сирии; на ней лежит и Антиохия.

вавшаяся прежде Сицилией, была перенесена в Александрию, и в течение ста лет, т.-е. между началом и концом XV века, цена его упала до одной восьмой прежнего своего размера.

Но завоевание Константинополя, успехи турецкого оружия и полное опустошение и изолирование Центральной Азии обеспокоили торговые центры Западной Европы. Движение турок вперед казалось XV столетию чем-то вроде приближения моровой язвы или божеского меча мести. Битва при Белграде дала Западу возможность вздохнуть с облегчением, но только на короткое время. Во всяком случае было очень важно обойти этих воинственных дикарей и за их спиною достигнуть Индии. Отсюда стремление в первой половине XV столетия Генриха Португальского (Мореплавателя), внука Иоанна, герцога Ланкастерского (1340—1399), открыть морской путь вокруг Африки; отсюда же путешествия Васко де-Гамы, Колумба и Кабо во второй половине. Известно, что Новый Свет был открыт и мыс Доброй Надежды обогнут почти одновременно.

Эти открытия не были преждевременны. Между 1512 и 1520 г.г. Селим I, наиболее деятельный и свирепый из турецких султанов, завоевал Месопотамию, завладел святыми местами Аравии и присоединил Египет к своей империи. Последняя старая торговая дорога, соединявшая Европу с Индией, была уничтожена, и хотя несколько лет тому назад предприимчивыми португальцами был открыт новый путь в страну пряностей, но путешествие по нему было продолжительным, опасным и неверным. Цена восточных продуктов поднималась быстро до голодных цен. Торговля с Индией была поочередно в руках португальцев, испанцев, голландцев и англичан; и теперь, при лучших условиях, снова открыт старый путь фараонов и Птоломеев, и вдоль Египетского берега пролегла водная дорога в восточную страну чудес [1].

Прежде чем об этой эпохе еще кому-либо снилось, наступил коммерческий регресс Италии, а с ним и упадок тех больших городов, которые были посредниками в торговле с Востоком. Зажиточность горожан и доходы князей стали исчезать, хотя, вероятно, только немногие видели причину упадка и могли открыть его настоящее происхождение. Когда дворянство обеднело, потому что торговля постепенно сокращалась, пока не исчезла совсем, оно начало угнетать крестьян, — разразилась крестьянская война. Недовольство в городах, как и в деревнях, немало содействовало созданию настроения, давшего почву учению Лютера и огромное значение Виттенбергским тезисам. Упадок торговли, давление бедности, порожденное нуждою недовольство, страстные поиски за причинами этих необ'яснимых бедствий, связывание причинным отношением постигших общество несчастий с папскими вымогательствами и неуместными притязаниями, и взрыв горячего желания церковной реформы, стоят в тесной связи с битвами, выигранными Селимом при Каиро и у пирамид, и с последовавшим после этих побед перерывом восточных торговых путей.

---

[1] Речь идет о прорытии Суэцкого канала в XIV веке.

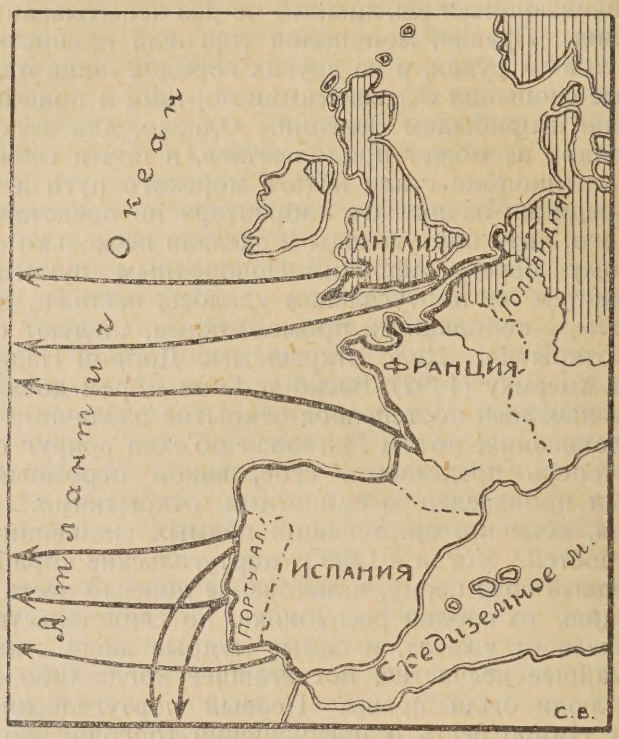
141. Географические открытия конца XV столетия и их последствия.

Завоевание Константинополя и черноморского побережья турками, появление мамелюков в Египте закрыло для европейской торговли путь в Италию. Торговля, конечно, продолжалась и не могла не продолжаться, но прежней свободы уже не было. Даже ни перед чем не останавливающиеся венецианцы не раз испытывали очень большие затруднения. Правда, монополия торговли пряностями продолжала оставаться в их руках, и из других городов лишь одна Генуя сохранила прямые сношения с левантскими портами и приобщалась в некоторой степени к прибылям Венеции. Однако, для всех было ясно, что такой порядок не может продолжаться, и почти сейчас же после падения Константинополя стали искать морского пути в Индию. До 1453 года экспедиции на юг от Гибралтара не представляли ничего систематического, хотя португальцы и сделали несколько открытий по северо-западному берегу Африки. Поворотным пунктом сделался 1475 год, когда тем же португальцам удалось, наконец, добраться до экватора. Затем, с небольшими промежутками, следуют одно за другим крупные открытия. Диас открыл мыс Доброй Надежды (1487), Колумб нашел Америку (1492), Васко-де-Гама морем доехал до Индии (1498). Потом началось постепенное открытие различных частей Америки и их колонизация, потом Магеллан об'ехал вокруг света.

Трудно теперь представить себе, какой огромный переворот в торговле был произведен всеми этими открытиями. Наибольшее значение имела, конечно, организация прямых сношений со страной курений и пряностей. Когда в 1499 г. португальские корабли привезли в Лиссабон первый груз перцу, и ликование донесло весть об этом событии в Венецию, то гордая республика, по свидетельству современников, «оцепенела от ужаса», и самые мудрые люди стали говорить, что это величайшее несчастие, постигавшее когда-либо город. «Самые мудрые» люди были правы. Первый португальский торговый флот принес с собою весть о прекращении торговой монополии Венеции, и, вместе с нею, об упадке «царицы Адриатики» до степени второстепенной торговой державы. Ее могло бы спасти одно, — прорытие канала через Суэцкий перешеек, но время Лессенса еще не пришло, и республика должна была смириться. Генуя горевала меньше, потому что она теряла меньше.

Зато португальцы, которым монополия торговли восточными пряностями, прямо с неба свалилась, делали все, чтобы не выпустить ее из рук. Венеция не могла конкурировать с ними, потому что они торговали гораздо дешевле, но, чтобы обезопасить себя на всякий случай от всяких возможных конкурентов, они добросовестно старались пустить ко дну всякий чужой торговый корабль, совершавший рейсы между Индией и Аравией. Цель этого торгового террора была достигнута: восточные товары почти совершенно исчезли с рынков Александрии и Каира, где их закупали раньше венецианцы и последние поневоле должны были обращаться в Лиссабон. Там додумались до очень простого способа регулирования цен. Если привезенных товаров оказывалось много, и они грозили сбить цены, то излишек немедленно сжигали, и цены восстанавливались. Прибыли, которые по-

лучались от восточной торговли, были огромны, ибо португальцам одним доставались все барыши, которые раньше делили итальянцы со своими восточными посредниками, подвозившими товар в порты Средиземного моря. Обычным способом расценки товаров была надбавка 166% к первоначальной стоимости. Цены устанавливались государством. Натурально, португальцы не допускали других европейских купцов к прямым торговым сношениям с Индией, и заставляли их брать в лиссабонских складах. Благодаря этому, поднялось на не-



Новые морские пути из Европы в Америку и Индию (направление путей указано стрелками).

которое время торговое значение Генуи, через которую стали ездить в Португалию немецкие купцы из южных и западных французских портов, через которые проезжали французы.

Однако, сделаться крупной европейской эмпорией Лиссабон, стоявший в крайнем юго-западном углу Европы, не сумел, и должен был признать это положение за Антверпеном, который к тому времени только что одолел своего давнего соперника Брюгге и сделался центральным местом обмена между севером и югом. Большие торговые флоты поддерживали сношения между ним и Лиссабоном, и в нем окончательно устанавливались цены на предметы. В Антверпене теперь собирались товары со всего света. Из Англии шли сукна и металлы, из Германии — металлы, текстильные товары, мелочной товар, красящие вещества, стекло, рейнское вино, с севера — хлеб, лен, лес, шкуры, металлы. Франция ввозила вино, соль, материи, Италия —

шелк, бархат, парчу, рис, Испания — шерсть, шелк, южные фрукты, сахар, Португалия — восточные товары.

С берегов Средиземного моря торговые центры перенесены на берега Атлантического океана. Морские сообщения, начавшие уже развиваться с середины XIV в., теперь сделались господствующим типом торговых сношений. Внутренняя торговля стала все больше отступать перед океанической.

Главным общим последствием установления прямого сообщения с Индией было удешевление восточных товаров, а так как в их числе были такие, которые, в сущности, составляли предмет необходимости, то их потребление выросло в огромной степени. Из Антверпена они расходились к югу во всех направлениях, все более и более расширяя клиентуру и приобщая к торговле новые круги.

Распространению вширь торговых сношений способствовал еще один факт — прилив золота и серебра из Америки. Первые золотые россыпи были открыты уже в Гаити, но вначале добывание золота было поставлено очень неправильно и не оказывало большого влияния на рынок. Гораздо существеннее оказалась роль американского серебра, особенно с тех пор, как были открыты рудники в Закатекасе (Мексика) и Потози (Перу). Применение холодного способа обработки руды, впервые пущенное в оборот испанцем Мединою, явилось могучим орудием хозяйственного прогресса, ибо, благодаря ему, в Европу стали ежегодно притекать из Нового Света большие суммы денег. Но первое их действие оказалось вредным. Как раз к этому времени увеличилась добыча серебра и в самой Европе, а левантская торговля, уже со времени открытия морского пути в Индию, не поглощала тех огромных сумм, которые брала раньше. Соединение всех этих условий произвело кризис. Денег оказалось больше, чем нужно. Цены на товары поднялись; рабочая плата не могла быть увеличена, ибо, она, согласно средневековому обычаю, определялась на много лет вперед и, следовательно, фактически упала; положение трудящихся классов ухудшилось, противоположность интересов рабочих и предпринимателей, которым одним кризис пошел на пользу, стала быстро обостряться. Это, в свою очередь, имело последствием рост промышленного капитализма, развитие кредитного дела, развитие биржи в Лионе и Антверпене, появление новых банков.

Открытие Америки произвело переворот и в товарном рынке. Оттуда явились новые, незнакомые Европе продукты: картофель, маис, табак, саго, какао, ваниль, кока, ананасы. Часть тех товаров, которые привозились с Востока, были найдены в Америке в лучших сортах; так поднялся привоз кофе, сахара, хлопка. С другой стороны, в новооткрытых странах открылись рынки для европейской промышленности. Но вывоз туда первое время был очень незначителен, и общий уровень промышленности, где в цехах появилась незнакомая средним векам монополия мастеров, даже понизился.

———

Р. Виппер.

142. Денежный капитал в XVI веке.

Грузы перца и других колониальных товаров, едва коснувшись Лиссабона, направлялись морем вдоль западных берегов Европы в Антверпен; сюда подвозилось также английское сукно, медь и не-

мецкий бархат; на больших антверпенских ярмарках определялись цены на все эти предметы, закупавшиеся для разных стран Европы. Отличие Антверпена от прежних торговых мест состояло в том, что здесь не было склада товаров с преимуществом покупки для какой-либо нации или какого-нибудь союза купцов. В Антверпене впервые возник международный узел, где торговцы разных стран, совершенно равноправные, непосредственно сносились друг с другом. Крупные фирмы Германии, Италии, Англии и Франции стали держать своих агентов в Антверпене, завели в нем «фактории», т.-е. конторы. Агенты вставали в 4 часа утра, внимательно наблюдали за колебаниями рынка, собирали сведения о положении дел в разных странах, узнавали политические известия, всегда очень важные для торговых соображений и составляли из всего этого, в виде отчета хозяевам, подробные корреспонденции; это было начало европейских газет.

В середине XVI века, по словам англичан, «Антверпен поглотил торговлю других городов». В течение месяца в нем совершалось больше дел, чем в прежнее время в Венеции за два года. Его коммерческий оборот, не считая вексельных дел, исчислялся за год в 1½ миллиарда флоринов. Торговля Антверпена не была похожа на обмен старых европейских рынков. Товары по большей части не привозились на место и не выставлялись для осмотра; вместо них присылались образцы, по которым заказывали покупку. Торг происходил непрерывно, и хотя попрежнему считали четыре ярмарки в году, но они обратились в сроки для платежей. Городской совет Антверпена имел в виду облегчить устройство сделок, ознакомление купцов с образцами, переговоры между заказчиками и доставителями, выстроил близ порта большое красивое здание «биржи». Надпись на доме гласила: «на пользу купцов всех наций и языков».

«В Антверпенской бирже слышался, — как пишет один наблюдатель, — смутный говор всех наречий, виделась пестрая смесь всевозможных костюмов, — словом, антверпенская биржа казалась малым миром, в котором соединялись все части большого».

К срокам уплат по счетам и векселям в Антверпене скоплялась большая масса денег. Многие капиталисты вместо того, чтобы вести хлопотливую закупку и перевоз товаров, обращались к чисто денежным операциям: давали взаймы торговцам, покупали и продавали доли в предприятиях, пользуясь повышением цен на предметы. Большой ход получила различного рода спекуляция, т.-е. расчеты на счастливые случайности в торговых оборотах, которые зависели во многом от взаимных отношений народов и государств. Раньше случалось нередко, что денежные люди держали пари на избрание того или другого лица в сан папы, на рождение у государя мальчика или девочки, на жизнь или смерть человека (это начало нашего страхования жизни). Теперь в Антверпене в несравненно более широких размерах играли на случай подвоза ценных товаров из Индии или Нового Света, на выручку металла в европейских рудниках, а главное — на перемены в положении европейских королей, стран и народов, так как от этих перемен зависела судьба коммерческих предприятий. Для капиталистов всей Европы было очень важно, перейдет ли северная Италия с ее торговыми путями в руки французского или испанского короля, или, например, вопрос о том, кого выберут в сан императора Германии. Поэтому главные спекуляции и основывались на выдаче правительствам европейских государств завоевателям и кандидатам на короны займов

со стороны купцов и банкиров в расчете на прибыль при удаче политического предприятия.

Но под руководство капитала поступали и благочестивые учреждения. В 1515 г. в Германии архиепископ Майнцский сделал большой заем у аугсбургской фирмы Фуггеров, чтобы заплатить папе за свое утверждение в сане. Папа сам нуждался в деньгах для построения храма св. Петра в Риме и устроил продажу индульгенций в Германии, поручив ее архиепископу Майнцскому; половина дохода с предприятия должна была итти в Рим, половина дохода архиепископу в уплату его долга; агенты Фуггера ездили вместе с проповедниками, возвещавшими прощение грехов, проверяли получения и забирали их в уплату векселей...

Интерес к политике захватил всюду широкие слои общества, тем более, что все классы его испытывали теперь на себе материальную тягость или материальную выгоду войн и других больших политических предприятий. Прежде война велась натурально-хозяйственным способом, дружинами военно-обязанных людей, лично отбывавших службу, снаряжавшихся на средства своих имений или вознаграждавших себя вновь завоеванными имениями. Характер войн XVI в. иной: их ведут наемники, люди, исключительно занятые своим военным ремеслом, без земельного обеспечения, в отрядах пестрого национального состава; обыкновенно вынужденные далеко уходить от родины, они получали все готовое и вознаграждались деньгами. Это стоило очень дорого, но не покрывалось правильно собираемыми податями, как в настоящее время. У правительств XVI в. не было в распоряжении постоянных больших средств. Для всякого отдельного похода и найма солдат, для приобретения артиллерии и т. п. они вынуждены были делать займы у больших купеческих и банкирских фирм. Ссужая правительство, капиталисты, в свою очередь, пускали этим путем в оборот суммы, составившиеся у них из вкладов массы доверителей или из мелких долей, данных им в оборот на риск. Множество людей, в надежде на то, что такое-то предприятие, выбор государя или военная экспедиция кончится удачно и даст капиталисту-кредитору большую выгоду, играли с ним вместе на повышение цены своих долей так же, как они участвовали с купцами в игре на привоз перца или серебра. Перед большой войной начиналась горячка среди массы разных сословий, готовых рисковать своими излишками и сбережениями.

С открытием «обеих Индий» прибавилось еще одно условие, которое усилило этот оборот денежных средств, именно прилив золота и серебра. Приток богатств Нового Света и отдаленного Востока внес, таким образом, сильное напряжение в общественную жизнь Европы. Он создал и разжег крупные соперничества и войны, выдвинул посредников денежной торговли и затянул в большие предприятия интересы множества людей. Один итальянский наблюдатель в XVI в. заметил, что «прежде дворяне вкладывали свои капиталы в пользование землей, купцы — в правильную торговлю и, благодаря ей, уравнивались обилие и достаток в разных странах; землевладельцы и торговцы занимали работой массу людей и увеличивали доходы городов и государей. Теперь же часть дворянства и купечества, первые — тайно, вторые — открыто, стараясь избегнуть тягостей и опасностей работы, вкладывают все свободные капиталы в денежные обороты. Вследствие этого земля остается необработанной,

торговля в пренебрежении, постоянно возникает дороговизна, бедных высасывают богачи, а, в конце концов, и последних настигает банкротство».

———

К. Каутский.

143. Колониальная политика Португалии и Испании.

Необ'ятные земельные пространства со сказочными богатствами внезапно открылись перед глазами изумленных европейцев. Эти страны, в противоположность уже известным им странам востока — Малой Азии, Сирии, Египту, были населены беззащитными народами, которые могли быть покорены без большого труда.

Настоящая горячка охватила как испанцев, так и португальцев. Все устремились в колонии в надежде без труда добыть там богатства. В испанской Америке, как и в португальской Индии, введена была система страшного, беспощадного грабежа, что, конечно, не могло длиться до бесконечности. Португальцы в Ост-Индии получали по-

Испанские и португальские колонии в XVI веке.

стоянный доход от морского разбоя и грабежа прибрежных городов, от торговли весьма распространенными в то время пряностями, которые доставлялись индийскими островами, и богатыми, превосходного качества, тканями, бумажными и шелковыми, поставляемыми в огромных массах старыми культурными областями Индии. Америка, напротив, привлекала испанцев своими неисчерпаемыми золотыми россыпями и серебряными рудниками, доставляя их родине громадные богатства. Лишь впоследствии развилось культивирование «колониальных товаров», т.-е. сахара и кофе.

Обе нации ревностно охраняли каждая монополию сношений со своими колониями. Ни один иностранец не смел показываться в португальских или испанских колониях, ни один корабль под иностранным флагом не появлялся в португальских или испанских водах. Обе

державы поделили между собою весь мир и порешили не допускать постороннего вторжения.

Можно было бы думать, что эта удачная колониальная политика, принесшая так скоро столь богатые результаты, повлияла самым благотворным образом на экономическое развитие Пиринейского полуострова. Вначале это так и казалось. Там сосредоточились богатства и власть: Лиссабон стал богатейшим торговым пунктом Европы, а перед властелином державы, в которой никогда не заходило солнце, склонилась почти вся Европа.

Тем не менее, вскоре появились признаки разложения.

Не к народу стекались богатства, доставляемые колониями, но к абсолютной монархии, и ее орудиям — дворянству и церкви. Португальский король был первым купцом своего государства; он монополизировал в свою пользу торговлю перцем; ост-индская торговля могла вестись лишь на королевских судах и с уплатой высоких пошлин. Выгоды от торговли получал король и его креатуры; они давали ему возможность укреплять свою власть; но народу колониальная политика приносила лишь увеличение лежавшего на нем бремени. Громадные колониальные владения, завоеванные португальцами, ставили такие требования ее населению, которых маленькая страна не могла удовлетворить. В то время, как колониальная служба поглощала все бо́льшие массы людей, людской поток, направлявшийся в колонии, редел вследствие войн, эпидемий и кораблекрушений. Промышленность и земледелие находились в пренебрежении; население уменьшалось; страна приходила в упадок. Она все менее и менее была в состоянии доставлять силы, необходимые для охранения власти над своими колониями. Поэтому большая часть их отошла к сильнейшим соперникам.

Так же было и в Испании, хотя это государство было обширнее Португалии и легче могло перенести убыль в населении. Но и там мы видим абсолютизм господствующим, абсолютизм феодальный и бюрократический, который не устранил феодального дворянства и церкви, а сделал своими слугами, превратив их в придворное дворянство и придворную церковь, и, взамен этого, оказал им еще большую поддержку. Именно этим элементам пошла на пользу эксплуатация колоний. Монархия, церковь, дворянство, бюрократия приобрели богатства и власть, слишком большую власть над низшими классами. Золото и серебро стекались в Испанию, но служили только к поддержанию многочисленной челяди, патеров и чиновников, повышали цены на жизненные припасы и продукты промышленности, не повышая соответственно заработной платы. Крестьяне и ремесленники находили для себя более выгодным отправляться в колонии или поступать в лакеи и монахи, чем работать в поте лица своего.

К этому присоединилось то, что абсолютизм, благодаря притекавшим из колоний сокровищам, был совершенно независимым от успехов земледелия и промышленности, и, равнодушный к нуждам рабочего класса и бюргерства, подавлял самым суровым образом всякое проявление самостоятельности. Известно, что Филипп II изгнал из Испании большую часть промышленного населения — мавров. Но и католическая часть промышленного населения чувствовала себя не лучше в стране инквизиции; она бежала, если получала к тому возможность, в Нидерланды и в Италию. Все это обусловливало упадок земледелия и промышленности и уменьшение населения страны.

С другой стороны, колониальные богатства доставляли испанскому абсолютизму возможность вести мировую политику. В то время, как колониальная политика Испании вынуждала ее возможно более увеличивать свою морскую силу, династические интересы Габсбургов в половине Европы, — в Нидерландах, Италии, Германии и Франции,— вовлекли ее в продолжительные и кровавые войны, которые в конец обезлюдили страну и довершили ее экономическое разорение. До последнего времени колонии — это проклятие, тяготеющее над Испанией; они доставляют главные средства тому военно-бюрократическому и клерикальному строю, который препятствует всякому экономическому и политическому прогрессу страны. Потеря колоний значительно ослабит эти элементы испанского режима и, таким образом, освободит испанский народ от давящего его кошмара.

———

К. Каутский.

144. Колониальная политика Нидерландов.

В 1477 году Нидерланды перешли к Габсбургам, которые в 1504 г. завладели и Испанией. Но обе эти области имели слишком противоположные интересы, чтобы находиться в течение долгого времени в одних руках. Карл V покровительствовал нидерландцам и, вследствие этого, стал в неприязненные отношения к испанцам. Политика же Филиппа II, напротив, ставила всегда впереди испанские интересы; господствующие классы Нидерландов, дворянство и купечество, были отодвинуты на задний план и притесняемы, где только возможно. Если они не хотели признать себя совершенно подавленными и лишенными всяких источников существования, то должны были отделиться от Испании. Это удалось, по крайней мере—северным провинциям, после страшной борьбы, продолжавшейся восемьдесят лет и окончившейся лишь с Вестфальским миром (1648). Восьмидесятилетняя война не мало способствовала упадку Испании; с другой стороны, именно этот упадок, бывший, главным образом, следствием колониальной политики, дал возможность маленьким Нидерландам победоносно восстать против могущества Габсбургов. Опытные в морском деле нидерландцы перенесли центр тяжести войны на море и поставили себе целью ниспровержение морского могущества испанцев. Чем могущественнее становился их собственный флот в сравнении с испанским, тем более развивалось у них стремление к приобретению колониальных владений. Но удивительно было то, что они завладели не испанскими, а португальскими колониями. Америка представляла мало привлекательного для этого торгового народа. Далекие американские земли, населенные бедным, некультурным народом, могли привлекать испанское феодальное дворянство, которое основало там новое феодальное государство. Испанские колонии разделялись на большие области, пожалованные любимцам короны и обрабатываемые крепостными индейцами или неграми-рабами, привозимыми из Африки. Это не представляло выгод для голландских купцов. Серебряные рудники скорее могли бы их привлечь, но и то они предпочитали грабить нагруженный серебром испанский флот, чем обременять себя обработкой перуанских и мексиканских рудников.

Совсем в другом роде были португальские владения. Здесь было высококультурное население, которое доставляло многочисленные

продукты, дорого оплачиваемые в Европе. Завоевание и монополизация этих рынков — вот была задача, которая прежде всего должна была привлекать торговый народ.

После того, как нидерландцы взяли верх над испанцами на море, распространение индийских товаров из Лиссабона во всю Европу всецело перешло в их руки. Но эта выгодная торговля грозила совсем ускользнуть от них, когда Португалия перешла к Испании и Филипп II в 1594 г. запретил своим подданным всякие сношения с мятежниками.

Это послужило причиной, почему нидерландцы стали ездить за товарами, которых не могли более получать из Лиссабона, на место их производства, прогоняли португальцев, где только могли, и на место их установили в Индии свою монополию. Португалия была уже слишком слаба и бедна людьми, чтобы оказать серьезное сопротивление. Блестящее португальское колониальное государство сразу пало.

Соответственно различию во внутреннем социальном строе и внутренней политике, колониальная политика северной торговой республики отличалась от той, которая господствовала в феодальной абсолютической Испании. Не бюрократия, не армия и не церковь управляли колониями и эксплуатировали их, а купцы. При общем военном положении на море и по ту сторону моря, когда каждая нация старалась силой вытеснить другую из участия в выгодной торговле, когда повсюду свирепствовал морской грабеж, — отдельный купец не обладал необходимыми средствами для ведения заокеанской торговли. Колониальная политика того времени находилась в положении, подобном тому, в котором теперь находится постройка железных дорог. Эта последняя, требуя слишком больших средств, недоступных одному предпринимателю, ведется или самим государством, или же попадает в руки больших акционерных компаний, снабженных от государства монопольными правами, а нередко и субсидиями. Также и колониальная политика там, где ею не занималась государственная власть, переходила во власть больших привилегированных торговых компаний. Колонии служили там не для укрепления власти государства, церкви и дворянства, но для усиления капитала буржуазии. Пышно расцвела голландская торговля, а вместе с ней и промышленность. Правда, продукты индийского текстильного производства представляли серьезную конкуренцию голландской мануфактуре, но главным об'ектом голландской колониальной торговли были пряности, и те же купцы, которые доставляли индийские продукты и пряности из Амстердама во всю Европу, развозили и произведения ремесленников и рабочих нидерландских мануфактур. Это были продукты рабочих не только нидерландского происхождения. Одновременно с усилием буржуазии усиливалась в республике гражданская свобода и религиозная терпимость, так что интеллигентнейшие головы и лучшие работники, изгнанные за непокорность победоносным абсолютизмом из Испании, Португалии и Франции, находили себе приют в Нидерландах, и в то время, как население Испании и Португалии уменьшалось, в Голландию притекали многочисленные толпы.

Но и это блестящее положение было недолговечно. Монополия столь выгодной торговли породила многочисленных завистников этой республики, главным образом в лице двух величайших и сильнейших соседей — Англии и Франции, из которых одна теснила ее с моря, другая — с суши.

Если она хотела продолжать мировую политику, то должна была одновременно поддерживать непосильное ей превосходство на суше и на море. Она и пыталась, но, в конце концов, погибла, подобно тому, как это случилось еще ранее с Испанией и Португалией. Хотя эта колониальная политика принесла в страну громадные богатства, но они достались лишь нескольким купеческим фамилиям и их фаворитам, народные же массы несли одни тяготы от вечных морских и сухопутных войн за обеспечение богатства и его источников. К тому же, богатство внесло расслабление, порчу нравов и высокомерие в среду купечества и их приспешников. Они все бесстыднее старались взвалить все государственное бремя на низшие классы, подчинить государство своим личным выгодам и все более выказывали себя лишенными всякого государственного смысла. К опустошениям извне присоединилась внутренняя борьба, падение промышленности, которая не была в состоянии вынести все растущих государственных налогов, полный застой всей общественной жизни. Насколько блестяща картина Нидерландов в XVII столетии, настолько мрачна она в продолжение всего XVIII столетия.

———

А. Конради.

145. Экономический рост Голландии.

Сукна, полотно, ковры, тканые обои, кружева распространялись по всему свету главным образом из Фландрии и Брабанта. Только на две эти провинции приходилась в 1570 г. почти половина общей стоимости продуктов нидерландской промышленности, 21,6 миллионов золотых гульденов из общей суммы в 44,85 миллионов флоринов.

Немалая доля этой последней приходилась уже на провинции к северу от Мааса, в прежнее время экономически гораздо менее развитые. Утрехт обладал уже известностью, благодаря своему производству бархата, а в голландском городе Лейдене пустило корни значительное суконное производство. Но, если не считать этого, экономический центр тяжести северных провинций и, прежде всего, двух наиболее развитых, Голландии и Зеландии, лежал не в области промышленности. Про Амстердам старинная голландская поговорка говорит, что он выстроен на селедочных костях, и, действительно, ловлю сельдей и торговлю ими следует считать основным источником богатства Амстердама и вообще северных прибрежных провинций. В то время ежегодно отправлялось около тысячи судов на ловлю сельдей, которою они занимались частью у родных берегов, частью в шотландских и скандинавских водах. Благодаря этому промыслу Голландия и Зеландия уже в XV столетии располагали многочисленным населением самых смелых и искусных моряков, каких только знала тогда северная Европа. Люди эти ловлей сельдей были заняты лишь небольшую часть года, остальное время они проводили на службе у судовщиков Амстердама и других мест, корабли которых обслуживали транспорт товаров между Нидерландами и остальным миром, в первую очередь — портами: Лиссабоном, Кадиксом и Севильей. Доходное транспортное дело большей частью находилось в голландских и зеландских руках, тогда как капитал южных Нидерландов, кроме промышленности, занимался только торговлей. Но и международная торговля пе-

рестала уже быть монополией Антверпена; по крайней мере, одна важная ее отрасль досталась северным прибрежным провинциям и главным образом — городу Амстердаму: мы имеем в виду балтийскую торговлю хлебом. Баснословно дешевый хлеб прибалтийских стран сперва ввозился в громадном количестве для потребления самих Нидерландов, ибо южные Нидерланды с своим густым промышленным населением производили лишь четвертую часть потребного зерна, а на севере сельское хозяйство преимущественно вырабатывало масло и сыр, которые шли во все части света, на сумму в 800.000 крон ежегодно, — как весьма ценимые продукты. Но амстердамская хлебная торговля уже не удовлетворялась обслуживанием нидерландского спроса; она расширила свои торговые связи до самой Испании, которая все более и более нуждалась в значительном ввозе хлеба. И именно при этом, благодаря громадной разнице между низкими покупными ценами в отсталых балтийских странах и быстро растущими продажными ценами в Испании, получались колоссальные барыши, накоплявшиеся главным образом в амстердамских руках.

———

И. Кулишер.

146. Развитие торгового капитализма в Англии до XVII века.

И географическое положение Англии и перемены в области международной торговли, совершившиеся в XVI веке, чрезвычайно способствовали превращению Англии из государства земледельческого, каким она являлась в средние века, в торгово-промышленную страну. До XIV века Англия представляла страну, где господствовало земледелие и денежное хозяйство с местным узким рынком. Промышленность находилась в руках цеховых ремесленников, которые своими изделиями удовлетворяли запросы местного рынка. Тонкие сукна, стеклянные изделия, предметы роскоши тонкого вкуса привозились из-за границы. Единственным предметом вывоза была шерсть, славившаяся своим высоким качеством. В XIV веке, благодаря поселению в Англии искусных в ткацком деле фламандских мастеров, стало развиваться здесь производство тонких сукон. Для его вывоза за границу образовалась английская купеческая компания, получившая название «странствующих купцов».

Уже самое островное положение Великобритании имело последствием то, что каждый шаг за пределы страны вел в открытое море, в особенности с тех пор, как Англия во время Столетней войны с Францией потеряла свои владения на континенте Европы. Большое количество естественных портов на протяжении от Дувра до Плимута — портов, не замерзающих зимою, делало Англию по самой природе страной мореплавателей. Но в средние века эти выгодные условия не могли проявиться, так как Англия находилась как бы на краю мира, вдали от центров международной торговли, сосредоточивавшейся на Средиземном море. Это изменилось, однако, с открытием Америки и перемещением торговли на Атлантический океан. Когда в XVI веке Атлантический океан из «моря тьмы», как его называли в средние века, превратился в центральное море, соединявшее два континента, когда торговый обмен стал перемещаться в тот пункт, где Атлантический океан сливается с Северным морем, Англия очутилась в самом

центре мира, могла вступить в борьбу с другими странами за преобладание в области торговли и мореплавания.

Это было для Англии тем легче, что те же перемены, которые оказывались столь выгодными для нее, наносили сильный удар итальянским республикам, расположенным у Средиземного моря... Хотя в течение всего XVI века северо-итальянские города еще играли существенную роль в торговле.., но все же того значения, как в предыдущие столетия, торговля на Средиземном море уже не имела и иметь не могла. В течение нескольких десятилетий, с точки зрения мировой истории, как бы одним ударом, Средиземное море лишилось своего тысячелетнего положения в международной торговле, опустившись на ступень континентального моря... Преобладание в торговле перешло в XVI столетии в Португалию и Испанию, но и Нидерланды и Англия уже в эту эпоху достигли самостоятельности в области торговых сношений, заложили фундамент своего будущего торгового могущества.

Уже с конца XV века начинается постепенное вытеснение венецианских купцов из Англии, попытки заменить их туземными купцами. Венецианцам запрещен привоз в Англию товаров из владений эрцгерцога Австрийского, т.-е. из Нидерландов, торговые сношения с последними предоставлены английской компании... Англичане со времен Ричарда III стали правильно посещать Средиземное море, и в 1485 г. учредили консульство в Пизе...

Такая же перемена произошла и в положении ганзейцев в Англии. В течение нескольких столетий последние пользовались в Англии более значительными торговыми правами, чем даже местные купцы, и, несмотря на неоднократные протесты городов против захвата английской торговли ганзейцами, они умели сохранять свои привилегии. Они нужны были королю и лордам, которым доставляли произведения прибалтийских стран (меха, железо, рыбу и т. д.), и у которых скупали хлеб и шерсть, производимые на поместьях английской аристократии. Но с конца XV века и отношение последней к ганзейцам стало изменяться; английский король перестал брать их под свою защиту... Не только ганзейское подворье в Лондоне было закрыто, но англичане сделали и дальнейший шаг — они сами вторглись в домены Ганзы, учредив в 1567 году свою факторию в Гамбурге (складочное место компании), пользовавшуюся большими привилегиями, т.-е. стали играть на континенте ту роль, какая ранее принадлежала ганзейцам в Англии...

В эту эпоху и в Норвегии, и в Московском государстве, и в других северных странах ганзейцы вытеснены голландцами, шведами, англичанами. Англичане совершают плаванья в Средиземное море, минуя посредничество итальянцев, но они же посылают свои корабли в Берген и Копенгаген, вступают в торговые сношения с Московским государством. Последние установились следующим образом. С целью подорвать монополию Португалии и Испании в международной торговле, в Англии возникло общество под названием «Мистерия», для открытия нового пути в Китай и Индию через северные страны Старого Света. Во главе его стал знаменитый Себастиан Кабот, открывший Северную Америку. В 1552 г. оно снарядило три корабля: главным командиром экспедиции был Гуг Виллоуби, помощником его — Ричард Ченслер. Это была первая экспедиция англичан в полярные страны. Два корабля под начальством Виллоуби, отделились от третьего, осенью 1553 г. попали в водоворот около Святого Носа

и, загнанные непогодой в Нокуевскую губу, были заперты льдом; адмирал погиб, со всем экипажем. Третий же корабль «Эдуард Бонавентура» пристал к устью Двины и высадился у посада, называемого Пенокса. Оттуда командир корабля Ченслер отправился в Холмогоры, а затем поехал в Москву и, допущенный к царской аудиенции, представил Иоанну Васильевичу грамоту от имени Эдуарда VI, написанную ко всем, вообще, владыкам северных стран, куда судьба бросила бы посланную экспедицию. Иоанн Грозный дружелюбно принял англичан и отвечал Эдуарду VI грамотой, в которой из'являл согласие на торговлю англичан в Московском государстве. По возвращении Ченслера на родину тем же путем, в Англии образовалась новая компания «для торговли с Россией, Персией и северными странами», или, как она называлась сокращенно, «русская компания»... Она пользовалась монополией в торговле с Московским государством: лица, не принадлежащие к компании, не могли торговать с Россией.

В 1555 году царь Иоанн Васильевич даровал компании право свободной торговли, право заводить дворы в Холмогорах и Вологде, без платежа за них податей, подарил двор в Москве у церкви св. Максима. С тех пор ежегодно в Россию приходили английские корабли, приплывавшие в устье Северной Двины и старавшиеся совершить это путешествие до замерзания Северного моря. Им было предоставлено также торговать через Россию с Востоком, Персией, Бухарой, Индией и Китаем. В 1567 г. в Москве у св. Максима была главная контора англичан, в Холмогорах был заведен прядильный промысел; в Новгороде, Пскове, Ярославле, Казани, Астрахани, Костроме, Ивангороде, Кореле были устроены англичанами подворья, где они продавали свои товары.

Подобными же компаниями велась торговля и с другими странами. При Елизавете в Англии учреждена была турецко-левантийская компания для торговли с левантийскими странами, африканская—для торговли с Гвинеей, остзейская — для торговых сношений с Пруссией. Все они, как и русская компания, имели характер так называемых регулированных компаний. Каждый купец, желающий производить торговлю с данной страной, обязан войти в состав соответствующей компании, делая определенный взнос и подчиняясь установленным компанией правилам. Последняя заключала торговые договоры и добывала привилегии в интересах всех своих членов, издавала общие постановления, но в самые операции отдельных членов не вмешивалась. Торговлю каждый вел за собственный страх и риск, единолично или соединяя свои капиталы с другими членами компании; внутри регулированной компании могли, следовательно, возникать товарищества различного рода, которые извлекали совместно прибыль и несли вместе убытки их общих операций...

Наибольшее значение, однако, из всех образовавшихся в эту эпоху компаний имело общество, учрежденное для торговли с Ост-Индией. Со времени открытия морского пути в Индию произведения Востока приобретались и голландцами и англичанами в Лиссабоне. Но после отпадения Нидерландов, с одной стороны, после уничтожения испанской армады англичанами, с другой стороны, Филипп II закрыл лиссабонский порт и голландцам и англичанам, и заставил их вступить в непосредственные торговые сношения с Индией. В 1595 г. уже отправился флот из Амстердама в Ост-Индию, а еще за четыре года до того начались первые плавания англичан в Индию. Результаты обеих

мер, принятых Филиппом, были равно пагубны для Португалии и Испании. В Нидерландах образовалась крупная ост-индская компания, которая вскоре приобрела ряд факторий на континенте Индии и на островах, а в течение следующих десятилетий отняла у Португалии Малакку, Молукские острова, Цейлон и другие владения. Одновременно возникла и английская ост-индская компания, которая вскоре вытеснила португальцев из Бенгалии и Коромандельского побережья, а затем и с ост-индского континента вообще... Хотя расцвет ост-индской компании и ее завоевания в Индии относятся лишь к следующим столетиям, но уже в царствование Елизаветы были, следовательно, сделаны первые шаги на пути к образованию британской империи в Индии, стал осуществляться принцип, что «будущность Англии на воде».

Выражением этого являлись и заботы о развитии английского судоходства и судостроения, и стремление англичан к открытию новых стран и основанию колоний. При Генрихе VII (1485—1509 г.г.) начинается новая политика в области мореплавания; последовательно проводится принцип покровительства национальному судоходству. Устанавливаются определенные категории товаров, привоз которых допускается только на судах, принадлежащих англичанам, при чем большая часть экипажа должна состоять из английских подданных. Это те два основные положения, которые впоследствии были строго проведены навигационным актом Кромвеля...

При Тюдорах был, таким образом, заложен фундамент мировой торговли Англии. После открытия Америки, Англия выступила и на путь приобретения колоний. В 1479 г. состоящий на английской службе генуэзец Джон Кабот открыл С. Америку, а именно: полуостров Лабрадор, который и был присоединен к Англии. Затем англичане стали усердно посещать Бразилию и другие области Южной и Средней Америки. Английские моряки без церемонии грабили испанские и португальские колонии. В 1584 г. в С. Америке была основана первая английская колония (Виргиния). Так как испанцы все американские области считали своими, то проникновение англичан в Америку они считали посягательством на свои права. Отсюда возникла длительная борьба между Испанией и Англией, закончившаяся победой этой последней. В половине XIV века во всей Англии насчитывалось всего 169 богатых купцов, к которым король мог обратиться при нужде в деньгах. В XVI веке свыше 3.000 принимало участие в одной лишь морской торговле.

А. Савин.

147. Английская торговля в начале XVII века.

Английская индустрия и торговля начала XVII в. кажется скромной при сопоставлении с передовыми в хозяйственном отношении странами континента. В индустриальной технике англичане XVI и XVII в.в. идут по следам немцев. Они даже прямо выписывают к себе немецких мастеров. Немцы учат англичан, как выкачивать воду из рудников; немцы делают в Англии опыты с топкой каменным углем при плавке железа, с рафинированием сахара. Кажется, швабские ткачи при Карле I ввезли на остров начатки хлопчато-бумажного производства. Два аугсбургских капиталиста, Иоахим Хохштеттер (Ioachim

Hochstetter) и его сын Даниель, заведывали королевскими рудниками при Генрихе VIII и Елизавете, аугсбургская фирма Хауг и Лангнауер при Елизавете организует в Англии большое горное дело. А в торговле сами англичане чувствуют себя позади голландцев. Торговый флот последних много больше английского. Смеясь над запретами иностранцам ловить рыбу у берегов Англии, нидерландцы при Якове вылавливают сельдь под самым носом у англичан. В 1602 г. Рэли жалуется, что голландцы отбили у англичан торговлю в Балтийском море; но он находит это вполне естественным, изумляется предприимчивости соперников и тужит об отсталости соотечественников. Нидерландцы возят грузы значительно дешевле англичан. Когда в 1619 г. английская и голландская ост-индская компания приходят к соглашению о торговле пряностей, то англичане выговаривают себе только $^1/_3$ ежегодного привоза. У нас есть данные о годовом английском вывозе первых лет Елизаветы. Его ценность превышает миллион фунтов; но он крайне однообразен; чуть не на $^9/_{10}$ он состоит из сукна. Конечно, большой успех уже то, что теперь вывозят сукно, а не шерсть. При Якове и Карле прямо воспрещают вывозить шерсть. Но даже при Якове это по преимуществу сукно некрашеное и неотделанное. Попытка воспретить вывоз такого сукна при Якове I кончилась неудачей. На континенте неохотно покупают крашеный и выделанный товар, в Англии наступает кризис суконного производства, правительство вынуждено отменить запрет.

И все-таки при Елизавете и первых Стюартах можно указать на значительные хозяйственные успехи. Особенно нужно сказать это про морскую торговлю. Англичане наших дней считают елизаветинский век золотым веком своей морской истории, в Гокинсе, Дрэке, Фробишере, и Рэли видят национальных героев.

... Елизаветинские мореходы, не то военные, не то купцы, не то пираты, точно торопятся наверстать время, упущенное предками. Старый мир стал им тесен, они спешат раздвинуть его в разные стороны, бороздят по всем направлениям водную гладь. Они ведут непримиримую борьбу с испанцами на всем протяжении Атлантического океана. Гокинс спускается далеко на юг к африканским берегам, забирает большую партию негров и везет на продажу в Вест-Индию. Дрэк с очень небольшой эскадрой спускается к Магелланову проливу, теряет ее по дороге и остается с одним кораблем и все-таки продолжает плавание. Незамеченный испанцами, он появляется у беззащитных западных берегов Америки, беспрепятственно грабит их, с огромной добычей пересекает Тихий океан, проскальзывает мимо инспанских берегов и благополучно возвращается в Плимус, со славой и золотом (1577—1580). «Святая жажда золота» влечет и на неведомые морские пути. Моряков манит Дальний Восток, таинственный Китай (Cathay). Они ищут нового и свободного пути к нему на севере... Но елизаветинские моряки приносили чаще меч, нежели мир, они поражают нас своей безоглядной жестокостью. Елизаветинские моряки смело плывут в сердце владения врага и два раза сжигают в Кадиксе испанский флот. Конечно, и их ждет тяжкая участь в руках врага. Им нередко случается гнить в испанских тюрьмах. Но они спокойно смотрят в лицо смерти и умирают с улыбкой на устах...

... На смену моряку-герою идет моряк-купец; «The trade fallows the flag» — «торговля следует за флагом» (военным), говорит английская поговорка. В 1553 г. Чанселор попал в Архангельск, и уже

в 1554 г. организуется «Московская» или «Русская» компания; московского посла в 1557 г. принимают 150 членов компании. Уже в 1585 г. выдается патент на торговлю с Марокко, в 1588 г. — на торговлю с Гвинеей. В 1600 г. создается знаменитая Ост-Индская компания. И торговля в старых морях получает новую организацию. На торговлю в Балтийском море в 1579 г. получает патент Истландская компания; на торговлю в восточной половине Средиземного моря 1581 г. — Левантская компания, в 1606 г. преобразованная в Турецкую. А самая важная вывозная торговля—в Немецком море—в руках компании авантюристов. Рост морской торговли не подорвал, а усилил старую систему монополии. Когда Яков вступает на престол, моря поделены между компаниями. Только во Франции англичанин может торговать, не принадлежа к компании. Это положение остается в силе при Якове, только Пиринейский полуостров после заключения мира в 1604 г. прибавился к области свободной торговли.

Чтобы судить о политических и хозяйственных последствиях подобного порядка, надо присмотреться к внутреннему строю елизаветинских и стюартовских компаний. Наиболее крупная компания в начале XVII в. старые авантюристы (Merchants Adventurers). На Немецком море им принадлежит монополия вывоза из Англии. Но в виду того, что с нечленов гильдии берут значительно более высокую вывозную пошлину сукна, фактически компании принадлежит монополия по вывозу английского сукна, и континентальная «фактория» была очень важным торговым пунктом, центром, откуда английское сукно расходилось по Европе. Годовой вывоз компании в 1608 г. ее секретарь оценивает в 1.000.000 фунтов стерлингов. Главное управление было не в Англии, а на континенте, где обычно созывается и собрание членов, генеральная курия, избирающая губернатора и его 24 ассистента и принимающая в число членов. Губернатор и ассистенты судят членов, могут приговаривать к штрафу, тюрьме, исключению из компании, могут издавать обязательные распоряжения, кажется, назначают должностных лиц в городские отделения компаний на острове, вообще обладают очень большой властью; компания сильно централизована. Попасть в члены не легко: нужно быть сыном члена или быть принятым в ученики и проучиться 8 лет, или сделать высокий взнос (200 ф.) и в первые годы внести значительные дополнительные платежи. Лондонским членам запрещено торговать сукном в розницу. Современники видели в авантюристах аристократов торгового мира и людей по меньшей мере очень зажиточных. Но не нужно представлять их себе замкнутым кружком. В начале XVII в. секретарь компании считает членов до 3.500. Тем поучительнее, что они подчиняются идущим из центра указаниям. Каждый торгует на свой страх, но сильно стеснен правилами компании. Центральное управление определяет размеры общего вывоза, договаривается о фрахте. Когда ждали армаду (1587 г.), то в распоряжении авантюристов оказалось более ста кораблей; купцы предоставили их правительству. Размер оборотов каждого члена точно определен правилами компании и повышается вместе со старшинством. Запрещено продавать сукно в долгосрочный кредит, при расплате наличными скидывать больше 7%. В компании английские капиталисты соединяются в большую и недурно организованную политическую силу, с которой вынуждено считаться правительство. В XVI в. губернатор компании есть иногда в то же время и дипломатический представитель Англии в Нидерландах. В своих кре-

дитных операциях корона, а в гражданскую войну парламент не один раз обращается к помощи компании. Многочисленные производители сукна находятся в большой зависимости от авантюристов, которым они сбывают большую часть своей выработки. Если авантюристы сокращают свои закупки, ткачи не находят сбыта для своего товара, рассчитанного на континентальный рынок, и быстро впадают в нужду. Зависимость шерстяного производства от компании ясно видна из частых нареканий на нее в XVII в. Авантюристов обвиняют в искусственном сокращении своих оборотов, в несправедливом территориальном распределении своих закупок, в установлении полной монополии, в противодействие отечественного красильного производства. Экспортер английского сукна есть в начале XVII в. крупная фигура уже потому, что располагает значительным капиталом и держит в руках важнейшую отрасль национальной промышленности; его влияние растет еще более, потому, что он принадлежит сплоченной корпорации, направляющей торговую деятельность своих многочисленных членов по единому плану.

Но в Англии начала XVII в. есть торговые компании, проводящие концентрации капитала с еще большей строгостью, — такова Московская. В первом парламенте Якова, торговые компании вызвали резкий протест во имя свободной торговли. Примером злоупотреблений выставляли Московскую, которую звали постыдной «монополией в монополии». В ней около 150 членов и 15 директоров. Директора распоряжаются всем, указывают сколько кто должен вносить, и кладут взносы в общий кошелек, держат одного агента в Москве и для продажи московских товаров одного агента в Лондоне, а отчитываются, как хотят. «Вся компания стала точно один человек».

Если в Московской компании это было злоупотреблением, то в Ост-Индской это было общее правило. Самостоятельная торговля членов устранена с самого начала. Каждая экспедиция предпринимается от имени всей компании; взносы участников поступают в общий фонд, купля-продажа совершается компанией, и прибыль от экспедиций распределяется пропорционально взносам. Уже в 1612 г. устраняется подписка на отдельные экспедиции. Члены должны делать взносы на определенный ряд лет; у компании образуется значительный постоянный капитал, которым управляет губернатор и директор. В половине века членский взнос уже не подлежит возврату и только дает право на получение дивиденда; он превращается в настоящий пай, реализовать который можно только продажей его другому лицу. Члены компании не только учатся соединять свои капиталы, чтобы увеличить свою хозяйственную мощь, с самого начала они вынуждены к самостоятельным политическим выступлениям, с самого начала они становятся на ту дорогу, которая привела их к созданию Ост-Индской «империи». Англичане явились в Индию не первыми; они застали там голландцев и португальцев. Торговля пряностями при удаче давала тогда сказочный барыш, и на досадных конкурентов взглянули очень недружелюбно. У английского правительства руки слишком коротки, чтобы поддержать таких дальних подданных. Силою вещей английский торгаш превращается на Дальнем Востоке в дипломата и воина. Ему приходится, не спрашиваясь начальства, вступать в переговоры с туземцами, вести вооруженную борьбу с соперниками. На Молукских островах англичанам случается драться с голландцами в такое время, когда английское правительство находится в дружественных

отношениях с нидерландскими штатами. В начале XVII в. англичане слабее голландцев в Ост-Индском архипелаге и не раз терпят неудачу в морских стычках, иногда вынуждены мириться с голландскими насилиями, например, с казнями англичан после раскрытия мнимого английского заговора в Амбоине, 1623 г. И все-таки эта колониальная борьба высвобождает представителей английского торгового капитала из-под правительственной опеки и, если не подрывает, то ослабляет в их глазах обаяние политического порядка, бессильного охранять национальные интересы за тесными пределами острова. К религиозным мотивам оппозиции у купечества присоединяются хозяйственные и патриотические. Любопытно, что правительство иногда даже в Европе перелагает на торговую компанию свои политические обязанности. «Турецкая» компания должна содержать на свой счет английских дипломатов в Турции, и только в 1803 г. правительство берет на себя эту обязанность.

Одним из последствий сосредоточения внешней торговли в руках торговых компаний было хозяйственное преобладание Лондона над провинцией. В компаниях лондонские купцы задавали тон и стягивали к себе торговые обороты. Провинциалы не исключались, но им не давали ходу. В Лондоне были правления главных компаний, из Лондона отправлялись и в Лондон приезжали заморские экспедиции, заправилы компании отдавали перевозку товара лондонским судовладельцам. В 1604 г. парламент жаловался, что в Лондоне таможенные пошлины дают казне около 110.000 ф. ст., между тем, как во всех остальных портах таможенный доход не составляет и 20.000 ф. ст. В связи с морским транспортом в Лондоне собираются некоторые важные отрасли индустрии, например, кораблестроение. Лондонцы дешевле получают сырье и легче сбывают фабрикат; оттого и, не связанные с транспортом, производства, развиваются в столице легче, чем в провинции. Лондон быстро растет и как промышленный центр. Видный государственный человек, Ро (Roe), зовет Англию 1641 г. телом с жирной головой и тощими членами. Сити обрастает людными пригородами; лондонцы живут грязно и скученно. Современников пугает пухнущая столица, а провинциальных купцов разоряет политика компаний. Между провинциальными и столичными купцами в XVII в. все время существует антагонизм. Уже в парламенте 1604 г. вносится предложение сделать торговлю открытой для всех. Особенно обиженными считали себя купцы западных портов. Они часто пробуют торговать на свой страх в местностях, закрепленных за компаниями, и не бояться клички контрабандистов. Силы крупных торговцев ослабляются внутренним соперничеством точно также, как силы дворянства.

———

М. Туган-Барановский.

148. Торговый капитал в Московской Руси.

При редкости населения и ничтожном количестве городов в Московской Руси, торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев деревенским кустарем) и потребителем. Торговец не мог не быть крупной фигурой в общественной и экономической жизни России старого времени. Уже

в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком. Ничего не может быть ошибочнее представления о Московской Руси, как о государстве исключительно земледельческом, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и, вообще, склонность русских к торговле.

Можно было бы привести сколько угодно цитат из иностранных писателей XVI и XVII веков, выражавших удивление перед энергичной торговой жизнью Москвы. Ограничусь отзывами двух путешественников, сочинения которых являются главным иностранным источником для изучения русской торговли времен Алексея Михайловича — де-Родеса и Кильбургера. Де-Родес, посетивший Москву в 1653 г., пишет: «Достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг, в чем удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь, от высшего до низшего, только и думают, только и стараются, как бы чем-либо нажиться... В этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных, вместе взятых». То же говорит и Кильбургер: «Все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; в Москве более лавок, чем в Амстердаме или даже целом ином государстве... Более всего замечательно и похвально в Москве то, что для каждого рода товаров, от самых лучших до худших, есть особые улицы и рынки. Торгующие шелком имеют свои особые ряды, равно как и продающие пряные коренья, лак, шапочники, оловянщики, медники, скорняки, сапожники и прочие».

Крупные торговцы (Гостиная и Суконная сотни и особенно «гости») являлись одним из самых влиятельных общественных элементов Московской Руси. Особенно усилилось политическое значение представителей крупного торгового капитала в эпоху Алексея Михайловича. «Новоторговый Устав», изданный, как указано в самом Уставе, «по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей», был ярким выражением влияния купеческого капитала на законодательную деятельность Московского государства.

Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. По словам Котошихина, торговые обороты гостей достигали от 20—100 тысяч рублей в год. Если принять в соображение ценность денег тогда и теперь, то эти обороты следует признать миллионными; отсюда можно заключить о степени концентрации торгового капитала в Москве задолго до Петровской эпохи. Каким экономическим и политическим влиянием пользовались гости, можно судить по следующей характеристике их, данной современником: «Гости неограниченно управляют торговлей во всем государстве. Это корыстолюбивое и вредное сословие... Во всех больших городах определяют они по одному, по два и по три человека из живущих там лучших купцов, которым, под видом царских факторов, дают привилегии гостей. По корыстолюбию своему стесняют они везде, большею частью, торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо, почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения, опасаться надобно, чтобы народ не сломил шеи всем гостям... Они беспрестанно стараются..., чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы».

Итак, в торговле крупный капитал играл очень большую роль уже в Московской Руси. Напротив, в промышленности неограниченно

царило мелкое производство. Если не считать некоторых единичных попыток устройства фабрик и заводов в XVI и XVII веках иностранцами и изредка богатыми боярами при поддержке правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсем не знала фабричного производства. Торговый капитализм у нас, как и в других странах, предшествовал промышленному капитализму.

Наш старинный капиталистический класс — купечество — не обнаруживал никакой наклонности захватить в свои руки производство. Купец предпочитал скупать, владея рынком, продукты труда мелкого производителя и держать последнего в полной зависимости от себя, не обращая его в наемного рабочего. И эта характерная особенность допетровского капитализма ярко выразилась в том, что московское купечество в XVI и XVII веках, упорно добивалось возможно более широкой свободы привоза иностранных товаров. «Новоторговый Устав» проникнут духом свободной торговли. Капиталист-торговец не стремился сделаться промышленником и предпочитал свободно покупать товар на самом дешевом рынке.

А. Дживелегов.

149. Зачатки капиталистического производства.

Расцвет фламандской суконной промышленности относится к XII в. В XIII в. один Иперн производил в год от 30.000 до 80.000 кусков сукна. Английской шерсти не хватало, приходилось вывозить из Наварры и Испании. Организация производства здесь, как и в Италии, а позднее и повсюду, была поставлена на капиталистическую ногу. Обычное цеховое устройство, которое было приспособлено к городскому рынку, совершенно не годилось, когда производство расширялось и имело в виду мировой рынок. Какой-нибудь булочник или кузнец — в одно и то же время и купец и ремесленник. Он прямо продает свое изделие покупателю. Наоборот, ткачи, валяльщики, стригали и красильщики суконных материй только в том случае могли удовлетворять спросу, если над ними стоял человек, который был хорошо знаком с состоянием рынка и мог успешно направлять работу. Таким образом, разбогатевший купец становился во главе предприятия, а ремесленники делались зависимыми от него. Он закупал оптом шерсть, раздавал работу, принимал готовый товар и направлял его туда, куда нужно. В Брюгге, Генте и Иперне такая организация сделалась обычной. За ремесленниками был учрежден строгий надзор, имеющий целью охранять репутацию производства. И, благодаря всему этому, Фландрия долго сохраняла за собою свои рынки.

В самой Италии искусство выделки сукон осталось еще в качестве наследия от римских времен, но в ранний период оно не имело большого экономического значения, ибо итальянская шерсть — очень низкого качества. Когда левантская торговля стала доставлять в изобилии дорогие краски, то вопрос о развитии суконной промышленности возник сам собою; но так как не было никакого расчета красить такими красками плохие сукна из итальянской шерсти, то шерсть стали привозить из Гарбо (в нынешней Португалии), Испании и Туниса. Качество этой шерсти было превосходно, и она уступала только английской. С начала XIII в. появилась в Италии и английская шерсть, что

вызвало оживленный обмен между Италией, Англией и Фландрией. Вывоз английской шерсти в Италию, однако, не сразу принял большие размеры. Только с третьей четверти XIII века он достигает крупных цифр в 1277—1278 г., например, из общего количества вывезенной шерсти 29,6% досталось на долю Италии.

Первыми пионерами суконно-ткацкого дела в Италии были монахи ордена гумилиатов, которые выучились своему искусству в Нидерландах. Оттуда была перенесена на юг валяльная мельница, там узнали монахи секреты выделки тонких сортов сукна. В течение XIII в. монастыри гумилиатов, а с ними и сукно-ткацкие мастерские, распространились сначала по Ломбардии, затем проникли и в соседние области: Венецию, Эимлию, Тоскану. Их усердно зазывали к себе из всех городов, и монахи охотно шли и делились своим искусством со всеми желающими.

Самым ранним из крупных центров шерстяной промышленности был Милан. Начало выработки там сукон в больших размерах должно быть отнесено к концу XII в. После оружия и боевых коней, сукна были главным предметом миланской торговли. Миланские сукна продавались не только в самой Италии и за Альпами, но в большом количестве шли на Восток, вплоть до отдаленных, находившихся в самом сердце Азии, татарских кочевий. Из других городов северной Италии наиболее цветущую шерстяную промышленность имели Монца, Мантуя и Пьяченца. Все эти города, однако, были оставлены далеко позади расцветом шерстяной промышленности во Флоренции. Другие тосканские города, как Пиза, Сиена, Пистойя, Лукка, также были крупными центрами шерстяного дела и вели оживленную торговлю, но во Флоренции суконная промышленность получила такую организацию, которая вскоре сделалась типичной.

Сукноткачество во Флоренции практиковалось с незапамятных времен; уже в IX в. этим занимались в монастырях; с середины XI в. в городе постепенно появляются валяльщики, красильщики и другие ремесленники шерстяного производства, а в начале XIII в. появляется специальный цех суконного производства (Лана). Но еще раньше, в 1182 г. впервые упоминается другой цех, тоже занятый суконным делом. В то время, как Лана фабриковал сукно с начала до конца, Калимала избрал другой путь. Высокая техника и дорогие красящие средства, которыми владели флорентинцы, давали им возможность скупать по дешевой цене заграничные полуфабрикаты и грубые сорта и подвергать их отделке и обработке у себя. Во Франции производилось много этих плохих сортов; Калимала скупал их целыми партиями, и в его мастерских их стригли, апретировали, красили; сукно получало совершенно другой вид и экспортировалось не только на Восток, но и назад во Францию. Закупка сукна партиями требовала, конечно, большого оборотного капитала; поэтому принцип мелкого ремесленного производства был совершенно неприменим в операциях Калималы; они, как во Фландрии, стали на капиталистическую ногу, и ремесленники мало-по-малу оказались в полном хозяйственном подчинении у заведующих предприятиями купцов. Калимала была своеобразной организацией; но и настоящая выделка сукна в Италии также приобретает капиталистический характер. Флорентийский Лана представляет очень типичный пример этого. Там ремесленник работал на предпринимателя, снабжавшего его сырьем и принимавшего от него готовое сукно. Произошло это потому, что крупному торговцу, имевшему возможность

покупать шерсть на месте в большом количестве, она обходилась гораздо дешевле, чем мелкому ремесленнику. А более раннее появление крупных капиталов в Италии является результатом всего экономического развития страны. За Альпами возможность появления крупных капиталов долго умели устранять путем мелочной регламентациии торговли и промышленности; в Италии торговля с Левантом, завязавшаяся сейчас же после первого Крестового похода, быстро реализовала результаты предшествовавшего обмена с Африкой и Сирией, быстро создала крупные капиталы. Конечно, в итальянских городах остались и мелкие ремесленники и мелкие торговцы — во Флоренции существовала особая корпорация купцов, торговавших в розницу итальянским (нефлорентинским) сукном, — но над ними появилась купеческая аристократия. В частности текстильное производство, по крайней мере во Флоренции, приняло уже в XIII в. типичную форму домашней промышленности, в которой ремесленники находятся в полной зависимости от купца-капиталиста. Организованное таким образом производство достигло очень больших размеров и работало, конечно, главным образом на вывоз. Современный историк рассказывает, что в 1308 г. в одном Лана было почти 300 сукноделательных предприятий и ежедневно во Флоренции производилось до 10.000 штук сукна. Но в это время город еще не пользовался тонкой английской шерстью. Через 30 лет, когда ее стали привозить, количество мастерских упало до 200, количество сукон до 70—80 тысяч, но ценность всего производимого сукна значительно возрасла. Что касается цеха Калималы, то в это время его 20 мастерских перерабатывают до 10.000 штук сукна, ценностью в 300.000 флоринов...

Во Франции мы также встречаемся с попытками покончить с чистой цеховой системою в шерстяном деле. В Париже, да и в других городах, из среды нескольких групп ремесленников, занимавшихся обработкою сукна, выделились валяльщики, которые проводили сукно через последние стадии производства, при чем или сами занимались стрижкою или от себя нанимали людей, которые стригли его. Когда отделка была закончена, те же валяльщики становились из ремесленников купцами и продавали сукно потребителям. Другие ремесленники, по самой технике дела, конечно, не могли продавать готового сукна.

В Германии расцвет шерстяной промышленности, создавший богатство немецкого бюргерства, так же, как и в Англии, относится к более позднему периоду. В XII—XIII веке мы наблюдаем только первые шаги...

В Германии производство сукна не удержится в рамках цеховой ремесленной системы, не знающей неравенства между различными группами ремесленников. Во Франкфурте-на-Майне, например, из равноправной массы цехов выделяются ткачи. Они сами покупают шерсть, дают ее вымыть и сбить своим слугам и затем направляют ее чесальщикам и прядильщикам, которые считаются членами цеха, но занимаются работою на дому. Красильщики, к которым затем переходит пряжа, — самостоятельные ремесленники, но они находятся всецело на службе у ткачей и не могут работать на нечленов цеха. Красильня принадлежит цеху, а краска, вайда, покупается самими ткачами. Валяльщики и стригали также являются уже наемными рабочими ткачей и их зависимость от последних настолько велика, что цех ткачей

устанавливает плату, которую валяльщики и стригали обязаны платить своим слугам. Само собою разумеется, что в руках ткачей находится всецело торговля выработанным во Франкфурте сукном.

М. Покровский.

150. Горное дело.

Первый пример капиталистической организации свободного труда в Европе дает такая отрасль промышленности, которая по самому своему назначению всего ближе к торговле и к деньгам: добыча металлов, серебра и меди. Разработка руды во многих местностях началась еще в древности; в средние века она продолжалась, — сначала, вероятно, с меньшей интенсивностью и притом самым первобытным способом. Право на рудные залежи принадлежало всей сельской общине, и каждый крестьянин имел право разрабатывать их на свой страх и риск, своими собственными средствами. Рудники IX—X веков представляли собою массу маленьких шахт, разбросанных без всякого порядка и очень неглубоких, так как в каждой из них работала только одна семья, — крестьян «старателей», как назвали бы их у нас на Урале или в Сибири. Так шло дело, пока не началось своего рода великое переселение народов, только в обратном направлении, — Крестовые походы. Мы видели, что они сразу создали спрос на монетный металл. В первое время они же помогали его удовлетворить; но принесенные с Востока драгоценные металлы очень скоро ушли туда обратно, как только, благодаря тем же походам, с этим Востоком началась правильная торговля. Чем могла заплатить Европа XIII—XIV в.в. за восточные пряности и предметы роскоши? Об изделиях европейских фабрик, наводняющих Восток теперь, тогда не было и помину. Грубых европейских фабрикатов того времени едва хватало для внутреннего рынка, да и они не удовлетворили бы более изысканных требований старого культурного Востока. С индийскими и египетскими купцами приходилось расплачиваться драгоценными металлами, — особенно серебром, и тогда, как теперь, более всего ценимым на Востоке. Насколько важно было для восточной торговли обладание драгоценным металлом видно из того, что центрами этой торговли становились города, крайне неудобно расположенные географически, вроде Гослара в Гарце, только потому, что около них были серебряные рудники. Началась усиленная разработка руды; были затронуты такие рудоносные жилы, которые без того вовсе не увидали бы света, потому что лежали слишком глубоко, и обработка их была не под силу «старателям»; эксплуатировались даже такие месторождения, которые заброшены теперь, по совершенной их невыгодности. Старый рудокоп-кустарь уже не удовлетворял новым требованиям и должен был уступить место большим, сложно организованным предприятиям. Право общинной собственности на руду быстро было подменено государственною собственностью, а государственная власть поспешила сделать с новым своим правом то, что она привыкла делать со многими старыми: отдала его на откуп. Кто явился в роли откупщика, угадать не трудно; уже одни имена, стоящие во главе списка новых владельцев рудокопных предприятий, говорят достаточно красноречиво. В Германии мы встречаем здесь Фуггеров, во Франции Жака Кера, самого

знаменитого из французских купцов XV века. Рудным делом завладел тот же торговый капитал, который сначала и вызвал спрос на руду. А прежний его хозяин, крестьянин-общинник, превратился в наемного рабочего. От общины остались только пережитки в горном праве некоторых местностей. В Германии, например, чистый доход от рудника делился иногда на большое число (до 100 и более) равных «кусков» (Kuxen от чешского Kus), каждый из которых имел особого хозяина: по своему историческому происхождению это были идеальные доли членов общины, но они принадлежали теперь не местным крестьянам, а совершенно посторонним людям, иногда жившим за сто верст от рудника и принадлежавшим большею частью к городскому классу. «Куски» продавались, как и всякая иная собственность, и цена их, в зависимости от богатства рудника, доходила до 1.000 талеров. В сущности, это были паи крупного капиталистического предприятия; общинное землевладение, самым неожиданным для себя образом, послужило основой акционерного товарищества.

Саксонский горный устав XVI века насчитывает более десятка должностей, административных и технических, связанных с рудным делом. В числе их, рядом со служащими по бухгалтерской части, мы находим и настоящих инженеров, в современном смысле слова, людей, орудующих «циркулем и квадрантом», способных проектировать очень сложные, в глазах современников почти чудесные сооружения для выкачивания воды из шахт, вентиляции последних и т. д. Шахты были так обширны, что рудокопам приходилось прибегать к компасу для ориентировки; спуск и под'ем рабочих производился, повидимому, при помощи машин, движимых водяною силою или лошадьми; при работах применялся порох. Появился спрос на технически подготовленных людей; до нас дошли любопытные проповеди лютеранского пастора одного из горных округов Германии, сказанные им в 60-х годах того же века. Он настоятельно советует своим прихожанам заботиться, чтобы в школах наравне с законом божиим, находила себе место и математика, и умение «обращаться с трех- и четырехугольниками» и технические знания; такой труд теперь может высоко оплачиваться — и не одними деньгами: в назидание своим слушателям пастор рассказывал, как ценил «художников» и как вежливо с ними обходился сам император Максимилиан. Из подробностей рассказа видно, что под «художниками» разумелись именно инженеры в нашем смысле слова. Первые проекты технологических институтов были, таким образом, современниками реформации.

В средневековом цеховом ремесленнике об'единились, до некоторой степени, два элемента, необходимые в промышленности,—профессиональное умение и рабочие руки. В нашей современной крупной индустрии то и другое разделилось между двумя классами работников: небольшой главный штаб руководителей предприятия, работающих головой, предполагает целую армию простых рядовых рабочих, исполняющих, не рассуждая, приказания первых. Промышленная армия связана дисциплиной не хуже настоящей, военной армии: современная фабрика не уступит, в этом отношении, полку или военному кораблю. Один документ, идущий на этот раз из Франции, и еще столетием старше предыдущих, дает нам первый образчик такой тщательной и непреклонной регламентации труда массы рабочих. Свинцовые, серебряные и медные рудники упомянутого выше Жака Кера после его опалы были конфискованы и перешли в казенное управление (в 1455 г.).

Чиновники, заведыванию которых они были поручены, нашли полезным составить письменную инструкцию для рабочего персонала предприятия, — на основании местных обычаев, так что мы имеем в ней порядки, заведенные еще Жаком Кером. Мы узнаем из нее, что все рабочие рудокопы были разделены на смены, каждая из которых работала определенное число часов. В определенный час все рабочие соответствующей смены должны собраться у входа в шахту, взять у особого сторожа свечи, с которыми они работали под землей, и все вместе, по данной команде, спуститься в рудник. Кто опаздывал хотя бы на минуту, не получал свечи, не допускался в рудник и наказывался вычетом одного дня из заработной платы. Смена, находившаяся в шахте, не смела тронуться с места, пока не приходила новая. Кто осмеливался оставить работу раньше конца смены, наказывался в первый раз вычетом из жалованья за день, во второй раз — за 2 дня, в третий, кроме того, штрафом в 10 су. Если кто не мог продолжать работы вследствие болезни или полученного на работе увечья, должен был предупредить всю смену и сторожа при свечах. Инструменты давались рабочему администрацией рудника и он отвечал за их целость.

Само собою напрашивается вопрос: как относится положение рабочих в капиталистической промышленности средних веков к их положению в мелких мастерских, где, как мы видели, тоже образовался пролетариат своего рода в лице подмастерьев? Сравнение выпадает безусловно в пользу крупных предприятий. Длина смены в рудниках равнялась 6,7, иногда даже 5 часам: так как рудокопы были свободны по субботам, когда они закупали себе все нужное на целую неделю, то работа занимала у них 30—40 часов в неделю. Правда, работа в шахтах особенно тяжела: но вряд ли пробыть 7 часов в руднике было тяжелее, чем проработать 17 часов в мастерской парижского перчаточника. Ночная работа (от 8 час. вечера до 3 утра) допускалась только в виде очень редкого исключения; никого нельзя было заставить проработать подряд 2 смены. О размерах денежной платы в Германии у нас нет точных сведений; но тот факт, что каждый вновь открытый рудник привлекал массу народа, обедневших крестьян и даже купцов, надеявшихся здесь поправить свои дела, говорят в пользу ее относительной высоты. В рудниках Ж. Кера господствовали еще патриархальные обычаи, и рабочие были на хозяйских харчах; покупать с'естные припасы на стороне им прямо запрещалось: если судить по цифрам, приводимым инструкцией, в этом не было и надобности. Здесь фигурирует почти чистый пшеничный хлеб, говядина, баранина, свинина, сыр, яйца и вино в таких количествах, что если только инструкция не была мертвою буквой — рабочие должны были быть сыты. Администрация рудников держала даже на свой счет врача и заботилась о содержании шахты в удовлетворительном санитарном состоянии.

А. Тюменев.

151. Торговый капитал, как организатор производства и возникновение мануфактуры.

Чем шире и неопределеннее в то же время становится рынок, тем затруднительнее для мелкого производителя непосредственный сбыт его изделий на рынке, тем более порывается его связь с рынком.

А между тем немедленная продажа изделий является для него вопросом жизни, так как только такая продажа дает ему необходимые средства, как для поддержания существования, так и для продолжения производства.

Посредничество скупщика становится таким образом все более неизбежным и необходимым. Такое посредничество покупается, однако, дорогой ценой. Ремесленнику-производителю приходится довольствоваться самой низкой платой, едва дающей ему возможность поддерживать существование и продолжать производство. Приобретение сырья и продажа изделий, начальный и конечный моменты в деятельности производителя, таким образом, ускользают из его рук. Двойные узы связывают его теперь с капиталистом-скупщиком и ставят его в зависимость от торгового капитала.

Завершением этого процесса и является первая форма капиталистической организации — так называемая домашняя промышленность, при которой кустарь получает сырье из раздаточной конторы и туда же должен представлять по определенной расценке готовые изделия. Здесь имеются на-лицо в зародыше, с одной стороны, капиталист-предприниматель, исходящий в своих расчетах уже не из цены готовых изделий, как торговец прежнего времени, а из общей суммы издержек производства, с другой — кустарь, все более превращающийся в наемного рабочего, работающего на определенную плату.

Домашняя промышленность развивается, как уже было сказано, преимущественно, в сельских местностях, где торговый капитал не встречает того сопротивления, как в городе, и где, благодаря, этому, перед ним открывается возможность самой широкой, почти беспрепятственной эксплуатации труда кустарей. В пригородных местностях такая эксплуатация получает более организованные формы с распределением материала из раздаточных контор. В более удаленных от города местностях торговый капитал выступает по преимуществу в виде скупщического капитала, при чем в качестве посредников при скупке кустарных изделий являются и местные и более зажиточные крестьяне-кулаки или мелкие скупщики, раз'езжающие по деревням. В лице последних торговый капитал проникает в наиболее отдаленные и захолустные уголки деревни. Такое мелкое скупщичество особенно распространено в России, обширность расстояний которой препятствует установлению непосредственных сношений между сельскими кустарями и крупными предпринимателями.

Менее полным оказывается торжество торгового капитала в городе. Городской ремесленник, как уже было сказано, был более обеспечен, чувствовал себя самостоятельным мастером, наконец, находил себе опору в цеховых организациях. Цехи упорно отстаивали именно те пункты своих уставов, которыми исключалось всякое посредничество и всякая продажа изделий нечленами цеха. В конце концов, однако, скупщический капитал восторжествовал и в городе, хотя и не в столь полной мере, как в деревне. Первые скупщики вышли, как мы знаем, из среды самих ремесленников, в особенности в тех отраслях производства, где продукт проходил до своего окончательного изготовления через руки ремесленников нескольких цехов. Мастера, придававшие изделиям заключительный вид и сбывавшие их после этого на рынке, уже по этому самому оказывались в положении настоящих скупщиков. Развитие скупщичества внутри самих цехов в конце концов облегчало доступ в цехи и для профессиональных скупщиков-

капиталистов. В некоторых отраслях промышленности (в шелкоткацкой, золотошвейной, ленточной, позументной, бархатной промышленности), где доставка сырья производилась при посредстве торгового скупщического капитала, в руках его владельцев, по большей части, находился и сбыт готовых изделий.

С другой стороны, в городах все чаще появляются ремесленники, стоявшие вне цехов и потому легче подпадавшие зависимости от торгового капитала. К числу таких ремесленников принадлежали, например, подмастерья, для которых закрыт был доступ к званию мастера, затем «привилегированные» мастера, получившие от королевской или местной городской власти за известную плату разрешение заниматься ремеслом, не будучи цеховыми мастерами, иностранцы, в особенности, гугеноты, изгнанные с родины, выходцы из окрестных деревень, женщины-работницы, для которых занятие ремеслом также обычно воспрещалось цеховыми уставами. В конце концов, число таких нецеховых ремесленников даже превысило число мастеров, входивших в цехи. Во Франции в больших промышленных центрах целые предместья, как, например, Тампль и С.-Антуан в Париже, заселены были представителями такого «незаконного» труда. В этой-то массе неорганизованных нецеховых ремесленников капитал и находил прежде всего благоприятную почву для насаждения и в городе зависимой от него домашней промышленности.

Уже домашняя промышленность представляет собою переходную форму от ремесла к крупному капиталистическому предприятию. Кустарь работает у себя на дому, но он уже несамостоятелен; он находится в зависимых отношениях к капиталисту, от которого получает сырой материал. Капиталист организует не только снабжение кустарей сырьем, но и сбыт готовых изделий. Все изделия проходят через его руки или через руки его агентов, при чем изделия, неудовлетворяющие известным требованиям, бракуются. Таким образом, и самое производство подчиняется контролю предпринимателя. Остается об'единить разрозненных кустарей в одном помещении для того, чтобы процесс образования крупного капиталистического предприятия завершился.

Первоначально такое об'единение не сопровождается даже какими-либо заметными переменами в способах и технике производства. Труд остается ручным. Самое название первой формы собственно-капиталистического предприятия — мануфактура происходит от латинских слов — рука и сделанный и означает, следовательно, «рукоделье». Развитие мануфактуры может совершаться двумя путями. С одной стороны, мануфактура об'единяет ремесленников различных специальностей, последовательно работающих над одним и тем же изделием. Так, например, в изготовлении экипажей участвуют каретники, шорники, слесаря, токаря, обойщики, стекольщики, маляры, лакировщики; в изготовлении холодного оружия — кузнецы, закаливальщики, шлифовщики, мастера, изготовляющие отдельные части и, наконец, сборщики. В других случаях, напротив, в мануфактурном предприятии соединялись рабочие одной и той же специальности. Таковы были часовые, игольные, бумажные мануфактуры. Первоначально это было, таким образом, просто сотрудничество, простая кооперация, и только постепенно, по мере того, как обнаруживались выгоды разделения труда, процесс производства распадался на отдельные части, поручавшиеся специальным рабочим.

Мануфактуры, таким образом, могут возникать одинаково, как путем соединения разнородных рабочих, так и путем последующего разделения труда между первоначально однородными ремесленниками, выполнявшими весь процесс от начала до конца.

Р. Виппер.

152. Меркантилизм.

Всемирная торговля, развившаяся в XVI в., произвела переворот в хозяйстве европейских стран. До этого времени лишь немногие местности, Фландрия, северная Италия, работали на сбыт. Хозяева старались обеспечить себе предметы первой необходимости по возможности на месте. Заботой о привозе и вывозе товаров занято было не правительство страны, а местные власти, больше всего городские управления. Иначе стало дело, когда развился широкий обмен между европейскими странами, когда возникла особая торговая нация голландцев. Явилась возможность сбывать в большем количестве на отдаленные рынки и фабрикаты, и сырые продукты, и предметы питания: польский хлеб везли в Испанию, венецианские кружева и зеркала — в Англию и т. д. Мелкие городские власти не могли руководить таким движением товаров; это способна была сделать только государственная власть крупных держав, сложившихся к началу Нового времени.

Правительства больших стран сами стали крупнейшими предпринимателями: они нуждались в капитале для своих больших оборотов, т.-е. походов, найма войска, постройки крепостей, содержания подчиненных чиновников и т. д. Поэтому они начинают увеличивать налоги, взимаемые с промышленников и купцов, которые больше всего могли привлечь денег в страну. Вместе с тем, они принимаются обогащать эти полезнейшие для казны классы, помогать торговле и производству.

Впервые настойчиво стало вмешиваться в хозяйственные дела правительство Англии. Со времени королевы Елизаветы оно издавало законы для развития национальной торговли. Кромвель запретил вывоз сырой шерсти и допустил беспошлинный ввоз чужой шерсти, чтобы удержать низкие цены на продукт и этим доставить выгоду мануфактуристам. Во Франции, начиная с Генриха IV и Ришелье, королевское правительство занято заботой о руководстве торговлей. Рассуждая о способах развития промышленности, правители приходят неизменно к такой мысли: чем больше страна получает чистой выгоды от продажи своих произведений, тем богаче она, тем удачнее ее баланс («колебание весов»); выгодно, чтобы в стране было много денег, чтобы она была способна покупать товары и снабжать себя всем необходимым; цель этого наилучше может быть достигнута при наибольшем вывозе своих обработанных произведений и наименьшем ввозе чужих.

Эта система понятий получила потом название меркантилизма. Самым ярким ее выразителем во второй половине XVII в. был Кольбер, главный министр Людовика XIV (1638—1715), вступивший в управление делами после смерти Мазарини (1661)...

Со времени Вестфальского мира 1648 г. Франция была самым сильным государством в Европе, превосходя плотностью населения все другие страны. В это время стала подниматься французская инду-

стрия, особенно среди просвещенного и предприимчивого гугенотского населения. Кольбер, занявши должность генерального контролера (т.-е. министра финансов, торговли, мануфактуры и внутренних дел), направил главное внимание свое на поддержку обрабатывающей промышленности. Целым рядом распоряжений он оградил ее от иноземной конкуренции; особенно важен был составленный им в 1667 г. тариф, т.-е. список пошлин на ввозные фабрикаты; эти пошлины были так высоки, что ввозить большую часть товаров стало невыгодно и невозможно; в свою очередь, французские производители могли поднимать цены на свои произведения без опасения, что их выбьют с рынка иностранцы.

Кольбер оказывал новым предпринимателям всяческую поддержку: предоставлял большим заведениям особые преимущества в торговле, выдавал денежные авансы и т. п. Фабриканту, приобревшему право поместить на заведении королевский герб и название «королевская мануфактура», правительство доставляло нередко рабочих: например, передавая одному купцу привилегию на исключительную выделку вязаных чулок, Кольбер обязал городских голов и деревенских старост данной округи доставить ему подходящие помещения для мастерских и пригнать на дело безработных мужчин, женщин и детей с 10 лет. Для понижения трат на провоз товаров Кольбер устроил крупные шоссейные пути и провел большой Лангедокский канал, соединивший бассейн Средиземного моря и Бискайского залива.

Особенно поддерживал Кольбер мануфактуры предметов роскоши, потребителями которых были высшие классы, огромное, все возраставшее население столицы, Парижа, и многочисленный двор Людовика XIV в его резиденции Версали. Так создалась большая шелковая мануфактура Лиона, занимавшая к концу управления Кольбера 13.000 станков. В отеле гобеленов (т.-е. мануфактура вышитых ковров и обоев) он соединил живописцев, скульпторов, ювелиров и токарей под руководством художника Лебрена для приготовления предметов, служивших меблировке и декорации дворцов. Выпиской мастеров из-за границы Кольбер старался привить во Франции производство кружев и зеркал по венецианскому образцу, чулок—по английскому, сукон—по голландскому, жестяных и медных вещей — по германскому.

Оказывая всякую поддержку новым отраслям индустрии, правительство с крайней мелочностью и деспотизмом вмешивалось в ход фабричного дела: особыми ордонансами было предписано, какой длины должна быть материя, какой тонкости нить, какой окраски ткань и т. д. За нарушение правил грозили тяжкие наказания, вплоть до смертной казни. Кольбер был убежден, что без этих «костылей» промышленники не научатся сами ходить. Поэтому он рекомендовал интендантам, своим подчиненным, «строго следить за купцами, которые никогда не хлопочут о благе общем, только бы им добиться небольшой частной выгоды». Во многих отраслях производства стала изменяться сама обстановка жизни рабочих. Они уже не могли оставаться в избах, где работали раньше со своими семьями, а переселялись в большие казарменные мастерские. Кольбер установил строгий надзор и за жизнью рабочих. Малейшая попытка со стороны рабочего уклониться от принятых условий преследовалась полицией со всей строгостью.

Когда король отправлялся к границе, например, во время войны, по обыкновению с большой свитой, по неожиданному маршруту, Коль-

бер приказывал сгонять тысячи крестьян, чтобы для новой королевской дороги ровнять овраги, перебрасывать мосты, ломать изгороди и т. д. Если нужны были в большом количестве гребцы для королевского флота, выходило повеление, чтобы суды наказывали все проступки каторгой на галерах, где осужденные должны были проводить многие годы, иногда всю жизнь, прикованные железными цепями к скамьям, в тяжелой, часто ночной, работе, под нагайкой надсмотрщика, полуголые, на плохой пище и без отдыха.

Кольбер старался также усилить французскую морскую торговлю. Огромные деньги он истратил на постройку и улучшение гаваней, затем основал несколько больших компаний: вест-индскую, ост-индскую, восточную, северную, которым переданы были монополии на большие районы. Правительство задумало обширные колонизационные планы в Северной Америке, на Вест-Индских островах, на Мадагаскаре. Еще до Кольбера французы основали несколько поселений в Канаде, на север от страны Великих Озер, и по реке св. Лаврентия. Кольбер возымел план утвердиться на устьях Миссисипи у Мексиканского залива, чтобы забрать в руки французов торговлю в Новой Испании, т.-е. Мексике; одни из французских офицеров и исследователей поднимались по Миссисипи до ее истоков, другие обратно, спускались от Великих Озер к устью громадной реки, область которого назвали Луизианой по имени короля; решено было также занять всю длинную линию речного пути между северными и южными владениями в Америке.

———

И. Кулишер.

153. Государственные мероприятия для развития торговли.

В XV—XVII ст. образовалось разделение труда между различными местностями; многие из них выработали себе особые специальности, в противоположность средневековому хозяйству, проникнутому принципом, что все промышленные изделия должны изготовляться в самом городе. Если того или другого промысла не оказывалось в городе, туда — в средние века— вызывали ремесленников, занимавшихся этим промыслом, например, фламандских красильщиков в различные немецкие города: в город привозились сами мастера, а не их произведения. Лишь в тех случаях, когда последнее оказывалось невозможным, когда города, обладавшие монополией в данной отрасли производства, запрещали ремесленникам этой специальности переселяться в другие города и зорко следили за ними, — тогда приходилось допускать ввоз тех или других промышленных изделий. Поэтому-то мы так редко встречаем фабрикаты среди товаров, сложенных в торговых подворьях, и если купец привозил таковые, то они были обыкновенно произведены в далеких странах Востока.

В XVI—XVIII ст. этого принципа придерживались не города, а государства. Запретительными пошлинами и даже запрещениями ввоза каждое государство старалось оградить себя от иностранных промышленных изделий, что ему, впрочем, вследствие обширной и хорошо организованной контрабанды, удавалось далеко не всегда. В Англии, где уже в XV веке устанавливается свобода обмена внутри государства, мы в том же XV веке находим и ясно выраженный тамо-

женный протекционизм, проводимый государством, находим запрещение ввоза в страну сукна, железа, шелковых материй и целого ряда других промышленных изделий; в 1660 году эти запрещения заменяются высокими, почти запретительными пошлинами. Во Франции устранение внутренних преград происходит гораздо медленнее, и с такою же постепенностью проводится и запретительная система. В Пруссии в 1581 г. воспрещено употребление иностранного сукна, запрещение, которое, в последующие десятилетия повторяется несколько раз; в 1654 г. к нему присоединяется запрещение ввоза изделий из меди и олова, в 1666 г. — железных товаров, в 1658 г. — стекла.

Отсутствовавшие отрасли промышленности государство старалось пересадить к себе из других стран, привлекая различными льготами иностранных мастеров; производство шелковых, бархатных материй, бумажных тканей, кружев, зеркал, табачных изделий, все европейские государства стараются ввести у себя в XVII—XVIII ст. Словом, государство придерживается теперь той же политики, какая раньше проводилась в городе — политики протекционизма, политики отделения от других государств; самодовлеющий город должен превратиться в самодовлеющее государство. Зато в отношениях между отдельными городами, отдельными частями того же государства, произошла важная перемена. Эта перемена, совершившаяся во второй половине XV и в XVI веке, на первый взгляд не была значительна, ибо первоначально она состояла лишь в том, что торговец привозил товары того же рода, но только другого сорта. Он привозил товары лучшего качества, более тонкие и более изящные ткани, более искусно сделанные, новые металлические изделия. Такими товарами, которые производились и в самом городе, он первоначально еще не торговал; лишь впоследствии и они явились предметом торгового обмена. Но и эта перемена имела большое значение, и она была в состоянии произвести переворот в господствовавшей системе хозяйства, ибо новые продукты лучшего качества вытесняли прежние, более простые сорта, удовлетворяя более тонкому вкусу периода Возрождения, который пред'являл теперь совершенно иные требования к предметам домашнего обихода, платью, мебели, утвари.

Политика, направленная к усилению конкуренции внутри страны, к введению большей свободы в торговом обмене в пределах государства, продолжается в XVII и XVIII в.в.....

Таможенные реформы, хотя и значительно облегчавшие передвижение товаров, не могли бы все-таки вызвать столь сильного оживления в торговом обмене, какое мы наблюдаем в рассматриваемую эпоху, если бы они не сопровождались целым рядом других мер, содействовавших развитию торговли внутри страны... Сюда относится законодательство в области торгового, вексельного и морского права; далее, появление банков — Амстердамского, Гамбургского, Английского и возникновение системы банковых переводов; наконец, устройство бирж, учреждение почты для перевозки людей и пересылки товаров и писем. Вследствие этого изменились способы и формы обмена. Появились зачатки вексельного и фондового рынка. Уже в XVI и XVII ст. сумма, оплачиваемая путем перевода по книгам и посредством векселей, составляла миллионы. Денежные и вексельные обороты на ярмарке в Пиаченце оценивались в начале XVII ст. в 16 милл. дукатов, а обороты фондового рынка в Антверпене достигали 40 милл. По словам Юстуса Мозера, писавшего в XVIII веке, учреждение почты имело

огромные последствия, совершенно изменило жизнь во многих отношениях. Когда купцы увидели, — говорит Бейст в XVII веке, — что за небольшую плату они могут узнать вексельный курс и цены товаров посредством почты, без того, чтобы ездить в Антверпен, на почте стало скопляться огромное количество писем. Торговые обороты значительно возросли: английская внешняя торговля увеличилась с 7 милл. ф. ст. в 1697 г. до 16,3 милл. в 1730 г. и 29,3 милл. в 1770 г.; обороты французской торговли равнялись в 1715 году 176½ милл. фр. (в том числе промышленных изделий на 71 милл. фр.), вывоз французских фабрикатов в другие европейские страны возрос в период 1715—1787 г. с 45 до 133 милл. франков.

Но едва ли не наибольшее значение для расширения торговли промышленными изделиями имели мероприятия, предпринимаемые ради облегчения перевозки товаров. Посредством увеличения судоходности рек с одной стороны, и сооружения соединительных каналов с другой, оказалось возможным перевозить товары на значительные расстояния, пользуясь исключительно водным путем, который и в XVI—XVIII ст., как и в средние века, предпочитали транспорту сушей. Во Франции, в особенности при Кольбере, реки, по которым судоходство было до того времени невозможно, были сделаны судоходными; посредством же соединения бассейнов рек между собою были созданы обширные водные пути от Средиземного моря и Атлантического океана (каналы: Бриарский, Лангедокский, Орлеанский). Протяжение французских каналов равнялось в 1600 году 156 *км*, в 1700 г. — 678 *км* и в 1800 г. — 1.004 *км*. Большое значение водным путям сообщения придавали также Великий Курфюрст и Фридрих Великий, Карл VI и Мария-Терезия. В 1687 году Пруссия имела 529,70 *км* искусственных водных сооружений, а в 1787 г. — 1271,60 *км*; за столетие сеть их расширилась, следовательно, на 741,90 *км*, т.-е. увеличилась почти в 2½ раза. В Англии устройство каналов относится лишь к концу XVIII века, так что они имели значение для фабрично-заводской индустрии XIX века, но не для промышленности предыдущих столетий. Но уже в первые десятилетия XVIII века многие реки искусственным путем были превращены в судоходные, таковы, например, Айрвель, Мерсей и Вивер, в особенности же р. Айр и Кельдер, которые сделаны судоходными по требованию заинтересованных в этом суконщиков Лидса и Галифакса (центры суконной промышленности).

Одновременно с этим, как в Германии в XVII ст., так и в особенности во Франции уже с половины XVI ст. появляются более широкие и более удобные, в некоторых случаях даже вымощенные, дороги, строятся более прочные мосты; а затем, под влиянием возникновения почтовых сообщений, прокладываются шоссе и каменные мосты; в XVIII веке шоссейные дороги все более и более входят в употребление. В конце XVII века Франция затрачивала на мосты и дороги в среднем 1½ милл. фр. ежегодно (на современные деньги), при Людовике XV — 4—5 милл. фр.; в конце XVIII века она имела 25 тыс. *км* больших дорог. В Англии во второй половине XVII века проведена сеть дорог, ведущих по направлению к Лондону; сообщение Лондона с различными частями королевства весьма облегчилось. Крайне важным в смысле оживления торговли являлось то обстоятельство, что почта перевозила не только людей и письма, но и товары. Это имело значение преимущественно для более ценных и менее громоздких товаров, для фабрикатов и для промышленности это ново-

введение играло большую роль в смысле расширения рынка сбыта: перевозка промышленных изделий значительно облегчилась и ускорилась. В то время, как в конце средних веков успевали проехать в среднем не более 5 миль в день, редко 6—7 миль, в Англии в конце XVII века скорость не очень громоздких товаров равнялась 7—8 милям в день, а в Германии 9—10 милям, при перемене лошадей; даже по сравнению с XVI веком, в XVII ст. скорость перевозки значительно возросла, так что совершенно справедливо утверждали, что «дешево и скоро перевозят товары с одного места до другого». Рассказывают, что в Антверпен уже в 1550 г. в'езжало еженедельно по 2.000 возов, а в XVIII в. во всех центральных пунктах появились многочисленные постоялые дворы, содержавшие лошадей; периодически раз или два в неделю двигались целые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара. На улучшенных дорогах лошадь была в состоянии везти 1.000 и более килограммов; особенно были хороши дороги во Франции, Артур Юнг прямо приходит в восхищение от них. В Германии они были значительно хуже. Тем не менее, почта ходила по ним свободно; из Гамбурга раз и даже два раза в неделю она отправлялась в 57 важнейших торговых городов. Возникла комиссионная торговля, покупка на пробу, купец не должен был более сопровождать свои товары, появились даже зачатки спекуляционной торговли.

———

Р. Виппер.

154. Возникновение новых общественных классов.

Кольберовская политика содействовала образованию двух новых классов, крупных предпринимателей и рабочих, стоявших вне старых корпораций и цехов: собственники фабрик, директора заведений, крупные сбытчики не записывались в цехи, оставаясь привилегированными «королевскими» мануфактуристами. Они располагали большею частью также и рабочими, которые не были приняты в корпорации и жили в предместьях и деревнях; для того, чтобы быть принятым в новое дело, не требовалось прохождения ученичества и получения диплома, между тем как эти условия были обязательны для цеховых рабочих. Они уже не могли оставаться в избах, где работали раньше со своими семьями, а переселялись в большие казармообразные здания. Например, в северной Франции, под покровительством Кольбера один выходец из Голландии образовал огромную мануфактуру тонких сукон на 6.500 рабочих.

Но порядок подчинения рабочих и надзора за ними в заведении остался тот же, что прежде, или даже стал строже в королевской мануфактуре. Малейшая попытка со стороны рабочего уклониться от раз принятых условий преследовалась полицией со всею строгостью. Всякое нарушение фабричной дисциплины рассматривалось как преступление против общественной безопасности, и вызывало строжайшие наказания со стороны полицейских судей, которым были подчинены рабочие мануфактуры. На большой фабрике золототканных материй в Сен-Море под Парижем ткачи работали непрерывно, не выходя из своего помещения; все, что им нужно было, приносили их помощники, которые чистили и топили помещение на общий счет всех работаю-

щих, даже ходить по своей камере было запрещено, также развлекать друг друга какими-либо разговорами и рассказами; малейшая потеря материала или орудия строго наказывалась, как воровство. Каждую субботу рабочий должен был платить за харчи своему содержателю, иначе тот мог захватить его мебель и платье. Рабочий принимал присягу, что верно сохранит всякую фабричную тайну, о какой узнает, будет хорошо вести себя внутри и вне мануфактуры, по праздникам будет ходить к обедне, искать только пристойных развлечений — строжайше воспрещались пирушки компаньонств, т.-е. рабочих товариществ — и в 10 часов всегда являться домой.

Обеспечивая предпринимателям послушных рабочих, правительство вообще считало низшие классы обязанными к различным принудительным работам. Когда король отправлялся к границе, например, во время войны, по обыкновению с огромной свитой, по неожиданному маршруту, Кольбер приказывал сгонять тысячи крестьян, чтобы для новой королевской дороги равнять овраги, перебрасывать мосты, ломать изгороди и т. д. Если нужны были в большом количестве гребцы для королевского флота, выходило повеление, чтобы суды наказывали все проступки каторгой на галерах, где осужденные должны были проводить несколько лет или даже всю жизнь, прикованные железными цепями к скамьям, в тяжелой, часто ночной работе под нагайкой надсмотрщика, полуголые, на плохой пище и без отдыха.

———

М. Туган-Барановский.

155. Возникновение мануфактуры в России.

Крупное производство у нас развивалось в очень своеобразных условиях, весьма отличных от западно-европейских. История нашей крупной промышленности начинается с Петра Великого, которому удалось насадить у нас мануфактуру путем разного рода мер поощрения и понуждения. К концу царствования Петра в России насчитывалось уже 233 мануфактуры.

Многие мануфактуры петровской эпохи были очень крупными; так, например, на шелковой мануфактуре Евреиновых было около полуторы тысячи рабочих, на казенной парусной мануфактуре в Москве было 1.162 рабочих, на полотняной мануфактуре Тамеса — 841 раб., на суконной мануфактуре Микляева в Казани — 742 рабочих и т. д. Таких крупных мануфактур не было в Западной Европе, вероятно, даже значительно позже. Вообще, страной, где крупное промышленное производство получило в XVIII веке наибольшее развитие, можно считать, как это ни расходится с обычными взглядами, именно Россию.

Петр принимал разнообразные меры для насаждения у нас крупной промышленности. Меры эти заключались в установлении высоких пошлин на заграничные товары, в разрешении беспошлинного привоза из-за границы сырья и инструментов для мануфактур, в выписке для мануфактур на казенный счет искусных мастеров из-за границы, в освобождении мануфактуристов от различных повинностей и т. д. Но все это более или менее практиковалось и на Западе. Однако, там крупное производство не получило такого распространения, как в России, хотя по своему промышленному развитию Россия стояла далеко позади Запада.

Этот, на первый взгляд непонятный, факт об'ясняется следующим образом. И в России, и на Западе только крайняя необходимость могла побудить свободного рабочего пойти на мануфактуру.

На Западе это воспрепятствовало росту крупного производства вплоть до эпохи машин; у нас же дело решилось иначе. Петр стал просто приписывать рабочих к мануфактурам и заводам сотнями и тысячами, и таким образом, у нас создалась мануфактура, основанная на принудительном труде. Этим способом мануфактуры были снабжены рабочими руками. Что же касается до владельцев мануфактур петровской эпохи, то большей частью они принадлежали к капиталистам, созданным торговым развитием Московского княжества. Иностранцы и дворяне составляли ничтожную часть крупных промышленников петровской эпохи.

Класс наших крупных торговых капиталистов, обороты которых достигали, в переводе на современные деньги, миллионов рублей, и был тем социальным базисом, на котором утвердилась русская промышленность. Было бы большой ошибкой думать, что петровская промышленность всецело основывалась на казенных субсидиях. Правительство само очень нуждалось в деньгах и не могло оказывать большой помощи промышленникам денежными ссудами — всего таких ссуд было сделано казной приблизительно на 100 тыс. рублей, тогда как многие мануфактуры требовали огромных капиталов. Таким образом, наша мануфактура возникла на почве, подготовленной предшествовавшим развитием России.

Мануфактуры эти получили рабочие руки частью путем приписки к ним казенных крестьян, частью путем распространения на купцов права покупки к своим мануфактурам помещичьих крестьян. Приписанные рабочие, а равно купленные к мануфактурам лицами, не имевшими права владения крепостными крестьянами, образовали особый класс рабочих, названных впоследствии поссессионными. Мануфактура с поссессионными рабочими была господствующим типом нашего крупного промышленного производства в течение XVIII века. Поссессионные рабочие считались нераздельным целым с мануфактурой и не были в полном распоряжении владельца, который не имел права, без разрешения правительства, изменять характер производства, обязан был давать работу своим рабочим и подчинялся в отношениях с ними контролю правительства.

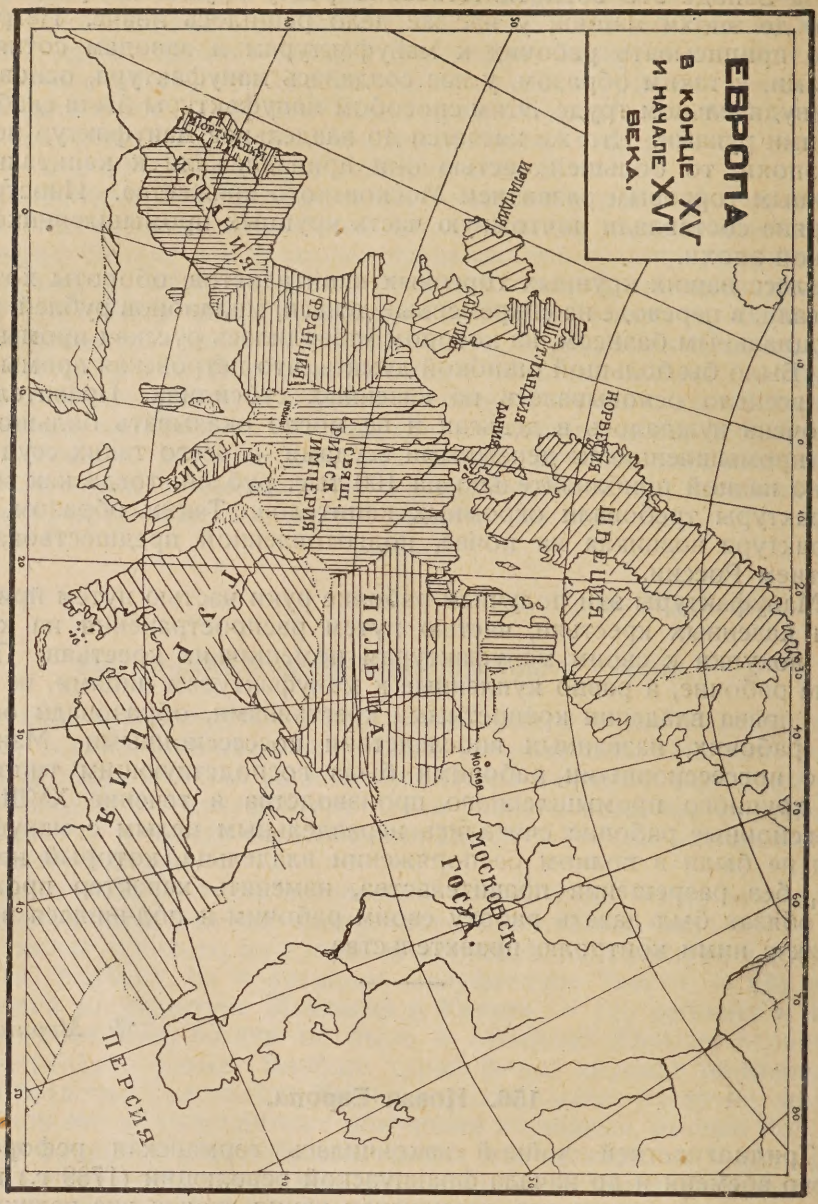
Ф. Меринг.

156. Новая Европа.

Тридцатилетней войной закончилась германская реформация. С этого времени и до начала французской революции (1789 г.) в течение почти полутораста лет, германская нация стояла вне великих мировых событий. Чреватые последствиями перемены, совершившиеся за это время в самой Германии, возникновение прусского государства и возникновение классической литературы, в большей или меньшей мере определились влиянием заграницы.

Перемещение мировой торговли с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана, — то самое всемирно-историческое событие, которое оказало решающее действие на обеднение Германии, —

в первую очередь пошло на пользу королевствам Испании и Португалии. В 1492 году испанцы открыли Америку, а в 1498 году португальцы — морской путь в Ост-Индию. Таким образом, Испания сде-



лалась мировой державой XVI века, — государством, в котором солнце никогда не заходило. Ее колонии в Америке, Африке и Азии приносили ей неизмеримые сокровища. Но капиталистический абсолютизм, господствовавший в Испании и Португалии, не понимал, что действительный источник национального благосостояния — в национальном труде. Он задавил испанские города и искоренил мавров, искуснейших

земледельцев и опытнейших ремесленников, в руках которых находилась культура хлопка и сахарного тростника, бумажная и шелковая промышленность государства. Все это совершалось под идеологическим оправданием религиозной нетерпимости, а в действительности — из стремления мировых деспотов и их придворных помещиков и попов к разрушению всего, что делало нацию трудолюбивой, независимой и потому вело к возмущению против правительства бездельников. С изгнанием мавров фабрики и искусства упали, и огромные пространства земли оставались необработанными. В 1598 году, когда умер испанский король Филипп II, он оставил после себя обесчещенное имя, чудовищный груз долгов и обобранный народ, который хилел в нищете, грязи и невежестве и за время его управления уменьшился в численности с десяти до восьми миллионов.

В Голландии, которая тогда находилась под верховенством Испании, Филиппу не удалось искоренить зачатки буржуазной культуры в такой мере, как в Испании. Нидерландские города, об'единившись под знаменем кальвинизма, восстали против него и завоевали для себя независимость. Расправившись с мировой политикой капиталистического абсолютизма, они открыли эру мировой политики буржуазного торгового капитала, классическими представителями которой в XVII веке были Голландия и Англия, в XVIII веке Англия и Франция. Буржуазный торговый капитал возвысился над той помещичье-поповской глупостью, будто можно с пренебрежением относиться к труду собственной нации, если только господствующим классам принадлежит власть над богатствами других частей света. Захватив испанские и португальские колонии, голландские купцы не перестали развивать промышленность в собственной стране: трудолюбивые и интеллигентные работники, которых капиталистический абсолютизм изгонял из других стран, находили в Голландии гостеприимное убежище. В каждом уголке страны кипела работа, как в пчелином улье. Высокая земледельческая культура, многочисленные каналы, вечно работающие мельницы, бесконечные флоты и барки, большие и богатые города, переполненные бесчисленным количеством мачт гавани превратили Голландию в страну, подобно которой не было больше в XVII веке. Вместе с промышленным трудом быстро развивались искусства и науки, о чем красноречиво свидетельствуют имена художника Рембрандта, философа Спинозы, правоведа Гроция.

Но если голландские купцы уже не относились с пренебрежением к национальному труду, то, с другой стороны, они еще не видали в нем источника богатства народов. Торговая прибыль оставалась Молохом, которому они все приносили в жертву. Требуя для себя свободной торговли, хотя бы с самим дьяволом, по отношению к остальным народам Европы они проявляли узкое лавочническое стремление к монополии. Это заставляло их поддерживать колоссальное сухопутное войско и морской флот, поглощавшие все силы маленькой страны. С половины XVII века Англия начала обгонять Нидерланды, и только в Англии мировая политика буржуазного торгового капитала достигла полного расцвета. Когда Англия начала свою мировую политику, национальный труд, земледелие, ремесло, мануфактура уже пустили в ней слишком глубокие корни; поэтому здесь было невозможно такое подавляющее разрастание крупного капитала, которое вызвало в Голландии блестящий под'ем и быстрый упадок. Если голландская мировая политика начала с того, что отважные купцы сбросили иго испан-

ского деспота и затем обратились к обдиранию собственной нации, то английская мировая политика начала тем, что сильные крестьяне и ремесленники свергли иго своего туземного деспота и создали неразрушимые, несмотря ни на что, основы буржуазной свободы.

Это произошло в английской революции XVII века. Она разразилась против тираническої диктатуры короля Карла II, и после того, как все закономерные формы сопротивления не привели ни к чему вследствие неизлечимого упрямства этого деспота, в его казни (1649 г.) достигла высшей точки своего под'ема. С этого времени английский парламент взял власть в свои руки. Никакой король не мог без его согласия снарядить флот или вооружить армию, и своей свободной буржуазной конституции англичане обязаны тем, что они внесли в мировую политику буржуазного торгового капитала новый, заключительный элемент: они могли основывать не только торговые, но и земледельческие колонии, и их колонии могли существовать не только разрушительной эксплуатацией, но и творческим трудом. Заселением Северной Америки они совершили чреватое величайшими последствиями, важнейшее для человеческой культуры дело, какое только вообще совершалось мировой политикой буржуазного торгового капитала.

Во Франции эта политика получила иной характер, чем в Голландии и Англии. Франция отняла у своего соперника, Испании, преобладание на европейском материке в значительной степени благодаря тому, что французская монархия не облагала французские города контрибуциями и данями, а сумела использовать их как ценные вспомогательные силы против феодальных сословий — против дворянства и духовенства. Но положение изменилось, когда после Вестфальского мира гегемония в Европе действительно досталась Франции. Юный король Людовик XIV, получив власть в свои руки, был захвачен миродержавным зудом. Современному абсолютизму он придал такую выработанность, что, по его заявлению, государство составляла его высочайшая особа. Неспособный понять движущие силы национальной жизни, он примирился с феодальными сословиями, которые теперь охотно пошли ко двору; но в награду за это трудящиеся классы населения были отданы им на полное разграбление. Придворные паразиты-дворяне ради бессмысленнейшей роскоши разрушали достигнутое трудом благосостояние нации, в этом их поддерживали попы, придворные паразиты, по настояниям которых Людовик XIV изгнал из страны наиболее трудолюбивых жителей, гугенотов — как Филипп II изгнал из Испании мавров.

Тем не менее, Франция все еще оставалась господствующей державой на континенте Европы. Достойного соперника она находила только в Австрии, которая благодаря блестящим победам над турками оправилась от поражения Тридцатилетней войны; в начале XVIII века обе державы терзали друг друга, в длинном ряде кровопролитных сражений решая вопрос, кому принадлежит право заместить испанский престол.

На севере Европы Швеция быстро утратила свое положение великой державы, которое она на короткое время приобрела разграблением Германии. Польша погибла среди феодальной анархии. Перемещение торговых путей с берегов Средиземного моря на побережье Атлантического океана отразилось на Польше еще тягостнее, чем на

Италии и Германии. Правда, Польша превратилась затем в житницу для западно-европейских народов, но польские помещики сумели сами захватить торговлю хлебом и воспрепятствовать накоплению купеческого капитала, являющегося исторической предпосылкой современного развития. Они терзали польские города и насильственно удерживали страну в феодальном болоте, производя безумное расточение торговой прибыли, попадавшей в их собственные карманы. Но над Швецией и Польшей возвышалась новая держава, Россия, варварское завоевательное государство, настолько европеизированное царем Петром, что оно получило способность продвигаться со своими завоеваниями к Западу.

Между Францией и Россией, подвергаясь одинаково серьезной угрозе с той и другой стороны, лежала Германская империя со своим жалким государственным строем, ограбленная и охваченная разложением, разорванная на три сотни суверенных частей. У императора сохранилось только одно право: даровать звание дворянина. Сейм в Регенсбурге был просто конгрессом посланников и расточал свое время на пустую болтовню и мелочи. Имперский суд в Вецларе превратился в учреждение, прославленное во всей Европе по царившей в нем волоките; имперское войско представляло разложившуюся орду огородных чучел.

———

О. Тьерри.

157. Рост французской буржуазии.

В эпоху, до которой мы дошли, третье сословие, в силу некоторого рода правила, менее исключавшего духовенство, чем дворянство, занимало почти все должности гражданской администрации, вплоть до самых высоких из них, которые с тех пор стали называть министерствами. Именно из класса плебейского, путем приобретения университетских степеней и более или менее многообразных испытаний, выходили: канцлер-хранитель печати, государственные секретари, докладчики, королевские адвокаты и прокуроры, вся судебная корпорация, состоявшая из большого совета, разбиравшего столкновения между властями и чрезвычайные дела, из парижского парламента с его семью отделениями, из счетной палаты, палаты особых сборов восьми провинциальных парламентов и массы низших судов, во главе которых стояли президиалы. Точно также в финансовой администрации чиновники всякого рода, казначеи, главные интенданты, интенданты-контролеры, заведывающие сбором податей и сборщики брались из образованных буржуа, которых называли людьми *длинного платья*. Что касается юрисдикции, совершаемой сенешалами, бальи и прево короля, если этот разряд должностей продолжал быть в руках дворян, то они всегда должны были иметь заместителей или заседателей, обладающих университетскими степенями. Единственные должности, которые были закрыты для буржуазии, это — губернаторство в провинциях, комендантство в городах и крепостях, чины в военной и морской службе, должности придворные и посольства, поручавшиеся, смотря по надобности, людям высокого рождения или членам высшего духовенства.

Высшая совещательная власть, государственный совет, до XIV в. составлявшийся наполовину из баронов и представителей церкви, насчитывал в своей среде к концу XVI в. по большей части людей мантии. Напрасно в то время великий министр, сам родом дворянин, предполагал изменить это большинство, дать большим сеньорам право сидеть в совете и сделать из него, таким образом, для дворянства школу администрации [1].

Высшие должности в суде и финансовом управлении давали их носителям, помимо более или менее значительного жалованья, еще привилегии, составлявшие для них нечто вроде дворянского звания, которое не подлежало передаче в потомство и не выводило их из третьего сословия. Они были освобождены от разных налогов или пошлин и могли приобретать земли благородных, не платя повинностей, которые взимались в этих случаях со всякого покупателя неблагородного звания. У тех, кто занимал первые места, из крупных окладов, нараставших благодаря бережливости, при большой простоте буржуазных нравов, составлялись капиталы, которые скоро реализовались в виде земельных владений. Наследство дворянина, разорявшегося от своей расточительности, переходило таким образом в руки королевского чиновника, обогащенного своею должностью. Двумя путями можно было получать должности: или прямым назначением, достигавшимся заслугой, и притом как одною заслугой, так и в соединени с протекцией, или тем способом, который открывала кандидатам продажа должностей, злоупотребление, перешедшее в обычай по снисхождению королей, но в сущности не выключавшее вовсе заслуги, так как при этом требовалась степень и предварительное испытание. Богатая буржуазия извлекала выгоду из этого средства, между тем как другой путь открывался ценою большого труда всем разрядам третьего сословия до самых его нижних слоев. Один венецианский посланник, тонкий наблюдатель, отмечает в семьях этого класса, в качестве особой характеристической черты, заботу родителей дать какому-либо из своих сыновей литературное образование в виду многочисленных должностей и высоких чинов, которые достигались при его посредстве. Он об'ясняет этим направлением честолюбия большое число университетов в тогдашней Франции, а в Парижском университете — большое число студентов, определяемое им в пятнадцать тысяч. Другой венецианский посланник замечает, что эти студенты,

---

[1] Сюлли в письме к Генриху IV выражался: «Государь, сказать правду, я не знаю, кто мог вам жаловаться, что в ваш совет по государственным и финансовым делам вступает много лиц, которые вовсе не должны были бы туда допускаться... Скажу с моей обычной откровенностью, и не стану вовсе отрицать, я часто увещевал князей, герцогов, пэров, коронных чиновников и других сеньоров видного рода и находил желательным с их стороны, чтобы они бросили проделки, безделье и легкомыслие двора, занялись делами высокими и в серьезных занятиях знанием дел показали себя достойными своего рождения и способными с честью исполнять ваши поручения; чтобы облегчить достижение этой цели, я приглашал людей видного звания, у которых есть на то право, более правильно посещать заседания совета, которые мы собираем для обсуждения государственных и финансовых дел, при чем я уверял их, что они будут желанными людьми, при условии, что они не будут разглашать дела и не будут приходить в числе более чем 4 или 5 человек за раз, чтобы уравновесить подобное же число ряс, которые только беспрерывно нам докучают. Это мне казалось гораздо более соответствующим достоинству вашего величества и вашего государства, чем встречать в этом месте сборище контролеров и других рогатых шапок, которые делают из вашего совета кагал и охотно обратили бы все государственные и финансовые дела в крючкотворство».

обыкновенно, очень бедны и живут большею частью на счет благотворительных учреждений в коллегиях, верный знак для XVI в. этого влечения низших классов к наукам и знанию, которое так отчетливо выделяется в два следующие века.

Между тем, как молодые люди третьего сословия, отдававшиеся наукам, могли надеяться на достижение самых высоких общественных должностей, расширялась перспектива и для тех, которые предполагали следовать ремеслу своих отцов, стать менялами, ювелирами, суконщиками, галантерейными торговцами, прядильщиками шелка или обратиться к занятиям низшим, но не менее выгодным. Благодаря расширению торговых сношений и развитию, или, лучше сказать, возникновению кредита, в среде торговой буржуазии образовался и занял первое место новый класс, класс людей, накопляющий капиталы одновременно для своей выгоды и для надобности других; класс заполняющий постоянно, силою своей бережливости и спекуляции, ту пустоту, которую в общественном богатстве образуют, с одной стороны, траты, необходимые для производительного труда, а с другой, непроизводительное потребление. Система генеральных откупов, принесенная из Италии во Францию, и кредитные операции, на которые более или менее счастливо пускалась династия Валуа, обосновывали возрастающее значение капиталистов, называвшихся в то время финансистами. Уполномоченные собирать налоги, в качестве ли откупщиков или управляющих, банкиры казны и хранители сумм, полученных от сборщиков, выдавая авансы для всех военных и мирных предприятий, они играли в государственных делах косвенную, но значительную роль. Смотря по степени их богатства или ловкости, их принимали, выделяли, их общества искали даже при дворе; они вступали в родство с представителями высшей магистратуры и приносили третьему сословию, правда, не добродетели этой группы, но за то силу, ту силу, которую дают деньги. С середины XVI в. до конца XVIII в. можно следить за ростом их влияния, с которым напрасно пытаются бороться; можно видеть, как их путь усеян милостями и ненавистью к ним, невероятными барышами и жестокими катастрофами. Вечно проклинаемые и вечно необходимые, они всегда были под страхом обвинения, а иногда подвергались более страшной мести, чем могла принести зла их жадность и их хищение...

В положении ее, если его наблюдать, начиная с XIV века, своеобразно сказываются два противоположных движения: одно прогрессивного характера, другое, заключающее в себе упадок. Между тем, как судебные и административные должности, торговля, индустрия, наука, литература, искусство, свободные и прибыльные профессии поднимали ее значение и создавали для нее в тысяче видов выгодные положения, — муниципальная свобода, т.-е. то, что с самого начала составляло ее силу и славу, быстро приходила в упадок. Законодательство XVI в. отняло у городских магистратов гражданскую юрисдикцию, сократило их уголовную компетенцию и подчинило контролю, все более и более строгому, их финансовую администрацию. Привилегия свободной и как бы верховной общины, которая охраняла возрождение и первые шаги развития гражданского порядка, была подведена под одну категорию с феодальными привилегиями и испытала, как они, уравнивающую силу королевской власти, всякий захват которой в то время был шагом вперед к цивилизации и национальному единству. Но если дворянство теряло, то его потери были непопра-

вимы; если теряла буржуазия, ее потери были только кажущиеся; если ей преграждали проторенную дорогу, перед нею тотчас открывались новые и более широкие пути.

———

П. Ардашев.

158. Ришелье о дворянстве.

Я говорю, что дворянство надо рассматривать как один из главнейших нервов государства, могущий много способствовать его сохранению и упрочению. Оно в течение некоторого времени было столь унижено благодаря большому числу чиновников, которых зло века создало в ущерб ему, что оно весьма нуждается в поддержке против посягательств этих людей. Богатство и спесь одних отягчает нужду других, богатых только храбростью, благодаря которой они свободно жертвуют жизнью государству, от которого чиновники получают содержание.

Происходящим из этого сословия свойственна обычная ошибка жестоко обращаться с народом, которому бог, повидимому, дал руки скорее для того, чтобы добывать пропитание, нежели для того, чтобы защищать свою жизнь.

Весьма важно прекратить подобный беспорядок обуздывающей строгостью, благодаря которой слабые ваши поданные, даже будучи безоружными, имели бы под сенью ваших законов столько же безопасности, как если бы в руках у них было оружие.

Дворянство, засвидетельствовав в войне, счастливо завершившейся миром, что оно унаследовало доблесть своих предков, которой Цезарь отдавал предпочтение перед всякой другой, нуждается в дисциплине, чтобы оно могло приобрести новую и сохранить прежнюю репутацию и с пользой служить государству.

Хотя дворяне заслуживают того, чтобы с ними обращались хорошо, когда они поступают хорошо, но нужно быть с ними строгим, если они пренебрегают тем, к чему обязывает их рождение. Я без всякого колебания говорю, что те, кто, отстав от доблести предков, уклоняются от того, чтобы служить короне шпагой и жизнью с постоянством и твердостью, коих требуют законы государства, заслуживают быть лишенными выгод своего происхождения и принуждены нести часть бремени народа.

В виду того, что честь для них должна быть дороже жизни, их следует карать скорее лишением первой, нежели последней.

Лишать жизни людей, которые ежедневно рискуют ею ради простой фантазии о чести, — меньшее наказание, чем лишить их чести и оставить жизнь, которая для них в таком состоянии является вечным наказанием.

Если ничего не следует забывать, чтобы сохранить дворянство в истинной доблести его предков, то в то же время не надо ничего делать, чтобы сохранить за ним владение пожалованными ему землями или же заботиться о возможности для него приобретать новые.

Многочисленные браки, совершающиеся в королевстве в каждой фамилии, тогда как в других государствах вступает в брак только старший, являются одной из истинных причин того, что в короткое время разоряются наиболее могущественные фамилии. Однако, если

этот обычай приводит к бедности отдельные фамилии, то он настолько обогащает государство, сила которого состоит в массе верных людей, что, вместо того, чтобы жаловаться, надо быть довольным им и, вместо того, чтобы изменять его, надо стараться лишь доставить тем, кто благодаря этому обычаю появляется на свет, средства существовать в чистоте сердца, которую они получают от своего происхождения.

Этим путем следует отличать дворянство придворное от деревенского.

Придворное дворянство будет весьма облегчено, если будут сокращены роскошь и невыносимые расходы, которые мало-по-малу вошли в обычай при дворе, так как несомненно, что подобное распоряжение будет столь же для него полезно, как и все пенсии, которые ему дают.

Что касается деревенского дворянства, то хотя оно и не получит от подобного распоряжения столько облегчения, ибо его нищета не позволяет ему делать излишние расходы, но и оно не замедлит почувствовать результаты этого средства, столь необходимого для всего государства, которое без того не может избежать разорения.

———

А. Конради.

159. Перерождение английского дворянства.

Во избежание недоразумений здесь надо заметить, что английская революция, хотя и являлась вне всякого сомнения буржуазной революцией, отнюдь не ограничивалась, в отношении имущих классов, городами и занятой торговлей и промыслами буржуазией, но охватывала и значительную часть имущего класса деревни, а именно, как значительное меньшинство высшего дворянства, так и низшего слоя сельского дворянства. Это об'ясняется особенностями аграрного развития Англии. Капитализм начал проникать в английское сельское хозяйство уже в позднейший период средневековья. Англия сделалась поставщиком шерсти для континентальной, главным образом нидерландской, суконной промышленности. Доход от продажи шерсти явился для английских землевладельцев обильным источником денег, и таким образом английское сельское хозяйство приобретало, вообще, все более денежный характер. И это оказывало освобождающее влияние на подвластное помещикам сельское население в том отношении, что исчезали барщинные повинности и крепостной превращался в свободного наследственного арендатора, который свои повинности выплачивал большей частью деньгами, платил «лендлорду» земельную ренту. Но это развитие освобождало часто крестьянина не только от его феодальных цепей, но и от его владения, поскольку нужда в деньгах побуждала многих землевладельцев стремиться к возможно большему повышению земельной ренты и с этой целью превращать пахотную землю в более доходные пастбища для овец, с чем неразрывно было связано изгнание крестьян с насиженных ими земель. В «Утопии» Томаса Мора мы находим классическое описание этого вытеснения крестьян в Англии XV и XVI столетий. Подобно тому, как в эту эпоху многие родовитые дворяне заразились буржуазным деловым духом, так и многие буржуазные дельцы обзавелись дворянскими владениями. В период той великой английской гражданской войны

XV столетия, которую называют войной Белой и Алой Розы и которую под видом спора из-за престолонаследования вели две соперничающие клики в английском дворянстве, в этот период совершенно разорились многочисленные дворянские фамилии, в том числе немалое количество семейств мелкого дворянства и большинство крупных дворянских родов. Абсолютистская политика первых королей из династии Тюдоров, в особенности Генриха VII, направленная к обузданию непокорного феодального дворянства, тоже не мало сделала для разорения дворянских фамилий; кроме того, не следует также забывать о феодальной расточительности, как одной из причин упадка многих древних родов.

Большие потери в рядах дворянства за это время пополнялись тем, что в его среду проникали выскочки. Новое дворянство, представленное в палате лордов, рекрутировалось в Англии XVI столетия большей частью из семей буржуазного происхождения, своим возвышением обязанных своему богатству и милости Тюдоров. Равным образом, немалое количество владений мелкого дворянства перешло в руки разбогатевших купцов, арендаторов или свободных крестьян-собственников. Дроблению прежнего замлевладения баронов содействовал статут Генриха VII, устранявший некоторые препятствия отчуждению и разделу ленов, которым усердно и пользовались обремененные долгами дворяне. Церковные имущества, доставшиеся им при Генрихе VIII, тоже, большею частью, оказались в руках денежных людей. Так к английскому дворянству прибавлялось все больше буржуазной примеси, и многие древне дворянские роды обуржуазились в этот век великих социальных сдвигов, берясь за доходные занятия, которые раньше не признавались «джентльменскими», соответствующими положению. В описании Англии второй половины XVI столетия, написанном Гаррисоном и появившемся в 1577 г., можно прочесть, что «джентльмены» стали торговать овцами, рыцари превратились в шахтеров; сыновья свободных крестьян посещали университет, тогда как люди, пользовавшиеся большим уважением и обладавшие состоянием, сделались скотоводами, мясниками или кожевниками. При этом, конечно, значительная часть старого дворянства в своем образе жизни и взглядах оставалась верной старым обычаям. Не подлежит также никакому сомнению, что многочисленные буржуазные элементы мелкого дворянства («джентри») и знати с течением времени позабывали свое происхождение и подражали людям с большим родословным деревом и феодальными нравами. Но все же в мелкопоместном дворянстве и в знати Англии начала XVII столетия имелся значительный процент людей буржуазного происхождения и тенденций.

Эту часть английской аристократии мы встречаем во время революции на стороне буржуазии.

———

Н. Рожков.

160. Новое дворянство и секуляризация церковного землевладения.

Новое дворянство, как землевладельческий класс, организовавший хозяйство, рассчитанное на обширный национальный и международный рынок, нуждалось в расширении своих земельных владений. Это производилось за счет крестьянства путем огораживаний, а также

за счет старого феодального землевладения, виднейшей частью которого было землевладение церковное и монастырское; это землевладение и было секуляризовано при Генрихе VIII и Эдуарде VI. Генрих VIII секуляризовал в 1535 г. землю малых монастырей с чистым доходом ниже 200 фунтов стерлингов; эта секуляризация была принудительной. В 1539 г. произведена была вторая секуляризация — больших монастырей, с чистым доходом выше 200 фунтов; она была построена на основе добровольного перехода монастырской собственности в руки короля. Третья секуляризация Генриха VIII произошла в 1540 г. и направлена была на земли ордена госпитальеров; она также была принудительной и потому, как и секуляризация 1535 года, была установлена парламентским актом. При Эдуарде VI секуляризации подверглись земли капелл, колледжей, гильдий и братств.

До сих пор остается неизвестным общее количество секуляризованной земли. Известно только, что 553 монастыря, собственно Англии, не считая монастырей четырех нищенствующих орденов (францисканцев, доминиканцев, кармелитов и августинцев) и монастырей Уэльса, владели землей, дававшей минимум 160 тыс. фунтов валового дохода или 135 тысяч чистого дохода в год. Предполагают, что все монастырские земли, взятые в казну, составляли $^1/_6$ часть всей территории страны.

Конфискуя эти земли, государство заявило о своем намерении обратить доходы с них на дело просвещения, благотворительность и устройство путей сообщения. Но фактически это не было выполнено. Секуляризованные земли пошли на удовлетворение классовой потребности дворянства в земле: они были или раздарены или распроданы. Главная часть этих земель досталась служилому дворянству, особенно чиновникам центрального управления. Были и пожалования пэрам, но тем из них, которые или принадлежали к числу выскочек, или, если и были знатного происхождения, то успели приспособиться к новым условиям...

Во второй половине XV и XVI века, новое дворянство выдвинулось на первый план, заняло господствующее положение, произведя переход к овцеводству, улучшив земледелие, обогатившись землей, приспособившись к национальному и мировому рынку; к нему примкнула, с ним слилась и та часть старой феодальной аристократии, которая обладала достаточной приспособляемостью; эта часть была достаточно велика: ведь и в средние века социальный феодализм в Англии не был резко выражен. К этому надо прибавить, что и крупная буржуазия, организовавшая обширную торговлю и положившая первые основы промышленному капитализму, пока еще зачаточному, явилась первой союзницей нового дворянства, поддерживала его господство и могущество, добившись сама олигархического устройства местного самоуправления в городах, господствуя в этом самоуправлении.

Н. Кареев.

161. Система Людовика XIV.

После 1614—15 г.г. во Франции не собирались более генеральные штаты, но тем не менее в малолетство Людовика XIV парижский парламент думал было играть политическую роль, которая, собственно, должна была принадлежать штатам... Еще при Мазарини (1655), тогда еще весьма юный король довольно строго заявил членам парламента, что он не потерпит обсуждения ими правительственных мероприятий... В 1673 г. он прямо запретил парламенту делать ремонстранции. Лишь по смерти Людовика XIV это учреждение поднялось из своего унижения.

Провинциальные парламенты равным образом были подчинены губернаторам и интендантам. В некоторых провинциях Франции еще сохранились местные сословно-представительные учреждения, так называемые провинциальные штаты (états provincieaux), но они были исключением из общего правила, да и тут старые права стали стесняться... С 1651 по 1663 г. лишился своих штатов целый десяток провинций. Там, где эти учреждения сохранились, они мало-по-малу потеряли (около 1680 г.) право обсуждать вопрос о налогах и должны были только вотировать, а в депутаты очень часто попадали лишь правительственные кандидаты. Представители духовенства и дворянства согласились на всякие налоги, от которых были освобождены оба сословия, а третье сословие было представлено одними горожанами, да и то фиктивно, так как депутатами от городов были муниципальные власти, а они не были уже выборными. Несговорчивых членов подкупали, а иногда и застращивали. Вообще к этому жалкому остатку провинциального самоуправления административные лица относились весьма недружелюбно. То же самое можно сказать и о муниципальном самоуправлении, и ранее уже находившемся в упадке. Оно все более и более делалось простой фикцией... Мало-по-малу к восьмидесятым годам XVII в. над городами установилась полная интендантская опека, и административные власти стали весьма широко пользоваться городскими доходами на негородские нужды. В 1692 г. Людовик XIV прямо отменил все выборные должности в городах, превратив их в продажные: мэры и заседатели должны были покупать свои места.

Если падало областное и городское самоуправление, зато развивались централизация и бюрократия. Людовик XIV, однако, озаботился, чтобы важные правительственные места не попадали в руки знати. За феодальною аристократией оставлялся почет, оставлялись феодальные права, оставлялись привилегии, но на сколько-нибудь влиятельные должности назначались лица из мелких дворян и из третьего сословия. Вся власть в провинциях находилась теперь в руках интендантов, которых на всю Францию было 34, по одному на каждое генеральство (généralité). Интенданты пользовались безграничным произволом и заведывали всеми местными делами — полицией, юстицией (с правом изымать процессы из ведения судов и судить по своему усмотрению) и финансами, муниципальными, военными и вероисповедными делами, народным просвещением, торговлею, промышленностью, земледелием. Сло-

вом, этими «пашами» или «сатрапами», как их называли в XVIII в., приводилась в движение вся жизнь страны из единого правительственного центра. Интенданты подавляли всякое проявление местной самостоятельности, подчиняли себе независимые элементы общества, духовенство, дворянство, города. Они же приводили в исполнение все предначертания центральной власти, касались ли последние насаждения промышленности или преследования протестантов. У интендантов в качестве помощников, ими самими назначаемых и сменяемых, были так называемые субделегаты. Одним из наиболее энергичных интендантов второй половины XVII в. был некий Бавиль (Basville), который обращал в католицизм протестантов посредством драгунских постоев (драгонад) в Лангедоке...

Особое развитие получила при Людовике XIV полицейская власть, которая вмешивалась во все проявления общественной жизни. Полицейскому произволу было подчинено все — до цензуры книг включительно. В это время особенно развились знаменитые lettres de cachet такого содержания: «Посылаю вам это письмо, извещающее вас о моей воле, чтобы вы (сделали то-то и то-то). Молю бога, чтобы он хранил вас своею милостью. Людовик». Посредством такого документа можно было посадить кого угодно в Бастилию или другую подобную тюрьму и держать там заключенного без следствия, без суда, без обозначения срока, даже без об'явления вины кому бы то ни было. Случалось, что о заключенном забывали и никто потом не мог припомнить, за что несчастный сидит в тюрьме. Мало-по-малу такие lettres de cachet появились в распоряжении интендантов и интендантских чиновников. Полицейским учреждением был и «черный кабинет», где вскрывали частную переписку. Полиция заведывала, наконец, и делами совести: ее роль была весьма значительна в преследованиях протестантов, янсенистов и т. п.

———

П. Ардашев.

162. Королевский приказ о снесении замков.

31 июля 1626 г.

Людовик и т. д. Так как еще раньше собрания штатов королевства и собрания нотаблей, созванных, чтобы дать нам и покойному королю, нашему глубокоуважаемому сеньору и отцу, совет относительно наиболее важных дел королевства, а также собрания штатов провинции Бретани, открытых нами в 1614 г., постоянно просили и нижайше умоляли нашего покойного сеньора и отца и нас о разрушении нескольких укреплений в различных местах королевства, которые, не являясь границами по отношению к врагам и соседям, ни проходами или важными пунктами, служат только к увеличению наших расходов на содержание бесполезных гарнизонов и для убежища различным лицам, которые при малейшем волнении весьма беспокоили провинции, где эти укрепления находятся, — мы об'являем:

Что, так как об этом снова просили наши подданные трех сословий, в настоящее время собранные на штаты, то это дало нам повод отменить ордонансы, изданные раньше, как для названных провинций, так и для всего нашего королевства, чтобы тем скорее сократить

расходы, устранить эти поводы к смутам и освободить наш народ от беспокойств, которые он от этого получает.

По этим причинам мы заявляем, об'являем, приказываем, повеleваем и нам угодно:

Чтобы во всех укрепленных местах, будь то города или замки, находящихся внутри нашего королевства и провинций, и не расположенных в важных пунктах на границах или других важных местах, укрепления были снесены и разрушены; даже старые стены должны быть разрушены сообразно с тем, насколько это будет признано необходимым для блага и спокойствия наших подданных и безопасности государства, так, чтобы отныне наши подданные не могли опасаться, что названные укрепления доставят им какое-либо беспокойство, и чтобы мы были освобождены от расхода, который мы принуждены производить на гарнизоны.

(Из кн. П. Ардашева «Хрестоматия»).

———

П. Ардашев.

163. Мысли Людовика XIV о королевской власти.

В первые годы своего царствования Людовик XIV делал собственноручные заметки на отдельных листках по поводу главнейших событий. На основании этих заметок был составлен потом Дневник короля. Этот дневник затем послужил материалом для составления так называемых Мемуаров Людовика XIV, составленных в назидание дофину; этот интересный документ был издан Ш. Дрейсом в 1860 г. в двух томах. Здесь приводится несколько извлечений из этих мемуаров.

Тот, кто даровал людям королей, желал, чтобы их чтили, как его наместников, и одному себе предоставил право судить об их поступках. Его воля заключается в том, чтобы всякий рожденный подданным повиновался без рассуждения. И этот ясно выраженный всеобщий закон существует для пользы не одних лишь государей, но он спасителен и для самих народов, которые обязаны ему повиноваться, так как всякий раз, как они нарушают этот закон, они подвергаются бедствиям несравненно более ужасным, чем те, от которых они хотели избавиться. Во всем христианском учении нет более незыблемо установленного правила, чем это беспрекословное повиновение подданных тем, кто над ними поставлен.

С самого детства мне делалось больно при одном упоминании о ленивых королях и их мажордомах. Я твердо решил никогда не брать себе первого министра и не возлагать на другого обязанностей короля, сохраняя за собой лишь титул.

Только под условием труда и ради труда можно царствовать: желать одного без другого — значит обнаруживать неблагодарность по отношению к богу и тиранию и несправедливость по отношению к людям.

———

П. Ардашев.

164. Отрывок из Боссюэта [1].

(Учение о королевской власти).

Знаменитый французский проповедник и писатель, епископ Боссюэт (1627—1704), пользовался большим расположением и доверием Людовика XIV, который назначил его воспитателем своего сына (дофина). В числе других сочинений Боссюэт оставил одно (изданное уже после его смерти) под заглавием Политика, основанная на священном писании, где проводится идея божественности королевской власти и ее неограниченности. Здесь приводится несколько выдержек из этого трактата.

Власть короля священна. Государи действуют в качестве слуг божьих и его наместников на земле. Бог через их посредство устанавливает свое царство.

«Неужели вы считаете себя в состоянии восставать против царствия божия, которым он владеет через сынов Давида».

Таким образом, мы видим, что королевский престол не есть престол человека, но божий. «Бог избрал моего сына Соломона, чтобы посадить его на престол, где царствует господь над израилем». И еще: «Соломон воссел на престоле господнем».

Королевская власть неограниченна. Чтобы сделать это слово ненавистным и невыносимым, многие умышленно смешивают управление неограниченное с управлением, основанным на произволе. Но это две совершенно различные вещи. Без этой неограниченной власти государь не может ни совершить добра, ни пресекать зла; его власть должна быть такова, чтобы никто не мог рассчитывать ускользнуть от нее; и, наконец, единственной защитой отдельных лиц против общественной власти должна быть их невинность. Это учение согласно со словами св. Павла: «Хотите вовсе не бояться власти, делайте добро».

Надо повиноваться государям, как самой справедливости; без этого не может быть никакого порядка, ни успеха в делах. Только бог может судить их приговоры и их самих... Поэтому всякий, не желающий повиноваться государю, не отсылается в другое судилище, но осуждается беспощадно на смерть, как враг народного спокойствия и человеческого общества.

Подданные обязаны государю безусловным повиновением. В одном только случае исключается повиновение, которое обязаны оказывать государю, это — когда он приказывает противное богу.

———

К. Каутский.

165. Абсолютизм Тюдоров в Англии.

Из всех средневековых сословий к концу XV века королевской власти почти вполне было подчинено два сословия: дворянство и духовенство. Мы уже показали, что оба эти сословия исто-

[1] Боссюэт—придворный проповедник Людовика XIV и духовный писатель, дал религиозное обоснование абсолютизму.

рически ослабевали. Это обстоятельство имело в Англии несколько специальных причин, ускорявших его. Междуусобная война Алой и Белой Розы (1452—1585) нанесла страшный удар феодальному дворянству... Она велась с огромным ожесточением и жестокостью. Обе партии поставили себе за правило не щадить ни одного дворянина; те, кто спасался невредимым с поля сражения, падали под мечом палачей той партии, которая временно находилась в силе. В этом страшном побоище, длившемся целое поколение под-ряд (с 1452 г., когда англичане потеряли последние владения во Франции, по 1485 г.), погибло почти все английское дворянство, поместья его отошли к королю, и последний создал себе сам новое дворянство, которое, конечно, не обладало уже ни силою, ни аппетитами феодальных баронов. Со временем крупные землевладельцы, конечно, вновь должны были сделаться силою, которая могла бороться с королевскою властью, но во времена Мора, родившегося через семь лет по окончании междуусобной распри, этого, само собою разумеется, еще не было. Высшие дворяне, современники Мора, были почти все ставленниками короля, владели своими имениями благодаря милости его или же его отца и потому были ему совершенно подчинены.

Подобно дворянству, и духовество тоже пало до роли покорного слуги монарха... По мере того, как в Англии падало значение и сила папы, клир все более и более отдавался в распоряжение короля...

Однако, на-ряду с королевскою властью возвысилось также значение г о р о ж а н и к р е с т ь я н...

Быстрое усиление могущества горожан так же мало мешало королевской власти, как и возвышение сельского класса... Только при Море уже крупные землевладельцы начали получать большие доходы со своей монополии на шерсть. До того времени львиная доля добычи доставалась купцам и монарху: вывозная пошлина на шерсть была тогда одним из важнейших источников королевских доходов, она составляла прочную опору абсолютизма. Чем больше развивалась торговля, тем более усиливалась и власть короля; однако, соответственно этому ему приходилось считаться и с интересами торговли. Тюдоры, династия которых началась при Генрихе VII и кончилась вместе с Елизаветою, отлично поняли, что их интересы совпадают с интересами торговли, и потому они всеми мерами, как могли, поощряли ее. Как бы деспотично они ни правили, лондонские горожане, наиболее сильная организация в стране, на-ряду с королевскою властью, охотно переносили их режим: ведь, городское население Лондона целиком жило торговлею, одни прямо, непосредственно, другие косвенным образом. Пока, стало быть, процветала торговля, у них не было причин быть недовольными.

Таким образом, господство Тюдоров с этой стороны не встречало противодействия, и ни одна династия в Англии не пользовалась такою неограниченною властью.

Однако, не следует думать, что лондонские горожане были об'яты духом раболепного подчинения. Они отлично сознавали свою силу и не стеснялись противиться королевской власти, когда она с своей стороны упускала из виду их интересы. И, несомненно, неограниченное правление Тюдоров не продолжалось бы свыше столетия (1485—1613), если бы почти все они отлично не сознавали, до каких пределов можно итти. Если же им случалось переходить через известные границы, тогда народ очень быстро заставлял их поворачиваться вспять.

Сила сопротивляемости и свободолюбивое классовое самосознание народа, особенно лондонского, только и сдерживали деспотизм Тюдоров. Парламент был при них бессилен. На-ряду с представителями от дворянства и духовенства, с XIII века в парламент стали созываться также и депутаты от городов, конечно лишь с тою целью, чтобы они соглашались на денежные поборы. Однако, по мере того, как росла сила городов, увеличивалось и влияние их представителей на законодательство. Своеобразной особенностью английского парламента оказывается то обстоятельство, что в XIV веке представители низшего дворянства отделились от знати, которая с тех пор, совместно с высшими церковными иерархами, образовала верхнюю палату (палату лордов), между тем как представители низшего дворянства и городов соединились в палату общин. Конечно, влияние и сила парламента находились в зависимости от силы отдельных сословий, стоявших за спиною парламента, и от их солидарности. Там, где две враждебные друг другу партии все время одна другую уравновешивали, королям, конечно, легко было вести свою игру. Тем не менее, до самого XVII столетия, власть парламента по отношению к правительству была слабее, чем тех классов, представителями которых он являлся, так как он не был независим от воздействия на отдельных его представителей. Буржуазию целиком нельзя было ни подкупить, ни испугать, зато это легко было сделать с ее отдельными представителями: ведь мог же король, если это казалось ему удобным, казнить, как государственных изменников, тех членов парламента, которые ему не нравились. Если король и подчинялся парламенту, то вовсе не потому, что признавал его права, а только из боязни силы того класса, интересы которого парламент представлял.

Когда Тюдоры чувствовали, что могут управиться с народом, тогда они не обращали на парламент никакого внимания.

Бессильные, снедаемые личными влияниями, составленные по большей части из духовных и светских ставленников короля, парламенты эпохи Тюдоров могут считаться наиболее раболепными из всех, какие знает английская история. Они совершенно отказались от законодательной власти в пользу короля и с удовольствием исполняли роль палача, когда он того требовал. Только в одном пункте они иногда оказывались очень стойкими и заставляли короля сдаваться, так как он чувствовал, что за ними стояли народные массы, — это тогда, когда дело шло о денежных ассигнованиях.

———

М. Покровский.

166. Укрепление московского абсолютизма.

В XVI веке у нас появляется вдруг, что и не снилось Москве XIV века, политическая литература, публицистика, и эта сознательность борьбы делает ее, конечно, еще более яркой и интересной. Как всегда бывает в подобных случаях, наиболее талантливыми в этой нарождающейся на Руси публицистике являются представители нового класса, тех, которые пробивают себе дорогу, — нового поместного землевладения и городского класса, буржуазии. От них дошли до нас самые лучшие произведения тогдашней публицистики. По этим произведениям мы можем судить о тогдашней борьбе классов — о том,

чего они желали. В половине XVI века какой-то представитель мелкого дворянского землевладения, скрывшийся под именем Пересветова, жестоко нападает на боярство, доказывая, что бояре, «ленивые богатины», непременно доведут до гибели Московское царство и его государя. Он требует, чтобы власть была отнята у бояр, и рисует картину полицейского государства, управляющегося чиновниками, на жалованьи, а не землевладельцами, с постоянной армией, также наемной и вооруженной по последнему слову тогдашнего военного искусства — «с огненным боем», т.-е. огнестрельным оружием, с правильно устроенным судом, с правильным сбором налогов и т. д. Программа настолько обширная, что она осуществилась на Руси только через сто слишком лет после Пересветова. В особенности дворянский публицист настаивал на энергичной внешней политике. Он требовал завоеваний, прежде всего завоевания Казани, а затем вообще наступательной, завоевательной войны. Мы уже упоминали, что для небогатых землевладельцев той поры не было другого источника достать денег для первоначального обзаведения хозяйством, как получая из казны жалованье. Жалованье выдавалось за походы. Отсюда для массы «убогих воинников» походы представлялись желательными, не говоря уже о том, что во время походов можно было грабить и что последствием завоеваний был захват обширных земель, где помещики надеялись найти выход из земельной тесноты. То, что Казань действительно была завоевана вместе со всем Поволжьем до Астрахани именно в это время, показывает, что пожелания мелкодворянской массы не были пустым звуком, что с ее требованиями достаточно считались. В то же время мы видим, что ее интересы сходились с интересами торгового капитала. Если помещику нужна была земля под Казанью, то торговому капиталу нужна была Волга, как торговый путь из России на Восток, откуда тогда шли в Европу шелк и разные другие, очень ценившиеся в Европе, товары. Помещики имели, таким образом, могучего союзника в лице торгового капитала, а этот, в свою очередь, как мы помним, держал в зависимости от себя всю массу городского населения.

Перед феодалами-боярами вырастал страшный враг. Они еще продолжали держать в руках по старой памяти политическую власть, пытались опровергать дворянскую публицистику, доказывая, что наступательная внешняя политика богу не угодна, что царь ответит за пролитую кровь и что будто бы сам бог велел царю управлять государством не в одиночку, а непременно с боярами, но все это выходило очень бледно и слабо перед натиском новых общественных классов. Между тем, эти последние, не удовлетворившись Казанью, начинают требовать наступательной политики и в других направлениях, в направлении западном. Захватив нижний конец большого водного пути, связывающего Западную Европу и Среднюю Азию, через Волгу и Каспийское море, торговый капитал, опираясь на помещиков, начинает отвоевывать верхний конец этого пути — выход к Балтийскому морю. С этим связана большая война, которую вел Иван Васильевич Грозный, внук того Ивана Васильевича, который поработил Новгород, так называемая Ливонская война из-за Балтийского побережья.

Но захватить Казань и Астрахань, которые находились в руках остатков татарской орды, в это время совершенно разложившейся и ослабевшей, было сравнительно легко, тогда как на берегах Балтийского моря Московское царство встретилось с сильными воинствен-

ными державами, которые были гораздо образованнее тогдашней России, — с Польшей и Швецией. Ливонская война прошла неудачно, и в этой неудаче помещики и богатое купечество обвинили прежде всего, конечно, бояр. Военное поражение они приписывали боярской измене. В отдельных случаях отчасти этот взгляд оправдывался. Один видный боярин, главнокомандующий московскими войсками в Ливонии, князь Курбский, действительно, перешел на сторону неприятеля. Неудачная война окончательно лишила помещиков надежды расширить свою землю путем внешних завоеваний. Им некуда было податься, нечего было больше захватить, кроме старых боярских вотчин внутри самого Московского царства; в то же время и торговый капитал был крайне раздражен неудачной войной, которую он тоже приписывал боярской измене или, по крайней мере, боярской трусости и неумелости.

В 1564 году помещики вместе с богатым купечеством и произвели государственный переворот. Они захватили власть, а на боярство, за его, якобы, измену, обрушились жестоким террором. Целые боярские семьи были беспощадно истреблены, а земли были конфискованы и отданы в «опричину». «Опричиной», «двором», называлась та новая форма государственного управления, которую создавали помещики; суть ее была в том, что теперь управлял, на словах, лично царь, а не царь с боярской думой, как раньше. Боярская дума сохранилась, но она потеряла всякое значение. Господство дворянства и купечества выразилось, таким образом, в диктатуре, в огромном усилении царской власти. Террор не ограничивался боярством, он распространился на целый ряд других общественных групп, связанных со старым порядком (церковь, монастыри, остатки новгородского торгового капитализма и т. д.), крепко засел в народной памяти и дал повод прозвать царствовавшего тогда Ивана Васильевича Грозным. Это, конечно, не значит, что Иван лично был особенно жестоким человеком и что он лично много значил в перевороте. Борьба шла не между отдельными людьми, а между классами. Но любопытно, что Иван Грозный принимал в борьбе значительное участие и принадлежал даже к числу публицистов, которые тогда выступали. В своих писаниях, письмах к бежавшему за границу Курбскому, он по-своему пытается оправдать террор и доказать необходимость переворота.

———

Р. Виппер.

167. Нидерландская революция.

Важнейшей составной частью империи Карла были Нидерланды (нынешняя Голландия, Бельгия и северо-западная Франция), состоявшие из 17 провинций весьма различного характера и устройства. Император извлекал из соединенных провинций в 8—9 раз больше дохода, чем из Америки; по словам венецианского дипломата, «там истинные сокровища и рудники, там настоящая Индия». В свою очередь нидерландцы пользовались при Карле всеми выгодами соединения с Германией; империя служила большим рынком для произведений фламандской индустрии. При Филиппе II положение изменилось: страна оказалась в тесной связи с отдаленной, чуждой ей, Испанией. Вместе с тем для городской промышленности самой населенной из нидерланских

областей Фландрии наступил кризис, благодаря тому, что фламандские тонкие шерстяные материи стали вытеснять английское сукно. В городах, вследствие сокращения сбыта, возникло недовольство: многие приводили упадок дел в связь с появлением новых господ страны, испанцев.

Филипп II на первых порах сохранил в Нидерландах порядки Карла V, но, удалившись сам в Испанию, оставил управление своей сестре, Маргарите Пармской, духовником которой одно время был Лойола. В государственном совете, окружавшем правительницу, сидели крупные нидерландские сеньоры, между прочим Эгмонт, один из выдающихся генералов в войне с Францией, и Вильгельм Оранский, имевший владения в Германии. Но в действительности делами руководил тайный совет, во главе которого находился иностранец, кардинал Гранвелль; это было первым нарушением нидерландских вольностей; Филипп II стал их далее нарушать своими церковными мерами, направленными к истреблению ереси.

В Нидерландах распространились, главным образом, воинственные и крайние формы протестантизма, враждебные католической пышной обрядности; сюда направлялись проповедники кальвинизма из Женевы и переходили анабаптисты из Германии. В деревнях массы народа сходились по несколько тысяч на открытых местах; вход загораживался повозками и срубленными деревьями; в середине становился на возвышение проповедник, ближе к нему женщины, дети, безоружные; снаружи большим кольцом помещались вооруженные и всадники на случай защиты от нападений; народ пел псалмы и приходил в восторженное состояние. Испанский король увеличил число епископов, назначил на высшие духовные места испанцев и приготовился ввести в стране испанскую инквизицию. Судьи по духовным делам стали раз'езжать по стране и присуждать к сожжению всех, кто читал библию и отказывался итти на католическую обедню.

Испанская администрация вызвала сильное недовольство в Нидерландах. Аристократы отправили Эгмонта в Мадрид, чтобы представить королю вред инквизиции. Мелкие дворяне составили «святую конфедерацию и союз», обязавшись взаимной клятвой искоренять инквизицию, составляющую «причину всех беспорядков и несправедливостей». В составе нескольких сот они отправились к правительнице, чтобы подать ей прошение об отмене религиозных указов и созвании генеральных штатов, к которым не обращались уже в течение десяти лет. На большом банкете, происходившем несколько дней спустя, дворяне составили «союз нищих» (по-французски «гёзов»), принявши в качестве имени партии обидную кличку, которую давали разорившимся рыцарям. В городах Фландрии и Голландии началось грозное движение. Большие толпы вторгались в католические церкви и разбивали «знаки идолопоклонства», алтари, статуи, иконы, и украшения. В Антверпене народ уничтожил все предметы, связанные с культом богоматери (1566).

Филипп решил применить в Нидерландах беспощадную строгость и отправил кастильца, герцога Альбу, с испанским войском. Согласно с понятиями своего государя Альба держался того взгляда, что восстановление единой католической веры — первое условие политического порядка. Тотчас же по прибытии в Брюссель Альба учредил «совет о беспорядках», т.-е. исключительный суд для преследования ереси. В короткое время испанские инквизиторы, заседавшие в нем,

арестовали и присудили к смерти огромное количество людей. В числе казненных были крупные сеньоры, между ними верный католичеству Эгмонт; Вильгельм Оранский успел бежать в Германию. Альба приступил затем к установлению испанской системы податей для поддержания в стране испанского войска и администрации: он ввел алкабалу, т.-е. сбор десяти процентов со всякой продажи товара и пяти с продажи или передачи недвижимости.

Испанский налог лег невыносимым бременем на торговлю Нидерландов. Множество людей, разоренных или притесняемых за веру, бежало из страны; частью они бросились на родную стихию нидерландцев — море и обратились в пиратов. Эти «морские гёзы» захватили несколько прибрежных мест и оттуда жестоко обрушивались на католиков, одинаково как испанцев, так и своих единоплеменников. В то время, как гезы тревожили Альбу партизанской войной, Вильгельм Оранский стал вербовать в Германии и во Франции наемные отряды и отправлять их один за другим против испанцев. Он принял теперь протестантизм; его целью было вооружить всех недовольных и соединить их в защите нидерландских вольностей. Одна из северных приморских областей, Голландия, поднялась открыто против управления Альбы; ее областные штаты сошлись самостоятельно и провозгласили своим наместником Вильгельма Оранского. Скоро стали присоединяться другие северные области; Вильгельму поручили главное начальство над морскими и сухопутными силами против Альбы.

Альба везде одерживал победы и усилил террор до последней степени. Но северные города не сдавались. Два раза испанские войска безуспешно осаждали важный по своему положению Лейден. Когда в городе стали истощаться все средства, штаты (т.-е. сейм) Голландии распорядились прорвать плотины со стороны моря и открыть шлюзы, защищавшие страну от затопления: флот гёзов подвез припасы голодающим горожанам, а испанцы бежали от наводнения. Когда король отозвал Альбу, следовавшие за ним наместники один за другим стали указывать на необходимость уступок нидерландцам и восстановления их вольностей. Король ни на что не соглашался, а между тем положение становилось все хуже. Испанские войска возмутились против своих начальников, когда им перестали платить жалованье; они двинулись из города в город, грабя и избивая население. Особенно обрушилась «испанская фурия» (бешенство) на Антверпен. Здесь не пощадили ни чужих торговцев, ни католических церквей: в один день избили испанцы до 8.000 граждан и сожгли до 500 домов. Богатейший город представлял после этого одни развалины. В течение нескольких десятилетий Антверпен не мог оправиться: его торговля упала, капиталы ушли из него, всемирные ярмарки окончились. Разграбление Антверпена повело к мятежу в южных, бельгийских, городах. В Брюсселе граждане взялись за оружие и призвали Вильгельма Оранского. Выборные от всех 17 областей сошлись на генеральные штаты в Генте (во Фландрии) и образовали общенидерландский союз (в 1576 г.); постановлено было требовать отмены указов о вероисповедании, прощения всем восставшим, удаления испанских чиновников и войска, правильного созыва генеральных штатов.

Союз всех нидерландских областей, однако, в свою очередь был весьма непрочен. В южных областях, особенно валлонских (французских по языку), сильно было католичество. На сторону короля стало переходить дворянство, привлекаемое пенсиями, отличиями, служ-

бой. В виду этого семь северных областей, с Голландией во главе, более чуждые Испании, чем бельгийский юг, наполовину принявшие протестантизм, заключили между собою особый союз для защиты, так называемую Унию в Утрехте (1579). Союзники положили, сохраняя все вольности, и самоуправление областей и городов, обороняться на общие средства; об'явление войны и заключение мира, взимание податей на военные цели должны зависеть от единогласного решения всех областей; об'являлась свобода исповедания.

———

А. Конрадин.

168. Голландская торговая республика.

Признание нидерландских колоний и торговли — таково было, наряду с блокадой Шельды, второе главное условие для мира между Нидерландами и Испанией. В 1648 г. Испания оказалась до того истощенной, что пошла на эти условия. Мюнстерский мир формально признал за семью провинциями завоеванное ими силою оружия положение молодой мировой державы, первого крупного буржуазного государства в современной Европе. Монархическая Европа дала свое благословение детищу революции, первые свои шаги начавшему в 1572 г. с высадки морских гёзов; окончательный результат — республика, но республика своеобразная. Если республика означает свободное государство, то в Нидерландах не очень много было заметно свободы для массы народа, по крайней мере политической свободы. Свобода мнений, печати и слова была здесь более или менее обеспечена, и это отличало торговую республику от большей части остальной Европы, так что Амстердам восхваляется Шиллером как «почти единственное прибежище для всех убеждений». Насколько религиозная свобода признавалась обязательным условием экономического процветания, лучше всего свидетельствуют сочинения виднейшего в средине XVII века нидерландского писателя по экономическим вопросам, Питера де-ла-Курта. Его сочинения служат убедительным подтверждением тех положений «Коммунистического манифеста», что при буржуазных условиях производства под свободой понимается свободная торговля, свободная купля и продажа, и что идея свободы совести лишь выражает собою господство свободной конкуренции в области знания и науки. Эта свобода в буржуазном смысле составляет альфу и омегу де-ла-Курта. Он выступает певцом свободной игры сил во всех областях. Он одинаково ничего не хочет знать как о цеховом научном промысле профессорской гильдии в университете своего родного города, Лейдена, так и о пережитках корпоративной замкнутости в торговле и промышленности, которая стесняла его самого, ибо он был суконным фабрикантом и вел торговлю сукнами. Он был и против гильдий и против привилегированных торговых компаний. Весь этот средневековой хлам должен быть сметен в интересах экономического прогресса, должна быть установлена полная свобода торговли и промыслов.

Отстаивая эти взгляды, де-ла-Курт отнюдь не опережал всей массы своих земляков и современников; доказательством того, что широкие круги были к ним восприимчивы, служит уже интимная близость де-ла-Курта к руководителю республики после Мюнстерского мира — де-Витту. Председатель совета Голландии написал несколько

дополнительных глав к сочинению де-ла-Курта «Интересы Голландии», дав их напечатать как своего рода программное произведение республиканского правительства. Правда, цеховые элементы были еще достаточно сильны, чтобы не допускать последовательного осуществления идей де-ла-Курта о буржуазной свободе. Что же касается привилегированных торговых компаний, то Ост-Индская Компания во времена де-ла-Курта твердо стояла на ногах со своей монополией азиатской торговли. Вначале, конечно, на нее сильно нападали, видя в ней нарушение буржуазных принципов свободы торговли и равенства перед законом, но эти нападки легко отражались указанием, что всякий имеет право приобрести свободно обращающиеся акции компании. В начале XVII столетия и знаменитейший теоретик государственного права Нидерландской республики, Гуго Гроций (1583—1645 г.г.), выступил защитником свободы торговли в своем сочинении о свободе морей, которое теоретически обосновывало нидерландские притязания на свободные торговые сношения в противовес испано-португальским домогательствам монополии на заокеанскую торговлю. Конечно, с его теориями весьма плохо согласовалась нидерландская практика с ее подавлением иностранной конкуренции и даже блокадой Шельды. Но это отнюдь не умаляет значения Гроция как революционного в буржуазном смысле мыслителя. Таковым он особенно является в своем знаменитом сочинении о праве войны и мира (1625 г.). Здесь буржуазная идеология уже срывает с себя теологическую оболочку, в которую она была окутана еще в начале нидерландского переворота. Гроций исходит из естественного права, из естественной свободы и равенства людей. И затем он отстаивает здесь впервые то учение, которое в дальнейшей истории буржуазных революций играет такую большую роль: учение о государственном договоре. Это учение очерчено у несклонного к демократии и демократическим движениям Гроция в очень умеренной форме, но это не умаляет его революционного значения. В противовес абсолютистскому учению о божественном праве верховной власти выдвигается идея о происхождении государства в силу первоначального договора между обладающими равными правами людьми — договора, который налагает обязательства и на правительство и при известных условиях может быть расторгнут.

Одно то обстоятельство, что эта буржуазная теория государственного права впервые была возвещена в Голландии, позволяет должным образом оценить громадное значение нидерландского переворота. Непосредственное воздействие революции на общественные отношения полнее всего сказалось в области аграрных отношений; освобождение крестьян было проведено почти полностью. Как справедливо отмечает уже Ласпейр в своей прекрасной книге об экономических воззрениях нидерландцев во время республики (1863 г.), «республика во всяком случае больше всего содействовала развитию земледелия тем, что уже в XVII столетии уничтожила крестьянскую барщину там, где освобождение от испанского ига не явилось, вместе с тем, освобождением от ига помещиков. В этом отношении нидерландцы значительно опередили все другие народы . . .» На другую важную реформу в аграрных отношениях, выгодно отличавшую буржуазную республику от остальной Европы, указывает уже Адам Смит, а именно, на связанное с кальвинизмом уничтожение десятин, уплачивавшихся натурой и столь вредных для развития сельского хозяйства. Крестьянство, в общем, стало пользоваться известным благосостоянием, изображение чего мы

видим на картинах великих нидерландских мастеров. Что рядом с наукой, могущей назвать такие имена, как Гроций и великий философ Спиноза, пышный расцвет переживало в республике и искусство, — это, несомненно, самое лучшее, что можно сказать в пользу буржуазной республики. Вообще, во многих отношениях она выгодно отличалась от соседних стран, как, например, Германии и Франции. А если сравнивать с кровавым безумием абсолютистского режима, при котором в конце концов под вопросом оказывается всякая возможность человеческого существования, то представляется несомненным значительный прогресс к лучшему в Нидерландах. Но за этими светлыми сторонами скрывается и не мало темных сторон. Как во вне, так и внутри страны на-лицо было своекорыстное всемогущество замкнутого круга денежных людей, высшей заповедью которых являлся барыш. Достаточно беглого ознакомления с финансами республики, чтобы сразу получить представление о ее классовом характере. Государственные доходы в большей своей части получались от «акцизов», или косвенных налогов на всевозможные предметы массового потребления, не исключая и самых необходимых продовольственных продуктов. До какой утонченности была разработана эта система в первую очередь в задающей тон провинции Голландии уже в середине XVII столетия, показывает замечание того времени, что в одном лишь блюде рыбы, появляющемся за столом голландца, содержится 30 различных налогов.

На покрытие чрезвычайных расходов, вызывающихся войной, вносили свою долю и денежные мешки голландских капиталистов, — но приносились эти деньги на алтарь отечества не в виде добровольного дара, а взаймы, с оплатою процентами. Долги провинции Голландии доходили ко времени заключения мира до 150 миллионов гульденов; оплата процентов по этим займам требовала ежегодно 6½ миллионов флоринов, собираемых при помощи косвенных налогов. Таким образом, богатые патриоты сумели так устроить, чтобы бесконечная война, которую республика вела ради их торговых интересов, оплачивалась народом.

То была плутократия чистейшей воды, ибо в течение войны у народа была совершенно отнята всякая возможность законным путем воздействовать на ход общественных дел. Генеральные штаты в Гааге, в руках которых находилось национальное правительство, отнюдь не являлись выборным народным представительством — это было собрание делегатов отдельных провинций, из которых каждая имела в Гааге по одному голосу. Делегаты избирались провинциальными штатами, которые в большинстве провинций состояли из депутатов городов и отдельных представителей дворянства. Но в нидерландских городах вся власть находилась в руках крупной буржуазии, которая сама выбирала себя в городской совет; выборы в совет всеми жителями города бывали лишь в результате победоносных народных движений. Масса населения до того была лишена всякого законного влияния, что, например, в провинции Голландии, под дудку которой почти всегда плясали Генеральные Штаты, так как она была богаче всех и одна вносила три пятых общего сбора в национальную казну, из 1.200.000 жителей только около двух тысяч обладали политическими правами. До такого господства денежного мешка дело дошло лишь во время войны, в начале которой массы в городах еще обладали некоторыми гражданскими правами.

169. Англия и Нидерланды.

Главное различие в экономической структуре обеих стран один видный писатель по экономическим вопросам еще в первой половине XVIII столетия видел в том, что Англия отличается преимущественно аграрным, а Голландия, напротив, городским характером: «Великобритания, — пишет Джон Смит в своих «Заметках о шерсти», — отличается от Голландии, как арендатор в деревне отличается от лавочника в Лондоне». Это уже не в такой мере относилось к тому времени, когда писал Смит, как к первой половине XVII столетия. Действительно, в то время в Англии преобладало сельское население, а в Нидерландах уже городские элементы. И таково было здесь положение вещей уже во второй половине XVI столетия. Мы знаем, что в семнадцати провинциях Нидерландов, взятых вместе, перед восстанием уже более половины населения жило торговлей и промышленностью, тогда как в Англии еще в конце XVII столетия, вскоре после окончания революции, по меньшей мере три четверти населения были заняты в сельском хозяйстве. В начале XVII столетия самое большее пятая часть англичан жила в городах. В числе последних, правда, был один — столица Лондон — по числу жителей уже до 1648 г. превосходивший Амстердам. Уже вскоре после 1600 г. Лондон должен был насчитывать свыше 200.000 жителей, ибо уже в 1590 г. он имел свыше 160.000 «душ» и с тех пор быстро развивался.

Это, разумеется, позволяет предполагать развитие торговли и промышленности как в Лондоне, так и во всей Англии. Но не следует это различие преувеличивать. Правда, итальянский очевидец на исходе XVI столетия говорит, что гражданская война во Франции и в Нидерландах еще увеличила богатство Англии, «и Лондон сделался мировым рынком». Это легко может вести к неправильным выводам. Средневековой мировой гаванью того времени являлся собственно Амстердам, за которым Лондон поспевал лишь медленно. Еще в 1641 г. Джон Эвелин, возвращаясь из Лондона в Амстердам, пишет в своем дневнике об этой нидерландской гавани: «Поразительно наблюдать громадное количество судов, которые постоянно бросают якорь у этого города, бесспорно являющегося ныне самым оживленным на всем земном шаре средоточием смертных и более всего занятым торговлей». Экономическое превосходство Амстердама и Нидерландов явствует уже из того, что в Лондоне и Англии лелеяли мысль занять место Амстердама. Английские экономисты периода до революции и ее начала исполнены идеи, что можно и должно заимствовать у Голландии правила, следуя которым Англия может достичь великой цели стать средоточием мировой торговли, всеобщим товарным складом всего мира. В Голландии усматривали, таким образом, конкурента, которого надо догнать, перегнать и вытеснить. Точно также и по другую сторону канала опасались возвышения Англии.

Уже до английской революции с обеих сторон проявлялось чувство зависти конкурентов, в особенности в отношениях между Нидерландско-Ост-Индской и основанной в 1600 г. английской Ост-Индской компаниями: между прочим, в 1623 г. в Амбоине на Молуккских островах голландский гарнизон перерезал англичан, которые вели там по

поручению своей компании торговлю. В Англии с завистью смотрели на расцвет голландской текстильной промышленности и голландских красилен, в которых в массовых количествах окрашивались английские сукна. При Якове I был воспрещен вывоз из Англии неокрашенных сукон. Генеральные штаты ответили запрещением ввоза окрашенных сукон из Англии в Голландию, и английское правительство отменой своего запрещения вывоза вынуждено было, в конце концев, признать, что в экономическом отношении Нидерланды являются еще сильнейшей страной. Затем по обеим сторонам канала подвергся обсуждению вопрос, может ли государство осуществлять суверенные права в примыкающих к нему частях моря; в Англии носились с мыслью воспретить нидерландцам рыбную ловлю в британских водах. С завистью и удивлением в одно и то же время следила прогрессивная, стремящаяся вперед, часть имущих классов Англии за быстрым под'емом свободных Нидерландов. Для английских денежных людей они являлись, употребляя выражение Маркса, «образцовой капиталистической страной». И Нидерланды служили образцом не только в экономическом отношении, но и в политическом; указывалось также и на то, что расцвет Голландии явился результатом восстания против испанского абсолютизма. Уже современник английской революции, философ Гоббс, в числе причин великого переворота называет зависть к Голландии: «Лондон и другие торговые города удивлялись большому под'ему Нидерландов после их возмущения против их монарха и были склонны думать, что такая же смена правительства здесь вызовет такой же под'ем».

———

Н. Рожков.

170. Абсолютизм в Англии и его противники.

Дворянство и английское духовенство, составлявшее со времени реформации и секуляризации подчиненную по отношению к дворянству социальную силу, господствовали в стране, стояли у власти. Буржуазия росла и укреплялась: население городов составляло уже около 18% всего населения страны. Пока еще медленно, но неуклонно совершался процесс обезземеления крестьянства, таяния класса иоменов, посредством огораживаний — принудительных, насильственных и формально обоснованных законными сделками.

Стюарты — Яков I и Карл I — были яркими представителями дворянского самодержавия в Англии. На три основных государственных учреждения опирались эти абсолютные монархи в своей политике: на королевский тайный совет, состоявший из министров и высших сановников по назначению короля, на министерство и на известную уже нам по истории XVI в. Звездную палату, — отделение королевского суда по уголовным делам, главным образом, по делам о мятежах и нарушении мира и спокойствия.

Еще в 1585 г. Звездная палата установила цензуру в Англии. Желая подчинить себе судей, формально несменяемых, Яков I и Карл I ввели в систему временные поручения по судебным делам, назначение исполняющих должность судей вместо постоянных полномочий. Вместо парламентских актов издавались королевские прокламации, по примеру Тюдоров, и этим прокламациям придавалась сила закона. На-

конец, короли узурпировали себе право брать налоги, по крайней мере некоторые, (напр., корабельную подать при Карле I, таможенные пошлины при обоих первых Стюартах, собиравшиеся королями без парламента, на том основании, что они назначаются на расходы по военному делу и внешней политике, т.-е. на дела, составляющие прерогативу королевской власти). Ближайшим помощником Якова I в его политике был герцог Бекингем, тип нового дворянина, в министерстве которого принимал участие и Бэкон, а первым министром Карла I был Вентворт граф Страффорд.

Партию феодальной реакции, аристократической олигархии, представляли собою в Англии XVII в. католики. Они поэтому подверглись особым преследованиям правительства, главным образом после «порохового заговора», попытки взорвать короля и парламент, в 1605 г. Но против королевской власти постепенно все усиливалась буржуазная и крестьянская оппозиция, выразившаяся отчасти в парламентских протестах против самодержавных действий короля, главным же образом — в сектантском движении.

Важнейшим из парламентских протестов, выражавших новую буржуазную политическую идеологию, была так называемая «петиция о праве», поданная Карлу I парламентом 1628 года. Здесь выражено было требование, чтобы налоги не собирались без разрешения парламента и чтобы никто не подвергался наказанию и аресту без законного суда, суда присяжных.

Этой буржуазной политической идеологии, выдвигавшей на первый план волю и власть народа, выраженную в парламенте, противополагалась абсолютистская идеология, выводившая королевское самодержавие из божественного авторитета. Сам Яков I обосновывал эту точку зрения в своем политическом сочинении под заглавием «Истинный закон свободной монархии». Но главным теоретиком абсолютизма на теологической основе с утверждением, что уже Адам был неограниченным властелином, был в первой половине XVII в. (1604—1647) баронет, дворянин-абсолютист Фильмер в сочинении «Патриарх, или естественная власть королей».

———

Н. Рожков.

171. Классы и партии в эпоху английской революции.

Слагавшаяся, главным образом сельско-хозяйственная, отчасти и торговая и промышленная, буржуазия не могла терпеть королевское самодержавие и бюрократический произвол учреждений, вроде Звездной палаты, тем более, что, как нам уже известно, и абсолютизм и служившая его орудием бюрократия ударяли буржуазию по самому чувствительному месту — по карману, устанавливая и собирая произвольные поборы без разрешения парламента. Отсюда и вышла та борьба парламента с королями и их советом, т.-е. министрами, которая тянулась все время царствований Якова I и Карла I. Основные пункты этой борьбы нам известны: парламент настаивал на своем исключительном праве разрешать сбор налогов — прямых и косвенных, настаивал на прекращении незаконных поборов и, не имея права подвергать политической ответственности перед собой королевских советников-министров, старался — и нередко успевал в этом — под

вергнуть их уголовной ответственности за уголовные деяния, особенно за мздоимство и лихоимство. Особое внимание возвышавшейся буржуазии привлекали также епископы, их земельные богатства главным образом, и поддержка епископским авторитетом королевского самодержавия.

По всем этим причинам большинство купцов и промышленников Англии были пресвитерианами, сторонниками уничтожения епископского сана и выбора священников или пресвитеров прихожанами; управление церковью должно было, по мнению пресвитериан, принадлежать синоду пресвитеров. Это было несомненным шагом к демократизации церковного устройства. Пресвитериане были, однако, сторонниками конституционной монархии. Их идеологом был Прайн.

Но в среде новой сельско-хозяйственной буржуазии была передовая группа, которая, не удовлетворяясь пресвитерианством, шла в своем протесте дальше: то было мелкое дворянство, джентри. Его недовольство возбуждали и епископы с их властью и землями, и король, и бюрократия с их поборами, но также и остатки феодальных прав у крупного дворянства, и торговые привилегии и монополии крупной буржуазии, часто ею покупавшиеся у королей. Порядки, существовавшие в Англии первой половины XVII в., так угнетали многих сквайров (так назывались мелкие дворяне, принадлежавшие к составу джентри), что многие из них, в том числе Оливер Кромвель, думали одно время об эмиграции в американские колонии; некоторыми она и была осуществлена. Идейным выражением интересов сквайров или джентри было более крайнее течение среди пуритан, чем пресвитериане, — именно индепендеитство, настаивавшее на полной свободе каждого веровать сообразно велениям его совести. Но мелкие дворяне составляли только одну из групп индепендентов — они были так называемыми индепендентами-джентльменами, сторонниками расширения избирательных прав, но сохранения ценза, главным образом земельного, для участия в выборах. В то же время они требовали сильного правительства и очень сильно боялись анархии. К ним примыкали также зажиточные иомены (крестьяне-собственники) и хозяева ремесленных мастерских, многочисленных тогда в Англии. Из джентри, иоменов и ремесленных мастеров и состояло потом войско Долгого парламента, предводительствуемое Фэрфаксом и Кромвелем. Теоретиком индепендентов-джентльменов был Броун.

Но еще больше протеста и старый порядок и сама нарождающаяся вновь буржуазия встречали в среде мелкобуржуазной интеллигенции, бедного крестьянства, мелких арендаторов и, наконец, появившегося и возраставшего количественно пролетариата. Эти общественные элементы составили еще более левую группу индепендентов-левеллеров, т.-е. «уравнителей», сторонников республиканской демократии, всеобщего избирательного права, годичного парламента, подоходного налога и равенства имуществ, умеренного для всех достатка при сохранении, однако, права частной собственности. Вождем этой группы в революции был Лильберн.

Наконец, среди той же мелкобуржуазной интеллигенции, к которой примыкала и часть пролетариата, возникло еще крайнее левое, атеистическое и социалистическое течение, идеологами которого явились материалист Овертон, атеист и коммунист Вальвин, сторонник национализации коронных и церковных земель Чемберлэн, в особенности же Эверард и Винстэнли, бывшие и практическими руководите-

лями этой небольшой группы, известной под названием даггеров (копателей). Винстэнли изложил свою теорию в сочинении под заглавием «Закон свободы». Это — характерная социалистическая утопия времен буржуазно-демократической революции. Винстэнли высказывается в ней против торговли, за общность земли и всех средств продовольствия и предметов, необходимых для жизни, за обязательный для всех труд до 40-летнего возраста. Но Винстэнли были свойственны и некоторые новые идеи, по сравнению с Мором: он, подобно Эвгемеру, труд которого ему остался неизвестен, предполагал сохранить мелкое производство, подчинив его только планомерной организации хозяйства; все мелкие производители должны свозить свои продукты в общественные магазины, откуда они распределяются между потребителями; характерно и ново также у Винстэнли индивидуальное потребление: дом и обстановка, по его мнению, должны составлять собственность семьи. Винстэнли настаивает также на всеобщем обучении и на демократических выборах администрации социалистического государства, что также является большой новостью, сравнительно с утопиями более раннего периода, эпохи старого порядка или дворянской революции. Наконец, отличительной чертой социалистической утопии Винстэнли является атеизм: «сверхчувственное учение», религия, безусловно отвергается; оно отупляет массу и служит в руках господ положения орудием обмана... Само собой разумеется, что партии окончательно сложились уже в ходе революции.

Р. Виппер.

172. Пуритане.

Рядом с придворным и столичным увлечением театром при Елизавете, в Англии началось суровое религиозное движение. Между священниками стали появляться ревнители, отчасти ученики Женевы, которые, по собственному побуждению или желанию прихожан, изгоняли церемонии, заменяли пеструю католическую одежду черным плащом ученого, вместо алтаря ставили посередине церкви непокрытый стол и запрещали склонять голову при произнесении имени Христа. Такое опрощение, или очищение, религии дало им основание называться пуританами. Английская церковь в глазах пуритан полна язычества и раболепства; светская власть не должна господствовать над служителями божьими, Христос — единый глава церкви. Осуждая веселые, шумливые праздники, пуритане превратили воскресенье в подобие иудейской субботы, с обязательным сиденьем дома, неподвижной монотонностью и чтением Писания. Библия заполняет все понятия пуритан и притом, главным образом, Ветхий завет, с его неумолимым законом, с грозными обличениями проповедников, выступающих перед лицом царей, с картинами истребительного мщения божия.

В среде пуритан заметны были два направления, соответствующие германским партиям умеренных и анабаптистов. Умеренные, как верные последователи Кальвина, составляли пресвитерианскую церковь, вполне сложившуюся в Шотландии (ее название от светских выборных старейшин, пресвитеров, управляющих вместе с проповедниками приходом). Крайние признавали лишь такое устройство, при котором все отдельные церковные общины совершенно независимы

(отсюда название крайних—индепенденты). Притом общины должны иметь демократическое устройство: авторитет священников и старейшин не нужен, так как составляет тиранию; все члены общины должны быть равны, и в сущности всякий может быть священником, потому что проповедь и толкование слова божия — дело вдохновения, непосредственной области Христа, открывающего истину тому, кто ее жаждет и кто чист духом. У крайних пуритан проповедь приняла характер свободной речи, богослужение составляло лишь общее собрание для пения псалмов и совместного чтения Библии.

Пуритане сделались заметной силой в стране при преемнике Елизаветы, короле Якове, сыне казненной Марии Шотландской, начавшем собою династию Стюартов (вся династия Стюартов 1603—1688 г.г.). Яков (Джемс) I вырос в маленькой стране, где, в сущности, власть его была ничтожна: со времени грозного Покса, ученика Кальвина, основателя шотландской церкви, пресвитерианские священники привыкли резко критиковать светских правителей. Но именно у Якова сложились огромные притязания, которые он любил излагать сам в ученых сочинениях, речах и манифестах...

Сильную опору своим стремлениям Яков находил в епископах англиканской церкви; с самого начала правления его в Англии пуританских священников стали преследовать и многих лишили мест. До тех пор державшиеся вдалеке от политики, английские пуритане становятся все более и более враждебными правящей династии; проникая в парламент, они образуют там грозную оппозицию, выдвигающую в качестве орудия борьбы с монархией старинные, унаследованные вольности страны.

———

Р. Виппер.

173. Великая английская революция.

Королевская система рухнула в 1640 г. вследствие восстания шотландцев. Карл I и Лоуд пытались ввести строгую епископальную церковь с католическими чертами в Шотландии, где вполне утвердилось пресвитерианство еще за 70 лет до того. Шотландцы составили ковенант, то-есть договор о сопротивлении королю и официальной церкви; войско шотландских мятежников заняло север Англии, а у Карла не было денег, чтобы бороться с ними. Тогда пришлось обратиться снова к парламенту.

В ноябре 1640 г. собрался самый знаменитый в истории Англии парламент, так называемый Долгий (он не расходился более 12 лет). Перед выборами, признанный глава оппозиции, т.-е. противников неограниченной королевской власти, Джон Пим, об'ехал почти всю Англию, развивая основные идеи своей партии и вербуя сторонников. Первым делом парламента было опрокинуть орудия абсолютной монархии. Он уничтожил Звездную палату (суд по делам измены королю) и Высокую комиссию, об'явил незаконной корабельную подать и запретил производить какие-либо сборы без согласия парламента, признал неправильным решением по делу Гемпдена, освободил из тюрьмы пуританских проповедников и писателей. Общественное раздражение сосредоточилось на Страффорде. Парламент призвал его на свой суд; но обвинить министра в государственной измене не удалось, и парла-

мент издал особый закон, об'явивший Страффорда вне защиты права. Король выдал своего министра, и он был казнен. Карл I делал одну уступку за другой: он согласился отменить епископальную церковь в Шотландии и признал, что парламент независим от королевского призыва или распущения.

До этой минуты парламент действовал единодушно; но теперь в нем произошло разделение. Большинство, с Пимом во главе, решило представить королю «Великую ремонстрацию», с изложением основной политической реформы; они настаивали: 1) на передаче верховенства в церковных делах парламенту вместо короля, или, другими словами, на введение пресвитерианского строя; 2) на установлении ответственности короля перед парламентом. Меньшинство, хотя и же-

Англия в начале революции.
1 — области, ставшие за парламент.
2 — области, ставшие за короля.

лало ограничения господства короля, но не допускало передачи власти парламенту. Карл I не сумел сблизиться с партией умеренных и задумал насильственный переворот. Появившись с большой свитой в Нижней палате, король потребовал выдачи пятерых депутатов, между ними Пима и Гемпдена, обвиняя их в измене. Но их не оказалось в зале: они были предупреждены об опасности. При выходе короля раздались крики: «привилегия, привилегия» (так называлась издавна установленная неприкосновенность парламентских членов). Заволновался огромный Лондон; старая торговая часть его, Сити, скрыла пятерых и об'явила себя в пользу парламента. Они с торжеством вернулись в палату, а король, в виду враждебного отношения столицы, покинул ее (1642 г.).

Король и парламент были в открытом разладе; обе стороны начали собирать войска. Население Англии разделилось между ними приблизительно поровну. Аристократия большею частью стала на сторону короля; к нему устремились провинциальные дворяне из своих замков. Некоторая часть дворянства, граждане, торгово-промышлен-

ное население, иомены (мелкие землевладельцы) были за парламент. Очень ясно обнаружилось религиозное разделение: в то время как католики и англиканцы держались за короля, пресвитериане и более крайние сектанты были на стороне парламента. Враги дали друг другу клички «кавалеров» (придворных) и «круглоголовых» (опрощенных, так как пуритане восставали против модных костюмов и ношения локонов).

Вначале король пользовался большим военным успехом: в его войске имелись офицеры и солдаты, побывавшие в школе Тридцатилетней войны. Два обстоятельства изменили дело в пользу парламента: Пим заключил соглашение с шотландскими пресвитерианами; в Англии парламент ввел то же самое устройство, как в Шотландии, и уничтожил епископат; еще важнее было вступление в парламентское войско крайних пуритан, так называемых индепендентов. В среде последних сложилось понятие «о новом образе жизни»; они считали решительную войну путем к торжеству истинного порядка и чистого богопознания на земле. Небогатый помещик Оливер Кромвель, едва не уехавший в Америку во время беспарламентского правления Карла, составил теперь кавалерийский отряд из сектантов своей округи, большею частью иоменов, арендаторов, ремесленников и мелких торговцев, все людей, начитанных в Библии, с сознанием своего достоинства и самостоятельным взглядом на вещи. Когда этот отряд «железнобоких» помог одержать первую победу над королем, Кромвель предложил парламенту преобразовать всю армию, допустив в нее индепендентов и взяв ее на жалованье. Новая армия разбила королевские войска, и Карл бежал к шотландцам.

Умеренные сторонники парламента и пресвитериане оказались теперь лицом к лицу с настоящими победителями, индепендентами, которые склонялись к республике и свободе совести. Между пресвитерианами и индепендентами открылась такая же вражда, как раньше между сторонниками англиканства и пуританами, при чем пресвитериане проявили не меньшую нетерпимость, чем епископальная церковь.

Между тем, шотландцы выдали короля парламенту. Когда пресвитериане, поддерживаемые населением Лондона, задумали распустить одну часть индепендентской армии, а другую отправить под начальством пресвитерианских генералов для подавления восстания в Ирландии, вооруженные сектанты, считавшие революцию незаконченной, воспротивились. В среде солдат выработалась организация, независимая от военной дисциплины: они сходились на правильные собрания, открывавшиеся молитвой, выбирали представителей, так называемых агитаторов, которые составляли как бы солдатский парламент, и вели переговоры с вождями. Солдаты распорядились отнять короля у парламента и взять под собственный арест. В стране началась новая междуусобная война: шотландские пресвитериане вступили в Англию на защиту короля, к ним присоединились все, кто был недоволен господством армии и тяжелыми налогами, взимавшимися для ее содержания.

Во второй гражданской войне армия опять одолела. Вступив в Лондон, солдаты потребовали от своих вождей решительных мер; в заседание парламента явился полковник с отрядом и «очистил» его от просвитериан; осталось меньшинство, державшееся республиканских взглядов и индепендентства. Войско поставило далее требование, чтобы короля судили за измену перед народом. Лорды верхней

палаты высказались против суда, но палата общин не обратила внимания на протест: она заявила себя избранной народом, а «народ после бога составляет первоначальный источник всякой истинной власти». Назначенный нижней палатой суд, под председательством юриста Брадшо, приговорил Карла I к смертной казни. Через неделю после его смерти была уничтожена монархия, отменена верхняя палата, как учреждение «ненужное и вредное», и провозглашена республика (1649 г.).

Парламент назначил из своей среды для управления государственный совет. Против республики высказался торгово-промышленный Лондон, священники; половина судей вышла в отставку. Казнь короля должна была, по мнению противников монархии, послужить к ее подрыву, а в действительности вызвала сочувствие к казненному. Шотландские пресвитериане приняли его сына, Карла II, и опять направились на помощь английским единоверцам; поднялись ирландские католики. Но индепендентская армия, предводимая Кромвелем, везде одержала блестящие победы; суровый сектантский генерал потопил ирландское восстание в крови. Шотландия и Ирландия должны были вместе с Англией войти в Унию трех стран, образовать единый церковный и политический союз. Республика заняла очень воинственное положение и на море.

С конца XVI в. в торговле на севере господствовали голландцы. Парламент попытался сломить торговое преобладание Голландии Навигационным актом (1651 г.), в силу которого ввоз товаров в Англию допускался или на кораблях английских владельцев, или на кораблях тех стран, где данные товары производились. Так как голландцы производили сами очень мало, то акт равнялся запрету всей их торговли. Началась морская война, в которой англичане впервые завели сильный военный флот, и адмирал новой республики, Блэк, разбил лучших голландских моряков.

В политических вопросах индепенденты, в свою очередь, разделились на умеренных, или джентльменов, главными деятелями которых были Мильтон и Вен, и левеллеров (уравнителей), между которыми особенно выделялся Лильборн, офицер армии. Во время беспарламентского правления Лильборн за распространение пуританских листков был присужден Звездной палатой к бичеванию, позорному столбу и пожизненному заключению. Просидев два года в тюрьме, скованный по рукам и ногам, часто в опасности голодной смерти, Лильборн был выпущен Долгим парламентом; в войне он был захвачен кавалерами и приговорен к смерти, но бежал и выступил с памфлетом против лордов. Верхняя палата, куда Лильборн явился в шляпе, отвергая ее суд, посадил агитатора снова в тюрьму; выпущенный после отмены монархии, он тотчас повел пропаганду в армии, протестуя против новых «цепей Англии», против тирана и лицемера Кромвеля. Левеллеры хотели ввести всеобщее избирательное право, одну палату, ежегодно возобновляемый парламент и совершенно отделить от государства церковные дела, с предоставлением личной свободы совести.

В религиозных вопросах от умеренных индепендентов также отделились люди крайних направлений, которые видели в революции лишь начало великого переворота на земле, приготовление ко второму пришествию и концу мира. Согласно пророчеству Даниила, миру наступит конец после господства четырех всемирных монархий; возбу-

жденные великим ожиданием, сектанты ждали приближения последней, божественной «пятой» монархии, которая и будет тысячелетним царством Христа на земле. Из северных областей устремились через Лондон богомольцы, отыскивая святой град, в котором они узрят последние события мира. Все движения крайних сурово подавлялись Кромвелем, который разделял взгляды умеренных.

Сделавшись верховной властью в республике, остаток Долгого парламента («Охвостье», по прозванию противников), вызывал общее недовольство. С 1647 г., когда солдаты захватили короля, индепендентское войско направляло все реформы; в армии говорили теперь, что место одного тирана, короля, занял другой — парламент, что давно надо произвести новые выборы; многих депутатов обвинили в незаконной наживе при продаже имуществ, конфискованных у короля и кавалеров. Депутат Генри Вен предложил реформу выборов: уничтожить гнилые местечки, т.-е. лишить мелкие селения права посылать представителей и передать избирательные их права крупным городам. Реформа Вена не прошла, и в то же время депутаты «Охвостья», опасаясь низвержения республики, решили закрепить за собою места в следующем собрании парламента, а также устранить из него неугодных им новых сочленов. Но Кромвель ввел солдат в парламент и государственный совет и, несмотря на протесты Вена и Брадшо, разогнал тот и другой.

Под давлением войска созвали парламент-конвент (учредительное собрание) из представителей индепендентства. Противники назвали собрание Бэрбонским (Кащеевым) парламентом; сидевшие в нем «святые» говорили ветхозаветным языком и много молились; они об'явили свободу совести, ввели гражданский брак, выбор священников мирянами и отмену церковной десятины. Бэрбонский парламент восстановил против себя священников и юристов; так как он все-таки не удовлетворил и армию, Кромвель распустил его. С согласия войска, выработана была особая конституция, в силу которой восстановили в сущности монархию: верховная власть передавалась Кромвелю, с титулом протектора (т.-е. регента); парламент из одной палаты, избираемый по реформе Вена, получил законодательную власть, и протектор не мог отменять его решения. Но, с другой стороны, назначение на должности было поставлено в зависимость от протектора, и он получил право на взимание налогов, достаточных для содержания войска и флота.

В действительности, Кромвель, опираясь на доверие армии, правил неограниченно в течение 5 лет (1653—1658). Когда созванный им по новой конституции парламент заявил себя носителем верховной воли народа и захотел назначить членов государственого совета, Кромвель распустил его и снова дал перевес военным. Англия была разделена на несколько округов, поставленных под управление генерал-майоров; им было поручено подавить движение монархистов и крайних республиканцев и собрать для содержания войска чрезвычайный налог, которым обложены были сторонники короля. В то же время Кромвель в своей внешней политике одерживал один успех за другим. Правительство Мазарини, преемника Ришелье, во Франции, сначала помогавшее королю и пресвитерианам, искало теперь союза с протектором, и индепендентские солдаты, «краснокафтанники», перешли на материк, чтобы, вместе с французами действовать против Испании: они отняли у испанцев опорный пункт в Бельгии против английского

берега, Дюнкерк; одновременно английский флот занял Ямайку среди вест-индских владений Испании; Блэк разбил испанцев в океане у Канарских островов и впервые провел английские корабли в Средиземное море. Но большинство населения было против преобладания пуританства и господства индепендентской армии. Поэтому протектор стал искать примирения с оттесненными классами и восстановления старого устройства. Он старался опять создать аристократическую верхнюю палату; была даже речь о восстановлении монархии, с передачей Кромвелю королевского титула.

Среди этих затруднений Кромвель умер, и протектором сделался его незначительный сын. Большинство армии отступилось от него. Всюду заметно было движение недовольных военщиной; выступили сторонники монархии, англиканцы и пресвитериане, дворянство и лондонцы. Но все еще боялись индепендентской армии, хотя в ее среде происходили большие разногласия. Решение взял на себя один из кромвелевских генералов, Монк, занявший внезапно со своим отрядом Лондон. Он предложил созвать «свободный» парламент, т.-е. без давления армии. Этот парламент, составившийся наполовину из кавалеров, наполовину из пресвитериан, решил произвести реставрацию, т.-е. призвать Карла II, сына казненного короля. В свою очередь, претендент, находившийся в Голландии, в «декларации» обещал амнистию всем врагам монархии, сохранение конфискованных имуществ за новыми владельцами и свободу совести (1660 г.). В ответ на королевский манифест, парламент постановил, что, «на основании старинных и основных законов королевства, правительство должно состоять из короля, лордов и общин».

Пуританская революция окончилась. Армия индепендентов, вызвавшая столько недовольства в стране, получила жалованье и отставку; сектанты мирно разошлись по домам. Но реакция зашла гораздо дальше, чем ожидали сами возвратившиеся Стюарты. Все те, кто был оттеснен переворотом, сторонники епископальной церкви, аристократия и дворянство, вернулись теперь к власти и повели борьбу против ненавистных перемен. Раздражение выразилось в самых резких формах: возвратившиеся старые собственники выгоняли из владений новых, несмотря на амнистию; отомстили «цареубийцам», казнили Вена, повесили тела Кромвеля и Брадшо и вырыли прах Пима и Блэка.

В церковных делах также началась сильная реакция. Опять заполнили все епископские места, незамещенные при Долгом парламенте и республике. В первом парламенте, который собрался при Карле II, партия кавалеров составляла огромное большинство (1661 г.). Они выключили от всех должностей не только индепендентов, но и пресвитериан; вступающий на службу должен был присягой непротивления признать, что преступно поднимать оружие против короля. Дворяне, как во Франции, отступились по большей части от пресвитерианства, и только торгово-промышленное население городов осталось верно ему. Пресвитериане выключены были вместе с сектантами от господствующей церкви и не могли свободно отправлять свое богослужение.

В самом сектантстве произошла внутренняя перемена, ослабившая его первоначально бурный характер. Сам Лильборн примкнул к мирному «обществу друзей», или квекеров (т.-е. шарлатанов, как их

звали противники). Квекер отрицает войну и ни за что не пойдет на службу; во всякой присяге он видит насилие; ни перед какой властью он не сгибается и не снимает шляпы.

А. Кудрявцев.

174. Завершение и последствия английской революции.

Было бы ошибочно думать, что реставрация Стюартов являлась восстановлением старого дореволюционного порядка... Новый король не прочь был проводить в жизнь начала абсолютизма в духе прежних Стюартов. Но время было уже не то. Революция оставила в английской жизни глубокий след, загладить который было уже невозможно. Карлу II невольно пришлось считаться с этим наследием революции. Он подтвердил упразднение феодальной палаты и Навигационный акт, и был не в состоянии уничтожить результаты громадного сдвига в поземельных и социальных отношениях. Точно также и в области политической осталось незыблемым основное завоевание революции — фактический суверенитет парламента. В 1679 г. был издан акт, гарантировавший права индивидуальной свободы. Установлена была судебная ответственность министров. К этому же времени относится и возникновение кабинета из представителей господствующей партии в обеих палатах. Это был зародыш будущего ответственного министерства. Наконец, политические парламентские партии окончательно оформились и получили новые клички. «Вигами» стали называть партию, которая раньше составляла ядро «круглоголовых», а «тори» — партию консервативную... И английское купечество и передовое дворянство в одинаковой мере были проникнуты капиталистическим духом. Знатность происхождения сменилась знатностью богатства. Английская революция еще в большей мере, чем хозяйственный переворот XVI века, разрушила феодальные группировки классов. Высшие классы английского общества пополнялись выходцами из общественных низов. Партия вигов в особенности вербовалась из таких «новых людей». Но и тори, далеко не всегда могли похвалиться родовитостью... Процесс классовой перегруппировки и заключался в том, что в самом составе отдельных классовых групп происходили глубокие изменения. Процесс этот, как мы видели, начался еще в XVI веке и шел тогда ускоренным темпом, в связи с земельной мобилизацией, вызванной хозяйственным переворотом. Более медленно он протекает в первой половине XVII века, в период же великой английской революции он вновь необычайно усиливается, в связи с крушением феодализма и земельной горячкой, создавшейся вокруг распродажи конфискованных имуществ. Денежные люди стали покупателями земель. «Как скоро купец заработал крупную сумму денег, он покупает имения», — сообщает один современник конца XVII века. И не только купец, но и зажиточное крестьянство не отстает в этой погоне за землей. Из рядов крестьянской кромвелевской армии много вышло таких «новых людей» — будущих членов партии «вигов». С другой стороны, крупные землевладельцы не гнушались участия в торговых прибылях. Достаточно сказать, что в старой Ост-Индской компании тори принимают видное участие, и вигам только в 1698 году удается их вытеснить, в связи с осно-

ванием новой компании. Сила денег создала влиятельную группу богатых граждан. Это были: разбогатевшие ремесленники, финансисты, крупные земельные собственники, заморские торговцы, торговцы невольниками, владетели плантаций, спекулянты. К ним и переходит теперь государственная власть в лице парламента. Если же иметь в виду основные элементы этой группы, то мы можем сказать, что фактическое распоряжение государственным аппаратом принадлежало союзу крупного землевладения и крупного торгового капитала. Ясно, что вернувшиеся на прародительской престол, Стюарты могли только творить волю этой новой денежной и земельной аристократии. Они могли отменять те или другие акты времен революции и республики, но не в состоянии были устранить глубокие хозяйственные и социальные изменения, происшедшие за этот период. Торговый капитал вышел из революции победителем и сделал парламент орудием своего классового господства. Как только Стюарты попытались повернуть колесо истории на старый путь безответственного королевского абсолютизма, они были сметены окончательно. Это и произошло при втором Стюарте эпохи реставрации, Иакове II. В 1688 году члены обеих палат произвели государственный переворот, покончивший со старой династией. Иаков II бежал во Францию, а на вакантный престол был приглашен муж дочери бывшего короля, Марии, Вильгельм Оранский, бывший в то время голландским штатгальтером (наместником). Это и была «бескровная», или «славная» революция, как ее и до сих пор еще называют англичане. Новому королю были предложены условия, изложенные в «Декларации прав». Условия эти были приняты и в декабре 1689 г. прошли в законодательном порядке под названием «Билля о правах». В нем даны гарантии личной и конституционной свободы, уже исключавшие всякую возможность возврата к королевскому абсолютизму. Круг революции завершился, и Англия вступила в новый период своей истории.

П. Ардашев.

175. Отрывок из Билля о правах 1689 года.

Под биллем (bill) в Англии разумеется собственно законопроект; по принятии билля обеими палатами парламента и утверждении короной, он становится законом (Law) или актом (Act). Однако, некоторые из особенно важных в конституционной истории Англии биллей сохранили это свое название и после того, как получили значение законов или актов; к числу их принадлежит и знаменитый Билль о правах (Bill of Rights), предложенный на утверждение короля Вильгельма III избравшим его на престол парламентом и являющийся своего рода конституционной хартией. Здесь приводятся наиболее существенные части этого документа.

И посему, означенные духовные и светские лорды и общины, в силу упомянутых грамот и выборов, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении наилучших средств для достижения вышесказанных целей, прежде всего (как делали обыкновенно в подобных случаях их предки), заявляют, для восстановление и удостоверения своих древних прав и вольностей нижеследующее:

1. Что предполагаемая власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, незаконна.

2. Что предполагаемая власть из'ятия от законов или исполнения законов королевским повелением так, как она присваивалась и применялась в недавнее время, незаконна...

4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента или за более долгое время или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Что обращаться с ходатайствами к королю есть право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконно.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе, как с согласия парламента, противно закону...

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и актов в парламенте не должна быть стесняема или подвергаема контролю в каком-либо ином суде или месте, кроме парламента...

13. И что для пресечения всяких злоупотреблений и для улучшения, укрепления и охранения законов, парламент должен быть созываем достаточно часто.

---

176. Монотеизм.

Первобытное представление о боге возникло, как мы уже знаем, из культа предков. Но как много предков, так же много и богов. Отсюда — неизбежность политеизма (т.-е. многобожия). Политеизм еще более усложнился, когда к племенным божествам, обожествленным «отцам» племени, присоединились обожествленные и олицетворенные явления природы—небо, солнце, звезды, гром, молния и т. д. Даже самые культурные народы древности — греки и римляне — были политеистами. Политеистами были и египтяне и вавилоняне, достигшие, как известно, также очень высокой ступени культурного развития. Только один народ древности исповедывал веру в единого бога, т.-е. придерживался монотеистической религии. Это были иудеи. Но и монтеизм иудеев был очень сомнительного свойства. Закон требовал поклонения Иегове (Ягве, Элоиму), которому был воздвигнут в Иерусалиме огромный храм. Иегова провозглашался единым истинным богом, но иудейская масса не менее охотно возносила молитвы и приносила жертвы Ваалу, Астарте, Молоху и другим чужеземным богам. Народная масса отнюдь не была настроена монотеистично. Монотеизм существовал в Иудее официально, фактически в ней царило многобожие.

Очевидно, в материальных условиях жизни древнего мира монотеизм, как религия народных масс, появиться не мог. Монотеизм создается только в условиях развитого товарно-денежного хозяйства. Мы видели, что зачаточная религия до-родового общества носила характер магических обрядов, имеющих целью умножение животных и растительных богатств, при чем в конце этого периода возникло нечто вроде почитания животных — тотемов. В родовом и террито-

риально-племенном обществе возник культ предков и утвердился анимистический политеизм. В феодальном обществе среди богов устанавливается нечто вроде той самой иерархии, которая существовала в отношениях между феодалами; стали уже пробиваться зачатки монотеизма, подобно тому, как в лице феодального короля можно видеть зачаток позднее развившегося абсолютизма. Но только с распространением и углублением отношений, свойственных буржуазному обществу, эти зачатки развились в монотеистическую религию.

Монотеизм представляет собою религию буржуазного общества, и чем сильнее развивается это последнее, тем все больше и больше очищается он от примесей и остатков политеизма.

Хозяйственную основу буржуазного общества составляет товарное производство и торговля. Всякий его член живет покупкой и продажей товаров, при чем в товар постепенно превращается все: не только вещественные, но и невещественные предметы (рабочая сила, талант, красота).

Благополучие человека становится в зависимость от рынка, управляющие которым законы обычно непонятны для рядового человека. Борьба противоречивых интересов, постоянные колебания в соотношении сил, видимая случайность в обогащении и обеднении вызывают в сознании, привыкшем к анимистическому мышлению, сначала образ какой-то слепой богини судьбы (фортуны), а впоследствии стоящей над миром и людьми божественной силы, руководящей судьбою людей, по своим божественным соображениям, недоступным обыкновенным смертным («пути господни неисповедимы»).

Все расширяясь, торговые отношения выбивают из сознания человека веру в множество местных и родовых божеств. Везде и всюду наблюдая под разными формами одну и ту же человеческую природу, одни и те же явления жизни, проявление в ней одних и тех же начал, представители нарождающегося буржуазного общества, и прежде всего торговцы, купцы, начинают приходить к убеждению, что все сущее есть проявление единой силы. Уже в VI в. до нашей эры греческий философ — купец Фалес из торгового города Милета — учил, что все имеет одно единое начало, которое он видел в воде или влаге. Но это была философия. В области религии представление о единой силе приводит к монотеизму, к вере в единого бога.

Описанный ход развития трудно наблюдать в истории в чистом виде. Здесь он изложен в отвлеченной форме. Конкретно, исторически развитие монотеизма шло гораздо более сложным извилистым путем. Иудейство, христианство и магометанство — вот главнейшие виды монотеистической религии. Наибольший интерес представляет для нас христианство.

———

Р. Виппер.

177. Дохристианские элементы в христианстве.

Очень распространено убеждение, что христианство принесло новые догматы, новые предметы верования; затем, — что оно создало новое возвышенное богослужение; наконец, что оно провозгласило новую, до тех пор неслыханную, мораль, высокое нравственное учение, недоступное предшествующим, более грубым, векам. Наука выяснила,

что эти представления ошибочны. В христианском учении и обрядах нет ни одной черты, к которой не нашлось бы множество аналогий в других веках и у других народов.

Во всех религиях есть бог-страдалец, есть рассказ о смерти молодого, прекрасного телом и душой ангела или героя, который потом воскресает, и есть соответствующие дни печали и праздники радости. Всюду на свете есть история воплощения бога на земле, при чем он родится чудесным, мистическим образом от девы. Между прочим много общего с христианской легендой рождения Иисуса представляет рассказ о рождении Будды: в имени матери Будды, Майя, есть даже созвучие с иудейской Марьям.

Очень старинна вера, что грозного бога можно умилостивить кровавой жертвой. История Авраама представляет откровенное признание, что израильтяне допускали жертву первенца. Греческая религия с особенной любовью изображает бога или святого, благодетеля людей, проливающего кровь для их спасения или исцеления. Таким искупителем рода человеческого является Прометей, пригвожденный к сакле, которому коршун терзает сердце; другой спаситель человечества, Геракл, сын верховного бога, избавляет Прометея от страданий. В греческой же религии есть прототип Христа, сына божия, нисходящего на землю и приносящего себя в жертву. Таким страждущим богом был Дионис-Загрей, рожденный от Коры (девы); его терзают и мучат злые враги, он истекает кровью и его разрывают на части, но отец его небесный, высший бог, отдавший его на жертву, совершает чудо и воскрешает его.

Образ праведника, гибнущего безвинно, и принимающего на себя грехи других, издавна привлекал проповедников и мыслителей. Пророк Исаия (гл. 53) говорит о великом страдальце: «Истинно, он принял на себя наши страдания. Мы считали его несущим удары и муки от бога; но он изранен ради наших злодеяний и разбит из-за наших грехов. На него обрушилась кара для того, чтобы мы испытали мир, и мы исцелены его ранами. Мы блуждали как овцы; но бог сложил все наши грехи на него. Когда его казнили и мучили, он безмолвствовал как агнец. Он погребен, как безбожники, хотя он никому не сделал зла, и не было обмана на его устах». Ту же цель —изобразить невинно страдающего справедливца — встречаем мы у греческого философа Платона (в книге «О государстве»): «в неизвестности и презрении ведет праведник жизнь, полную мучений. Наконец, он подвергается бичеванию, пытке, его бросают в темницу, ослепляют и, после всех страданий, пригвождают к дереву (или распинают)»

Таким образом задолго до христианства был выработан основной мотив драмы, изображенный в евангелиях. Но, может быть, оригинальны термины, выражения, формулы Нового завета? — Нет, и этого нельзя сказать. Слово «спаситель мира», «евангелие, или благая весть», «пришествие во славе» (по-гречески парусия) — все эти магические звуки, примененные христианством, составляют заимствование, подражание официальному языку государства. «Спасителем» (Сотером, Сальватором) назывался император, отчасти в том духе, как у нас Александр назывался благословенным или еще раньше Владимир — святым. Особенность лишь в том, что римские императоры были настойчивее позднейших, европейских, ставили себе всюду статуи и требовали курений, жертв и божеских почестей. Роль спасителей они играли с большим шумом и блеском. «Евангелием» называлось по-

слание или приказ государя; таким же способом обозначались всякого рода вести о придворных событиях. Например, о дне рождения Августа было написано на официальной памятной доске: «это событие будет началом ряда евангелий (т.-е. важных знамений) для страны». Парусия, — выражение, применяемое в Новом завете к Христу, — давно существовало в качестве канцелярского выражения для приезда самодержца.

Обряды, принятые христианством, также не представляют ничего нового и оригинального. Ограничимся одним примером. Важнейший обряд христианства—причащение телом и кровью спасителя—воспроизводит обычай, распространенный в самых разнообразных видах у всех народов мира. Этнологи видят в нем одну из форм эндоканнибализма, т.-е. такой трапезы, когда вкушают тело не врага, а друга, родственника или покровителя, чтобы обеспечить себе счастье, богатство, блаженство, исцеление и т. д.

Есть очень определенные указания на то, что в этом обряде первоначально заключалась самая реальная правда. Сохранились рассказы об умерщвлении царя или верховного жреца, т.-е. самого ценного существа племени, при чем верующие разделяли между собою его кровь. Еще не так давно люди племени гондов в Индии похищали детей высшей касты, браминов, чтобы во время посева убить аристократического ребенка среди жестоких мук, вкусить его крови и окропить его кровью поле ради урожая. Со смягчением нравов реальное людоедство заменяется вкушением жертвенного животного, напр. ягненка или фигуры, выпеченной из теста в виде коровая или пряника. Несмотря на такую замену, старая жестокая идея сохранилась в полной силе; для своего спасения, для своего блаженства верующие принимают участие в мистическом пиршестве, где поглощают своего бога-покровителя. Очень интересную параллель к христианскому обряду причащения и к символу креста представляет старинная языческая Мексика; там выпекали фигуру бога-спасителя из теста и пригвождали ее ко кресту, который назывался «древом нашей жизни и плоти»; затем снимали фигуру, ломали хлебный символ и вкушали его в виде священной целительной пищи.

Когда ранние христианские общины установили у себя евхаристию, они не внесли нового обряда — напротив, скорее оживили старинные народные обычаи, которые стали приходить в упадок.

Ничего нового и чрезвычайного не заключает в себе и нравственное учение христианства. Тот взгляд, будто бы на свете нет более высокой морали, чем проповедь евангелия, — не что иное, как остаток восхвалений собственной религии со стороны распространителей христианства: проповедники и миссионеры всегда утверждают, что их вера в нравственном отношении превосходит все другие. Между тем, если перебрать евангельские заветы — предписания любви к ближнему, требования чистоты семейного быта и т. п., — мы не найдем ничего такого, что бы не имелось в священных книгах старинной египетской, сирийской и других религий. Стоит, напр., посмотреть «книгу мертвых», которую клали в Египте в гроб умершему; мы там найдем требования нравственной чистоты, благожелательности к ближним, нисколько не отличающихся от принятых в христианстве.

Тот взгляд, что любовь к ближнему составляет содержание всего закона, мы встречаем у старинных иудейских раввинов. Рабби Хиллель говорит: «что тебе самому неприятно, того не делай ближнему;

в этом и состоит все учение, остальное лишь об'яснения к нему». Не новость в христианстве и установление завета любви вплоть до требования любить врагов. Уже старинные, так называемые Моисеевы, предписания советуют мягко относиться к чужим; а Талмуд изобилует приглашениями любить врагов и повторяет правило, что лучше терпеть преследование, чем преследовать самому. Самые выражения евангелий «ближние, любовь к ближнему» заимствованы у греческих моралистов.

———

Н. Никольский.

178. Палестина в эпоху Иисуса.

Родина Иисуса, Галилея — северная область Палестины, была одною из двух областей, подчиненных власти иудейского синедриона (совета) в Иерусалиме; другой областью была собственно Иудея, южная часть Палестины, с главным городом Иерусалимом. Когда-то, между 1100—600 до Р. Х., в Палестине были самостоятельные еврейские царства, северное царство Израиля, или Ефрема, и южное царство — Иуды, в котором правила династия Давида, с резиденцией в Иерусалиме. За 720 лет до Р. Х. погибло под ударами ассирийских царей-завоевателей царство Ефрема, а в 586 г. вавилонский царь Навуходоносор покончил и с царством Иуды. Знатные и богатые фамилии были переселены в Халдею; на месте остались только мелкие земледельцы и ремесленники. Через 50 лет вавилонская держава была разрушена персами. Персидский царь Кир разрешил иудейским изгнанникам вернуться на родину, а через 100 лет один из его преемников предоставил Иудее право управляться по ее священным законам, составленным жрецами из старинных постановлений и новых правил, вошедших в обиход в изгнании и после изгнания. Главой Иудеи был признан иерусалимский первосвященник; суд, управление и сбор податей были возложены либо на жрецов, либо на учреждения, подчиненные иерусалимскому жречеству. Персидские государи поддерживали власть иерусалимского первосвященника, а за то первосвященник отвечал за верность Иудеи персам, за исправный платеж налогов и исправное несение военной службы. Этот порядок был подтвержден и греческими царями, когда персидское царство пало под ударами Александра Македонского, и римским полководцем Помпеем, завоевавшим Иудею в 63 г. до Р. Х. Со времени греческого владычества при первосвященнике создался совет 70 лиц, так называемый синедрион; первосвященник был его председателем, а членами были жрецы и книжники, т.-е. ученые знатоки закона и пророков, толковавшие закон для применения его к жизни.

Синедрион был, прежде всего, высшей церковной властью. Он собирал сборы на содержание храма и жречества, которое служило в храме и кормилось на доходы храма. Доходы эти были немалые. По закону в пользу клира и храма шла «всякая десятина во Израиле», т.-е. десятая часть почти всех продуктов и притом не только тех, которые производились в самой Палестине, но и привозных. Книжники учили, что даже зерна, найденные в муравьиной куче, если эта куча находилась подле зерна, подлежащего десятине, должны были очищаться десятинной пошлиной, ибо муравьи могли перетаскать зерна именно из зерна,

подлежащего оплате десятиной. Затем, в пользу храма и клира шли первинки всех плодов. Наконец, в пользу храма была установлена денежная повинность в размере $^1/_3$ шекеля с души в год. Все эти сборы синедрион имел право собирать со всех сынов Иуды, где бы они ни жили, в Иудее, в Галилее, или в рассеянии в разных провинциях Римской империи. Но принудительный характер эти сборы имели только в Иудее и в Галилее. Тут для принуждения неисправных плательщиков к услугам синедриона всегда была воинская сила Рима.

Но власть синедриона была не только церковная; в Иудее, а в некоторые отдельные моменты и в Галилее, синедриону принадлежала также и гражданская власть, административная и судебная. Римские власти требовали только уплаты общеимперских налогов и натуральных повинностей и выставления вспомогательных военных отрядов; во всем остальном власть была оставлена в руках иерусалимского синедриона. Все его решения и приговоры были окончательными; только смертные приговоры шли на утверждение римского прокуратора. Таким образом, все управление страною было в руках жрецов и книжников, которые правили на основании закона, якобы данного богом через Моисея...

Как же жилось под властью жрецов и книжников народу? Положение народных масс в Иудее и Галилее было неодинаково. Сами эти области сильно отличались одна от другой, и по своим природным особенностям по населению. Галилея — густо населенная страна, с плодородной почвой, пестреющая пашнями, лугами и садами... Селения сменялись в Галилее городами, из которых даже самые небольшие насчитывали не менее 15.000 жителей. Огромное и приветливое Галилейское озеро кишело рыбой и было опоясано целым рядом рыбачьих деревушек, давших Иисусу первых учеников. Неприветливы и дики были только северные окраины Галилеи, около Меромского озера, где начинались леса и болота и дикие скалы гор Гермона.

Напротив, Иудея была несравненно более бедной и суровой страной... В Иудее население было редкое, а из городов крупным был только Иерусалим, вообще самый большой город в Иудее и в Галилее. Он был главным центром иудейской жизни, можно сказать, поглощал собою всю Иудею. Там жило многочисленное жречество, были главные школы книжников; вокруг храма жило и кормилось многочисленное ремесленное население, было много торговых заведений, гостиниц и постоялых дворов, обслуживавших ученое и духовное население города и постоянно сменявшуюся волну паломников. Эти паломники стекались в Иерусалим обыкновенно на три главные праздника, особенно к Пасхе, из Иудеи, Галилеи и из всех концов римского мира, где только были иудейские общины. С ними вливался в Иерусалим поток золота и серебра, которое богомольцы оставляли огромными количествами в карманах жрецов, левитов, книжников, торговцев, трактирщиков и содержателей гостиниц. Иерусалим жил законом, кормился храмом, дышал курением жертв; он не производил никаких материальных продуктов, но плел бесконечную сеть тонких раз'яснений закона, увещаний его соблюдать, обещаний всяческих наград за исполнение и грозных казней за пренебрежение...

Иудея и Иерусалим повелевали и собирали, Галилея повиновалась и платила. Но повиноваться и платить Галилее было не легко, гораздо труднее, чем Иерусалиму повелевать и собирать... В Галилее и в западной Иудее расстилались цветущие пашни; но эти пашни принад-

лежали немногим богачам... Над этими пашнями трудились мелкие арендаторы, которые должны были отдавать господам половину или две трети урожая, и сельские рабочие, которые могли получать свою поденную плату лишь с большим трудом, если не знали всех тонкостей закона. Закон говорил: «плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев. 19, 13); книжники вывели отсюда очень удобное для хозяев правило относительно срока, в течение которого наемный рабочий мог получать поденную плату без всяких формальностей. Именно, срок был установлен такой: ночь, непосредственно следующая за рабочим днем, для дневного рабочего, и день, непосредственно следующий за ночью, для ночного рабочего; рабочий, пропустивший эти сроки, должен был возбуждать уже судебный иск. Так отягощалось и без того трудное положение сельских рабочих. А для городских рабочих и ремесленников закон ставил целый ряд ограничений и запрещений работы на язычников. Галилея нередко в просторечии звалась «языческой» — население там было не чисто иудейское, а смешанное, и около половины всего городского населения составляли богатые греки, сирийцы, римляне, постоянно нуждавшиеся в работе ремесленников. А так как закон, ради соблюдения религиозной чистоты, запрещал иудеям тесные сношения с язычниками, то книжники воспользовались этим общим запрещением, чтобы совсем запретить галилейским и иудейским ремесленникам работать на язычников или поставить столько условий, что работа все равно становилась невозможной. Например, плотникам было безусловно запрещено строить базилики (здания для административных и общественных учреждений), эшафоты, ристалища, места для зрителей; разрешалось строить для язычников общественные здания и бани, но лишь до того свода, в котором должна по плану здания находиться «авода зару» — т.-е. какое-либо украшение, статуя, изречение, относящееся к языческой религии. Понятно, что при таких условиях язычники очень редко нанимали на постройки иудеев. Такие же ограничения и запрещения были относительно торговли... Многие галилеяне ходили разносчиками и коробейниками по всей Палестине и Сирии; но не всякому они могли продать свой товар и не у всякого могли купить нужные им продукты. Иудейские предприниматели и капиталисты пользовались этими запретами себе на пользу: они эксплуатировали наемный труд на самых выгодных для себя условиях. Жалобы каменщиков, плотников на плохое житье слышатся из книги Еноха (сборного апокрифа, появившегося в эпоху Иисуса). Одна надежда их, — говорит книга Еноха, — на праведный суд божий, который воздаст им сторицею за все капли пота, за каждый положенный ими кирпич, за каждый голодный день. Нелегко было иго закона. Десятина, первинки, многочисленные обязательные жертвы, постоянные самоограничения в работе и торговле — все это, действительно, для небогатого труженика нередко становилось «бременами неудобоносимыми».

Но кроме ига закона приходилось еще нести иго римлян. Как и все прочие провинции, Палестина была для римлян прежде всего источником дохода, доходной статьей. Подати были двоякого рода: прямые — поземельная и подушная, и косвенные — разные акцизные, таможенные и рыночные сборы. Но не так тяжелы были эти подати, как способ их взимания. Все косвенные подати сдавались на откуп; откупщики при помощи своих сборщиков, называемых в евангелиях мытарями, буквально выжимали из населения последнюю копейку;

прямые подати собирались иерусалимским сенидрионом. Затем приходилось нести воинскую, дорожную и подводную повинности. Последнею очень часто злоупотребляли римские чиновники, требовавшие лошадей и не возвращавшие после их владельцам. Всякое проявление недовольства или ропота беспощадно подавлялось: и Пилат и другие прокураторы не раз производили жестокие избиения безоружной толпы.

Синедрион и римские власти, конечно, не всегда жили мирно и согласно; бывали между ними случаи резких конфликтов, в особенности когда римские прокураторы посягали на казну храма. Но в этих случаях иерусалимские жрецы всегда скоро умели находить управу на зарвавшихся чиновников, и мир восстанавливался. Мир нужен был и той и другой стороне, так как у той и у другой стороны был общий враг: стонущие народные массы. Для них строй, установленный Мишной, был тяжким игом; смуты и волнения, постоянно происходившие в Иудее и в Галилее в течение всего I века, были революционными попытками свержения этого ига.

———

К. Каутский.

179. Хилиастические чаяния и коммунистические тенденции первоначального христианства.

Государственная власть встречала всеобщее недоверие и всеобщее равнодушие. Внутреннее разложение общества достигло такой степени, что ни от одного из смертных, хотя бы он был самым сильным из цезарей, не могли ожидать, что ему удастся вдохнуть в общество новую жизнь. Это может сделать только надчеловеческая сила, только чудо.

Кто не верил в возможность чуда, которое спасло бы римское общество, тот впадал в безнадежный пессимизм или старался забыться в бессмысленных наслаждениях. Но из тех пылких энтузиастов, для которых было одинаково невозможно и то и другое, многие стали веровать в чудо.

В особенности это относится к энтузиастам из низших слоев народа. Они больше всех страдали от разложения римского общества; у них не было средств, чтобы забыться в чаду удовольствий, и потому они не могли чувствовать того раскаяния, которое следует за бессмысленными наслаждениями и легко порождает пессимизм и уныние. Преимущественно в их рядах и пускала корни идея, что в ближайшем же будущем с неба придет избавитель и создаст на земле славное царство, в котором нет ни бедности, ни войны, в котором господствует радость, мир, довольство и бесконечное блаженство. Этот спаситель был помазанник божий, Христос.

Раз уже всякое чудо казалось возможным, деятельность фантазии опрокидывала всякие границы, и каждый верующий мог представлять грядущее царство в самых фантастических формах. В этом будущем изменится не только общество, но и вся природа; из нее исчезнет все вредное для человека, а все наслаждения, которые она дает человеку, неизмеримо вырастут.

Известно христианское сочинение, в котором выразились такие ожидания. Это — так называемое «Откровение Иоанна», Апокалипсис,

написанное, по всей вероятности, вскоре после смерти Нерона. Оно возвещает, что в самом близком времени разразится страшная борьба между имеющим возвратиться Нероном, Антихристом, и Христом, который снова придет, и что вся природа примет участие в этой борьбе. Христос выйдет победителем из борьбы и положит начало тысячелетнему царству; в нем праведники, над которыми смерть утратит свою силу, будут править вместе с Христом. Этого мало: по окончании этого царства возникнет новое небо и новая земля, и на этой земле — новый Иерусалим, место блаженства.

Тысячелетнее царство — это государство будущего для первоначального христианства. В связи с этим все возникавшие в христианских сектах пламенные ожидания грядущего нового общества называются хилиастическими.

Примыкая к «Апокалипсису», многочисленные учители христианства в первые века выражали хилиастические ожидания и в некоторых случаях — напр., Ириней (во втором веке) и даже Лактанций (около 320 года) — описывали грядущий земной рай очень обстоятельно и в ярких чувственных красках. Но чем больше христианство переставало быть верой только несчастных и угнетенных, пролетариев, рабов и их покровителей, чем решительнее оно становилось религией сильных и богатых, тем с большим нерасположением относилась официальная церковь к хилиазму: ведь, в нем всегда оставался некоторый революционный привкус, он всегда был пророчеством, что существующее общество идет к перевороту.

Хилиастические ожидания — одна из наиболее характерных особенностей духовной жизни первоначального христианства. Но не менее важны его тенденции к практическому коммунизму.

Подобно социал-демократии, первоначальное христианство стало непреодолимым для властителей того времени потому, что оно сделалось необходимым для масс населения. Победу ему обеспечила его практическая деятельность, а не его благочестивые грезы.

Мы и обратимся теперь к этой практической деятельности.

Пауперизм, как мы видели, в императорский период Рима вырос в великий социальный вопрос. Все государственные попытки борьбы с нищетой оказались тщетными. Некоторые императоры и частные люди старались помочь делу устройством благотворительных учреждений. Но они основывались в чрезвычайно ничтожном количестве; это были капли воды, падающие на раскаленный камень; притом алчная римская бюрократия далеко не была хорошим заведующим для благотворительных учреждений.

Пессимисты и люди, отдававшиеся наслаждениям, предпринимали по отношению к пауперизму то же самое, что они делали по отношению к другим недугам общества и государства, т.-е. не делали ничего. Они заявляли: это очень печальное явление, что сложился такой порядок вещей; но он непредотвратим, а философы не могут же принимать участие в борьбе против непредотвратимого.

Совсем другую позицию заняли сангвиники-энтузиасты и пролетарии, на которых лежал гнет нищеты. Они не могли отдаваться спокойному созерцанию нищеты, они должны были стремиться к тому, чтобы положить ей конец. Но обездоленным нельзя помочь одними грезами о блаженстве, которое принесет Мессия, грядущий на обла-

ках. И вот из тех самых кругов, из которых исходили хилиастические мечты, вышли и практические попытки справиться с существующей нищетой.

———

К. Каутский.

180. Характер христианского коммунизма.

Начало христианства определялось характером такого класса, как пролетарии-босяки больших городов, в своей массе отвыкшие от работы. Производство представлялось этим элементам делом довольно безразличным; примером для них была лилия полевая, которая не сеет и не прядет и, несмотря на то, процветает. И если они стремились к переменам и распределению собственности, то имели в виду собственность не на средства производства, а на средства потребления. Для пролетариев-босяков того времени не было ничего необычного в коммунизме потребления. Устраивавшиеся от времени до времени общественные трапезы для огромных масс, нуждающихся или раздача им средств существования повторялись в последний период республики с большой регулярностью, а потом имели место и в начале императорского периода. Что же могло быть естественнее для пролетариев-паразитов, как не возвести эти трапезы и раздачи в систему, в постоянный коммунизм по отношению к наличным средствам потребления, — отчасти в форме равномерного распределения их, отчасти в форме совместного потребления.

Так возникли коммунистические идеи, а вскоре затем и коммунистические общины с целью осуществления этих идей. Первые из них сложились на Востоке, который в экономическом отношении шел далеко впереди Запада. Среди иудеев еще до начала нашей эры апокалиптические ожидания получили всеобщее распространение; у них же лет за 100 до Р. Х. мы встречаем коммунистический союз, союз ессеев.

«Они считали богатства за ничто, — рассказывает о союзе Иосиф. — Напротив, они прославляли общность имуществ, и среди них ни один не был богаче другого. У них есть закон, чтобы каждый вступающий в орден отдавал свои блага на общее потребление; поэтому у них не наблюдается ни нужды, ни излишков, но все у них общее, как у братьев . . . Они не живут все в одном городе, но во всех городах у них есть особенные дома, и откуда бы ни приходили к ним люди, принадлежащие к их ордену, они делятся с ними своим имуществом, так что пришедшие могут пользоваться им как своим собственным. Они быстро сближаются между собою, хотя бы никогда не видали друг друга, и поступают так, как будто всю свою жизнь стояли в самых близких отношениях. Если они путешествуют по стране, то не берут с собою ничего, кроме оружия против разбойников. В каждом городе у них есть человек, заботящийся о гостях; он раздает приходящим извне одежду и средства для жизни . . . Они не ведут торговли между собою, но если кто-нибудь дает что-либо нуждающемуся, то, в свою очередь, получает от него то, в чем нуждается сам. И если бы даже у него не было ничего, чем он мог вознаградить дающего, все же он безбоязненно может просить у кого хочет и что ему надо».

Сначала христиане тоже стремились к проведению полного коммунизма. В евангелии Матфея (19, 21) Иисус говорит богатому ученику: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». В «Деяниях апостолов» первая иерусалимская община описывается (4, 32, 34) следующим образом: «и никто ничего из имения своего и называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Анания и Сапфира, желавшие утаить от общины часть своих денег, были наказаны за это от бога, как известно, смертью.

На практике этот вид коммунизма сводился к тому, что средства производства превращались в средства потребления, и выручка раздавалась бедным. Но если бы такая программа нашла полное, всеобщее осуществление, это привело бы к окончательной гибели всякого производства. Как бы мало ни заботились первые христиане, настоящие философы нищеты, о производстве, они не могли не понять, что на таком фундаменте невозможно построить более или менее широкое общество, рассчитывающее на продолжительное существование.

Тогдашнее состояние производства требовало частной собственности на средства производства, и христиане ничего не могли с этим поделать. Следовательно, они должны были стремиться к примирению частной собственности и коммунизма...

Соединение частной собственности и коммунизма произошло таким образом: в распоряжении каждого члена общины оставили его собственность, именно собственность на средства производства, и требовали уже просто коммунизма потребления, т.-е. коммунизма в потреблении средств существования.

Конечно, в теории нет этого различения: тогда не было такого ясного разграничения экономических категорий. Но к этому все больше склонялась практика.

Собственникам предоставлялось сохранять и пользоваться принадлежащими им средствами производства, прежде всего земельной собственностью. Но все средства потребления, — средства пропитания, одежда, жилище, а также деньги, на которые можно купить средства потребления, — все эти средства, принадлежащие собственникам или приобретаемые ими, должны быть предоставлены в распоряжение христианской общины...

Легко переносимые с места на место средства существования, равно как и деньги, приносились в общину, которая избирала особое лицо, заведующее распределением этих даров.

Признание частной собственности, хотя бы только частичное, проложило брешь в том полном коммунизме, к которому стремилось христианство при своем возникновении. Но ему предстояло подвергнуться и дальнейшим смягчениям...

В евангелии Матфея Христос говорит (19, 20): «Всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». И в евангелии Луки Христос восклицает: «если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего или матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником».

Для всех первоначальных христианских общин характерно стремление хотя бы до некоторой степени упразднить семейную жизнь. Поэтому мы находим у них то установление, что ежедневные трапезы у них общие (сравн. «Деяния апостолов», 2, 46). Эти вечери, агапии, соответствуют общим трапезам, сисситиям спартанцев и государства Платона. Они были необходимым последствием коммунизма средств потребления.

Выше мы уже говорили, что христианство не могло преодолеть ни мелкого производства, ни частной собственности на средства производства. Но с такими формами производства и собственности стоит в необходимой связи моногамная семья, — не только в качестве формы совместной жизни мужчины и женщины, родителей и детей, но и как хозяйственная единица. Христианство не могло создать нового способа производства: поэтому оно было вынуждено допустить существование и традиционной формы семьи, как ни противоречила она коммунизму потребления. Характер общества в последнем счете определяется не организацией потребления, а организацией производства. Принципиальное отрицание семьи и брака было так же несовместимо с распространением христианства в обществе, как и последовательный коммунизм. Последовательность в уничтожении семьи могла соблюдаться только в отдельных сектах и корпорациях; ей никогда не удавалось получить всеобщее распространение.

Опять казалось, что материальные отношения сильнее идей; они господствуют над идеями.

К. Каутский.

181. Превращение христианства в государственную религию.

Первоначально в христианской общине господствовало полное самоуправление. Во главе ее стояли доверенные люди, епископы и пресвитеры, избиравшиеся членами общины из своей среды и подотчетные ей. Они не извлекали никаких выгод из своей должности.

Но когда отдельные общины стали обширнее и богаче, задачи, возлагавшиеся на представителей, возросли настолько, что сделалось невозможным выполнять их, между прочим, на-ряду с мирскими делами. На сцену выступило разделение труда, должности в христианских общинах составили особенную профессию, которая требовала уже всего человека. Церковные имущества теперь уже не могли употребляться исключительно на поддержку бедных, из них приходилось покрывать и расходы по управлению церковью и расходы на здания для собраний и на содержание должностных лиц в общине.

Но кто составлял главную массу в общине? Пролетарии-босяки или работающие пролетарии, очень близкие к пролетариату босяков по своему социальному положению, а потому и по умственному складу. Такие элементы никогда не были в состоянии удержать за собой власть, которая дается им демократическим строем. Они не могли достигнуть этого в церкви точно так же, как в республике. Они продали и потеряли ее в пользу епископа, как в Римской республике продали и потеряли в пользу цезаря.

Епископ должен был управлять собственностью своей церкви, т.-е. своей общины, и указывал способ употребления церковных дохо-

дов. Это отдавало в руки епископа огромную силу по отношению к пролетариату босяков; она возрастала параллельно с возрастанием церковных богатств. Епископы становились все независимее от своих избирателей, а избиратели — все зависимое от епископов.

В то же время отдельные общины, которые первоначально были вполне самостоятельными, все теснее сливались в один великий союз, в общую церковь. Тождество воззрений и целей и одинаковые гонения уже давно побуждали отдельные общины вступать во взаимные сношения при помощи посланий и делегатов. Уже к концу второго столетия связь многих церквей в Греции и Азии стала настолько тесной, что церкви отдельных провинций об'единились в более прочные союзы; верховной инстанцией в них были с'езды (соборы) доверенных людей, синоды епископов. Синоды значительно ограничили самоуправление отдельных общин, и, напротив, содействовали возвышению епископов над членами общин.

Наконец, все христианские общины Римской империи слились в один союз, и уже в четвертом веке нашей эры созываются синоды (соборы) из представителей всей империи (первый — в 325 году в Никее).

В синодах главная роль принадлежала епископам, являвшимся представителями самых богатых и сильных общин. Таким образом во главе западного христианского мира оказался, наконец, римский епископ.

Развитие власти епископа совершалось не без большой борьбы и столкновений, — не без борьбы с государственной властью, которая не хотела допустить, чтобы в государстве возникло новое государство, не без борьбы между отдельными организациями и внутри организаций, между народом и клиром. В столкновениях последнего рода победа оставалась обыкновенно на стороне клира. Уже в третьем веке за народом почти повсюду осталось только право утверждения церковных чиновников; они выделились в замкнутую корпорацию, которая сама пополнялась и по своему усмотрению распоряжалась церковными имуществами.

С того времени церковь превратилась в такую организацию внутри Римской империи, которая открывала для честолюбивых людей возможность самой блестящей карьеры. Когда политическая жизнь замерла, политическая карьера сделалась невозможной; военная служба почти исключительно предоставлялась наемникам-варварам, искусства и науки влачили жалкое существование и государственное управление все более закостеневало и разлагалось. Теперь только в церкви сохранились жизнь и движение; при помощи церкви скорее всего можно было достигнуть общественной силы. Почти все энергичные, интеллигентные элементы языческого мира обращались в христианство, а в христианстве избирали церковную карьеру. Церковь, оказавшаяся непобедимой в борьбе с государственной властью, сама начала подчинять себе эту власть.

В начале четвертого века ловкий претендент на корону, Константин, уже видел, что победа суждена тому, кто расположит к себе христианского бога, т.-е. тому, кто установит добрые отношения с христианским клиром. Благодаря ему христианство сделалось господствующей, а вскоре вслед за тем и единственной религией в Римской империи. С того времени возрастание церковных имуществ пошло с чрезвычайной быстротою. Императоры и частные лица соперничали

между собою, стараясь подарками купить благоволение новой общественной силы. С другой стороны, необходимость все более заставляла императора поручать церковной бюрократии заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел, выполнение которых было не под силу для разлагающейся государственной бюрократии . . . В вознаграждение за услуги по управлению императоры должны были предоставлять церкви определенные источники доходов.

Первоначально, дары, приносимые церкви членами общины, были совсем добровольными. Но с того времени, как церковь стала пользоваться защитой государственной власти, она начала стремиться к регулярным поборам. Была введена десятина, которая изыскивалась сначала при помощи моральных воздействий, а потом и с помощью принуждения.

Церковь сделалась теперь чрезвычайно богатой, а ее клир достиг полной независимости от мирян. Неудивительно, что по мере возрастания церковных имуществ клир все более переставал заведывать ими в интересах бедноты. Клир употреблял их для себя; жадность и расточительность вторглись в церковь, особенно в таких богатых общинах, как Рим, Константинополь, Александрия и т. д. Из коммунистического учреждения церковь превратилась в самый исполинский механизм для эксплуатации, какой только видел мир. Уже в пятом веке в римской церкви установился прочный обычай разделять церковные доходы на четыре части. Одна часть принадлежала епископу,—одна—его клиру, одна — служила потребностям культа (постройка и содержание храмов и т. п.), и только одна выпадала на долю бедных. Следовательно, все бедные получали как раз столько же, сколько один епископ.

В высшей степени вероятно, что и такое распределение было установлено не в интересах клира, а для защиты бедных, — с той целью, чтобы господа пастыри душ не употребляли все церковные имущества исключительно на себя.

———

Ф. Меринг.

182. Средневековая церковь.

И в средние века было много массовой нищеты, но источником ее были военные опустошения, неурожаи или эпидемии, а не то обстоятельство, что люди были неимущими. Христианская церковь сумела искусно приспособиться к этим новым условиям; из благотворительного учреждения она превратилась в политическую организацию. Церковные имущества окончательно перестали быть имуществом бедных. В девятом веке появились исидоровы декреталии: собрание нагло фальсифицированных церковных законов, которые должны были обосновать притязания римских пап на мировое господство и которые легли в основу их дальнейшей политики. Согласно этим декреталиям, под бедными, достояние которых составляет имущество церкви, следует разуметь только духовенство, давшее обет бедности. В двенадцатом веке эта теория нашла последовательное завершение: папская власть заявила, что все церковные имущества принадлежат ей, и каждый папа может располагать ими по своему усмотрению.

Как политическая сила, римская церковь подчиняла себе все средневековье. Она противостояла вторгающимся варварам, как единствен-

ная организация, которая еще сплачивала римское государство, как представительница римского способа производства, который, несмотря на весь его упадок, все же был выше способа производства у завоевателей, как бы не превосходили они вырождающихся римлян морально и физически. Церковь знакомила германцев с высшими формами земледелия; до поздней эпохи средних веков монастыри оставались образцовыми сельско-хозяйственными учреждениями. Духовенство обучало германцев ремеслам и искусствам. Церковь, насколько зависело от нее, содействовала торговле. Вся наука средних веков сосредоточивалась в церкви; она давала врачей, архитекторов, историков; она же,—так как только здесь и было уменье читать и писать,— доставляла для новых королей чиновников, без которых они не могли бы обойтись. С возрастанием власти короля над народом росла и власть церкви над королем. Всякое расширение государственной власти знаменовало усиление и церкви; завоевание языческих стран совершалось в виде основания новых епископий.

Конечно, церковь заставляла дорого оплачивать свои услуги. К ней шла десятина, — единственный общий налог, существовавший в средние века. Но важнейшим источником власти в средние века была земельная собственность, и средневековой церкви удалось захватить в свои руки по меньшей мере третью часть всего землевладения. Церковь умела использовать свою силу с большой прибыльностью, чем могли ее использовать король и дворянство. Ее владения были наилучшим образом возделываемые, наиболее плотно населенные, ее города — самые цветущие, а потому доходы и сила, извлекаемые ею, были больше, чем доставляемые королю или дворянству владениями равной величины. В противоположность королю и дворянству, ей не приходилось большую часть своих доходов затрачивать на военные дела; а если средневековым аббатам епископам все же довольно часто приходилось участвовать в войнах, они, во всяком случае, не были связаны с войной в такой мере, как светские сеньоры. Поэтому у них не было нужды так взвинчивать эксплуатацию своих вассалов и крепостных; по средневековой поговорке, хорошо было жить под жезлом епископа, — так назывался знак его должности.

Кроме всего этого, церковь могла до известной степени поддерживать традиции, которые при ее возникновении сделали ее сильной. Так как наибольшая часть ее доходов составлялась из продуктов в натуральной форме, то, как бы не роскошествовали сами духовные, их житницы всегда были хорошо наполнены. Когда случалась война или неурожай, церковь часть избытков из своих запасов могла давать нуждающимся, и она охотно делала это, правильно оценивая, какую власть над массами населения доставляет ей попечение о бедных.

В связи со всем этим в средневековой общественной организации не было ни одного класса, который не был бы заинтересован в поддержании церкви. Конечно, не все в одинаковой мере: у королевской власти и дворянства было немало жестоких схваток с церковью. Тем не менее, если они и стремились ограничить власть церкви, они не могли помышлять и не помышляли о том, чтобы выступить вообще против существования церкви: это было бы равносильно нападению на само средневековое общество. Церкви принадлежало господство над всей материальной, а вместе с тем и над духовной жизнью средних веков. Она настолько срослась со всей народной жизнью, что на целые столетия церковный строй мышления превратился в своего рода ин-

стинкт, которому слепо следовали, как закону природы, и что все проявления общественной, государственной и даже семейной жизни выступали в облачении церковных форм.

Германские племена, которые, как, напр., ост-готы и вандалы, хотели основать свои государства на обломках Риской империи, в антагонизме с римской церковью, погибли. Напротив, на долю племени франков, которое с самого начала основывало свое государство в союзе с римской церковью, выпала гегемония на Западе, хотя оно отнюдь не отличалось христианскими добродетелями, а, напротив, пользовалось наихудшей репутацией среди германских племен. Король Хлодвиг, который в 496 году присоединился к римской церкви, был одним из ужаснейших извергов, каких только знает история. Король франков в союзе с главой римской церкви об'единил западно-европейский христианский мир в единое тело с двумя головами, светской и духовной; это об'единение против напиравших со всех сторон врагов представляло безусловную необходимость, но оно скоро повело к самой ожесточенной борьбе между императорской и папской властью, борьбе бушевавшей на протяжении всех средних веков.

———

К. Каутский.

183. Общий характер еретических движений в конце Средневековья.

Всякий, кто близко принимал к сердцу интересы бедноты, почти неизбежно обращался против папской церкви. Среди классов собственников средних веков она выдвигалась на первое место; она владела огромнейшими богатствами и господствовала над всей общественной жизнью не только в духовном, но и в экономическом отношении.

Ее господство можно, пожалуй, сравнить с господством в наше время крупной финансовой буржуазии, биржи ... Папство господствовало над умственной жизнью, как теперь биржа над прессой; и, как биржа решает судьбу министерств и даже королей, основывает и разрушает царства, так распоряжалось и папство.

И, дальше, господство папства подвергалось нападениям в такой же мере, как теперь господство финансовой аристократии. У папства была, пожалуй, еще та общая особенность с биржей, что оно вызывало вражду во всех остальных классах общества, не только в эксплуатируемых, но даже и в других эксплуататорах; последним, ведь, приходилось отдавать так много из своей добычи в руки высших из эксплуататоров; полные жадности, смотрели они на сокровища папства. Не может быть ничего ошибочнее того взгляда, будто послушание, в общем оказываемое папству во второй половине средних веков, было добровольно или вытекало из тупости. В большинстве случаев послушание оказывали со скрежетом зубовным и сопротивлялись, где только могли. На протяжении большей части средних веков проходит непрекращающаяся борьба разнообразнейших классов и стран с папскою властью. Но пока не сложились основы для нового строя общества и государства, торжество над папством оставалось невозможным...

Еще не пришло то время, когда стала появляться мысль, что можно обойтись вовсе без церкви. Правда, на исходе средних веков, в городах возникла культура, далеко превосходившая ту, представи-

тельницей которой была церковь. Представители новой культуры, новые, поднимающиеся классы средневекового общества — князья со своими придворными, купцы, римские юристы, литераторы — отличались далеко нехристианским настроением, и такое явление выступало тем ярче, чем ближе к Риму они обитали. Столица христианства была главной резиденцией неверия. Но в то же время в наличности были только скудные зачатки новой организации государственного управления, новой, светской, бюрократии, которая могла бы заменить церковные организации. Церковь, как организация господства, все еще оставалась необходимой для господствующих, следовательно, как раз для неверующих классов. И революционные классы конца средних веков хотели не разрушить римскую церковь, а завоевать ее, чтобы потом через нее получить господство над обществом и придать ему формы, соответствующие их интересам: совершенно так же, как в настоящее время задача пролетариата — завоевать государство и заставить его служить себе.

Чем сильнее в высших классах распространялось неверие, тем больше заботились они о спасении душ низших классов, тем боязливее наблюдали за тем, чтобы до них совсем не доходило образование, которое могло бы расширить их кругозор за пределы христианских учений. Особых усилий с их стороны для этого, впрочем, не требовалось: крестьяне, ремесленники и пролетарии находились, ведь, в таком положении, которое и само по себе делало для них невозможным достигнуть сравнительно широкого образования. Следовательно, они не выходили из круга христианских воззрений.

Но папская церковь выиграла от этого до чрезвычайности мало: такое положение дел совсем не помешало развитию великих народных движений, направленных против эксплуататорской церкви; оно привело лишь к тому, что эти движения, при обосновании своих требований, опирались преимущественно на религиозные аргументы.

Всем, кто, по каким бы то ни было соображениям, требовал конфискации церковных имуществ, литературные произведения первоначального христианства давали богатый арсенал: ведь, из этих писаний с несомненностью следовало, что Иисус и его ученики оставались бедными, что от своих последователей они требовали добровольной бедности, и что все имущества, попадавшие в распоряжение церкви, принадлежали не духовенству, а общине.

Возвращение к первоначальному христианству, к евангелию, восстановление «чистого слова божия», искаженного и превращенного в свою противоположность папской церковью, — вот к чему стремились все классы и партии, враждебные папству. Конечно, каждая партия, смотря по интересам, которые она представляла, по-своему, не так, как другие, истолковывала это «чистое слово господне». Соглашались только в одном — в требовании бедности церковной иерархии. Но вытекает ли из этого требования демократическая организация церковной общины или даже общность имуществ — в этих пунктах различные направления, вставшие в оппозицию к папству, сильно расходились между собою.

Но так как первоначальное христианство фактически завещало именно демократическую организацию и общность имуществ, то поклонник первоначального христианства должен был иметь слишком уж сильный интерес в противоположном характере убеждений, чтобы вычитать из «чистого слова господня» нечто иное. Поэтому каждый

честный член из классов собственников, который участвовал в еретическом движении и был способен духовно подняться выше интересов и предрассудков своего класса, — каждый такой человек сравнительно легко мог примкнуть к демократическому коммунизму. И такое положение продолжалось до тех пор, пока папство казалось для классов собственников, враждебных ему, врагом, обладающим чрезвычайной силой, а коммунизм, напротив, невинной забавой немногих экзальтированных идеологов, и пока было необходимо об'единять в одну фалангу все силы, стоявшие в оппозиции к папству. Еретический коммунизм сначала казался опасным только для папской эксплуатации. По тому-то он так легко добивался терпимости со стороны имущих классов, если те были настроены еретически, потому-то и оказалось возможным, что призыв возвратиться к первоначальному христианству вызвал на свет коммунистические стремления не только в кругах беднейшего населения, но и у некоторых членов имущих классов.

Если мы примем во внимание все эти обстоятельства, нам будет понятно, почему в эпоху еретических движений, направленных к низвержению папства, коммунистические идеи получили величайшую силу и распространение, такие силу и распространение, которые не стоят ни в каком соответствии с силой, численностью и самосознанием тогдашнего пролетариата.

Но по той же самой причине еретическо-коммунистическим движениям суждено было в большинстве случаев быстро упасть, не оставив, повидимому, никакого следа: их ожидало немедленное крушение, когда они, вместо того, чтобы сообща с движениями имущих классов направляться исключительно против папства, делали попытку открыть нападение на все общество собственников.

———

К. Каутский.

184. Германия перед реформацией.

Германия должна была особенно сильно чувствовать этот гнет папской эксплуатации уже по одному тому, что она несла тягости, от которых были свободны остальные культурные страны. И во Франции, и в Англии, и в Испании католическая церковь эксплуатировала народные массы. Однако, здесь значительная часть дохода от этой эксплуатации оставалась в пределах страны, попадала в руки местных господствующих классов, которые вместе с членами их семейств и с выходцами и паразитами из других слоев общества извлекали всю выгоду из хлебных церковных должностей. Между тем в Германии церковными должностями зачастую распоряжались не немецкие князья, а иностранцы, креатуры папы. Наиболее доходные церковные места были в Германии предметом торговли, и папы продавали их тем, кто больше платил. «Как значительная часть мест и должностей в курии сделались предметом купли, так и приходы все более превращались в ходкую торговую статью. Дело дошло до того, что сбыт наиболее хлебных бенефиций за умеренный процент предоставлялся крупным торговым компаниям, — так, напр., Фуггеры по смерти аугсбургского управляющего хором получали доходы по его должности. Впоследствии они, в свою очередь, продали их, а новые покупатели, может быть, опять сдают их тем, кто давал больше. Вимфелинг знал одно

духовное лицо, у которого было двадцать четыре прихода, в том числе восемь каноникатов, но которое фактически ни в одном из них не исполняло своих обязанностей. Капито рассказывает об одном страсбургском канонике, который захватил сотню приходов и вел настоящую торговлю ими. «Не легко здесь добиться хлебного прихода, — говорит Гуттен, — если не послужишь из-за него в Риме, или не отправишь туда крупной суммы для подкупа, или не купишь его прямо через Фуггеров»... Зато Фуггеры и были ревностными католиками, не скупившимися на денежные пособия, предназначенные для борьбы с Лютером.

Огромные суммы, уплачиваемые за все эти церковные места, ежегодно уплывали в Рим, минуя крупных эксплуататоров в Германии, князей и купцов. И как ни высоки были доходы, доставляемые торговлей и горным делом, как сильно ни росло богатство Германии, потребность в деньгах и погоня за деньгами в рядах эксплуататоров развивались еще быстрее.

В XV столетии товарное производство и товарная торговля, т.-е. так называемое «денежное хозяйство», получили уже в Германии довольно значительное развитие. Производство для собственного потребления, как исключительная форма производства, натуральное хозяйство, быстро падало даже в деревне. Везде все настоятельнее делалась потребность в деньгах и, прежде всего, среди господствующих классов. Эти последние нуждались в деньгах не только потому, что в их жизненную обстановку все более проникала роскошь и расточительность, но и потому, что к ним пред'являлись извне все большие и большие требования, удовлетворить которые можно было только в денежной форме. Абсолютная княжеская власть, начавшая свое развитие как раз в эту эпоху, нуждалась в деньгах для содержания своих чиновников и наемных солдат, нуждалась в деньгах для того, чтобы привлечь к своему двору и заставить служить себе независимую от нее аристократию, нуждались в деньгах, наконец, для того, чтобы подкупать людей, служивших орудием ее противников. Необходимо было во что бы то ни стало изыскивать налоги, сдирать по две шкуры с горожан и крестьян, выжимать из них все, что только возможно выжать. Но лишь очень редко оказывались достаточными регулярные доходы, и тогда приходилось делать долги, — долги, означавшие, в свою очередь, новые денежные расходы на уплату процентов.

Даже при самой усовершенствованной системе выжимания соков лишь немногие князья могли хорошо поставить свои финансы, и, в конце концов, и князьям, и их подданным, на которых лежали еще и другие тягости, пришлось признать, что они беднеют, несмотря на быстрый рост богатства в Германии; при таких условиях они, конечно, не могли спокойно смотреть, как папа ни за что ни про что снимает в свою пользу сливки, предоставляя им снятое молоко.

———

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

СПРАВКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ [1].

1. Что такое «доисторический период» в истории человечества.

Историю человечества часто разделяют на две части: на доисторический и собственно исторический период. Доисторическим периодом — или периодом первобытной культуры — называют обыкновенно те эпохи в развитии человечества, которые изучаются на основании археологических и этнографических данных. К собственно истории относится так называемая писаная история, т.-е. те эпохи, которые известны нам на основании каких-либо письменных документов. Термин «доисторический период» возник в конце XVIII века, когда впервые ясной стала мысль, что история человечества далеко переходит за те пределы, которые охватываются письменностью.

2. Деление каменного века на периоды.

Доисторический период в истории человечества подразделяется на несколько эпох, которые отличаются одна от другой родом и свойствами орудий, созданных людьми в процессе их борьбы за существование. Прежде всего, этот период делится на две основных эпохи: эпоху камня и эпоху металла. Эпоха камня — или каменный век — в свою очередь, подразделяется на две эпохи: эпоху оббитого камня (палеолит) и эпоху шлифованного камня (неолит). Эпоха палеолита — старого каменного века — также подразделяется на ряд эпох, которые кратко охарактеризованы в ст. Обермайера (№ 2). Эта эпоха является древнейшей в истории человека. Именно, к этой эпохе надо отнести первобытное человеческое общество.

Наивысшего своего развития родовое общество достигло, вероятно, в ранний период эпохи металла, в так называемый бронзовый век, когда, с одной стороны, укрепилось плужное земледелие, а с другой — появились скотоводческие народы, которые вели кочевой образ жизни.

3. Эпоха металла.

Эпоха металла обычно разделяется на бронзовый и железный век. Отыскивая подходящий материал для своих каменных орудий, люди наткнулись на куски медной руды. Она оказалась пригодной

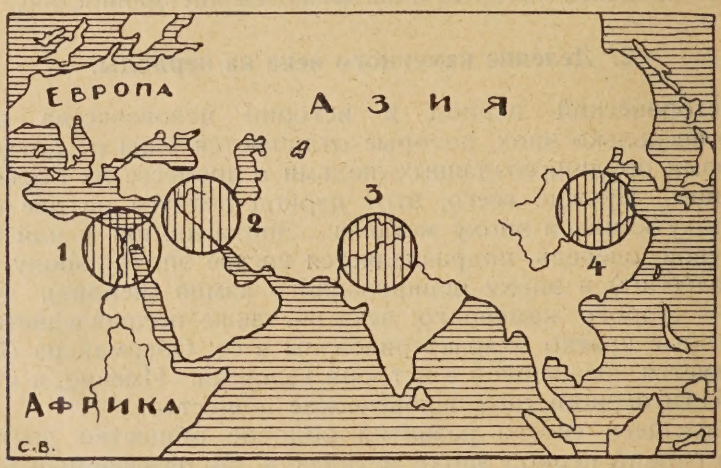
[1] Здесь собраны указания, иногда в обобщенной форме, на некоторые внешние моменты всеобщей истории. Эти указания имеют целью облегчить студенту проработку хрестоматийного материала. Количество справок следовало бы увеличить вдвое, но размер книги не позволяет этого сделать.

для изготовления из нее, по образцу каменных, орудий, путем ковки. Познакомившись затем со свойством руды плавиться и принимать при застывании любую форму, люди стали выплавлять из меди оружие и украшения. Так как медь — металл не твердый, то в поисках за способом сделать ее тверже, люди наткнулись на олово. Сплав обоих металлов дал бронзу, которая оказалась и тверже и красивее чистой меди.

В эпоху бронзы, как показывают раскопки, существовали уже меновые отношения между разными народами и странами. Медь и олово не везде встречались, но всюду была нужда в бронзе. Бронза и изделия из нее стали предметом торговли. Народы, державшие в своих руках месторождения металлов и изготовлявшие металлические изделия, оказались более культурными и сильными, чем народы каменной культуры. Если эти последние не подвергались истреблению при столкновении с более могущественными народами бронзовой культуры, то быстро усваивали эту последнюю. Конец бронзового века знаменуется разложением родового общества и возникновением первых отдаленных зачатков общества феодального. Здесь кончается тот период истории, который привыкли называть — конечно, с логической точки зрения, неправильно — доисторическим.

4. Древнейшие центры человеческой культуры.

Древнейшими центрами «писаной» истории являются страны, расположенные в долинах Нила (с.-в. угол Африки) и Тигра и



Центры древней культуры (обозначены кружками): 1—долина р. Нила, 2—Месопотамия, 3—долина р.р. Инда и Ганга и 4—долина р. Хуан-Хэ в Китае.

Ефрата (Месопотамия) в передней Азии. Здесь, благодаря благодатному климату, необычайно плодородной почве и близости медных и оловянных рудников, очень давно, приблизительно, за 7—8 тысячелетий до начала нашей эры (Р. Х.) возникли халдейско-вавилонская (в Месопотамии) и египетская (в долине Нила) культуры. Египетский и вавилонский народы в своем общественном развитии прошли через все основные формы развития (род. строй, феодализм) и дошли до

зачатков буржуазных отношений, на чем их историческая жизнь была прервана. И древний Вавилон и древний Египет оставили после себя богатую и разнообразную материальную и духовную культуру, которая частью исчезла (сохранившись лишь в памятниках искусства и записях), частью усвоена была окружающими их народами. Также очень древнего происхождения «речные» культуры: Ганга в Индии и Хуан-Хэ в Китае (см. карту).

Общий обзор истории этих стран можно найти в след. книгах: С. Н. Ковалева. Всеобщая история в популярном изложении, ч. I; его же, Курс всеобщей истории, том I. В. Будштеда, А. Покровского и А. Харнаса. Древний Восток. Все три книги издания «Прибой».

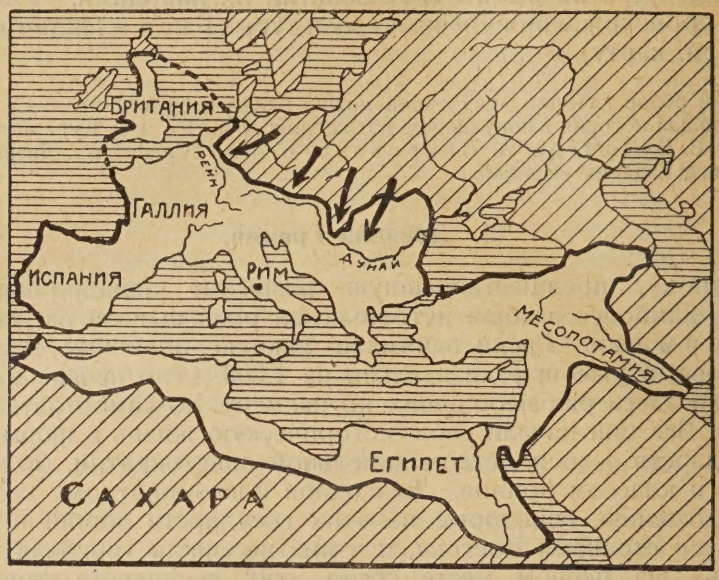
5. Древняя Греция.

В эпоху, предшествовавшую развитию западно-европейской культуры, наиболее важная историческая роль выпала на долю греков и римлян. Греки занимали южную половину Балканского полуострова, и уже приблизительно за 1.000 л. до начала нашей эры образовали здесь ряд небольших по размеру, но самостоятельных государств. Все они начали свою историческую жизнь в форме племенных государств с господством земельной аристократии, бывшей в то же время и классом воинов. Благодаря благоприятному географическому положению, некоторые из этих государств вошли в торговые сношения со странами Востока, и в них возникли торговля и промышленность. На первом месте среди этих государств стояло Афинское государство. Здесь господствующее положение приобрела (в V в. до нашей эры) торговая буржуазия. Греки колонизовали берега Малой Азии, острова Эгейского моря, южную часть Апеннинского полуострова и о. Сицилию. Всюду в этих местах возникли торговые города — государства. В IV веке до нашей эры на севере Греции возникла Македонская монархия, которая, пользуясь постоянными раздорами между греческими городами-государствами, подчинила себе почти всю Грецию. В III веке торговые центры передвигаются на Восток, и торговые пути прокладываются мимо Греции. Ее торговля хиреет и, вместе с тем, падает и ее культура. Эта последняя в период V—III веков достигла блестящего развития (греческая скульптура, архитектура, поэзия и философия).

6. Древний Рим.

С VIII в. до нашей эры на Апеннинском полуострове выдвигается Рим. Из маленькой гражданской общины он в течение нескольких последующих веков превращается в обширную военно-торговую державу. Сначала Рим подчиняет себе родственные народы Апеннинского полуострова (италийские племена), затем разрушает могущественную торговую республику Карфаген (находившуюся в северной Африке, на берегу Средиземного моря), затем Македонское царство, подчиняет себе все области, расположенные по берегам Средиземного моря. Во II веке до нашей эры Рим является единственной мировой державой того времени. Покоренные им народы беспощадно эксплуатировались путем тяжелых налогов и хозяйничанием ростовщического капитала, получившего в Риме особенно большое влияние на политику государства. Непрерывные войны и присоединение к Риму ряда плодо-

роднейших областей (о. Сицилия, Египет) разрушили благосостояние основного ядра римского народа — крестьянства. А с исчезновением крестьянства (оно превратилось в люмпен-пролетариат, так как благо-



Римская империя в момент наивысшего развития.
Черная линия—границы империи. Стрелки—направление вторжения в империю германцев.

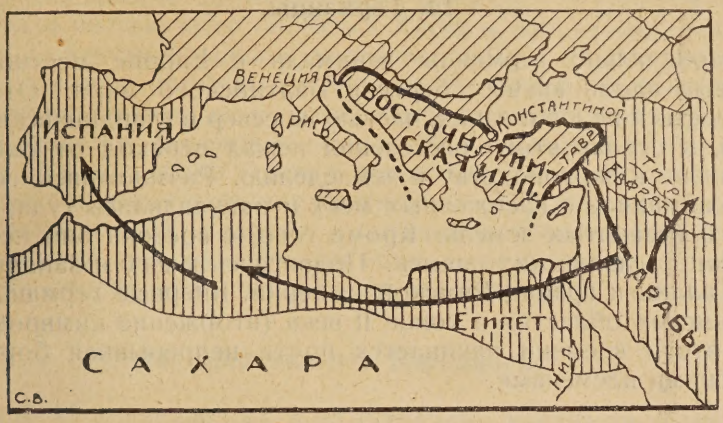
даря дешевому рабскому труду не находило себе нигде работы) рушилась социальная база республики. В I веке до Р. Х. после длительной гражданской войны Рим из республики превратился в монархию. Установление монархии на первых порах оказало благоприятное действие на развитие торговли и промышленности внутри страны. С III в. по Р. Х., однако, вследствие падения рабовладельческого хозяйства, непрерывно возраставшего напора германских племен и разорения страны претендентами на престол, боровшимися между собою, в пределах Римской империи вновь развивается натуральное хозяйство. Население беднеет, культура падает, и в V веке германцы окончательно уничтожают Римскую империю, вернее — западную ее половину, так как восточная, с Византией во главе, сохранила свою самостоятельность.

В V—VII в.в. остатки римской культуры продолжали существовать в Византийской империи (которая наз. еще Восточной или Восточно-Римской империей). Здесь господствовал греческий язык. Одно время Византия владела всем Средиземным морем. В течение этого периода она сосредоточила в своих руках всю торговлю с восточными странами.

7. Арабы.

В VI в. в Аравии возникло арабское государство, основанное последователями Магомета. В течение VII—VIII в.в. арабы завоевали Переднюю Азию, часть Малой Азии, северный берег Африки и значи-

тельную часть Пиренейского полуострова. Арабское государство — халифат — вначале единое, распалось затем на две части: восточную с Багдадом во главе (на р. Тигре) и западную (с Кордовой на Пиренейском пол.). Арабы вели обширную торговлю; арабские купцы проникали вглубь малоизвестных в то время славянских стран; за ними



Движение арабов из Азии в Европу.
Области, занятые арабами, заштрихованы вертикально.
Стрелки указывают направление движения арабов из Азии через Африку в Европу.

шли путешественники, которые оставили нам ценные описания стран и народов той эпохи (между прочим и восточных славян). Арабская культура достигла высокого развития, и в эпоху VII—XI в.в. была несравненно выше западно-европейской. Борьба с арабами оказала большое влияние на политическое развитие Европы (см. карту).

8. Кельты.

Основателями современных европейских государств являются три группы народностей: кельты, германцы и славяне. Кельты (их римляне называли также галлами) еще в доисторические времена заняли запад Европы (Францию, Швейцарию, Великобританию). Наивысшего своего развития культура кельтов достигла в эпоху так называемого железного века, которая изучается путем раскопок. Юлий Цезарь дал нам первое описание их быта (в половине I в. до р. Х.). Кельты, жившие в пределах нынешней Франции, были покорены Цезарем, их страна получила название Галлии. С течением времени они усвоили римский язык и римскую культуру. Впоследствии, смешавшись с германцами, они положили начало французскому народу.

9. Арийцы.

Германские племена появились в Европе также в доисторические времена. На основании сравнительного изучения языков европейских народов установлено, что некогда греки, римляне, кельты, германцы и славяне составляли одну народность, которая получила название а р и й ц е в. К этой же народности относятся и современные

индусы. Они говорили на одном языке. Вследствие расселения в разные стороны, отдельные части арийской народности постепенно выработали свои собственные наречия. Теперь только ученые открывают в этих наречиях, или языках, общие корни, свидетельствующие о их былом единстве.

10. Германцы.

Первоначально германцы занимали в Европе местности, расположенные вдоль южных берегов Балтийского моря. Отсюда они стали двигаться на юг и запад, частью на север в скандинавские страны. Вероятно, в основе этого расселения лежал переход от охотничьего образа жизни к скотоводству и земледелию. Размножаясь, германские племена снимались с насиженных мест и направлялись туда, где было еще много незанятых земель. Кроме того, с востока они испытывали на себе напор славянских племен. Подвигаясь к югу и западу, они дошли до Галлии и границ Римской империи. Впервые германцы появились в римских областях в конце II века (вторжение кимвров и тевтонов). С этого времени начинается почти непрерывная борьба Рима с германскими племенами.

11. Источники наших сведений о кельтах и германцах.

В течение первых пяти веков нашей эры в Европе происходили огромные перемещения племен. О внутренней жизни германцев этой эпохи нам мало что известно. Первое описание их быта дал римский полководец и писатель (впоследствии правитель Рима) Юлий Цезарь (за полвека до р. Х.). Более подробно описал их 150 лет спустя знаменитый римский историк Тацит. Из сохранившихся до нашего времени сочинений этих писателей мы и почерпаем сведения о германцах начала нашей эры. Строй, описываемый как Тацитом, так и Цезарем, уже нельзя назвать родовым обществом. В нем уже явственно наметились имущественные и классовые расслоения, впоследствии легшие в основу феодального общества.

В V в. возникают другие источники, откуда мы почерпаем сведения о быте древних германцев. Эти записи законов, так называемой «Правды». Среди их особенно важное значение имеет «Салическая Правда». В древней Руси таким сборником законов является «Русская Правда», возникшая в XI в.

12. Эпоха образования племенных государств.

Эпоха I столетия до Р. Х. и четырех веков после Р. Х. была эпохой ожесточенной борьбы за территорию между различными германскими племенами. Родственные племена об'единялись между собою и образовывали союзы племен, которые то распадались, то вновь оживали. То один, то другой из этих союзов приобретал первенствующее значение среди германцев. Вот названия племен, особенно часто упоминаемых в германских летописях: хатты, аллеманы, бургунды, маркоманы, франки, саксы, готы и др. Римлянам удалось подчинить себе южную часть Германии, но надолго удержать ее они не смогли. В конце IV века в Европе через южно-русские степи появились гунны, народ монгольского происхождения, кочевники. Они опрокинули ряд германских племен и заняли юго-восточные области Европы. Отсюда они

производили опустошительные набеги на империю и на германцев к западу от них. В начале V века начинается, под натиском гуннов, «великое переселение народов». Германские племена делают отчаянные попытки проникнуть в Италию, разливаются по Галлии, проходят на Пиренейский полуостров и даже частью переправляются оттуда в Африку (вандальское королевство в Африке). В середине V века англы, саксы и частью юты занимают Англию, где вступают в жестокую борьбу с кельтами, издавна занимавшими эту страну. Вождь гуннов Атилла, страшно опустошает Италию. Во второй половине V века царство гуннов развалилось, но передвижение германских народов еще долго продолжается. В конце V века (в 476 г.) племя герулов захватывает Рим, и вождь герулов Одоакр провозглашает себя королем Италии. Все новые и новые полчища кочевников (болгары, авары) продолжают с востока теснить и славян, и германцев. Под их натиском ломгобарды занимают северную Италию (отсюда ее название: Ломбардия). Это — эпоха образования сильных военно-племенных государств.

13. Меровинги и Каролинги.

В конце V и начале VI в.в. особенно усилилось государство франков, которые обосновались в завоеванной ими Галлии. До середины VII в. во главе королевства стояли короли из дома Меровингов. С середины VIII в. власть перешла к дому Каролингов. Самым видным представителем этой последней династии является Карл Великий, который расширил свои владения на Италию и почти на всю Западную Европу. Все его продолжительное царствование прошло в войне с разными германскими народами, которых он один за другим подчинял своей власти. Но созданная им могущественная военная монархия не имела прочной экономической базы. Начавшийся еще в эпоху Меровингов процесс феодализации продолжал развиваться и при Каролингах. Возникло крупное землевладение, появились иммунитеты, крестьянство все больше и больше теряло свою свободу.

14. Католическая церковь и королевство франков.

С VI века христианство из Рима проникает в Германию и постепенно распространяется среди германских племен. Католические миссионеры усердно приспособляли христианское вероучение к религиозным понятиям варваров, что значительно облегчало его распространение. Принимали новую веру короли, князья, знать, а потом уже и народная масса. Могущество и культура Рима импонировало германцам, и правящие элементы кроме того видели в христианстве орудие усиления своей власти. Возникали монастыри, обрастая земельными пожалованиями и деревнями. Сперва выросло крупное церковное землевладение. В эпоху раннего средневековья монастыри были центрами, откуда в толщу германского населения проникали улучшенные приемы земледелия и ремесленные знания и умения. Настоятели монастырей и епископы привлекались к королевскому двору в качестве образованных советников и администраторов. Опираясь на крупное землевладение и обломки римской образованности, католическое духовенство сделалось в Европе большой социальной силой. Входя составною частью в феодальное общество, церковь в то же время,

однако, создала и международную организацию. Ее центром был Рим, где жил папа, глава католической церкви. Духовенство всех западноевропейских стран подчинялось ему, отсылая в Рим часть своих доходов и направляя туда часть д е с я т и н ы, особого налога на верующих. Между Римом и епископами разных стран происходило постоянное общение. Благодаря своим земельным и денежным богатствам и «вселенской» церковной организации, римский папа был не только первым епископом, но и самым могущественным государем в Европе. Это его значение стало колебаться только в XIII в. Возвышению папы значительно содействовал их союз с франкскими королями. Своим авторитетом папа все время усиливал власть франкских королей. Силой своего оружия франкские короли охраняли пап и их владения в Италии от всяких покушений со стороны. Этот союз увенчался созданием в 800 г. Священной Римской империи, об'единявшей под властью Карла Великого Францию, Германию (включая сюда нынешнюю Австрию) и Италию.

15. Возникновение современных европейских наций.

После смерти Карла Великого (814 г.) его обширная монархия распалась на несколько государств: Францию, Германию и Италию. В Англии образовалось англо-саксонское государство, существовавшее до конца XI века, когда оно было завоевано нормандским герцогом Вильгельмом. Из смешения древних кельтов, англо-саксов и офранцузившихся норманнов образовался английский народ. Во Франции также возникла особая нация — французы, представлявшие собою смесь романизованных (т.-е. усвоивших римскую культуру) галлов и германцев (франков). Жители Италии также составили особую итальянскую нацию, представлявшую собою смесь древних римлян, италиков и пришлых германцев. Так положено было начало большим национальным группам в Европе. В X веке по национальному составу Европа делилась на три основных группы народов: народы романского происхождения (французы, итальянцы, испанцы), народы германского происхождения (немцы, англичане, скандинавы) и народы славянского корня (поляки, чехи, сербы, болгары, русские). Кое-где сохранились кельты (в Ирландии и Шотландии), на Балканском полуострове, в Византии обитали греки, смесь древних греков с римлянами, германцами и славянами.

16. Норманны.

Начавшийся значительно ранее IX века процесс феодализации Европы в этом и последующем веке получил сильный толчок к дальнейшему развитию благодаря набегам на Европу норманнов. Это северные германские племена, занявшие нынешнюю Скандинавию (Данию, Норвегию, Швецию). Не имея возможности прокормиться на своей родине, норманны стали делать опустошительные набеги на береговые области Западной Европы, проникая иногда далеко вглубь страны. Некоторое время они были грозой для всей Европы, заставляя ее жить лагерной жизнью. Земледельцы искали защиты у крупных землевладельцев, теряя вместе с тем свою независимость, а землевладельцы каждой страны также вынуждались искать друг у друга помощи и поддержки, создавая феодальную иерархию.

17. Феодализм.

Феодализм, господствовавший в Европе в течение нескольких веков, не во всех странах имел один и тот же вид: наиболее резко выраженный характер он приобрел во Франции. В Англии он уже очень рано было ослаблен, благодаря развитию в ней сильной королевской власти. В России он также не дошел до той полноты развития, как во Франции. Вообще каждая страна имела свой собственный феодальный строй. Но в общих своих чертах он всюду представлял одно и то же.

Феодальное общество существовало не только в Европе IX—XV в.в., но и за ее пределами, у всех известных нам исторических народов: египтян, вавилонян, греков, римлян, китайцев, японцев, арабов и т. д. Словом, он представляет определенную фазу в развитии человеческого общества. Но лучше всех изучен именно западно-европейский феодализм и только сравнивая с ним те его черты, которые мы находим у неевропейских народов, можно допустить существование этой общественной формы и у них.

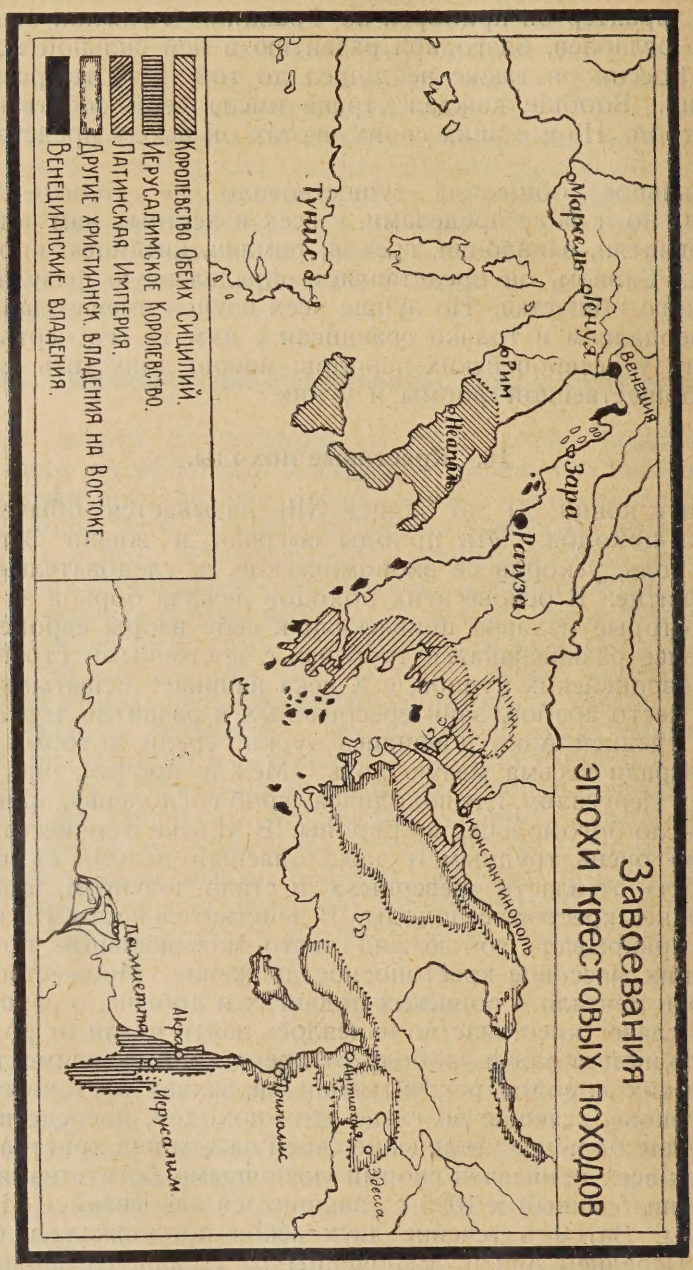
18. Крестовые походы.

Время с конца XI до конца XIII называется обычно эпохой крестовых[1] походов. Эти походы сыграли в жизни Зап. Европы огромную роль, ускорив ее экономическое, а, следовательно и социальное развитие. В основе этих походов лежала борьба за богатства Востока, которые издавна привлекали к себе взоры европейцев. Все более и более развивавшаяся торговля с восточными странами, обогащавшая европейских купцов, с X века начинает испытывать затруднения. На место арабов, заинтересованных в развитии торговли с Европой, в Передней Азии появились турки, среди которых торговые интересы играли весьма малую роль. Между прочим, они захватили Палестину и Иерусалим, где находился «гроб господень», привлекавший большое число богомольцев из Европы. В XI веке путешествие в Иерусалим стало очень трудным и даже опасным делом. Освобождение «святых мест» от власти «неверных» и стало лозунгом, под которым организовались крестовые походы. В действительности эта идея освобождения прикрывала собою ряд чисто материальных побуждений, обусловивших массовое крестоносное движение. Множество рыцарей из всех стран мечтало о воинских подвигах и добыче, о захвате новых владений и славе; крестьянство надеялось найти вдали от родины обилие плодородной земли и свободу от крепостной зависимости; купцы из итальянских городов рассчитывали на захват восточных рынков; римская церковь, ставшая во главе этих походов, посредством их надеялась на еще большее увеличение своей власти над христианским миром. Восток всех привлекал своими сказочными богатствами. Первый поход, организованный в 1095 г., закончился завоеванием Иерусалима и Палестины. Затем в течение двух веков продолжалась борьба за обладание Передней Азией. Европейцы то теряли, то вновь завоевы-

[1] Крестовыми они названы по чисто внешнему признаку: воины, отправлявшиеся в поход, носили на своих плащах вышитые на них кресты. Их так и называли: крестоносцы.

вали Палестину и Сирию, пока, наконец, турки не изгнали их окончательно из Азии.

Двухвековое общение с Востоком и массовые передвижения людей с запада на восток и обратно, оказали огромное влияние на жизнь



Европы. Возникла острая потребность в деньгах, сначала у верхов общества, затем и у низов. Появилась неведомая раньше роскошь. Развилась торговля. Вырос и окреп новый класс — торговая буржуазия.

Натуральное хозяйство стало трещать по всем швам, уступая свое место хозяйству товарно-денежному. Эпоха крестовых походов знаменует собою целый переворот в европейской экономике.

19. Борьба пап с императорами.

В XI—XII в.в. Германия и Италия была ареной борьбы между все растущей властью пап и властью императоров. Главным яблоком раздора служила Италия, власти над которой добивались императоры. Италия в эту эпоху была самой богатой страной в Европе. Борьба эта закончилась победой папства, опиравшегося на феодальную раз'единенность Германии. В Италии возникли две партии — гибеллины (сторонники власти императора) и гвельфы (сторонники папской власти). Опираясь на противоречивые интересы городского населения и феодалов, своей и чужеземной власти, эти партии еще долгое время вели между собою борьбу.

20. Традиционное деление истории на периоды.

Эпоха великих морских открытий начинает собою новую полосу истории. Традиционное деление истории на периоды с этой эпохи начинает «новую историю». Ей предшествовали «средние века» (средневековье), которые пришли на смену «древнему миру». Это чисто хронологическое деление истории на древнюю, среднюю и новую для истории общественных форм не годится, так как в один и тот же хронологический период обычно существуют в разных странах разные формы общества. Феодализм характерен для средневековья, но в начале этого периода (IV—VI в.в. по р. Х.) феодализма еще не было, а в последние столетия средних веков уже сильно развиты были элементы буржуазного общества. В так называемое новое время (XV — XVIII в.в.) торговый капитал достигает вершины своего развития, порождая в одних местах торговые олигархически-буржуазные республики, в других — абсолютную монархию, в третьих — монархию конституционную.

21. Рост королевской власти.

Под влиянием роста денежного хозяйства и базировавшегося на нем торгового капитала во всех частях Европы уже в XIII—XIV в.в. обнаруживается сильная тенденция к образованию национальных государств с централизованной властью. Раньше всего такое государство возникло в пределах Италии (Неаполитанское королевство 1230—1250 г.г.). За этим следует усиление королевской власти во Франции, где король Филипп Красивый (1285—1314) совершенно уничтожил всякое влияние папского престола на государственную жизнь Франции. Но это усиление королевской власти, знаменовавшее упадок феодального строя, сопровождалось развитием сословного представительства. Стремясь сделаться абсолютной и бюрократической, королевская власть еще долгое время вынуждена была считаться с волею «сословий» или «государственных чинов». К числу сословий феодального общества — дворянству и духовенству — теперь присоединяется новое сословие — горожане, т.-е. денежная буржуазия. Сельское население — крестьяне — стоят вне «государственных чинов».

22. Сословное представительство в Англии и Франции.

Только в одной Англии сословное представительство — парламент — постепенно сделалось основным элементом государственного устройства. В других странах, как, напр., во Франции (генеральные штаты), его значение было не велико. Во Франции королевская власть становилась все более и более независимой от генеральных штатов, собирая их все реже и реже, и уже в XVI веке здесь фактически утвердилась абсолютно-бюрократическая форма монархии. Основной причиной разной судьбы представительных учреждений в Англии и Франции является раннее развитие капиталистических элементов в сельском хозяйстве Англии. Обширные слои сельского дворянства Англии рано связались с рынком и в отношении королевской власти сходились с городским населением. Как для дворянства, так и для городского населения (т.-е., главным образом, для торгового класса) важно было не допускать королевскую власть до произвольного распоряжения средствами страны. Об их об'единенные усилия разбились все попытки королевской власти, опиравшейся на крупное землевладение и церковь, подчинить парламент себе. Наоборот во Франции между массой дворянства, связавшей свою судьбу с судьбой сильной королевской власти, и городским населением издавна была сильная вражда. Если в Англии дворянство постепенно превращалось в своего рода дворянскую буржуазию, то во Франции оно сделалось служилым сословием, зависевшим от центральной власти.

23. Парижская революция середины XIV века.

Во Франции в середине XVI в. была сделана попытка подчинить все усиливающуюся королевскую власть контролю сословных представителей. Инициатором этой попытки явилась бружуазия Парижа, во главе которой стоял городской голова (мэр) Этьен Марсель. Произвол королевских чиновников вызвал в Париже восстание горожан, которое и выдвинуло Этьена Марселя, как своего вождя (1355—1358). Ему удалось на время об'единить горожан и дворянство на Генеральных Штатах и провести закон, по которому король не в праве издавать законы и собирать налоги без разрешения Штатов. Но соглашение продолжалось недолго, и король скоро аннулировал навязанное ему ограничение его власти.

24. Столетняя война.

С середины XIV до середины XV в. между Англией и Францией происходила война, получившая название Столетней. Она сильно истощила обе страны. Сначала англичане имели большой успех и овладели почти всей Францией, но в конце концов французам удалось выгнать их из своей страны. Причиной этой войны было борьба обеих стран из-за Фландрии, являвшейся в ту эпоху самым крупным центром суконной промышленности.

25. Эпоха Возрождения.

Духовная культура феодального общества базировалась на основе полунатурального хозяйства, в котором крупный торговый капитал не имел значения. Духовенство, бывшее самым образованным

слоем населения в каждой стране, всюду и везде насаждало церковную идеологию (на Западе в форме католического вероучения). Сельский характер жизни создавал благоприятную почву для распространения и укрепления этой идеологии. Но в торговых городах она уже рано стала испытывать на себе влияние новых условий, создававшихся ростом торговли. Постепенно возникает светская образованность. В XIV в. в Италии, а в XV в. и во всей Зап. Европе начинается так называемая «Эпоха Возрождения». Развивается литература, расцветает искусство, при чем образцами являются литературные и художественные произведения древности (Греции и Рима), которые в это время стали усердно везде и всюду разыскивать. Современникам казалось, что возрождается древняя культура, хотя на самом деле это было не возрождение старой, а развитие новой культуры, создававшейся на новой, торгово-капиталистической основе. Эпоха Возрождения знаменует собою рост буржуазной идеологии, явившейся на смену феодальной идеологии.

26. Из истории России до конца XVI в.

Социально-экономическое развитие России осложнилось ее географическими условиями и близостью к Азии. Славянские племена, заселявшие русскую равнину, стали об'единяться прежде всего по течению Днепра, служившего торговым путем из «варяг в греки», т.-е. из Балтийского моря в Византию (через Черное море). Здесь в X веке возникло киевское княжество, просуществовавшее до XIII века, когда Киев был разрушен татарами. Киев стал значительным торговым центром, а киевские князья — купцами, собиравшими свои товары в виде дани с населения и возившими их продавать в Константинополь. Среди товаров (меха, мед, воск) не малую роль играли и рабы (люди, взятые в плен во время междоусобиц между князьями). Захват кочевниками нижнего течения Днепра нанес этой торговле страшный удар, а взаимная борьба князей еще более усилила вызванное этим оскудение киевской земли. Уже в XII веке начинает подниматься северо-восточная Русь. В бассейне Оки и Волги возникает ряд удельных княжеств, вырастает феодальная Русь. В XIII в. вся Россия делается жертвой татарского завоевания. Татары прочно утверждаются на Руси до конца XV века. Татарский хан как бы возглавляет феодальную иерархию России. Под покровом татарского покровительства возрастает значение мелкого удельного князя Московского. Пользуясь своим выгодным географическим положением, Московские князья богатели и всякими правдами и неправдами увеличивали свои владения. В XIV веке Московский князь является самым сильным из всех тогдашних русских князей. К этому времени Золотая Орда (татары) стала разлагаться, и это дало возможность русским нанести им первый удар (Куликовская битва в 1380 г.). Через 100 лет татарское владычество окончательно падает, а Москва становится столицей почти всей России. Рождается московское самодержавие, которое окончательно укрепляется в эпоху Ивана Грозного (вторая половина XVI века).

27. «Смутное время» на Руси.

В начале XVII в. Московское государство потрясается до основания так называемой смутой, т.-е. гражданской войной. Закрепощение крестьян и ужасная их эксплуатация вызвали массовое движение,

сначала в форме бегства крестьян из центра на окраины, где жили «вольные казаки», а затем — в форме похода крестьянско-казацких войск на Москву. Политически неразвитые народные массы дурного «не настоящего» царя Бориса Годунова хотели заменить «настоящим» царем, получившим в истории название Дмитрия Самозванца (он об'явил себя сыном Грозного Дмитрием, убитым еще в детском возрасте). Поход Самозванца на Москву, и его победа (1605 г.) открыли дорогу целому ряду переворотов. В 1606 г. Дмитрий был убит и его место на Московском престоле занял боярин Василий Шуйский (1606—1610 г.г.), опиравшийся на крупное купечество и боярство. Фактически он держал в своих руках только половину Московского государства. Другая его часть находилась в руках восставшей против него коалиции мелких помещиков, казаков и крестьян. Их возглавлял Лжедимитрий II (так наз. «Тушинский вор», от села Тушино, близ Москвы, где находилась его резиденция). В русские дела вмешались поляки, поддерживавшие Тушинского царя, и шведы, втянувшие Россию в войну с Польшей. В это время бывший холоп Болотников попытался организовать самостоятельное крестьянское движение, направленное против всего крепостнического уклада Московского государства, но был разбит об'единенными силами помещиков и казацких верхов. В 1610 г. Шуйский был свергнут за свою неспособность покончить с охватившим страну движением. Имущие классы обращаются к помощи Польши, призывая на Московский престол королевича Владислава. Поляки овладели Москвой, и стали распоряжаться в ней, как в завоеванной области. Это вызвало национальный под'ем в стране, главным выразителем которого было купечество. Нижегородский купец Минин и помещик князь Пожарский организовали всенародное ополчение и в 1612 г. овладели Москвой, выгнав оттуда поляков.

На земском соборе 1613 г. был избран царем Михаил Романов, положивший начало династии, царствовавшей в России до революции 1917 г.

28. Группировка европейских держав в XVII веке.

В XVII веке группировка «держав» в Европе сильно изменяется по сравнению с предыдущим столетием. В течение XVI века первую роль в Европе играла Испания. Но ряд неудач, обусловленных в конечном счете, падением ее производительных сил, подорвал ее значение, и в XVII веке она становится державой второго ранга. На первое место выдвигаются Голландия, Англия, Франция и Швеция, а в конце века Австрия. Германия же переживает эпоху страшного упадка.

29. Тридцатилетняя война.

В 1618 г. в Германии начинается так называемая Тридцатилетняя война, закончившаяся в 1648 г. Вестфальским миром, который надолго закрепил ее политическую раздробленность. В основе войны лежала борьба общеимперского и местного, княжеского абсолютизма, но она осложнилась религиозным раздором между протестантами и католиками. Война началась восстанием чешского дворянства против императора. Восстание было подавлено. Мятежное дворянство бежало и было перебито, а их владения конфискованы и переданы дворянам, верным императору. Господствовавший в Чехии протестантизм был

упразднен. После этого война перекинулась на Германию. На помощь протестантским князьям поспешил шведский король Густав Адольф, старавшийся расширить владения Швеции на счет прибалтийских государств. Франция также вмешалась в войну, стремясь захватить юго-западные области Германии. Война велась при помощи наемных войск, которыми руководили полководцы, преследовавшие свои выгоды (Тилли, Валленштейн). Наемникам все равно было, кому служить, и они были сторонниками войны без конца. Германия была страшно опустошена за 30 лет войны. Среди княжеств, возвысившихся в конце XVII в. было курфюршество бранденбургское. Его владелец получил по наследству герцогство Пруссию и из этих двух областей создалось впоследствии королевство Пруссия, на долю которого выпало уже в XIX в. об'единение большей части Германии.

30. Дворянство и монархия во Франции.

Абсолютизм стал крепнуть во Франции в XV столетии, но достиг полного своего развития во второй половине XVII в., в эпоху «короля-солнце», как льстецы величали Людовика XIV. Однако, феодальная знать долго не могла примириться с потерей своей феодальной свободы. При каждом удобном случае она начинала борьбу с королевской властью.

Вторая половина XVI и начало XVII в. наполнены гражданской войной, часто прикрывавшей боровшиеся между собою интересы религиозными лозунгами. Низшее и среднее дворянство, однако, все больше и больше группировалось вокруг короля и против знати. Опираясь на городскую буржуазию и на незнатное дворянство, королевская власть в конце концов уничтожила всякое сопротивление знати. В этой борьбе особенную энергию проявил первый министр малолетнего Людовика XIII кардинал Ришелье (с 1624 по 1642 г.г.). В эпоху Людовика XIV (1643—1715 г.г.) произошло сближение феодальной знати и королевской власти. Титулованное дворянство стало придворным и за сохранение своих сословных привилегий отказалось от политической свободы и стало одной из сильнейших опор трона.

31. Из истории еврейского народа.

Палестина расположена к югу от Сирии, на западе Передней Азии. Обе страны расположены на пути, по которому двигались завоеватели Передней Азии: то египтяне, то вавилоняне, то ассирийцы, то персы. Приблизительно за 1000 лет до нашей эры евреи образовали в Палестине самостоятельное государство. После царя Соломона (в IX в.) единое еврейское государство распалось на два царства: Иудейское и Израильское, между которыми происходили вечные столкновения. В 722 г. Израильское царство было завоевано Ассирией, а в 587 г. — Иудейское — Вавилоном, при чем значительная часть населения была отведена в Вавилон («вавилонское пленение»). В 538 году Вавилон был взят персами и иудеи возвратились на родину. Иудея сделалась составной частью обширной персидской монархии. В конце IV в., она, вместе со всеми странами Передней и М. Азии, оказалась под властью Македонского царя (Александра). В 164 г. ей удалось вновь приобрести самостоятельность, но в середине 1 века до р. Х. она подчинилась Риму, сохранив, однако, внутреннюю автономию. Лишь

за несколько лет до предполагаемого года рождения Христа она потеряла последние остатки своей самостоятельности. В 60 годах первого столетия нашей эры Иудея сделала попытку поднять восстание против Рима, но была побеждена, а Иерусалим разрушен (70 г.) В 132 г. евреи вновь подняли восстание, но столь же неудачно. Этим и заканчивается история еврейского народа, как политической единицы.

32. Сведения о жизни Христа.

Сведения о жизни Христа почерпаются, главным образом, из евангелий. Однако, евангелия возникли после смерти Иисуса Христа. Они написаны даже не его учениками, а учениками учеников. Самое раннее из них — евангелие от Марка — написано не ранее, как пятьдесят лет спустя после смерти Христа, а самое позднее — евангелие от Иоанна — даже сто лет спустя. В промежутки между ними появились евангелия от Луки и от Матвея. Тщательное изучение и сопоставление этих евангелий установило, что они вовсе не являются трудами названных лиц, а записями, которые неоднократно исправлялись, дополнялись и переделывались разными лицами. Жизнь Иисуса изложена в них сбивчиво, противоречиво, так что повествование о ней является легендой; не установлено даже, жил ли вообще Христос. Но если даже признать, что он жил, то мы не знаем, чему собственно он учил, так как евангелия передают — и то неодинаково — не подлинные поучения Иисуса, а то, что в данное время с ч и т а л о с ь его учением. Название Христос греческое, означает оно М е с с и ю и прибавлено было к имени Иисуса его последователями, видевшими в нем давно обещанного св. книгами еврейскому народу избавителя от ига страданий.

33. Мессия и Иисус.

Ожидания Мессии появились в еврейском народе, когда на них обрушилось чужеземное иго. В образе Мессии они видели великого пророка, посланного богом для возвращения своему народу свободы и для победы его над всеми другими народами. Жестокая классовая борьба, происходившая в Иудее, наложила свою печать на образ грядущего Мессии. Народные массы видели в нем не только национального избавителя, но и защитника всех бедняков, «трудящихся и обремененных». Эти ожидания задолго до Иисуса были изложены в различных писаниях. Впоследствии авторы евангелий старались изобразить жизнь Иисуса таким образом, чтобы доказать, что он именно и есть тот Мессия, которого предсказывали пророки.

34. Христианство в Римской империи.

В течение довольно долгого времени христианство представляло одну из многочисленных иудейских сект. Христиане появлялись везде, где были евреи, а евреи во II веке по р. Х. рассеялись по всему пространству Римской империи. Но за пределами Палестины христианство приняло интернациональный характер. В III в. в римской империи вообще обнаружился, под влиянием условий социально-политической жизни, большой спрос на различные верования Востока. В империи распространялись культы египетской богини Изиды, иранского

бога Митры, сирийской богини Астарты и т. д., при чем эти культы теряли свой узконациональный характер, приобретая себе сторонников среди представителей разных наций. То же стало и с христианством. Но это последнее, благодаря своей коммунистической тенденции, имело особенно большой успех в массах рабов, вольноотпущенников и городской бедноты вообще. Все ухудшавшееся экономическое положение империи и в имущих классах создавало интерес к религиозным идеям. Христианство приобретало и среди них многочисленных приверженцев. Возникли многочисленные христианские общины, в которых господствовал потребительский коммунизм. Из соединения этих общин уже в III в. сложилась христианская церковь.

35. Разделение церквей.

Когда между многочисленными христианскими общинами, раскинутыми по всему пространству империи (в Европе, Азии и Африке), стало устанавливаться организационное единство, возникло среди руководителей церкви стремление установить в ней и идейное единомыслие. Между тем, в разных местах возникали разные толкования основных положений (догматов) христианского вероучения. Возникла борьба между различными мнениями, которая грозила единству церкви. Путем с'ездов епископов (вселенских соборов) постепенно установлен был официальный «символ веры» (окончательно на Никейском соборе в 325 г.), всякое отступление от которого считалось ересью. Как раз в эту эпоху церковь получила права государственной церкви и стала пользоваться поддержкой правительственной власти. При помощи этой последней ереси беспощадно преследовались. До конца VIII века между западными и восточными христианами (во главе первых стоял римский папа, во главе вторых — константинопольский патриарх), разногласий не было: церковь считалась единой. По мере того, однако, как увеличивалось обособление Зап. Европы от Византии, возникало и обособление между западной и восточной церквами. При содействии франкских королей римский папа стал светским государем (получив особую область в Италии) и главою всей западной церкви. В силу ряда причин первое место на востоке занял константинопольский патриарх. Возник вопрос, кому из этих двух руководителей церкви принадлежит первое место. К спору о первенстве постепенно присоединились догматические и обрядовые разногласия. В результате в середине XI века между Римом и Византией произошел формальный разрыв. Произошло так называемое разделение церквей на римско-католическую и греческо-православную. Конечно, обе они считали друг друга впавшими в ересь. Первая из них связалась с народами Зап. Европы, вторая — главным образом, с восточными и южными славянами.

36. Ереси.

Несмотря на суровую расправу с инаковерующими, ереси не переводились ни на Западе, ни на Востоке.

Гнет, эксплуатация, безвыходная бедность, насилия власти питали еретическую мысль и она временами пробивалась наружу и создавала массовые движения. В IX и X веке в Болгарии появилась секта б о г о м и л о в, отрицавшая государство и духовенство и проповедовавшая аскетизм. Западные крестоносцы, проходя Болгарию, ознако-

мились с богомильством и занесли его в Западную Европу, где оно, несколько видоизменившись, широко распространилось на юге Франции среди крестьян, ремесленников и торговцев. Здесь это учение получило название секты катаров (т.-е. чистых). Эта секта известна также под названием альбигойской ереси (по городу Альби, являвшемся центром ереси). Одновременно с катарами на юге Франции широкое распространение получили вальденсы, проповедовавшие возвращение к первоначальному христианству и отрицавшие догматы и обряды католичества.

Обеспокоенный распространением ересей, что причиняло прямой ущерб финансам церкви, папа об'явил против них крестовый поход; ереси были уничтожены в потоках крови.

Близкая к катарской ересь возникла в XIV в. в Новгороде и Пскове в России. Она известна под именем ереси стригольников (вероятно, от подстригателей сукна, среди которых ересь впервые распространилась). Суровой расправой над стригольниками московские князья прекратили ее существование.

Для дальнейшей борьбы с ересями римская церковь создала особое судилище — инквизицию, которое обслуживалось монахами доминиканского ордена (доминиканцами). В течение нескольких веков это судилище было страшным орудием подчинения христианской Европы догматам католицизма. Несмотря на это ереси все же не прекращались.

В XIV в. в Англии среди народа распространились идеи лоллардов, проповедывавших, с одной стороны, церковное обновление в духе первоначального христианства, а с другой — социальное равенство. Как бы девизом движения была песенка, распевавшаяся крестьянами: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянин?» Выдающимся представителем этого движения был священник Джон Болл, принимавший участие в восстании У. Тайлера (1381 г.).

Более умеренное анти-католическое направление в Англии возглавлял священник Виклеф, идеи которого встречали сочувственный отклик в высших и средних слоях английского общества. Он предлагал отобрать церковные имущества в казну, а церковь реформировать в духе независимости от папы. Ересь Виклефа была, правда, осуждена на соборе английских епископов, но самого его (благодаря защите его знатных покровителей) его не тронули.

В XV в. анти-католическое движение всколыхнуло Чехию. Последователь идей Виклефа пражский профессор Ян Гус, выступивший с проповедью личного самосовершенствования и реформы церкви, нашел себе горячих последователей среди студентов и ремесленников, а впоследствии, после его смерти (Гуса в 1415 г., был осужден за свои взгляды на сожжение) и среди крестьян. Здесь учение Гуса приняло резко революционный характер.

Вспыхнувшее восстание крестьян против помещиков, а рыцарей и ремесленников против феодалов, приняло религиозный характер. Ядро восставших составляли табориты, революционеры-сектанты, проповедывавшие равенство, уничтожение крепостничества, конфискацию церковных имуществ и выбор священников всем миром (мир или община — «табор», отсюда и их название). Несколько лет табориты держались стойко, но вследствие внутренних разногласий (распада на умеренных и крайних), в конце концов потерпели поражение, и ересь исчезла.

37. Реформация в З. Европе.

Поскольку католическая церковь и ее идеология составляли один из существеннейших элементов западно-европейского феодального общества, постольку разрушение этого последнего естественно влекло за собою и потерю церковью ее прежнего значения. Она сама разрушала основы своего господства, все более и более угнетая население католических стран поборами в свою пользу. С расцветом денежного хозяйства церковь стала нуждаться в больших денежных суммах, которые она всячески и выкачивала из карманов верующего люда. С течением времени эти поборы становились все более и более чувствительными. Крестьянская масса начинала смотреть на церковь, как на жадного и немилосердного ростовщика. Отсюда распространение вся-

Католицизм и протестантизм в З. Европе в конце XVI века.

Незаштрихованное пространство с короткими черточками — католич. страны. Крупные клетки—лютеранские страны и англиканская церковь. Мелкие клетки — кальвинисткие области. Вертикальные черточки—гусситские области. Крестики—разрозненные кальвинистские общины. Кружки—прочие протестантские общины.

ких ересей, подавлявшихся церковью с страшной жестокостью. Здесь лежит источник того движения, которое называется р е ф о р м а ц и е й. Другим его источником является разорение мелкого дворянства и желание его поправить свои дела на счет богатых земельных владений церкви. Короли и владетельные князья также не прочь были поживиться на счет церковных богатств. К XVI веку авторитет католической церкви настолько понизился, что ее противники воспользовались первым удобным случаем, чтобы отнять у нее часть ее земель и сокровищ и эмансипироваться от Рима. Сначала это проделано было во Франции при короле Филиппе Красивом (XIV в.), при чем, однако, католичество, как вероучение осталось здесь нетронутым. Преобразо-

вание вероучения, т.-е. то, что и составляет реформацию, произошло в Германии в начале XVI в. Идейно германскую реформацию возглавлял Лютер. В Германии возникла новая протестантская церковь лютеранского направления. (Основателем этого направления был Лютер). Протестантство распространилось и в других странах, в одних тоже в форме лютеранства, в других — в форме кальвинизма (Швейцария, Южная Франция). Основателем этой формы протестантского движения был женевский проповедник Кальвин. В Англии реформация привела к образованию англиканской церкви, представлявшей собою помесь католичества с лютеранством. В Германии, Англии и Скандинавии реформация проводилась господствующими классами и превратила церковь в орудие государственной власти.

Реформация в Германии не сразу привела к установлению в ней лютеранского вероисповедания, которое получило в те времена название протестантизма (от слова протест). Ко второй половине XVI века окончательно выяснилось, что весь север и восток Германской империи, а также большие города на юге стали оплотом протестантизма. Земли к западу от Рейна, а также юго-восток и нынешняя Австрия сохранили католичество. (См. карту).

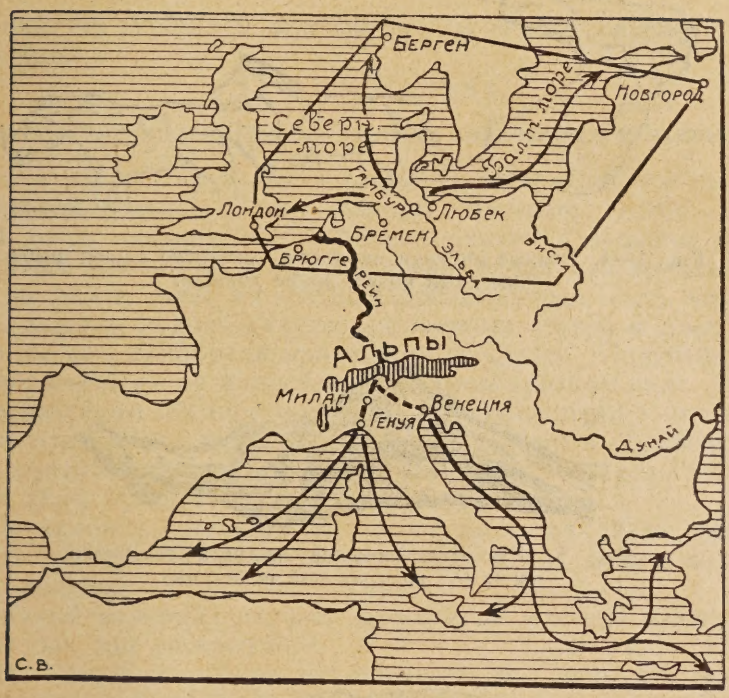
Из Германии протестантство проникло в другие страны Европы. В Швеции на собрании сословных представителей (1627 г.) было решено отобрать у духовенства земли сверх того, что нужно на содержание духовенства. Вслед затем в страну допущены были протестантские проповедники, которые и установили в ней новое вероучение. Отобрание церковных имуществ обогатило королевскую казну и многих дворян. Новая церковь, как и в Германии, сделалась послушным орудием королевской власти. Очень похоже произошла реформация и в Дании.

В Англии реформация идейно была подготовлена еще Виклефом. Но проведена она королем и парламентом совсем не по мотивам религиозного характера. Разрыв с Римом давал возможность королю и дворянству овладеть под благовидными предлогами церковными богатствами, что и было сделано, когда в 1634 г. парламент об'явил короля главою английской церкви. Что касается дегматической стороны протестантизма, то она была усвоена лишь частично. В результате возникла так называемая англиканская церковь, по своему учению и обрядности представлявшая нечто среднее между католичеством и лютеранством.

38. Революционные течения германской реформации.

Лютер представлял собою умеренную реформацию, которая и победила. Томас Мюнцер был вождем революционного преобразования церкви и социального строя. В горнопромышленном районе в г. Цвикау ремесленниками и горнорабочими была организована религиозная община, вступая в которую всякий подвергался вторичному крещению... Отсюда и название членов общины перекрещенцы (анабаптисты). Резко выступая против богачей и князей, отрицая военную службу (но только в армиях феодалов и королей), они приняли деятельное участие в крестьянской войне. Захватив город Мюнстер, они устроили в нем коммунистическое управление. Однако, отстоять себя им не удалось. Как и крестьянское восстание той эпохи, анабаптистское движение было потоплено в море крови.

К статье «Ганза» (стр. 363).



Область Ганзы (наверху обведена черной чертой) и ее связь с итальянскими городами по Рейну.

Стрелки показывают направление морских путей из Генуи и Венеции.

Рисунки к ст. Ранке «Искусство эпохи палеолита» (стр. 69).

Рис. 1—4. Резные рисунки на кости северного оленя; рыба, каменный козел, дикие лошади.

Рис. 5. Рукоятка кинжала из рога северного оленя ($^1/_3$ натуральной величины).

Рис. 6. Голова мускусного быка, вырезанная из рога северного оленя.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАДАНИЙ [1].

1-ое задание.

ВВЕДЕНИЕ.

Прочитать перед тем, как явиться на первое занятие с руководителем группы.

2-ое задание.

Первобытное хозяйство по данным археологии и этнографии.

Прочитать статьи 1—10, а также §§ 1—2 «Справки по истории».

Порядок чтения такой: сначала прочтите статью под номером 1, а затем ознакомьтесь с поставленными в задании вопросами. Постарайтесь сообщить, в какой из указанных для прочтения статей можете вы найти ответ на каждый поставленный здесь вопрос. Это нетрудно понять, руководствуясь заглавиями статей и теми знаниями, которые вы уже приобрели при чтении введения. Полученные ответы надо записывать, но не подробно, а в самом кратком виде, для памяти. Проработам таким образом над всеми поставленными в задании вопросами, прочтите вновь все статьи одну за другой и подумайте над вопросом: почему все наши сведения об эпохе палеолита имеют гипотетический (т.-е. предположительный) характер?

1. К какой геологической эпохе относятся следы древнейшего человека? В чем заключаются эти следы и как давно жил наиболее древний человек?

2. Какой материал изучает археология и какие именно стороны культуры она нам раскрывает?

3. На каком основании мы полагаем, что культура палеолитического человека находилась в процессе медленного, но неуклонного развития? Какую роль в этом процессе играли условия природы?

4. Почему наиболее древнюю эпоху в истории человечества называют каменным веком и в чем состоит основное отличие палеолита от неолита?

5. В каком смысле этнография (этнология) дополняет археологию при изучении древнейших эпох в истории человечества?

6. Почему наиболее отсталые племена австралийских дикарей можно считать стоящими на ступени палеолита?

7. Какие еще (кроме австралийцев) сохранились на земле наиболее отсталые народности?

---

[1] Как уже указано в предисловии, задания рассчитаны на одну неделю каждое. Так как совершенно невозможно было предположить, что при применении к практике данного учебного заведения, они останутся без всяких изменений, то для меня не имело смысла давать все задания в совершенно готовом виде. Здесь приводятся, главным образом нумера статей, необходимых для проработки данного задания и основные вопросы, на которых должен остановиться учащийся. Лишь несколько заданий разработаны — для примера — более полно.

8. Чем обусловливается бродячий образ жизни дикарей?

9. В чем состоит присваивающее хозяйство и в чем его отличие от хозяйства производящего?

10. В чем состоит пища первобытного человека, каковы его орудия, одежда, жилище? Употреблял ли он огонь и чем это доказывается.

3-е задание.

Первобытный общественный строй.

Прочтите статьи 11—18[1].

При разработке этой темы обратить особое внимание на гипотетический характер наших знаний о первобытном обществе Поэтому особенно внимательно следует прочитать указанные отрывки из книги Энгельса и особенно тщательно обдумать ответ на вопрос седьмой. Сначала прочитайте статью № 11, а потом поступать, как указано в предыдущем задании.

1. Какая форма человеческого общества является наиболее первобытной?

2. Чем об'ясняется, что первобытные орды состояли из небольшого числа людей?

3. Почему первобытные орды стали называть себя по имени какого-либо животного или растения?

4. Почему общество, развившееся из первобытного человеческого стада, является не родовым, а тотемическим?

5. На какие основные возрастные группы делится тотемическое общество? Какая из этих групп имеет первенствующее значение? В чем оно выражается?

6. Чем об'ясняется встречающееся у многих диких народов противоречие между действительным родством (форма семьи) и наименованием родственных отношений (системой родства)? Какие выводы вытекают из этого факта?

7. Какую форму имели брачные отношения до возникновения семьи? Какие две основных формы семьи устанавливает по Моргану Энгельс?

8. Какие доказательства в пользу изучения пережитков, как способа познания эволюции брака и семьи, находим мы в статье Энгельса?

9. Какую схему развития брака и семьи устанавливает Кунов и чем его схема отличается от схемы Моргана-Энгельса?

10. Чем была вызвана экзогамия?

11. Встречаются ли в пределах СССР пережитки древнейших форм брака?

4-е задание.

Психика первобытного человека, зачатки религии и стенная живопись.

Прочитать статьи 20—31 и ответить на следующие вопросы:

1. Какие познавательные способности у первобытного человека развиты и какие — не развиты?

2. В какой связи с условиями его жизни находится своеобразное развитие его умственных способностей?

[1] Статья 18 необязательна.

3. Как об'ясняется непризнание дикарями факта естественной смерти?

4. Какая отрасль искусства получила особенное развитие у палеолитического человека?

5. Какие факты заставляют думать, что эта отрасль искусства находится в связи с первобытными религиозными верованиями?

6. Почему именно животный мир особенно интересовал людей палеолитической эпохи?

7. Какими чародейными способами люди думали обеспечить себя достаточным количеством животной пищи?

8. Как кратко формулировать основную идею магии и в чем, поэтому, состоят магические, колдовские обряды?

9. В чем заключаются тотемические верования?

10. Как об'ясняет происхождение тотемизма Спенсер и Гиллен и можно ли считать тотемизм только верованием?

11. Известно, что стенная живопись получила особенно блестящее развитие в эпоху палеолита. В эпоху неолита она встречается редко. Как об'яснить это в связи с изменением условий жизни?

12. Почему нам трудно представить себе совершенно ясно наиболее первобытную религию?

5-е задание.

Первобытное искусство, украшения, одежда, жилище. Происхождение речи.

Прочитать статьи 19, 32—42.

Прочитать сначала все статьи об искусстве, украшениях и одежде; затем — статьи о жилище и наконец, статью о возникновении речи. По прочтении данного ряда статей отвечать на вопросы, к нему относящиеся. В заключение подумать над вопросом: почему нельзя утверждать, что разные виды искусства возникли благодаря врожденной человеку потребности в красоте и какое общее утверждение вытекает из проработанного вами материала?

Вопросы:

1. Кроме стенной живописи, какие предметы искусства сохранились от эпохи палеолита?

2. Какую можно установить связь икусства и украшений с практическими запросами жизни?

3. Как через посредство ритма устанавливается связь с работой песни, поэзии, музыки? [Что такое ритм и как именно ритм работы порождает ритм первобытных видов искусства (рабочая песня, музыка, поэтический язык)?].

4. Что побуждало первобытного человека танцовать?

5. Какие практические запросы жизни влияли на характер танцев (перечислить наиболее важные мимические танцы)?

6. Какие виды украшения существуют у дикарей?

7. Значение татуировки.

8. Каким образом из украшения тела могла возникнуть одежда?

9. В каких областях земного шара одежда возникла, как предмет необходимости?

10. Что значит мода и каково ее социальное значение?

11. Какое жилище имел человек палеолита?

12. Каким образом простое издавание звуков превратилось в членораздельную речь?

6-е и 7-е задания.

Родовое общество.

Прочитать статьи 43—67 (а также § 5 в «Справках») и ответить на следующие вопросы:

1. К каким культурным эпохам (палеолиту, неолиту или веку бронзы) относятся возникновение и расцвет родового общества?

2. Какие изменения в экономике первобытного общества создали родовой строй?

3. Почему примитивное земледелие создало основу для матриархата и что должно разуметь под этим термином?

4. В каких правах, обычаях, взглядах выражаются пережитки матриархата после его исчезновения?

5. Почему матриархальное общество предоставляло женщине более независимое положение, чем общество бродячих охотников?

6. Что вызвало замену матриархального строя патриархальным?

7. Какое значение имеет обычай кувады?

8. Какова организация патриархально-родового общества (семья, отец, старейшина)? Кому принадлежат стада и земли? Как заключается брак?

9. Каковы взаимоотношения между родом и племенем?

10. Сохранились-ли и где именно пережитки родового строя в пределах СССР?

8-ое задание.

Разложение родового общества.

Прочитать статьи 68—78, а также § 3 в справочн. отделе по истории, и ответить на следующие вопросы:

1. Почему у дикарей редки случаи профессионального ремесла?

2. Какое ремесло раньше всего стало самостоятельной профессией?

3. Чем об'ясняется локализация некоторых промыслов?

4. Какого рода обычаи предшествуют возникновению правильного обмена?

5. Как совершался обмен между племенами?

6. Как возникли рынки?

7. Какие предметы играли роль денег в первобытные времена?

8. Какие археологические факты доказывают существование обмена уже в эпоху неолита?

9. Каким образом возникли имущественные различия между семейными общинами и какие последствия из этого произошли?

10. Как территориальная земельная община вытеснила общину родовую?

11. Как возникла частная земельная собственность и появилось рабство?

12. Почему рабовладение сильнее развивается у земледельческих народов, чем у скотоводческих?

13. Могла ли сохраниться родовая организация при развитии соседской общины, частной земельной собственности и имущественного неравенства?

14. Какие исторические обстоятельства ускорили разрушение родового строя у западных и какие у восточных славян?

15. Дайте общую схему разрушения родового строя и развития элементов классового строения общества.

9-ое задание.

Религия родо-племенного общества.

Прочитайте статьи 79—88 и ответьте на следующие вопросы:

1. Как возникло представление о душе и вера в ее независимое от тела существование?

2. Что такое анимизм и почему правильно утверждение, что все современные религии основаны на анимизме?

3. В чем проявляются пережитки культа мертвых у современных культурных народов?

4. Почему культ предков является религией родового строя?

5. Откуда взялась вера в домовых?

6. Как об'ясняется широко распространенное у древних народов (египтян, евреев, греков, римлян) желание иметь сына?

7. Как возникло понятие бога? Как об'яснить, что бог наделяется свойствами, присущими человеку?

8. Какое влияние на верования имели занятия скотоводством и земледелием?

9. Как об'яснить, что вначале культ предков имел тотемические формы?

10. Исчезло ли древнее магическое чародейство в эпоху утверждения культа предков и духов, или оно сохранилось? Если сохранилось, то какой характер оно приняло?

10-ое задание.

Возникновение феодализма.

Прочитать статьи 89—97 и §§ 7—12 «Справок по истории».

Прочитывая и продумывая указанные статьи, надо иметь в виду, что в них изложена история возникновения феодализма в Европе. Но он существовал и в других странах, однако, история Европы изучена гораздо лучше, почему на ее материале мы и изучаем этот процесс. При изучении этого материала надо обратить внимание на след. моменты:

а) расслоение земледельческого общества на класс воинов и класс земледельцев;

б) возникновение крупного землевладения;

в) установление зависимости земледельцев от землевладельцев;

г) раздробление государственной власти путем перехода ее в руки крупных землевладельцев.

Порядок работы: ознакомьтесь сначала с вопросами, а затем читая подряд статьи, ищите в них ответа.

Вопросы:

1. Какие писатели сообщают наиболее древние сведения о германцах?

2. Можно ли установить какую-либо разницу в экономическом строе германских племен эпохи Цезаря и эпохи Тацита? В чем заключаются эти различия? Сколько лет отделяет одну эпоху от другой?

3. Какие общественные слои находили мы у германцев в эпоху Тацита?

4. Находим ли какую-нибудь разницу в общественном строе салических франков и англосаксов?

5. Какой общественный слой составлял в V веке нашей эры основную массу в составе германских племен?

6. Из-за чего между германскими племенами так часто бывали войны?

7. Какое влияние оказала война на общественно-политический строй германцев?

8. Как усиливалась власть вождя и как он превратился в короля?

9. Какое значение имела дружина, из кого она состояла и как превратилась в класс землевладельцев?

10. Как появились безземельные и малоземельные и почему они попали в зависимость от землевладельца?

11. Как свободные землевладельцы потеряли свою экономическую и политическую независимость?

12. Как приобретался иммунитет и какое влияние оказало пожалование иммунитетов на единство государственной власти?

13. Что заставляло как крестьян, так и мелких землевладельцев искать покровительства и защиты сильных?

14. Дайте сжатое, краткое описание процесса феодализации.

15. В какое время, в течение каких столетий происходил процесс феодализации у западно-европейских народов?

16. Как крупный землевладелец подчинил себе крестьянскую массу в России удельной эпохи.

11-ое задание.

Поместное хозяйство.

Прочитать статьи 98—102 и ответить на следующие вопросы:

1. Почему хозяйство Европы и России в эпоху раннего средневековья можно назвать натуральным?

2. Почему хозяйственной единицей той эпохи является не крестьянская община, а поместье? Что разумеется под поместьем?

3. На какие две основных части делилась земля, входившая в состав поместья?

4. Какие доходы (в натуре) получал владелец поместья?

5. На какие социальные группы делилось население поместья?

6. В каких пунктах капитулярия имеются указания на эти группы?

7. Какие повинности лежали на крестьянах, зависимых от владельца поместья?

8. Как управлялись обширные поместья? Указать должностных лиц поместья и их обязанности.

9. Только ли хозяйственные функции лежали на управляющих поместьями? Есть ли на это указания в капитулярии?

10. Получал ли владелец поместья только натуральный доход или же и денежный? Есть ли и в каких пунктах указания на это в капитулярии?

11. Бывали ли в поместьях земли, отдававшиеся на откуп? Есть ли на это указания в капитулярии?

12. Каким способом поместье удовлетворяло свои потребности в продуктах ремесленного труда?

13. Какие категории ремесленников находились в поместье и всякое ли поместье имело всех нужных ему ремесленников? Как поступали в тех случаях, когда своих ремесленников не было?

12-ое задание.

Город и цеховое ремесло.

Прочитайте статьи 103—110.

При уяснении темы обратите особое внимание на следующие пункты: двоякое возникновение городского населения, переселение ремесленников из поместий в города, образование замкнутого городского района с городом в центре и деревенским округом вокруг, расслоения городского населения на несколько социальных групп, приобретение городами вольностей, образование ремесленных союзов, цели цеховой организации и средства их осуществления, задачи экономической политики ремесленного города.

13-ое задание.

Феодальная система.

Прочитать статьи 111—117, а также § 17 «Справок по истории».

Составляя тезисы или обдумывая тему, следует обратить внимание на следующие пункты:

Основные классы феодального общества; отношения между землевладельцами; права и обязанности сеньора (сюзерена) и вассала; причины установления феодальной иерархии; смешение прав государя и прав помещика; значение иммунитетов; превращение бенефиция в феод; доходы сеньора; проникновение феодализма в церковь; положение короля; черты феодализма в общественном строе древней России.

В заключение, подумать над вопросом, какие хозяйственные условия вызвали к жизни и поддерживали феодальную систему.

Почему феодализм изучается, главным образом, на примере западно-европейского феодализма?

14-ое задание.

Торговый город и торговый капитал в эпоху феодализма.

Прочитать статьи 118—126 и пункт 18 «Справок».

Продумать следующие пункты:

а) приобретение некоторыми городами политической независимости.

б) причина расцвета внешней торговли в XIII—XV в.в.;

в) южные и северные торговые центры, их характерные особенности, размеры и предметы торговли; ее организация;

г) классовая борьба внутри городов;

д) в чем выражалось разрушительное действие торгового капитала на основы феодального порядка?

15-ое задание.

Разложение феодализма и сословная монархия.

Прочтите статьи 127—132, а также §§ 21—24—26 в справочном отд. и ответьте на следующие вопросы:

1. В чем состоит основная причина разложения феодального общества?

2. Какие изменения претерпевало поместное хозяйство вследствие разложения феодального строя?

3. Как происходил процесс раскрепощения крестьян? Где и почему он начался раньше? Всюду ли в Европе он происходил с одинаковой силой?

4. В чем (в каких фактах) выражалось экономическое и политическое возвышение буржуазии? Какая именно часть буржуазии приобретала влияние на экономическую и политическую жизнь?

5. Как велики были богатства буржуазии в конце средних веков?

6. Как изменялось положение мелкого дворянства (рыцарства) и как оно реагировало на изменение условий жизни?

7. Что такое сословное представительное учреждение? Как оно действовало? Почему в его возникновении следует видеть рост торговой буржуазии?

8. Какие классовые интересы представляли собрания «государственных чинов»?

9. Почему сословное представительство развивалось различно в Англии и Франции? Чем в конце концов стал английский парламент?

16-ое задание.

Крестьянские движения.

Прочитать статьи 133—139 и § 27 «справок» и ответить на следующие вопросы:

1. В чем заключаются общие причины крестьянских движений в Европе XIV—XVI в.в.?

2. Какие особые причины вызвали восстание крестьян во Франции, Англии и Германии (для каждой страны отдельно)?

3. Почему 12 тезисов немецкой крестьянской революционной декларации имеют религиозную оболочку?

4. Какие требования немецких крестьян (и в каких тезисах они изложены) были непримиримы с основами феодального общества?

5. Какой характер (с точки зрения организационной) имели крестьянские восстания и находится ли он в связи с условиями сельской жизни?

6. Почему крестьянское восстание в России в эпоху «смуты» не имело успеха?

17-ое задание.

Развитие торгового капитализма.

Прочитать статьи 140—148, а также §§ 20, 25 справочн. отд. по истории и ответить на следующие вопросы:

1. Почему Европа стала искать новых путей на Восток?

2. Как были эти пути найдены?
3. Сохранились ли старые торговые центры Европы?
4. Какое влияние оказало открытие Америки на всю, вообще, экономическую жизнь Европы?
5. Имеет ли Роджерс основание утверждать, что открытие Америки оказало известное влияние на реформацию и крестьянскую войну в Германии?
6. Какой характер приобрела колониальная политика Испании и Португалии?
7. Чем об'ясняется экономический упадок Пиренейского полуострова и экономический рост Голландии и Англии?
8. Какой город стал играть первенствующую роль в Европе XVI в. и почему?
9. Чем вызвано развитие кредита и как оно повлияло на соотношение классов?
10. Какую форму приняла внешняя торговля в Голландии и Англии и чем об'ясняется монопольный характер торговых компаний?
11. Какую роль в расширении колониальных владений сыграли эти компании?

18-ое задание.

Зачатки крупной капиталистической промышленности.

Прочитать статьи 149—155 и ответить на следующие вопросы:
1. Как под покровом цехового ремесла стало развиваться крупное капиталистическое производство?
2. Почему его организатором являлся торговый капитал?
3. В каких отраслях производства и в каких местах Европы начался процесс превращения ремесла в капиталистическое предприятие?
4. Почему некоторые отрасли производства быстрее других попали в зависимость от капитала? Какие это отрасли производства?
5. Как возникла мануфактура?
6. Почему правительство покровительствовало развитию мануфактуры?
7. Какими мероприятиями содействовала государственная власть развитию торговли и промышленности?
8. Как и когда возникла мануфактура в России?
9. Какие изменения в классовом строении общества возникали в связи с развитием крупной промышленности?
10. Каково было положение наемных рабочих в первоначальный период капиталистической промышленности?

19-ое задание.

Абсолютная монархия.

Прочитать статьи 156—166, а также §§ 28—30 справочн. отд. по истории и ответить на следующие вопросы:
1. Какие большие государства существовали в Европе в XVI—XVII в.в.?
2. В интересах каких классов шло развитие абсолютизма?
3. В чем выражался рост социального значения буржуазии (показать на примере французской буржуазии)?

4. На какие два основных класса расслаивалось феодальное дворянство? Какой из этих классов и почему заинтересован был в усилении королевской власти?

5. Какой социальный смысл имела опричнина в России?

6. С каким классом во Франции связалась судьба абсолютизма?

7. В какую эпоху королевская власть в Англии имела наибольшую силу?

8. Как обосновывалась теоретически самодержавная власть короля?

9. В чем заключалась система Людовика XIV и почему она считается типичной для абсолютизма?

20-ое задание.

Нидерландская и английская революции.

Прочитать статьи 167—175 и ответить на следующие вопросы:

1. Что содействовало развитию торгового капитализма в Нидерландах?

2. Как Нидерланды сделались владением испанского короля?

3. Чем вызвано восстание Нидерландов против испанского владычества?

4. Как совершилось освобождение Нидерландов?

5. Какой государственный строй возник в Нидерландах?

6. Какой общественный класс держал в руках власть в Голландии?

7. Какая форма государства возникает в тех странах, где господство приобретает торговая буржуазия? В каких местах Европы, кроме Голландии, существовала подобная же форма власти?

8. Чем была вызвана революция в Англии?

9. Какие фазы прошла она в своем развитии?

10. Чем она завершилась?

11. Какой общественный класс (или классы) приобрел господство в Англии после революции?

21-ое задание.

Возникновение и развитие христианства.

Прочитать статьи 176—184, а также §§ 31—39 справочн. отдела и ответить на следующие вопросы:

1. Как христианская церковь стала государственной?

2. Когда произошло разделение церквей?

3. Какую роль играла католическая церковь в эпоху феодализма?

4. Чем об'ясняется возникновение ересей и какие ереси приобрели наибольшее значение?

5. Как возникла протестантская церковь?

6. С какими классами связало себя лютеранство?

7. Какие классовые интересы брала под свою охрану церковь? Можно ли считать церковь внеклассовой организацией?

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ [1].

(Геогр., историч. термины и некоторые иностранные слова, требующие пояснения).

А

Аббат — настоятель монастыря в католических странах.

Абстракция — отвлечение; логическая операция, посредством которой выделяют общие признаки ряда явлений или предметов. Производные от этого слова: абстрагировать, абстрактный.

Автономия — известная степень самостоятельности, например, политическая автономия обозначает самостоятельное управление при сохранении единства (пример: британские автономные колонии, — Австралия, Канада, Новая Зеландия и др.).

Агнаты — родственники по мужской линии. Отсюда—агнатический — родственный по отцу, деду, прадеду.

Акка — малорослое племя (пигмеи, карлики), обитающее в лесах Центральной Африки.

Аккомпанимент — сопровождение песни игрой на каком-либо музыкальном инструменте.

Акр — мера для измерения площади земель, равняется 1.126 кв. саж. (германский акр) и 900 кв. саж. (английский акр).

Алеуты — дикари, обитающие на Алеутских островах, расположенных между Камчаткой и Аляской и принадлежащих С.-А. С. Штатам.

Аллод — свободное земельное владение в средние века; аллодиальная земля, кроме прямых владельцев, не имела над собою никаких верховных собственников.

Амазулу — южно-африканское негрское племя.

Аналогия — уподобление, аналогичный, сходный, подобный.

Антропология — наука о физическом строении различных человеческих рас; отсюда антрополог (ученый, занимающийся этой наукой), антропологический.

Антогонизм — противоположность, противоречие. Отсюда антогонистический — противоречивый или основанный на противоречиях.

Антрустионы — дружинники франкского короля.

---

[1] Здесь приведены лишь слова, встречающиеся в тексте книги и притом по преимуществу такие, которые встречаются по несколько раз без всякого их пояснения.

Апокалипсис — одна из книг, так наз. «священного писания», приписываемая Иоанну Богослову. Это слово означает «откровение»; книга содержит предсказания о последних днях мира и втором пришествии Христа. Появилась впервые во второй половине I века и, повидимому, подверглась нескольким переработкам. Написана очень темно.

Апокалиптический — темный, таинственный.

Арктический — северный.

Арсенал — склад оружия.

Аскетизм — отречение от удовольствий жизни; умерщвление плоти, изгнание всяческих желаний. Существовал в глубокой древности, как религиозное настроение. Дал начало монашеству.

Б

Базилика — у древних римлян продолговатое здание, представлявшее из себя крышу на колоннах. Впоследствии так же стали называться христианские храмы, имевшие форму базилики.

Бакаири — одно из малокультурных индейских племен в лесах Бразилии.

Бальи — во Франции прежнего времени название судьи. В средневековой Англии — управляющий поместьем (иначе назывался б а л ь и ф).

Банту — одно из негрских племен Африки.

Барельеф — лепные или выпуклые изображения на стене на какой-либо постройке.

Бедуины — кочевники аравийских пустынь; живут также в Сирии и С. Африке; семитического происхождения.

Берген — город в Норвегии, на берегу Атлантического океана; играл большую роль в средние века в торговых отношениях между северными странами.

Бенефиций — см. феод.

Брюгге — город во Фландрии; был важнейшим портовым городом Сев. и Зап. Европы в XIV веке.

Бумеранг — метательное оружие у австралийских дикарей; представляет собою несколько согнутую деревянную сплющенную с боков дубинку. Требуется большой навык, чтобы пользоваться им.

В

Вандалы — одно из древне-германских племен, через Пиренейский полуостров перешло в Африку, на северном берегу которой было ими основано государство, существовавшее, однако, недолго. Между прочим, в один из своих набегов вандалы сожгли Рим, при чем разрушили много памятников искусства; отсюда слово —

Вандализм — разрушение памятников искусства и предметов культуры вообще.

Вергельд — денежный штраф за убийство, или увечье у древних германцев.

Виллан — в средние века так назывались полусвободные и крепостные крестьяне.

Вира — то же, что вергельд.

Г

Гайда — участок земли в древней Англии, принадлежащий семье.
Гаити — группа островов в Великом океане.
Гвельфы — сторонники власти пап; их противники г и б е л л и н ы — сторонники власти императора. Обе партии возникли в Германии и Италии в эпоху борьбы пап с императорами.
Гегемония — главенство, преобладание.
Геллеспонт — древнее название Дарданельского пролива, соединяющего Черное море с Архипелагом (в древности Эгейское море).
Герцог — предводитель войска у древних германцев.
Гипотеза — предположение, отсюда — г и п о т е т и ч е с к и й — предположительный.
Гуфа — участок земли у древних германцев, дававший возможность вести хозяйство. Размеры ее были разные в разных местах и в разное время.

Д

Даяки — обитатели острова Борнео, одного из крупных островов Малайского архипелага в Южной Азии.
Демонология — учение о демонах.
Демонстрировать — показывать, обнаруживать что-либо.
Депозит — хранение; например, выражение «деньги, внесенные в депозит банка», означает — деньги, внесенные на хранение в банк.
Дервиш — нищенствующий монах у магометан.
Дефицит — убыток, происходящий от превышения расходов над доходами.
Диалект — наречие, на котором говорят в какой-либо небольшой области; местный язык, представляющий некоторое видоизменение общего языка всей страны.
Дифференциация — расчленение, установление различий.
Дож — глава правительства в средневековой Венеции.
Долмен — надгробное сооружение из больших каменных глыб, возводившееся в конце нового каменного и начала бронзового века Имеет форму огромного каменного ящика.

Е

Евхаристия — обряд причащения в христианской церкви.

И

Идиллия — прикрашенное изображение действительности; отсюда — идиллический — изображенный в прикрашенном виде.
Иммунитет — освобождение сеньоральных владельцев от подчинения королевской власти в границах их владений, что было характерно для феодального строя. Тем же словом теперь обозначают невосприимчивость к заразным болезням.
Инки — владетельная фамилия, господствовавшая в древнем Перу (в Ю. Америке) до завоевания ее испанцами (в начале XVI века).
Институт — учреждение.
Интеллект — ум, разум, рассудок.

Ирония — насмешка; отсюда иронический — насмешливый.

Исидоровы декреталии — сборник документов, составленный в IX в., на который постоянно опирались римские папы, расширяя и увеличивая свою власть. Значительная часть документов (декреталий) представляют собою подлог. В целях увеличения их ценности, римский престол их возникновение относил к концу II и началу III века.

К

Канон — это либо правило, установленное церковью, либо церковная песня.

Капитулярий — императорский или королевский указ, разделенный на главы (капитулы). Капитулярии издавались в эпоху франкской монархии.

Канонические книги—книги, так наз., «священного писания», признанные церковью откровением бога.

Кардинал — высший сан в католической церкви; кардиналы образуют совет при папе, и после его смерти выбирают другого папу.

Категория — разряд, отдел; в философии одно из тех немногих оснований, к которым сводятся в конечном итоге все наши суждения.

Категорически — решительно, безусловно.

Керамика — изготовление изделий из глины.

Керлы — так наз. в древней Англии свободные землевладельцы, знатные люди назывались эрлами.

Классический — в прямом смысле — относящийся к греко-римскому миру, который принято называть классическим миром; в переносном — образцовый.

Клиент — в римскую эпоху так назывался всякий, находившийся под покровительством знатного и богатого человека. Впоследствии то же положение обозначалось другими названиями. Теперь так называют всех лиц, пользующихся услугами какого-либо учреждения (клиенты больницы) или специалиста (клиенты врача).

Клир — духовенство.

Колоны — бывшие рабы, ставшие крепостными в эпоху распада римской империи. Впоследствии к ним присоединились и бывшие свободные крестьяне, ставшие в зависимое положение от землевладельца.

Комбинация — соединение в одно целое нескольких частей. Отсюда комбинировать — соединять.

Коммендация — так называлась в феодальную эпоху вступление под покровительство сильного сеньора.

Комплекс — сложное целое, состоящее из разного рода об'единенных между собою частей.

Кондотьер — предводитель наемных войск в Италии XIV и XV в.в.

Конго — река в Африке, а также целая область в ней, принадлежащая Бельгии (ее колония).

Конкретный — все, противоположное абстрактному, т.-е. всякий отдельный предмет или его признак, отдельное свойство; всякое, отдельно взятое явление во всех его особенностях.

Контракт — договор, соглашение.

Консервы — предметы (напр., плоды, овощи), подвергшиеся переработке, с целью долгого их хранения.

Конунг — название короля у древних германцев.

Коряки — народ, обитающий в северной части Камчатки; занимаются рыбной ловлей и охотой на зверей.

Креатура — ставленник сильного, имеющего власть человека, покровительству этого последнего, а не своим личным качествам обязанный занимаемым им местом или положением.

Крит — остров, лежащий на границе между Архипелагом и Средиземным морем.

Л

Лагуны — небольшие озера, образовавшиеся от обмеления моря. Среди таких лагун на берегу Адриатического моря лежит Венеция.

Ластоногие — морские животные с ногами в виде лопастей, удобными для плаванья (напр. тюлени).

Лоанго — название одной из Африканских областей.

Лесс — осаждаемая из воды или из воздуха мелкоразмельченная горная порода.

Локализация — ограничение чего-либо определенным местом; отсюда — л о к а л ь н ы й — местный, л о к а л и з и р о в а т ь — ограничивать определенной местностью (или определенным местом).

Лунь — род птиц семейства соколиных. Водится во всей Европе.

Лютичи — славянское племя, обитавшее частью по берегам Черного моря, частью в бассейне Эльбы.

Лендлорд — крупный и знатный английский землевладелец.

М

Майолика — покрытый эмалью и раскрашенный особый род фаянсовой посуды. Очень ценится знатоками.

Малайцы — жители Малайского архипелага к югу от Азии.

Манс (или м а н з) — название крестьянского двора и всех принадлежащих ему земель, необходимых для ведения хозяйства в эпоху раннего феодализма.

Мантуя — город в Италии, в провинции того же имени.

Меандр — название в древности одной реки в М. Азии, с очень извилистым течением; обозначает также архитектурное украшение, в виде ряда параллельных прямых линий, согнутых под прямым углом.

Мегалетические постройки — название доисторических надгробных сооружений из камня, обычно очень больших размеров, вроде долменов (см. это слово).

Меланезия — см. Полинезия.

Метафора — образное выражение, напр., «хрустальный свод небес».

Метаморфоза — превращение.

Милан — город в Италии.

Мимика — движение мускулов лица, для придачи ему определенного выражения. Бывает непроизвольной (в обычной обстановке) и намеренной (в театре).

Мистика — таинственное или склонность к нему.

Мистицизм — учение о таинственных силах, управляющих судьбами людей.

Митра — в древней персидской религии — бог света и добра. Культ этого бога был довольно популярен в Передней Азии.

Миф — легендарное, сказочное повествование о каком-либо лице или событии.

Мишна — древне-еврейский религиозно-юридический сборник, действовавший в эпоху Христа.

Модернизм — стремление к новому, к современности.

Модернизация — приспособление старого к новому.

Монополия — исключительное право на что-либо.

Монотеизм — см. политеизм.

Монумент — какой-либо памятник больших размеров; отсюда монументальный — большой, огромный, внушительный.

Мотив — побуждение к действию (не внешнее, в виде приказа, напр., а внутреннее, хотя бы и вызванное внешним явлением, напр., страх перед наказанием, перед неисполнением приказа).

Н

Наварра — одна из провинций Испании; в прежнее время королевство; тогда в ее состав входили области, в конце XVI в. отошедшие к Франции.

Натурализм — от слова натура — природа, означает стремление быть верным природе в передаче ее в образах (искусство) и идеях (философия).

Нобили — знатные; аристократия.

Новая Гвинея (Папуа) — большой остров, прилегающий к северу Австралии. Населен папуасами.

Новая Зеландия — расположена в Тихом океане, к юго-востоку от Австралии, состоит из двух больших островов. Раньше был населен дикарями племени моори. Теперь населен по преимуществу англичанами. Представляет автономную английскую колонию.

Номады — кочевники.

Номенклатура — система (порядок) обозначений или наименований.

О

Оботриты — одно из славянских племен, обитавших некогда в бассейне р. Эльбы (т.-н. полабские славяне). Впоследствии было онемечено.

Олигархия — форма правления, при которой власть находится в руках небольшого круга лиц, как это было, например, в ряде древнегреческих городов-государств или в торговых республиках позднего средневековья и начала нового времени (в Венеции, Генуе и т. д.), а также в Голландии XVI—XVII в.в.

Орнамент — украшение на посуде, коврах и т. д., в виде всякого рода переплетающихся между собою или параллельных линий. От этого слова производные — орнаментика, орнаментированный.

Оттоны — династия германских императоров (936—1002).

П

Палеонтология — наука об ископаемых животных и растениях, обитавших на земле в прежние геологические эпохи.

Палеонтолог — ученый, занимающийся палеонтологией.

Палеэтнология — наука о человеческих расах доисторической эпохи.
Пантомима — сценическая игра без слов, при помощи жестов и мимики.
Папуасы — обитатели Новой Гвинеи.
Патриций — знатный, родовитый человек.
Патрон — покровитель.
Пауперизм — бедность, обнищание народных масс.
Пенаты (и лары) — у древних римлян духи предков, покровители дома и его обитателей.
Перепитии — перемены судьбы.
Перу — страна, расположенная вдоль Тихого океана в Ю. Америке. До конца XVI в. там существовало государство инков.
Пиаченца (или П ь я ч е н ц а) — провинция в Италии с городом того же имени.
Плантация — в колониальных странах принадлежащие европейцам поместья, а также поля, находящиеся под растениями требующими особого ухода (напр., чайные плантации, рисовые плантации и т. д.).
Полинезия — общее название множества островов, расположенных в Тихом океане (острова Товарищества, Гаваи, Тонга, Самоа и др.). К с.-з. от Австралии расположены острова М е л а н е з и и, самый большой из которых Новая Гвинея.
Прекарий — временный владелец земли.
Прекарный — находящийся во временном владении.
Прелат — общее обозначение для кардиналов, архиепископов, епископов, аббатов и др. высших чинов католической церкви.
Претендент — лицо пред'являющее претензию на что-либо.
Претензия — притязание, домогательство; отсюда п р е т е н д о в а т ь — домогаться чего-либо, притязать на что-либо.
Привилегия — преимущественное право. В Англии XVI—XVII в.в. — право неприкосновенности членов парламента.
Примитивный — первобытный.
Принцип — известное логическое основание; основное руководящее правило.
Приор — настоятель второклассного католического монастыря, чином ниже аббата.
Прозелитизм — сильная приверженность к какому-либу учению, связанная с жаждой его распространения, напр., христианский прозелитизм. Отсюда — прозелит — человек, охваченный определенным настроением в духе прозелитизма.
Протекционизм — покровительственная политика (промышленная и торговая).
Процесс — течение, ход, ряд изменений.

Р

Реализм — стремление быть верным действительности (реальному); отрицание всякой мистики.
Реальность — действительность, то, что есть на самом деле.
Регалия — исключительное или преимущественное право государства (или государя) на владение какими-либо доходными статьями, которые могли бы быть и в распоряжении частных лиц (железные дороги, почта, телеграф, государственные монополии и т. д.).

Регламент — распорядок.
Резиденция — главное местопребывание главы государства или начальника области.
Рельеф — выпуклые скульптурные изображения на стенах храмов и т. п.; барельеф — особый вид рельефа. С другой стороны — это строение поверхности (гористость или низменность местности, покатость или ровность и т. д.).
Ресурсы — источники доходов или сил.
Рефлекс — непроизвольное, но целесообразное движение организма, являющееся как бы ответом на внешнее раздражение.
Рефлективный — звук, основанный на рефлексивных движениях.
Рипуарские франки — см. салические франки.
Ритуал — церемония, порядок выполнения каких-либо обрядностей.

С

Салические франки — франки, одно из самых значительных германских племен, разбивалось на две главнейших группы, одна называлась салическими, — другая — рипуарскими франками. Появившиеся в VIII в. сборники их законов, получили название Салической Правды и Рипуарской Правды.
Самоа — группа островов, входящая в состав Полинезии.
Санкция — утверждение; освящение.
Секуляризация — обращение церковных имуществ в государственные.
Симбиоз — сожительство животных или растительных видов, основанное на взаимной пользе.
Символ — условный знак.
Симония — покупка за деньги должностей, широко распространенная в средние века.
Сомали — народность в Вост. Африке; занимается земледелием и ведет значительную торговлю с народами внутренней Африки и с Аравией.
Сталагмиты — известковые наросты на дне пещер в виде суживающихся кверху столбов; такие же наросты, висящие в виде огромных сосулек с потолка пещерь, наз. сталактитами. Обычно встречаются одновременно в одной и той же пещере.
Стационарный — неподвижный.
Стеатопигия — чрезмерное увеличение ягодиц у женщины, встречающееся, напр., у готтентоток и имевшие место у некоторых доисторических народностей.
Суверенитет — самостоятельность, независимость государственной власти. Отсюда — суверен, суверенный.
Судан — область в Африке к югу от пустыни Сахары.

Т

Таверна — кабачек.
Талмуд — свод религиозно-правовых законов древних евреев, возникший в течение последних пяти веков до р. Х.
Темп — скорость движения.
Территория — земельная площадь, область.
Термин — специальное слово, обозначающее какое-либо определенное понятие в данной области знания или деятельности.

Тиран — в древней Греции правитель, захвативший власть насильственным образом.

Тирания — правление тирана; правление исключительно мерами насилия.

Тога — длинный и широкий плащ, носившийся римскою знатью, как знак отличия от прочих римских граждан.

Тоскана — область в Италии; до половины XIX в. была самостоятельным герцогством.

Традиция — установившееся и освященное временем правило, которым люди руководствуются в своих личных и общественных делах. Традиции существуют во всех областях жизни: экономической, политической, религиозной, научной и т. д.

Туареги — скотоводческое племя в западной части Сахары.

У

Угры — славянское обозначение венгров, занявших в X веке нынешнюю Венгрию.

Ульфила — переводчик библии на готский язык (готы — древне-герм. племя), жил в IV в. по р. Х.

Упырь — (или вампир) — злой дух, сосет кровь у людей; продукт народного суеверия.

Ф

Фактор — слово имеет несколько значений; в исторической науке оно обозначает какую-либо группу (или разряд) действующих в историческом процессе причин. Так говорят: экономический фактор, политический фактор и т. д.

Фатализм — учение о том, что все в жизни людей заранее предопределено или предначертано и что никто не может изменить своей судьбы.

Фатальный — неизбежный, непредотвратимый.

Фауна — мир животных.

Фермент — бродильное начало.

Фермер — владелец фермы или ее арендатор.

Финал — конец.

Фиск — государство, как получатель налогов.

Фискальный — имеющий отношение к сбору государственных налогов.

Фландрия — часть Бельгии; в средние века центр шерстяного производства, рассчитанного на широкий рынок.

Флора — мир растений.

Фонетика — часть грамматики, трактующая о звуках.

Фонетический — звуковой.

Фризы — древнее население Фландрии и Голландии.

Функция — отправление или проявление деятельности какого-либо организма или механизма.

Х

Хилиазм — ожидание верующими скорого пришествия Христа, который установит тысячелетнее царство свое на земле (III—IV в.в. по р. Х.).

Хронология — летоисчисление. Имеет условный характер. Господствующей хронологией является, по традиции, христианская, ведущая счет годам от Р. Х. вперед (годы по Р. Х.) и назад (годы до Р. Х.). У магометан своя хронология, начинающаяся с года бегства Магомета из Мекки в Медину (в 622 г. по Р. Х.).

Ц

Циновка — особый вид рогожи, сплетенный часто из витого лыка.

Ш

Шансы — степень вероятности в успехе какого-либо дела.
Шедевр — образцовое произведение искусства.

Э

Эволюция — процесс постепенного развития. Отсюда — эволюционный — находящийся в процессе постепенного развития.
Эгоцентрический — от слова эгоцентризм, означающим мировоззрение или настроение, в котором все существующее создано ради моего я.
Эквивалент — равное количество.
Экзотический — из чужих теплых стран.
Экстаз — чрезмерно сильное нервное возбуждение, заставляющее человека совершать поступки, которых он в нормальном состоянии не делал бы.
Эксцесс — глупая или дикая выходка, излишество.
Эмбрион — зародыш.
Эмоция — особый вид психических переживаний, при которых чувствования играют особенно большую роль.
Эмпория — область.
Энтузиазм — воодушевление.
Эпос — особый род поэтических произведений, в которых спокойное повествование о великих событиях играет преобладающую роль.
Эрлы — см. Керлы.

Я

Ярд — употребительная в Англии и С. Америке мера длины, равная 0,914 метра (или 3 русским футам).

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Список книг, откуда заимствован хрестоматийный материал).

Г. Обермайер. Доисторический человек.
Г. Шурц. Первобытная культура.
Ю. Липперт. История культуры.
В. Агафонов. Великая русская равнина в ее прошлом. Глава в «Русской Истории» М. Покровского, издания «Мир».
Н. Харузин. Этнография II—IV выпуски.
Я. Штейнберг. Гиляки. Этногр. обозрение за 1904 г.
В. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, 1896 г.
Н. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, 1889 г.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Г. Спенсер. Социология. Том II.
А. Погодин. Сборник статей по археологии и этнографии, 1902 г.
Г. Кунов. Zur Uhrgeschichte der Ehe und Familie. (К древнейшей истории брака и семьи) [1].
Г. Кунов. Возникновение религий и веры в бога.
К. Бюхер. Работа и ритм. Перевод Заяицкого, 1923 г.
К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства. Перевод под редакцией И. Кулишера, 3-е изд., 1918 г.
К. Тахтарев. Очерки по истории первобытной культуры, 1922 г.
К. Тахтарев. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. 2 тома, 1924 г.
К. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства, 1899 г.
К. Вейле. Культура бескультурных народов.
В. Никольский. Очерки первобытной культуры, 2-е изд., 1923 г.
Н. Никольский. Первобытные религиозные верования и появление христианства. Глава V в I томе «Русской истории» М. Покровского, изд. «Мир».
Е. Аничков. Народная поэзия и древние верования. Ст. в «Истории Русской литературы», под ред. Е. Аничкова. Том II. 1908 г.
М. Ковалевский. Социология. Том II (Генетическая социология).
М. Ковалевский. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. В «Итогах Науки». Том X. 1914 г.
И. Ранке. Человек. Том II.
М. Гернес. Первобытная культура. Пер. Лебедева. Рига. Часть I.
Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Изд. 1924 г.
М. Покровский. Русская история. Том. I. Изд. «Мир».
М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. I.
В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. I.

[1] Имеется и русский перевод книги Кунова, но в виду крайней его неряшливости воспользоваться им не было никакой возможности.

П. Милюков. Древнейший быт славян. Ст. в «Кн. для чтения по истории ср. веков», под ред. П. Виноградова.
С. Моравский. Германцы до Великого переселения народов. Там же.
П. Виноградов. Подготовка феодализма. Там же.
Д. Егоров. Средневековье в его памятниках.
Н. Грацианский. Западная Европа в средние века. (Взят отрывок из Цезаря).
С. Лозинский. Средние века.
А. Тюменев. История труда.
Ю. Борхардт. Экономическая история Германии. Часть I. Пер. К. Цедербаум. 1924 г.
Д. Петрушевский. Очерки по истории средневекового общества и государства. 5-е изд. 1922 г.
Н. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. Изд. «Прибой». 1924 г.
М. Стасюлевич. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том I.
М. Любавский. Лекции по древней русской истории. Изд. 2-е. 1916 г.
М. Вебер. История хозяйства. 1924 г.
Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. Пер. под ред. Д. Петрушевского. 1912 г.
Эшли. Экономическая история Англии до XIII в.
Т. Роджерс. История труда и заработной платы в Англии.
Ш. Бомон и Г. Моно. История Европы в средние века. Пер. под ред. О. Добиаш-Рождественской. 1915 г.
И. Кулишер. Лекции по истории экономического быта З. Европы.
И. Кулишер. Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII в.в. Изд. 1911 г.
И. Кулишер. Промышленность и торговля в Англии XVI века. Ст. в «Кн. для чт. по истории нов. времени». Т. II.
К. Каутский. Собрание сочинений. Томы III и IV.
К. Каутский. Томас Мор и его «Утопия». Пер. Генкеля. Изд. 1905 г.
К. Каутский. Колониальная политика в прошлом и настоящем.
Ф. Меринг. История Германии с конца средних веков. Пер. И. Степанова. 1924 г.
П. Ардашев. Абсолютная монархия на Западе.
П. Ардашев. Хрестоматия всеобщей истории. Ч. II. Эпоха абсолютизма и революции. 1915 г.
Н. Кареев. История З. Европы. Том. I.
А. Дживелегов. Торговля на Западе в средние века.
А. Кудрявцев. Английская революция. Изд. «Прибой». 1925 г.
А. Савин. Английская революция. 1924 г.
О. Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия.
Р. Виппер. Учебник новой истории. 2-е изд. 1907 г.
Р. Виппер. Четыре века европейской истории. 1924 г.
Р. Виппер. Происхождение христианства.
Н. Никольский. Иисус и первые христианские общины. 1918 г.
М. Туган-Барановский. Полит. экономия.
М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем.
Н. Рожков. Русская история в сравнит. историч. изложении. Томы VI и VIII.
А. Конради. История революций. Том I.

ОГЛАВЛЕНИЕ[1].

Стр.

Предисловие 3
Введение 7

Отдел I.

1. Основные эпохи в истории земли и время появления человека . . . 17
2. Первобытная хронология и древность человеческого рода *(Г. Обермайер)* 19
3. Техника каменных орудий в эпоху палеолита *(К. Вейле)* 21
4. Эпохи палеолита и неолита в России. *(В. Агафонов)* 22
5. Первобытные народы современности *(Э. Гроссе)* 25
6. Передвижения австралийцев *(К. Тахтарев)* 27
7. Палеолит у австралийских дикарей *(К. Тахтарее)* . . . . . —
8. Заботы о продовольствии у австралийцев *(К. Тахтарев)* 29
9. Хозяйство у лесных пигмеев и бушмен *(Г. Шурц)* 31
10. Хозяйство бродячих охотников *(К. Бюхер)* 33
11. О первобытном обществе . . . . . —
12. Тотемическое общество австралийцев *(К. Тахтарев)* 34
13. Власть в тотемическом обществе *(К. Тахтарев)* 36
14. Первобытные брачные и семейные отношения *(Ф. Энгельс)* 38
15. Первобытная орда и зарождение брака и семьи *(Г. Кунов)* 40
16. Мотивы возникновения экзогамии *(Г. Кунов)* 44
17. Пережитки беспорядочного полового общения в пределах СССР *(Н. Харузин)* 45
18. Групповой брак у гилляков *(Я. Штейнберг)* 47
19 Происхождение речи 49
20. Психический склад первобытного человека *(А. Погодин)* 51
21. Об уме дикарей *(Г. Спенсер)* 52
22. Представление о смерти у первобытного человека *(Г. Кунов)* 54
23. Пещерная живопись мадленской эпохи *(В. Никольский)* 56
24. Религиозно-практический характер стенной живописи *(Г. Обермайер)* . 59
25. Первобытная магия *(В. Никольский)* 60
26. Первобытная магия *(Е. Аничков)* 62
27. Пережитки обрядовой магии *(Е. Аничков)* . . . . . —
28. «Мана» *(М. Ковалевский)* 63
29. Тотемизм и его происхождение *(М. Ковалевский)* 64
30. Пережитки тотемизма у отсталых народностей с ССР (*Н. Харузин*) . 66
31. Пережитки тотемизма у культурных народов *(К. Тахтарев)* . . . . . —
32. Искусство эпохи палеолита *(И. Ранке)* 69
33. Искусство у современных дикарей *(Г. Обермайер)* 70
34. Связь первобытного искусства с потребностями жизни *(Г. Обермайер)* 73
35. Работа и ритм (*К. Бюхер*) 75
36. Ритм и песня (*К. Бюхер*) 77
37. Возникновение музыки *(К. Бюхер)* 79
38. Танцы дикарей *(Г. Шурц)* 80
39. От украшения к одежде (*Ю. Липперт*) 82
40. Костюм и климат *(Г. Шурц)* 85
41. Мода и ее социальное значение *(Г. Шурц)* 86
42. Первобытное жилище *(М. Гернес)* 87
43. Эпоха неолита 89
44. О возникновении родовой организации общества 91
45. Превращение тотемической организации в родовую *(К. Тахтарев)* . . 92
46. Зачатки земледелия и скотоводства (*Г. Шурц*) 93

[1] Статьи без указания их автора написаны составителем этой книги.

Стр.

47. Характер примитивного земледелия (*Э. Гроссе*) 94
48. Первобытное земледелие у якутов (*В. Серошевский*) 95
49. Женское земледелие и двойное хозяйство (*Г. Шурц*) 96
50. Материнский род (*Э. Гроссе*) 97
51. Родовая организация на островах Мортлок (*Э. Гроссе*) 98
52. Пережитки матриархата в Меланезии (*М. Ковалевский*) 99
53. Пережитки матриархата у древних славян (*М. Покровский*) . . . . . —
54. От женского к мужскому земледелию (*Г. Шурц*) 100
55. Земледелие у папуасов (*Н. Миклуха-Маклай*) 101
56. Приручение животных (*Ю. Липперт*) 102
57. Образ жизни степных кочевников (*К. Тахтарев*) 104
58. Земледелие, как основа дальнейшего развития (*Г. Шурц*) 105
59. Патриархат 106
60. Кувада (*К. Тахтарев*) 108
61. Патриархально-семейная община кочевников (*К. Тахтарев*) 109
62. Брак в родовом патриархальном обществе (*К. Тахтарев*) 111
63. Родовой строй у славян (*П. Милюков*) 114
64. Семья—род—племя (*К. Тахтарев*) 116
65. Род и племя (*Э. Гроссе*) 117
66. Род у кавказских горцев (*Н. Харузин*) 118
67. Родовое начало у киргизов (*Н. Гродеков*) 120
68. Промышленность у малокультурных народов современности (*К. Бюхер*) 121
69. Меновые отношения у малокультурных народов современности (*К. Бюхер*) 124
70. Меновые отношения среди кочевников (*К. Тахтарев*) 127
71. Имущественное неравенство и рабство у кочевников (*К. Тахтарев*) . . —
72. Культура конца неолита (*Г. Обермайер*) 129
73. Происхождение сельской общины (*К. Тахтарев*) 131
74. Возникновение частной собственности (*Ю. Липперт*) 132
75. Возникновение частной собственности на землю (*А. Тюменев*) . . . 133
76. Развитие рабовладения (*К. Тахтарев*) 134
77. Разложение рода у западных славян (*П. Милюков*) 135
78. Разложение рода у восточных славян (*В. Ключевский*) 136
79. Анимизм 137
80. Возникновение понятия о душе (*Г. Кунов*) 138
81. Пережитки анимистического мировоззрения (*Н. Никольский*) 140
82. Забота о мертвых (*Н. Никольский*) 141
83. Культ умерших (*Н. Харузин*) 144
84. От культа мертвых к культу предков (*Н. Харузин*) 146
85. Культ предков (*Н. Никольский*) 148
86. Культ предков у вотяков (*Н. Харузин*) 149
87. От культа предков к культу бога (*К. Тахтарев*) 151
88. Религия оседлых земледельцев (*К. Тахтарев*) 153
89. Быт древних германцев (*Юлий Цезарь*) 155
90. Быт древних германцев (*Тацит*) 156
91. Разложение земельной общины у германцев (*Ю. Борхардт*) 159
92. Война в жизни древних германцев (*С. Моравский*) 160
93. Возникновение крупного землевладения (*Ю. Борхардт*) 161
94. Экономический и социальный строй англо-саксов (*Д. Петрушевский*) . 162
95. Экономический и социальный строй салических франков (*Д. Петрушевский*) 165
96. Развитие феодальных отношений в Западной Европе (*П. Виноградов*) 167
97. Торжество боярщины над общиной (*Н. Павлов-Сильванский*) 170
98. Поместье и сельское хозяйство IX—XI в.в. (*И. Кулишер*) 173
99. Капитулярии Карла Великого об управлении императорскими имениями (из хрестоматии *М. Стасюлевича*) 175
100. Мэнор в Англии (*Эшли*) 178
101. Крестьянская община в мэноре (*Эшли*) 182
102. Экономический строй боярщины (*Н. Павлов-Сильванский*) 184
103. Ремесло в поместном хозяйстве (*И. Кулишер*) 185
104. Торговля в эпоху раннего средневековья (*И. Кулишер*) 188
105. Деньги в эпоху раннего средневековья (*И. Кулишер*) 192
106. Древне-славянские города (*П. Милюков*) . . . . . —
107. Возникновение ремесла и цехов (*К. Каутский*) 194
108. Цеховое ремесло (*М. Вебер*) 197
109. Городское хозяйство (*К. Бюхер*) 200
110. Торговая политика ремесленного города (*Г. Белов*) 202

Стр.
111. Феодальная система (*П. Бемон и Г. Моно*) 204
112. Феодализм в церкви (*П. Бемон и Г. Моно*) 210
113. Боярщина-сеньория и ее политическое значение (*Н. Павлов-Сильванский*) 211
114. Иммунитет в Удельной Руси (*Н. Павлов-Сильванский*) . . . . . —
115. Князья-феодалы в Удельной Руси (*Н. Павлов-Сильванский*) 213
116. Жалования и кормления (*М. Любавский*) 214
117. Нравы феодальной Руси (*Н. Павлов-Сильванский*) 216
118. Рост торговли во второй половине средних веков (*А. Дживелегов*) . . 220
119. Ярмарки (*А. Дживелегов*) 221
120. Ярмарка в Стаурбридже (*Т. Роджерс*) 223
121. Венеция (*А. Дживелегов*) 224
122. Ганза (*В. Михайловский*) 227
123. Новгородская торговля (*Н. Рожков*) 230
124. Вольный город Новгород (*М. Покровский*) 231
125. Коммунальное движение (*С. Лозинский*) 232
126. Борьба классов во Флоренции (*М. Покровский*) 233
127. Распад экономических и политических основ феодальной системы. (*П. Ардашев*) 236
128. Размеры и рост богатства на заре буржуазного общества (*М. Покровский*) 241
129. Сословная монархия (*Н. Кареев*) 242
130. Различие в политическом развитии Англии и Франции (*П. Ардашев*) 244
131. Разложение рыцарства (*К. Каутский*) 247
132. Разложение московского феодализма и закрепощение крестьян (*М. Покровский*) 249
133. Экономические причины крестьянских движений в XIII—XV в.в. (*К. Каутский*) 252
134. Причина крестьянской революции в Англии (*К. Каутский*) 253
135. Восстание Уота Тайлера (*Фруассар*) 255
136. Жакерия во Франции (*К. Каутский*) 258
137. Крестьянская война в Германии (*Ф. Меринг*) . . . . . —
138. Двенадцать тезисов (из книги *В. Циммермана*) 261
139. Крестьянское движение в эпоху «смуты» (*М. Покровский*) 265
140. Старые и новые пути на Восток (*Т. Роджерс*) 266
141. Географические открытия конца XV столетия и их последствия (*А. Дживелегов*) 269
142. Денежный капитал в XVI в. (*Р. Виппер*) 271
143. Колониальная политика Португалии и Испании (*К. Каутский*) . . . 274
144. Колониальная политика Нидерландов (*К. Каутский*) 276
145. Экономический рост Голландии (*А. Конради*) 278
146. Развитие торгового капитализма в Англии до XVII века (*И. Кулишер*) 279
147. Английская торговля в начале XVII в. (*А. Савин*) 282
148. Торговый капитализм в Московской Руси (*М. Туган-Барановский*) . . . 286
149. Зачатки капиталистического производства (*А. Дживелегов*) 288
150. Горное дело (*М. Покровский*) 291
151. Торговый капитал, как организатор производства и возникновение мануфактуры (*А. Тюменев*) 293
152. Меркантилизм (*Р. Виппер*) 296
153. Государственные мероприятия для развития торговли (*И. Кулишер*) . 298
154. Возникновение новых общественных классов (*Р. Виппер*) 301
155. Возникновение мануфактуры в России (*М. Туган-Барановский*) 302
156. Новая Европа (*Ф. Меринг*) 303
157. Рост французской буржуазии (*О. Тьерри*) 307
158. Ришелье о дворянстве (*П. Ардашев*) 310
159. Перерождение английского дворянства (*А. Конради*) 311
160. Новое дворянство и секуляризация церковного землевладения (*Н. Рожков*) 312
161. Система Людовика XIV (*Н. Кареев*) 314
162. Королевский приказ о снесении замков (Из книги *П. Ардашева*) . . . 315
163. Мысли Людовика XIV о королевской власти (*П. Ардашев*) 316
164. Отрывок из Боссюэта (учение о королевской власти) (*П. Ардашев*) . 317
165. Абсолютизм Тюдоров в Англии (*К. Каутский*) . . . . . —
166. Укрепление Московского абсолютизма (*М. Покровский*) 319
167. Нидерландская революция (*Р. Виппер*) 321
168. Голландская торговая республика (*А. Конради*) 324
169. Англия и Нидерланды (*А. Конради*) 327

Стр.

170. Абсолютизм в Англии и его противники *(Н. Рожков)* 328
171. Классы и партии в эпоху английской революции *(Н. Рожков)* 329
172. Пуритане *(Р. Виппер)* 331
173. Великая английская революция. *(Р. Виппер)* 332
174. Завершение и последствия англ. революции *(А. Кудрявцев)* . . . 338
175. Отрывок из Билля о правах 1689 года *(из книги П. Ардашева)* 339
176. Монотеизм 340
177. Дохристианские элементы в христианстве *(Р. Виппер)* 341
178. Палестина в эпоху Иисуса *(Н. Никольский)* 344
179. Хилиастические чаяния и коммунистические тенденции первоначального христианства *(К. Каутский)* 347
180. Характер ранне-христианского коммунизма *(К. Каутский)* 349
181. Превращение христианства в государственную религию *(К. Каутский)* 351
182. Средневековая церковь *(Ф. Меринг)* 353
183. Общий характер еретических движений в конце средневековья *(К. Каутский)* 355
184. Германия перед реформацией *(К. Каутский)* 357

Отдел II.

Справки по всеобщей истории 361
1. Что такое «доисторический период» в истории человечества . . . . —
2. Деление каменного века на периоды . . . . . —
3. Эпоха металла . . . . . —
4. Древнейшие центры человеческой культуры 362
5. Древняя Греция 363
6. Древний Рим . . . . . —
7. Арабы 364
8. Кельты 365
9. Арийцы . . . . . —
10. Германцы 366
11. Источники наших сведений о кельтах и германцах . . . . . —
12. Эпоха образования племенных государств . . . . . —
13. Меровинги и Каролинги 367
14. Католическая церковь и королевство франков . . . . . —
15. Возникновение современных европейских наций 368
16. Норманны . . . . . —
17. Феодализм 369
18. Крестовые походы . . . . . —
19. Борьба пап с императорами 371
20. Традиционное деление истории на периоды . . . . . —
21. Рост королевской власти . . . . . —
22. Сословное представительство в Англии и Франции 372
23. Парижская революция середины XIV века . . . . . —
24. Столетняя война. . . . . —
25. Эпоха Возрождения . . . . . —
26. Из истории России до конца XVI века 373
27. «Смутное время» на Руси . . . . . —
28. Группировка европейских держав в XVII веке 374
29. Тридцатилетняя война . . . . . —
30. Дворянство и монархия во Франции 375
31. Из истории еврейского народа . . . . . —
32. Сведения о жизни Христа 376
33. Мессия и Иисус . . . . . —
34. Христианство в Римской империи . . . . . —
35. Разделение церквей 377
36. Ереси . . . . . —
37. Реформация в З. Европе 379
38. Революционные течения германской реформации 380
Перечень заданий 383
Краткий словарь (геогр. и историч. термины, а также некоторые иностранные слова, требующие пояснения) 393
Перечень пособий 403

246847/990

Цена 2 р. 75 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
00008753011